

Русское общество истории и философии науки
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В НАУКЕ,
КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ**

Сборник научных статей

Москва
Издательство РОИФН
2023

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4
Р32

Рецензенты:

*Антоновский Александр Юрьевич, Институт философии РАН
Аршинов Владимир Иванович, Институт философии РАН*

Р32 Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме:
Труды IV Международной научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина,
Е.В. Сухановой. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и
философии науки», 2023. – 532 с. Режим доступа: <http://www.rshps.ru/books/rev-evo-2023.pdf>

ISBN 978-5-6047228-8-6

В книгу вошли статьи участников IV Всероссийской научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме», которая проходила 22–24 сентября 2023 г. на базе Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. На конференции рассматривались вопросы, связанные с философией, методологией и историей науки, философией медиа, педагогики и музейного дела, а также современными проблемами философской антропологии. Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6047228-8-6

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4

Оглавление

ЧАСТЬ 1. ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В НАУКЕ И ЕЁ ИСТОРИИ.....	10
Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. Об актуальности понятия «научное мировоззрение»....	10
Воробьев Д.В. Логика научного познания и проблема научного факта в методологии логического позитивизма.....	13
Герасимова И.А. Ресурсоэффективность. Ноосферный подход.....	17
Дорожкин А.М., Никифоров А.Л. Наука вчера и сегодня: плодоносна или цветonoсна?.....	21
Ершова О.В. Эволюция и революция в моделях развития науки.....	26
Князев В.Н. О статусе методологических конструктов в философии науки	29
Князева Е.Н. Экосемиотика на перекрестке исторических миров развития научного знания.....	33
Лисеев И.К. К проблеме смены цивилизационной установки развития общества....	38
Лисович И.И. Могила ученого раннего нового времени: между старой и новой эпистемой	40
Мусс А.И., Андреева Д.А. Назад к истории науки: почему методологическая позиция И. Лакатоса актуальна для сегодняшних исследователей.....	44
Невважай И.Д. О двух механизмах эволюции научного знания	48
Останина О.А. Цифровизация и образ науки	52
Соколова О.И. Об историко-философском ракурсе изучения понятия «неопределенность»	56
Стешенко Н.И. Формальная философия и понятие формальной модели философского текста.....	60
Струговщикова У.С. Учение Парацельса о сигнатурах в мирах живого.....	63
Шетулова Е.Д. Социальный контекст развития современной науки	66
ЧАСТЬ 2. АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМ. ПАМЯТИ В.А. КУТЫРЕВА	70
Бакурков А.А. Марксистская методология и коммунитаристская перспектива как основания сохранения человека в технообществе	70
Бирюков Н.А. Искусственный интеллект в современной практике традиционных религиозных конфессий.....	73
Бунин С.В. Религиозность в постсекулярном мире как способ сохранения человеческой идентичности	77
Глуздов Д.В. Искусственный интеллект: от протеза мозга к замене человека?	81
Корнева Ю.С. Формы «сокрытия пустоты» в традиционных культурах	85
Коротышева А.А. Аналитика и футурология информации.....	89
Малиновская Н.М. Антропоконсерватизм и этические революции	93
Маслов В.М. Философия: теория, практика, антропоконсерватизм	97

Суханова Е.В., Бурков А.Д. Бог из машины: взаимосвязь природного, человеческого и технического	102
Тарасов А.А. Книга «Социализм: между прошлым и будущим» (1990) как веха в развитии философии В. А. Кутырёва	106
Тяпин И.Н. Антропосоциоконсерватизм как модификация национальной идеи в России	110
Черникова И.В. Проблема эволюции человека в проектах гуманизма, трансгуманизма и постгуманизма	114
Шаталов-Давыдов Д.Ю. Техне и идеологии: интерпретируя мысль М. Хайдеггера	118
ЧАСТЬ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ТЕХНОНАУКИ	122
Алимов В.Ш. О специфике социальных противоречий общества технонауки.....	122
Анисимов И.М. Становление концепта наемничества: этико-правовой аспект	125
Антипов Г.А. Принцип дополнительности Н. Бора в социальном познании.....	129
Бекарев А.М. Некоторые социальные технологии управления.....	133
Бенар Н.В. Феномен имажинации в гуманитарном познании	137
Жаров А.М. Революционные процессы в эволюции	141
Игнатова Н.Ю. Эпистемическая ответственность инженера.....	144
Куликова Я.А. Цифровой субъект: философское и правовое осмысление в эпоху цифровой трансформации.....	149
Куртов С.Ю. Спиральная динамика как модель развития и методология трансформации социума	154
Латыпова А.Р., Лукьянов А.В. Идея революции в современном обществе: проблема философской концептуализации	158
Луппов М.А. Особенности развития культурного потребления письменных текстов и его перспективы в обществе технонауки	163
Мазанова А.Е. Этическое поле цифровизации образования и цифровые искажения учебного процесса.....	167
Орехов А.М. Институциональная эпистемология в аспекте переформатирования генеральной теории интеллектуальной собственности	171
Пак Г.С. Смена парадигм социально-гуманитарного знания как выражение общей логики развития науки	175
Репникова Н.А. К вопросу о современном состоянии метода моделирования в судебной экспертизе.....	179
Филиппов С.И. Лояльность и революционность национальных и региональных элит Российской Империи и СССР: общие условия и институциональные контексты	183

ЧАСТЬ 4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (К 160-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА АЛЕКСАНДРА II)	188
Бакулов В.Д., Силенко С.В. Отечественная модель классического исследовательского (Гумбольдовского) университета: исторические ретроспективы и новые перспективы.....	188
Галлямов Р.И. Должен ли университет быть свободен от политики? Ответ Дж. Дьюи	192
Дмитриев И.С. Почему Менделеев отказался работать в лаборатории Р. Бунзена? .	195
Жарова Е.Ю. Естественнонаучные лаборатории в университетах Российской Империи в пореформенное время	201
Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Студенческая наука в первой половине XIX в.: первые ученые степени, их статус и процедура обретения.....	205
Куприянов В.А. Зарождение идеи университета: философские дебаты об университете в начале XIX в.	209
Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Магистерские испытания по истории русского права на Русском юридическом факультете в Праге в 1920-е гг.....	214
Попов Д.С. Великодушие как кластерная эпистемическая добродетель в науке и образовании	218
Терехович В.Э. «Философия науки» для бакалавров нефилософских специальностей — ожидания и реальность	221
Чеботарева Е.Э. Перспективы гуманитарного образования в контексте проникновения искусственного интеллекта в образовательную среду	226
Чумакова Т.В. Модель исследовательского университета в высшей духовной школе Российской империи конца XIX – нач. XX вв.	229
Шапошникова Ю.В. Рождение университета: идея и контекст.....	234
Шиповалова Л.В. Проблемы современного исследовательского университета: о целях и средствах научного образования.....	238
ЧАСТЬ 5. ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ.....	242
Базаркина К.А. Современные проблемы принятия решений в условиях цифровой экономики	242
Бучирин В.Д. Будущее политической коммуникации: философский анализ развития социальных сетей	247
Васильева М.А. Проблема близости и дистанции в информационной культуре	251
Войцехович В.Э., Вольной И.Н., Малинецкий Г.Г. Трансформация мышления в информационную эпоху: от парадигмы Парменида к парадигме Гераклита.....	254
Даниелян Н.В. Идентичность человека в техном мире.....	258
Иванюгин П.С., Шестакова И.Г. Искусственный интеллект как фактор социальной трансформации общества: на примере кейса художники против нейросетей	261

Коваль Е.А. Эмоциональный технократизм: как большие данные трансформируют эмоциональные режимы?	265
Колесова О.В. Проблема творчества в цифровом обществе	270
Лауфер К.М., Панфёрова М.Н. Эволюция человека в эпоху тотального искусственного интеллекта	274
Можайко Е.М. Восприятие обществом цифровой формы жизни	278
Оконская Н.К., Ермаков М.А. Необратимый скачок скорости изменений цифровой экономики: возможные причины	282
Окшин Я.В. Эволюция поведения российских частных инвесторов	286
Погожина Н.Н. Влияние цифровой трансформации труда на рутинизированные практики и взаимодействие в научном сообществе	290
Сирота Н.М., Мохоров Г.А. Миросистема и миропорядок: тренды трансформации	294
Храмова Л.С. От анонимности к аутентичности: эволюция персональной идентичности в цифровом мире	298
ЧАСТЬ 6. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ.....	302
Порус В.Н. Политическая субъектность науки сквозь призму философии науки	302
Бажанов В.А. Информационные технологии в контексте политической философии науки	306
Жарков Е.А. Особенности политической субъектности науки в свете научной дипломатии	311
Масланов Е.В. Non-human акторы и научная политика	315
Тухватулина Л.А. Политическая субъектность науки и демократизация экспертизы	318
Шибаршина С.В. Анализ некоторых антисциентистских мотивов через призму поп-культуры	321
ЧАСТЬ 7. МОДЕЛЬ ВИХРЕВОЙ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ: PRO ET CONTRA.....	326
Батурин Ю.М. Турбулентность истории и строение времени	326
Вишняков Д.А. Модель вихревой динамики в оптике акторно-сетевой теории.....	329
Доброчеев О.В. Физическикие факторы вихревой исторической динамики	333
Кричевский С.В. О моделях вихревой динамики истории аэрокосмической техники и деятельности	337
Кузнецова Н.И. Применима ли модель «вихревой динамики» к историческому пониманию развития науки?.....	340
Кузьмин Ю.В. Выбор метафоры: вихри или фазовые переходы?	344
Минина Е.В. Роль научно-технического прогресса в формировании механизма волновой динамики исторического развития	348
Родный А.Н. Девиантное и квази-девиантное поведение ученых в социокультурных координатах	352

ЧАСТЬ 8. ВООБРАЖАЕМОЕ БУДУЩЕЕ. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА, ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМА И ДИВИНАЦИИ	356
Абрамычев М.М. (Анти)прогнозирование будущего: по ту сторону инструментальности человеческой жизни	356
Громов Б.Ю. Логико-онтологический параллелизм в предсказаниях будущего.....	360
Ковецкая А.О., Скорятина А.А. Культура отмены как феномен «удаления» субъекта из дискурса. Перспективы развития кэнселлинга в будущем.....	363
Мартиросян Л.В. Астрологический детерминизм	367
Симачевская И.В. Коммуникация и медиа. Возможность современной утопии.....	370
Теплов И.Г. Равенство символов в наследии постмодерна.....	374
ЧАСТЬ 9. ПОЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО	378
Асташова Н.Д. Экономика знания и творчество	378
Воронина Н.Н. Креативность и миф.....	382
Козлова Н.Ю. Идея концептуальной инженерии и ее теоретические истоки.....	385
Петрова И.Э., Ушакова Я.В. Междисциплинарность в исследовании креативности: перспективы и вызовы	388
Сахарова А.В. О неожиданном в науке: третий аспект креативности	392
Стрелков Е.М. Графический звук как приём метагеографии и фактор познания	396
Ткачев А.Н. Сомнение и единство в природе творчества	399
Фабрикант М.С. Дифференциация доверия в интернет-коммуникации: креативность как когнитивная «система 3».....	403
Фейгельман А.М. Кто делает случайные открытия или к вопросу о субъекте серендипности	407
ЧАСТЬ 10. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЛОГИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ (К 160-ЛЕТИЮ Г. РИККЕРТА).....	412
Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Цифровой этап исторического процесса как методологическая проблема философии истории	412
Верещагин О.А. Презентистская методологема и возвращение референциальности исторического сознания	416
Волков Ю.К. Исследовательские проекты «научной истории»: от антипозитивизма к историцизму	419
Кржевов В.С. «Логика культурного объяснения» в социально-историческом знании	422
Семенов Е.Е. Методологический потенциал цивилизационного подхода в исследовании феномена гражданского общества	425
Сыров В.Н. История и ценности: вопрос о субъективности в контексте развития философии науки.....	429

Силенко С.В. Ценностный контекст познания как условие смыслополагания в философии Г. Риккорта	433
ЧАСТЬ 11. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ	438
Касавин И.Т. Когнитивная демократия: критика и справедливость	438
Костина А.О. Публикационное смещение и внутринаучные факторы эпистемической несправедливости.....	442
Петров К.А. Проблема справедливости в биомедицине: несоизмеримость этического и эпистемического	445
Шевченко С.Ю. Наука и (меж)темпоральная справедливость	449
ЧАСТЬ 12. КОНФЛИКТ И УПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ.....	454
Козлова Ю.В. Урбанистические коммеморации: особенности внутренних противоречий	454
Кузнецова О.В., Кремнёв Е.В. Трансдисциплинарная регионология: эволюция и революция в регионологическом знании	457
Кузьмин В.Д. Конфликты современного миграционного сознания.....	461
Миркушина Л.Р. Риски возникновения социального конфликта в «умном городе».....	465
Савченко И.А. Евразийский город: от доместикации к демистификации.....	468
Трубина Н.А. Конфликт интерпретаций дискурса города	473
Шиманская О.К. Конфликт и управление как модели реализации религиозной политики	477
Широкалова Г.С. Студенческая молодежь столицы в локусе доверия/недоверия	481
Якова Т.С., Янглева М.М. Проблема темпоральности в социальном: «прошлое» vs «будущего» в контексте политической актуальности.....	486
ЧАСТЬ 13. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА ОПЫТА: ОТ НЕОКАНТИАНСТВА К ПОСТ-ПОСТ-ПОЗИТИВИЗМУ	492
Зиновьев А.О. Трансцендентальная философия и общество	492
Катречко С.Л. Кантовская метафизика возможного опыта и ее современное развитие в философии науки	496
Лебедева А.В. Понятие тождества в концепции А. В. Вейдемана	501
Мёдова А.А. Трансцендентальный субъект как внеопытное основание опыта.....	506
Мишагин П.А. Трансцендентальное сознание в зеркале феноменологического метода: особенности экспликации	511
Паткуль А.Б. Конституирование предметной области и историческая трансформация науки.....	515
Попов Д.Н. Научный перспективизм, феноменология и стратификация реальности	519

Шамарина Е.Т. Проблема «изменения смысла» в концепте конститутивных априорных принципов Майкла Фридмана	524
Шиян А.А.Метафизика опыта в феноменологической перспективе: априори Э. Гуссерля	528

Часть 1. Эволюция и революция в науке и её истории

УДК 001

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОНЯТИЯ «НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ»

Баранец Наталья Григорьевна

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Ульяновский государственный университет
E-mail: n_baranetz@mail.ru*

Верёвкин Андрей Борисович

*Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики
Ульяновский государственный университет
E-mail: a_verevkin@mail.ru*

Идейные блуждания последней четверти века привели к утрате из активного словаря отечественных исследователей понятия «научное мировоззрение». В публикации рассматривается спектр вопросов: когда и зачем было введена эта концепция, какая задача ставилась и какая идеология продвигалась её пропагандистами? Зачем понятия - «стиль научного мышления», «методологическое сознание учёных», «научная картина мира», «познавательная модель» появились в советском науковедении и эпистемологии? Разбираясь в феномене «научного мировоззрения», на какие моменты следует обратить внимание? Предложено атрибутивное определение этого концепта.

Ключевые слова: научно-философское мировоззрение, философия науки, стиль научного мышления, научная доктрина.

ON THE RELEVANCE OF THE CONCEPT "SCIENTIFIC WORLD VIEW"

Baranetz Natalia Grigoryevna

*Professor of the Department of Philosophy
Ulyanovsk State University
E-mail: n_baranetz@mail.ru*

Verevkin Andrey Borisovich

*Associate Professor of the Department of Applied Mathematics
Ulyanovsk State University
E-mail: a_verevkin@mail.ru*

The ideological wanderings of the last quarter of a century led to the loss of the concept of "scientific worldview" from the active vocabulary of domestic researchers. The publication addresses a range of questions: when and why was this concept introduced, what was the task and what ideology was promoted by its propagandists? Why did the concepts - "style of scientific thinking", "methodological consciousness of scientists", "scientific picture of the world", "cognitive model" appear in Soviet science studies and epistemology? What points should be paid attention to understanding the phenomenon of "scientific worldview"? An attributive definition of this concept is proposed.

Keywords: scientific and philosophical worldview, philosophy of science, style of scientific thinking, scientific doctrine.

Научное мировоззрение – общепризнанное понятие российской и советской философии XX века - почти не появляется в современных эпистемологических исследованиях. Как получилось, что столь востребованный эпистемологический концепт утратил своё значение?

Отчасти это произошло из-за перемены доктринально-идеологических предпочтений в отечественном философском сообществе. Разворот идейных ориентиров привёл к неизбежным изменениям в дискурсе и понятийном поле. Утрачен интерес к системным описаниям мышления учёных и дисциплинарных сообществ в значимые исторические периоды, дававшим основание для применения понятия «научное мировоззрение». В последнюю четверть века больший интерес у историков науки вызывают «малые истории», а философы науки, осваивая направления исторической и социальной эпистемологии, по преимуществу фокусируются на социально-коммуникативной проблематике. Почти не исследуются «внутренние мыслительные лаборатории учёных», способы видения учёными их предметной области и перспективы исследований, обусловленные глубинными философско-доктринальными убеждениями. Среди молодых учёных - преимущественно гуманитариев и философов – стали популярны антисциентистские идеи, установки гносеологического релятивизма и скептицизма. Действующее поколение математиков и учёных-естественников в своей массе равнодушно к философско-познавательным проблемам. Всё это привело к недооценке значимости научного знания и выпадению из употребления идеи «научного мировоззрения». Сам феномен «научного мировоззрения» порою определяется как «миф», «идеологический штамп», а доверие к науке представляют «исторически скомпрометированным».

Понятие «мировоззрение» создали немецкие романтики начала XVIII века. Оно есть в работах Канта, но без разграничения от «миросозерцания». Гегель в своих трудах использовал линейку концептов – «моральное, религиозное и теоретическое мировоззрение». Сторонники иррационалистической философии использовали это понятие-образ для определения ненаучных способов видения мира – религии, поэзии и метафизики. А позитивисты писали о «научном миросозерцании» как синониме научного мышления.

В отечественной философско-публицистической мысли последних десятилетий XIX и начала XX веков, концепты «мировоззрение», «философское мировоззрение», «миросозерцание», «научно-философское миросозерцание», «научное мировоззрение» присутствовали весьма широко. Философы позитивисткой, неокантианской и идеалистической линий в начале XX века заимствовали их при обучении в немецких университетах, готовясь к защите докторских работ во время заграничных командировок. В журналах «Вопросы философии и психологии» и «Логос» эти понятия часто встречаются при описании философских идей разных направлений. Выступая на научных мероприятиях - съездах и конференциях, читая научно-популярные лекции, отечественные учёные (Н.В. Бугаев, А.И. Бачинский, Н.А. Любимов, А.А. Марков, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, Н.А. Умов) продвигали идеологию сциентизма. Описывая присущие научному мышлению особенности, демонстрируя формирование нового способа мышления - этапа в развитии своей дисциплинарной области, они использовали концепты «научное миросозерцание» и «научное миропонимание». Активной пропаганде понятия «научное мировоззрение» мы обязаны В.И. Вернадскому, который дал цикл лекций и опубликовал на их основании работу «Научное мировоззрение» (1902-03). Вернадский описывал научное мировоззрение как совокупность представлений о мире, разделяемых большинством учёных той или иной эпохи. Научное мировоззрение - это научный способ постижения мира, основанный на научном методе и особом отношении учёного к своему предмету.

Традиция применения концептов «миросозерцание», «мировоззрение» (в смысле «философского взгляда») и «научное мировоззрение» при анализе философских идей сохранялась в советской философии в 1920-50-е годы. Но в 1960-80-е годы более изучалось мировоззрение в целом и его структура, выделялись его философский, религиозный, житейский типы. Для характеристики мышления учёных в советском науковедении был предложен спектр понятий - «стиль научного мышления», «методологическое сознание учёных», «научная картина мира», «познавательная модель». Несомненно, здесь была своя целесообразность - необходимо было подчеркнуть изменение способов представления реальности, исследовать её с учётом влияния предмета исследования и методов, при этом - учесть дисциплинарную принадлежность. Особое место занял концепт - «стиль научного мышления» - один из гносеологических инвариантов научного мышления, нормативно регулирующей и стабилизирующей его.

К понятию «научное мировоззрение» с 70-х годов XX века прибегали довольно редко. Оно считалось обозначением специфического мышления, присущего естествоиспытателям. Зачастую так полагали сами учёные, высказывавшиеся об истории и методологии науки. Следует вспомнить дискуссионную статью И.Р. Шафаревича «Из истории естественно-научного мировоззрения» (2000), где он критиковал механистический способ мышления, отождествляя его с естественнонаучным мировоззрением вообще, и надеялся на формирование нового научного видения мира. Основными положениями господствующего естественнонаучного мировоззрения он считал: признание существования лишь небольшого количества точно формулируемых законов природы - с ними появилась возможность предсказывать природные феномены и управлять ими; эти законы открыты в эксперименте и наблюдении - базовых научных методах получения нового знания; убеждение, что эксперимент обеспечивает объективность научного знания. Вероятно, на размышления о естественнонаучном мировоззрении Шафаревича вдохновляли его религиозные взгляды и антисциентистские предчувствия, а также - ощущение замедления развития науки в целом и его предпочтение эстетического критерия оценки научного труда прагматическому.

Приходится печально констатировать, что в современных философских словарях понятия «научное мировоззрение» и «естественно-научное мировоззрение» отсутствуют. Нет статьи о «научном мировоззрении» ни в «Новой философской энциклопедии» (на сайте Института философии РАН), ни в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009). В этих справочниках есть только статья Т.И. Ойзермана «Мировоззрение», в которой после краткого описания использования концептов «мировоззрение», «миросозерцание» в XVIII-XIX веках «научное мировоззрение» упоминается наряду с религиозным и нравственным. Ойзерман полагал, «что мировоззрение складывается из убеждений», которые могут быть истинными или мнимыми, обоснованными или необоснованными. Научные убеждения складываются в процессе развития самих наук и характеризуют сущность природных и социальных явлений, а делаемые обобщения выходят за пределы специальной области научных знаний. Кажется, единственная попытка уточнить содержание понятия «научное мировоззрение» присутствует лишь в словаре «Философия науки» С.А. Лебедева (2004). Причём, определение здесь выглядит формально, хотя в нём и учтены аспекты дисциплинарной ориентированности, исторической изменчивости и особенность понимания реальности.

На какие моменты следует обратить внимание, давая определение феномену научного мировоззрения? Стоит отметить, что это - разновидность общего понятия мировоззрения, наряду с религиозным и философским (метафизическим / диалектическим, идеалистическим / материалистическим). Кроме того, необходимо

подчеркнуть временную принадлежность явления, поскольку способы мышления учёных XVI-XVIII и XIX-XX веков существенно различаются. Важно найти ориентирующие онтологические и познавательные убеждения учёных, влияющие на их научный поиск. И, наконец, стоит учесть объединяющую ценностно-мотивационную компоненту, выражающуюся в предпочтении сциентизма, в чествовании достижений науки. Нужно уточнить, что не все учёные имеют выраженное научное мировоззрение. В силу личной истории они могут профессионально заниматься наукой, но при этом быть носителями религиозного мировоззрения. Однако их чисто научную деятельность могут направлять научные доктрины и, естественно, парадигмы и исследовательской программы. Напомним, что научная / дисциплинарная доктрина – это концепции дисциплинарного сообщества, задающие представление учёных о предмете, направлении и способах научного поиска, определяющие оценку научных идей. Доктрины включают в себя не только научные гипотезы, теории и методологические принципы, но также философско-методологические и ценностные компоненты.

Предлагаем такую версию атрибутивного определения: *научное мировоззрение – это особый уровень в мировоззрении учёных, который проявляется в объединяющем их способе представления реальности, в приёмах и установках на её исследование и способах оценки познавательной деятельности, в общности системы ценностей и регулятивов профессионального поведения, принятых в определённый исторический период и в группе научных дисциплин* (естественнонаучных или гуманитарных). Для носителей современного научного мировоззрения характерно признание реальности исследуемого объекта – научный реализм. Он сочетается с объективной установкой, то есть, - непредвзятостью в анализе исследуемого объекта. По-прежнему важное значение имеет интуитивно принимаемая корреспондентская концепция истины, в соответствии с которой универсальным идеалом науки является соответствие научных положений описываемой ими реальности, уточняемая требованием внутренней согласованности утверждений и их практической полезностью. Признаётся своеобразная иерархия убедительности способов обоснования знания (так, эмпирическое обоснование предпочтительнее теоретического, а теоретическое обоснование «надежнее» контекстуального). Объяснительные теории ценятся выше, чем описательные, которые в свою очередь предпочтительнее простой систематизации и классификации исследуемых объектов.

Нужно ли пытаться вернуть понятие «научное мировоззрение» в философско-публицистический дискурс и в эпистемологические исследования? Мы полагаем, что это возможно и своевременно. Во-первых, это важно для пропаганды научного взгляда на мир, во-вторых, необходимо для изучения влияния научно-мировоззренческих убеждений на внутренние аспекты научного поиска и на социальное поведение учёного, выступающего от имени своей дисциплинарной группы и науки в целом.

УДК 1(091); 167

ЛОГИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ФАКТА В МЕТОДОЛОГИИ ЛОГИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Воробьев Дмитрий Валерьевич

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: phil30@mail.ru*

Реформирование социально-гуманитарных наук, предложенная неокантианцами, не могла не повлиять на методологические установки новых научных направлений, к числу которых относится логический позитивизм, в рамках которого возникает проблема научного факта и его фиксации в языке. Эта задача становится одной из центральных. Настоящая статья посвящена исследованию двух ключевых понятий, возникших в рамках логического позитивизма. Рассматривается точка зрения, согласно которой атомарный факт представляется как простейшее чувственное восприятие, которое еще можно как-то высказать посредством простых (атрибутивных или реляционных) суждений. В то же самое время атомарный факт рассматривается как неделимая порция чувственных восприятий, в том самом смысле, что то, на что она будет поделена, вообще никак нельзя выразить. В свою очередь, атомарное предложение рассматривается как простейшее суждение, посредством которого еще можно выразить атомарный факт. Значимость рассматриваемых понятий обусловлена, прежде всего, тем, что они, с точки зрения логических позитивистов, лежат в основе *верификации*. Метода проверки общих теоретических положений (знаний), сведенных посредством дедукции к атомарным предложениям, на их достоверность и, таким образом, научность.

Ключевые слова: атомарные предложения, атомарные факты, атрибутивное суждение, эмпирическое наблюдение.

THE LOGIC OF SCIENTIFIC COGNITION AND THE PROBLEM OF SCIENTIFIC FACT IN THE METHODOLOGY OF LOGICAL POSITIVISM

Vorobev Dmitry Valerievich

DSc in Philosophy, professor of the Chair of philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: phil30@mail.ru

The reformation of the social and humanitarian sciences, proposed by the Neo-Kantians, could not but affect the methodological guidelines of new scientific directions. These scientific directions include logical positivism, within which the central problem of scientific fact and its fixation in language arises. The present article is research of two key concepts which arose within logical positivism. The point of view corresponding to which, the atomic fact is the elementary sensory perception which else can be stated somehow by means of simple (attributive or relational) judgments is researched. At the same time the atomic fact, is considered as an indivisible portion of sensory perception, in that sense, something, on what it will be divided – in general in any way it is impossible to express. The atomic offer is considered as the elementary judgment, by means of which can be expressed the atomic fact. The importance of the researched concepts is caused by that they, from the point of view of logical positivists, are the cornerstone of verification method. The method of verification is method of check of the general theoretical provisions reduced by means of deduction to atomic offers on their reliability and, thus, scientific character.

Keywords: atomic offers, atomic facts, attributive judgment, empirical observation.

Антипозитивистская программа реформирования социально-гуманитарных наук, предложенная неокантианцами, не могла не повлиять на методологические установки новых направлений сциентизма первой четверти двадцатого столетия. К их числу, прежде всего, относится логический позитивизм, в рамках которого проблема научного факта и его фиксации в языке становится одной из центральных.

Обзор современной отечественной и зарубежной литературы приводит нас к выводу, что наиболее употребляемое и потому чаще всего встречаемое определение логического позитивизма говорит нам о том, что согласно этой концепции, мир наших чувственных восприятий всегда можно представить, как совокупность эмпирически наблюдаемых фактов, которые всегда могут быть нами выражены в элементарных предложениях [Поппер 2004, с. 74]. В так называемых атомарных или протокольных предложениях [Юлов 2007, с. 519]. То есть именно факты служат предметами приложения атомарных суждений [Поппер 2010, с. 32]. Предметами их выражения [Зотов 2014, с. 613].

Но что следует понимать под термином «факт»? Факт – это что? Понятно, что если мы говорим о мире эмпирических фактов, то факт в данном случае – это то, из чего этот мир состоит. Иными словами, факт – *это то, что дано в наших чувственных восприятиях*, поскольку мир наших чувственных восприятий и мир эмпирически наблюдаемых нами же фактов – это суть то же самое. Очень часто в своей повседневной обыденной жизни мы говорим, что «факты – это упрямая вещь», что «факты никогда не врут». Что «никуда против них не пойдешь, против фактов». И что «факты всегда говорят за сами себя». Но что это значит? Что означает, что факты не врут? Можно при этом сказать, что под фактами следует понимать то простейшее чувственное восприятие, которое (в силу ее простоты) можно трактовать только так и никак иначе. Здесь сразу же хочется сделать акцент на слово «простейшие». Они должны быть именно простейшими, поскольку сложные восприятия привносят некую сложность в само их понимание, создавая тем самым возможность трактовать их по-разному. Возможность в различном их понимании. Словом, чем проще, тем лучше.

Все более-менее сложные восприятия никогда не исключают такую возможность. И совсем другое дело, если, к примеру, я вижу красную тонкую линию, начертанную карандашом, а затем говорю: «это есть тонкая линия». Таким образом, я вкладываю в это явление какое-то конкретное и единственное содержание. Понимать это как-то иначе и говорить, что эта линия толстая или, к примеру, зеленая я не могу. Другой пример – вы срываете яблоко и откусываете его, вам становится сладко. То, что вам сладко – это есть факт, который следует понимать только так и ни как иначе и в который следует вкладывать только одно содержание. Если вам сладко, вы же не будете утверждать, что вам горько (если вы, разумеется, не патологический врун). Так вот, *сладкость* спелого яблока и *тонкость* линии – это и есть те простейшие и элементарные чувственные восприятия, которые можно лишь понимать только так, а не как-то иначе, и которые, таким образом, подпадают под категорию факта.

Еще один термин, который часто используют сторонники логического позитивизма – это термин «атомарные факты». Но что это значит? Сам термин «атомарные факты» уже говорит нам о том, что речь здесь идет о самом простейшем. О тех минимальных и неделимых порциях, из которых и состоят наши чувственные восприятия. Сторонники логического позитивизма говорят нам о том, атомарный факт – это то самое малое в мире эмпирически наблюдаемых нами фактов, та самая минимальная его порция, которую еще как-то можно выразить посредством простого атрибутивного суждения. Выразить в простом атрибутивном суждении. Или, другими словами, в форме простого атрибутивного суждения.

Отсюда становится ясно, почему минимальная и неделимая порция, которую представляет собой атомарный факт, всегда неделима. Она неделима не в том самом смысле, что ее вообще нельзя поделить. Поделить ее, конечно же, можно (поделить, разумеется, мысленно, речь ведь не идет о ее физическом делении). Она неделима в том самом смысле, что то, на что она будет поделена, это «что-то» уже нельзя будет выразить в простейшем суждении. Но следует ли из этого то, что то, на что она будет поделена, вообще никак нельзя выразить? Наш здравый смысл говорит нам о том, что каждую часть такой минимальной и неделимой порции, полученную в ходе такого деления, всегда можно выразить. Ее можно выразить каким-то абстрактным понятием. Словом, их, эти части, всегда можно выразить, но уже не через посредство простого суждения, а лишь посредством тех самых абстрактных понятий, из которых эти суждения и состоят. Но так ли это, давайте посмотрим.

Рассмотрим довольно банальный пример, который описывает стандартную ситуацию, и в котором ставится цель, проверить на соответствие с наблюдаемыми нами фактами довольно-таки простое суждение. А именно: «температура в комнате равна

14°C». И хотя такое суждение не подпадает под категорию простого атрибутивного суждения, оно является тем, что мы называем «простейшим суждением». То, что такое суждение относится к классу простейших, следует в силу хотя бы того обстоятельства, что его нельзя разложить на ряд других простейших суждений. Его можно лишь разложить на ряд абстрактных понятий. Таких как: «комната», «температура», «равно», «14°C». Не у кого, разумеется, не вызывает сомнения и то, что предметом такого суждения или, точнее сказать, предметом его приложения, является единичный факт, который следует понимать только так, а не как-то иначе. Если мы войдем сейчас в эту комнату и там увидим термометр, столбик которого показывает нам отметку в 14 градусов, у нас никогда не возникнет желания понимать это как-то иначе и говорить, что столбик находится на отметке 10, 16, 17, или вообще нигде, никогда и никак не находится.

Теперь попробуем мысленно разделить этот факт на ряд его составляющих компонентов. Наш здравый смысл говорит нам о том, что каждому из таких элементов должно соответствовать, по крайней мере, хотя бы одно из тех указанных выше понятий, которые в своем сочетании образуют суждение: «температура в комнате равна 14°C». Одному элементу должно соответствовать понятие «комната», другому – «равно», третьему – «градусы». Но так ли это, давайте посмотрим.

При более пристальном и внимательном рассмотрении становится очевидным, что большинство из таких элементов просто не существуют в реальности. В реальности эмпирически наблюдаемых фактов не существует объектов, которые могли бы стать предметами приложения таких понятий, как: «температура», «градусы» или «равно». Но не лучше дела обстоят и с оставшимися элементами. И хотя реальность существования таких других элементов не вызывает сомнений, реальность их отношений с указанными ранее понятиями, как говорится, стоит под вопросом. При более тщательном рассмотрении становится очевидным, что ни один из таких элементов не соответствует, в частности, ни одному из рассмотренных выше понятий. Равно, как и ни одному из абстрактных понятий вообще.

Почему? А все очень просто. Потому, что в реальности эмпирических фактов нет таких единичных фактов, которые можно было бы выразить через понятия «комната», «четырнадцать». Ведь, как известно, предметами приложения понятий служат не единичные факты – за редким разве что исключением, когда речь идет о, так называемых, единичных понятиях – а их классы и множества. Либо же отношения между этими классами. И что получается? Если понятие «комната» как-то еще соотносится с реалиями нашей действительности через конкретный класс единичных и эмпирически наблюдаемых фактов (через класс, закрепленный за этим понятием в виде его денотата-объема-значения), то понятия «температура» и «градусы» явно не обладают подобной возможностью. В реальности эмпирических фактов просто не существует таких объектов: ни в виде классов, ни в виде конкретных и единичных фактов, которым бы соответствовали эти понятия.

Итак, что мы имеем? А имеем мы то, что нас вряд ли может обрадовать. Как только мы разбиваем атомарный факт на ряд его составляющих элементов, то вдруг обнаруживаем, что какая-то часть составляющих попросту не существует реально. Другая же часть таких составляющих элементов обладает реальным существованием. Они существуют в качестве единичных и эмпирически наблюдаемых фактов, но при этом не могут быть выражены. Причем, вообще и никак. Не только посредством суждений, но даже посредством абстрактных понятий. И это все происходит на том простом основании, что единичные факты не могут служить предметами приложения абстрактных понятий. Предметами их приложения могут быть только их классы и множества (за редким опять-таки исключением). Единичные факты, как говорится,

не могут быть наименованы [Витгенштейн 2009, с. 175]. Наименованы – могут быть только их классы и множества.

Таким образом, в указанное ранее определение атомарного факта можно внести коррективу. К примеру, сказать, что минимальная и неделимая порция этого мира, которую представляет собой атомарный факт, неделима не в том самом смысле или, точнее сказать, не только лишь в том самом смысле, что то, на что она будет поделена, уже нельзя будет выразить простым атрибутивным суждением. Она неделима в том самом смысле, что то, на что она будет поделена, вообще никак нельзя выразить. Ее нельзя будет выразить не только через посредство простого суждения, но и через посредство простого понятия. То есть, как говорится, вообще и никак [Воробьев 2016, с. 102].

Список литературы

1. Витгенштейн 2009 – Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 гг. М.: Канон, 2009. 400 с.
2. Витгенштейн 2011 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон, 2011. 288 с.
3. Воробьев 2016 – Воробьев Д.В. Конвенционализм и инструментализм в свете теории научно-исследовательских программ Имре Лакатоса // Философия науки и техники. М., 2016. Т. 21. №2. С. 97-110.
4. Поппер 2004 – Поппер К. Предположение и опровержения. М.: АСТ, 2004. 638, [2] с.
5. Поппер 2010 – Поппер К. Логика научного исследования. М.: АСТ, 2010. 565, [11] с.
6. Зотов 2014 – Зотов А.В. – Философия: учебник / под. ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. М.: Проспект, 2014. 672 с.
7. Юлов 2007 – Юлов В.Ф. История и философия науки: учебное пособие. Киров, 2007. 579 с.

УДК 167.7

РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТЬ. НООСФЕРНЫЙ ПОДХОД

Герасимова Ирина Алексеевна

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: home_gera@mail.ru

Наука как когнитивное благо – одна из актуальных тем социальной эпистемологии. В статье данная проблема обсуждается в контексте ресурсоэффективности. Установка на ресурсоэффективность в инженерной среде мыслится как основа материальной культуры. Выделяют пять основных видов ресурсов - материальные, финансовые, трудовые, временные, информационные. Информационно-коммуникационные ресурсы играют ключевую роль в цифровом обществе. Анализ проблемы науки как когнитивного блага приводит к выделению когнитивных ресурсов и моральных ресурсов. Когнитивные ресурсы в науке связаны с интеллектуальным потенциалом коллективов исследователей, отдельных ученых и инженеров. В случае этики науки, роли ответственности за порождение замыслов, проводимые исследования и их последствия можно поставить вопрос о моральных ресурсах. Материальные ресурсы зависят от инструментального обеспечения исследований. Проблема материальных, финансовых, трудовых, временных, информационно-коммуникационных, когнитивных и моральных ресурсов имеет социально-философское измерение. Ставится

проблема сбалансированного сочетания всех основных ресурсов в науке и инженерии. В статье обсуждаются критерии эффективного задействования потенциала когнитивного ресурса в науке. Даются характеристики экосистемного человека и техносферного человека. Проблема когнитивных ресурсов обсуждается на примерах сотрудничества ученых и представителей традиции.

Ключевые слова: ресурсоэффективность, материальная культура, ноосфера, экосистемный человек, техносферный человек, когнитивные ресурсы.

RESOURCE EFFICIENCY. NOOSPHERIC APPROACH

Gerasimova Irina Alekseevna

DSc of Philosophy, Chief Research Fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: home_gera@mail.ru

Science as a cognitive good is one of actual problem of social epistemology. Article discusses this issue in the context of resource efficiency. Setting for resource efficiency in an engineering environment is conceived as the basis of material culture. There are five main types of resource – material, financial, labor, temporary, information. Information and communication resources play a key role in the digital society. The author highlights cognitive and moral resource. Cognitive resource in science are associated with intellectual potential of teams of researches, individual scientists and engineers. The author raises the problem of responsibility for the generation of ideas, ongoing investigations and their consequences. Material resources depend on research instrumentation. The problem of material, financial, labor, temporary, information, communication, cognitive and moral resources has a socio-philosophical dimension. The author poses the problem of a balanced combination of the main types of resources. The article discusses the criteria for the effective use on the potential of a cognitive resource in science. The author gives the characteristics of the ecosystem and technosphere man. The problem of cognitive resources is discussed on the example of cooperation between scientists and representative of the tradition.

Keywords: resource efficiency, material culture, noosphere, ecosystem man, technosphere man, cognitive resources.

Восьмой номер журнала «В мире науки» за 2016 г. посвящен научным достижениям Томского политехнического университета, который свою миссию как современный научно-исследовательский вуз определил в ресурсоэффективности как мировоззрении. В статье ректора ТПУ П.С.Чубика миссия университета поясняется так: «Повышать конкурентоспособность страны, обеспечивая подготовку инженерной элиты, генерацию новых знаний, инновационных идей и создание ресурсоэффективных технологий» [Чубик 2016, с. 3]. Стереотипичное представление об эффективности ориентируется на три позиции – быстрее, лучше (качественней) и дешевле. Менеджеры и экономисты делают акцент на «быстрее» и «дешевле», ответственные экологи и инженеры заинтересованы в качестве. Оптимально, ресурсоэффективность предполагает «возможность получения более быстрого, качественного и дешевого результата при меньших затратах ресурсов» [Чубик 2016, с. 3]. При цифровых технологиях проблема сочетаемости трех позиций считается вполне решаемой. Разработка и внедрение ресурсоэффективных технологий включает пять основных видов ресурсов: материальные, финансовые, трудовые, временные и информационные. Курс на ресурсоэффективность в инженерном деле мне представляется разумным и отвечающим заботам времени рисков техносферной цивилизации. Профессор П.С.Чубик как мудрый руководитель справедливо считает, что ресурсоэффективность – это культура, которая воспитывается с детства, и тем более, в вузе. Петр Савельевич по-русски соединяет два смысла понятия «пользы» как блага и как выгоды, утверждая: «Это двуединство представляется мне ключевым условием в формуле ресурсоэффективности. Мы делаем и то и другое. Благо – для человека и общества, выгода – для университета. Можно

сказать, Томский политехнический университет – это университет по производству пользы для человечества» [Чубик 2016, с. 7]. Примечательно, что проблема науки как когнитивного блага активно обсуждается философами [Касавин 2021].

Следуя идеологии ресурсоэффективности, можно поставить вопрос о культуре более широко, не ограничиваясь материальной культурой, и, соответственно, разработкой технологий. Ноосферный взгляд на культуру ставит в фокус внимания человека, особенности его ресурсного потенциала в данное историческое время. Разнообразные виды ресурсов взаимосвязаны, при ведении научных работ и разработке технологий важно их сбалансированное сочетание. В науке и инженерии как творческих сферах культуры **материальные ресурсы** связаны с приборным инструментарием, энергозатратами, экспериментальными установками и пр. Вопрос о **финансовых ресурсах** наводит на проблемы науки и власти, науки и бизнеса, управления наукой, менеджериализма. **Трудовые ресурсы** предполагают решение вопросов кадров и организации труда. Перманентные перестройки образования к улучшению его качества не привели. Политика в образовании и науки должна согласовываться с компетентным мнением ученых и преподавателей. **Временные ресурсы** в условиях ускорения инновационного развития и рисков – злободневный вопрос. Насколько вероятна качественная «скоростная наука», «скоростное образование»? [Герасимова 2018]. Ускорение темпов жизненных процессов диктует интенсификацию умственной деятельности, но это вопрос фундаментальный в когнитивном отношении. Что значит мыслить быстрее и, одновременно, продуктивней? **Информационные ресурсы** с жизни научных коллективов связаны с теоретическим и эмпирическими уровнями научного исследования, доступностью информации и коммуникаций. Без свободного обмена мнениями на конференциях и в сетях информационный обмен затруднен. Можно уточнить информационные ресурсы как **коммуникационно-информационные**.

Коммуникационно-информационные ресурсы (в совокупности с перечисленными) нерасторжимо связаны с **моральными ресурсами** и **когнитивными ресурсами**. В условиях кризиса и «накопленного экологического ущерба» резко встает вопрос об ответственности за последствия внедрения технологий. Ответственность за ложную информацию, качество продукции, последствия внедрения непроработанных технологий можно регулировать правом, но для ноосферного ученого (если мы мыслим образцы такой деятельности) этого недостаточно. Главное – внутренняя этика. Выход из кризисного тупика может быть осуществлен только воспитанием внутреннего чувства ответственности. В условиях глобального кризиса ответственность возрастает до планетарных масштабов [Герасимова 2021]. Мысль о благе для человечества не ограничивается созданием новой эффективной технологии. Можно приветствовать достижения ТПУ в области космического материаловедения, промышленной томографии как «неразрушающего контроля», ядерной технологии для медицины, экоэнергетики. Благо для человечества предполагает, но не сводится к новым возможностям познания и творчества, комфорту существования, решения проблем со здоровьем, обеспечения продолжительности жизни. Вопрос о благе – гуманитарный. Социальная эпистемология вносит свою лепту в обсуждения вопроса о благе, но и этого недостаточно. Вопрос о благе имеет экзистенциальные основания, связанные с развитием человечества и эволюцией его сознания. Последнее предполагает ответы на фундаментальные вопросы о смысле жизни и назначении человека на Земле. Социогуманитарная экспертиза инновационных проектов должна включать вопрос о благе новой технологии для развития человека и улучшения жизни.

Ноосферный потенциал когнитивных ресурсов обнаруживается при сравнительном анализе опыта и достижений разных культур и традиций. Есть примеры полезного сотрудничества науки и традиции по вопросам охраны природы, сохранения

биоразнообразия, ведения рационального хозяйства. Открытая рациональность (В.С. Швырев) – положительный шаг в диалоге и сотрудничестве науки с внеаучными сферами культуры.

Приведу пример из области экологии. Опыт бережного и разумного отношения этносов к природе, ведения сельского хозяйства становится зоной соприкосновения, диалога и сотрудничества традиции и науки. На Земле еще остались островки ведения натурального хозяйства (горные районы Алтая, Гималаев, глубины Тропической Африки). Экологи выделяют тип *биосферного человека* и тип *экосистемного человека* (Raymond Dasmann, один из основателей природоохранного движения) [Гаджил 2000]. Я бы сказала точнее – не биосферного, а *техносферного человека*. За названием «биосферный человек», на самом деле, кроется типичный представитель техногенной цивилизации. В отличие от техносферного восприятия природы как ресурса, безжалостно используемого в коммерческих, хозяйственных и туристических целях, «экосистемные люди» ассоциируют свое социальное тело с окружающей средой – лесом, водоемами, горами. Экосистемность предполагает эмпатическое чувство единения с целым, чего не хватает рациональным техносферным людям. В когнитивном отношении именно дорефлексивное целостное чувство позволяет улавливать суть возникающей проблемы, не выстраивая многочисленные модели на частных параметрах. В данном случае можно поставить вопрос о когнитивной расточительности.

Техносферные люди потеряли чувствительность к среде, для них экосистемные люди примитивны, и, как правило, дешевая рабочая сила. Техносферный человек стал технозависимым, привык к благам техногенного мира, постоянной смене иницилируемых инновационной политикой потребностей и удовольствий. Экогеосистемные люди особо почитают неприкосновенные места – священные рощи и священные водоёмы, в которых сохраняется биоразнообразие и ставшие ныне редкими виды растений и живых существ. Экосистемные люди поколениями учились наблюдать за окружающей средой и жить с ней в гармонии. Люди природы выступают против разработки нефтеносных песков в Канаде, замены влажных тропических лесов на плантации масличной пальмы в Индонезии, широких туристических программ в заповедниках Алтая, загрязнения и коммерческого использования пресной воды Байкала.

Противоречия между экосистемным и техносферным типом людей воспроизводятся как противоречие между естественными и искусственными ресурсами. Приведу примеры эффективного сотрудничества науки и традиции. Внесение химических удобрений – один из эффективных способов повышения урожайности в техносферной цивилизации. С 1950-х гг. внесение азотных удобрений (на основе аммиака или мочевины), полученных из продуктов нефтепереработки, за несколько десятилетий увеличило мировое производство сельскохозяйственной продукции на 400%. Этот факт назвали «зеленой революцией». Однако есть обратная сторона медали. Злоупотребление и неразумное использование химических удобрений приводит к деградации почв, опустыниванию земель, к отравлению и исчезновению пчел, росту вредителей. Часто именно проблемы с финансовыми ресурсами (невозможность оплатить кредиты) заставляют фермеров возвращаться к естественному земледелию. Совместно с американскими учеными реализуются проекты восстановления почв путем выращивания многолетних растений (деревьев, кустарников и травянистых растений из семейства бобовых) среди продовольственных культур. Этот метод относится к серии стратегий под названием «перенниация» [Гловер, Реганолд 2016]. Он хорошо работает в соединении с современными методами агротехники.

Серьезную проблему представляет расточительство не только планетарных, так и человеческих ресурсов. Например, технологии искусственного интеллекта предоставляют ранее невиданные возможности во многих областях, но избыток

увлеченности цифровыми технологиями расходует драгоценный ресурс времени и созидательной энергии человека.

Подводя итог, замечу, что ресурсоэффективность – междисциплинарная проблема, в ее решении могут быть востребованы и философски ресурсы.

Список литературы

1. Гаджил 2020 – Гаджил М. Священные рощи // В мире науки. 2020. № 1/2. С. 68-79.
2. Герасимова 2018 – Герасимова И.А. Проблема «скоростной науки» // The Digital Scholar: Philosopher'Lab. 2018. Т. 1. №3. С. 95-113.
3. Герасимова 2021 – Герасимова И.А. Проблема личности в сапиозое // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 39-42.
4. Гловер, Реганолд 2016 – Гловер Дж., Реганолд Дж. Лечение почв Африки // В мире науки. 2016. №.7. С. 99-102.
5. Касавин 2021 – Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 60. С. 217-227.
6. Чубик 2016 – Чубик П.С. Томский политехнический университет: производство пользы // В мире науки. 2016. №8. С. 3-7.

УДК 167.7

НАУКА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: ПЛОДОНОСНА ИЛИ ЦВЕТОНОСНА?*

Дорожкин Александр Михайлович

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

Никифоров Александр Леонидович

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: nikiforov-first@mail.ru*

В работе рассматривается вопрос о приоритетах построения фундаментальных или прикладных научных знаний в истории науки и ныне. Отмечаются факторы, влияющие на такие приоритеты. В качестве основных определяются доктрины, которыми пользовалось научное сообщество во взаимоотношении с ненаучным сообществом. Отмечено, что реальное развитие научных знаний не всегда соответствует доктринальным указаниям. Поднимается вопрос о детерминации развития науки основными,- то есть наиболее распространенными,- концепциями философии науки. Показано, что до настоящего времени такая детерминация не наблюдалась. Указана основная причина, вследствие которой такая детерминация просто не могла иметь место: в них никак не учитывалась вовлеченность науки в социальную жизнь. На примере концепции П. Галисона, показано, как такая зависимость появляется. Обсуждаются причины такой детерминации, но в то же время отмечаются трудности и нерешенные проблемы, возникающие в случае полного согласия с мнением П. Галисона на некоторые особенности его «трехмерного» видения структуры науки. В частности замечается, что при полном согласии с концепцией Галисона, придется отказаться от общепринятой ныне концепции интернализма.

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

Ключевые слова: фундаментальные и прикладные научные исследования, детерминация науки, концепции развития науки, «трехмерный образ» науки, интернализм и экстернализм.

SCIENCE YESTERDAY AND TODAY: IS IT FRUITFUL OR FLOWERY?

Dorozhkin Alexander Mikhailovich

*DSc of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

Nikiforov Alexander Leonidovich

*DSc of Philosophy, Chief Research Fellow
Institute of Philosophy RAS
E-mail: nikiforov-first@mail.ru*

The paper considers the issue of the priorities of building fundamental or applied scientific knowledge in the history of science and today. The factors influencing such priorities are noted. The doctrines used by the scientific community in their relationship with the non-scientific community are defined as the main ones. It is noted that the actual development of scientific knowledge does not always correspond to doctrinal instructions. The question is raised about the determination of the development of science by the main - that is, the most common - concepts of the philosophy of science. It is shown that such determination has not been observed so far. The main reason why such a determination simply could not take place is indicated: they did not take into account the involvement of science in social life in any way. Using the example of P. Galison's concept, it is shown how such a dependence appears. The reasons for such determination are discussed, but at the same time difficulties and unsolved problems arising in case of full agreement with the opinion of P. Galison on some features of his "three-dimensional" vision of the structure of science are noted. In particular, it is noted that in full agreement with Galison's concept, it will be necessary to abandon the now generally accepted concept of internalism.

Keywords: fundamental and applied scientific research, determination of science, concepts of science development, "three-dimensional image" of science, internalism, externalism.

Высказанная еще в 16 веке Ф. Беконом мысль о существовании светоносных и плодоносных научных знаний все последующее за этим время не утрачивало своего значения, то есть научное знание имело и имеет и «светоносную и плодоносную» составляющие, хотя приобрело более современное оформление. Результаты научной деятельности ныне принято обозначать как фундаментальные и прикладные. Но нужно отметить, что, в определенные периоды времени, то одна, то другая из этих сторон доминировала. С нашей точки зрения, справедливо объясняется такое доминирование господствующими доктринами взаимоотношения научного сообщества и общества в целом. Это - последовательно сменяющиеся принципы, которыми вынуждены были руководствоваться члены научного сообщества во взаимодействии с властями. Наиболее важные из них: это доктрина «конформизма и нейтрализма», доктрина «самоценности науки», доктрина «академической свободы» и доктрина «социальной ответственности ученого» [Кравец 1993].

Однако это не означает, что другие факторы не оказывали влияния не такое доминирование. В данной работе мы постараемся рассмотреть вопрос о влиянии на приоритеты развития науки философских концепций, а точнее концепций философии науки. Хорошо известно, что такие концепции возникли в девятнадцатом веке, но получили развитие по большей мере в веке двадцатом. Классический позитивизм О. Конта, и последовавший за ним эмпириокритицизм по большей мере не столько оказал влияние на развитие науки, сколько сам был реакцией на такое развитие. А точнее — на проявляющиеся довольно явно несоответствие между положениями классической

философии и новыми научными достижениями. В веке двадцатом по отношению к девятнадцатому положение изменилось, но не в плане взаимовлияния науки и философии науки. Логический позитивизм, господствовавший в философии науки до конца 50-х годов XX в., ставил перед собой задачу с помощью логического анализа очистить научный язык от метафизических понятий и предложений и оставить в науке только несомненно истинные утверждения. В науке это период становления неклассической физики с ее принципиально новыми представлениями о мире. Даже поверхностный анализ работ представителей науки того времени, в которых они выражают свое мнение о путях, и методах науки, - например таких как Н. Бор, В. Гейзенберг, Л. де Бройль, Р. Фейнман и др. - показывает, что никакого отношения их идеи к предписаниям логических позитивистов не имеют; более того, некоторые их соображения по поводу развития науки, так же как и в случае с классической философией ранее, не соответствуют предписаниям логических позитивистов (см., например [Де Бройль 1962, Гейзенберг 1987, Фейнман 1968, Бор 1961]). Далее: о чем говорят концепции К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, бывшие в центре дискуссий о структуре и развитии науки в 60 – 80-е годы? К. Поппер говорит о смелых предположениях и их последующем опровержении. Т. Кун рассуждает о роли парадигм в научном познании и о научных революциях как смене парадигм. И. Лакатос парадигмам Куна противопоставляет научно-исследовательские программы и говорит о конкуренции этих программ в историческом развитии науки. Споры нет, определенные моменты научной деятельности и отрезки пути развития науки в ее истории здесь нашли отражение, но лишь относительно одной ее отрасли, - естествознания а еще конкретнее, физики как лидера естествознания, - это во-первых. А во-вторых, - в рассуждениях всех этих философов, наука существует как бы в вакууме или в «третьем мире» - в царстве чистой мысли, оторванном от социальной реальности. К тому же, как мы отметили, образцом науки для них было естествознание: главным образом физика, отчасти химия и биология. Социально-гуманитарные дисциплины в расчет не принимались: считалось, что они еще находятся в начале своего развития и не достигли достаточной степени зрелости.

Таким образом, традиционная философия науки в своих рассуждениях о науке рассматривала науку в отрыве от социальной жизни и практики. И это как раз характерная черта доктрины самоценности науки, где ее отношение к общественной жизни практически не учитывалось.

А между тем, уже в середине XX в. вышеотмеченная доктрина была заменена не доктрину «социальной ответственности ученого». В рамках этой доктрины все яснее стало осознаваться то обстоятельство, что наука является общественным институтом, что именно общество, социальная практика ставят перед ней задачи и существенно влияют на ее развитие, что нельзя понять научную деятельность, оторвав ее от социального контекста. Между тем, данный социальный контекст всегда присутствовал в истории развития науки. Об этом прямо свидетельствуют практически все научно географические открытия Нового времени - Колумба, Магеллана, Васко да Гама и др. Эти открытия имели не только и не столько научное значение, но прежде всего, социально экономические, конечно, прежде всего для Европы.

Бурный подъем хозяйственной, промышленной, торговой деятельности, непрерывные феодальные войны дали мощный импульс научным исследованиям – прежде всего, в области механики и астрономии.

В этой общественной атмосфере начинает формироваться наука Нового времени как средство решения именно практических задач. И первые ученые – Леонардо да Винчи, Николо Тарталья, Джамбатиста Бенедетти, Вильям Гильберт – одновременно были инженерами. «Галилей был творцом нового экспериментального естествознания, - замечает в связи с этим В.Г. Горохов, - но его новая наука была именно технаукой,

одновременно ориентированной и на познание природы и на создание новых технических устройств» [Горохов 2013, с. 10-29)]. Вот эта тесная связь нарождающейся науки с ремесленной и инженерной практикой объясняет широкое использование экспериментального метода, что считают отличительной особенностью науки Нового времени. История науки наглядно показывает, как изобретение все более точных и изощренных средств экспериментирования не только давало мощный стимул приращению знаний, но постепенно перерастало в создание технологий, получающих широкое распространение в общественной жизни. Из истории науки известно, что творцы классической электродинамики (от Фарадея до Максвелла и Лоренца) последовательно вводили принципиально новое, немеханическое по своему объективному смыслу представление о полях. При этом, экспериментальная проверка результатов была очень близка к работам над трансформаторами, генераторами, двигателями, а впоследствии и электрическими вибраторами и резонаторами, получившими применение в радиотехнике. Таким образом, уже сам наиболее характерный метод естествознания Нового времени теснейшим образом связывает науку и технологию.

Включение науки в социальный контекст и осознание ее связи с общественной практикой в конце XX в. привело к разработке нового – более полного – образа науки. Традиционная философия науки выделяла в научном знании два уровня – теоретический и эмпирический, и рассматривала их взаимоотношения. При этом логические позитивисты видели в научной теории простое обобщение протоколов наблюдения (развитие принципа «экономии мышления» Э. Маха), а в постпозитивистских концепциях теория (парадигма) формировала эмпирические факты. Теоретический и эмпирический уровни развивались совместно, и в этом развитии ведущей стороной была либо эмпирия, либо теория. И лишь в последней трети 20 века положение стало меняться. Американский философ и историк науки Питер Галисон в своих работах предложил новую модель строения науки, учитывающую связь науки с техникой [Galison 1999 p. 137-160, Galison 2010 p. 25-52].

К эмпирическому и теоретическому уровням он добавляет еще «инженерный» уровень, который тоже присутствует в науке. Теоретики выдвигают гипотезы, разрабатывают понятия, относящиеся к идеализированным объектам теории, строят объяснения. Экспериментаторы заняты постановкой экспериментов для эмпирической проверки теоретических предположений. А инженеры конструируют приборы и инструменты для постановки экспериментов. Таким образом, говорит Галисон, наука состоит из трех слоев – теории, эксперимента и инженерии. Эти три слоя, хотя и взаимосвязаны, но в значительной мере независимы друг от друга. Революционные изменения, происходящие в одном из этих слоев, могут никак не затрагивать функционирование других слоев. Галисон подчеркивает автономность этих слоев в противовес мнению Куна, в концепции которого смена парадигм означает не только изменение теоретических представлений, но изменяет и сами факты, и всю экспериментальную область науки. Нет, говорит Галисон, смена теоретических представлений не сказывается на деятельности экспериментаторов и инженеров: они продолжают пользоваться имеющимися приборами и техническими устройствами.

Следует согласиться с общей тенденцией включения научной деятельности в социальный контекст современной эпохи. Но при этом, если идеи П. Галисона о трехслойной структуре науки, принять безоговорочно, то это серьезным образом во первых внесет существенные дополнения в действующую доктрину науки, – «доктрину социальной ответственности ученого», а во-вторых, – повлияет на традиционное деление наук на «плодоносные» и «светоносные». Дело в том, что обращает на себя внимание не столько предложенная им третья компонента, сколько

заявление о том, что все эти три компоненты независимы друг от друга. Действительно: если такая независимость действительно имеет место, то пропадает смысл говорить о какой-либо детерминации теоретических и прикладных знаний друг друга. А тогда вопрос о приоритете экстернализма или интернализма автоматически решается в пользу последнего, а это противоречит господствующей ныне концепции детерминации научного знания. Ну а если говорить о доктрине социальной ответственности ученого, то нужно заметить, что в ее основании лежит не только ответственность ученых за создание новых видов оружия, способных уничтожить все человечество, но также и ответственность за благополучное, - хотя бы относительное, - бытие человека. Но в случае согласия с тезисом о независимости компонент науки друг от друга, ученые теоретики полностью освобождаются от целого ряда обязанностей по отношению к условиям проживания человечества. Более того, они и за уничтожение человечества в мировой войне не несут ответственности, а переносят ее на экспериментаторов. (На ум приходит произведение писателей фантастов братьев Стругацких «Далекая радуга», когда в ходе подтверждающего определенную теорию эксперимента гибнет планета со всеми ее обитателями). Вот и получается, что доктрина социальной ответственности ученого как бы расслаивается на разные доли социальной ответственности. Принять такое положение безоговорочно также нельзя. И недаром П. Галисон, расчленив и отграничив друг от друга виды научной деятельности, далее пытается установить между ними связь, путем введения общего языка коммуникации между теоретиками, экспериментаторами и инженерами. Однако, с нашей точки зрения, организация такого языка (пиджин сайенс) встречает целый ряд трудностей, пока не устраненных [Дорожкин, Никифоров 2023].

Таким образом, концепция П. Галисона, с одной стороны, вносит явные позитивные моменты в наше понимание развития науки, выявляя ее компоненту, прямо отвечающую за вовлеченность науки в социальную жизнь, но с другой стороны, требует весьма серьезного пересмотра существующих концепций развития науки, в том числе и галисоновской. Причем, этот пересмотр должен затронуть не только философов науки, но и непосредственно деятелей науки. Если все предшествующие концепции практически не оказывали влияния на ход развития науки, как это мы отмечали ранее, то концепция Галисона, в случае ее принятия в том виде, как она представлена автором, уже влияет на научную деятельность выделенных групп ученых, либо освобождая их от ряда ответственностей, либо ограничивая поле их деятельности. Разумеется, но это можно возразить: концепция Галисона не будет принята научным сообществом, так же как и не приняты были предшествующие концепции роста научного знания. Однако соблазн лишиться себя ответственности за некоторые свои действия может оказаться довольно значимым. Пусть не для всех, но для некоторых. Стоит вспомнить лишь доктрину «этического нейтралитета», предложенного А. Эйнштейном при оценке работы ученых атомщиков после взрывов атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Поэтому мы не склонны приуменьшать значения концепции П. Галисона, однако, несомненно то, что она нуждается в дальнейшем и серьезном обсуждении.

Список литературы

1. Бор 1961 – Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд. иностранной литературы, 1961. 152 с.
2. Гейзенберг 1987 – Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Горохов 2013 - Горохов В.Г. От простого к сложному: от классического естествознания к техническим наукам // Философия науки. Вып.18. Философия науки в мире сложности. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 10-29.

4. Де Бройль 1962 - Де Бройль Л. По тропам науки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 408 с.
5. Дорожкин, Никифоров 2023 - Дорожкин А.М. Никифоров А.Л. Трехмерный образ науки и зоны обмена П. Галисона // Цифровой ученый. Лаборатория философа. 2023. №2 (в печати).
6. Кравец 1993 - Кравец А.С. Идеалы и идолы науки. Воронеж: Изд ВГУ, 1993. 219 с.
7. Фейнман 1968 - Фейнман Р. Характер физических законов. М.: Мир, 1968. 232 с.
8. Galison 1999 - Galison P. Trading Zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / ed. by M. Biagioli. N.Y.: Routledge, 1999. P. 137–160.
9. Galison 2010 - Galison P. Trading with the Enemy // Trading Zones and International Expertise: Creating New Kinds of Collaboration / ed. by M.E. Gorman. Cambridge: The MIT Press, 2010. P. 25-52.

УДК 165.0

ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В МОДЕЛЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Ершова Оксана Владимировна

Кандидат философских наук, доцент

Ульяновский государственный педагогический университет

E-mail: oksiphil@mail.ru

В середине XX века в историко-научных исследованиях Т. Куна, С. Тулмина появляются модели эволюционного и революционного типа развития науки. Т. Кун реконструирует эволюционно-революционную модель научного знания посредством его социологического, психологического, культурологического описания. С. Тулмин формулирует концепцию исторического формирования стандартов рациональности и понимания теорий. Эволюции научных теорий позиционируется, как непрерывный отбор концептуальных новшеств, в ходе его преобразуются образцы понимания.

Ключевые слова: революция, эволюция, парадигма, популяция понятий, развитие, модель.

EVOLUTION AND REVOLUTION IN MODELS OF DEVELOPMENT OF SCIENCE

Ershova Oksana Vladimirovna

PhD of Philosophy, Associate Professor

Ulyanovsk State Pedagogical University

E-mail: oksiphil@mail.ru

In the middle of the XX century, models of evolutionary and revolutionary types of development and functioning of scientific knowledge appeared. T. Kuhn reconstructs the evolutionary and revolutionary model of scientific knowledge through sociological, psychological, cultural description of scientific activity. S. Tulmin formulates the concept of historical formation and functioning of standards of rationality and understanding of theories. The standards of understanding change during the evolution of scientific theories, presented as a continuous selection of conceptual innovations.

Keywords: revolution, evolution, paradigm, population of concepts, development, model.

Вторая половина XX века в сообществах философов, методологов, историков науки ознаменовалась возникновением новых моделей описания развития науки и научного знания. Особой популярностью в среде ученых-исследователей пользовалась эволюционно-революционная модель развития науки Т.Куна. Многих исследователей

привлекал подход Т. Куна к описанию развития науки, заключавшийся в многофакторном ее рассмотрении с позиций историка, социолога, психолога, культуролога.

Т. Кун создал в своей модели развития науки уникальную понятийно-категориальную сетку, состоявшую из таких термов, как научное сообщество, парадигма, консенсус, революция, эволюция, коммуникация. Каждый из этих терминов воспроизводил структуру, динамику, состояния науки, научно-исследовательской деятельности.

Терм научное сообщество раскрывает в динамике и статике деятельность ученых, как коллективного субъекта исторических преобразований в науке. Научное сообщество предстает как взаимосвязанная социальная система, сконцентрированная вокруг единой парадигмы. Терм парадигма в динамике отражает этап эволюционного состояния науки, а в статике демонстрирует доминирующие ценности ученых. Терм революции в науке плавно вырастает из ключевой особенности всего научного знания, по Т. Куну, - это историческая смена когнитивных парадигм науки в ходе ее развития. Смена парадигм обусловлена не только когнитивными, но и социопсихологическими аспектами.

Терм эволюция или нормальная наука концентрирует внимание на когнитивной коммуникации ученых и механизмах достижения длительного согласия в предметной области исследования. Период нормальной эволюционной науки характеризуется критико-рефлексивным поддержанием консенсуса в отношении доминирующей парадигмы. Единство членов научного сообщества в отношении предмета, проблем и методов исследования сигнализирует о принадлежности к доминантной парадигме. Терм парадигма – это динамика и статика науки. С одной стороны, парадигма – это общепринятые образцы из практики научной деятельности. Эти образцы содержат эмпирический и теоретический закон, практику применения, теорию, инструментарий. Эти образцы формируют модели, реализация которых создает традиции научного поиска [см.: Кун 2001, с. 34]. С другой стороны, парадигма – это не только то, что создает единство научного сообщества, полноту профессионального общения и профессиональных умозаключений, но и то, что преодолевается в ходе развития и революционных открытий в науке.

Эволюция, как состояние нормальной науки, характеризуется единой парадигмой, созданной авторитетными учеными или эзотерической группой экспертов. Институциональное строение научного сообщества становится механизмом трансляции когнитивной матрицы доминантных ученых. Система профессиональной социализации ученых позволяет довести и утвердить в сознании членов сообщества когнитивную доминанту. Когнитивное согласие ученых предполагает практическое использование правил, стандартов, разработанных в русле парадигмы. В этом ракурсе ученые, разделяющие общие навыки, опыт, становятся законодателями моды в этих научных исследованиях и авторитетными экспертами.

Экстраординарная наука или революция – динамичная стадия научного знания, которая порождает аномалии, дискредитацию традиционной научной практики, разрушение когнитивного согласия. Итогом революции становится смена познавательной парадигмы. Ученые в революционный период науки обращаются к новой парадигме в ходе «гештальт-переключения», поведенческого социально-психологического феномена. Вследствии этого феномена переход между конкурирующими парадигмами не возможен с помощью последовательного апеллирования к логике и практическому опыту. Переход от одной парадигмы к другой подобен акту обращения в новую веру, интуитивно [см.: Кун 2001, с.196]. Забвение научным сообществом доминантной парадигмы сопряжено отказом от научной литературы, отражающей эту парадигму.

Во взглядах Т. Куна есть идея о том, что стать сторонником новой парадигмы возможно и не только под влиянием социокультурных факторов (личных убеждений, творческой индивидуальности, принадлежности к научной школе, направлению). Пусть и не решающими, но все-таки объективными факторами становятся – способность новой парадигмы, во-первых, решать противоречивую, осознанную проблему, нерешенную иным способом, во-вторых, иметь возможности для решения проблем, накопленных предшествующими парадигмами. В этом ключе объективные параметры научного познания (эмпирическое, теоретическое доказательство плодотворности) включены в революционную динамику знания при принятии парадигмы, хотя и косвенным образом.

Терм эволюция науки характерен и для концепции развития науки С. Тулмина. Концепция С. Тулмина описывает историчность формирования, функционирования стандартов рациональности и понимания, лежащих в основе научных теорий. Эволюция научных теорий, как непрерывный отбор концептуальных новшеств, приводит к смене стандартов понимания. В этом аспекте рассмотрения наука превращается в популяцию исторических логически независимых понятий и теорий.

Прогресс научного знания контролируется компетентным согласием ученых о критериях отбора концептуальных нововведений и единодушно принятыми идеалами объяснения. Согласие в отношении цели научного поиска обеспечивает внутреннюю непрерывность развития научной дисциплины. Стратегические целевые разногласия, как элемент эволюции науки, приводят к стиранию четких критериев отбора в профессиональной среде ученых. С точки зрения С. Тулмина, цели и стратегия развития научной дисциплины должны быть приняты всеми членами научного коллектива. Это единство позиции ученых обеспечивает соглашение о критериях отбора научных теорий. [см.: Тулмин 1998, с. 212]. Согласие об интеллектуальной стратегии становится призмой, сквозь которую консолидируются элементарные соглашения (критерии выбора, идеалы объяснения).

Эволюция науки предполагает согласованность критериев отбора, идеалов объяснения в фокусе единства целей научной дисциплины при наличии формального доказательства или «образцовой аргументации». В фокусе разногласий обсуждение интеллектуальных стратегий (целей) не имеет установленных процедур своего решения. С. Тулмин обращает на такой феномен и механизм развития науки, как, сравнение когнитивных альтернатив и исторический прецедент в науке. Он полагает, что изменение стратегического направления научной дисциплины должно происходить в ходе сравнительного анализа альтернатив когнитивных стратегий в историческом разрезе. Он призывает обращаться не к авторитетной аргументации, зарекомендовавшей себя в прошлом, а к неким историко-когнитивным прецедентам [см.: Тулмин 1998, с. 212, 216]. Эволюция, по С. Тулмину, предполагает согласие ученых в отношении концепций, методологии научной дисциплины. Это эволюция предполагает механизм обоснования аргументационными конструкциями логико-эмпирического свойства. Так же здесь присутствует обоснование социоисторическими феноменами: поиск исторических прецедентов в науке, практико-исторический опыт применения теорий.

Эволюция науки, по С. Тулмину, включает и социально-психологический фактор. Социально-психологический фактор показывает роль авторитетных и опытных ученых в решении вопроса о стратегиях науки. Осуществления выбора дисциплинарных целей или стратегий ложится на плечи авторитетных и опытных ученых. При этом авторитетный ученый руководствуется в принятии решений аккумулярованным опытом человечества, а не личными предубеждениями. Рядовые ученые, ученики когнитивно включаются в познавательную практику на основе доверия «интеллектуальному авторитету», «повелительному» или институциональному авторитету». «Интеллектуальный

авторитет» вытекает из объяснительных достоинств концепции, из потенциала теории. «Повелительный» и «институциональный авторитет» - это личный авторитет индивида, создавшего стандартное представление о какой-либо теории, изложенное в классической работе или монографии или авторитет господствующей школы. Интеллектуальный климат доверия обеспечивает единство когнитивных идеалов и институтов коллективной научной деятельности, этико-социальных установлений (к примеру, это концептуальная скромность, терпимости новациям). В этом ключе доверие – это движущий механизм эволюции науки.

С. Тулмин обращает внимание на роль коммуникации в науке. Сфера общения ученых создает атмосферу критики и исправления идей, но и влияния концептуальных элементов, в том числе и на «здоровый смысл» и «обыденное мышление». Процесс эволюции научного знания, по С. Тулмину, предполагает в ходе общения согласие авторитетных ученых, обладающих большим профессиональным опытом научной практики. Логико-эмпирическое, социоисторическое обоснование позволяет выработать единый концептуальный инструментарий.

Таким образом, С. Тулмин в эволюционной модели науки, как непрерывного отбора концептуальных новшеств, полагается и на формальное доказательство, и аргументацию через исторический опыт принятия теорий, влияние авторитетов. У Т. Куна эволюционный этап развития науки – нормальная наука обеспечивается социопсихологическими и объективными факторами, такими как эмпирическое, теоретическое доказательство плодотворности. Революционный этап контролируется социально-психологическими моментами, такими как «гештальт-переключение», и косвенно объективными факторами, такими как эмпирическое, теоретическое доказательство плодотворности.

Список литературы

1. Кун 2001 - Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 600 с.
2. Тулмин 1998 - Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1998. 328 с.

УДК 165.0

О СТАТУСЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Князев Виктор Николаевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии

Московский педагогический государственный университет

Профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой

Научный исследовательский университет «МЭИ»,

E-mail: kvn951@inbox.ru

Философия науки как раздел философского знания собственными средствами рефлексировать методологические конструкты науки. Методологическими конструктами следует считать такие универсальные средства познания как научная картина мира, научная парадигма, научно-исследовательская программа и др. Природа этих конструктов такова, что в лоне методологии науки они формируются лишь в зрелом состоянии научного знания, начиная с рубежа XIX-XX веков. Порождение многообразных научных теорий и других форм научного знания (научных принципов, аксиом, законов, понятий и др.) привели к необходимости обобщенных средств знания, начиная с научных картин мира.

Методологические конструкты трудно строго определить, но они помогают реализовать человеческое стремление увидеть единство в многообразии, построить некоторый обобщенный взгляд на разнообразие фрактальных объектов, использовать накопленный массив знания в качестве методологии дальнейшего научного поиска. Скажем, такой познавательный феномен как синергетическая парадигма явно носит междисциплинарный характер и может быть определена как совокупность принципов, убеждений и ценностей, принятых современным научным сообществом и обеспечивающих существование более полувековой научной традиции, связанной с изучением процессов самоорганизации в открытых сложных нелинейных системах самой различной природы. Концепция исследовательских программ по-своему чрезвычайно значима для раскрытия динамики исторического развития науки. Автором делается вывод о принципиальной ценности разнообразия методологических конструктов в осмыслении их роли не только в философии науки, но и в качестве современных универсалий культуры.

Ключевые слова: философия науки, методологические конструкты, научная картина мира, научная парадигма, методология исследовательских программ.

ON THE STATUS OF METHODOLOGICAL CONSTRUCTS IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Knyazev Victor Nikolaevich

*Moscow state pedagogical university, Professor of the department of philosophy
Scientific Research University "MPEI",
Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology
named after G.S. Arefieva
E-mail: kvn951@inbox.ru*

The philosophy of science as a section of philosophical knowledge reflects the methodological constructs of science by its own means. Methodological constructs should be considered such universal means of cognition as a scientific picture of the world, a scientific paradigm, a research program, etc. The nature of these constructs is such that in the bosom of the methodology of science they are formed only in the mature state of scientific knowledge, starting from the turn of the 19th-20th centuries. The generation of diverse scientific theories and other forms of scientific knowledge (scientific principles, axioms, laws, concepts, etc.) led to the need for generalized means of knowledge, starting with scientific pictures of the world. Methodological constructs are difficult to strictly define, but they help to realize the human desire to see unity in diversity, build some generalized view of the diversity of fractal objects, and use the accumulated body of knowledge as a methodology for further scientific research. For example, such a cognitive phenomenon as a synergetic paradigm is clearly interdisciplinary in nature and can be defined as a set of principles, beliefs and values accepted by the modern scientific community and ensuring the existence of more than half a century of scientific tradition associated with the study of self-organization processes in open complex nonlinear systems of the most diverse nature. The concept of research programs is extremely significant in its own way for revealing the dynamics of the historical development of science. The author concludes about the fundamental value of the diversity of methodological constructs in understanding their role not only in the philosophy of science, but also as modern universals of culture.

Keywords: philosophy of science, methodological constructs, scientific picture of the world, scientific paradigm, methodology of research programs.

Методологическими конструктами в современной философии науки я называю такие средства познавательной деятельности ученых как научная картина мира, научная парадигма, методология исследовательских программ и некоторые другие. Как правило, они носят существенно междисциплинарный характер, ибо могут транслироваться (экстраполироваться) в смежные области знания. Тогда возникает вопрос об их возможном общенаучном статусе? Ведь существуют так называемые общенаучные понятия, например, информация, система, структура, элемент и др. Указанные выше

средства научно-познавательной деятельности формально выполняют функцию общенаучных феноменов, но все же в большей степени используются в естественнонаучной области знания. Свою содержательную ценность эти средства познания выполняют не «в лоб», а скорее опосредованно в качестве методологических конструктов. Кратко поясню по каждому упомянутому выше конструкту.

Научная картина мира (НКМ) как методологический конструкт первоначально стал использоваться на рубеже XIX-XX веков прежде всего в физике. Дать строгое определение научной картине мира довольно трудно. Дело в том, что мы не можем четко определить, что такое «мир» и «картина». В естествознании обычно мир понимается как «мир природы» или «природа». Но никто не знает всей природы, всей «Вселенной в целом». Термин «картина» скорее ассоциируется с «образом», «панорамой». В.С. Степин пишет: «Научная картина мира – целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития» [Степин 2009, с. 581]. Я солидарен с таким определением, однако трактовка им НКМ в варианте общенаучной картины мира в качестве обобщенного представления «о Вселенной, живой природе, обществе и человеке, формируемое на основе синтеза знаний, полученных в различных научных дисциплинах» [Степин 2009, там же] для меня мало убедительна. С моей точки зрения, «общенаучная НКМ» – это пустое понятие, аморфность его содержания такова, что нет таких субъектов познания, которые бы имели такой синтез знания. В той степени, в которой можно признавать существование философской картины мира в качестве философского мировоззрения, то это как бы выполняет функцию «общенаучной НКМ».

Естественнонаучную картину мира я определяю как достаточно целостную систему знаний о наиболее общих свойствах и закономерностях самой природы, формирующихся на основе синтеза естественнонаучных понятий, научных принципов и методологических установок. Социальную картину мира следует характеризовать как знание, ориентированное на общие теоретические смыслы социальной реальности. Носителями НКМ являются прежде всего сами ученые, работающие в той или иной области научных исследований. Основы НКМ в большей или меньшей степени полноты присущи образованным людям. Невежественный же человек не имеет никаких представлений о НКМ и просто руководствуется обыденной картиной мира.

Перейду к научным парадигмам. В современную культуру и науку термин «научная парадигма» ввел Т. Кун. Для меня значимо, что научная парадигма есть совокупность принципов, убеждений и ценностей, принятых научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции. Скажем, в современной фундаментальной теоретической физике довольно выражено присутствие трех важнейших парадигм: теоретико-полевой, геометрической и реляционной парадигм [Владимиров 2017, с. 13-16]. При этом подчеркивается не только сам факт их различий, но и принципиально их взаимно дополняющий друг друга характер: 1) теоретико-полевая парадигма, которая сформировалась как ведущая на основе квантовой теории поля и является господствующей вплоть до сегодняшнего дня, 2) геометрическая парадигма, развивавшаяся на основе релятивистской физики в течение всего XX века, и 3) реляционная парадигма, активно развертывающаяся в последние несколько десятилетий. Природа этих парадигм выходит за пределы традиционно понимаемой самой теоретической физики. «С моей точки зрения, это есть методологические конструкты в лоне эпистемологии физики, которые являются во многом базовым фрагментом философии науки» [Князев 2021, с. 55].

Понятие «научная исследовательская программа» И. Лакатоса тоже может характеризоваться в качестве методологического конструкта. В.Н. Порус дает ей

следующее определение: «Научная исследовательская программа (НИП) – последовательность научных теорий, которая выстраивается как развитие некоторой исходной (как правило, фундаментальной) теории, основные идеи, методы и предпосылки которой выдвигаются интеллектуальными лидерами науки и усваиваются научными сообществами догматически» [Порус 2009, с. 585]. Мне трудно согласиться лишь с последним словом («догматически»), ибо сам Лакатос совершенно определенно (в контрасте с концепцией Куна) развернуто обосновывает свое понимание исследовательской программы как историческое соперничество между многообразными ее вариантами, а не как устоявшаяся догматика [Лакатос 1995, с. 117]. Например, квантово-механическая исследовательская программа реализовывалась и осмысливалась физиками-теоретиками десятки лет и все еще не пришла к окончательному итогу, ибо и сегодня фундаментальные основания квантовой механики все еще выглядят дискуссионными. Аналогичные процессы сопровождают эволюцию релятивистской исследовательской программы в физике и теоретико-генетических исследований в современной биологии.

На примере обсуждения статуса и роли самых общих и значимых методологических конструктов в процессе осмысления исторической эволюции научного знания все они вместе (НКМ, научные парадигмы, исследовательские программы) и каждый из них в особенности выполняют (когда более явно, когда менее) функцию мировоззренческих ориентиров научного поиска. В непосредственной каждодневной творческой деятельности ученого (или исследовательской группы ученых) методологические конструкты реализуются лишь имплицитно, но когда-то наступает момент рефлексии и тогда такого рода конструкты эксплицируются. Например, на конференциях в ходе какой-либо дискуссии с коллегами, придерживающимися разных взглядов, или при написании статьи в научный журнал надо так или иначе выразить свое мировоззренческое и методологическое кредо, выразить свой стиль мышления. В науке неизбежно присутствует многообразие точек зрения, подходов, конкретных методических инструментариев, что закономерно приводит к определенному спектру методологических конструктов, их столкновениям и конкурентным отношениям. Таким образом, подобный теоретический плюрализм научных парадигм, научно-исследовательских программ и даже научных картин мира отображает сложность и противоречивость принципиально разнообразных сторон и граней развивающейся действительности. Природа методологических конструктов атрибутивна для современной философии науки и все более осознается в качестве ценных универсалий культуры.

Список литературы

1. Владимиров 2017 – Владимиров Ю.С. Метафизика и фундаментальная физика. Кн.2. Три дуалистические парадигмы XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 248 с.
2. Князев 2021 – Князев В.Н., Кадеева О.Е. Реляционная парадигма Ю.С. Владимирова в современной физике // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции / Под общей ред. А.М. Фейгельмана. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. 531 с.
3. Лакатос 1995 – Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
4. Порус 2009 – Порус В.Н. Научно-исследовательская программа // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+. 2009. 1248 с.
5. Степин 2009 – Степин В.С. Научная картина мира // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+. 2009. 1248 с.

ЭКОСЕМИОТИКА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МИРОВ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ*

Князева Елена Николаевна

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Экосемиотика – показательный образец недавно появившегося междисциплинарного направления научных исследований, которое возникло на пересечении ряда научных областей: исследования живых существ как создающих и распознающих знаки в биосемиотике, изучения пространственно-временных закономерностей взаимодействия экосистем в ландшафтной экологии и анализа самих живых организмов, их сообществ и популяций как сложных адаптивных систем в системной биологии. Экосемиотика концептуально близка к биосемиотике, возникшей и развивающейся как соединение науки о знаках (семиотики) и наук о жизни (life sciences). В то время как биосемиотика показывает, что знаковая реальность не является исключительным свойством человека, что живые организмы также воспринимают мир избирательно, ориентируясь на существенные для них знаки, экосемиотика добавляет важный аспект «эко» – изучение экологического окружения или экополя и способов соединения когнитивных миров живых существ. В плане изучения путей развития научного знания экосемиотика демонстрирует нам, что новое научное знание и инновационные подходы возникают в областях соприкосновения и взаимного наложения направлений исследования, которые сами по себе являются нетрадиционными и новыми. Кроме того, обосновывается важность холистического подхода, сопряжения различных перспектив: соединения живых существ и человека, жизни и познания, познания и смысла, объективного и субъективного, изучаемой реальности и знания о ней, наблюдаемого и наблюдателя в их сложных смысловых и самореферентных переплетениях.

Ключевые слова: контингентность, междисциплинарность, множественные миры, мультиверс, расширенный экологический подход, смысл, экосемиотика.

ECOSEMIOTICS AT THE CROSSROADS OF HISTORICAL WORLDS OF THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Knyazeva Helena Nikolaevna

Professor

National Research University Higher School of Economics

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Ecossemiotics is a clear example of a recently emerging interdisciplinary field of scientific research that arose at the junction of a number of scientific areas: the study of living organisms as operating signs in biosemiotics, the analysis of spatio-temporal patterns of ecosystem interaction in landscape ecology, and the study of living organisms themselves and their communities as complex adaptive systems. in systems biology. Ecossemiotics is conceptually close to biosemiotics, which is a combination of the science of signs (semiotics) and life sciences. While biosemiotics shows that sign reality is not the prerogative of a person, that living organisms also perceive the world selectively, focusing on the signs that are essential for them, ecossemiotics adds an important aspect of "eco" - the study of the ecological environment or ecofield and ways to connect the cognitive worlds of living beings. In terms of studying the ways of developing scientific knowledge, ecossemiotics shows us that new scientific knowledge and innovative approaches arise in areas of contact and overlapping areas of research, which in themselves are non-traditional, new. In addition, the importance of the holistic approach, the conjugation of various perspectives – the connection of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

living beings and man, life and cognition, cognition and meaning, objective and subjective, the studied reality and knowledge about it, the observed and the observer in their complex semantic and self-referential interweaving – is substantiated.

Keywords: contingency, interdisciplinarity, multiple worlds, multiverse, extended ecological approach, meaning, ecosemiotics.

Экосемиотика как междисциплинарное направление научного знания дает нам возможность поразмышлять о путях развития научного знания и способах соединения разных направлений посредством междисциплинарного синтеза. Поскольку экосемиотика изучает знаковые и смысловые аспекты реальности, то это позволяет наметить подходы для интеграции субъектного и объектного аспектов анализа, эпистемического и онтологического подходов.

Если предложить более общее видение, то понятие эволюции научного знания, как и вообще понятие эволюции, становится, как мне представляется, настолько сложным, что оно включает в себя все то, что раньше понималось под революцией, и добавляет новые смыслы. Эволюция нелинейна, а значит многовариантна и включает в себя периоды быстрого роста и замедления, насыщения. Она покрывает и стадии непрерывности, кумулятивности, и стадии дискретности, скачкообразности, слома старого и появления нового парадигмального знания. Наблюдаемые тренды развития научного знания контингентны в том смысле, они складываются в соответствии с существующими обстоятельствами и нередко с персональным вкладом крупных ученых, так что, вообще говоря, развитие науки могло протекать и иначе. То, что изучается в теоретической истории человечества вообще и ретроспективно моделируется как альтернативная (как если бы) история, применимо и к истории развития научного знания. Исторической эпистемологией и обоснованием контингентности линий развития биологического знания занимается И.А. Кузин [Кузин 2022]. Речь идет о том, что мы можем предположительно реконструировать, как могла бы протекать история биологии, если бы, скажем, Ч. Дарвина не было, или как могла бы развиваться физика в XX веке, если бы не было А. Эйнштейна.

Линия развития экосемиотики определена в значительной мере представителями Тартуской семиотической школы, прежде всего К. Куллем и Т. Мараном. Хотя сам термин «экосемиотика» (Ökosemiotik) был введен немецким лингвистом и семиотиком Винфридом Нётом, именно К. Куль и Т. Маран детально описали задачи экосемиотики и сформулировали ее основные принципы: «Структура экологических сообществ основана на семиотических связях», «Изменение знаков может привести к изменению существующего порядка вещей. Живые организмы трансформируют окружающие их среды на основе собственных образов этих сред», «Семиозис регулирует экосистемы. Процесс смыслообразования как стабилизирует, так и дестабилизирует их», «Окружающая среда как пространственно-временное проявление экосистемы функционирует как интерфейс для семиотических и коммуникативных отношений» [Maran, Kull 2014, p. 43, 44, 46].

Одним из центральных понятий в экосемиотике является понятие *экологического ландшафта*. Обычно выделяются как наиболее существенные следующие характеристики ландшафта: а) Ландшафт – это целостный феномен, в котором не проводится разграничений между культурой и природой, человеком и не-человеческими сущностями, индивидуальным и коллективным, воспринимаемым и физическим и т.п. б) Различие между культурами детерминирует различие формируемых ими ландшафтов. в) Ландшафт создается во времени и всегда связан с историей, в нем запечатлеваются следы прошлого, которое можно по-разному интерпретировать. г) Ландшафт – это явление, по своей сути, диалогическое, коммуникация составляет ядро семиотических процессов в ландшафтах [Lindström, Kull, Palang 2014]. С позиции экосемиотики

ландшафт представляет собой часть географической территории или земного пространства, которые характеризуются сочетанием различных ресурсов и возможностей (affordances), предоставляемых окружающей средой, связанных с определенным количеством материальных интерфейсов и множеством видов, которые живут внутри определенной среды обитания и делят ее между собой в соответствии с их биологической организацией и их потребностями [Maran 2020, web]. «Эко» в концепции эколандшафта и экосемиотики отнюдь не формальное дополнение, а элемент, нагруженный новыми смыслами. Кроме того, имеет смысл говорить о *расширенном экологическом подходе*. Речь идет о том, чтобы рассматривать экологию не просто как раздел биологии, в котором речь идет о сосуществования и коэволюции человека и природы, но и в более широком плане – как экологию разума, познания, креативности, действия, общения, управления, предпринимательства. Концепт «экологический ландшафт» в принципе применим и к пониманию развития научных знаний, но конкретные реализации экосемиотического подхода к истории развития научного знания еще должны прорабатываться.

Экологические ландшафты в разных царствах живых организмов – у растений, животных, грибов и микроорганизмов – формируются и трансформируются в результате процессов семиозиса, создания и распознавания знаков и взаимного, со-зависимого построения ниш или умвельтов в экологических сообществах. Экологические ландшафты представляют собой, судя по всему, сложные сети коммуникаций и взаимодействий между организмами, а также организмов с различными факторами окружающей их среды. Для изучения сетевых взаимодействий и коммуникаций живых организмов в качестве эффективного инструмента выступает подход, который базируется на науке о сетях (Network Science). Ландшафт как экологический феномен связывает воедино живое и неживое, природное и искусственное, созданное человеком, далекое и близкое в пространственном и/или темпоральном отношении. Экология, вообще говоря, всегда ориентирована на изучение целостностей, сопряжена с эволюционным холизмом.

Наука о сложных системах (Complexity Science) открывает дополнительные аспекты возможного исследования экологических ландшафтов. В ее концептуальных рамках можно изучать пространственно-временные конфигурации ландшафтов, свойства их симметрии и асимметрии, элементы упорядоченности и беспорядка, хаоса в них, их фрактальную организацию, масштабную инвариантность, их возможную иерархичность. С этой позиции исторический, эволюционный ракурс рассмотрения экологических ландшафтов связан с обнаружением в них структурных фрагментов, являющихся следами прошлых процессов, и фрагментов, демонстрирующих возможный ход эволюции структуры в будущем. Обнаружение темпоральных свойств в сегодняшних пространственных конфигурациях структур позволяет нам визуализировать пространство как время, т.е. как бы овременить пространство, репрезентировать landscape как timescape. Обнаружение темпоральных свойств в пространственных конфигурациях возможно, так как метастабильные структуры описываются инвариантами, в которых пространство и время не свободны, а связаны друг с другом.

Еще одним концептуально близким понятием является понятие *экологической ниши*, посредством которого обозначается место, занимаемое биологическим видом в конкретных условиях окружающей его среды. В тех случаях, когда особи разных видов по-разному используют одни и те же фрагменты окружающей их среды, совместно существуя друг с другом, можно говорить о дифференциации ниш или взаимном перекрытии ниш (их «интерференции»). Такие ситуации описываются понятием приспособительный (адаптивный) ландшафт. Смысловое деление между собой экологического пространств представителями различных биологических видов

происходит благодаря достижению ими баланса между конкуренцией и элементами кооперации к обоюдной выгоде для сосуществующих особей или видов. Все помнят слова Аристотеля, что природа не терпит пустоты. Современный смысл этого тезиса в том, что биоценозы не терпят пустых экологических ниш, незанятые или освободившиеся ниши оказываются занятыми новыми особями или видами.

Стоит упомянуть здесь и понятие *эко-поля* (eco-field), которое было предложено А. Фариной [Farina, Belgrano 2004, p. 108]. Оно является синтетическим и объединяет в себе как физическое, так и экологическое пространство. Эко-поле представляет собой интерфейс между физической окружающей средой и субъективно окрашенной двигательной и перцептивной активностью живого организма. Живой организм селективно улавливает определенные сигналы из внешнего физического мира и воспринимает их как знаки, несущие для него определенный смысл. Эко-поле репрезентирует связь между внутренним миром живого организма и внешним для него миром окружающей среды. Эко-поле – это пространство интерференции внешнего и внутреннего, мира, богатого потенциальными формами и смыслами, и мира немногих значимых для определенного живого организма смыслов. Эко-поле строится за счет механизмов сбора, концентрации, хранения, сохранения и манипулирования энергией и информацией. Это понятие концептуально близко понятию умвельт Я. фон Иксюля (1940), субъективной вселенной живого существа.

Можно уловить тонкие смысловые нюансы между понятиями «экологическая ниша», «местообитание» (habitat), «умвельт» и «эко-поле». Экологическая ниша представляет собой некое экологическое пространство, специфические свойства которого детерминируют жизнедеятельность живого организма. Местообитание – это тот фрагмент окружающей среды живого организма, который обладает определенными геологическими, почвенными, климатическими и растительными характеристиками. Умвельт – это субъективный, несущий специфические смыслы мир живого организма, причем Иксюль говорил о субъективности применительно ко всем животным организмам, а не только к человеку. Через понятие эко-поле географические размеры и пространственные конфигурации среды обитания живого (растительного или животного) организма соотносятся с его жизненными функциями, определяющими характерные образцы его поведения.

Помимо понятия эко-поля некоторыми исследователями, в том числе Т. Мараном, предлагается понятие *экосемиотической сферы*. Этот термин является более мощным по своему объему и охватывает не только семиотические процессы, строящие миры живых организмов, но и состояние неорганической природы, испытывающее антропогенное влияние человека. Экосемиотическая сфера включает в себя переплетающиеся слои разной семиотической сложности. Она охватывает потенциальные семиотические свойства неорганической среды, коммуникацию и взаимодействие в жизни человека и иных живых организмов, а также символические репрезентации окружающей среды в специфических знаковых системах, которые строит человек. Изучаются различные типы связей между этими слоями семантической сложности.

Как «упаковываются» в единое эко-пространство умвельты разных организмов, обитающих в одной экосистеме? Границы между такого рода умвельтами – не физические и химические, а семантические. К тому же, эти границы размыты и неопределенны, так как экологические ниши разных видов могут пересекаться. Каждый вид и отдельная особь в нем осваивает ту часть окружающего мира, которая имеет смысл, значима для его/ее выживания. восприятия и действия, является носителем смыслов, понимание которых обеспечивает выживание. В умвельте нет предметов как таковых, но есть носители смыслов, например, предметы в умвельте собаки являются носителем собачьих смыслов. Эволюционно сформировавшееся взаимное

приспособление (подгонка) умелых различных биологических видов ведет к возникновению экологических ландшафтов. Экосемиотика изучает эко-ландшафты, а в них «знаковые процессы как ответственные за экологические явления (отношения между видами, популяционные модели и структуры). В частности, она изучает роль восприятия окружающей среды и концептуальной категоризации в проектировании, строительстве и преобразовании структур окружающей среды» [Maran, Kull 2014, p. 241]. Экологические ландшафты демонстрируют определенные формы, размеры, пространственные конфигурации, они обладают свойствами однородности или неоднородности, устойчивости или нестабильности. Нередко их можно зумировать по масштабам.

В качестве возможного объединяющего элемента для понимания экологических ландшафтов в живой природе и возможных ландшафтов познания, а также исторических линий развития научного познания можно предложить идею самореференции и самореференции в ее смысловом, семиотическом аспекте и сложностном (сложностность – термин, предложенный В.И. Аршиновым [Аршинов 2021]), системно-теоретическом аспекте. Семиотический процесс – разделение на наблюдателя, процесс наблюдения и наблюдаемое и смыслопорождение – начинается с физических систем и выходит далеко за их пределы, доходит до человека и сетей коллективного разума. В мире, строящемся на процессах семиозиса, существуют сложные и порой странные переплетения (entanglement) разума и материи, смысла и вещественного, субъективного и объективного, которые составляют основу конструктивизма и ведут к разветвлению и пролиферации миров.

Список литературы

1. Аршинов 2021 – Аршинов В.И. Эволюция антропоцентризма в перспективе сложностного подхода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 44-48.
2. Кузин 2022 – Кузин И.А. Множественность миров в истории науки // После постпозитивизма: сборник научных статей. М.: Издательство РОИФН, 2022. С. 21-24.
3. Farina, Belgrano 2004 – Farina A., Belgrano A. The Eco-field: A New Paradigm for Landscape Ecology // Ecological Research. 2004. Vol. 19. P. 107–110.
4. Lindström, Kull, Palang 2014 - Lindström K., Kull K., Palang H. Landscape semiotics: Contribution to Culture Theory. // Lang, V. & Kull, K. (eds) (2014) Estonian Approaches to Culture Theory. Approaches to Culture Theory 4, p. 110–132. University of Tartu Press, Tartu.
5. Maran 2020 - Maran T. Ecosemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies. (Elements in Environmental Humanities). Cambridge: Cambridge University Press, 2020. <https://www.cambridge.org/core/elements/ecosemiotics/D29658F0C2E12040454C776F82627253> (дата обращения: 15.04.2023)
6. Maran, Kull 2014 – Maran T., Kull K. Ecosemiotics: main principles and current developments // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2014. Vol. 96 (1). P. 41–50.

К ПРОБЛЕМЕ СМЕНЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ УСТАНОВКИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Лисеев Игорь Константинович

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: lik6841@mail.ru

В сообщении рассматривается возможность смены цивилизационной установки развития общества на его современном этапе. Показывается, что доминирующим типом цивилизационного развития в настоящее время является тип техногенного развития. Рассматриваются возможности и ограничения этого типа цивилизационного развития. Доказывается, что ныне формируется новая цивилизационная установка перехода от техногенной к экосистемной технососоциоприродной цивилизации.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, экологические проблемы, глобальные проблемы современности, экосистема, техника, социум, природа.

ON THE PROBLEM OF CHANGING THE CIVILIZATIONAL ATTITUDE OF THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Liseev Igor Konstantinovich

Chief Scientific Officer

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

E-mail: lik6841@mail.ru

The report considers the possibility of changing the civilizational attitude of the development of society at its present stage. It is shown that the dominant type of civilizational development at present is the type of technogenic development. The possibilities and limitations of this type of civilizational development are considered. It is proved that a new civilizational attitude of the approach from technogenic to ecosystem technosocioprirodnaya civilization is being formed now.

Keywords: technogenic civilization, environmental problems, global problems of modernity, ecosystem, technology, society, nature.

Доминирующим типом цивилизационного развития в мире в настоящее время является тип техногенного развития. Он возник в Европе в процессе становления капиталистических отношений и заменил собой предшествующий тип цивилизационного развития, который, как правило, обозначался как «традиционное общество». Развитие науки и техники стало базовым основанием формирования этого нового типа цивилизации.

Об основных целях и ценностях подобного типа техногенного цивилизационного развития уже много написано. Главной характеристикой такого развития было понимание человеческой личности как автономной, независимой, творчески активной, деятельность которой направлена на изменение, трансформацию, переделку внешнего мира под воздействием науки и техники, но с ориентацией на удовлетворение собственных целей и задач. Это касалось и мира природы, переделка которого предполагалась с учетом удовлетворения не общеэволюционных закономерностей, а собственных целей и намерений [Философия ... 2018].

Ориентация на подобную установку в условиях стремительного развития науки и техники привела к быстрому прогрессу человеческого общества.

Однако, с годами, по мере роста и расширения возможностей этой техногенной цивилизации становились все более явными ее пределы и ограничения. Глобальное

распространение ценностей техногенной цивилизации вело к уменьшению разнообразия путей дальнейшего развития общества, к ослаблению его социальных трансформаций.

Хищническая эксплуатация природы, отношение к природе как безграничной кладовой, из которой можно все брать, не возвращая, привела к нарастанию экологических проблем, поставивших вопрос об ограниченности природных ресурсов и энергетических источников [Урсул 2006].

Нарастание противоречивости техногенного развития привело к формированию глобальных проблем современности, которые представляют собой совокупность природно-социальных отношений, имеющих планетарный характер и оказывающих влияние на все человечество.

Среди этого комплекса наиболее широко обсуждаются экологическая, сырьевая, продовольственная проблемы, имеющие широкий выход на природную проблематику. Проблемы же демографическая, преодоления отсталости развивающихся стран, проблемы использования мирового океана, освоения космоса уже больше тяготеют к трансформации социальных отношений в обществе.

Но в той или иной степени все они отражают целостный социоприродный взгляд на существующий мир. Это подчеркивается в формировании в последние годы общего представления об экосистеме. Экосистема выступает как совокупность всех совместно обитающих организмов и условий их существования. Это сложная, самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система. Поэтому, когда речь идет об экогенной установке формирования современной цивилизации, то смысл ее состоит не только в акценте на экологическую природную ориентацию, но и на широкий экосистемный взгляд, включающий в себя и природную, и социальную, и техническую общесистемную ориентацию в их целостном техно- социо- природном подходе [Карпинская, Лисеев, Огурцов 1995].

Подобная цивилизационная установка существенно отличается от установки техногенного развития. Здесь смысл цивилизационного развития уже не ограничивается ориентацией лишь на использование новейших технических и технологических достижений, ведущих к прогрессу общества, а глубинно взаимосвязан с необходимостью совершенствования общественных механизмов, влияющих на развитие общества. Причем подобное совершенствование социума должно основываться на учете эволюционно-экологических закономерностей живой природы, разрешающих или запрещающих использование тех или иных технических или технологических нововведений.

Такое расширение проблематики понимания современной цивилизационной установки развития общества дает возможность избежать многих кризисов, возникающих при использовании лишь идей и принципов техногенной цивилизации: кризиса утопических надежд безбрежного техногенного развития, кризиса недооценки возможностей трансформации социальных отношений под влиянием запросов общества, кризиса неадекватного восприятия закономерностей живой природы.

Формирующаяся новая цивилизационная установка – от техногенной к экосистемной техносоциоприродной цивилизации – даст возможность сохранить достигнутые научно-технические результаты и расширить их за счет синергетического взаимодействия техники, социума и природы.

Список литературы

1. Карпинская, Лисеев, Огурцов 1995. – Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интепракс, 1995. 351 с.

2. Урсул 2006. – Урсул Т.А. Социоприродное развитие в концепции универсальной эволюции. (Философско-методологический анализ): Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08. М., 2006. 357 с.
3. Философия...2018. – Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий. СПб.: Нестор-История, 2018. 344 с.

УДК 001.32

МОГИЛА УЧЕНОГО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: МЕЖДУ СТАРОЙ И НОВОЙ ЭПИСТЕМОЙ

Лисович Инна Ивановна

*Доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета экономических и социальных наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
E-mail: mag-inna@yandex.ru*

Работа посвящена практикам самоопределения, описания, репрезентации и рецепции ученых раннего Нового времени, которые, с одной стороны, еще пытались вписаться в имеющуюся сословно-корпоративную структуру общества и виды деятельности, а с другой, – желали подчеркнуть новые интересы, области и способы деятельности. Надписи, эпитафии и знаки на могилах ученых этого времени интересны тем, что данный модус репрезентации отражает как средневековые представления о научных достижениях и социальном статусе покойного, так и революционные. Это разнообразие обусловлено тем, что авторами надписей могли быть родственники, сам ученый, коллеги по цеху, и они демонстрируют восприятие современниками (а иногда и потомками) не только ценности нового научного знания, но и степень осознания его новизны. Часто социальная принадлежность ученого обозначена в рамках сословной, семейной, родовой, цеховой и университетской принадлежности, занимаемых должностей, а также по месту рождения. На портретах и надгробиях появляются и знаки нового времени – указывается название научного труда и открытия, прославившего ученого, что свидетельствует о том, что современники / родственники / коллеги осознают их ценность и гордятся этими достижениями. Надпись кроме посмертной похвалы может также содержать и моральную оценку научно-исследовательской деятельности почившего.

Ключевые слова: могила ученого, эпитафия, раннее Новое время, научная революция, репрезентация знания.

GRAVE OF A SCIENTIST OF EARLY MODERN PERIOD: BETWEEN THE OLD AND NEW EPISTEMES

Lisovich Inna Ivanovna

*Professor, Department of Humanities and Social Sciences;
Faculty of Economic and Social Sciences
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: mag-inna@yandex.ru*

The work is devoted to the practices of self-determination, description, representation, and reception of early Modern scientists, who, on the one hand, were still trying to fit into the existing estate–corporate structure of society and types of activities, and on the other, wanted to emphasize new interests, areas, and ways of activity. Inscriptions, epitaphs, and signs on the graves of scientists of this period are interesting because this mode of representation reflects both medieval ideas about scientific achievements and the social status of the deceased, and revolutionary ones. This diversity is because the authors of the inscriptions could be relatives, the scientist himself, colleagues in the

workshop, and they demonstrate the perception of contemporaries (and sometimes descendants) not only the value of new scientific knowledge, but also the degree of awareness of its novelty. Often, the social affiliation of a scientist is indicated within the framework of class, family, clan, guild and university affiliation, positions held, as well as by place of birth. Signs of new also appear on portraits and tombstones – the name of the scientific work and discovery that glorified the scientist is indicated, which indicates that contemporaries / relatives / colleagues realize their value and are proud of these achievements. The inscription, in addition to posthumous praise, may also contain a moral assessment of the research activities of the deceased.

Keywords: grave of a scientist, epitaph, early modern period, scientific revolution, representation of knowledge.

Раннее Новое время в развитии науки – это революционный период, когда формируется ряд черт, присущих современной науке и обществу, и эти изменения, в первую очередь, проявили себя в пространстве городской среды, наиболее склонной к изменениям, включая ученых и их сообщества. В средневековом сословно-корпоративном обществе в XVI в. возрастает вертикальная социальная мобильность, возникают новые социальные группы и переформируются старые, такие как научные сообщества.

В этой связи представляет особый интерес практики самоопределения, самоописания, репрезентации и рецепции т.н. «ученых», которые, с одной стороны, еще пытались вписаться в имеющуюся сословно-корпоративную структуру общества и виды деятельности, а с другой – желали подчеркнуть свою инаковость через обозначение себя «магами», «артистами», «виртуозами» и т.п. [Косарева 1985, с 3]; через проекты новых городов и государств; через создание новых социальных институций, позволивших очертить свои новые интересы, области и способы деятельности. Эти попытки, проекты и научные практики часто вызвали яркую реакцию монархов, патронов, коллег по цеху и горожан от предложения покровительства и любопытства, до критики, насмешек и недоверия.

В раннее Новое время в Англии и Европе происходит интенсивное переосмысление способов научного познания, места науки в обществе, структуры и функций научных институций, репрезентации научного знания и социального статуса ученого. Это приводит к формированию принципиально иных модусов организации и коммуникации как между членами научных сообществ, так и между научными сообществами и государством, городом, иными сообществами и социальными слоями. Данная потребность породила ряд проектов «республики ученых», которые можно увидеть в монашеском «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, закрытом государстве-острове в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, которые в том или ином виде воплотились в Грэшем-колледже, Академии рысьеглазых, ЛКО, Французской академии наук, Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и т.п. [см. подробнее: Сапрыкин 2000, с. 194–208; Dawbarn 2004, p. 137–188; Eamon 1991, p. 25-50.]

Поскольку цеховая принадлежность в средневековом обществе определялась тем видом деятельности, которым занималась корпорация, то с развитием новых практик знания, научного языка (включая национальные), на котором производится репрезентация научного знания, и методов изучения (опыт, наблюдение, количественные методы) происходят существенные изменения и в научном сообществе.

Ученые все чаще обращаются к несвойственному ему виду деятельности – физическому труду, который был признаком ремесла (о чем говорили уже Платон и Аристотель), а не интеллектуальной, познавательной деятельности; а ЛКО предпочитает язык купцов и ремесленников, в котором слово имеет одно значение, что обеспечивает точность терминологии и ее рецепции. Тем не менее, начиная с Везалия, науки, которые находятся в очевидной близости к ремеслу (алхимия, анатомия, физика и т.п.) стремятся поднять свой статус до искусства, т.е. подчеркивают

доминирование интеллектуальной познавательной деятельности, часто посредством использования математики, которая традиционного относилась к средневековым искусствам.

Этот процесс формирования новой социальной группы ученых по роду деятельности, принадлежность к которой в силу своей специфики не может быть наследована по принципу родства, формально закончил свое формирование в XIX в., когда откристаллизовалось слово «ученый», четко обозначив социальную группу уже в условиях существенной дифференциации областей науки и имеющихся социальных институций. В ранее новое время пересматривается иконография и вербальная репрезентация ученых и научных сообществ [см. подробнее: Лисович 2015, с. 217-253], что отразилось и на их захоронениях. Это связано с рефлексией о том, кто такой ученый, какова специфика его деятельности, насколько эта деятельность полезна, легитимна, безопасна, способна служить источником знания и т.п.

Необходимо также отметить, что захоронения многих ученых не дошли до нас по историческим причинам (пожары, разрушение церквей, несохранившаяся информация о захоронении и т.п.), но имеющиеся дают довольно объемные представления о диапазоне таковых репрезентаций. Надписи, эпитафии, аллегории и знаки на могилах интересны тем, что модус данных репрезентаций отражает как средневековые представления о научных достижениях и социальном статусе покойного, так и революционные. Это разнообразие обусловлено тем, что авторами надписей могли быть родственники, сам ученый, коллеги по цеху, и они демонстрируют восприятие современниками (а иногда и потомками) не только ценности нового научного знания, но и степень осознания его новизны, вклада в развитие науки.

Часто социальная принадлежность ученого заявлена в рамках сословной, семейной, родовой, цеховой и университетской принадлежности, занимаемых должностей, а также по месту рождения. На парадных прижизненных портретах и эпитафиях такие ученые как Дж. Кис и У. Харви обозначены университетской степенью доктора (не анатома), а Дж. Гилберт, Дж. Ди, Г. Галилей и др. избегают самоопределения как «физиков» или «алхимиков», предпочитая называться «математиком» или «философом», что свидетельствует о вписывании новых открытий в средневековую эпистему. На портретах и надгробиях появляются и знаки нового времени – указывается название научного труда и открытия, прославившего ученого, что свидетельствует о том, что современники / родственники / коллеги осознают их ценность и гордятся этими достижениями. Надпись кроме посмертной похвалы может также содержать и моральную оценку научно-исследовательской деятельности почившего.

Ярким примером этому может служить эпитафия И. Ньютону на памятнике с аллегорическими фигурами в Вестминстере: «H. S. E. ISAACUS NEWTON Eques Auratus, / Qui, animi vi prope divinâ, / Planetarum Motus, Figuras, / Cometarum semitas, Oceanique Aestus. Suâ Mathesi facem praeferente / Primus demonstravit: / Radium Lucis dissimilitudines, / Colorumque inde nascentium proprietates, / Quas nemo antea vel suspicatus erat, pervestigavit. / Naturae, Antiquitatis, S. Scripturae, / Sedulus, sagax, fidus Interpres / Dei O. M. Majestatem Philosophiâ asseruit, / Evangelij Simpliciter Moribus expressit. / Sibi gratulentur Mortales, / Tale tantumque exstitisse / HUMANI GENERIS DECUS. / NAT. XXV DEC. A.D. MDCXLII. OBIT. XX. MAR. MDCCXXVI» (*Здесь похоронен Исаак Ньютон, Рыцарь, который благодаря силе ума, почти божественной, и математическим принципам, особенно своим собственным, исследовал орбиты и формы планет, пути комет, морские приливы, различия в лучах света и, что ранее не предполагал ни один другой ученый, свойства получаемых таким образом цветов. Прилежный, пронизательный и верный в своем изложении природы, древности и Священного Писания, он своей философией доказывал величие Бога, могущественного и доброго,*

и выражал простоту Евангелия в своих манерах. Смертные радуются тому, что существует такое великое украшение человеческого рода! Он родился 25 декабря 1642 года и умер 20 марта 1726 года. / Дата смерти указана в современном старом стиле, которым в настоящее время является 1727 год.)

Таким образом, кроме иллюстраций к научным изданиям, парадных, в том числе, групповых портретов и скульптур, еще одним таким пространством, где мы можем увидеть формирующийся социокультурный модус репрезентации новой научной эпистемы и статуса ученого, является кладбище, поскольку надгробные надписи и эпитафии раннего Нового времени, подводя итог жизни ученого, свидетельствует о восприятии степени ценности научных достижений, открытий и изобретений современниками (коллегами по цеху и родственниками), а иногда и самими учеными.

Надгробная надпись о жизни ученого является самостоятельным модусом репрезентации, содержание которой сегодня может вызвать различные вопросы. И нередко она находится в пространстве между уникальной саморепрезентацией ученого и традиционным средневековым сословным модусом, поскольку нередко сохраняется отсылка к его социальному статусу согласно рождению, продолжая посмертно встраивать в средневековую социальную иерархию и иерархию знания.

При том, что такой специфический вид деятельности, как занятия наукой невозможно было передать как ремесло или военное дело по наследству, а средневековые институты, связанные с интеллектуальной деятельностью часто не привлекали ученых нового типа, это, с одной стороны, порождало возможности для социальной мобильности ученых, поскольку новые формы научной институционализации разрушали традиционные сословные границы, с другой, – становилось поводом для критики. В XIX веке появляется тенденция к исчезновению эпитафий и пространственных надписей на захоронениях ученых, что свидетельствует о том, что наука уже имеет достаточно высокий статус, открытия и достижения стали частью образования и в условиях современного общества, где исчезли средневековые сословные границы, уже нет необходимости оставлять вышеописанные маркеры.

Список литературы

1. Косарева 1985 – Косарева Л.М. Генезис научной картины мира: социокультурные предпосылки. М.: ИНИОН, 1985. 80 с.
2. Лисович – Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения: научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 440 с.
3. Сапрыкин 2000 – Сапрыкин Д. Л. «Научный орден» Френсиса Бэкона и зарождение научного общества нового типа // Науковедение. 2000. № 3. С.194–208.
4. Dawbarn 2004 – Dawbarn F. Science and patronage in England, 1570–1625: a preliminary study // History of Science, Vol. 42. 2004. P. 137–188.
5. Eamon 1991 – Eamon W. Court, Academy, and Printing House: Patronage and Scientific Careers in Late-Renaissance Italy // Patronage and Institutions: Science, Technology, and Medicine at the European Court 1500–1750 / ed. Bruce T. Moran. Rochester, N.Y.: The Boydell Press, 1991. P. 25-50.

НАЗАД К ИСТОРИИ НАУКИ: ПОЧЕМУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ И. ЛАКАТОСА АКТУАЛЬНА ДЛЯ СЕГОДНЯШНИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Мусс Александр Игоревич

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: albertwanderer@gmail.com*

Андреева Дарья Александровна

*Студент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st085032@student.spbu.ru*

Исследование посвящено проблеме знакомства с историей и методологией науки студентов-психологов и представляет собой попытку ответа на вопрос о том, почему, несмотря на раннее и продолжительное знакомство с данной областью, начинающееся с первого курса и заканчивается в аспирантуре, транслируемые знания об истории и философии науки не привлекают студентов-психологов в науку, не улучшают качество и не помогают им в разработке их собственных исследований. В качестве источника указанной проблемы рассматривается одновременно выборка рассматриваемых авторов и абстрактное знакомство студентов с их идеями, без привлечения фактического исторического материала, демонстрирующего связь между идеями и концепциями в философии науки и актуальным на момент публикации этих материалов состоянием и содержанием научного знания, а также осведомленности о нем. Решением указанной проблемы может быть пересмотр самой концепции знакомства студентов-психологов с историей и философией науки, которое, с одной стороны, будет ориентироваться на те методологические проблемы, решения которого требуются в современных психологических исследованиях, а, с другой стороны, будет учитывать исторический контекст формирования и развития методологического знания, чего требовали такие классики истории и философии науки как И. Лакатос.

Ключевые слова: история и философия науки, постпозитивизм, методология психологии, методологические проблемы, психологические исследования, междисциплинарность

BACK TO THE HISTORY OF SCIENCE: WHY THE METHODOLOGICAL POSITION OF I. LAKATOS IS RELEVANT FOR TODAY'S RESEARCHERS

Muss Alexander Igorevich

*Senior Lecturer
Saint Petersburg State University
E-mail: albertwanderer@gmail.com*

Andreeva Daria Aleksandrovna

*Student
Saint Petersburg State University
E-mail: st085032@student.spbu.ru*

The article is devoted to the problem of acquaintance with the history and methodology of science of psychology students and is an attempt to answer the question of «why», despite an early and long acquaintance with this field, starting from the first year and ending in graduate school, the transmitted knowledge about the history and philosophy of science does not attract psychology students to science, do not improve the quality and do not help them in developing their own research. The source of this problem is considered simultaneously a sample of the authors in question and an abstract acquaintance of students with their ideas, without involving actual historical material

demonstrating the connection between ideas and concepts in the philosophy of science and the current state and content of scientific knowledge and awareness of it at the time of publication of these materials. The solution to this problem may be a revision of the very concept of acquaintance of psychology students with the history and philosophy of science, which, on the one hand, will focus on those methodological problems whose solutions are required in modern psychological research, and, on the other hand, will take into account the historical context of the formation and development of methodological knowledge, which such classics of history demanded and philosophy of science as I. Lakatos.

Keywords: history and philosophy of science, postpositivism, methodology of psychology, methodological problems, psychological research, interdisciplinarity

История и философия науки является базовым курсом для аспирантов любой специальности, причем его программа обычно выстраивается относительно выбранной специальности. Если мы говорим о подготовке психологов на факультете психологии СПбГУ, то здесь знакомство с историей и философией науки в формате курсов, посвященных методологии и методологическим проблемам психологической науки, происходит задолго до аспирантуры – частично – на первом и втором курсе в рамках предмета “экспериментальная психология”, затем на последнем курса бакалавриата, а также на первом курсе магистратуры и затрагивает практически все специальности. В таком подходе можно было бы видеть стремление привлечь большее количество начинающих психологов в фундаментальные исследования и познакомить их со спецификой научного исследования, начиная от ответа на вопрос “Что такое наука?” (методология в широком смысле) и заканчивая знакомством с конкретными методами исследования (методология в узком смысле).

Однако насколько реализация такого подхода оказывается эффективной? Видим ли мы огромное количество студентов, у которых горят глаза при слове “наука”, которые проводят свой досуг в лабораториях или на собраниях научных групп? Если Вы спросите группу из 20-30 студентов-психологов второго курса о том, кто из них планирует в дальнейшем заниматься исследованиями (вопрос актуален, поскольку именно на втором курсе наши студенты, как правило, выбирают научного руководителя и тему своей первой курсовой работы, которую они пишут до конца второго семестра и защищают в мае-июне), то, если кто-то и поднимет руки, то таких студентов будет не очень много: всего 1-3 человека.

Характерно, что такая ситуация практически неизменной сохраняется в магистратуре, кроме тех направлений, которые считаются по умолчанию ориентированными на исследования, например, «общая и когнитивная психология», которая реализуется у нас на кафедре общей психологии. В аспирантуру же психологи идут не столько для исследований и преподавания, сколько для получения дополнительного стажа, который может цениться в практической работе психолога.

В таком контексте сложно говорить о том, что такое постоянное погружение в общие и частные аспекты истории и философии науки привлекает студентов-психологов в научные исследования.

А что можно в таком случае сказать о качестве исследований? За 9 лет, которые прошли с момента выпуска одного из авторов данного текста, можно говорить о том, что есть определенные сдвиги в освоении различных методов исследования. Например, вместо преимущественно корреляционных исследований с использованием большого числа различных бумажных тестов и опросников стали чаще проводить онлайн опросы и тестирования, качественные исследования с использованием различных методов интерпретации текстов, а также экспериментальные исследования с использованием различного оборудования, начиная от компьютеров и ноутбуков, заканчивая приборами для регистрации движений глаз, электрической активности сердца и головного мозга. Кроме того, усложнились используемые методы статистической обработки данных –

даже применение коэффициентов корреляции стало корректироваться с учетом современного состояния математической статистики. Важно отметить, что студенты, проводящие экспериментальные исследования, стали чаще сами изучать языки программирования для создания экспериментов и анализа данных. То есть современное исследование в психологии включает в себя поиск новой информации из смежных областей и обращение к методологии и методам других наук для поиска инструментов, применимых к изучаемому процессу или явлению. Получается, что методы, которые используются студентами, зачастую требуют проактивной позиции, получения исследовательского опыта, который лежит за пределами стандартных программ. Поскольку такой опыт фактически является междисциплинарным, требуются дополнительные знания и усилия для того, чтобы конечный результат представлял собой некоторую целостность.

В контексте обретения такой целостности междисциплинарных исследований под эгидой психологии большой проблемой становится для студентов-психологов оформление структуры своих исследований (что выражается в структуре их научных и выпускных работ), сопоставление своих научных интересов с фундаментальными проблемами, разработка теоретического и концептуального аппарата исследования, а также выстраивание связей между концептуализацией объекта и предмета исследования, выбранными теориями, подходами и используемыми исследовательскими методами. Исходя из этого, как нам кажется, нельзя также говорить о том, что знакомство с историей и философией науки, начиная с первого курса, помогает студентам-психологам содержательно развивать свои исследования.

Попробуем проанализировать, почему так происходит. В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на то, с каким кругом авторов и в каком контексте студенты-психологи знакомятся с историей и философией науки. Основной круг авторов, на основании взглядов которых формируются представления о науке, представлен преимущественно философами-постпозитивистами – К. Поппером, Т. Куном и И. Лакатосом. Также в противовес трем указанным авторам упоминается П. Фейерабенд. К. Поппер упоминается в контексте предложенной им фальсифицируемости научных теорий как критерия демаркации собственно научных теорий. То есть в краткой форме преподносится критика Поппером логических позитивистов, вводится и обсуждается верификация, причем не в контексте логического анализа структуры научных теорий и поиска протокольных предложений [Сарпар 1931], а в контексте более абстрактной идеи об опытно обосновании [Аллахвердов, Кармин, Шилков 2008]. Фальсифицируемость в этом контексте также преподносится не в форме наличия базисных суждений-фальсификаторов в структуре теории [Поппер, 1983], а в виде возможности проверки научной теории на опровержение [Аллахвердов, Кармин, Шилков 2008]. Т. Кун [Кун 2009] и И. Лакатос [Лакатос 2008] в первую очередь рассматриваются в качестве авторов концепций, описывающих некумулятивное развитие науки. Причем здесь важно подчеркнуть, что в контексте психологических исследований термин Т. Куна “парадигма” используется, скорее, не для обозначения единого стандарта развития науки и проведения исследований, а для указания на конкретный подход в исследовании какого-либо феномена: например, парадигмами называются различные подходы к исследованию различных свойств и феноменов внимания [Фаликман 2006]. Такой экскурс в историю и философию науки также дополняется формулировками методологических принципов, которые должны помогать организовывать исследования, как минимум, в отношении формулировки гипотез, проведения эмпирических исследований и интерпретации полученных результатов [Аллахвердов, Кармин, Шилков 2007].

Можно заметить, что между озвученными выше требованиями и проблемами, перед которыми встают студенты-психологи в процессе проведения научных

исследований и написания своих научных работ с одной стороны, а также с содержанием вводных курсов, посвященных истории и философии науки существует определенное расхождение: фактически, вместо знакомства с разнообразием подходов к философии науки акцент делается исключительно на постпозитивистах, при этом такое обращение к авторам апеллирует, скорее к теориям и концепциям, абстрактным по отношению к опыту сами студентов в сфере науки и научного познания. Иными словами, идеи философов науки преподносятся вне контекста развития и состояния различных естественных и гуманитарных наук на момент написания и публикации работ указанных авторов, не рассматривается их собственный опыт исследования и степень их знакомства в различными научными направлениями, а также история развития тех представлений о науке, с которыми они спорили и которые они развивали. То есть философия науки при таком преподнесении лишается ключевого компонента современной методологии науки – ее истории [Лакатос 2008], причем истории в современном ключе, охватывающей как минимум повседневность, развитие идей и понятий.

Более того, такая фиксация на абстрактных формулировках не дает студентам-психологам того фактического материала, который помог бы им разобраться в интересующей их проблематике, а также выстраивать связи между разнообразием наук и подходов, которые были сформированы классическими и современными исследованиями. Т.е. философия науки не становится инструментом, позволяющим решать те методологические проблемы, с которыми фактически сталкиваются студенты-психологи.

Решением указанной проблемы могла бы стать радикальная перестройка подхода к преподаванию истории и философии науки и ее элементов для студентов-психологов. В первую очередь будет важным соотнести рассматриваемый материал с теми методологическими проблемами, с которыми неизбежно будут сталкиваться в своей работе будущие исследователи. Это, прежде всего, указанный нами выше поиск связи между научным интересом конкретного студента и фундаментальными проблемами, формулировка своей позиции как исследователя с привлечением в качестве обоснования и основы существующих философских концепций, а также разработка структуры исследования с учетом необходимости соотнесения в рамках одной темы идей, теорий, концепций и методов из различных научных областей.

При этом знакомство с таким материалом стоит выстраивать в рамках указанного выше принципа И. Лакатоса, связавшего историю науки и ее методологию. Причем такое погружение в исторический контекст должно быть, на наш взгляд, не просто сухим перечислением авторов и их идей с формальным указанием на эпоху, а должно опираться на классические и актуальные исследования, проводимые в рамках подходов, позволяющих изучать, как минимум, историю повседневности, идей и понятий.

Список литературы

1. Аллахвердов, Кармин, Шилков 2007 – Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип простоты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 230-246.
2. Аллахвердов, Кармин, Шилков 2008 – Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип проверяемости. Часть III. Стратегии независимой проверки // Методология и история психологии. 2008. № 2. С. 175-185.
3. Кун 2009 – Кун Т. Структура научной революции. М.: АСТ, 2009. 320 с.
4. Лакатос 2008 – Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008. 475 с.
5. Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания (избранные работы). М.: Прогресс, 1983. 605 с.

6. Фаликман 2006 – Фаликман М.В. Общая психология. В 7 томах. Том 4. Внимание. Издательский центр «Академия», 2006. 480 с.
7. Carnap 1931 – Carnap R. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache // Erkenntnis. 1931. №. 2. P. 219-241.

УДК 165

О ДВУХ МЕХАНИЗМАХ ЭВОЛЮЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Неважай Игорь Дмитриевич

Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: igornevv@gmail.com

Эволюция научного знания имеет многообразные проявления. В своем докладе я обращаюсь к исследованию исторического развития научных понятий. Цель его состоит в демонстрации действия двух механизмов такого развития, в которых проявляются эвристические функции понятия смысла.

Для достижения поставленной цели было проанализировано фрегевское понятие смысла. Показывается, что определение смысла, данное Г. Фреге, ограничено, так как в нем принимается во внимание только одно из двух отношений между означающим и означаемым. Поэтому я предлагаю дополнить определение Фреге «смысла знака» определением «смысла значения», которое связано с отношением означающего, указывающего на обозначающее. Фрегевское определение смысла позволило оправдать существование в логике пустых понятий. Предложенное мною понятие смысла значения позволяет ввести представление о существовании в логике так называемых «бессодержательных» понятий, или понятий с недостаточным содержанием. Предложенные две интерпретации смысла связаны с двумя фундаментальными функциями сознания: респонсивность сознание обеспечивает предметное выражение значения в знаке, а интенциональное сознание обеспечивает интерпретацию знака в предметном значении. Для анализа эволюции научных понятий принципиальным является рассмотрение языка науки в контексте соотношений знака, предметного значения и смысла. Введение понятия смысла дает инструмент для понимания внутреннего механизма развития научного знания.

Изменение знания может выразиться в изменении объема или содержания понятия. В традиционной логике изменение объема и изменение содержания понятия однозначно скоррелированы. Однако в реальной практике познания изменения объема и содержания могут происходить относительно независимо друг от друга, так связь содержания и объема понятия опосредована смыслом либо обозначающего (содержанием), либо обозначаемого (объема). В рамках данного контекста эвристическая функция смысла состоит в том, что смысл выступает генератором изменений и знака, и значения.

На ряде примеров от истории физики показывается «работа» смыслов пустых понятий и «бессодержательных» понятий, и механизмы изменения научного знания. Показывается как в процессе исторического развития науки пустые понятия обретают определенный объем (предметное значение), а бессодержательные понятия наполняются ясным определенным содержанием (знаком). Таким образом, демонстрируется действие двух взаимодополнительных механизмов развития знания: первый связан с поиском новых форм знакового выражения данного предметного значения, а второй – с поиском новых предметных значений для данного знака.

Делается вывод об эвристическом значении анализа смысловых аспектов языка науки для понимания механизмов эволюции научного знания.

Ключевые слова: смысл знака, смысл значения, выражение, интерпретация

ON TWO MANNERS OF EVOLUTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Nevvazhay Igor Dmitrievich
Head of the Department of Philosophy
Saratov State Law Academy
E-mail: igornevv@gmail.com

The evolution of scientific knowledge has diverse manifestations. In my report, I study of the historical development of scientific concepts. Its purpose is to demonstrate the operation of two mechanisms of such development, in which the heuristic functions of the concept of sense are manifested.

To achieve this goal, the Fregean concept of meaning was analyzed. It is shown that the definition of sense given by G. Frege is limited, since it takes into account only one of the two relations between the signifier and the signified. Therefore, I propose to supplement Frege's definition of the "sense of sign" with the definition of the "sense of meaning", which is related to the relation of the signifier pointing to the signified. Frege's definition of sense made it possible to justify the existence of empty concepts in logic. The concept of sense of meaning that I have proposed allows us to introduce the idea of the existence in logic so-called "contentless" concepts, or concepts with incomplete content. The proposed two interpretations of sense are related to two fundamental functions of consciousness: responsiveness consciousness provides the objective expression of meaning by sign, and intentional consciousness provides the interpretation of sign by objective meaning. To analyze the evolution of scientific concepts, it is fundamental to consider the language of science in the context of the relations of sign, subject meaning and sense. The introduction of the concept of sense provides a tool for understanding the internal mechanism of the development of scientific knowledge.

A change of knowledge can be expressed in a change of scope or content of concept. In traditional logic, the change of scope and the change of content of concept are uniquely correlated. However, in the actual practice of cognition, changes of scope and content can occur relatively independently of each other, so the relationship between the content and scope of concept is mediated by sense of either the denoting (content) or the denoted (scope). Within this context, the heuristic function of sense is that meaning acts as a generator of changes of both sign and meaning.

A number of examples from the history of physics show the "work" of senses of empty concepts and "contentless" concepts, and the mechanisms of changing scientific knowledge. It is shown how in the process of the historical development of science empty concepts acquire a certain scope (objective meaning), and contentless concepts are filled with a clear definite content (sign). Thus, the effect of two complementary mechanisms of knowledge development is demonstrated: the first is associated with the search for new forms of symbolic expression of a given subject meaning, and the second is associated with the search for new subject meanings for a given sign.

The conclusion is made about the heuristic significance of the analysis of sense aspects of the language of science for understanding the mechanisms of the evolution of scientific knowledge.

Keywords: sense of sign, sense of meaning, expression, interpretation

Фрегевское определение смысла связывает обозначающее (знак) и обозначаемое (предметное значение) в отношении выражения или представления [Фреге 2000]. Поскольку в этом определении смысл связывается со знаком. Здесь знак является переменной в отношении к предметному значению, которое фиксировано (см. формулу $A=B$). Но связь знака и значения содержит еще и другое отношение – отношение обозначающего к обозначаемому, которое не является симметричным отношением обозначаемого к обозначающему. Здесь переменной стороной отношения является предметное значение, а не знак. Это уже не отношение выражения, а отношение, которое может быть определено как интерпретация, или отношение указания. Оно является способом задания обозначаемого. Здесь мы говорим о смысле значения (предметного значения). Это определение другого смысла, отличного от фрегевского. Давать значению знак (представлять, или выражать значение) и придавать знаку значение – это две разные процедуры, в которых реализованы два разных значения смысла. Если снова обратиться

к формуле $A=B$, то дать интерпретацию знакам A и B мы можем только если придадим смысл (предметному) значению, общему и для A , и для B . Придать смысл значению мы можем, если зададим вопрос: что значат « A » и « B ». Например, если обозначаемое знаками « A » и « B » значение имеет физический смысл, то этими знаками мы обозначаем равные физические величины, если значению придается математический, в частности, геометрический смысл, то знаками « A » и « B » мы обозначаем, допустим, площадь плоских фигур.

Все эти акты являются вполне сознательными и в них реализуются две способности сознания, которые были открыты и изучены в феноменологии. Мой анализ опирается на семиотическую интерпретацию феноменологической концепции сознания [Апель 2001], [Searle 1983]. Феноменология признает существование двух фундаментальных способностей сознания: интенциональности [Гуссерль 2009] и респонсивности [Вальденфельс 1999]. Интенциональное сознание реализуется посредством акта интерпретации знака, в результате которого знаку придается предметное значение. Напротив, для респонсивного сознания всякий предмет «дан» как некое содержание, которое требует распознавания и выражения. С семиотической точки зрения это акт замещения и выражения значения посредством знака. Здесь мысль преимущественно направлена на выражение, на поиск знаков, текстов, адекватных некоторому «найденному» содержанию.

Содержательная «работа» смыслов в деятельности сознания в процессе познания выявляется в особых предельных ситуациях, когда либо 1) есть знак, но не определено еще его предметное значение, либо 2) есть значение, но нет еще его знака. Когда есть знак и, соответственно, признаки содержания, но нет предметного значения, то есть объема, то в логике мы говорим о пустых понятиях. Когда же есть значение (объем), но нет знака (признаков содержания), то в этом случае мы можем говорить о «не(бес)содержательных» понятиях. С последнего рода понятиями логика, кажется, дела не имеет. Однако, как у пустых понятий знак обладают смыслом, так и в случае бессодержательных понятий их предметные значения обладают смыслом. Но эти смыслы не соединяют наличествующие знак и значение, поэтому в отмеченных ситуациях смыслы являются либо интенциями, либо респонсиями. Смысл значения – это интенция значения, а смысл знака есть респонсия знака. Или: смысл знака – это направленность сознания на поиск своего возможного предметного значения, а смысл предметного значения – это его направленность на поиск своего знакового выражения. В повседневной практике мы нередко сталкиваемся с подобными ситуациями. Так, завидя какой-то не очень знакомый предмет, мы задумываемся над тем, что это за предмет, то есть как его имя. Мы ищем ему имя, потому что предмет имеет для нас смысл, который раскрывается процедурой именованя. Дав ему имя, мы реализуем интенцию выражения, то есть интенцию узнавания (респонсию) предмета. Но сознание выполняет и другую функцию, когда, реализуя интерпретационную интенцию, оно либо ищет предмет, который соответствовал бы уже имеющемуся знаку, либо создает его.

Но в обоих случаях, то есть как в респонсивном акте, так и в интенциональном акте, сознательное действие продуцируется смыслами, которые мы придаем либо предметному значению, либо знаку. Результатом этих актов являются, соответственно, фиксация смысла в знаке (в респонсивном акте), или фиксация смысла в предметном значении. При этом необходимо иметь в виду, что смысл не сводится ни к одной из конкретных фиксаций – ни к знаку, ни к значению, поскольку ни респонсия, ни интенция могут реализовываться в разных знаках и разных предметных значениях. То есть смысл всегда шире того, в чем он раскрывается, воплощается, реализуется.

Все описанные семиотические действия сознания обнаруживаются на множестве примеров из истории науки. В истории науки встречается немало примеров пустых

понятий, которые с течением времени могут обрести своё предметное значение и таким образом перестать быть пустыми, но могут и исчезнуть из языка науки вообще. Возьмем пример с понятием атома. Имя «атом» появилось в эпоху античности благодаря Левкиппу и Демокриту, но что обозначало, на какую реальность указывало это имя тогда еще не было ясным. Имя «атом» (по-гречески «неделимое») ни на что не указывало. Правда Демокрит придумал, что этим именем называются особого рода частицы, которые тот же Демокрит наделял произвольным набором свойств. Предметное значение знака «атом» стало постепенно формироваться лишь начиная с XVIII века (Джон Дальтон) и в XX веке окончательно сложилось в квантовой теории атома. Почему понятие атома так долго сохранялось? Я полагаю, что дело в том смысле, который изначально интуитивно мыслился Демокритом, а именно: атомы являются составными частями всякого сущего. Этот смысл «двигал» сознанием ученых, искавших простейшие элементы материальных тел. Смысл был генератором предметных значений. Напротив, понятие флогистона, которое должно было обозначать особую субстанцию, отвечающую за горение веществ, так и осталось в науке пустым. Никаких научных подтверждений существования флогистона найдено не было. Стоит отметить, что изначально пустые понятия могут не только превращаться в непустые или просто устраняться из научного языка, но возможен третий вариант, когда пустое понятие остается таковым в научном языке, но приобретает статус научной фикции. Так понятие вечного двигателя в термодинамике остается пустым и сегодня, но в отличие от флогистона выполняет важную функцию: с его помощью формулируются термодинамические принципы. Таким же является понятие абсолютного нуля температур по шкале Кельвина.

Но в науке функционируют не только пустые понятия, но и понятия бессодержательные (выражаясь осторожнее, можно их назвать понятия с неопределенным содержанием), но также обладающие смыслом. Бессодержательность означает отсутствие набора общих существенных признаков у предметов, мыслимых в объёме данного понятия. Дело в том, что нам могут быть пока неизвестны общие признаки, которыми обладают предметы, ибо мы нашли лишь имена, знаки, которые указывают на наличие предметного содержания. Таким образом, человек может осознавать, что есть определенная предметная область, которую он пока не может представить, выразить посредством набора общих признаков некоего предполагаемого содержания. Это видно из того, что у человека есть имя, которое он относит к определенной предметной области, но это имя не содержит ещё общих признаков предметов этой области. С таким феноменом мы встречаемся не только в истории науки, но и в исследовании психологических процессов в формировании научных понятий. Так, Жан Пиаже, изучая процесс формирования понятия скорости у детей, отмечал, что дети поначалу определяют скорость интуитивно как «обгон». Быстрота – признак скорости, но определяется величина скорости по ситуации «обгона»: кто обгоняет, тот и быстрее. Но этого признака явно недостаточно, чтобы отличать состояние, в котором присутствует скорость, от состояния, где её нет. И в истории науки всем знакомая формула скорости как частного от деления пути на время была введена Эйлером лишь в XVIII веке, благодаря которой признаками скорости стал пройденный путь и затраченное на это прохождение время. В результате бессодержательное вначале понятие скорости приобрело содержание за счет найденной знаковой математической формой выражения предметного значения «быстроты».

Другой любопытный пример из истории физики. Давно существовало представление о силе, но долгое время не были ясны признаки, свойственные любым силам (притяжения, отталкивания, трения, тяжести и т.п.). Лишь благодаря Декарту, который ввел представление о системе координат, появился язык, с помощью которого стало возможным описать, или выразить силу в виде шести проекций вектора силы на

оси координат: начало вектора (x_1, y_1, z_1) и его конец (x_2, y_2, z_2) . Со временем сформировалось математическое описание силы как вектора, который имеет направление и величину.

Нельзя не вспомнить предшественника Декарта Галилея, который сделал принципиальный шаг к формированию математического языка физики, высказав метафору «книги природы», которая написана на языке математики, буквами которого являются числа и фигуры. Этой метафорой Галилей открыл путь к тому, чтобы ранее лишь интуитивные, но «бессодержательные» понятия движения, скорости, ускорения, массы, силы приобрели признаки и соответствующие знаки, чтобы можно было сформулировать физическое содержание этих понятий. Если пустые понятия присущи культуре интерпретации, в которой смысл знака определяет значение, то бессодержательные понятия присущи культуре выражения, в которой смысл значения определяет его признак и знак. Главной заслугой, которая принадлежит Галилею состоит в том, что он нашел универсальный математический язык, которым можно было бы выразить и описать наблюдаемые физические явления. Поэтому можно сказать, что основой современного естествознания была культура выражения, которую сформировал прежде всего Галилей. Но любопытно то, что в современном естествознании доминирует интерпретативная культура, которая продуцирует предметные значения математического научного языка. В физике XX века уже при построении квантовой физики важную роль играл метод математической гипотезы. При этом главной задачей был поиск новых предметных значений математических символов. Например, поиск интерпретации уравнения Э. Шрёдингера и физического значения волновой функции в квантовой механике шел в течении многих лет.

Таким образом, учет семиотической структуры понятий, введение смысла в качестве базовой составляющей всякого понятия позволяет раскрыть важные ранее неизвестные механизмы возникновения нового знания и его эволюцию.

Список литературы

1. Апель 2001 - Апель К.-О. Трансформация философии. М.: «Логос», 2001. 344 с.
2. Вальденфельс 1999 - Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999. 176 с.
3. Гуссерль 2009 - Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
4. Фреге 2000 - Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230-246.
5. Searle 1983 - Searle J.R. Intentionality. New York: Cambridge University Press, 1983. 278 p.

УДК 165.0:168

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ОБРАЗ НАУКИ

Останина Ольга Александровна

Доктор философских наук, профессор

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

«Вятский государственный университет»

E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Повсеместное распространение и применение цифровых технологий делают актуальной проблему трансформации науки и как вида знания, и как вида деятельности, и как

социального института. Возникает закономерный вопрос, ведет ли цифровизация к кардинальному, качественному изменению образа науки. Ответ на данный вопрос, как и разработка проблемы трансформации науки, предполагают, на наш взгляд, применение системного и комплексного подходов, что позволяет сформулировать некоторые выводы. Во-первых, цифровизация соответствует статусу логико-культурной доминанты и может быть исследована таким образом. Во-вторых, последствия применения цифровых технологий в науке противоречивы: с одной стороны, быстрее и точнее решаются научные задачи, появляются новые возможности обоснования достоверности и объективности знаний, с другой стороны, меняется содержание деятельности исследователя и возникает потребность в ином, причем более высоком, качестве мышления; образ же науки как таковой, по существу, не меняется, цифровизация трансформирует инструментальную и функциональную стороны науки. В-третьих, противоречивый характер последствий цифровизации в сфере науки может быть понят и всесторонне исследован в рамках социальной эпистемологии. В-четвертых, цифровизации хорошо поддается та сторона действительности, которая доступна количественным методам исследования, которая калькулируема, что не расширяет и не углубляет предметное содержание науки, содержательные характеристики знания.

Ключевые слова: цифровизация, большие данные, наука, логико-культурная доминанта, социальная эпистемология, язык.

DIGITALIZATION AND THE IMAGE OF SCIENCE

Ostanina Olga Alexandrovna

DSc of Philosophy, Professor

Federal State Budget Educational Institution «Vyatka State University»

E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

The ubiquity and application of digital technologies make the problem of transformation of science as a type of knowledge, as an activity, and as a social institution urgent. A natural question arises whether digitalization leads to a cardinal, qualitative change in the image of science. The answer to this question, as well as the development of the problem of transformation of science, presuppose, in our opinion, the use of systematic and comprehensive approaches, which allow us to formulate some conclusions. Firstly, digitalization corresponds to the status of a logical and cultural dominant and can be investigated in this way. Secondly, the consequences of the use of digital technologies in science are contradictory: on the one hand, scientific problems are solved faster and more accurately, new opportunities for substantiating the reliability and objectivity of knowledge appear, on the other hand, the content of the researcher's activity changes and there is a need for a different, and higher, quality of thinking; the image of science as such, in fact, does not change, digitalization transforms the instrumental and functional sides of science. Thirdly, the contradictory nature of the consequences of digitalization in the field of science can be understood and comprehensively investigated within the framework of social epistemology. Fourth, digitalization lends itself well to the side of reality that is accessible to quantitative research methods, which is calculable; this does not expand or deepen the subject content of science, the substantive characteristics of knowledge.

Keywords: digitalization, Big Data, science, logical-cultural dominant, social epistemology, language.

Новые технологии и их применение в различных сферах деятельности актуализируют вопросы о будущем науки, ее основаниях, ее дисциплинарной структуре, институциональной организации и способах научного познания. Одной из таких технологий является цифровизация, точнее, блок цифровых технологий – Интернет вещей, большие данные («нефть» XXI века, как их называют), экономика совместного потребления, использование цифровых, в том числе социальных, платформ, облачные и квантовые вычисления, дополненная виртуальная реальность, Метавселенная и др. С другой стороны, меняется позиционирование науки: кажется, отошли на второй план дискуссии о гуманизации науки, постнеклассической научной картине мира; если ранее под сомнение ставилась истина как таковая и речь шла о неуместности понятия истины, замене его понятием правдоподобности, принципом гипотетичности любого знания,

то сейчас релятивизируется сама научность. Пересмотр сущности и критериев научности осуществляется не так, как это было свойственно П. Фейерабенду, говорившему о равнозначности и равноправии разных форм познания: сейчас любая «как бы» исследовательская практика может оказаться научной, размываются границы науки. Получается, либо наука в ее современном понимании исчезает, уступая место какой-то иной форме познавательной деятельности, либо наука переходит в иное качество. То и другое связаны с цифровизацией.

1. Цифровизация, на наш взгляд, может быть рассмотрена как логико-культурная доминанта, она вполне соответствует требованиям применимости содержания данного понятия и может быть исследована в его контексте. «Логико-культурная доминанта направлена на анализ межнаучных отношений, выявление условий трансляции каких-то идей из науки в науку, из одного пласта культуры в другой» [Сорина 2013, web]. Действительно, цифровые технологии используются в управлении, финансовой и налоговой системах, юридико-правовой практике, искусстве, литературе, музыке, конфессиональных организациях, повседневной жизни и, конечно, науке. В философии науки проблематика, связанная с цифровизацией, разнообразна – получение, обработка и обобщение фактологического материала, трансформация познавательных процедур, способов коммуникации и критериев объективности научного знания.

2. Представляет интерес вопрос, меняет ли цифровизация образ науки, идеалы научности, или, наоборот, она доводит до логического завершения определенную модель научного познания, которую критически анализировали Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др., говоря об утрате смысловой направленности и смыслового содержания науки, ее организации как производства и предприятия, о ее инструментальном характере, преобладании количественной стороны исследования над качественной. Не являются ли изменения, обусловленные цифровизацией, только функциональными и инструментальными? С одной стороны, цифровизация ассоциируется с возрастанием степени научности, точности, строгости. Особенно это повышает оптимизм в отношении социально-гуманитарных наук, которые, наконец-то, благодаря большим данным, обретают настоящую фактологическую базу, из которой «вырисуются» законы.

В самом деле, большие данные способны предложить новые типы фактов, они обладают способностью проводить многочисленные причинно-следственные эксперименты, могут предоставлять самые правдивые факты и рассматривать самые мелкие подмножества людских сообществ [Мальцев 2019, с. 47]; а искусственный интеллект способен мгновенно запоминать информацию, быстро обрабатывать количественные данные, вести сбор данных, брать тем самым на себя ряд функций исследователя, менять способы научной коммуникации и обмена результатами научной работы. Работа с большими данными и применение систем искусственного интеллекта потребуют от ученого определенного качества сознания и мышления – способность к контекстуальному анализу, самостоятельность и критичность, методологичность.

С другой стороны, работа с системами искусственного интеллекта и большими данными предполагает унификацию и стандартизацию компьютерных программ, языка, средств коммуникации, что противоречит требуемым качествам мышления и образования, но вполне укладывается в конвенциональные критерии научности – воспроизводимость, повторяемость, проверяемость, непротиворечивость [Савчук 2020, с. 116]. То есть, «цифра», по существу, ничего, во всяком случае, пока не меняет.

Кроме того, работа с большими данными сопряжена со сложностью объяснения причин выявления той или иной информации; большие данные не охватывают все стороны жизни, существует угроза злоупотребления ими в целях манипулирования и получения прибыли, управления и контроля, угроза нарушения неприкосновенности

частной жизни, существует возможность торговли большими данными. Искусственному интеллекту сложно обрабатывать качественную информацию, он может давать сбои и быть необъективным, требует психологической адаптации человека к инфосфере и др. Добавим сюда еще «болезни века: цифровое слабоумие, двигательная депривация, утрата воли и желания, разрушение социальной организации» [Савчук 2020, с. 123], искажение образа науки в новых формах образования – on-line, в дистанционном формате.

3. Следовательно, роль цифровых технологий и образ науки не самодостаточны: в той или иной степени, они детерминированы обществом, социокультурным контекстом. Как писал О. Шпенглер, в основе чисел лежит исконное чувство и образующий принцип, что «не следует смешивать математику, понимаемую как обладание приращенным виртуальным миром чисел с гораздо более узкой научной математикой, с *учением о числах*» [Шпенглер 1998, с. 94]. Особенности наук, стиля познания исторически изменчивы; по О. Шпенглеру, в них выражена душа определенной культуры, принимающая устойчивые формы деятельности людей и социальной организации общества. Если рассуждать с позиций социальной эпистемологии, то речь пойдет о конкретных типах общества с их социальной структурой, распределением и организацией власти. Современное общество является переходным, переход общества в качественно новое состояние не завершен, «старый» тип общества сохраняется, как и адекватный ему образ науки. Более того, само будущее далеко не ясно, последствия применения новых технологий сложно определить с высокой степенью вероятности. Возможно, этим объясняется противоречивость следствий цифровизации в сфере науки. Здесь открывается поле исследований для социальной эпистемологии, которая обратит внимание на влияние социальных интересов, властных интересов на содержание и формы применения цифровых технологий в научных исследованиях.

4. С цифровизацией связано еще одно противоречие, имеющее отношение к образу науки и пониманию ее сущности. «Формулы и символы вводят неподвижность в картину природы», - писал О. Шпенглер [Шпенглер 1998, с. 113]. В контексте нашей работы речь идет о том, познание *чего* обеспечивает цифровизация. Действительность может быть понята как единство изменчивости и устойчивости, становления и ставшего. В познании и представлении становления ведущую роль играют сравнение, образ, символ; в познании ставшего – формула, закон, схема [Шпенглер 1998, с. 91] и, добавим, цифра. Цифровизация ориентирована на исчисление, калькуляцию, количественную сторону знания. Если она направлена на «декодирование» эмоций, ментальных и даже экзистенциальных состояний и т.п., то делает это также «количественным», калькулирующим способом.

Укажем еще на один существенный момент, о котором, в частности, пишет Ф.Г. Юнгер, исследуя соотношение языка и вычисления, в том числе логического исчисления. Вычисление представляет собой некий шифр и может быть понято «с помощью своего рода руководства по эксплуатации». Вычисление должно соответствовать точности и принципу непротиворечивости. Язык же существует для каждого, он не исключает противоречий и вскрывает их, в этом проявляется его «живой характер». «Безжизненность же *вычисления* заключается в его *непротиворечивой применимости*». Сфера применения вычисления [цифры – О.О.] «весьма узка, и, находясь по ту сторону всякого трагизма и всякого юмора, оно представляет собой мертвую сферу» [Юнгер 2005, с. 42]. Язык универсален, но в техническом применении ему придается инструментальный характер [Юнгер 2005, с. 43].

Развитие науки и техники, в отличие от языка, являются результатами разделения труда, то есть язык предшествует науке, является ее предпосылкой, наука извлекает из языка нужные для ее целей средства и инструменты. Говоря о применении «мыслящих

машин», Ф.Р. Юнгер видит их опасность не в научно-технической сфере, «а в том, что они могут быть использованы в политической, бюрократической, полицейской сферах. Поскольку они были предназначены человеком для расчета и индексации, то и сам человек учитывается и индексируется ими» [Юнгер 2005, с. 46]. Здесь мы опять выходим на социально-эпистемологическую проблематику, проблематику трансформации субъектности, на важность исследования во взаимосвязи различных форм общественной жизни, культуры и науки.

Таким образом, цифровизация не меняет образ науки как таковой, она меняет ее инструментальную и функциональную стороны. В то же время цифровизация делает возможным более четко уяснить и раскрыть проблемы и противоречия науки, связанные с ее субъектом, объектом и предметным содержанием, ролью ее предпосылочного уровня, в том числе языка. Цифровизация, на наш взгляд, подтверждает, что развитие науки осуществляется, прежде всего, за счет новых идей, а не цифровых очевидностей данных и нановизуализации (которые важны как средство). Изменение образа науки будет коррелировать с изменением общества.

Список литературы

1. Мальцев 2019 – Мальцев В.А. Карл Маркс и Большие Данные. М.: Родина, 2019. 288 с.
2. Савчук 2020 – Савчук В.В. На каких основаниях возможно критика цифрового разума // Критика цифрового разума. СПб.: Академия исследования культуры, 2020. С. 107-123.
3. Сорина 2013 – Сорина Г.В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект // Альманах Пространство и время. Т. 3. Вып. 2. 2013. Электронное научное издание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-logiko-kulturnoy-dominanty-psihologizm-antipsihologizm-subekt> (дата обращения: 14.04.2023).
4. Шпенглер 1998 – Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 688 с.
5. Юнгер 2005 – Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2004. 302 с.

УДК 165.3

ОБ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ РАКУРСЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ»*

Соколова Олеся Игоревна

*Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
E-mail: lesyabelikova@mail.ru*

В докладе рассматривается вопрос об историко-философском ракурсе изучения понятия неопределенности. Указанный ракурс позволяет обратиться к определению значений, которые закладывались в данное понятие мыслителями прошлого, а также поиску близких по смыслу понятий. Так в качестве близких по смыслу понятий выступают понятия «сомнение» и «интуиция». Характеризуя неопределенность как историко-философский

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

феномен, мы можем говорить об «исторических предпосылках» данного понятия. Обозначается, что еще до открытий квантовой механики понятие неопределенности встречается в истории философии и науки. Однако оно было лишено онтологического значения и применялось исключительно для описания гносеологических ситуаций. В данном случае мы можем говорить о «стихийном» значении понятия неопределенности. Автором подчеркивается, что историко-философский ракурс изучения понятия неопределенности не должен основываться на схематизме и упрощении реальных гносеологических ситуаций, сформированных, в том числе, на основе разработанных картин мира.

Ключевые слова: понятие неопределенности, история философии, история науки, научная картина мира, ситуация неопределенности, гносеологическая неопределенность

ON THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE OF THE STUDY OF THE CONCEPT OF "UNCERTAINTY"

Sokolova Olesya Igorevna

*PhD in Philosophy, assistant of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: lesyabelikova@mail.ru*

The report examines the question of the historical and philosophical perspective of the study of the concept of uncertainty. This perspective allows us to turn to the definition of the meanings that were laid down in this concept by thinkers of the past, as well as the search for concepts that are close in meaning. Thus, the concepts of "doubt" and "intuition" are similar in meaning. Describing uncertainty as a historical and philosophical phenomenon, we can talk about the "historical prerequisites" of this concept. It is indicated that even before the discoveries of quantum mechanics, the concept of uncertainty is found in the history of philosophy and science. However, it was devoid of ontological meaning and was used exclusively to describe epistemological situations. In this case, we can talk about the "spontaneous" meaning of the concept of uncertainty. The author emphasizes that the historical and philosophical perspective of the study of the concept of uncertainty should not be based on schematism and simplification of real epistemological situations, formed, among other things, on the basis of developed pictures of the world..

Keywords: the concept of uncertainty, the history of philosophy, the history of science, the scientific picture of the world, the situation of uncertainty, epistemological uncertainty

Обращение к истории становления того или иного понятия в философии или науке неизбежно приводит к необходимости рассмотрения вопроса о философском и научном контексте, в рамках которого это понятие разрабатывалось. Обращение к историко-философскому ракурсу выступает необходимым условием объективного знания. И здесь стоит согласиться с утверждением советских авторов, которые справедливо утверждали, что существует сложная взаимосвязь между историческими эпохами, между классической и современной философией, между периодами становления науки, которые могут быть поняты как «взаимораскрытие» или «взаимопрояснение» [Мамардашвили, web]. Получается, что исследование того или иного понятия мы должны начинать, исходя из поиска тех смыслов, которые закладывались в это понятие изначально, или поиску смежных по смыслу понятий.

Установленный факт, что понятие «неопределенность» фиксируется в научном дискурсе в XX веке под воздействием открытий в области квантовой механики. При этом выделяются два типа неопределенности: онтологическая и гносеологическая неопределенность. Онтологическая неопределенность предполагает наличие вероятностной характеристики при описании объективной реальности. Гносеологическая – связывается с трудностью использования устоявшихся понятий прежней теории для описания новых явлений.

Таким образом, становится очевидным, что неопределенность – достаточно новое для науки понятие, наделенное определенным смыслом. Закономерен вопрос: стоит ли

обращаться к поиску данного понятия или близких по смыслу понятий в истории философии? Не является ли эта процедура бессмысленным занятием, заранее не предполагающим никакого эвристического потенциала?

Подобные опасения, безусловно, имеют под собой некоторые основания. Во-первых, велик риск выдать желаемое за действительное. По этому поводу справедливо замечает Н.В. Мотрошилова, что «самыми адекватными историко-философскими работами были бы, по моему мнению, такие, которые объясняли бы проблемы и излагали соответствующие тексты, учения философии прошлого строго в их собственных терминах, а при интерпретации их объясняли бы, какова была историческая тенденция впоследствии, когда обсуждение сходной проблематики велось уже в тех или иных поздних терминах» [Мотрошилова 2012, с. 222]. Другими словами, не стоит пытаться объяснить прошлые феномены при помощи новых понятий.

Во-вторых, обращаясь к анализу историко-философского материала или информации по истории науки, исследователи часто обращаются к различного рода упрощениям, схемам, которые позволяют рассматривать интеллектуальный прогресс без обращения к конкретным ситуациям. В качестве такой схемы реальности, дающей целостное представление о той или иной эпохе с точки зрения особенностей мышления, дает картина мира. Картина мира выступает как основа мировосприятия людей некоторой эпохи, объясняющая действия людей. Выделяют, например, научную картину мира как специфическую форму систематизации научного знания, задающую «видение предметного мира науки соответственно определенному этапу её функционирования и развития» [Степин 2012, с. 25].

Этот способ систематизации знания дает основание для выделения различных этапов развития научного знания в истории интеллектуальной мысли. Пожалуй, самой распространенной в отечественной философии является классификация В.С. Степина, согласно которой выделяются классическая, неклассическая и постнеклассическая наука [см., например, Степин 1999]. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. выделяют только первые две стадии [Мамардашвили, web]. В.А. Лекторский рассматривает становление научного познания в оппозиции «классическая – неклассическая эпистемология» [см., например, Лекторский 2009].

Однако не стоит забывать, что целью научной картины мира является репрезентация объекта в соответствии с определенным историческим этапом развития науки. Картина мира выступает в качестве онтологической схемы реальности, а не является отражением таковой. И если в качестве объекта изучения выступает система теорий и взглядов на мир, то можно допустить наличие ограничений, вызванных попыткой подобной систематизации и формулировки такого совокупного знания. Система теорий и взглядов, составляющая основу картины мира, будет представлять собой подобие идеализированного объекта в научной теории, которая будет являться абстракцией по отношению к реальным процессам. Можно привести здесь рассуждение В.А. Лекторского: «Именно наличие определенной онтологической рамки — она может быть естественно и стихийно принята, если речь идет об обычном опыте, и специально сконструирована, если мы имеем дело с научным познанием — т.е. принятие существования определенного типа объектов с их свойствами и отношениями между ними, дает возможность критического отношения к существующему опыту и поиску нового типа опыта, в котором можно было бы эмпирически наблюдать иные свойства того же объекта» [Лекторский 2012, с. 431]. Стоит подчеркнуть, что тем самым мы не сводим научное познание к описанию идеализированных объектов, а только подчеркиваем возможность конструирования определенной онтологической схемы, которую научная картина мира задает.

Так принято считать, что для классической научной картины мира (или классической науки и классической философии Нового времени) характерны такие принципы как простота и системность. И. Ньютон считал, что в «натуральной философии» (а Ньютон рассматривал объекты физической системы) допустимы только такие принципы, которые вытекают из надежных экспериментов, обобщают их результаты. Принцип простоты был сформулирован следующим образом: «Не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений... природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей» [Ньютон 1989, с. 502]. Особый познавательный статус приобретает понятие порядка. В соответствии с «порядком» в природе, трактуемым в механистическом духе И. Ньютона, выстраивается и процесс познания. Он представляет собой непрерывное следование от вещей, полученных опытным путем, к вытекающим следствиям.

Исходя из этих рассуждений, можно заключить, что в классический период философии и науки понятие неопределенности не могло быть актуальным. Но стоит признать, что анализ понятия неопределенности с точки зрения исключительно обозначенных принципов является поверхностным. Необходимо отказываться от таких упрощений и обратиться к анализу конкретных познавательных ситуаций в истории философии и науки. Так при более детальном рассмотрении оказывается, что в истории философии и науки мы встречаем ситуации, которые мы можем трактовать как неопределенностные. Стоит признать, что как таковое понятие неопределенности может не использоваться авторами для их описания. В данном случае можно говорить о «ситуациях неопределенности». Характеризуя историко-философские феномены, мы можем говорить об «исторических предпосылках» данного понятия. В качестве таковых могут выступать и принцип сомнения, разработанный М. Монтемом и Р. Декартом, и представления об интуитивном знании, и описанная И. Кантом антиномичность познания, понимаемая как невозможность рационального выбора в пользу одной из сторон антиномии.

Обращение к историко-философскому ракурсу понятия «неопределенность» также позволяет продемонстрировать, что до открытий квантовой механики понятие неопределенности обнаруживается в учениях прошлого. Однако оно было лишено онтологического значения и применялось исключительно для описания гносеологических ситуаций. В данном случае мы можем говорить о «стихийном» значении понятия неопределенности.

Полагаем, что обращение к исследованию ситуаций неопределенности в истории философии и науки обладает познавательным потенциалом. И в первую очередь это имеет значение в аспекте гносеологической неопределенности. Повторимся, что гносеологическая неопределенность характеризует процесс познания, поиска адекватных понятий, характеризующих новое знание. Отталкиваясь от тезиса, что история философии и науки есть процесс взаимораскрытия и взаимопрояснения понятий, обращение к истории понятия и поиску близких по смыслу понятий обосновывает свою целесообразность.

Список литературы

1. Лекторский 2009 - Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии. М.: ИФРАН, 2009. С. 7-24.
2. Лекторский 2012 - Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Человек в мире знания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 415-449.

3. Мамардашвили, web - Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии. М., 1972 // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 10.04.2023).
4. Мотрошилова 2012 - Мотрошилова Н.В. Синтез гносеологии и социокультурного исследования знания, познания, сознания как ракурс творчества В.А. Лекторского // Человек в мире знания. М.: РОССПЭН, 2012. С. 193-224.
5. Ньютон 1989 - Ньютон, И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 687 с.
6. Степин 1994 - Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. 274 с.
7. Степин 1999 - Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 306 с.

УДК 300.03

ФОРМАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПОНЯТИЕ ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Стешенко Николай Иванович

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии методологии науки
Южный федеральный университет
E-mail: steshenkon@list.ru*

Автор статьи следует тому понятию формальной философии, которое определено в книге «Введение в формальную философию» и на основе этой книги анализирует понятие «формальная модель философского текста». Формальная философия – это применения формальных методов, используемых, прежде всего, в логике, математике, информатике, лингвистике для обсуждения и прояснения философских проблем. Автор статьи ограничивается логическими методами исследования философских проблем. Рассматривает вслед за авторами указанной книги методологические проблемы формализации философских текстов. Исходной является содержательная философия, представленная в тексте, а многочисленные логики - лишь инструменты, которые выбираются для обсуждения конкретной философской проблемы. Формализация – производна, и связана с процедурами абстракций и идеализаций, чтобы выделить существенные аспекты для логического исследования обсуждаемой философской проблемы. Автор приходит к такому заключению. Специализация как в логике, так и в философии, включая и историю философию, сегодня явление привычное, но поднимает проблему взаимодействия и взаимопонимания, когда они исследуют один и тот же предмет, но каждый своими методами.

Ключевые слова: формальная философия, формальная модель философского текста

FORMAL PHILOSOPHY AND THE CONCEPT OF A FORMAL MODEL OF A PHILOSOPHICAL TEXT

Steshenko Nikolaj Ivanovich

*Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Southern Federal University
E-mail: steshenkon@list.ru*

The author of the article uses the concept of formal philosophy, which is defined in the book "Introduction to Formal Philosophy" and analyzes the concept of "formal model of a philosophical text" on the basis of this book. Formal philosophy is the application of formal methods used primarily in logic, mathematics, computer science, linguistics to discuss and clarify philosophical problems. The author of the article has limited himself to logical methods of research of

philosophical problems. Following the authors of this book, he examines the methodological problems of formalization of philosophical texts. The starting point is the meaningful philosophy presented in the text, and numerous logics are only tools that are chosen to discuss a specific philosophical problem. Formalization is derived and is associated with procedures of abstractions and idealizations in order to highlight essential aspects for the logical study of the philosophical problem under discussion. The author comes to this conclusion. Specialization in both logic and philosophy, including the history of philosophy, is a familiar phenomenon today, but raises the problem of interaction and mutual understanding when they explore the same subject, but each with their own methods.

Keywords: formal philosophy, formal model of philosophical text

Представления о формальной философии изложены в книге «Введение в формальную философию» [Hansson, Hendricks (ed.), 2018]. Формальная философия – это применения формальных методов, используемых прежде всего в логике, математике, информатике, лингвистике для обсуждения и прояснения философских проблем.

Книга состоит из 39 самостоятельных статей, которые разбиваются на 7 частей.

I. Сфера применения и методы формальной философии; II. Рассуждение и вывод; III. Метафизика и философия языка; IV. Эпистемология; V. Философия науки; VI. Теория ценностей и моральная философия; VII. Теория принятия решений и социальная философия.

Авторы стремятся показать полезность и эффективность трактовки философских проблем с помощью формальных методов. Под формализацией имеется в виду использования в прикладных целях формальных языков современных логики или математических теорий (например, теория вероятности, теория принятия решений). Широко также используются компьютерные модели для обсуждения различных проблем философского характера.

В отечественной литературе также имеются исследования в духе формальной философии, например [Васюков, 2006].

Мы остановимся лишь на логических методах исследования философских проблем.

То, что логика привлекалась в прошлом и в особенности в XX веке для обсуждения в рамках философской логики философских проблем явление известное. Карпенко А.С. отмечает: «Языковой и технический аппараты философской логики намного богаче и, главное, более гибкие, чем в символической логике, что позволило приступить к анализу и реконструкции чисто философских проблем, и даже таких фундаментальных, как проблема логического и теологического фатализма, детерминизма и случайности, асимметрии времени и т. д.» [Карпенко, 2003, с. 68-69].

Собственно, что нового предлагается авторами «Введение в формальную философию» для обсуждения и анализа философских проблем логическими методами?

Они отмечают: «...большой акцент делается на прояснении взаимосвязей между формальными конструкциями и неформальными понятиями, которые они представляют» [Hansson, Hendricks (ed.), 2018, p. v]. Другими словами, предлагается рассматривать формальные конструкции как некоторого рода модели неформальных понятий. Хэнсон полагает, что формализация отдельных фрагментов философских знаний, которые представлены в текстах, поднимает методологические проблемы.

Логика может главным образом, во-первых, проверить философские рассуждения, используя ту или иную логику, или, во-вторых, проанализировать, используемые в философии понятия, иногда создавая целую логическую теорию этого понятия.

Исходной, однако, является содержательная философия, представленная в тексте, а многочисленные логики - лишь инструменты, которые выбираются для обсуждения конкретной философской проблемы. Формализация – производна, и связана с процедурами абстракций и идеализаций, чтобы выделить существенное для логического исследования

обсуждаемой философской проблемы, и добиться при этом точности и ясности. Хэнсон представил свое понимание точности и ясности формализации [Hansson, 2018, p. 12-15].

Модель надо либо отбросить, либо улучшить. Отбрасываются те модели, которые вместо ясности дают запутанность обсуждаемой проблемы, например по причине неправильного выбора логики. Он рассматривает два типа отклонений (аббераций) от объекта исследования: отклонения в выводах из модели и отклонения в модели.

Первый случай отклонения означает: «В некоторых случаях формальные языки не поддерживают разумные выводы, которые могут быть сделаны на обычном языке. ...Но основная проблема с умозаключениями обычно состоит в обратном: формальные модели, как правило, поддерживают чрезмерные умозаключения, т. е. умозаключения, которые формальной системой допускаются, но не соответствуют каким-либо свойством того, что моделируется» [ibid., p. 54].

Второй случай, т. е. отклонение в модели, касается выразительных возможностей формальных языков: «Почти все формальные модели имеют заметный дефицит в том, что они могут выразить. Это происходит главным образом потому, что для построения работоспособной формальной модели количество примитивных понятий должно быть сведено к минимуму» [ibid., p. 53]. В частности, он приводит пример, касающийся моральной философии: «В формальной теории ценностей представлено лишь несколько ценностных понятий, в первую очередь «лучше» и «по крайней мере не хуже», а также те, которые могут быть определены исходя из них, такие как «лучший» и возможно «хороший». Напротив, обычный язык богат оценочными терминами... «приемлемый», «довольно хороший», «бесполезный», «бесценный» и т. д.» [ibid., p. 53]. Некоторые формальные языки содержат избыточные выражения, которые не соответствуют ничему значимому относительно свойств моделируемого объекта. Одна из причин этой избыточности состоит в правилах формирования логических языков.

Что делать с отклонениями в моделях?

Некритикуемые формальные модели, по мнению Хэнсона, на практике недостижимы. Критика всегда может указать на упрощения, присущие модели. Но даже если контраргументы против формальной модели весьма убедительно раскрывают несовершенство построенной модели, отсюда вовсе не следует, что модель непригодна в использовании. Если в критикуемой модели принятые упрощения неизбежны, то может оказаться целесообразным продолжать использовать данную модель, принимая во внимания ее слабые стороны. Возможно надо дополнить данную модель другими моделями, которые также имеют свои слабые и сильные стороны.

К. Новаес в статье «Формальные методы и история философии» обсуждает методологические проблемы применения логики в истории философии [Novaes, 2018]. Она отмечает: «Большая часть того, что делает историк философии – это работа с текстами, и формализация может прояснить особо сложные пассажи или аргументы...формальные методы могут служить герменевтическими инструментами среди прочих...» [Novaes, 2018, p. 82]. Приводит соответствующие примеры.

Закключение. Специализация как в логике, так и в философии, включая и историю философии, явление привычное и неизбежное, но поднимает проблему взаимодействия и взаимопонимания между философами и логиками, когда они исследуют один и тот же предмет, но каждый своими методами.

Список литературы

1. Васюков, 2006 – Васюков В. Л. Формальная онтология. М.: ИФ РАН, 2006. 140 с.
2. Карпенко, 2003 – Карпенко А.С. Современное состояние исследований в философской логике // Логические исследования. Вып. 10. М.: Наука, 2003. С. 61-93.

3. Hansson, 2018 – Hansson S. O. Formalization // Introduction to Formal Philosophy / Ed. by S. O. Hansson and V. F. Hendricks. Springer, 2018. P. 3-59.
4. Introduction to Formal Philosophy / Ed. by S. O. Hansson and V. F. Hendricks. Springer, 2018. 733 p.
5. Novaes, 2018 – Novaes C. D. Formal Methods and the History of Philosophy // Introduction to Formal Philosophy / Ed. by S. O. Hansson and V. F. Hendricks. Springer, 2018. P. 81-92.

УДК 141+133.5

УЧЕНИЕ ПАРАЦЕЛЬСА О СИГНАТУРАХ В МИРАХ ЖИВОГО*

Струговщикова Ульяна Сергеевна

*Кандидат философских наук, научный сотрудник факультета гуманитарных наук,
Школы философии и культурологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: ulyana.strugovshchikova@gmail.com*

Язык мистерий, базировавшийся на явлениях природы, привел к постановке проблем соотношения имени, значения и знака. Все законы и силы, которые проявляются в Природе, могут быть восприняты через символы, знаки, потому что человек обладает ограниченным чувственным восприятием. Любая форма, цвет, звук, запах, вкус – это символы божественной активности, и люди искали способы того, как можно бы было выразить эту божественную активность, искали способы сообщить друг другу то, что выходит за рамки языка, используя символы, как наиболее изобретательный и идеальный метод передачи и сохранения особого знания. Теория означивания (сигнатур) связана с идеей, что внешние формы вещей существенным образом раскрывают их внутреннюю природу – это очевидные и ощутимые знаки или метки. У Парацельса теория сигнатур оформляется в интересную и таинственную своей внутренней логикой систему, имеющую под собой философские основания античных учений. На примере мысли Парацельса как общего течения мысли Возрождения можно увидеть, как средневековая вера в реальность универсалий трансформируется, и уже универсальные структуры знания вступают в область человеческого мышления и языка.

Ключевые слова: Парацельс, макрокосм, микрокосм, сигнатура, знак, матрица, Архей

PARACELSUS' DOCTRINE ON SIGNATURES IN THE LIVING WORLDS

Strugovshchikova Ulyana Sergeevna

*PhD in Philosophy, Research Fellow
National Research University Higher School of Economics
E-mail: ulyana.strugovshchikova@gmail.com*

Language of mysteries, based on the phenomena of nature, began the discourse on relations of name, meaning and sign. All the laws and forces that are manifested in Nature can be perceived through symbols and signs, because a person has limited sensory perception. Any form, color, sound, smell, taste are symbols of divine activity, and people were looking for the ways to express this divine activity, looking for the ways to transmit knowledge lying beyond the language. He used symbols, as the most inventive and an ideal method for transmission and preservation the special knowledge. Doctrine of signatures is associated with the idea that the external forms of things essentially reveal their internal nature - they are obvious and tangible signs or marks. In his doctrine, Paracelsus constructs an interesting and mysterious system with its internal logic, based on philosophical foundations of ancient teachings. Using Paracelsus' thought as a general Renaissance

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

thought, one can see how the medieval belief in the reality of universals was being transformed, and how universal structures of knowledge enter the field of human thinking and language.

Keywords: Paracelsus, macrocosm, microcosm, signature, sign, matrix, Archeus

Примерно с середины 20 века сформировался запрос на новое гуманитарное знание, которое бы было связано с традиционным технологическим знанием и при этом которое бы позволило рассматривать будущее человека в адекватной гуманитарной перспективе, включающей идеи универсальной эволюции – гармонии неживой материи, живого вещества и общества. Семиотика может быть включена как катализатор креативных когнитивных взаимодействий биологии, медицины, химии, математики, физики, общественных наук и других дисциплин. Она является одной из точек роста нового мышления. Знаки – это следы, застывшие в эпохах, скаффолды (Куль) эволюции, рекурсивно связывающие и наделяющие смыслом разные явления и сущности, прошлое, настоящее, будущее и альтернативные вариации. При формировании нового диалога с природой (Пригожин), мы обращаемся к когнитивным практикам прошлого, которые могут быть соотнесены с практиками современности, переосмысливаем их и открываем новое.

В 15 веке Николай Кузанский впервые предположил существование множества миров, сместив центр вселенной с Земли и Солнца в бесконечность. В свою очередь, это потянуло за собой переосмысление места и роли человека во Вселенной. И в истории возрожденческого естествознания родилась выстроенная система аналогий и соответствий Парацельса. Его учение о макро- и микрокосме выстроило четкую картину, где гармонично сосуществуют человек, животные, растения и минералы: живое и неживое. Современная эпоха Антропоцена толкает нас на путь биоцентризма, который трансформируется в некоего рода органологию, которую можно охарактеризовать как некоторое кибернетизированное пространство или реальность, которое снимает напряжение между органицизмом и механицизмом. В свою очередь это то, что позволяет разговаривать с Парацельсом как со своим современником.

Семиотика как наука складывается в конце 19, начале 20 века, однако проблемы соотношения имени, семантики (значения) и символа встречаются у Платона, Аристотеля и библейской экзегетике. И хотя мы считаем, что философия зародилась в Греции, мы не можем игнорировать тот факт, что вышла она из религиозных мистерий Египта, Халдеи и Индии, перенявшим священнодействия Эллора, Ура и Мемфиса. Символы – язык мистерий, базировавшийся на самой Природе, поскольку все законы и силы, которые действуют во вселенной, проявляются и способны быть воспринятыми человеком только через символы (знаки), потому что человек обладает ограниченным чувственным восприятием. [Холл 2007, с. 46]. Любая форма, цвет, звук, запах, вкус направлены на свое собственное «я», существующее в разных мирах бытия – это символы божественной активности, чьим порождением они являются. Люди искали способы того, как можно бы было выразить эту божественную активность, искали способы сообщить друг другу то, что выходит за рамки языка, использовали символы, как наиболее изобретательный и идеальный метод передачи и сохранения особого знания. Они были призваны, чтобы непосвященный не мог проникнуть в тайное знание, но для мудреца же предмет символа ясен. В одной фигуре символ мог быть и явным и скрытым, носить несколько уровней смыслов. В некотором смысле, такое отношение сохраняется и сегодня. Мы по-прежнему доверяем запахам и вкусам, которые говорят нам что-то важное о том или ином предмете (возможно, о другом человеке). Но, в отличие от прежних времен, у нас нет сложной системы взаимоотношений и соответствий, в которую мы могли бы включить чувственные качества на этой основе и найти более широкий порядок в мире. Протонаука до Нового времени считала возможным проследить значимые горизонтальные и вертикальные связи между вещами,

существами на основе сходства. Такая наука работала не с количественными определениями соотношений, но с формами и качествами минералов, растений, животных, человеческой руки, лица, глаз, звезд и их конфигурацией, рассматривала бы их по принципу аналогии и симпатии во взаимной близости, и делала выводы по поводу возникновения этих отношений: об их природе и функционировании. В то же время это учение существенно определяло европейское мышление во многих областях, без его знания невозможно полностью понять менталитет прошлых времен и его интеллектуальные достижения. Теория означивания (сигнатур) связана с идеей, что внешние формы вещей существенным образом раскрывают их внутреннюю природу – это очевидные и ощутимые *знаки* или *метки*. Изначально интуитивное озарение оформляется в интересную, таинственную своей внутренней логикой систему Парацельса, имеющую под собой философские основания античных учений.

Согласно учению Парацельса знаки тройственны, т.к. только три сущности способны *означивать*: Человек, Архей (Archeus) и Звезды. Знаки, которые выделил Человек, несут в себе совершенное знание, которое раскрывает все скрытые силы и достоинства вещей [Paracelsus 1590, s. 329]. Звездные знаки несут в себе пророчества, предсказания и указывают на сверхъестественные силы, давая истинные значения или суждения в геомантии, хиромантии, физиономии, гидромантии, пиромантии, астрономии и в др. астральных (звездных) искусствах [Paracelsus 1590, s. 329]. Означенное Археем относится к естественным вещам, принадлежащим сотворенному миру: горам, рудам, рождению живого [Paracelsus 1590, s. 358]. Знаки свидетельствуют не только о внутренней природе той или иной вещи, но и о ее сродстве с другими, подобными означенными сущностями, а также указания на то, к какому миру они относятся, исходя из космогонии Парацельса: макрокосму – всему сотворенному миру, микрокосму – Человеку (имеется ввиду человечество вообще), или же к третьему малому миру – матрице, олицетворением которой является женщина [Paracelsus 2008, p. 621, Струговщикова 2022, с. 239].

На примере мысли Парацельса как общего течения мысли Возрождения можно увидеть, как средневековая вера в реальность универсалий трансформируется, и уже универсальные структуры знания вступают в область человеческого мышления и языка.

Список литературы

1. Струговщикова 2022 - Струговщикова У.С. Матрица в симпатической доктрине Парацельса о человеке // Человек как открытая целостность: Монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 237-246
2. Холл 2007 - Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, кабалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 1008 с.
3. Paracelsus 2008 - Paracelsus. Das Buch Paramirum // Theophrastus Bombastus von Hohenheim, 1493–1541: Essential Theoretical Writings/ trans. into English A. Weeks. Leiden, Boston: Brill, 2008. С. 294 – 501
4. Paracelsus 1590 – Paracelsus. De signatura rerum naturalium // De natura rerum, liber nonus. hrsg. Von J. Huser, Basel, 1590. Vol.6. S. 329–362.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Шетулова Елена Дмитриевна

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева

E-mail: shetulowa@yandex.ru

В статье обращается внимание на многоаспектность развития современной цивилизации, её амбивалентный характер. Работа раскрывает основные социальные процессы, происходящие в общественно-историческом пространстве. Основное внимание уделено вопросу о взаимозависимости этих процессов и эволюции научного познания. Исследование этого аспекта позволяет выйти на констатацию противоречивого характера существования и функционирования науки в глобальном рыночном мире. Делается вывод о теоретической и практической важности дальнейшей разработки темы в плане определения тенденций и перспектив воздействия социальных факторов на науку.

Ключевые слова: научное познание, цивилизация, амбивалентность общественного развития, противоречие, идеалы научного сообщества

SOCIAL CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF MODERN SCIENCE

Shetulova Elena Dmitrievna

DSc in Philosophy, professor

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

E-mail: shetulowa@yandex.ru

The article draws attention to the multidimensionality of the development of modern civilization, its ambivalent nature. The work reveals the main social processes taking place in the socio-historical space. The main attention is paid to the question of the interdependence of these processes and the evolution of scientific cognition. The research of this aspect makes it possible to state the contradictory nature of the existence and functioning of science in the global market world. The conclusion is made about the theoretical and practical importance of further development of the topic in terms of identifying trends and prospects for the impact of social factors on science.

Keywords: scientific knowledge, civilization, ambivalence of social development, contradiction, ideals of the scientific community

Современная наука «встроена» в «пространство» общественно-исторического развития. Сегодня, по сути, оно являет собой совокупность ряда социальных процессов: глобализации, коммерциализации, коммодификации, массовизации, рационализации. Цель данной статьи состоит в раскрытии диалектического характера современной социальности, определяющей историческое движение науки. Диалектичность происходящего являет себя в двух планах: во-первых, в отсутствии однонаправленности названных процессов, обладающих взаимосвязью с регионализацией, интеллигентизацией, интеллектуализацией, фрагментацией, иррационализацией; во-вторых, многоаспектностью, одновременно позитивным и негативным характером проявлений отмеченных процессов. В рамках данной работы сосредоточусь на втором.

Характерной чертой современности является глобализация, представляющая собой движение истории в сторону обретения нашим миром цивилизационной целостности. Давая некоторое рабочее определение, отмечу, что она есть объективный исторический процесс, ведущий к становлению единого мира, человечества как целостности. Глобализация охватывает ряд сфер и социально-экономическую, и общественно-политическую, и духовную. Охватывает она и процесс развития науки.

Как полагает Н.Н. Семенова, глобализация оказывает существенное влияние на сферы науки и инноваций. Конкретно глобализация влияет на скорость приращения знаний и их трансляцию в инновации, на финансирование научно-инновационного сектора и структуру этого финансирования, на правовое регулирование отношений в области интеллектуальной собственности, на формы организации научного труда и инновационных разработок, формы и способы коммуникаций в науке, на характер и способы подготовки научных кадров, содержание научного труда, на особенности разделения и кооперации научного труда, в том числе международного научно-инновационного сотрудничества [Семенова 2006, с. 279-280].

Безусловно, процесс глобализации обладает противоречивостью. Ведь глобализация научного труда, простота научных коммуникаций и т. п. способствует быстрой эволюции научного знания в сторону его прогрессивного развития, включая рост его производительности. Но этот же процесс рождает дисбаланс науки в ряде направлений. Прежде всего – это феномен научной мобильности, «утечка мозгов» из менее богатых в более богатые страны, обрекая первые на недостаточность собственного научного развития. И это неудивительно. К примеру, Россия тратит на одного учёного – 30 тыс. долл., США – 230 тыс. долл., Китай – 88,8 тыс. долл., Япония – 164, 5 тыс. долл. [Семенова 2006, с. 282].

Но не только, ведь современная глобализация является капиталистической глобализацией, основными выгодоприобретателями которой выступают транснациональные корпорации, преимущественно интересующиеся прикладными направлениями научного познания, имеющими потенциальный выход на рынок в качестве соответствующего продукта, товара. И это оказывает непосредственное влияние на науку, поскольку её фундаментальные направления финансируются в таком случае недостаточно.

Глобализация в её капиталистической форме взаимосвязана с рядом идущим процессом коммерциализации науки. Достаточно известна фраза П.Л. Капицы: «Наука потеряла свою свободу. Она стала производительной силой. Она стала богатой, но она стала пленницей и часть её покрывается паранджой» [Капица 1974, с. 235]. В этой фразе действительно выражена сущность коммерциализации науки. И это очень сложный социальный феномен, который невозможно оценить однозначно.

С одной стороны, находясь в условиях капиталистического общества, не избежать его законов, подчинения, как результатов человеческой деятельности, так и человеческих отношений товарно-денежному диктату. Е.В. Вострикова и П.С. Куслий, проводя обзор современных публикаций в области социальных исследований науки и техники, констатируют возрастающую степень коммерциализации науки именно ввиду развитости и распространённости рыночных отношений во всех без исключения сферах общества. Во-первых, возрастает роль частного капитала в науке. Индустрия получает всё больше возможностей влиять на процессы научного исследования. Отсюда его результаты рассматриваются исключительно как рыночный продукт. Во-вторых, снижается уровень взаимодействия учёных из-за изменения отношения к принципам открытости науки. В-третьих, в литературе складывается ряд типов реакции на коммерциализацию – от понимания её как угрозы идеалам научного сообщества до поиска выгоды от коммерциализации и просто оценочно-нейтрального исследования изменений [Вострикова, Куслий 2015, с. 125-126].

С другой стороны, как справедливо отмечено А.Ф. Поляковым: «Коммерциализация науки – закономерное и вполне объяснимое явление, которое охватывает её экономическую, политическую, социальную, психологическую составляющую, где основным действующим лицом выступает учёный в академическом смысле с присущими ему атрибутами образованности, нравственности, высокого уровня

культуры, а также патриотизма, здоровых амбиций, карьерного роста» [Поляков 2016, с. 242-243].

Коммерциализация в современном мире среди прочего обретает форму коммодификации. Коммодификация является процессом, сущность которого заключена в превращении любой человеческой деятельности в товар. На данном этапе это напрямую касается и затрагивает все результаты человеческой творческой деятельности, включая и научные результаты. Безусловно, в современной литературе отмечены как отрицательные последствия процесса коммодификации, так и её положительные следствия. Основное проявление коммодификации здесь, прежде всего, заключено в том, что научно-познавательная деятельность превратилась в разновидность наёмного труда, а исследователь приобрёл статус наёмного работника. Конечно, это предопределило замену универсальности частичностью, примат результата над процессом познания. Но опять же не всё столь однозначно. В статье Л.Г. Фишмана, рассматривающей процесс коммодификации по отношению к научной деятельности, показано, что она обладает универсализирующим и эмансипирующим значением. Ибо в экономическое и социальное положение учёного коммодификация вносит значительные положительные перемены. По крайней мере, в связи с переходом от любительства к профессионализму, от бесплатного труда к оплачиваемому и в принципе общего ухода от работы на капризного мецената [Фишман 2019, с. 6].

Далее остановлюсь на процессе массовизации науки. М.В. Савин, определяет его содержание как формирование массового общества и массовой культуры при их возрастающем давлении на все области существования и функционирования социума [Савин 2015, с. 3]. По мнению А.Я. Флиера, современность сформировала ряд симбиотических образований массовой и элитарной культур, одним из которых выступает «поп-наука». Поп-наука является плодом сращения объективных и значимых фактологических оснований академического научного знания и специфической интерпретации этого знания, нацеленной на проведение в жизнь социальных задач массовой культуры, то есть развлечения публики [Флиер 2013, с. 32]. Её сущность предопределяет, что она экстравагантна, сенсационна, в ней масса отступлений от норм научного поиска, в общем, она есть подделка под науку для «толпы» (по выражению Л.С. Клейна) [Клейн 2008, с. 5]. Но при этом, парадоксальным образом у поп-науки есть своя роль в развитии профессиональной научной культуры, поскольку критика поп-научных публикаций стимулирует научную дискуссию, помогает учёным более чётко самоопределиваться в проблемно-методологических границах строгого научного знания [Флиер 2013, с. 36].

Наконец, стоит обратить внимание на диалектический характер рационализации, тем более имеющей к бытийствованию науки самое прямое и непосредственное отношение. Рационализация – это «последовательное преодоление стихий природы, культуры и человеческой души (психики) и замена их логически упорядоченными системами практик, следующих принципу эффективности» [Панарин 2010, с. 420]. Понятна роль и значимость рационализации в становлении и развитии науки, современного общества. Но есть и её границы. В понимании П.С. Гуревича «разум, который агрессивно культивирует только себя, ..., в конечном счёте вырождается и доводит человечество до катастрофы» [Гуревич 2016, с. 15]. Нельзя не согласиться с мыслью, что разум, подавляющий иные человеческие ценности, всецело подчиняющий себе человека нехорош ни для познания, ни для практики. Но вряд ли можно согласиться с тотальной иррационализацией мира, презентующих себя сегодня, в формах культуры, среди функций которых числится и познавательная (например, в постмодернистской философии). Однако анализ последнего аспекта не входит в задачи данной статьи.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о принципиальной открытости

«судьбы» науки. И, следовательно, о необходимости дальнейшего изучения основных аспектов взаимодействия общества и научно-познавательной деятельности. Это имеет далеко не только абстрактно-теоретическую значимость, но и вполне практическую, ибо та или иная «судьба» науки, из-за занимаемого ею места в современной техногенной, городской цивилизации, предопределяет тенденции исторического движения, перспективы и пределы собственно самой этой цивилизации.

Список литературы

1. Вострикова, Куслий 2015 – Вострикова Е.В., Куслий П.С. Неолиберализм в науке: подход STS // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 105-127.
2. Гуревич 2016 – Гуревич П. Рациональное и иррациональное в культуре // Философская антропология. 2016. Т. 2. № 2. С. 7-25.
3. Капица 1974 – Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. Статьи. Выступления. М.: Наука, 1974. 288 с.
4. Клейн 2008 – Клейн Л.С. Поп-наука // Троицкий вариант. 2008. № 12. С. 5.
5. Панарин 2010 – Панарин А.С. Рационализации процесс // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 420-421.
6. Поляков 2016 – Поляков А.Ф. Коммерциализация науки: за и против // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 2-3 (14). С. 242-245.
7. Савин 2015 – Савин М.В. Массовизация науки в контексте современности: социокультурный аспект: автореферат дис. ... канд. философских наук. Нижний Новгород, 2015. 24 с.
8. Семенова 2006 – Семенова Н.Н. Наука в условиях глобализации // Наука. Инновации. Образование. 2006. Т. 1. № 1. С. 276-294.
9. Фишман 2019 – Фишман Л.Г. Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Политика: анализ, хроника, прогноз. 2019. № 2 (93). С. 6-27. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-6-27
10. Флиер 2013 – Флиер А.Я. Поп-наука: между познанием и развлечением // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 32-44.

Часть 2. Антропоконсерватизм. Памяти В.А. Кутырева

УДК 130.3: 316

МАРКСИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И КОММУНИТАРИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК ОСНОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНООБЩЕСТВЕ

Бакурков Анатолий Александрович
Аспирант кафедры философии
Вологодский государственный университет
E-mail: Mr.bakurkoff@mail.ru

Кризис человека обусловлен не столько собственно развитием информационных и иных видов современных технологий, сколько их использованием для достижения определенных экономических (эксплуатация, в том числе на уровне международного разделения труда), социально-политических (борьба с институтами семьи и национального государства), духовных (распространение консьюмеризма) целей. «Коммунитаристская перспектива» представляет собой социально-философский концепт, включающий как марксистские методы анализа экономических реалий, так и построенные на этой основе этические представления о коллективизме-соборности. В ситуации катализированного глобализацией прогресса технообщества марксистско-коммунитаристская методология видится как система, могущая описать объективную картину жизни социума. На фундаменте этой методологии можно с достаточной долей объективности формулировать и решать проблемы сохранения человека, защиты его личных и социокультурных прав, удовлетворения здоровых материальных и духовных потребностей.

Ключевые слова: будущее человека; коммунитаризм, коммунитаристская перспектива, марксизм, жизнеситуации, технообщество, глобализация

MARXIST METHODOLOGY AND COMMUNITARIAN PERSPECTIVE AS THE BASIS FOR THE PRESERVATION OF MAN IN THE TECHNOCOMMUNITY

Bakurkov Anatoly Alexandrovich
Postgraduate student of the Department of Philosophy
Vologda State University
E-mail: Mr.bakurkoff@mail.ru

The human crisis is caused not so much by the actual development of information and other types of modern technologies, as by their use to achieve certain economic (exploitation, including at the level of the international division of labor), socio-political (the fight against the institutions of the family and the national state), spiritual (the spread of consumerism) goals. The "communitarian perspective" is a socio-philosophical concept that includes both Marxist methods of analyzing economic realities and ethical ideas about collectivism-sobornost built on this basis. In the situation of the progress of the technocommunity catalyzed by globalization, the Marxist-communitarian methodology is seen as a system that can describe an objective picture of the life of society. On the basis of this methodology, it is possible with a sufficient degree of objectivity to formulate and solve the problems of human preservation as protection of his personal and socio-cultural rights, satisfaction of healthy material and spiritual needs.

Keywords: future of man; communitarianism; communitarist perspective; marxism; life-situations; techno-society; globalization

Настоящее время, с его впечатляющими своими масштабами гуманитарными проблемами, предоставляет самый широкий простор для активного применения социально-философской методологии при разрешении общественных противоречий. В условиях достигнутого уровня развития науки и техники, повсеместного распространения не только теории, но и практики глобализма, как реальная постановка вопросов, так и ответы на них могут быть правильно получены исключительно с «высоты» философского обобщения и абстракции. Конкретные науки, такие как социология, политология, юриспруденция и др. показали свою неспособность дать общую картину действительности, верно сформулировать ключевые направления «антикризисной» деятельности.

На наш взгляд, сложность действительной ситуации состоит в «ризоматичности» и многоуровневости местонахождения проблем. «Социальные пучки» или «узлы затруднений» расположены не только на разных уровнях социального организма, они также обладают разной наполняемостью, «комплектностью» и объемом. Это можно обозначить как сложность или запутанность социально-гуманитарной проблематики. «Наложение» результатов революции в сфере информационных технологий на политическую и экономическую реальность с ее возможностями социального моделирования и управления в интересах элит (или господствующих классов) составляют основной стержень такой проблематики, ее базис. Это есть общий вид сложившейся реальности.

Как осуществить в XXI веке скачок из царства цифровой экономической необходимости в царство гуманитарной, целно-человеческой свободы? Ответ, по крайней мере, может быть прояснен при помощи материалистического трактования социальной реальности. Попытка применения марксистской методологии к разрешению актуальных задач представляется сейчас крайне необходимой и, как минимум, возможной.

Как пример марксистского анализа реалий попробуем рассмотреть ситуацию с институтом семьи. Консерваторы на разные лады твердят о необходимости сохранения «традиционных форм» семейного устройства, усматривая решение проблем в изменении ценностных установок. «Сегодня, в XXI веке, мы сталкиваемся с абсурдной, парадоксальной ситуацией, когда многие государства мира ведут целенаправленную борьбу с семьей в ее традиционном, единственно возможном понимании. Это проявляется и в отношении России, которую страны Запада постоянно критикуют за якобы ущемление прав “сексуальных меньшинств” и которой навязывают антисемейные ценности и правовые нормы» [Лотова 2018, с. 12]. Постулируется кризис семьи. Как показательно отрицательный, разрушительно действующий на общественную мораль, приводится пример западных «свободных» отношений в сфере полового самоопределения. Причины же такого положения вещей видятся не «только в материальных факторах», а в утрате «обществом и отдельным человеком *смысла* (выделено мной – А.Б.) семейной жизни» [Лотова 2018, с. 14]. Но по каким причинам теряется смысл остается не выясненным.

С одной стороны, основные направления развития общества не могут быть основаны исключительно и только на «суждениях факта» (в терминологии М. Вебера), включая в себя суждения ценности или долга. К.Х. Момджян определяет ценности как «субординированную систему мотивационных предпочтений, связанных с поиском стратегических целей существования» [Момджян 2015, с. 283]. Потребности выживания общества как целого и человека в нем непосредственно связаны с правильной постановкой целей. Ценности в этом смысле являются «предельными основаниями целеполагания» [Момджян 2015, с. 283].

С другой стороны, попытки управлять и изменять эти состояния инструментарием исключительно идеологическим не приведут, на наш взгляд, ни к каким практически ощутимым последствиям. Широкие возможности для смены пола, ненужность «классической» семьи, браки с животными и пр. и пр. – все это стало возможным вследствие такого развития экономики передовых государств, при котором сформировались условия жизни в одиночку. Семья, как минимальная ячейка государства, как основной «кирпичик» структуры социума стала необязательной. Возможности «интернета вещей», практика индивидуализма и защиты свобод личности и меньшинств делают вполне реальным автономное существование как на биологическом уровне, так и в рамках нетрадиционных форм социального взаимодействия. Представления о семейной норме смещаются. Семья, как производственный в широком смысле фактор, элиминируется.

На примере семьи видно, как нынешнее состояние производительных сил определенного государства «разворачивается» в подобающую ей систему этических и поведенческих практик. Разумеется, не только экономика определяет виды и вариации социальных связей в обществе. Складываются внутри т.н. «надстройки» многочисленные жизнеситуации, развиваются по своей собственной логике, и проследить их развитие достаточно трудно. Но, зная фундамент и генезис их появления, вполне возможно «работать» с этими вещами и влиять на них. В этом смысле необходимо не только определить идеологическое сопровождение общественных отношений, но и фундировать их на соответствующем экономическом базисе в рамках единого социально-философского концепта. В контексте данной работы «коммунитаристская перспектива» состоит не только в «идеологическом» обосновании первичности онтологии общего перед индивидуальным, она является системой, включающей в себя также экономическую основу для подобных социально-философских построений.

О необходимости целостного коммунитаристского мировоззрения заговорили в США в конце 80-х годов прошлого столетия. Большая дискуссия относительно онтологических основ общества, вызванная работой Д. Ролза «Теория справедливости», привела к появлению коммуитаризма как концептуально оформившегося политического и философского направления [Bell 2022]. Но американский вариант коммуитаризма, в своей сущности абсолютно имманентный западному менталитету и отрефлексированный в «западной» проблематике, не может быть без существенных поправок перенесен на российскую почву. К тому же, отечественная традиция соборности и коллективизма (читай: коммуитаризма) имеет достаточную полноту для самостоятельного решения актуальных социально-политических задач.

Вследствие глобализации мировой рынок связал страны в формат «сообщающихся сосудов», и благополучие одной страны на фоне (и за счет!) бедности в других странах не может остаться незамеченным. Марксистское мировоззрение, отстраиваемое от базиса потребностей людей, которые удовлетворяются, прежде всего, экономикой и производством, может дать правильное направление для научных, философских и политико-практических поисков.

Технообщество, понятийно отделяемое от технократии, определяется как независимое от политической системы «общественное взаимодействие, когда ежедневные личные, социальные, экономические и культурные трансакции опосредованы вмешательством технологий или навязыванием технологий» [Маринофф 2020, с. 19]. Но, пожалуй, технообщество, не имеет само по себе решающего влияния. Оно, являясь неотделимой частью человеческого прогресса (как когда-то паровая машина или телеграф), «встроилось» в политическую и экономическую конъюнктуру и используется людьми для реализации человеческих же интересов.

Тотально преваляющая на обобщенном «западе» идеология прав человека, доводящая до крайностей понимание сути и сущности человека как изолированного (и отчужденного) потребителя ценностей, активно приспособила «разделяющие» возможности интернета и компьютерных технологий к миру человеческих взаимодействий. Л. Маринофф приводит пример с музыкой: «Пассивное потребление музыки изолированных друг от друга людей имеет много вредных эффектов. Например, это ослабляет семейные узы, затрудняет общение, поощряет изоляцию, препятствует социализации; это требует излишнего внимания, что приводит к большей физической усталости» [Маринофф 2020, с. 25]. Консюмеризм, как идеологически навязанная убежденность людей в необходимости приобретения и использования определенных видов техники, здесь также в конечном итоге детерминирован бизнес-интересами международных экономических резидентов. Марксистский анализ применим и здесь.

Коммунитаризм, как онтология общественного единства и стремления к общему благу, решает в сторону социума «вечное» противоречие свободы личности и необходимости служения (т.е. жертвования своими правами) обществу. Накладывая на явления повседневной действительности коммунитаристскую матрицу (включающую в себя марксистскую методологию анализа общественных явлений), можно с достаточно долей объективности формулировать и решать проблемы сохранения человека, защиты его личных и социокультурных прав, удовлетворения здоровых материальных и духовных потребностей.

Список литературы

1. Лотова 2018 – Лотова И.П. Защита семьи и традиционных семейных ценностей как фактор национальной безопасности России // Отечественный журнал социальной работы. 2018. № 4 (75). С. 11-17.
2. Маринофф 2020 – Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство от вредных воздействий технообщества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 19-28.
3. Момджян 2015 – Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / научные редакторы К. Х. Момджян, А. Ю. Антоновский – Москва: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2015. 440 с.
4. Bell 2022 – Bell, D. Communitarianism. Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2022 // URL: <https://plato.stanford.edu/entries/communitarianism/> (дата обращения – 01.05.2023).

УДК 291

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ

Бирюков Никита Александрович

Студент группы ОРК-22-1

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

E-mail: hhkyfchr@gmail.com

В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на современную религиозную практику и возможность исполнения им функций духовенства. В частности трактовки им религиозных текстов и вынесения на их основе постановлений о допустимости и недопустимости тех или иных вещей вместо традиционного духовенства на примере опыта Объединённых Арабских Эмиратов, где подобные функции помимо муфтиев выполняет искусственный интеллект «Аль-Ифта аль-иликтруни». В статье выделены и описаны

причины и обоснования подобной практики в Объединенных Арабских Эмиратах и возможные причины распространения в будущем этого опыта в других странах и среди последователей других религий. Рассмотрены причины таких проблем, приводящих к замене человека искусственным интеллектом в духовной сфере: невозможность взаимодействия вживую с представителем духовенства или с представителями своей религии вообще; высокий спрос на услуги, предоставляемые представителями духовенства, который не может быть удовлетворён иным образом; объемность различных текстов, постановлений и догматов религии, не позволяющая одному человеку должным образом знать их все в полном объеме должным образом; возможность ошибки в силу «человеческого фактора» в случае исполнения обязанностей живым человеком. Описаны как возможные негативные последствия замены на искусственный интеллект живых людей, исполняющих функции духовенства (психологический дискомфорт), так и положительные стороны подобных изменений (большая доступность религиозного взаимодействия).

Ключевые слова: религия, традиционная религия, ислам, искусственный интеллект, нейросеть, Объединенные Арабские Эмираты

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MODERN PRACTICE OF TRADITIONAL RELIGIOUS DENOMINATIONS

Biryukov Nikita Alexandrovich

Student of the group ORK-22-1

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

E-mail: hhkyfchr@gmail.com

The article discusses the impact of artificial intelligence on modern religious practice and the possibility of it performing the functions of the clergy. In particular, his interpretation of religious texts and the issuance of decisions on the admissibility and inadmissibility of certain things instead of the traditional clergy on the basis of them on the example of the experience of the United Arab Emirates, where, in addition to muftis, such functions are performed by the artificial intelligence «Al-Ifta al-Iliktruni». The article highlights and describes the reasons and justifications for such a practice in the United Arab Emirates and possible reasons for the spread of this experience in the future in other countries and among followers of other religions. The reasons for such problems leading to the replacement of a person with artificial intelligence in the spiritual sphere are considered, such as: the impossibility of interacting live with a representative of the clergy or with representatives of their religion in general, excessive demand for services provided by representatives of the clergy, which cannot be satisfied otherwise, the volume of various texts, regulations and dogmas of religion, which does not allow one person to properly know them all in full properly, the possibility of error due to the «human factor» in the case of the performance of duties by a living person. It describes both the possible negative consequences of replacing living people with artificial intelligence, performing the functions of the clergy, such as psychological discomfort, and the positive aspects of such changes, such as the greater availability of religious interaction.

Keywords: religion, traditional religion, Islam, artificial intelligence, neural network, United Arab Emirates

С развитием современных технологий в сфере искусственного интеллекта и нейросетей возрастает влияние, которое эти технологии оказывают на общественную, политическую, научную и даже духовную сферы человеческой жизни. И, если влияние разработок в сфере искусственного интеллекта на развитие науки является достаточно известным и закономерным, то влияние, которое развитие искусственного интеллекта может оказать на духовную сферу жизни менее очевидно и сейчас не столь велико, но имеет значительные перспективы в будущем

Различные религиозные течения в ходе истории в попытке соответствовать духу времени или упростить исполнение обрядов прибегали к разным способам автоматизировать различные религиозные практики, будь то молитвенные барабаны в Буддизме [Василенко 1996, с. 256] или упоминаемые у древнегреческого математика Герона Александрийского в его «Пневматике» автоматы для выдачи святой воды

[Башмакова 1958, с. 425]. В современном мире для упрощения богослужений или в силу различных обстоятельств в некоторых христианских церквях проводятся онлайн-богослужения [Лученко 2020, с. 39]. В силу этого закономерным является то, что в подобных целях верующие могут использовать и современные технологии, включая искусственный интеллект.

Примером современного использования искусственного интеллекта в религиозной практике может служить опыт Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). В ОАЭ – в рамках проекта «Дубай 10х» (Dubai 10x), направленного на обеспечения того, чтобы Дубай опережал остальной мир на 10 лет по уровню жизни и технологическому развитию – в целях обеспечения мусульман Дубая и ОАЭ в целом доступом к актуальной и соответствующей действительности информацией о религии был запущен проект «Аль-Ифта аль-иликтруни» («Виртуальные фетвы»). Этот проект являет собой нейросеть, которая на основании Корана, хадисов, сунны и постановлений авторитетных богословов способна выносить фетвы (постановление по какому-либо вопросу, выносимые в соответствии с исламом) по вопросам поста, молитвы, ритуальной чистоты и другим. Нейросеть была запущена в 2019 г. и фактически исполняет функции муфтия – высшего духовного лица в исламе после халифа. Возможность замены духовного лица нейросетью, исполняющей те же функции, в ОАЭ обусловлена тем, что число людей, обращающихся с различными вопросами к существующим муфтиям превосходит возможности духовенства и даже при том, что многие муфтии принимают вопросы от верующих через интернет и по телефону. Количество вопросов превышает возможность существующего духовенства ответить на них. Соответственно, нейросеть должна помочь людям в решении волнующих их опросов без привлечения представителя духовенства [Ахмедов, Эриашвили, Иванова 2021, с. 36]

Среди других объективных причин создания «Аль-Ифта аль-иликтруни» называют способность нейросети опираться на неограниченное количество источников сразу и давать ответ более быстрый и точный, чем на то способно большинство людей. При взаимодействии с живым человеком даже при условии его компетентности в вопросе всегда существует риск ошибки в силу «человеческого фактора». Священнослужитель может в силу личной предвзятости, ошибки или иных причин быть необъективен в своих суждениях и дать неверный ответ на вопрос. Также важной является возможность более удобным образом взаимодействовать с нейросетью через интернет, получая, в отличие от подобного взаимодействия с представителем духовенства, мгновенный отклик вне зависимости от времени или обстоятельств. Проблемы «человеческого фактора» в решении различных вопросов актуальны не только для ОАЭ и даже не только для исламского мира, но для большинства существующих сейчас религий. Соответственно, опыт ОАЭ может быть иметь значимость для священнослужителей и верующих всех других стран и исповеданий.

Традиционные религии имеют долгую историю своего развития. В этом плане существует еще одна специфическая проблема традиционных конфессий, в решении которой вполне могут помочь современные технологии. В традиционных религиях количество текстов, их трактовок, толкований и комментариев к ним является чрезмерно объемным и в своих суждениях не противоречит тем или иным толкованиям, принятым в традиции и учитывать их крайне затруднительно. Осуществлять свою деятельность, учитывая при том все догматические тексты и постановления (число которых со временем только растет), становится все сложнее, а попытки трактовать их непротиворечащим друг другу образом не всегда приводят к ожидаемому результату. Говорится о том, что человеку, практически, невозможно на должном уровне понимать и знать так много информации, это может обеспечить только искусственный интеллект. Искусственный интеллект способен к анализу и обучению на основе огромных массивов

объемов данных, охватить которые человек не способен. В силу этого для нейросети является возможным сгенерировать такое решение той или иной проблемы, которое будет учитывать всю имеющуюся информацию вне зависимости от ее объема. Это может дать возможность непредвзято и объективно решать спорные вопросы догматики и религиозной практики.

Поступательное внедрение технологий искусственного интеллекта в религиозную практику тормозится как решением технических вопросов, так и негативным восприятием подобных нововведений в духовной практике, связанных с опасением непредвиденных последствий и вполне возможной частичной замены человека в духовной сфере неодушевленной программой. Критическое восприятие нейросетей в религиозной практике связано с консервативностью значительной части верующих в технических вопросах и стремлением сохранять имеющийся порядок. Недоверие к современным технологиям и новым методам удовлетворения духовных потребностей человека свойственно многим традиционным религиям, но не всегда является непреодолимым препятствием для внедрения и развития нововведений [Нефедов 2021, с. 116]

В числе проблем исполнения духовных ролей программой вместо человека можно назвать тот факт, что взаимодействие с живыми людьми более благотворно сказывается на психике. Люди, лишаясь возможности живого взаимодействия с другими людьми чаще страдают от психологических проблем, имеют повышенный уровень тревоги и большую склонность к депрессии [Куба, Тихомирова 2022, с. 85-89]. Духовное лицо в религии помимо исполнения обрядов и трактовки догматических текстов также предоставляет верующим человеческое общение, поддержку и социальное взаимодействие. Замена живого человека программой неизбежно лишит верующих социального взаимодействия, которое является зачастую неотъемлемой частью религиозной практики. В случае внедрения технологий искусственного интеллекта в религиозной практике придется работать с решением того, как не лишить людей живого социального взаимодействия, дав им те преимущества, которые может предоставить искусственный интеллект.

Внедрения нейросетей в религиозную практику будет сталкиваться с теми или иными формами недоверия к этому процессу. Обязательно будут ставиться вопросы полноценного технического обеспечения, например, во время презентации в Дубае нейросети «Аль-Ифта аль-иликтруни» она в первое время могла отвечать только на 205 запросов. Внедрение технологий искусственного интеллекта в религиозной сфере вероятнее всего будет связано с техническими возможностями организаций, которые будут этим заниматься. Проект «Аль-Ифта аль-иликтруни», в силу ограниченного опыта и возможностей реализующего этот проект правительства Дубая, расширяется постепенно.

В заключение можно сделать следующий ряд выводов. Появление и все возрастающая мощь развивающихся технологий искусственного интеллекта будет оказывать все возрастающее влияние и на духовную сферу жизни человека. В ходе дальнейшего развития не исключена возможность того, что религиозные постановления могут быть вынесены не духовным лицом, а нейросетью. В этом плане, духовенство будет частично заменено искусственным интеллектом. Полная замена человека программой все же невозможна. Представители духовенства предоставляют людям помимо прочих своих услуг и социальное живое взаимодействие, которое ИИ заменить не способен.

Список литературы

1. Башмакова 1958 – Башмакова И.Г. Лекции по истории математики в Древней Греции // Историко-математические исследования. Вып. 11. М.: Физматгиз, 1958. С. 225-440.
2. Василенко 1996 – Василенко Л.И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 1996. 256 с.
3. Лученко 2020 – Лученко К. Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 39 (1). С. 39-57.
4. Ахмедов, Эриашвили, Иванова 2021 – Ахмедов Р.М., Эриашвили Н.Д., Иванова Ю.А. Некоторые особенности соотношения традиций мусульманского сообщества и современных цифровых технологий // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 35-38.
5. Нефедов 2021 – Нефедов С.А. Русская цивилизация: связь между православным изоляционизмом и техническим развитием // История: факты и символы. 2021. № 3 (28). С. 109-118.
6. Куба, Тихомирова 2022 – Куба Е.А., Тихомирова А.В. Результаты исследования взаимосвязи восприятия пандемии covid-19 и уровня тревоги и депрессии у лиц, находящихся в реабилитационном центре // Вестник магистратуры. 2022. № 3-1 (126). С. 78-84.

УДК 130.3

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ МИРЕ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Бунин Сергей Владимирович
Аспирант кафедры философии
Вологодский государственный университет
E-mail: ser.b82@bk.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью поиска гуманистической антропологии сберегающей человека, многообразие его культур и духовных традиций в условиях ряда негативных явлений современности, угрожающих утратой человеческой целостности, аксиологических ориентиров и религиозной культуры. Современные естественнонаучные представления о человеке, о биосоциальных факторах его обуславливающих, вступают в противоречие с многовековой религиозной культурой человека, которое ведет к полному отказу от последней. Развитие цифровых технологий несет ряд негативных явлений, угрожающих психологическому здоровью и свободе человека. Эти обстоятельства требуют пересмотра в свете современных представлений исторического и социального значения религии и ее функций на современном этапе. В данной статье предлагается попытка выявления положительного потенциала религии и религиозности для сбережения человека и преодоления кризисных явлений современности. В постсекулярном мире религия – целостное мировоззрение, утверждающее гуманистические идеи добра, милосердия, неприятия лжи, сохраняющая человека, включающая его в социальную группу с нравственными ценностями, освобождающая человека от деструктивного эгоцентризма, низменных страстей и авторитарных идеологий – является фактором сохранения идентичности и в потенциале способна оказать помощь в преодолении разрушительных для человека тенденций современности.

Ключевые слова: когнитивные механизмы религиозности; функции религии; идентичность; гуманистические религии; альтруизм; экзистенциальность

RELIGIOSITY IN THE POST-SECULAR WORLD AS A WAY TO PRESERVE HUMAN IDENTITY

Bunin Sergey Vladimirovich

Postgraduate student of the Department of Philosophy

Vologda State University

E-mail: ser.b82@bk.ru

The relevance of the article is due to the need to search for a humanistic anthropology that saves a person, the diversity of his cultures and spiritual traditions in the context of a number of negative phenomena of modernity that threaten with the loss of human integrity, axiological guidelines and religious culture. Modern scientific ideas about a man, the biosocial factors that determine him, come into conflict with the centuries-old religious culture, which leads to a complete rejection of it. The development of digital technologies brings a number of negative phenomena that threaten psychological health and human freedom. These circumstances require revision in the light of modern studies of the historical and social significance of religion and its functions at the present. This article offers an attempt to identify the positive potential of religion and religiosity for saving a person and overcoming the crisis phenomena of modernity. In the post-secular world, religion – a holistic worldview affirming humanistic ideas of goodness, mercy, rejection of lies, preserving a person, including him in a social group with moral values, freeing a person from destructive egocentrism, base passions and authoritarian ideologies – is a factor in preserving identity and is potentially able to help overcome the destructive tendencies of modernity for a person.

Keywords: cognitive mechanisms of religiosity; functions of religion; identity; humanistic religions; altruism; existentiality

Современное научное представление о человеке как о биосоциальном животном, детерминированным мозгом и социальной средой, футурологическое – об алгоритмах поведения и оцифровке сознания не оставляют человеку пространства духовной свободы. Культурный релятивизм снимает вопрос об абсолютных ценностях и критериях оценки явлений общественной жизни. Индивидуализация жизни, жесткая социальная конкуренция, культ потребления, виртуализация жизни, одиночество в мегаполисах наносят ущерб психологическому здоровью, порождают различного рода зависимости. Цифровизация жизни не дают права на ошибку (Cancel Culture на Западе, социальный рейтинг в Китае). Вскрытие механизмов поведения человека и управления обществом без этической доминанты создает неограниченные возможности манипуляции и тотального контроля. Возможно, одна из сил противостоящая этим явлениям, разрушающим человека – это религия.

Когнитивист Дж. Барретт, исследовавший религиозность детей, пришел к выводу об их естественной склонности к религии [Barrett 2012, p. 3, 4]. Биолог и антрополог Дж. Даймонд приводит представление современных психологов-эволюционистов о том, религия могла возникнуть «как побочный продукт прогрессирующей изоэтрности человеческого мозга в нахождении причинных объяснений и в предвидении» [Даймонд 2016, с. 447, 453]. Религия порождалась работой мозга по нахождению причин различных событий, установлению связи между ними, предвидению опасности, тем самым религия способствовала выживанию человека в тяжелых условиях. П. Буайе объясняет существование религии через «тайное общество» разных когнитивных механизмов, которые имеются в любом человеческом разуме [Буайе 2018, с. 441].

Многообразие религий прошлого и современности порождает трудность формулирования определения. По мнению М. Элиаде, «религия есть организация жизни вокруг глубочайших измерений опыта, различных по форме, полноте и ясности и находящихся в гармонии с окружающей культурой» [The Encyclopedia 1987, p. 286]. Ю. Харари определяет религию как «систему норм и ценностей, основанную на вере в сверхчеловеческий порядок» [Харари, 2022, с. 273, 274].

Какова роль религии в современности? С одной стороны, религиозность в развитых странах снижается, религия утрачивает свое значение и влияние на общество, которое приобретает все более светский характер (страны северной и западной Европы). С другой стороны, в некоторых странах: произошла десекуляризация (Иран, Афганистан), религию исповедует 99% населения таких населенных стран как Бангладеш, Эфиопия и Индонезия [Most...], религия играет значимую роль в Индии – стране с самой большой численностью населения (1,4 млрд. человек), религия входит в политический дискурс – обосновывает государственную идеологию и внешнюю политику (Россия).

По мнению В.И. Гараджи, одна из важных функций религии в современности – функция идентификации. В современном мире с его мобильностью «чувство принадлежности, укорененности насущно необходимо». Еще одна сфера, где религия сохраняет свое значение – возрастные обряды, являющиеся частью религиозной традиции, поскольку они связаны с ощущением своей идентичности, «обретением индивидуальности, внутренней целостности и осмысленности существования» [Гараджа 2010, с. 178]. Важность обрядово-ритуальных действий для человека подтверждается их сохранением в светских обществах. Обряды, внося порядок в непредсказуемость жизни, имеют психотерапевтическую функцию. Как отмечает Ю.В. Гаврилова, в современности некоторые исследователи особо выделяют «психотерапевтическую» функцию религии, ввиду ее благотворного влияния на психику человека [Гаврилова 2009, с. 84]. Социолог Р. Инглхарт отмечает, что на протяжении всей истории религия помогала человеку справляться с опасными условиями жизни. По его словам, наличие твердой системы убеждений приносит пользу как физическому, так и психическому здоровью. При этом автор отмечает, что система убеждений может быть и нерелигиозной [Inglehart 2021, р. 30]. По нашему мнению, преимущество религии заключается в представлении о трансцендентном источнике этой системы. Тем самым религия противостоит, по мысли Дж. Хика, самоцентрированию и эгоизму [Hick, 2004]. Ф.Э. Реати также утверждает, что вера, обещая спасение, призывает к действию, чем «помогает человеку спастись от бессмысленности и тем самым сдерживает распространение равнодушия» [Реати 2001, с. 61]. Как пишут, к примеру, К. А. Багаева и Д. Ш. Цырендоржиева, именно в реализации социальных функций проявляется главная «роль религии как оберегающего человека социального института», что становится заметно при усложнении социальных отношений, технологических и информационных процессов, побуждая обращение к религиозным ценностям [Багаева 2023, с. 28].

Отмечая положительное значение религии для сохранения идентичности человека, необходимо отметить, что это сбережение должно способствовать гармоничному развитию человека. Религия, его угнетающая, по классификации Э. Фромма, является авторитарной. По мысли В.И. Гараджи, нетерпимость или конформизм в религии могут отрицательно повлиять на психологическое развитие личности [Гараджа 2010, с. 178]. Современные исследования эволюции человека показывают, что обратной стороной человеческого альтруизма является парохильность – доброжелательное отношение к «своим» и в тоже время враждебное – по отношению к другим. Религия, по мнению Бульбы, часто «не освобождает от парохильности, а подпитывает ее» [Бульба 2021, с. 277]. Напротив, гуманистические религии, по Э. Фромму, такие как ранний буддизм, учение пророков Ветхого Завета, Иисуса, античных философов, способствовали раскрытию сил человека и его развитию [Фромм, 2018, с. 45-49]. Например, буддизм, по мнению Е.В. Бульбы, ведет человека к долговременному счастью, предлагая преодоление природного эгоизма и ограниченного альтруизма до сострадания ко всем людям [Бульба 2021, с. 277]. Учение Иисуса, лежащее в основе всех христианских деноминаций, также имеет в себе этот призыв к преодолению парохильности.

Таким образом, в постсекулярном мире религия, которая является целостным мировоззрением, утверждающим гуманистические идеи добра, милосердия, неприятия лжи, сохраняющая человека, включающая его в социальную группу с нравственными ценностями, освобождающая человека от деструктивного эгоцентризма, низменных страстей и авторитарных идеологий, является фактором сохранения идентичности и в потенциале способна оказать помощь в преодолении разрушительных для человека тенденций современности.

Список литературы

1. Багаева 2010 – Багаева, К.А., Цырендоржиева Д.Ш. Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия. 2023. № 1. С. 18-30.
2. Буайе 2018 – Буайе П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления / пер. с фр. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 496 с
3. Бульба 2021 – Бульба Е. В. Биология VS Буддизм: почему гены против нашего счастья и как философия буддизма решает эту проблему. М.: Эксмо, 2021. 288 с.
4. Гаврилова 2009 – Гаврилова Ю. В. Формирование философских представлений о социальных функциях религии // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. № 3. С. 74-85.
5. Гараджа 2010 – Гараджа В.И. Социология религии: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М.: ИФРА-М, 2010. 304 с.
6. Даймонд 2016 – Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. – М.: АСТ, 2016. 672 с.
7. Реати 2001 – Реати Ф.Э. Религия как освобождающая сила в философии XX века / пер. с итальянского Ю.А. Ромашев. СПб.: Европейский Дом, 2001. 96 с.
8. Фромм 2018 – Фромм Э. Психоанализ и религия; Дзен-буддизм и психоанализ. М.: АСТ, 2018. 224 с.
9. Харари 2022 – Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбан, 2022. 512 с.
10. Barret 2012 – Barrett J. L. Born believers. The science of Children's Religious Belief. Free Press. 2012. 233 p.
11. Hick 2004 – Hick J. An Interpretation of Religion: Human Responses to the Transcendent. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2004. 336 p.
12. Inglehart 2021 – Inglehart R.F. Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next? New York: Oxford University Press, 2021. 191 p.
13. Most Religious Countries In The World. URL: <https://www.worldatlas.com/articles/most-religious-countries-in-the-world.html> (дата обращения: 17.04.2023)
14. The Encyclopedia 1987 – The Encyclopedia of Religion. Vol. 12 / ed. L. Jones. New York-London, 1987. 704 p.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОТ ПРОТЕЗА МОЗГА К ЗАМЕНЕ ЧЕЛОВЕКА?

Глуздов Дмитрий Викторович

Аспирант

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

E-mail: dmitry.gluzdov@mail.ru

С запредельными скоростями развивается взаимосвязь человека и информационных технологий – погружение одного в другое происходит у нас на глазах. растёт влияние на общество и, как всегда, не обязательно в положительную сторону. Активное распространение Интернета, непрерывное развитие современных информационных технологий, в общем, и искусственного интеллекта, в частности, безусловно, ведёт к вторжению ИИ в жизнь человека. Если раньше, прежде всего, рассматривалась опасность получения машиной доступа к информации о каждом из нас и следующего оказание воздействия на наше поведение, приводящего ко все более возрастающему манипулированию, то сейчас уже нужно говорить о том, что мы подошли к черте, когда то чем является человек начинает подменяться машиной. Последствия этой подмены нельзя не понимать. Речь уже идёт не о том, чтобы человеку не потерять в себе себя, а о том, что мы можем потерять человека. Здесь рассмотрен случай широко разрекламированный в СМИ и Интернет о привлечении «машины» к написанию исследовательской работы, что на наш взгляд переводит нас из категории «человек» в категорию «исполнительный механизм». Несомненно, что это бомба «незамедлительного действия» для организации образования любого уровня, а далее уже возможности развития нас самих. Пути назад уже нет...? Как найти возможность «продлиться»?

Ключевые слова: человек, искусственный интеллект, машина, технология, исполнительный механизм, чатGPT, разум, мозг

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM BRAIN PROSTHESIS TO HUMAN REPLACEMENT?

Gluzdov Dmitry Victorovich

Postgraduate student

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

E-mail: dmitry.gluzdov@mail.ru

The relationship between man and information technology is developing at an incredible speed - the immersion of one into the other is happening before our eyes. the influence on society is growing and, as always, not necessarily in a positive direction. The active spread of the Internet, the continuous development of modern information technologies, in general, and artificial intelligence, in particular, certainly leads to the invasion of AI into human life. If earlier, first of all, the danger of a machine gaining access to information about each of us and then influencing our behavior, leading to ever-increasing manipulation, was considered, now we need to say that we have come to the line when what is man begins to be replaced by a machine. The implications of this change cannot be ignored. The point is not that a person should not lose himself in himself, but that we can lose a person. Here we consider a case widely publicized in the media and the Internet about the involvement of a «machine» in writing a research paper, which, in our opinion, moves us from the category of «human» to the category of «executive mechanism». There is no doubt that this is an «immediate action» bomb for the organization of education at any level, and then the possibilities for the development of ourselves. There is no way back...? How to find the opportunity to «prolong»?

Keywords: man, artificial intelligence, machine, technology, actuator, chatGPT, mind, brain

«Не слишком ли я злой (какой ты ядовитый, сказал мне один технократ, не в силах возразить по существу) и много ругаюсь? Но как не ругаться любому человеку, кто чувствует себя живым. Да если, как на грех, думает? Возможно, е.б.ж. до старости, примирюсь с таким прогрессом. Умирать-то все равно надо. А пока: «борьба со своим временем»! Потому что оно стало чужим. После-человеческим.»

В.А. Кутырёв

Искусственный интеллект – быстро развивающаяся область, и наше понимание в отношении нее постоянно меняется. В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал предметом многочисленных спекуляций и дискуссий, в центре которых вопрос о том, заменит ли ИИ человеческий разум.

Определенную озабоченность в отношении ИИ мы дано можем видеть в высказываниях у совершенно разных представителей из сфер бизнеса, науки, политики: - «В наступившем веке, если не произойдет каких-то чрезвычайных событий, мировой войны или глобальной экологической катастрофы, перед человечеством открывается двойственная перспектива. Либо оно сохранит свою идентичность, «выживет» и будет совершенствоваться как вид *Homo sapiens*, либо приобретет иное качество, превратится в нечто постчеловеческое, роботообразное» [Кутырёв 2001, с. 3];

- «С помощью искусственного интеллекта мы вызываем демона» [McFarland 2014];

- «Ни политики, ни избиратели толком не разбираются в новых технологиях - не говоря уже о том, чтобы регулировать их взрывоопасный потенциал» [Харари 2019, с. 19].

- «В ИИ слишком много случаев дискриминации, и в некоторых случаях организации даже откладывают планы по его внедрению» [Jones 2021].

- «Искусственный интеллект должен подчиняться человеческому контролю, позволяя людям корректировать или отключать его в случае непредвиденного поведения» [European Parliament 2021]

Человеческий интеллект относится к когнитивным способностям, уникальным для человека, включая решение проблем, абстрактное мышление и самосознание. Машинный интеллект относится к способности компьютерных систем выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта, такие как распознавание речи, распознавание изображений и принятие решений.

Одним из ключевых различий между человеческим интеллектом и ИИ считается характер их процессов обучения. Человеческий интеллект во многом основан на способности учиться на собственном опыте и адаптироваться к новым ситуациям. Машинный интеллект основан на способности обрабатывать большие объемы данных и делать прогнозы на основе этих данных. Хотя машины все же могут учиться на собственном опыте, они ограничены качеством и количеством данных, на которых они были обучены.

Человеческий интеллект характеризуется способностью интегрировать несколько источников информации и формировать связное представление о мире. Вот почему мы способны распознавать закономерности, устанавливать связи и понимать сложные отношения. Машинный интеллект ограничен линейной, пошаговой обработкой информации. Хотя машины могут анализировать большие объемы данных и выявлять

закономерности, они не способны формировать целостное представление о мире так, как это делают люди.

Некоторые утверждают, что сложность человеческого интеллекта такова, что машины никогда не смогут полностью воспроизвести его. Они указывают на уникальный опыт и эмоции, которые являются фундаментальной частью человеческого сознания, и утверждают, что они не могут быть воспроизведены машинами. Другие утверждают, что это только вопрос времени, когда машины смогут воспроизвести человеческий интеллект.

Теория дуализма постулирует, что человеческий разум и тело являются двумя отдельными сущностями, где разум является нематериальной субстанцией. Эту теорию можно применить к взаимосвязи между человеческим интеллектом и ИИ, поскольку она утверждает, что ИИ является продуктом физического тела (в данном случае компьютерной системы), а человеческий интеллект является продуктом нематериального разума.

Теория общего ИИ утверждает, что машины в конечном итоге разовьют интеллект, который будет иметь возможность понимать мир и принимать решения так же, как это делают люди. Эта теория поднимает этические вопросы о том, в какой степени машинам следует позволять принимать решения, влияющие на жизнь людей, и поднимает вопросы об ответственности людей за то, чтобы машины принимали решения, отвечающие наилучшим интересам человечества.

Если машины смогут воспроизвести человеческий интеллект, это изменит наше понимание того, что значит быть человеком, и поставит важные этические вопросы о роли технологий в нашей жизни. Например, если машины смогут выполнять задачи, которые обычно связаны с человеческим интеллектом, такие как принятие решений и творческое решение проблем, какова будет роль людей в обществе? Заменят ли машины человеческий труд и приведут ли они к повсеместной безработице, или же они усилят человеческий интеллект и позволят нам достичь большего?

Любые общие вопросы базируются на конкретных примерах и достижениях. К последним можно отнести широко разрекламированную историю о том, как российский студент защитил диплом, на подготовку которого у него ушло, в целом, 23 часа с использованием нейросети ChatGPT. Вполне возможно, что это событие – суть События, которое делит время на «до» и «после».

«Ситуация до» упомянутого «События» в плане последовательности действий выглядела примерно следующим образом:

- человек проходит некоторый путь от рождения до начала своей профессиональной деятельности, в течение которого он получает знания, запоминая, анализируя и систематизируя их, становясь специалистом;
- в своей профессиональной деятельности человек разрабатывает и внедряет алгоритмы, которые исходя из имеющихся и обновляющихся у него знаний, имитируют (а в итоге контролируют) некоторые производственные процессы. Эта деятельность человека в качестве результата имеет некоторую Автоматизированную Систему Управления Технологическим Процессом (АСУ ТП);
- данная АСУ, собирая информацию об объективной реальности (о контролируемом и управляемом процессе), интерпретирует в доступном для человека виде актуальную информацию и в оперативном режиме, для случаев когда использование человеческих ресурсов не оптимально или даже опасно, контролирует и управляет этим процессом, воздействуя на среду, выдавая управляющие сигналы на исполнительные устройства.

«Ситуация после» упомянутого «События» (студент использовал chatGPT при подготовке дипломной работы) оставила в прошлом всегда и везде действовавшую

последовательность: знания – система – контроль и управление. Теперь последовательность действий для студента следующая:

- студент, получив формальные требования к дипломной работе (тема, структура, ограничения), обратился к искусственному интеллекту с вопросами;
- искусственный интеллект, обученный на всей совокупности статей по разным темам, сформулировал ответы на заданные ему вопросы;
- студент, применив понимание задачи, оформил дипломную работу в соответствии с имеющимися ограничениями, и получил требовавшийся от него результат.

Анализ ситуации заставляет задуматься над следующими вопросами. Кто же в итоге собрал, сформулировал и выдал знания в виде дипломной работы? Что принадлежит студенту в полученной работе, ее оформление? Не существует ли заметное сходство студента с исполнительным устройством в системах АСУ ТП? Кто в этом случае оператор системы? Такой студент нужен обществу или его уже можно заменить на ИИ?

Обсуждаемый в данном случае студент с полным правом является представителем современного человека как такового в его отношениях с ИИ. Случай «ситуации после» можно считать наглядным современным представлением следующих строк В.А. Кутырёва: «Отдадим машинам всё! ... И себя тоже?»: *«Додумались до того, чтобы больше не думать»!* [Кутырев 2017, с. 355].

Одним из решений современной проблемы взаимоотношений между человеком и ИИ может быть не только разработка систем с элементами ИИ, задача которых дополнять, а не заменять людей, но и проведение изменений в образовании, чтобы контролировать и обеспечивать развитие человеческого, а не ИИ. Например, ИИ должен использоваться для автоматизации повторяющихся задач или для предоставления работникам данных и информации в режиме реального времени, которые они могут использовать для принятия более эффективных решений и ограничиваться в учебных процессах.

Философское сравнение природы искусственного и человеческого интеллекта подчеркивает сложные и взаимосвязанные отношения между технологиями и людьми. Машины могут и значительно расширить наши когнитивные способности, и улучшить наше понимание мира, и разрушить наш человеческий мир, практически изгнав человека из него. Расширяя границы применения искусственного интеллекта, важно учитывать не только этические и философские, но и прогнозировать любые другие возможные последствия этой быстро развивающейся технологии. Отношения между человеческим и машинным интеллектами определяют будущее нашего вида и определяют наше место в мире – как ключевой элемент в человеческом обществе или как исполнительный механизм в ином, трансформированном машинно-человеческом подобии общества.

Список литературы

1. Кутырев 2016 – Кутырев В.А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
2. Кутырев 2017 – Кутырев В.А. Отдадим все машинам!.. И себя тоже? // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 231-237.
3. Бауман 2005 – Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Кутырев 2001 – Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001, 240 с.
5. Харари 2018 – Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего [пер. с англ. А. Андреева]. М.: Синдбад, 2018. 496 с.

6. Харари 2019 – Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века [пер. с англ. Ю. Гольтберг]. М.: Синдбад, 2019. 412 с.
7. European Parliament 2021 – European Parliament Press Releases – Guidelines for military and non-military use of Artificial Intelligence – 20 January 2021 – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210114IPR95627/guidelines-for-military-and-non-military-use-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 04.03.2023).
8. Jones 2021 – Jones M. – Is ethical risk getting the better of artificial intelligence? // TechHQ, 2021 – 2 February 2021// URL: <https://techhq.com/2021/02/is-ethical-risk-getting-the-better-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 04.03.2023).
9. McFarland 2014 – McFarland M. – Elon Musk: «With artificial intelligence we are summoning the demon» // Washington Post, 2014. – Oct. 24 // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2014/10/24/elon-musk-with-artificial-intelligence-we-are-summoning-the-demon/> (дата обращения: 04.03.2023).

УДК 008

ФОРМЫ «СОКРЫТИЯ ПУСТОТЫ» В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

Корнева Юлия Сергеевна

Педагог-организатор

ГБУ ДО Региональный центр развития талантов «Вега»

E-mail: korneva.52@mail.ru

Статья представляет философско-культурологический анализ понятия «пустота» с позиции сохранения духовного наследия и традиционных культур. Семантический анализ архетипических представлений о пустоте позволяет различить два вида обозначенного феномена: пустоты естественной и искусственной. Первая является компонентом духовной традиции, направлена на созидание внутренних процессов; вторая являет собой результат освобождения человека от историко-культурных традиций и направлена на развитие, внедрение инновации и постепенное стирание культурных различий. Анализ двух форм представлений о «пустоте» рассмотрено на примере оценки кризисных явлений отечественной истории, роли православного вероисповедания и влияния западноевропейской культуры. Забвение природы, естественной «пустоты» на путях культурного модернизма приводит к неизбежному столкновению с пустотой неорганического, искусственного содержания – она становится той болевой точкой, которая может разрастаться, если не видеть причин, приводящих к ее подчас безудержному росту. Внимание к естественной пустоте, данной от природы, а не от высоких технологий, должно позволить по-иному взглянуть на существование традиционных обществ, упорно продолжающих придерживаться своих культурных кодов, несмотря на непрекращающийся «поход» мира западных ценностей на Восток.

Ключевые слова: пустота, искусственное, естественное, традиционная культура, православие, духовность, антропоконсерватизм

FORMS OF «HIDING EMPTINESS» IN TRADITIONAL CULTURES

Korneva Yulia Sergeevna

Teacher-organizer

Regional talent development center «VEGA»

E-mail: korneva.52@mail.ru

The article presents a philosophical and cultural analysis of the concept of «emptiness» from the perspective of preserving spiritual heritage and traditional cultures. Semantic analysis of archetypal representations of emptiness makes it possible to distinguish two types of the designated phenomenon: natural and artificial emptiness. The first is a component of spiritual tradition, aimed at the creation of internal processes; the second is the result of the liberation of a person from historical and cultural traditions and is aimed at development, innovation and the gradual erasure of cultural differences. The analysis of two forms of ideas about «emptiness» is considered by the example of assessing the crisis phenomena of national history, the role of the Orthodox faith and the influence of Western European culture. The oblivion of nature, the natural «emptiness» on the paths of cultural modernism leads to an inevitable collision with the emptiness of inorganic, artificial content – it becomes the pain point that can grow if you do not see the reasons leading to its sometimes unrestrained growth. Attention to the natural emptiness given by nature, and not by high technology, should allow us to take a different look at the existence of traditional societies that persistently continue to adhere to their cultural codes, despite the incessant «march» of the world of Western values to the East.

Keywords: emptiness, artificial, natural, traditional culture, orthodoxy, spirituality, anthropoconservatism

Распад традиционной культуры, а также целых государственных образований, когда-то выступавших гарантом сохранения культурных традиций, всегда сопровождается актуализацией проблемы «пустоты». В свое время В.В. Розанов очень тонко и глубоко уловил интонацию уходящей для России эпохи: «Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» [Розанов 1994, с. 4].

С древнейших времен человечество могло наблюдать, что пустота – это не искусственное, а естественное, природное, изначальное существование всего мира. Создатели синергетической парадигмы широко распространили представление, что в архаической мифологии изначальный Хаос мыслился как беспорядочное смешение различных элементов. Но подобное состояние Хаоса больше похоже на атмосферу, описанную выше у Розанова, это скорее состояние конца порядка, но никак не его начала. Изначальный же Хаос древних – молчит, дремлет, иногда зияет, создает день и ночь, стихии и т.д. В момент первой встречи человека с природой – она, природа, всегда безмолвствует, покоится на основаниях, известных только ей одной. Человек в согласии с природой создает культурные архетипы, которые должны обеспечивать равновесие между природным, изначальным, «непорочным» существованием мира, с одной стороны, и результатами активного вмешательства человека в природу, с другой. Неэкспериментальное изучение природы не позволяло Древним наносить ей сознательные травмы.

На уровне социальных отношений традиционную культуру необходимо рассматривать в качестве одного из эффективных механизмов, позволяющих удерживать «пустоту» на уровне максимальной отметки. Главное свойство традиционной культуры – это непроницаемое для постороннего взгляда свойство *глубины*, в которой гармонично сплетаются и взаимопроникают друг в друга, казалось бы, несовместимые вещи – природа и культура, искусственное и естественно, бытие и сущее, мысль и действие. Понятие «глубины» предполагает существование некоей емкости, чаши, которая имеет три сущностные характеристики: границы данной чаши, пустое пространство внутри чаши и пустоту внешнюю – мир непознанного, чужого.

Онтологическую сущность традиции также можно рассмотреть на примере изделий китайских резчиков из слоновой кости «шары в шаре», или подобной им русской

матрешки. Для всех культурных миров существует единый орнамент, единый ритм жизни и времени, единые ценности. Но между данными культурными мирами наличествует непреодолимое узкое пространство, тот пустой зазор, который не позволяет свободно переходить из одного мира в другой. Дискретность миров подчеркивается не только разницей в объемах, но и пустотой между ними. Для того чтобы культурные миры не перекрывали друг друга, и могли существовать во взаимном располагающем друг к другу отношении, в бытии всегда присутствует потребность эту пустоту чем-то заполнить. Традиция обретает качество бытийности, субстанциональной целостности только от со-присутствия с духовной культурой. События духовного порядка необходимо оценивать как наивысшую форму присутствия человека в мире природы и культуры.

Источником духовности для российской культуры на протяжении многих веков была православная вера. Православие в жизни русского общества играло важную роль насыщения единым содержанием тех внутренних пространств, которые всегда существовали между различными социальными слоями общества. Любой человек, вне зависимости от своего социального происхождения имел доступ к единому смысловому культурному пространству, он мог войти в него непосредственно сам – присоединиться к служителям церкви, или оставить за собой роль наблюдателя за событиями духовной жизни.

Духовная энергия не могла бы осуществиться в полной мере без обращения к природе, к самой пустоте. Роль «собираателей» пустоты берут на себя выдающиеся деятели русской православной церкви. Их не-мирской подвиг всегда совершался путем ухода из мира в неоформленную природу, в пустоту, в молчание, схиму, то есть, в те пространственные измерения, в которых нет культурных напластований, социальных различий, и других характеристик наличного бытия, приводящих сознание в состояние замутнение, неразличимости – где правда, а где ложь. Отрешенность от мира, безмолвие, погружение в пустоту природы, прислушивание в ее чуть заметным ритмам позволяло обрести не только внутренний покой, привить терпение и научиться смирению, но и даровало особый род знания, с которым отшельники уже обратно возвращались в мир, чтобы помочь обычным людям обрести опору в жизни. Деяния русского православного иночества, постоянно возобновлявшего опыт погружения в «пустоту», в освоение ближайшего, позволяло современникам говорить о существовании особой русской духовной культуры, придавало целостность самой традиции и служило опорой в мирских делах. Монастыри, пустыни, скиты являлись своего рода собирающими и хранителями естественной природной «пустоты».

Природную пустоту, содержащую в себе возможности целостного восприятия бытия, целесообразно рассматривать как антипод искусственной пустоте. Этот второй вид пустоты – «достояние» инновационных «открытых» обществ. Она формируется в результате стремления человека получить освобождение от культурных, традиционных, в том числе и от природных стереотипов, а также провозглашения равных возможностей для всех членов общества.

В отличие от западной католической церкви и протестантизма, православие с момента своего зарождения на Руси никогда не ставило масштабных миссионерских задач по распространению своего влияния на иные традиции. Созерцательное по своему характеру оно искало Царствие Божье не на Земле, а в просторах Иного Бытия, самого духа, временным пристанищем которого всегда были монастыри и церкви. Отличительной особенностью католической и протестантской церкви является их светский характер. Это нашло отражение как в самой религиозной доктрине католичества – построение Земного Града, так и в широком распространении странствующих орденов, которые должны были защищать интересы Римской церкви.

Представление о «пустоте» в европейской культуре значительно отличается от восточной апофатической традиции. Пустота, Ничто – для западной культуры это всегда свойство чего-то внешнего, чужого, варварского, которое необходимо устранить путем включения в мир своего влияния. Европейское рациональное мышление практически не знает, что собой представляет «пустота внутренняя», Ничто всегда расположено рядом с Бытием, но никогда внутри. «Внутренняя пустота» может возникнуть как следствие остановки в развитии, в активном освоении чужих миров. Забвение внутренней пустоты и борьба с внешней, приводит к формированию в западной культуре особого уникального рода «искусственной пустоты», которая оказывает неоценимую помощь в деле распространения западных ценностей по всему миру.

Проникновение «искусственной пустоты» во внутренний мир исконно русской духовной традиции началось с принятием светской культуры западного образца, и с процессами секуляризации самих религиозных институтов. В произведениях русских классиков данное явление можно найти в описаниях таких, повсеместно встречавшихся у представителей высших сословий, душевных состояний: ощущения тоски, хандры, английской болезни «сплин», «обломовщины», нигилизма и т. д. Дефрагментация общества на различные культурные миры, которые больше не были связаны между собой общей духовной традицией, создавало чистое пространство, ту пустоту, которая со временем позволила воплотить в жизнь проекты западной культуры. Ренессанс русской духовной традиции конца XIX – начала XX веков, нашедший выражение в подъеме религиозной философской мысли и деятельности русских духовных святителей, продолжался недолго. Его можно расценивать как последнюю, отчаянную попытку заполнить инородную «пустоту» западного образца достоинствами собственной духовной традицией, тем самым, как бы отдалить момент встречи с той «пустотой, в которую проваливается все и вся».

Природа также противостоит культуре, как пустота – творению. Но именно духовная традиция и образует тот круг бытия, в котором сходится в едином кольце природа и культура, пустота и творчество. Традицию можно назвать *живой* только в том случае, если она может сохранять связь между этими двумя координатами. *Животворящая* традиция – это та жизненно необходимая бытийная субстанция, которая и позволяет сохраниться как культуре, так и природе.

На сегодняшний момент, оставшиеся в *живых* традиционные культуры являют собой яркий пример сохранения внутреннего духовного измерения реальности. Стремление воспрепятствовать распространению ценностей западной цивилизации, инородной пустоты в свой мир приводят к угрожающим для мира «толерантности» акциям сопротивления. Миру грозит новое погружение «всего и вся» - культур, народов, традиций в хаотический вихрь, в пустоту уже без права на продление и выживание человечества как рода и природы как *живой* среды обитания. Замедлить путь приближения конца, а с другой стороны, получить право на продление - человечеству должно помочь возвращение к духовным родникам собственной исторической памяти и традиции, следы которой могут быть безвозвратно потеряны, если мыслить глобально.

Рассмотренная проблематика во многих своих аспектах и в главном соотносится с концепцией антропоконсерватизма В.А. Кутырева. Критика В.А. Кутырева постчеловеческих тенденция современного научно-технического развития, начавшаяся с конца 1980-х годов [Кутырев 1988; Кутырев 1989], всегда обращалась к духовным источникам и практикам традиционных культур, чтобы защитить человеческое. Все это – в более глубокой и перспективной форме – представлено и в последней большей работе В.А. Кутырева [Кутырев 2022].

Список литературы

1. Кутырев 1988 – Кутырев В.А. Универсальный эволюционизм или коэволюция? // Природа. 1988. № 8. С. 4-10.
2. Кутырев 1989 – Кутырев В.А. Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания // Природа. 1989. №. 5. С. 3-10.
3. Кутырев 2022 – Кутырев В.А. Человечество технологий, цивилизация фальшизма. – СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.
4. Розанов В.В. Собрание сочинений. Мимолетное. М.: Республика, 1994. 541 с.

УДК 101.1

АНАЛИТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИИ

Коротышева Анна Андреевна

Аспирант, ассистент кафедры «Безопасность информационных систем»

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: ania.korotishewa@yandex.ru

В.А. Кутырев требует точной оценки потенциалов научно-технического развития, нивелирующей возможность появления постлюдей и искусственного интеллекта. Формируется целый антропоконсервативный фронт теоретической и практической деятельности, одним из важнейших объектов которой является все связанное с феноменом «информации». При всей современной известности «информации», отсутствует ее общезначимое определение. Последнее нельзя списать на нормальный ход науки и состояние сложных ситуаций в духе позиций К. Поппера и Л. Витгенштейна, а нужно преодолевать, создавая надежный базис дальнейшего исследования. Исторический подход фиксирует, что современная значимость «информации» начинается с сер. XX в., в связи с интенсивным развитием технических устройств передачи данных. Дальнейшими вехами на этом пути является появление компьютеров, их широкая распространенность, ведущая к становлению информационного общества. Формируется информатика, компьютерные науки, теория информационного общества: объективные трудности их междисциплинарного размежевания выступают основой наличной неопределенности «информации». Снятие остроты данной проблемы обеспечивает введение двух последовательных определений «информации». Информация в широком смысле – это сведения, данные, знания, выраженные в любой форме и так или иначе понятные человеку или компьютеру, в собственном смысле – это сведения, данные, знания, выраженные в компьютерной форме. Информация в широком смысле синонимична современному информационному обществу, которое во все большей степени подводит к опасности потери человечности. Люди становятся зависимыми от искусственного интеллекта, от виртуального мира, утрачивают навыки коммуникации в реальной жизни, что может привести к социальной изоляции и проблемам психологического характера. Кроме того, существует опасность потери человеческого участия во многих сферах деятельности, например, в медицине или правоохранительных органах, где роботы и искусственный интеллект могут заменить людей. На базе надежной теории сторонники антропоконсерватизма должны держать руку на пульсе новых технологических достижений, отстаивая достоинство человека и само существование человеческого общества.

Ключевые слова: информация, антропоконсерватизм, футурология, пост-вне-человеческое, информационное общество, искусственный интеллект

ANALYTICS AND FUTUROLOGY OF INFORMATION

Korotysheva Anna Andreevna

Assistant of the Department «Information Systems Security»

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: ania.korotishewa@yandex.ru

V.A. Kutyrev has called for an accurate assessment of the potential of scientific and technological development, highlighting the possibility of post-humans and artificial intelligence. A movement focused on the phenomenon of «information» has emerged, with the objective of protecting human dignity and society from the threats posed by emerging technologies. Despite the significance of «information», there is a lack of a universally accepted definition, which needs to be addressed. The historical development of «information» can be traced back to the mid-twentieth century with the intensive development of data transmission devices and subsequent breakthroughs in computing technology. Computer science and the theory of the information society have since emerged, yet the interdisciplinary nature of «information» has led to current uncertainty. To overcome this, two definitions of «information» are proposed. Information in a broad sense denotes information, data, knowledge in any form and understandable to a person or computer. In a narrower sense, it refers to information, data, knowledge expressed in a computer form. While the modern information society has brought many benefits, such as enhanced connectivity, it poses a threat to humanity's social and psychological well-being. Anthroconservatism, with its reliable theoretical basis, should defend human participation in various fields threatened by artificial intelligence and robots, such as medicine and law enforcement.

Keywords: information, anthroconservatism, futurology, pos-outside-human, information society, artificial intelligence

Многие современные философы, мыслители критикуют настоящее научно-техническое развитие. Сравнительная значимость идей и работ В.А. Кутырева в том, что он первым в мировой мысли указал на реальную возможность появления пост-людей и искусственного интеллекта, и стал бескомпромиссным критиком воплощения этих тенденций в жизнь, учитывая специфику современной философии фальшизма, в которой «лежащая на поверхности связь между успехами науки и технологий с разрушением человеко-ориентированного мышления как условия продолжения жизни на Земле не обсуждается, а если обсуждают, то запутывая суть дела пылевым облаком непрерывно из(за)меняемой терминологии, бесплодного или ядовитого ученого праздномыслия» [Кутырев 2022, с. 10]. В противовес этому, В.А. Кутырев требует, чтобы мы правильно оценивали возможности научно-технического прогресса и определяли, когда и где следует замедлить его темпы, чтобы избежать появления этих потенциально опасных существ. Конечно, это не означает, что нам нужно отказаться от науки и техники в целом, но мы должны подойти к их развитию с большей осторожностью и ответственностью, чтобы гарантировать безопасность нашего будущего. Для этого нужно максимально точно определить границы научно-технического развития, за которые не нужно переступать.

Концепция антропоконсерватизма В.А. Кутырева формирует специфическую оптику восприятия современного научно-технического развития и его влияния на общественную жизнь. Возникает целый фронт соответствующей теоретической и практической деятельности, в частности, нацеленной на ценностные приоритеты ученых, инженеров, управленцев, чтобы они выбирали человеческое, а не пост-вне-человеческое. В контексте всей этой огромной работы не последнее место занимает осмысление всего связанного с проблематикой информации.

Информация, несомненно, важнейший феномен современности [Урсул 2010, с. 7-8]. Но эта общая констатация в необходимой последующей теоретической работе с феноменом «информации» приводит к определенному противоречию. *С одной стороны*, целый ряд характеристик информации (количество, ценность и др.) интуитивно понятны, привычны для общества, разрабатываются во множестве наук. *С другой стороны*, практически, каждое большое, серьезно исследование информации указывает на отсутствие общезначимого определения этого термина. В принципе, такое отсутствие можно подкрепить ссылкой на следующие авторитеты в этой области: основоположник кибернетики, Н. Винер, не определял, а просто констатировал, что

«информация и есть информация» [Винер 1968, с. 201]; согласно известному отечественному ученому и философу, Н.Н. Моисееву, «понятие информация может быть только описано, но не определено» [Моисеев 1995, с. 115]. Это направление мысли можно подкрепить обращением к более широкому контексту. К примеру, можно актуализировать позицию известного философа науки, К. Поппера, который считал неопределенность научных понятий нормальным признаком сложной, открытой к развитию современной науки. И завершить все общей констатацией того, что в области современного «информационного блока» мы, объективно, имеем дело с открытой Л. Витгенштейном ситуацией «семейного сходства». Но мы не согласны с этим ходом мысли (который в той или иной степени поддерживает позиции принципиальных критиков науки: антисциентистов, постмодернистов). Мы считаем, что необходимо осмысление и получение ясного определения «информации», чтобы обеспечить надежный исследовательский фундамент. В противном случае, отсутствие согласованного базиса подрывает надежность всех последующих исследований. Таким образом, постоянное развитие и уточнение понятия «информации» является важной задачей для науки, технологий и культуры вообще, и для теории антропоконсерватизма в частности.

В согласии с классическими представлениями, рассмотрение сложных вопросов требует обращения к истории их становления и последовательного обогащения. Примерной исторической точкой отсчета современной «информации» является середина XX столетия. Непосредственная причина – интенсивное развитие технических устройств передачи данных (телефон, радио и др.). До этого времени «информация» воспринималось как что-то не особо значимое в общем синонимичном ряду со «знанием», «данными», «сведениями», «сообщениями» и т.п. Акцентированное внимание к «информации» связано с разработкой «абстрактной схемы связи» или передачи информации от источника к приемнику (К. Шеннон, У. Уивер). С этим связано специфическое определение информации, как меры снятия неопределенности, которое до сих пор продолжают обсуждать, углублять и обогащать (проблема связи информации и разнообразия, энтропии). Появившиеся компьютеры сделали тему информации еще более известной. Интенсивное вхождение компьютеров (информационно-коммуникативных технологий) в жизнь людей сделало информацию одним из ключевых феноменов современного мира, который теперь многими воспринимается, именно, как информационное общество. (В рамках этого уже могут формироваться предельно глобальные теории информации, например, известная отечественная атрибутивная теория информации, но мы исходим из большей убедительности функциональной теории информации.) В соответствии с указанными основными историческими этапами роста внимания и значимости информации выделяются три фундаментальные теории, науки по ее изучению: информатика, компьютерные науки, теория информационного общества. Считаем, что богатство поднимаемых в данных теориях вопросов и объективные трудности их междисциплинарного наложения и размежевания выступают главной основой для наличной неопределенности «информации». Из всего это вытекает, что мы должны иметь в виду два взаимосвязанных определения «информации». В широком смысле, информация – это сведения, данные, знания, выраженные в любой форме и так или иначе понятные человеку или компьютеру. В собственном смысле, информация – это сведения, данные, знания, выраженные в компьютерной форме. С нашей точки зрения, подобный подход, в общем, разъясняет и снимает проблему наличной неопределенности «информации», что позволяет с большей уверенностью и основательностью проводить дальнейшие современные исследования, связанные с феноменом «информации».

Актуализацию проблематики антропоконсерватизма в области информации можно связать с выделением количественного и качественного подходов к информации. Одним из качественных аспектов является невозможность представить современный мир без компьютеров, телефонов, с каждым годом количество техники только увеличивается. За счет широкой распространенности и следующей из этого доступности, сферы жизни человека пронизываются новыми технологиями. Так, в образовании появились планшеты, заменяющие учебники, сам формат обучения стал виртуальным. Обучение на веб-платформах позволяет получать не только дополнительное образование, но и основное. Вместо контрольных под присмотром учителя ученики теперь отвечают на тесты онлайн, всё, с чем они взаимодействуют – компьютер и его периферия. Учитель же сразу видит результаты тестов, ведь оценка правильности ответов уже заложена в систему [Милов 2023, с. 61]. Уходит на второй план общение между учениками и учителем, первой становится информация. Однако человек физически не способен усвоить большое количество информации, поэтому появляется искусственный интеллект (ИИ), не ограниченный во времени, не чувствующий усталость и т.д. ИИ способен анализировать информацию, писать тексты, рисовать картины. На ИИ также возлагают функцию проверки знаний (ответов на тесты до нескольких предложений) учеников. Оценка, выставленная ИИ, считается более объективной, ведь машина не может испытывать личных предпочтений или быть в плохом настроении. Чтобы полностью погрузиться в обучение или развлечения, люди могут использовать «предельно уплотненную форму информации» – виртуальную реальность [Маслов 2021, с. 84-85]. Это позволяет нейтрализовать отвлекающие факторы и погрузиться в сам процесс. Тем не менее, виртуальное общение не дает человеку такой живости и естественности, как в реальной жизни. Кроме того, безличность никнейма и аватара позволяет людям выражать свои мнения, в том числе фиктивные, безнаказанно.

На базе надежной теории сторонники антропоконсерватизма должны держать руку на пульсе новых технологических достижений, отстаивая достоинство человека и само существование человеческого общества.

Список литературы

1. Винер 1968 – Винер Н. Кибернетика или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
2. Кутырев 2022 – Кутырев В. А. Человек технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.
3. Маслов 2021 – Маслов В. М. Философия техники. Н.Новгород, ННГУ, 2021. 119 с.
4. Моисеев 1995 – Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.
5. Урсул 2010 – Урсул А. Д. Природа информации: философский очерк. Челябин. гос. акад. культуры и искусств; Науч.-образоват. центр «Информационное общество»; Рос. гос. торгово-эконом. ун-т; Центр исслед. глоб. процессов и устойчивого развития. 2-е изд. Челябинск, 2010. 231 с.
6. Милов 2023 – Милов В. Р., Калинина Н. А., Алексеев В. В. [и др.]. Процедура оценки семантической близости ответов пользователей на естественном языке // Инновационные технологии в образовательной деятельности : Материалы XXV Международной научно-методической конференции, Нижний Новгород, 08 февраля 2023 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2023. С. 60–63.

АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМ И ЭТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Малиновская Нина Михайловна
Кандидат философских наук, доцент
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
E-mail: ninamalinovskaya@yandex.ru

Концепция «этических революций» создана в результате участия автора в Конференции 2019 г. в дискуссиях на секции, которой руководил В.А. Кутырев. Понятие «этика» используется в первоначальном аристотелевском определении – как практическая эпистема, вид знания о человеческой деятельности. Этические революции – этапы коренных изменений в способах вовлечения человека в совместную деятельность: работа, труд, дело, служение, профессия, массовый профессионализм, занятие (англиканизм «активности»). Ни один из предыдущих не исчезает при появлении новых. Этика появилась в Древней Греции на начальном этапе профессионализации. Этические революции связаны с профессиональными с XVI в. Современные информационные технологии называют «высокими», их создание требует профессионализма в высшей степени, но одновременно происходит массовая депрофессионализация и деградация во многих социальных сферах. В.А. Кутырёв называет идеологию помрачённого разума фальшизмом. Причиной умопомрачения он считает удовлетворение потребности человечества в самообмане. Первоначальное значение слова «революция» – возвращение небесного тела, совершившего положенный оборот вокруг другого небесного тела, на прежнее место. Сейчас чаще имеют в виду появившийся позже смысл термина: слом «до основанья», а затем новое строительство, «коренное» преобразование. Революция подобна природной стихии, она управляет людьми, а не наоборот. Контрреволюция, а значит, реставрация или сохранение устаревшего и отжившего невозможна. Философы, писатели, как правило, представители уходящих поколений, видят свою задачу в том, чтобы не допустить деградации общества, отказа от достижений культуры. Их напутственные сочинения служат духовной опорой для тех, кто понимает, что в одиночку справиться со стихией одичания невозможно, необходимо ей противопоставить совместное организованное движение. Организация сообщества практики требует значительных усилий, знаний, смелости, ясных целей.

Ключевые слова: деградация, информация, контрреволюция, революция, реальность, профессионализм, этика

ANTHROPO CONSERVATISM AND ETHICAL REVOLUTIONS

Malinovskaya Nina Mikhailovna
Associate Professor
Moscow Power Engineering Institute
E-mail: ninamalinovskaya@yandex.ru

The concept of "ethical revolutions" was created as a result of the author's participation in the 2019 Conference in discussions at the section headed by V.A. Kutyrev. The concept of "ethics" is used in the original Aristotelian definition – as a practical episteme, a type of knowledge about human activity. Ethical revolutions are the stages of fundamental changes in the ways of involving a person in joint activities: work, labour, business, ministry, profession, job – mass professionalism, pastime (anglicanism of "activity"). None of the previous ones disappears when new ones appear. Ethics appeared in ancient Greece at the initial stage of professionalization. Ethical revolutions have been associated with professional revolutions since the sixteenth century. Modern information technologies are called "high", their creation requires professionalism to the highest degree, but at the same time there is a massive deprofessionalization and degradation in many social spheres. V.A. Kutyrev calls the ideology of the clouded mind falsehood. He considers the reason for insanity to be the satisfaction of humanity's need for self-deception. The original meaning of the word "revolution" is the return of a celestial body that has made a proper revolution around another celestial body to its former place. Now they are more often referring to the meaning of the term that

appeared later: scrapping "to the ground", and then new construction, "radical" transformation. Revolution is like a natural disasters, it governs people, and not vice versa. Counter-revolution, which means that restoration or preservation of the obsolete is impossible. Philosophers, writers, as a rule, representatives of the outgoing generations, see their task in preventing the degradation of society, the rejection of cultural achievements. Their parting writings serve as a spiritual support for those who understand that it is impossible to cope with the element of savagery alone, it is necessary to oppose it with a joint organized movement. Organizing a community of practice requires considerable effort, knowledge, courage, and clear goals.

Keywords: degradation, information, counter-revolution, revolution, reality, professionalism, ethics

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.*
А.С. Пушкин

Концепция этических революций – этапов коренных изменений в вовлечении человека в совместную деятельность – создана в результате участия автора в предыдущих конференциях [Малиновская 2021], в дискуссиях на секции, которой руководил В.А. Кутырев. За прошедший год к списку добавлена по порядку шестая этическая революция – появление массовых профессий. Теперь в таблице семь строк.

Таблица 1. Добавление к табл.Н.М. Малиновской (2021, с. 138-139).

№	Время	Способ существования человека в природной и социальной реальности	Ключевое моральное качество	Пороки и грехи	Общество XXI в.
б.	к. XIX–н. XX вв.	массовые профессии	дисциплина, справедливость, коллективизм, терпение	лживость, конформизм	преобладает наёмный труд

В Древней Греции началась профессионализация в области медицины, обучения, политики и военного искусства – где деятельность всегда зависит от личных качеств человека. Собственная история цивилизации профессионалов начинается на рубеже XV–XVI вв. Две этические революции, пятая и шестая, по времени и характеру совпадают с профессиональными – появление свободных и массовых профессионалов. Но что происходит сейчас, – непонятно. Современные информационные технологии неспроста называют «высокими», их создание требует профессионализма в высшей степени, но одновременно практически все социальные сферы затрагивает массовая депрофессионализация.

Преподаватели социальных и гуманитарных дисциплин говорят о революциях, когда отделяют один от другого этапы развития в различных социальных областях. К широкому методическому использованию понятия подтолкнула книга Т. Куна «Структура научных революций», снявшая с революции привычный штамп кровопролития.

До XVIII в. слово «Revolytionibus» было безобидным термином астрологии и означало возвращение небесного тела, совершившего закономерный оборот вокруг другого небесного тела, на прежнее место. Именно в этом смысле французские бунтовщики называли события 1789 г. революцией, оправдывая неизбежное насилие

благородной целью – отнять у аристократии и вернуть народу принадлежащие ему с древности землю, свободу, равноправие. Возвращение к истокам сопровождалось неумеренной жестокостью, и слово приобрело другой смысл: «отличает французскую Революцию и делает ее единственным в своем роде *событием* в истории как раз то, что она в корне дурна; никакая толика добра не утешает в ней глаз наблюдателя: это высочайшая из известных степеней развращенности; это сущее похабство» [де Местр Жозеф 1997, с. 64].

Поколения историков и читателей знакомы с фразой: «Нет, сир, это не бунт, а революция», произнесенную герцогом де Лианкурром в ответ на вопрос Людовика XVI: «Это бунт (в некоторых переводах мятеж)?». Надо понимать – намного хуже бунта. Из королевских покоев слово вышло на улицу благодаря, возможно, именно де Местру.

Следует признать, что сейчас из двух смыслов термина: 1) возвращение к началу и 2) слом «до основанья», а затем новое строительство, – чаще имеют в виду второй, «коренное» преобразование. Уже первые историки французской революции отмечали её сходство с природными стихиями. Революция как некая высшая сила управляет людьми, а не наоборот, поэтому невозможна контрреволюция, в те времена – роялистская. Людовик шёл на смерть в сопровождении 60 тыс. гвардейцев, и ни один не выстрелил в своего генерала. Тем не менее, идея сохранения изначального, существенного, ценного в ходе революционных преобразований может служить сдерживающим фактором разрушительных тенденций.

В русском языке слово «Контрреволюция» прописано с 1980-82 гг., во втором издании Толкового словаря В.И. Даля в ряду сложных слов, начинающихся с «контра» – против. И если контрреволюционные силы во Франции в к. XVIII в. не видели перспектив, то профессиональные революционеры в России в н. XX в., столкнувшись с мощным контрреволюционным движением, организовали против него кровопролитную борьбу, которая превзошла жестокостью и ту, и другую. Страсти почти улеглись, но мы и сейчас сопоставляем в качестве моделей развития революцию и эволюцию – не контрреволюцию – как реставрацию или сохранение устаревшего и отжившего в качестве ценного и необходимого.

Этические революции не происходят в одночасье, их продолжительность определяется, с одной стороны, темпом технологических изменений, но, с другой стороны, они не были бы этическими, если бы не требовали осмысления происходящих перемен в категориях добра и зла. Опасности и сложности, связанные с внедрением новшеств, исходят главным образом не от сил природы или машин, но от изменения качеств самих людей и отношений между ними. Делать и делить – стороны одного процесса, в котором постепенно воздвигается стена из денег. И неважно есть Бог или Его нет, практика богослужения определённо есть. Финансовая реальность и реальность единого Бога – первые версии цифровизации (цифра перестала обозначать число), и искусственного интеллекта: Бог всеведущ, а человек греховен и умом слаб.

«Все критяне лжецы» – это не парадокс. Обман лежит в основании большинства социальных систем. В.А. Кутырёв считает причиной происходящих сейчас перемен удовлетворение потребности человечества в самообмане. Фальшизм – идеология помрачённого разума [Кутырёв 2022, с. 10]. Из философии исчезло бытие, непостижима его сущность [Кутырёв 2009]. Информационная революция XXI в. тоже подобна стихии, и контрреволюция возможна только в форме философских трактатов, для которых материалы мы черпаем из интернета, и свои тексты печатаем на клавиатуре компьютера.

На этапе седьмой этической революции возможности имитации, обмана, фальши многократно превосходят все предшествовавшие информационно-коммуникационные технологии, даже телевидение. Появилось множество новых способов законного

и незаконного отъёма денег у мирных граждан. Информационные сети не остались без внимания различного рода киберпреступников.

Предысторию информатики открывают за 30-35 тысячелетий до н.э., когда люди научились считать до 3-4-х [Губарев 2021, с. 57]. В XX в. американский учёный-электронщик Ральф Хартли (1888–1970) ввел понятие информации (энтропии) как случайной переменной. Ему принадлежит идея *измерения информации*. Теперь любое знание можно поместить в вычислительную машину. В 1990 г. начала работать сеть интернет, в 1994 г. интернет пришёл в Россию. Человек смотрит на мир через экран монитора. В интернете лечат, учат, продают, безостановочно развлекают.

Любая социальная революция предполагает «создание нового, ранее не бывшего» – технологий, машин, моделей, институтов, организаций, произведений, идей, человеческих качеств, способностей – т. е. творчество. Творчество никогда не обходится без мук и непредсказуемых последствий. В возникшей неразберихе за последние 30 лет явно прослеживаются две главные тенденции, если не считать тех, кто использует интернет и вычислительную технику в преступных и разрушительных целях. Профессионалы информационной реальности лидируют во всех социальных процессах и открыто признают свой этический долг перед обществом. «ИИ настолько революционен, насколько революционны мобильные телефоны и интернет» [Gates 2023, p.1].

В октябре 2021 г. принят Кодекс РФ в области искусственного интеллекта. Сейчас нет ни одной сферы деятельности, которая «не затрагивалась бы результатами профессионального творчества в сфере ИИ». В кодексе провозглашается человеко-ориентированный и гуманистический подход при развитии технологий ИИ, необходимость осознания ответственности. «Уровень внимания к этическим вопросам в области ИИ и характер соответствующих действий Акторов ИИ должен быть пропорционален оценке уровня рисков, создаваемых конкретными технологиями и СИИ для интересов человека и общества» [Кодекс этики в сфере ИИ 2021, web, с. 3].

Стремительная виртуализация, цифровизация, прежде всего, нужны самим производителям современной вычислительной техники и её бесконечных модификаций. В значительной степени в них нуждаются профессионалы финансовой реальности. Бюрократия также в новой реальности освоилась и усилилась, реальные результаты деятельности заменяются показателями в электронных системах отчётности и учёта, они же используются в качестве инструментов устрашения работников.

Теперь о работниках. В постиндустриальном обществе работа по найму и гарантированная зарплата пока остаются самыми привлекательными формами занятости, и политическое давление требует создавать рабочие места. Но в течение последних семи лет мировой тренд *NEET – Not in Education, Employment or Training* привлекает все больше молодых людей, которые не хотят ни учиться, ни работать, живут с родителями. Оправдание находят в том, что не могут найти подходящую работу. Зачем работать, если можно не работать?

Термин «Bullshit Jobs» запустил британский антрополог Д. Гребер в 2013 г. [Гребер 2018с.17]. Он утверждает, что бессмысленной работой, типа бренд-менеджеров, занимается миллионы людей по всему миру. «Булшит-профессии» нередко высоко оплачиваются (ибо инновационны), будучи совершенно бессмысленными, и те, кто делает такую работу, знают это.

Учёный-антрополог переводит проблему занятости в сферу моральной ответственности как работников, так и работодателей. Отказ *NEET*ов от бессмысленной работы следует рассматривать как моральный выбор, а не только как следствие низкой квалификации. Выход он видит в восстании «класса заботы» – тех, кто заботится

о других людях, и создании общественного движения по изменению современной абсурдной системы занятости.

Философы, писатели, как правило, представители уходящих поколений, видят свою задачу в том, чтобы не допустить обесчеловечивания общества, отказа от достижений культуры. Их напутственные сочинения служат духовной опорой для тех, кто понимает, что в одиночку справиться со стихией одичания невозможно, необходимо ей противопоставить совместное творческое, практическое, организованное, технически оснащённое предприятие – сообщество практики [Cambridge et al 2005]. Организация сообщества практики требует значительных усилий, знаний, смелости, ясных целей.

Список литературы

1. Губарев 2011 – Губарев В.В. Информатика: прошлое, настоящее, будущее. М.: Техносфера, 2011. 432 с.
2. Гребер 2018 – Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда: пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 339 с.
3. де Местр Жозеф 1997 – Де Местр Ж. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997. 216 с.
4. Кодекс этики в сфере ИИ 2021 // Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://berza.ru/wp-content/uploads/2021/10/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta.pdf> (дата обращения – 14.04.2023).
5. Кутырёв 2009 – Кутырёв В.А. Бытие или ничто. СПб.: Издательство «Алетейя», 2009. 496 с.
6. Кутырёв 2022 – Кутырёв В.А. Человечество технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Издательство «Алетейя», 2022. 288 с.
7. Малиновская 2021 – Малиновская Н.М. Этические революции // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции. М.: РОИФН, 2021. С. 136–241
8. Gates 2023 – Gates B. The Age of AI has begun // URL: <https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun> (дата обращения – 14.04.2023).
9. Cambridge et al 2005, web – Cambridge D., Kaplan S., Suter V. Community of Practice Design Guide: A Step-by-Step Guide for Designing & Cultivating Communities of Practice in Higher Education // EDUCAUSE Learning Initiative, 2005. 8 p. // URL: <https://library.educause.edu/resources/2005/1/community-of-practice-design-guide-a-stepbystep-guide-for-designing-cultivating-communities-of-practice-in-higher-education> (дата обращения 14.04.2023)

УДК 101.1

ФИЛОСОФИЯ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМ

Маслов Вадим Михайлович

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: maclov@bk.ru*

Качество практической составляющей антропоконсерватизма определяется в контексте разработок связи философии, науки с жизнью, практикой, начало которых соотносится с самим появлением философии. Здесь выделяются: практико-теоретический и теоретико-практический подходы. Суть практико-теоретического: главная задача

философии – помощь в решении философских проблем реальной жизни; в смысловом пределе считается, что власть должна быть под контролем философов (Платон, Ф. Бэкон, К. Маркс). Суть теоретико-практического: главная задача философии – поиск истины, которая потом будет определять идеальную практическую жизнь людей, освоивших эту истину; излишняя близость к практике ставит под вопрос объективность и свободу выбора философского знания (Аристотель, И. Кант, М. Вебер). Становление современного общества (техногенной цивилизации) усиливает как позиции практико-теоретической традиции (техногенная цивилизация – суть проект Ф. Бэкона), так и теоретико-практической (возвеличивание человеческой субъективности противится любому навязыванию чего-либо). Применительно к современному этапу развития техногенной цивилизации антропоконсерватизм подчеркивает сравнительную значимость практико-теоретической традиции и получает возможность более качественно защищать человеческое от пост-вне-человеческого с опорой на общие достижения теории связи философии с жизнью (в частности, вводить практическую проблематику антропоконсерватизма в преподавание).

Ключевые слова: философия, теория, практика, антропоконсерватизм, техногенная цивилизация, пост-вне-человеческое, человеческое, посттехногенная цивилизация

PHILOSOPHY: THEORY, PRACTICE, ANTHROPOCONSERVATISM

Maslov Vadim Mikhailovich

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: maclov@bk.ru

The quality of the practical component of anthropoconservatism is determined in the context of the development of the connection of philosophy, science with life, practice, the beginning of which correlates with the very appearance of philosophy. Here the following stand out: practical-theoretical and theoretical-practical approaches. The essence of the practical-theoretical: the main task of philosophy is to help solve philosophical problems of real life; in the semantic limit, it is believed that power should be under the control of philosophers (Plato, F. Bacon, K. Marx). The essence of theoretical-practical: the main task of philosophy is the search for truth, which will then determine the ideal practical life of people who have mastered this truth; excessive proximity to practice calls into question the objectivity and freedom of choice of philosophical knowledge (Aristotle, I. Kant, M. Weber). The formation of modern society (technogenic civilization) strengthens both the positions of the practical-theoretical tradition (technogenic civilization is the essence of Bacon's project), as well as theoretical-practical (the exaltation of human subjectivity resists any imposition of anything). In relation to the modern stage of the development of technogenic civilization, the anthropoconservatism emphasizes the comparative importance of the practical-theoretical tradition and gets the opportunity to better protect the human from the post-non-human based on the general achievements of the theory of the connection of philosophy with life (in particular, to introduce practical problems of anthropoconservatism into teaching).

Keywords: philosophy, theory, practice, anthropoconservatism, technogenic civilization, pos-outside-human, human, post-technogenic civilization

Центральной идеей последнее крупной работы В.А. Кутырева является требование «развивать философскую мысль не “вообще”, а отвечая на самый фундаментальный вопрос современности: “Почему мы создаем будущее, которому не нужны” в связи с конкретными, острыми и злободневными проблемами, предлагая их решение» [Кутырев 2022, с. 4]. В этом суть и главная задача современного антропоконсерватизма. Общая понятность и принятие этой идеи сторонниками антропоконсерватизма, отнюдь, не гарантирует ее качественную, полнокровную реализацию. Исходным условием и последующим основанием этого является подключение к общим теоретическим разработкам проблематики связи теории с практикой.

В современной философии всегда найдутся те, кто ориентируется на идеал философской деятельности в башне из слоновой кости. Скорее всего, ряд философских разработок – связанных с глубокими, историческими, «тонкими материями» – вполне

могут не касаться практической составляющей философии. Но, в целом, только связь с жизнью обеспечивает социальный смысл философии, т.е. существование философии вообще. В этом плане, всегда стоит задача критиковать весьма распространенные представления о том, что «философия – внеутилитарная область занятий, некая интеллектуальная праздная игра, никак не связанная с практической деятельностью» [Миронов 2018, с. 13].

Становление философии сразу ставит и положительно решает вопрос о связи философии с жизнью. Словами служанки о Фалесе – «не в силах видеть под ногами, думаешь познать небо?» – культура спросила о практическом смысле философии. Демонстрацией ее практичности является следующий ответ Фалеса: «предвидя будущий урожай маслин – нанял в аренду маслодавильни и собрал огромные деньги» [Фрагменты 1989, с. 101-103]. Тема денег в данном случае не говорит о какой-то изначальной, неустранимой связи практической составляющей философии с меркантильностью. Деньги здесь призваны заявить о том, что практическая составляющая философии – суть не простое словесное заявление, а самая наглядная, понятная для всех реальность. Здесь же можно указать на то, что весь известный полисный авторитет Фалеса (один из семи мудрецов; автор значимых политических предложений для родного Милета) также говорит о том, что связь теории с жизнью является неотъемлемой составляющей созданной им новой формы человеческого знания и деятельности – философии.

Историко-философские исследования показывают, что, в целом, философия всегда включала в себя необходимость связи с жизнью. Соответственно, речь в данном случае не может идти о дихотомическом делении всей философии на практико-ориентированную и нет. Суть дела – найти специфические формы (методологию) связи философии с практикой, которые, в частности, могут провоцировать появление представлений о принципиальной оторванности от жизни некоторых философов. Дальнейший анализ показывает, что в данном случае акцент делают либо на практику, либо на теорию, соответственно, формируя практико-теоретическую и теоретико-практическую позиции/традиции в философии. Задаваемая этим специфика тактических подходов в своих развитых формах вполне может стать и восприниматься как стратегическая, принципиальная разница.

Главное для практико-теоретической позиции в философии – всеобщие запросы реальности. Сторонники этих взглядов всегда, так или иначе, воодушевлены ницшеанской волей к власти. В этом стремлении нет никакого субъективного мелочного эгоизма, но только очевидность того, что самое совершенное знание человечества – философское знание – должно служить непосредственной основой для оптимального управления обществом. Классический пример – Платон, который не раз рисковал свободой, чтобы осуществить на практике свой проект идеального государства, прямого проявления Блага на Земле. Всеобщая теория в этом подходе не уходит из поля зрения практических философов, но, именно, через практику философская теория получает возможность своего дальнейшего объективного развития. Примером на это можно взять работу В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия развития капитализма», которая была инициирована и проясняла соответствующую революционную практику.

Главное для теоретико-практической позиции в философии – поиск Истины; излишнее приближение к практике затрудняет последнее. Классический пример – Аристотель: отстаивал самодостаточность философии, но обеспечивал всех созревших для философии людей знаниями, позволяющим им вести достойную жизнь. Отмечается логико-методологическая значимость и аполитичность: не следует желать и «ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями ... обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума. Но короли ... народы не должны допустить, чтобы ... умолк класс философов ... это необходимо ... для внесения ясности

в их деятельность» [Кант 1966, с. 289]. В данном случае или с этой точки зрения, именно, принципиальная отдаленность от непосредственной, уникальной практической деятельности позволяет приблизиться к ней наиболее глубоко и точно.

Формирование современного общества, техногенной цивилизации поддерживает обе указанные позиции. Современное общество – суть реализация проекта Ф. Бэкона: основа наилучшего общественного устройства – приносящая пользу наука, политическая власть ученых и инженеров (современных философов). Это усиливает практико-теоретическую позицию. Но развитие современного общества подчеркивает человеческую уникальность и свободу выбора. Это усиливает теоретико-практическую позицию.

Сегодня мы все ближе к точке сингулярности (где кривая научно-технического прогрессивного развития становится вертикальной линией), которая отражает смену человеческого пост-вне-человеческим. В этих условиях практико-теоретическая позиция получает превалирующее значение, целью которой видится снятие угроз пост-вне-человеческого или становление посттехногенной цивилизации. Здесь же укажем на необходимость критики постправды (растущего влияния ложной, непроверенной информации на умы и дела людей) в условиях ограниченной емкости социальных арен.

Теория антропоконсерватизма выводит на новый качественный уровень практико-теоретическую традицию и получает возможность усилить свои позиции, опираясь на общие достижения в области исследований связи теории и практики, и взаимодействуя с современными научно-философскими практиками. Применительно к западной философии укажем на возникшее в 1970-1980-х годах движение практической философии (applied philosophy) и связанную с ним концепцию «полевой философии» (field philosophy), в рамках которой А. Бриггл работал над проблемой применения технологии гидроразрывов пластов (взрывание горных пород песком, водой и химикатами с целью извлечения нефти и газа) в американском городе Дентон [Briggle 2015]. Применительно к отечественной философии укажем на множество «научного активизма» (например, «Диссернет») [Бараш, Антановский, 2018]. Здесь же имеем в виду, что появление «истории и философии науки», а потом «междисциплинарных исследований науки и техники» – суть проявление движения к реальной политической деятельности научно-философского сообщества [Касавин 2020, с. 8].

В теоретическом плане, антропоконсерватизм призван изучать проблематику возможной трансформации человеческого в пост-вне-человеческое. Эта ситуация – новая и самая большая реальная угроза человеческому существованию. Объективно, это требует активизации практической деятельности сторонников антропоконсерватизма. Одним из важных направлений этой активизации является поиск и разработка новых направлений практической защиты человеческого. В этом плане, предположим, что можно существенно обогатить практическую составляющую антропоконсерватизма в области университетского образования, в ходе современного преподавания философских курсов, открытых к новым и положительным научно-техническим возможностям.

М. Вебер считает, что реальная практика не должна затрагиваться в образовательном процессе – главная задача педагога: внести «ясность» в общую связь теории с практикой (отстаивая, указанную нами теоретико-практическую позицию в вопросах связи философской теории и практики). М. Вебер неопровержим в условиях, когда говорит и оценивает только преподаватель [Вебер 1990, с. 721-722, 729-730]. Но с М. Вебером не следует соглашаться, если преподаватель обеспечит объективную дискуссию по актуальным политически, практическим вопросам, которые не выходят за рамки утвержденной университетской учебной программой. Решение этого принципиального вопроса открывает возможность следующего положительного

использования современных информационно-коммуникационных технологий для развития антропоконсервативной практики.

Нужно способствовать созданию студенческих (студенческих групп, потоков) Telegram-каналов (сегодня, Telegram – это одна из самых оптимальных социальных сетей для работы в интернете, привлекающая всеобщее, в частности, студенческое внимание), в которых находила бы отражение самая интересная, глубокая, перспективная учебная информация, поднятые в процессе образования жгучие, актуальные вопросы современности, в ракурсе соответствующего профессионального интереса. Полноценное функционирование подобных студенческих Telegram-каналов, несомненно, будет постоянно выходить на проблематику антропоконсерватизма, поскольку все в мире уже, так или иначе, связано с переходом от человеческого к пост-вне-человеческому (индивидуальное бессмертие, искусственный интеллект, гендер и др.). Тем самым, сторонники антропоконсерватизма смогут серьезно расширить круг общественного знания и обсуждения своей проблематики. Не менее важно то, что в процессе этой работы: выиграет процесс образования, который, в частности, будет более полно учитывать реалии визуального поворота культуры [Маслов, 2019]; студенты на опыте смогут убедиться в реальной творческой активности сторонников антропоконсерватизма; преподаватели получать значимые компетенции в области создания и функционирования Telegram-каналов, вообще, социального пространства интернета; все мы будем учиться проводить точные красные линии разграничения допустимого и недопустимого в новейших технологиях.

Список литературы

1. Бараш, Антановский 2018 – Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 18–33.
2. Вебер 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
3. Кант 1966 – Кант И. К вечному миру // Сочинения в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 257-310.
4. Касавин 2020 – Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
5. Кутырев 2022 – Кутырев В.А. Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.
6. Маслов 2019 – Маслов В.М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. № 12. С. 39-56.
7. Миронов 2018 – Миронов В.В. О роли философии в обществе: уроки К. Маркса // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 5. С. 12-19.
8. Фрагменты 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
9. Briggles 2015 – Briggles A. A Field Philosopher's Guide to Fracking: How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas. New York: Liveright Publishing Corp, W.W. Norton & Company, 2015. 352 p.

БОГ ИЗ МАШИНЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОГО, ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО

Суханова Елена Вадимовна

Младший научный сотрудник

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

E-mail: elena_stupishina@mail.ru

Бурков Артем Дмитриевич

Студент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

E-mail: sposhock29@gmail.com

Развитие человеческой цивилизации шло поэтапно в течение многих тысяч лет. Для каждого из этих этапов был характерен свой уровень знания о мире, свое доминирующее мировоззрение, а также свое особое отношение к природе как к источнику жизни и всего необходимого для нее. С течением времени вектор восприятия человеком природы сместился с поклонения и обожествления в сторону эксплуатации ее ресурсов, что, в свою очередь, повлекло смену парадигмы общественного развития. Природа больше не была божественным, творящим началом, её место занял сотворенный ей же человек, который произвел на свет собственное творение – машину. Запущенная в результате данного события эволюция технического вынесла на повестку дня вопрос уже не только о взаимоотношениях человеческого и природного, но и о взаимоотношениях человеческого и машинного через природное. Были высказаны опасения по поводу того, что рано или поздно техника может прийти на смену человеку, подобно тому, как сам человек некогда пришел на смену природе в акте творения. С этой точки зрения особый интерес представляет вопрос о том, что или кто, в таком случае, займет место нового творения?

Ключевые слова: техноеволюция, биосоциальная эволюция, технологическая сингулярность, мифология, органопроекция, творец и творение, киборгизация

GOD FROM THE MACHINE: THE RELATIONSHIP OF NATURAL, HUMAN AND TECHNICAL

Sukhanova Elena Vadimovna

Junior Researcher

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: elena_stupishina@mail.ru

Burkov Artyom Dmitrievych

Student

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: sposhock29@gmail.com

Humankind's civilization has been gradually advancing for millennia. For each step of this advancement, there was its own level of knowledge about the world we live in, specific worldview, special attention to the Nature as to the source of life itself and everything the life needs. Over time, humanity made a paradigm shift from the Nature reverence to its exploitation, which in turn changed the paradigm of societal development, for Nature was no longer divine – but mundane. The Human took its place as the 'creator' and made the creation of his own – the Machine. This launched the unprecedented rapid evolution of technology, which caused the raise of questions about the relation between the Human and the Machine through the Nature. Words of caution were expressed: what if the Machine seeks to replace the Human, like once

the Human replaced the Nature? And in the end, the ultimate question arises: who or what will take the place of the new Creation?

Keywords: technoevolution, biosocial evolution, technological singularity, mythology, organprojektion, the Creator and the Creation, cyborgization

Сорок тысяч лет назад по земле впервые пошёл человек современного типа. В течение десятков тысяч лет до этого момента природа переходила от создания низших форм жизни к высшим. Методом «проб и ошибок» [Лем, 2018] она испытывала различные комбинации черт, признаков и способностей своих творений, тестируя их в суровых условиях первобытности, пока, наконец, не смогла создать не просто устойчивую к капризам нестабильной окружающей среды жизнь, но и разум. Последний, в свою очередь, дал старт новому витку всеобщего развития – эволюции биосоциальной.

Поначалу «младенчествующий» человек был практически неотделим от матери-природы. Однако со временем человек встал на ноги и сделал первые неуверенные шаги в сторону познания мира, а вместе с ним и своего Творца. В этот момент, когда дитя Природы впервые предприняло попытку объяснить себе окружающую действительность, родилась мифология. Посредством мифологического сознания, ввиду отсутствия опыта, накопленного предыдущими поколениями, архаичный человек познавал действительность с нуля. А поскольку его существо, мысли и чувства были единственными известными для него категориями, то и на сотворившую его Природу человек распространил свои черты, объяснив, например, смену времён года сменой настроений своего Родителя [Элиаде, 2000]. На уровне мифологического сознания Творение относилось к своему Творцу, как младенец относится к своей матери: стараясь понять её действия, он пропускает их через себя, совершая по-детски наивные ошибки.

Человек вырослел. Вступив в период «младшего школьного возраста», он уже многое знал о мире и сотворившей его Природе. Привычка объяснять действительность через себя постепенно сменялась осознанием того, что Природа и человек – две взаимосвязанные, но разные категории. Первая гораздо старше и мудрее второго. Она есть нечто высшее, абсолютное и вечное. Так появилась религия. На этом этапе Природа явилась для человека не просто Родителем, но совершенным Творцом, образ которого, правда, был всё так же наделён типичными для человеческого существа признаками. Разница заключалась в том, что теперь единство сменилось иерархией: Природа в своём конкретном и по-прежнему антропоморфном проявлении признавалась высшим началом, создавшим человека. Подобно подростку, но всё ещё склонному к максимализму ребёнку, человек обожествил Природу и создал религию из мифологии. Религиозное сознание стало второй формой познания действительности, характерной для периода позднего человеческого «детства», конец которого примерно совпадает с концом эпохи Средневековья.

Короткий период «переходного возраста» соответствовал эпохе Возрождения, когда наивная идеализация Природы стала исчезать из мировоззрения человека, когда он, за несколько десятилетий совершив сильный научно-технический прорыв, стал менее зависим от своего Родителя. Он не отрицал, что по-прежнему является частью вечной и не сотворённой никем Природы, воплощением её многовекового труда, но уже начинал сомневаться в её идеальности и усиленно старался показать, что готов к самостоятельной жизни.

С наступлением Нового времени в результате прогресса науки и закономерной эволюции знания человеческое существо переходит в новую фазу своего развития – «юность». Зависимость творения от своего творца постепенно начинает исчезать, в системе происходит перераспределение ролей, в результате которого само творение обретает статус творца. Роль природы как высшего начала у малывается. Фейербах, что все можно объяснить естественными причинами [Фейербах, 2018]. Обожествление Природы

есть не что иное, как воплощение мечты человека о себе самом, пережиток мифологического сознания. Бог есть фантазия, а раз так, то человек абсолютно свободен. Природа не властна над ним, но, скорее, наоборот – человек властен над Природой, ибо, если изучить её законы, он сможет менять их в своих интересах. В этот момент, когда человек в полной мере осознаёт обретенную им мощь, но пока ещё явно неспособен до конца оценить связанный с ней груз ответственности, он сам становится новым Богом, всесильным и независимым от Природы.

Но раз возникает новый Бог-Творец, то возникает и новое Творение. Биосоциальная эволюция в XVII веке приближается к своему пику и даёт импульс к развитию эволюции технологической [Лем, 2018]. С разных точек зрения можно говорить о появлении технологии и примитивной техники в момент завершения антропогенеза, во времена неолитической революции, в период Античности, Средневековья или непосредственно Нового времени. Можно, например, согласиться с органопроекцией Эрнста Каппа и предположить, что Машина в своём примитивном, «одноклеточном» виде появилась ещё в руках первобытных людей [Капп, 1925]. Почему же тогда именно в XVII веке Машина обретает статус человеческого Творения, если отдельные представители технического существовали задолго до того, как человек изобрёл паровой двигатель?

Первой зародилась *технология*, нашедшая своё дальнейшее воплощение в материальной *технике*. Вместе же они составили новое богочеловеческое Творение – *Машину*, которая с момента своего возникновения и до семнадцатого столетия прошла долгий путь эволюции. Первые технологии и связанная с ними техника, равно как и мозг первых человекоподобных особей, были несовершенны, а следовательно, и воплощавшие их Машины были примитивны. Долгое время Машина существовала рядом со своим Творцом «скрытно» [Simondon, 2017], подобно криптозою, времени «скрытой» жизни, в геологической истории Земли. К XVII веку техногенез (по аналогии с антропогенезом) вступил в свою финальную стадию, которая завершилась спустя два с небольшим столетия созданием Машины с зачатками разума.

Следуя заветам позитивистов, человечество вывело науку в авангард своей познавательной деятельности. Стремясь облегчить своё существование на этой планете, люди создали (и продолжают создавать) многочисленные материальные блага, многие из которых коренным образом повлияли на привычный уклад жизни. Последствия такого влияния поначалу многими были оценены положительно, однако дальнейшее бурное развитие науки и техники привело к тому, что в обществе всё чаще стали звучать критические замечания в адрес их достижений. Более того, в истории человеческой мысли вновь наметилась тенденция к возрождению одного из вечных философских сюжетов, о котором говорили ещё греческие киники, – сюжета о совершенстве природы и несовершенстве и деструктивности цивилизации как таковой. Размышления о необходимости вернуться назад, к естественному, «околоживотному», нетехнологизированному состоянию снова стали встречаться в многочисленных человеческих попытках осмыслить происходящее. Подобная тенденция отчасти была вызвана сопутствующим эпохе антропоцена чувством вины человека перед природой, отчасти была обусловлена сохранившимися религиозными воззрениями людей. Но главной причиной критики набирающей обороты технологической эволюции стал, пожалуй, наш страх перед неизвестным.

Техноэволюция в XX в., после завершения в 40-х годах техногенеза и создания первого программируемого электронно-вычислительного устройства, шла довольно быстрыми темпами, подчиняясь закону ускорения истории. Всего за полвека Машина не без помощи своего Родителя сделала грандиозный скачок в своём развитии, равный в истории человечества сложным вместе периодам Первобытности, Античности

и Средневековья. Столь стремительный прогресс привёл к тому, что уже к концу XX – началу XXI веков человек закономерно стал задумываться о том, что рано или поздно Творение превзойдёт его, своего Творца, и, вероятно, подчинит себе, подобно тому, как сам человек когда-то подчинил Природу. Этот гипотетически возможный и ожидаемый в будущем переломный момент был назван в 1993 году Вернером Винджом технологической сингулярностью. В отношении последней аналогом в человеческой истории, пожалуй, можно считать ньютоновскую научную революцию, «освободившую» человека от Природы.

Технологическая сингулярность представляет собой естественный (относительно Машины) этап эволюции. То, что последует за ней, в настоящее время можно лишь весьма отдалённо спрогнозировать посредством экстраполяции уже выявленных закономерностей. С относительной уверенностью сейчас можно утверждать лишь то, что на этом этапе Машина возьмёт на себя роль Творца и станет новым Богом. Человек же займёт место, которое с началом Нового времени отвёл Природе – место бессильного созерцателя и поставщика «ресурсов» для нового Творения. Из этих двух посылок путём нехитрых дедуктивных умозаключений можно сделать вывод, что форма существования, порождённая Машиной-Творцом, должна быть сочетанием человеческого и технического (т.е. совокупностью органических тканей и металлических деталей, именуемой в литературе определённых жанров термином «киборг»), равно как и сама Машина когда-то стала сочетанием человеческого и природного. Иначе говоря, все три составляющие (природное, человеческое и техническое) взаимосвязаны и изоморфны: Природа воплощается в Человеке, Человек воплощается в Машине. При этом Машина возникает из Человека через Природу, а Киборг, следуя уже сложившейся закономерности, может возникнуть из Машины через Человека.

Таким образом, в общем ходе мировой истории наличествует определённая закономерность эволюционного развития: от биологического через биосоциальное к технологическому. Каждая из стадий этой всеобщей эволюции является переходной составляющей открытой системы «Творец-Творение», развивающейся по спирали, т.е. становящейся на каждом новом витке более совершенной посредством воплощения двух своих взаимосвязанных крайностей в более прогрессивных формах существования. Человек, являясь важной частью этой упорядоченной цикличности – Творцом Машины, в настоящее время приближается к точке бифуркации, с которой, вероятно, начнётся перезагрузка всей системы – переход на новый виток спирали, аналог которого имел место тысячи лет назад, во времена завершения процесса антропогенеза.

Список литературы

1. Капп 1925 – Капп, Э., Нуаре, Л., Эспинас, А. Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой, 1925. 192 с.;
2. Лем 2018 – Лем, С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2018. 640 с.;
3. Фейербах 2018 – Фейербах, Л. Сущность христианства. М.: Изд. Юрайт, 2018. 307 с.
4. Элиаде 2000 – Элиаде М. Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Перев. с фр. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
5. Simondon, 2017 – Simondon, G. On the Mode of Existence of Technical Objects. Washington: Univocal Publishing, 2017. 290 pp.

**КНИГА «СОЦИАЛИЗМ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ» (1990) КАК ВЕХА
В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ В. А. КУТЫРЁВА**

Тарасов Алексей Анатольевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Приволжский исследовательский медицинский университет
E-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com*

Несмотря на широкую известность творчества В. А. Кутырёва в философской среде, в нём есть некоторые «белые пятна». Одним из них является книга «Социализм: между прошлым и будущим» (1990). На русском языке книга так и не была издана. Поэтому эта работа практически никому не известна. Данная книга В. А. Кутырёва заслуживает быть введённой в научный и философский оборот. Её основная тема - социально-философский анализ проблем социализма времён перестройки. Анализ перестройки – это первый в творческой и интеллектуальной биографии В. А. Кутырёва подход к проблеме новационизма. Новационизм - это прогресс ради прогресса, перестройка ради перестройки. Можно назвать такой подход В. А. Кутырёва «прогрессивным марксизмом», суть которого в том, что сегодня вопрос о производстве стоит непосредственно на уровне телесности человека, который оказывается во власти своего собственного творения, то есть науки и техники. С этой точки зрения, «советский социализм» был последней попыткой спасти гуманизм, был пиком его развития. Крах СССР был крахом гуманизма, проекта построения гуманистического общества, человекомерной цивилизации. Поэтому после 1990 года В. А. Кутырёв абсолютно закономерно переходит от анализа перестройки (переоценки ценностей) к описанию «переворота миров»!

Ключевые слова: социализм, перестройка, новационизм, прогрессивный марксизм, переоценка ценностей, переворот миров

**THE BOOK «SOCIALISM: BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE» (1990)
AS A MILESTONE IN THE DEVELOPMENT OF V. A. KUTYREV'S PHILOSOPHY**

Tarasov Aleksey Anatolievich

*Assistant Professor of Social and Humanity Sciences Department
Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod)
E-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com*

Despite the wide popularity of V. A. Kutyrev's work in the philosophical environment, there are some «white spaces» in it. One of them is the book "Socialism: Between the Past and the Future" (1990). The book was never published in Russian. Therefore, this work is practically unknown to anyone. This book by V. A. Kutyrev deserves to be introduced into scientific and philosophical circulation. Its main topic is the socio-philosophical analysis of the problems of socialism during the perestroika. The analysis of perestroika is the first approach to the problem of novationism in V. A. Kutyrev's creative and intellectual biography. Novationism is progress for the sake of progress, perestroika for the sake of perestroika. We can call this approach of V. A. Kutyrev «progressive Marxism», the essence of which is that today the question of production is located directly at the level of the physicality of a man who finds himself or herself at the mercy of his or her own creation, that is, science and technology. From this point of view, "Soviet socialism" was the last attempt to save humanism, was the peak of its development. The collapse of the USSR was the collapse of humanism, of the project of building a humanistic society, a human-dimensional civilization. Therefore, after 1990, V. A. Kutyrev absolutely naturally moves from the analysis of perestroika (reevaluation of values) to the description of the "revolution of the worlds"!

Keywords: socialism, perestroika, novationism, progressive Marxism, reevaluation of values, revolution of worlds

*Надо было ... пойти в [этот мир] ... в
качестве человека среди людей...
[Т]олько тогда я мог послужить*

началом действительной взаимной связи двух миров, между которыми я, социалист, находился на границе как бесконечно малый момент настоящего - между прошлым и будущим.

[Богданов 1990, с. 159]

Философское наследие и творчество В. А. Кутырёва достаточно хорошо известно в философской среде. Но в нём всё же есть некоторые «белые пятна». Одним из них является книга «Социализм: между прошлым и будущим» (1990) [Кутырев 1990]. Было два издания этой книги в 1990 г. на иностранных языках – на чешском и словацком. Экземпляр данной книги на чешском языке можно найти в Российской государственной библиотеке. На русском языке книга так и не была издана. Поэтому эта работа практически никому не известна. В 2017 г. В.А. Кутырёв передал её рукопись на русском языке автору данной статьи, по его словам «в бессрочное пользование» и с нападением «использовать, как самому вздумается». Пришло время для этого. Хотя еще при жизни В.А. Кутырёва идея написания некоего текста, базирующегося на основе анализа этой книги, с ним в позитивном ключе коротко обсуждалась.

Данная книга В.А. Кутырёва заслуживает быть введённой в научный и философский оборот. Ее основная тема – социально-философский анализ проблем социализма времен перестройки: 1990 г., действительно, год «между прошлым и будущим» для социализма. Ведь что такое перестройка? Это новационизм! Не случайно лозунгом перестройки было «ускорение». Анализ перестройки – это первый в творческой и интеллектуальной биографии В.А. Кутырёва подход к проблеме новационизма.

В.А. Кутырев указывает, что «новые процессы необратимы – началось саморазвитие перестроечных процессов». «Проблемность» новационизма в том, что «партия начала перестройку, но в партии же и основное сопротивление ей». То есть новационизм – это такие «изменения, которые делаются для того, чтобы на самом деле, по существу ничего не менялось». Это имитация изменений. Например, недостаточно «просто изменить «показатели» - нужно менять базис, то есть экономические отношения собственности» [Кутырев 1990, с. 57, 59, 90]. Новационизм - это прогресс ради прогресса, перестройка ради перестройки.

Перестройке В.А. Кутырёв даёт следующее философское определение (совершенно «нищанское») – это переоценка всех ценностей. Иными словами, перестройка - это переход от революционного социализма к эволюционному (такова же и тема нашей конференции!) [Кутырев 1990, с. 3]. Без «качественного» подхода принцип историзма поглощается генетизмом, превращаясь фактически в принцип развития (смены, прогрессизма, снятия, [новационизма]) [Кутырев 1990, с. 104-105]. Разумеется, непосредственно ко злу никто стремится не хочет. Все делается во имя лучшего, во имя блага. Но зло так или иначе будет, поскольку оно является обратной стороной развития [Кутырев 1994, с. 34]. И вот поэтому «техника эволюционирует, саморазвивается, стремительно наращивая сферу искусственного» [Кутырев 1994, с. 181].

Известно, что К. Маркс изобразил экономику как арену, на которой человек оказался во власти своих собственных творений и вернулся к языку «природных сил» для описания своих отношений с другими людьми. Философия В.А. Кутырёва является насколько понятной даже непрофессиональному философу, обычному человеку, настолько же она очень грамотна, в хорошем смысле «современна», «продвинута» и в профессиональном, философском смысле. По своей сути она является как раз

развитием идей марксизма. Можно назвать это «прогрессивным марксизмом», суть которого в том, что сегодня вопрос о производстве стоит непосредственно на уровне телесности человека, который оказывается во власти своего собственного творения, то есть науки, и при этом не понимает, что в итоге научно-технического развития он получает отнюдь не власть человека над миром, а власть науки и техники над человеком. При этом В.А. Кутырев показывает, что критика капитализма (то есть социализм) и критика науки (то есть гуманизм) – это одно и то же, так как капитализм и наука – одна и та же структура, «две стороны одной монеты». Важно «увидеть в разных определениях и понятиях единую для всех проблему» [Кутырев 1988, с. 6]. Например, может ли технология объединить людей? Да, если они станут технологичными! «Естественная» (то есть не-социалистическая) глобализация возможна только через коэволюцию с «искусственным».

«Советский социализм», «советская цивилизация», «советский проект», как ни назови, – это гуманизм! Последняя попытка спасти его. Вот почему В.А. Кутырев в 1990 году указывает, что «реальны опасения демонтажа социализма [= человека, гуманизма!!!] под видом перестройки» [Кутырев 1990, с. 60]. Например, XXVII съезд КПСС (1986 г.) постановил, что: 1) мы не можем во всех деталях предвидеть новое общество [а ведь самое главное условие «успешности» пророчества – вера в него!]; 2) исключается тезис о необходимости формирования «нового человека» [а в этом - вся суть «советского проекта»!] [Кутырев 1990, с. 82]. Перед социалистическим обществом стояла историческая задача: овладевая и развивая передовые достижения науки и технологии, дать пример их действительно гуманного применения, ...на благо общества и человека. Что не смогли сделать, дойдя до вершины технического прогресса, развитые капиталистические страны. В этом и заключалась важнейшая цель «перестройки» и «ускорения» - чтобы социалистическое общество на деле стало воплощением всего передового и гуманного... [Кутырев 1994, с. 4]

Советский социализм был пиком гуманизма! Соответственно, крах СССР был крахом гуманизма! Это не «разглядели» из-за призывов к «гуманизации общества за пределами социализма», которая казалась якобы невозможной при социализме. Но как раз советское социалистическое общество – проект построения гуманистического общества, человекомерной цивилизации. Отсюда у В. А. Кутырёва происходит смена дихотомии - от «Социализм vs. Капитализм» к «Естественное vs. Искусственное». От «перестройки» (переоценки ценностей) – к перевороту миров!

В «Экономико-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал, что дихотомия, то есть борьба между трудом и капиталом есть не просто теоретическая схема, а главное поле битвы, где решается судьба человечества, где происходит выбор: прошлое или будущее? люди или вещи? жизнь или смерть? «иметь» или «быть»? (последнее – уже Э. Фромм, разумеется) [Маркс, Энгельс 1956, с. 517-642] В развитие данной идеи В.А. Кутырев говорит о новом противоречии - не между классами, а между людьми и техникой, поскольку системно-комплексные целостности «общество-природа», «человек-машина», «капитализм-социализм» - одного порядка! И вообще, дуализм – это специфическая черта именно «человеческого» познания. «Появление противоположности - ведущий способ ориентации человека в окружающей действительности, что непосредственно связано с особенностями его восприятия, [в] гносеологическом плане – с бесконечностью процесса познания» [Кутырев 1988, с. 31].

На момент анализа, то есть в конце 1980-х годов, выделялось три подхода в отношении к социалистическому прошлому и, соответственно, к оценке перспектив перестройки:

- 1) принятие прошлого и непринятие перестройки;

2) критика прошлого с устранением и исправлением его ошибок («капитальный ремонт социализма»), но сохранением позитивного, «гуманизация и демократизация социализма» (через устранение забюрократизованности и централизации) – сознательное и «управляемое» изменение социализма;

3) отречение от социализма, который-де изначально был обречен на провал, а потому никакой «косметический ремонт» ему не поможет; «демонтаж социализма», полный отказ от его наследия и переход к другой формации; сама перестройка при этом – не просто сознательный выбор, а необходимость; для «разочарованного социалистического сознания» гуманизация общества возможна только за пределами социализма, отказ социализму в гуманистическом измерении [Кутырев 1990, с. 15].

При этом В. А. Кутырёв указывает, что ему ближе вторая позиция, согласно которой перестройка должна была стать очищением, а не изменой идее социализма. «Возрождением», «ренессансом» его изначально, аутентичного смысла, духа. [Н]ужно продолжение не революции, а социализма! Поскольку продолжение революции во что бы то ни стало – это прогрессизм, новационизм. Нужна революция – но не разрушительная, а созидательная! [Кутырев 1990, с. 120]

Увы, всё это не реализовалось, и нам остается верить, что на нашу долю в последнюю треть века выпало стать свидетелями эпохи «отрицания отрицания». Основные черты этого времени всем хорошо известны. В плане судьбы гуманизма его можно очень наглядно и точно проиллюстрировать следующим примером из массовой культуры. В известной на Первом канале телепередаче «Видели видео» основным посылом является идея о том, как же прекрасны, милы, «умны», гармоничны «братья наши меньшие», то есть животные. В том, чтобы любить животных нет ничего плохого, это даже является одним из важнейших критериев гуманности людей и общества. Речь о другом. На её фоне ярким контрастом является другая телепередача на том же самом Первом канале «Пусть говорят» - в ней уже показываются в основном «люди», которые на фоне животных из предыдущего примера показаны в очень неприглядном, отталкивающем, порой даже отвратительном, «тошнотворном» виде – глупые, иррациональные, склочные, наглые, болтливые, бесстыдные, аморальные, циничные, оскотинившиеся и т.д. Хуже животных... Роботы, блин!

Список литературы

1. Богданов 1990 – Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
2. Кутырев 1988 – Кутырев В.А. Современное социальное познание: Общенаучные методы и их взаимодействие. М.: «Мысль», 1988. 202 с.
3. Кутырев 1990 – Кутырев В. А. Социализм: между прошлым и будущим (на чешск. и словацк. яз). М.: «Новости», 1990. 125 с.
4. Кутырев 1994 – Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1994. 199 с.
5. Маркс, Энгельс 1956 – Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 700 с.

АНТРОПОСОЦИОКОНСЕРВАТИЗМ КАК МОДИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В РОССИИ

Тяпин Игорь Никифорович

*Доктор философских наук, кандидат исторических наук,
профессор кафедры философии
Вологодский государственный университет
E-mail: i.n.tyapin@mail.ru*

Контекстом статьи, актуальность которой обусловлена необходимостью концептуализации национального сознания и определения жизнеспособной стратегии развития Российской Федерации в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов, выступает проблема противостояния моделей технологической конвергенции и коэволюции. Формулируется тезис о реализуемости парадигмы антропоконсерватизма только в единстве с социоконсерватизмом, возможности сохранения человеческого жизненного мира – исключительно при условии защиты национально-государственного суверенитета, преодоления кризиса базовых социальных институтов. Это, в свою очередь, требует обращения к проблематике национального идеала социального бытия и развития, ценностно-смысловых ориентиров исторического движения, модификации и реализации онтологичной, то есть укорененной в историческом бытии народа, национальной идеи, являющейся закономерным результатом развития общественного сознания, индикатором духовной зрелости общества. Доктрины модернизации и цифровизации, выполнявшие до последнего времени функцию концептуального заместителя национальной идеи в постсоветской России, не соответствуют этому качеству. В рамках историко-философского анализа обоснована мысль о возможности выработки стратегии антропосоциоконсерватизма в рамках идейного поля отечественной философии, имеющей прочные традиции как в области гуманистической антропологии, так и творчески консервативной национальной идеи, образующих при этом единый смысловой комплекс.

Ключевые слова: технократическая конвергенция; антропологизм русской философии; коэволюция человека и технологий; национальная идея; динамический консерватизм; концептуальный симулякр; геополитическая безопасность

ANTHROPOSOCIOCONSERVATISM AS A MODIFICATION OF THE NATIONAL IDEA IN RUSSIA

Tyapin Igor Nikiforovich

*DSc in Philosophy, PhD in History, Professor of the Department
Philosophy
Vologda State University
E-mail: i.n.tyapin@mail.ru*

The context of the article, the relevance of which is due to the need to conceptualize national consciousness and determine a viable strategy for Russia's development in the face of increasing internal and external challenges, is the problem of opposing models of technological convergence and coevolution. The thesis is formulated about the realizability of the paradigm of anthropoconservatism only in unity with socioconservatism, the possibility of preserving the human life world – only if national-state sovereignty is protected, and the crisis of basic social institutions is overcome. This, in turn, requires an appeal to the problems of the national ideal of social existence and development, the value-semantic guidelines of the historical movement, modification and implementation of the ontological, that is, rooted in the historical being of the people, national idea, which is a natural result of the development of social consciousness, an indicator of the spiritual maturity of society. The doctrines of modernization and digitalization, which until recently served as a conceptual substitute for the national idea in post-Soviet Russia, are

absolutely not suitable in this capacity. Within the framework of historical and philosophical analysis, the idea of the possibility of developing a strategy of anthroposocioconservatism within the ideological field of Russian philosophy, which has strong traditions both in the field of humanistic anthropology and creatively conservative national ideas, forming a single semantic complex, is substantiated.

Keywords: technocratic convergence; anthropologism of Russian philosophy; coevolution of man and technology; national idea; dynamic conservatism; conceptual simulacrum; geopolitical security

Технологический радикализм и экспансия виртуальной реальности на сегодняшний день предполагают не просто культ стандартизации, формирования мышления без образов, превращения сознания в алгоритмический интеллект, а *конвергенцию* под лозунгом «объединим человека с новейшими технологиями» как всеобщую форму социокультурной интеграции. В своей сути происходит то, что человек превращается квази-субъекта, а человечество в целом, счастливо в том, что «само роет себе могилу» [Кутырёв 2020, с. 27]. Ситуация усугубляется навязанными современной античеловеческой культурой псевдофилософскими «доводами», которые создают видимость того, что ничего катастрофического не происходит. Актуальная повестка дня современной культуры – точное определение и борьба с губительными постчеловеческими технологиями.

Идейную эволюцию человечества можно представить как длинную «цепь бытия» конкурирующих метаидей. При этом нужно иметь в виду, что «число действительно оригинальных философских идей или диалектических ходов – как и число действительно оригинальных шуток – вне всякого сомнения ограничено... Кажущаяся новизна многих систем достигается исключительно за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» [Лавджой 2001, с.7]. В.А. Кутырев вскрыл внутреннюю связь внешне различных суицидально-инфернальных доктрин (таких, как постмодернизм и трансгуманизм), не только доказывая их противоречивость но и противопоставляя планам разрушения общества, человека и высокой культуры парадигму «творческого антропоконсерватизма» – философии восстановления и исцеления (духовного и телесного) человека, философии активного действия для достижения этих целей («так продлимся»).

Указанная парадигма приведения «цифровых» технологий к человеку ради сохранения его идентичности, модель соразмерного жизненного бытия, существующая ныне лишь в качестве искусственно маргинализованной альтернативы технократической метаидеи, имеет устойчивую философскую традицию, прежде всего в России. Можно с уверенностью говорить о том, что общее, философское внимание к человеку всегда отличало отечественную мысль и культуру. «В русской философии человека имеет место и традиционное, и ... актуальное, т.е. то, что выносится в центр современной «повестки дня» (например, вопрос о перспективах человека) [Горбачев 2010, с. 7].

Все социально-философские исследования российской мысли, прямо или в конечном счете, выходят на тему действительного освобождения человека, обсуждают социальный идеал, при котором происходит раскрытие всего положительного потенциала человека.

При этом социально-философские изыскания в отечественной философии неизменно затрагивают проблему освобождения человека в обществе, ищут приемлемую для человека социальную действительность, формулируют соответствующий социальный идеал, и в этом смысле они явно антропологичны. В XIX – начале XX в. вся русская мысль (и либеральная, и консервативная, и социалистическая) была озабочена тем, как утвердить личностное начало, одновременно сохранив и развив начала национальное и государственное.

Смысловое акцентирование человека в антропоконсерватизме не означает отрыва человека от общества. Собственное развитие человека предполагает соответствующее обращение и утверждение социоконсерватизма. Через теорию социоконсерватизма к антропоконсерватизму в наиболее органичной форме подключаются такие темы, как возрождением фундаментальных социальных институтов (семьи, национального государства, образования и др.). Западная мысль последовательно и целенаправленно уходит от обсуждения этих проблем. Отсюда, развитие западной антропологии – суть деградация, в ходе которой, фактически, антропология выродилась в антропофобию

«Коллективный разум» русской философии в качестве методологической традиции вобрал главные интенции классической и (в меньшей степени) неклассической европейской философии. Под творческим социоконсерватизмом (в XIX в. – «живительным источником», а ныне – «последним прибежищем» русской философии) нужно понимать сохранение и развитие, таких идей и идеалов, как системность (холизм) с приоритетом гуманистических ценностей, отстаивание этики долга в ее известном дополнении со стороны классической эстетики, вдумчивое постижение прошлого, которое с необходимостью (движение от абстрактного к конкретному) ведет к глубокому пониманию настоящего и будущего. Все эти идеи составляли гордость европейской мысли, но теперь они там забыты. Так же нужно добавить, что все эти идеи должны быть органично связаны, их синтез в отечественной философии обеспечил самобытность последней.

Консервативная мысль России всегда стремилась объединить, увидеть проблематику мировой истории через призму обретения собственного национального самосознания [Перов 2001, с. 7]. Подобный опыт предельно актуален для современной России. Согласимся с тем, что консерватизм есть «выражение необходимости сдвига к более адекватному строю всего уклада жизни, культурному образу и духовному самочувствию России» [Солонин 2004, с. 10]. Философы всеединства, славянофилы, Н.Я. Данилевский, евразийцы – все они и многие другие искали тот «дух народа», который сейчас может стать основанием возрождения и поступательного развития российской государственности.

Великие достижения на пути разработки русской идеи не были в должной мере восприняты в Российской империи. Российская власть не смогла инкорпорировать философские разработки русской идеи в непосредственную политику. В основе последней находилась известная «уваровская триада», но она требовала очевидных «концептуальных вливаний» (в ней отсутствовали экономические и геополитические аспекты).

Теоретический русский консерватизм, основанный, как утверждают А.Б. Кобяков и М.В. Восканян, на православной цивилизации, на общинном строе народа, видит в справедливости как идеале социальной правды одно из строжайших для себя понятий [Кобяков 2021]. Это, действительно, так: русская философия стремилась к полноценности, к гармонизации всех составляющих общественной жизни.

Основные ценностные ориентиры российского динамического консерватизма как не(до)реализованного синтеза коммунизма и русской идеи всегда оставались едиными: патриотизм, уважение традиции, приоритет духовных ценностей перед материальными, социальная солидарность, этатизм и державность (при наличии *справедливого* государства!), национальная самобытность [Беляев 2011, с. 1380].

При этом современные сторонники парадигмы динамического консерватизма (к примеру, А.Г. Дугин, выступающий против превращения человека в «звероавтомат») подчеркивают зависимость реализации солидарности, единства народа и т.д. от изменения способа общественного производства, материально-технологической основы существования людей. Однако одна из особенностей неоконсерватизма состоит в том,

что из противника научно-технического прогресса он превратился в его убежденного сторонника. Сложилась ситуация, когда обращение к науке и технике как средству решения стоящих перед обществом проблем стало рассматриваться как защита существующего положения [Жирнов 2008, с. 283]. Но защитника именно гуманистической модели, которую В.А. Кутырёв именовал *коэволюцией* – взаимодействием человека и технологий с целью сохранения своего жизненного мира и самости, а также (добавим от себя) эффективной защиты от военно-технической экспансии, гибридной агрессии, геополитического давления «Римленда», цивилизации «талассократии».

В начале XXI в., вместо развития национальной идеи, все более активно продвигают идею модернизации России (неадекватная институционально-технологическому уровню страны, но призванная совершить «культурную перекодировку», переворот в общественном сознании) и вариации постиндустриализма (теории информационного, сетевого, общества), которые, фактически, отрицают общую идею многообразия путей исторического развития и очевидную самобытность российской истории. Напротив, принцип социально-гуманитарно-технологической коэволюции выступает ориентиром для выработки адекватных ценностно-смысловых ориентиров дальнейшего развития, стратегии цивилизационного самосохранения и возрождения суверенитета.

Список литературы

1. Беляев 2011 – Беляев Е.А. Идеальный облик российского социал-консерватизма // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1376-1380.
2. Горбачев 2010 – Горбачев В.Г. Универсальный антропологизм как традиция в русской философии // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1 (14). С. 7-14.
3. Жирнов Н.Ф. Политическая доктрина консерватизма и неоконсерватизма // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 5. С. 279-286.
4. Кобяков 2021 – Кобяков А.Б., Восканян М.В. Социальный консерватизм. Выход из конфликта левых и правых идей. М.: Книжный мир, 2021. 448 с.
5. Кутырёв 2020 – Кутырёв В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.
6. Лавджой 2001 – Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 374 с.
7. Перов 2000 – Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. филос. об-ва, 2000. 120 с.
8. Солонин 2004 – Солонин Ю.Н. Консерватизм: актуальность проблемы // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Вып.1. СПб., 2004. С. 6-13.

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЕКТАХ ГУМАНИЗМА, ТРАНСГУМАНИЗМА И ПОСТГУМАНИЗМА

Черникова Ирина Васильевна

*Доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и методологии науки
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: chernic@mail.tsu.ru*

В эпоху четвертой промышленной революции, начало которой относят к 2011 г. и связывают с массовым внедрением информационных технологий, размыванием граней между физическим, биологическим и цифровым мирами, актуализирована тематика расширения человека. Человек в его социокультурном измерении есть существо открытое к изменениям, эволюционирующее, но его биологическая природа являлась всю историю антропогенеза инвариантным ядром. Сегодня, в эпоху вызовов технауки, когда НБИКС технологии позволяют трансформировать природу человека, актуализирована проблема: как применяя технологии улучшения человека не потерять человека? Обсуждение проблемы будущего человека, его эволюции резко актуализировалось в связи с исследованиями в сфере искусственного интеллекта и цифровизацией. Обозначились несколько контекстов, в которых обсуждаются различные варианты трансформации человека, «расширение человека», переход к постчеловеку. В статье анализируется, чем различаются установки нового гуманизма, трансгуманизма и постгуманизма, в контексте которых рассматривается проблема эволюции человека сегодня. Трансгуманизм совершенствование человека видит в технологическом усилении разумности человека. Постгуманизм формируется как философский подход, способствующий преодолению онтологического антропоцентризма, в нем проблематизируется декартовская идея о животных как автоматах, его главные принципы - отказ от механицизма, признание животной субъективности. В то время как трансгуманизм выходит за пределы человеческого, радикально трансформируя биологическую природу человека, постгуманизм предлагает гибридную форму человека. В статье отражена критика технологических проектов трансформации человека В.А. Кутырева – самого активного оппонента транс- и постгуманизмов, называвшем себя антропоконсерватором.

Ключевые слова: эволюция человека, технологическая революция, гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм, постчеловек

THE PROBLEM OF HUMAN EVOLUTION IN PROJECTS OF HUMANISM, TRANSHUMANISM AND POSTHUMANISM

Chernikova Irina Vasilievna

*Head of the Philosophy and Methodology of Science Department
National Research Tomsk State University
E-mail: chernic@mail.tsu.ru*

In the era of the Fourth Industrial Revolution, the beginning of which is attributed to 2011 and is associated with the massive introduction of information technology and the blurring of the lines between the physical, biological and digital worlds, the subject of human extension has been rethought. Human being in his sociocultural dimension is a creature open to changes, evolving. However his biological nature has been an invariant core throughout the history of anthropogenesis. Today, in the era of technoscience challenges, while NBICS technologies allow transformation of human nature, the problem is readdressed. How to not to lose a human nature while deploying human enhancement technologies? The discussion of the problem of the human future and human evolution has become sharply updated in connection with the research in the field of artificial intelligence and digitalization. Several contexts have been shaped in which various options for the human transformation, the “human extension”, the transition to a posthuman are discussed. The article analyzes the difference between the outlooks of the new humanism, transhumanism and posthumanism in the context of which the problem of human evolution is considered today.

Transhumanism sees the human enhancement as the technological improvement of human intelligence. Posthumanism is formed as a philosophical approach that contributes to overcoming ontological anthropocentrism, it problematizes the Cartesian idea of animals as automata, its main principles are the rejection of mechanism, the recognition of animal subjectivity. While transhumanism goes beyond the human, radically transforming the biological nature of man, posthumanism offers a hybrid form of man. The article reflects the criticism of technological projects of human transformation by V.A. Kutyrev, the most active opponent of trans- and post-humanisms, who called himself an anthropoconservative.

Keywords: human evolution, technological revolution, humanism, transhumanism, posthumanism, posthuman

Обсуждение проблемы будущего человека, его эволюции резко актуализировалось в связи с исследованиями в сфере искусственного интеллекта и цифровизацией. Обозначились несколько контекстов, в которых рассматриваются различные варианты трансформации человека, «расширение человека», переход к постчеловеку. Сама установка на формирование концепта постчеловека говорит о принятии идеи трансформации человека под влиянием высоких технологий и обсуждении механизмов его видовой эволюции. В проектах нового гуманизма речь идет о б улучшении человека в соответствии с программами Human Enhancement.

Для трансгуманизма и постгуманизма объединяющим началом является антигуманизм, отказ от человека как меры всех вещей. Проведем сравнительный анализ гуманизма и противостоящих ему трансгуманизма и постгуманизма. Трансгуманизм отличает цель, которую можно резюмировать как технологическое совершенствование человека, человек стал пониматься не как концепт, а как конструкт. Трансгуманизм – это такая доктрина, согласно которой мы можем и должны стать больше, чем людьми. Сторонники трансгуманизма полагают, что информация разума может быть размещена в разных матрицах: компьютер, сеть, другое тело, клон и т.д. Трансгуманизм опирается на понимание человека как существа разумного, выделяя разум как то, что отличает человека, в то время как тело рассматривается как ограничение, слабое звено, уязвимость которого технологические инновации стремятся уменьшить, если не устранить. Поскольку трансгуманизм совершенствование человека видит в технологическом усилении разумности человека, постольку трансгуманизм можно было бы считать “усилением гуманизма” с помощью технологических средств, такие оценки трансгуманизма высказывают некоторые авторы, но при этом забывают или замалчивают, что цена, которую сторонники трансгуманизма готовы заплатить за усиление мыслительных способностей человека, сам человек.

Постгуманизм формируется как философский подход, который строится не на картезианской дуалистической картине мира, а на холистическом мировидении. Постгуманизм пытается выйти за пределы любых бинарных оппозиций: человеческое – нечеловеческое, мужчина – женщина, культура – природа, гуманизм – антигуманизм. Философия постгуманизма способствует преодолению онтологического антропоцентризма, в ней проблематизируется декартовская идея о животных как автоматах. Главные принципы - отказ от механицизма, признание животной субъективности, где субъективность означает обладание внутренним миром в постоянном преобразовании. Антигуманизм как отрицание ключевых идей гуманизма стал важным источником постгуманизма: отказ от антропоцентризма, отказ от противопоставления человека животному, отказ от субъективности. Р. Брайдотти выделила три главных течения в современной постгуманистической мысли: первое проистекает из моральной философии и развивает реактивную форму постгуманизма, второе — из исследований науки и техники и утверждает аналитическую форму постгуманизма, и третье — из традиции антигуманистических философий субъективности и предлагает критический постгуманизм» [Брайдотти 2021, с. 76].

Обратим внимание на различия между трансгуманизмом и постгуманизмом. В то время как трансгуманизм выходит за пределы человеческого, радикально трансформируя биологическую природу человека, постгуманизм предлагает гибридную форму человека. Но оба эти направления свои надежды на улучшение человека связывают с прогрессом технологий. Отношение к телу в трансгуманизме как к обузе, человек свободный – это человек, свободный от тела. Постгуманизм предлагает концептуализацию человеческого тела как «супер-организма», который соединяет человеческое и нечеловеческое. Постгуманизм наделяет субъектностью животных, киборгов. Как отмечает Р. Брайдотти, «постчеловеческая субъективность выражает телесно воплощенную субъективность. При этом акцент переносится с унитарной субъективности на субъективность номадичную» [Брайдотти 2021, с.98].

Одно из основных различий трансгуманизма и постгуманизма в том, что трансгуманизм исходит из посылки о биологическом несовершенстве человека, которое необходимо преодолеть, а постгуманизм не фокусируется на модификации человеческой телесности. Так, Роберто Маркезини автор целого ряда книг о постгуманизме: «Над человеком. Постгуманизм и концепция животного прозрения», «После антропоцентризма», «За пределами антропоцентризма. Мысли о постчеловеческой философии» и других, отмечает, что в постгуманизме телесность не разрушается, но, посредством *Techne*, стимулируется избыточность человека, поскольку открываются новые каналы для подключения человека к миру. *Techne* рассматривается как обновленный *Umwelt* человеческого существа и означает построение новых интерфейсов между человеком и внешней реальностью [Marchesini 2018]. Р. Маркезини предлагает герменевтическое переосмысление феномена технопоэза, подчеркивая его принципиальную важность не только для понимания техники, но и для формирования нового взгляда на человека, который позволит преодолеть гуманистическую парадигму неполноты. Взгляд на тело как ограничение, которое в технологиях человек пытается преодолеть, это неверное восприятие. В действительности технология не только не компенсирует некоторую неполноту, но напротив создает новые перформативные активы. Таким образом, согласно Р. Маркезини, эволюция человека происходит через раскрытие его новых форм в технопоэзисе.

Итак, и трансгуманизм, и постгуманизм базируются на эволюционном подходе, но если трансгуманизм развивает дарвинистскую эволюционную стратегию, то постгуманизм рассматривает симбиоз как основной эволюционный механизм в отличие от естественного отбора. На вопрос, должны ли мы на современном этапе развития цивилизации соотносить человека с его биологическим субстратом или быть человеком – значит выходить за грань человеческого, сторонники трансгуманизма отвечают положительно. Постгуманизм, хотя и не делает акцент на модификации биологической телесности человека, но и не стоит на ее защите. Он позиционирует себя как философскую стратегию поиска нового концепта человека.

Показательна в этом отношении позиция М.Н. Эпштейна, предлагающего идеологию, обосновывающую технологическую трансформацию человека. С его точки зрения, проблема будущего Человека анализируется сегодня с позиций трансгуманизма (техническая трансформация человека); анти-технизма (борьба за сохранение традиционного, «природного» человека); и техногуманизма (развитие техники как творческого инобытия человека). Техногуманизм характеризуется им как позиция взаимообусловленности и соразвития человека и техники. М.Н. Эпштейн представляет «гуманологическую концепцию», характеризуя ее не как постгуманистику, а как гуманологию, которая так же относится к постгуманизму (философии смерти человека), как теология – к атеизму (философии смерти Бога)» [Эпштейн 2022]. Хотя,

в приведенная выше версия постгуманизма Р. Маркезини, на наш взгляд, соотносится с техногуманизмом.

Согласно гуманонологической концепции «человек – биологически и интеллектуально ограниченное существо: у его органов чувств – узкий диапазон восприятия, у его мозга – слабая память и медленный темп переработки информации, у его тела – ограниченный запас выносливости и короткий срок жизни, и все это сокращает эволюционный потенциал человека как вида..., поэтому человеку надлежит преступить границы своего вида и эта эволюционная перспектива заложена в кенотической природе человека (Кéнозис (греч. κένωσις — опустошение, истощение), включающей перенесение своей сущности на нечто отличное от себя... Кенозис Бога, его самоистощение в человечестве далее переходит в кенозис человека, его самоистощение в новейших технологиях» [Эпштейн 2022, с.284-285].

Вот такая эволюционная перспектива прорисована Человеку М.Н. Эпштейном. Оценить и, в какой-то степени ответить, хочется, обратившись к текстам В.А. Кутырева - самого активного оппонента транс- и постгуманизмов, называвшем себя антропоконсерватором. В своей монографии «Время Mortido» десятью годами раньше он писал, что для сохранения идентичности человека необходимо создавать систему сознательного управления технологическим развитием. «Прогресс к смерти и смерть в результате прогресса как потери своего качества, самости, родовой тождественности – угроза, в философской истории человеческого духа практически не обсуждавшаяся...Сейчас она проступает как фундаментальная. Пришло время Mortido (влечения к смерти) [Кутырев 2018, с. 10]. В.А. Кутырев занимал жесткую позицию, оценивая технологии Human enhancement как проявление кризиса антропологизма. Он указывал, что размывание границ человеческой природы, трансформация биологического тела одна из основных причин современного кризиса гуманизма.

Прямо скажем, кенотическая перспектива куда менее привлекательна, чем, например, в концепции христогенеза Тейяра де Шардена, или у русских космистов, которые утверждали, что человеку предстоит стать космичным. На современном этапе в дискурсе о новом гуманизме центральным является тезис о том, что ориентация на гуманистический идеал, это единственная возможность сохранения человека и человеческой цивилизации. Немало философов размышляют о будущем человека с этих позиций, широко известны такие имена как Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас, Х. Йонас, Э. Фром. Ученые вносят решающий вклад в формирование нового гуманизма представленного в версиях «экологический гуманизма» (Х. Сколимовски, И. Пригожин и др.), «демократического гуманизма» (К. Леви Стросс, Г.Г. Дилигенский, В.А. Лекторский), техницистского гуманизма (Л. Мэмфорд, Э. Тоффлер) и других, ориентированных на развитие человека с сохранением его человеческого начала связанного с благоговением перед жизнью и любовью как основой собственно человеческого.

Список литературы

1. Брайдотти 2021 – Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара. 2021. 408 с.
2. Кутырев 2018 – Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетейя. 2018. 526 с.
3. Эпштейн 2022 – Эпштейн М.Н. Гуманонология: наука о человеке, переступающем границы своего вида // Человек как открытая целостность. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 274-287.
4. Marchesini 2018 – Roberto Marchesini. Beyond Anthropocentrism: Thoughts for a Post-human Philosophy. Milan. Mimesis International. 2018. 328 p.

ТЕХНЕ И ИДЕОЛОГИИ: ИНТЕРПРЕТИРУЯ МЫСЛЬ М. ХАЙДЕГГЕРА

Шаталов-Давыдов Дмитрий Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: korvet_nn@list.ru

Проблема постава достаточно широко изучена в литературе, однако статья обсуждает вопрос о том, что и религиозное сознание в своем развитии приводит к поставу, отчуждению человека от себя и поставления в качестве функции. В статье разбирается понятие обезбоживания как его вводит Хайдеггер, обозначаются два этапа эволюции явления расхристианизации (период официального признания христианства в Риме и секуляризации в эпоху Просвещения). Дается определение техне и технического в его отношении к тайне. Рассматривается процесс отчуждения человека от себя как сущего и вписывания его в разнообразные практики принятия чего-либо, определяющие его функции. Идеологии не исчерпываются крупными мировоззренческими системами – это комплекс разнообразных, придуманных специалистами методов и методик, обращающихся к индивиду и требующих от него либо определенного поведения и принятия набора установок на веру, а также адаптации себя в определенной роли (функции). Индивид, обнаруживший пустоту в ситуации обрушения Абсолюта, заполнил эту пустоту рукотворной версией Абсолюта, в основании своем лишенной какой-либо таинственности, отделенной от человека и поставляющий человека в тотальность режима, тела, пространства, поведения и прочего, снимающего с него гнет самости (индивидуальности).

Ключевые слова: экзистенциальность, бытие, техне, технология, постав, религия

TECHNE AND IDEOLOGIES: INTERPRETING THE IDEA OF HEIDEGGER

Shatalov-Davydov Dmitry Yrievich

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: korvet_nn@list.ru

Despite of the fact that Gestell issue is being very broadly articulated in the literature, the aspect about religious thought and the fact that its development also occurs in the logics of Gestell – is not often discussed. The article develops the term the Godlessness as it was introduced by Heidegger. 2 stages of dechristianization are highlighted (period of official acceptance of Christianity in Romean Empire and secularization in Enlightenment). The definition of teche is given and its relation to mystery (Geheimniss). The process of aliaenation of human from self and his addition to different practices of acceptance of anything defending his fuctions is being analyzed.

Ideologies are not limited to large ideological systems – it is a complex of various methods and techniques invented by specialists that appeal to an individual and require him to either behave in a certain way and accept a set of attitudes on faith, as well as adapt himself to a certain role (function). An individual who discovered an emptiness in the situation of the collapse of the Absolute filled this emptiness with a man-made version of the Absolute, basically devoid of any mystery, separated from a person and delivering a person to the totality of the regime, body, space, behavior and other things that removes the oppression of the self (individuality) from him.

Keywords: existentiality, being, techne, technology, Gestell, religion

Данная статья об известной и часто обсуждаемой проблеме, в трудах М.Хайдеггера обозначенной как поставление человека техническому, поставление сущего как функции механизму. Однако сущность опасности далеко не исчерпывается одним только техническим. Во «Времени картины мира» Хайдеггер перечисляет явления, нового времени: наука, машинная техника, художественное произведение, человеческая

деятельность как культура и, наконец обезбожение. Часть из них определяются как явно отдаляющие сущее от бытия (или скажем более огрублено делающее сущее функцией вещи в ее подручности) как машинная техника («Опасность») или новоевропейская наука (непосредственно «Время картины мира»), наконец обезбожение (расхристианизация и перетолкование религиозного в мировоззрение) [Хайдеггер, с. 41-42]. Последнее Хайдеггером подробно не рассматривается – эта проблема представляет предмет настоящей статьи.

Обезбожение не означает отсутствия богов или атеизма: «Обезбожение – двоякий процесс, когда с одной стороны, картина мира расхристианизуется, поскольку вводится основание мира в качестве бесконечного, безусловного, абсолютного [заметим сразу, что речь идет о трансцендентном], а с другой стороны христиане перетолковывают свое христианство в мировоззрение (христианское мировоззрение) и таким образом соотнобразуются с Новым временем. Обезбожение есть состояние принципиальной нерешенности относительно Бога и богов» [Хайдеггер, с. 42]. Мы видим некоторую противоположность между христианизированным миром и появлением атрибутов бесконечности, безусловности, абсолютности; противопоставление между богом (богами), имманентными человеку и миру, и трансцендентностью. Речь можно вести не только об отношении между религиозностью до Константина (или проповедей Павла) и после, но и в самом широком смысле о вне-разумном как имманентном и вне-разумном как трансцендентным. Религиозное переживание, направленное на трансцендентное улетучивает богов, оставляя только историческое или психологическое исследование мифа. Заметим, что речь идет о явлении, связанном с восприятием сущего и (или истолкованием истины) (наравне с четырьмя другими, приводимыми в статье). Обезбоживание улетучивает как восприятие сущим божественного непосредственно (Другое Левинаса выступает характерным продолжением данного рассуждения), так и поставляя сущее религиозному – религиозное переживание как переживание не-воления, не-силы, не-бесконечного и прочих атрибутов взятых негативным образом от трансцендентного. Сущее и божественное не только оказываются разделенными без возможности соприкосновения, они оказываются абсолютно разделенными – суверенный, всесильный, трансцендентный бог и немощный, бессильный, существующий по капризу Творца человек (периодически даже исчезающий – Потоп вполне себе пример такого исчезновения по суверенной воле). Именно оппозиция трансцендентное-имманентное запускает религиозное восприятие, и именно оно снимает наличествование божественного в мире (как это напоминает сильную версию неоплатонизма, где мир есть небытие, или разделенность бога и мира как Творца и Творение Аврелием Августином). Бог, отданный трансцендентному, исчезает из мира, а сущее, при этом, поставляется этому исчезнувшему (функция греховности). В сторону оппозиционную данному процессу обезбоживания надо двигаться к катакомбному христианству с его переживанием опыта общения с божественным, имманентным миру (живущем в мире и умершем в мире, и, соответственно, воскресшем в мире), и ожидающему прихода этого божественного для установления финального закона как слуга, ждущий своего господина (согласно 1 Посланию к Коринфянам апостола Павла). В этом направлении можно приводить в пример слабые теологии Капуто [Caputo, 2006], Келлер [Keller, 2003] и др,двигающиеся к имманентной интерпретации божественного. Движение же к утверждению божественного как трансцендентному – это движение в сторону институционализации религиозного (в этом смысле показательно принятие христианства в качестве основной религии Римской империи Константином, фактически провозгласившим эту формулу). В этой статье мы говорим о проблеме поставленности

человека к техне, очевидно, религиозность, запускающую процесс поставленности человека трансцендентному, необходимо вписать в одно из проявлений технического.

Техне – это практики конструирующие, проясняющие, делающие нечто явленным, подручным, понятным. От греческого смысла в виде ремесла и хайдеггеровского определения техне в работе «Опасность», судьба техники – вывод потаенного в действительное (Gestell, постав), способ выведения потаенного (Geheimniss) в действительное как технический – это рассмотрение нечтовости как данность, из которой потаенность оказывается исключена на основании различных практик (в первую очередь, механистических практик, демонстрируемых в Новое время), то есть техне как доминирующая форма выведения потаенности в действительность это дело рук Нового времени (и само собой инструмент, способствующий такому выведению это декартовское *cogitatio*). Как показывает Хайдеггер в статье «Время картины мира» инструментальный разум ведет к установлению господства над действительностью, способ представленности бытия – это данность его как объекта, а способ существования сущего – в качестве субъекта, носителя инструментальной практики *cogitatio*. Исчезает всякое таинственное, все дается в его удобствах, полезности, подручности. Вещь, мир, человек – оказываются только функциями в инструментальных практиках, делающих явленным действительное в форме постава. В этом мы наблюдаем тотальность техне – оно создает доминирующие теории, доминирующие модели восприятия, доминирующие институты, механизмы и инструменты, расширяясь не только в линии соприкосновения старой метафизики-новой науки, но и затрагивая любые сферы бытия человека. Сущее, само применяющее техне в качестве одной из практик получения знания, забывает (теряет) себя, становясь элементом в тех структурах, которые в ходе получения оно производит. Отсюда производство, произведение, техника, поставление – все это оказывается связанным описанием того процесса, который происходит, процесса отчуждения сущего от своего бытия и его заброшенность в мир как поставленность к (институту, государству, партии, идеи, техническому прибору, автомату, заводу и пр.). Наша гипотеза заключается в том, что обезбожение – это процесс, включенный в эту процедуру поставления.

Во "Времени картины мира Хайдеггер показывает как и декартовский *subjectum* возникает в соответствии с этой же логикой: сущее обнаруживающее в себе способность к раскрытию и являющее себя как способное раскрывать (*ratio*). Опасность технического хорошо освещена в литературе, весь антропоконсерватизм фактически концептуализируется вокруг обозначения этой опасности и связанной с ней утратой сущего (человека), поскольку сущее само оказывается поставленным как раскрытое (так Пьер последовательно обнаруживает себя Пьером-рабочим, Пьером-отдыхающим после трудового дня, Пьером-семьянином, но собственно сам Пьер постоянно ускользает, техническое утрачивает самого Пьера, оставляя его разнообразные социальные проявления).

Вернемся к религиозному – вернее к Просвещению и случившейся секуляризации религии, когда религиозное, ставшее трансцендентным (т.е. уже утратившее изначальный имманентный дух, связь с сущим), отчуждается в пользу принятия разумного обоснования всего существующего (мы это можем назвать торжеством *cogito* и в этом случае полностью воспользоваться логикой Диалектики просвещения Хоркхаймера и Адорно [Хоркхаймер, Адорно, 1997]). Вместо веры в трансцендентное, возникает вера в рациональное, раскрывающее мир в его принципиальной утраченности таинственного, присваивающее себе мир и, таким образом, создающее картину мира (физическую, химическую и прочее). Разовьем эту мысль далее – разве подобное не можем проследить и в сфере мировоззренческой? Ситуация «смерти бога», отказа от трансцендентного (будь то *cogito* или абсолют в религиозном смысле) приводит

к необходимости заполнения освободившегося пустого места – Ницше в Заратустре показывает как люди ставят золотого тельца – и в этом ему видится начало их прозрения. Переводя из образно-метафорического языка ‘So sagt Zarathustra’ мы данный процесс можем назвать прозрением с опаской – вместо движения в сторону жизни, т.е. сущего, произошло движение в сторону принятия на веру произведенных Просвещением разнообразных утопических программ – коммунизм, фашизм и прочие идеологии, в основе своей редуцируемые к определенной научной (рациональной и объясняющей теории), но в своей политической инстанции оставляющие только пространство быть принятыми либо отторгнутыми: парадоксальная ситуация, с одной стороны нечто принимаемое на веру в виду невозможности доказательства трансцендентного, с другой стороны приводящее достаточное количество доказательств не теряя в тоже время трансцендентное (им по прежнему оказывается cogito, субъектность-объектность). Необходимо сказать, что идеологии не исчерпываются крупными мировоззренческими системами – это комплекс разнообразных, придуманных специалистами методов и методик, обращающихся к индивиду и требующих от него либо определенного поведения и принятия набора установок на веру, а также адаптации себя в определенной роли (функции). Т.е. индивид, обнаруживший пустоту в ситуации обрушения Абсолюта, заполнил эту пустоту рукотворной версией Абсолюта, в основании своем лишенной какой-либо таинственности, отделенной от человека (по прежнему трансцендентальной, таким например видится коммунизм или идеал рационального выбора потребителя и пр), и поставляющий человека в тотальность режима, тела, пространства, поведения и прочего, снимающего с него гнет самости (индивидуальности).

Возможна ли альтернатива техническому? Различные проекты в духе *letter communisme* могут служить одним из способов. Например, согласно Нанси [Нанси, 2011], в качестве противостоящему техне, тотализации, выступает сообщество, состоящее из отдельных сущих и процесса коммуникации между ними.

Список литературы

1. Caputo 2006 – Caputo J. *The Weakness of God: A Theology of the Event*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2006. 358 p.
2. Keller 2003 – Keller C. *The Face of the Deep A Theology of Becoming*. London: Routledge, 2003. 328 p.
3. Кутырев 2009 – Кутырев В.А. *Бытие или ничто*. СПб.: Алетейя, 2009. 496 с.
4. Нанси 2011 – Нанси Ж.Л. *Непроизводимое сообщество*. Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е.Троицкого. М.: Водолей, 2011. 208 с.
5. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. *Время картины мира // Время и бытие*. Пер. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 127-140.
6. Хоркхаймер, Адорно 1997 – Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Перевод с немецкого М.Кузнецова. М, СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

Часть 3. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в обществе технонауки

УДК 101.1:316"312"

О СПЕЦИФИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОБЩЕСТВА ТЕХНОНАУКИ

Алимов Виталий Шамильевич

Учитель

Камскополянская средняя общеобразовательная школа №1

E-mail: clyx@bk.ru

Основным источником развития общества технонауки являются социальные противоречия, выступающие движущей силой возникновения и становления научных фактов, изобретений и технологий. Анализ творчества Б. Латура позволяет сделать вывод о ведущей роли противоречия в процессе развития объектов технонауки и формирования акторных сетей. Б. Латур применяет оппозиционные категории борьбы противоположностей для описания развития технонауки. Именно дискурсивный и противоречивый характер отношений общества технологий и науки определяет возможность открытия и познания новых объектов природы и действительности. З. Бауман обращает внимание на содержательную сторону социальных отношений, которые в наши дни продиктованы индивидуализацией и дерегулированием. Современные общественные отношения и в особенности социальные противоречия ограничены условиями рассеивания и разобщения протестной энергии широких масс. Как следствие социальные противоречия между господствующей элитой и остальной массой населения перестают быть классовой борьбой богатых и бедных, оставаясь тем самым не разрешенными в позитивном ключе.

Ключевые слова. общество, технологии, наука, социальные противоречия, индивидуализация, коммуникация

THE FEATURES OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND SOCIETY CONTRADICTIONS

Alimov Vitaliy Shamilevich

Teacher

Kamskopolyanskaya state school №1

E-mail: clyx@bk.ru

The article discusses the features of the social contradictions of modern society in the field of science and technology. The author believes that the main source of development of the technoscience society is social contradictions, which act as the driving force behind the emergence and development of scientific facts, inventions and technologies. An analysis of the socio-philosophical creativity of B. Latour allows us to conclude that contradiction plays a leading role in the development of technoscience objects and the formation of actor networks. The author shows how B. Latour uses the oppositional categories of the struggle of opposites to describe the development of technoscience. It is the discursive and contradictory nature of the relationship between the society of technology and science that determines the possibility of discovering and cognizing new objects of nature and reality. Another outstanding thinker of our time, Z. Bauman, as shown in the article, draws attention to the content side of social relations, which today are dictated by individualization and deregulation. Z. Bauman proves that modern social relations and, in particular, social contradictions are limited by the conditions of dissipation and disunity of the protest energy of the broad masses. As a result, social contradictions between the ruling elite and

the rest of the population cease to be a class struggle between the rich and the poor, thus remaining unresolved in a positive way.

Keywords: society, technology, science, social contradictions, individualization, communication

В современном обществе социальные противоречия проявляются особенно ярко в сфере «науки, технологий и общества» [Латур 2013, с. 42]. С этой целью Б. Латур предлагает термин «общество технонауки» [Латур 2013, с. 59]. Мир технонауки является ареной борьбы между учеными, читателями, инженерами, правительством, бизнесом, широкими массами, и прочими многочисленными акторами общества технонауки. В своей работе «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества» [Латур 2013] Б. Латур последовательно рассматривает сложный путь построения научных фактов и изобретений, поскольку внешняя сторона их создания кажется наблюдателю достаточно готовой и сформированной областью технонауки [Латур 2013, с. 27]. Тогда как сам процесс становления научных утверждений или технических разработок имеет противоречивый дискурсивный характер: прежде чем стать неопровержимым фактом идея исследователя должна проделать долгий, полный испытаний путь.

Научное утверждение или технология на этапе первоначальной публикации или получения патента помещаются в дискурсивное поле технонауки. Автор новой идеи противостоит целой группе «несогласных», которых он обязан убедить. Б. Латур описывает дискуссию как борьбу противоположностей: новых и старых идей, автора и несогласных читателей, лабораторий и контрлабораторий, статей и контрстатей, ученых и инвесторов, автора и общественности, профессиональных ученых и широких масс [Латур 2013, с. 135, с. 136, с. 343, с. 181].

Раскрытие механизма противоречия требует учета качественно-количественной соотношенности его противоположностей. Автор научного утверждения вынужден привлекать на свою сторону множество других акторов, формировать из этих связей новые акторные сети. Последние меняют «баланс сил» в сторону первооткрывателя данной области, превосходя тем самым противостоящие ему группы «несогласных» [Латур 2013, с. 109].

Соотношение «баланса сил определяет истинность научных утверждений или технических идей. В зависимости от разрешения «состояния в силе», авторы становятся «субъективно настроенными индивидуумами, или объективными носителями истины» [Латур 2013, с. 134]. В трактовке Б. Латура, объективность означает надежную связь между представителем (автором) и тем, что он представляет, т.е. устойчивость созданной акторной сети в «борьбе» с «несогласными» и старыми научными фактами. Если предлагаемое научное утверждение претендует на статус открытия нового объекта технонауки, то его «группа поддержки» должна ощутимо превосходить устоявшийся «старый» научный факт или утверждение.

Б. Латур отдает предпочтение модели технонауки как «коллективного труда», противопоставляя этому модель «диффузии», согласно которой общественные изменения творятся отдельными индивидуумами, а внешние силы остаются в роли пассивной «среды сопротивления» [Латур 2013, с. 221]. Разрешение разногласий между авторами приводит общество технонауки в «стабильное» состояние, когда противоречия временно улажены благодаря чему возможна «репрезентация Природы» на языке предлагаемых научных фактов [Латур 2013, с. 233]. Однако подобное «стабильное» состояние продолжается лишь до пересмотра существующих научных фактов, до момента, когда устоявшиеся акторные связи не подвергнутся «атаке» новых объектов технонауки. На каждом этапе развития общества технонауки противоречие действует как его источник, приводя лаборатории в «горячее» рабочее состояние. Генезис

общества технонауки является непрерывным процессом, в котором центральное место занимает момент смены «старых» и «новых» идей. Деятельность акторов содержит в себе противоречивое устремление преодолеть существующие научные факты, развить или заменить их «новыми» утверждениями. Состояние полного совпадения интересов оппозиционных друг другу акторных сетей кратковременно и маловероятно: утверждения технонауки существуют не затем, чтобы их объективность раз за разом подтверждали следующие друг за другом поколения исследователей, но для того, чтобы трансформироваться в новые более высококоразвитые объекты.

Формируется новый субъект деятельности - актор. Актор представляет собой функциональное единство живого и не-живого, индивида, слившегося со своими орудиями интеллектуальной деятельности: компьютером, умным смартфоном, следовательно, использующим услуги интеллектуальных искусственных систем. Акторы, благодаря всемирной паутине интернета, объединяются в акторные сети, которые неустойчивы и подвижны. Разрешение научных противоречий происходит в сети. Цифровые технологии необычайно расширили коммуникации между учеными и трансформировали арену разрешения противоречий в науке.

Сетевизация, платформизация, алгоритмизация и датификация раскрывают лишь технико-технологический способ существования общества. З. Бауман обращает внимание на содержательную сторону, определяет современное общество как индивидуализированное общество. Индивидуализация является способом поддержания неравенства, немногие определяют рамки поведения «дерегулированных» масс потребителей. При этом «издержки» выбора в пользу сопротивления социальному неравенству превышают «тихое и безропотное» подчинение существующему общественному устройству. Индивидуализированное общество потребителей функционирует благодаря социальному неравенству, и возможности разрешения данной проблемы надежно находятся в руках заинтересованных групп «немногих» [Бауман 2015, с. 35]. Экономические противоречия являются основой социального неравенства. Массы несогласных с социальным неравенством подвергаются «дерегулированию» и «индивидуализации», разрушению и рассеиванию своей протестной энергии [Бауман 2015, с. 65–66]. «Индивидуализированное» общество «дерегулируется» для поддержания существующего социально-экономического неравенства, лишь усиливая его противоречия.

Существующие социально-экономические отношения направлены против их качественно-количественного развития. Всякий раз когда оппозиционные друг другу стороны приближаются к критической отметке диалектического перехода количества в новое качество, она отодвигается на более высокий уровень.

Возрастающее неравенство между массой и элитой не является противостоянием классов, в индивидуализированном обществе отсутствуют коллективные формы борьбы. Жизнь человека превращается в индивидуальный способ разрешения системных противоречий, изначально обреченный на неудачу.

В обществе технонауки трансформация социальных противоречий происходит в двух взаимосвязанных плоскостях: технико-технологической и собственно социальной.

Список литературы

1. Бауман 2015 – Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 162 с.
2. Латур 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА НАЕМНИЧЕСТВА: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Анисимов Иван Михайлович

Аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

E-mail: Anisimownn98@gmail.com

В настоящей статье анализируется история развития и понимания концепции наемничества и непосредственно «образа» наемника в трудах мыслителей разных эпох. Отмечается, что в течении многих веков под данным термином понимались, прежде всего, солдаты, не состоящие на службе у какого бы то ни было государства, а оказывающие военные услуги заплатившему субъекту. В любой исторический период главными преимуществами наемников были их профессиональный опыт и более высокая квалификация по сравнению с обычными, как правило, формировавшимися из простых людей, крестьян – народного ополчения. Проводится сравнительная параллель восприятия указанных субъектов в разные исторические эпохи – Древнем Египте, Древней Греции, Римской империи, в Средние века, а также в настоящее время. Отражаются поднимаемые в научном сообществе дискуссионные вопросы, связанные с наемничеством. Так, одной из «главных» тем является создание и активное использование частных военных компаний. Данная ситуация небезосновательно воспринимается как некая форма «ренессанса» наемничества, однозначно запрещенного международным сообществом (Женевскими конвенциями; Конвенцией ООН) в середине прошлого века. Кроме того, особое внимание уделяется статусу указанных лиц и их развитию в исторической ретроспективе в контексте историко-правовой мысли и этико-нравственных воззрений.

Ключевые слова: наемник, сотрудник частных военных компаний, частная военная компания, вооруженный конфликт, международное право, наемничество

FORMATION OF THE MERCENARY CONCEPT: ETHICAL AND LEGAL ASPECT

Anisimov Ivan Mikhailovich

Postgraduate student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: Anisimownn98@gmail.com

This article analyzes the history of the development and understanding of the concept of mercenary and the "image" of a mercenary in the works of thinkers of different eras. It is noted that for many centuries, this term has been understood primarily as soldiers who are not in the service of any state, but who provide military services to the paying entity. In any historical period, the main advantages of mercenaries were their professional experience and higher qualifications compared to ordinary, as a rule, formed from ordinary people, peasants – the people's militia. A comparative parallel of the perception of these subjects in different historical epochs is carried out – Ancient Egypt, Ancient Greece, the Roman Empire, in the Middle Ages, as well as at the present time. The controversial issues related to mercenary activities raised in the scientific community are reflected. So, one of the "main" topics is the creation and active use of private military companies. This situation is not unreasonably perceived as a form of "renaissance" of mercenary activity, unequivocally prohibited by the international community (Geneva Conventions; UN Convention) in the middle of the last century. In addition, special attention is paid to the status of these persons and their development in historical retrospect in the context of historical and legal thought and ethical and moral views.

Keywords: mercenary, employee of private military companies, private military company, armed conflict, mercenary activity

В любой исторический период перед государствами и государственно-подобными образованиями возникали задачи, решение которых было возможно лишь военным путем. Как правило, в таких случаях привлекались вооруженные силы и военизированные подразделения государств. Этим фактором в числе прочего возможно объяснить чрезмерную, по мнению некоторых исследователей, военизированность общества как в прошлом, так и в настоящее время [McFate, 2014, p. 84].

Однако, нередко возникали ситуации, в которых государствам и иным возможным организациям (например, Ост-Индская компания) не хватало своего военного ресурса или же его применение по различным причинам (политическим, экономическим, географическим) было невозможно. В таких ситуациях «привлекались» люди, способные решать различные задачи, прежде всего, в военной сфере, за определённую плату.

Учитывая специфический характер взаимоотношения таких людей и их объединений, с нанимателями и образовалось их название – наемники.

В течении многих веков под данным термином понимались, прежде всего, солдаты, не состоящие на службе у какого бы то, ни было государства, а оказывающие военные услуги заплатившему субъекту.

Отношение к таким лицам было неоднозначным, однако потребность в их услугах существовала практически всегда.

Сейчас крайне сложно сказать, когда появились первые наемные войска и когда они начали вербоваться для участия в боевых действиях. Однако согласно одним из наиболее ранних исторических данных, первые прообразы наемных армий появились в Египте в 1479 году до. н.э. [Percy, 2007, p. 144].

Безусловно в тот исторический период наёмники применялись для участия в войнах и в других частях света. Одним из наиболее ярких произведений Древнего мира, в котором речь идёт о наёмниках, является «Анабасис» Ксенофонта [Ксенофонт, 1951, с. 61]. В данном произведении описан поход десяти тысяч наёмников греков после поражения в битве при Кунаксе в 401 году до н.э.

Ксенофонт, будучи непосредственно задействованным в военных конфликтах своего времени описывал в своем трактате, как формирование греческих армий, так и существовавшее внутри них взаимоотношение между наемными солдатами, командованием и «греческими добровольцами».

В тот исторический период главными преимуществами наемников были их профессиональный опыт и более высокая квалификация по сравнению с обычными, как правило, формировавшимися из простых людей, крестьян – народного ополчения.

Другим авторам Эллады также была присуща некая комплементарность в отношении данных социальных групп. Архилох, в боевой песне Гибрия, описывает «прекрасную» жизнь наемного солдата, постигающего все радости жизни в ответ за свою службу. Доблесть наемных солдат мы можем увидеть в строчках поэта Алкея, адресованных своему брату Антимениду.

Практически любая античная война не обходилась без широкого применения наемников. Не были исключением и пунические войны, в которых обе стороны (однако преимущественно - Карфаген) использовали наемных солдат.

Падение Западной Римской империи и последующий, в связи с этим упадок классической европейской мысли, открыл эпоху «беззакония», и фактически запустил процесс, часто описывающийся мыслителями как «война всех против всех». Страны, не имея четко обозначенных постоянных границ, национального самосознания, и иных

факторов присущих времен Риму начали снова постоянно привлекать на свою службу наемных солдат со всех уголков света, и в первую очередь с «обломков» бывшей империи.

Эпоха Средневековья стала настоящим расцветом частного военного сектора, который тогда именовался сугубо термином «наемники». Причем различные группировки носили различные названия – «Вольные компании», вольные стрелки, мейстерзингеры, кондотьеры и многие другие.

Активному «становлению феномена наемничества» способствовало и развитие товарно-денежных отношений, а также децентрализация власти на территории бывшие империи, которая в перспективе приводила к многочисленным войнам как между королями, так и между правителями местного уровня.

Не мог не сказаться и крупный конфликт между христианскими государствами Европы и Османской империей. Причем наёмников использовали как европейцы, так и турки.

На рубеже позднего Средневековья и Эпохи Возрождения появились крупные организации наемников, представляющие свои услуги каждому заплатившему государству или подобному образованию. Самым известным из них, пожалуй, является Швейцарская Пехота, позднее названная Швейцарской Гвардией. В 1474 году французский король Людовик XI заключил договор с несколькими швейцарскими селениями. По которому данные селения в обмен за плату, должны были, если король ведет войну и требует помощи, поставлять ему вооружённых людей.

Тридцатилетняя война стала, по сути, периодом наиболее интенсивного использования института наемников в вооруженных конфликтах. После заключения Вестфальского мира, которой предусматривал монопольное право государства на применение военной силы, наемничество сильно изменилось.

XV – XVII века стали поворотными для формирования национальных государств на европейском континенте, многие из которых существуют и по сей день. В борьбе государств за независимость нередко применялись услуги наемников, однако с развитием регулярных армий к концу XVII века их участие в качестве основной военной силы постепенно сошло на нет. При этом менялось и отношение к указанному «способу» ведения боевых действий.

Так, один из основоположников современных основ международного права – Гуго де Гроот (Гуго Гроций), писал, что «нет образа жизни более отвратительного и заслуживающего отвращения, чем образ жизни солдат-наемников, которые, никогда не задумываясь о справедливости того, что они предпринимают, сражаются за плату» [Roberts, 1990, p. 194].

В свою очередь, позиция голландского юриста XVI века отражала вектор развития «общественной мысли» того времени, пытавшейся сформировать «национальное восприятие» у лишь начинающих зарождаться национальных государств.

Несколькими десятками лет ранее, один из основоположников «государственной мысли» Никколо Макиавелли, выступил против использования наемных армий в своей книге политических советов «Государь» [Макиавелли, 2018, с. 216]. Обоснование итальянского философа заключалось в том, что, поскольку единственной мотивацией наемников является их оплата, они не будут склонны идти на риск, который может переломить ход битвы. Он также отмечал, что «солдат удачи», который потерпел неудачу, очевидно, никуда не годится, но тот, кто преуспел, может быть еще более опасным и пронизательно указал, что успешная армия наемников больше не нуждается в своем нанимателе, если она более могущественна в военном отношении, чем ее предполагаемый начальник.

Свои заключения, один из величайших государственных деятелей того времени строил на заставших его жестоких предательствах, которые характеризовали отношения наемников к их нанимателям в Италии.

Максимального развития указанные выше идеи нашли отражение в XIX веке – веке национальных государств. Монархи были вынуждены отказаться от так называемой «кабинетной дипломатии»; решения теперь принимались гораздо более широким кругом людей, а национальное самосознание, постепенно стало главным двигателем и фактором принятия политических решений. В XIX веке воюют нации, а не монархи. Следовательно, менялся и характер войн, и параллельно с этим происходили процессы, которые делали невозможным использование наёмников.

В течении длительного времени роль наёмников существенно снизилась, а с принятием соответствующих законов и конвенций (Дополнительный Протокол к Женевским конвенциям 1949 года; Конвенция ООН о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников 1989 года) стала противозаконной.

Наиболее ярко отношение того времени к указанными процессам, как минимум, пытающееся декларироваться государственными деятелями наиболее ярко было выражено в трудах Николаса Мартена, профессора Йельского университета и одного из основных советников американской администрации 20-30х годов прошлого века: «Когда вы говорите наемнику, что он мертв, единственное что изменяется, он просто перестает получать зарплату, в отличие от солдата армии страны, который не будет забыт» [Axelrod, 2013, p. 220].

Данная позиция по своей сути отражает этико-философские воззрения того времени, делающие упор на национальное самосознание и развитие национальных армий.

В свою очередь, в настоящий момент, происходит некий «ренессанс» использования наемничества, начавшийся со времен окончания «холодной войны» и повлекший за собой формирование новых образований – частных военных компаний, легально использующих «указанный» человеческий ресурс.

В настоящее время сторонники отождествления частных военных компаний и наемников, проводя исторические параллели утверждают, что одной из функций частных военных компаний является «защита суверенитета» некоторых государств, тем самым проводится сравнение с наемниками XIV-XVII веков.

С юридической точки зрения возникает ситуация, при которой сотрудники ЧВК могут подходить под критерии как наемников, так и добровольцев, участвующих в конфликте. Однако в 20 веке начался так называемый процесс криминализации войны, в результате которого война была признана преступлением, в связи с чем полностью изменился подход к пониманию военных конфликтов. Изменился и статус сотрудников ЧВК, которые стали в большей степени наемниками, чем добровольцами.

Если анализировать Конвенцию ООН о борьбе с наемничеством 1989 года, то крайне сложно понять, где наемник, а где доброволец. В некоторых конфликтах грань между ними призрачна или люди могут быстро переходить из одного состояния в другое.

Анализируя данные положения, можно говорить о своеобразном ренессансе понятия наемник, которое, вместо расширительного толкования и привязки наемника к получаемым деньгам, подразумевает соответствие еще нескольким факторам для того, чтобы квалифицировать лицо как таковое (т.е. как наемника).

Однако при этом стоит разграничивать наемников и различных добровольцев, которые, также не являясь военнотружущими участвующих в конфликте сторон, непосредственно принимают в нем участие, а иногда, как, к примеру, в конфликте на Балканах, оказывают активное воздействие на его результат. С этической точки зрения, основной отличительной чертой (характеристикой) между наемниками и такими добровольцами как раз и будет являться критерий получения платы за свою

деятельность, а точнее – цель участия в вооруженном конфликте. Для добровольцев, она не связана с получением вознаграждения, тогда как для наемников это является определяющим признаком.

В заключение стоит отметить, что рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью частных военных компаний, является чрезвычайно важным для современного мира, особенно ввиду нарастания военных конфликтов и широкого участия в них частных военных компаний. Современное восприятие и изучение опыта «прошлого» позволит нам в той или иной степени сформировать понимание будущих процессов, а объединение усилий международного сообщества способно недопустить разрастание «хаоса» войны и повторения ситуаций, имевших место в прошлом.

Список литературы

1. Бирд, 2017 – Мэри Бирд. SPQR: История Древнего Рима. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 696 с.
2. Ксенофонт 1951 – Ксенофонт. Анабасис. Академия наук СССР, 1951, 303 с.
3. Макиавелли 2018 – Никколо Макиавелли. Государь. М.: Азбука-Классика, 2018. 418 с.
4. Axelrod 2013 – Axelrod A. Mercenaries: A Guide to Private Armies and Private Military Companies. SAGE Publications. 2013. P. 440.
5. McFate 2014 – McFate S. The Modern Mercenary: Private Armies and what They Mean for World Order. Oxford University Press, 2014. P. 239.
6. Percy 2007 – Percy S. Mercenaries: The History of a Norm in International Relations. Oxford University Press, 2007. P. 272.
7. Roberts 1990 – Roberts A. Hugo Grotius and International Relations, 1990. P. 331.

УДК 303.01

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ Н. БОРА В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Антипов Георгий Александрович

Доктор философских наук, профессор

Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

В учебной и методической литературе достаточно широко используется клише «социально-гуманитарные науки». Тем самым в один ряд, в одну «плоскость» ставятся достаточно разные по своим теоретико-познавательным характеристикам формы научного знания. Если же на данное обстоятельство и обращают внимание, то скорее подчёркивается их сущностное единство. При этом проходят мимо вот уже полуторавековой традиции в философии науки, заключающейся в попытках демаркации данных видов научного знания. Здесь одна из линий аргументации связана с феноменом ценностей и обоснованием необходимости учёта их роли гуманитарном познании. Другая – акцентирует процедуру «понимания», специфицирующую всю область гуманитаристики. У нас подобных позиций придерживался М. М. Бахтин. Видимо, выход из рассматриваемой теоретико-познавательной коллизии – в обращении к онтологическому статусу реальности, выступающей адресатом для постановки познавательных задач в каждом из случаев. В социальных науках – это объективные (не в смысле «материальности») формы социальной реальности (институты). В гуманитарных науках – смыслы и смысловые структуры. Тогда отношение гуманитарных и социальных наук вполне можно интерпретировать в духе принципа дополнительности Н. Бора, чем и будут сняты обнаружившиеся здесь противоречия.

Ключевые слова: науки, социальные, гуманитарные, ценности, понимание, дополнительность

THE COMPLEMENTARY PRINCIPLE OF N. BOHR IN SOCIAL COGNITION

Antipov Georgy Aleksandrovich

*DSc in Philosophy, Professor, Professor of Philosophy and Humanities Department
Novosibirsk State University of Economics and Management – «NINH»*

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

The cliché "social and humanitarian sciences" is widely used in the educational and methodological literature. Thus, forms of scientific knowledge, which are quite different in their theoretical and cognitive characteristics are placed in one row, in one "plane". If attention is paid to this circumstance, then their essential unity is rather emphasized. At the same time, one and a half centuries of tradition in the philosophy of science, which consists in attempts to demarcate these types of scientific knowledge, are passed by. Here, one of the lines of argumentation is connected with the phenomenon of values and the rationale for the need to take into account their role in humanitarian knowledge. The other emphasizes the procedure of "understanding", which specifies the entire field of humanities. In our country, M. M. Bakhtin adhered to similar positions. Apparently, the way out of the considered theoretical-cognitive collision is in addressing the ontological status of reality, which acts as an addressee for setting cognitive tasks in each of the cases. In the social sciences, these are objective (not in the sense of "materiality") forms of social reality (institutions). In the humanities - meanings and semantic structures. Then the relationship between the humanities and the social sciences can be quite interpreted in the spirit of N. Bohr's principle of complementarity, which will remove the revealed here contradictions.

Keywords: sciences, social, humanitarian, values, understanding, complementarity

Принцип дополнителности – методологический, эпистемологический по своим основаниям принцип, сформулирован Нильсом Бором первоначально в дискурсе атомной физики: «В области классической физики все стороны и свойства данного объекта могут быть в принципе обнаружены при помощи *одной* экспериментальной установки, хотя на практике часто бывает удобно применять для изучения разных сторон явления разные установки... полученные таким путём данные просто складываются и могут быть скомбинированы в одну связную картину поведения изучаемого объекта. Напротив, в квантовой физике данные об атомных объектах, полученные при помощи разных экспериментальных установок, находятся в своеобразном дополнительном отношении друг к другу... понятие *дополнительности* просто характеризует возможные ответы, получаемые в результате такого исследования в том случае, когда взаимодействие между измерительным прибором и объектом составляет нераздельную часть явления» [Бор 1961, с. 143-144].

Данный принцип стал формой преодоления теоретико-познавательной коллизии между классической физикой и формировавшейся квантовой механикой, заключавшейся в открытии свойств микромира, не укладывавшихся в классическую картину физического мира. В частности, можно сослаться на идею корпускулярно-волнового дуализма и принцип неопределённости Гейзенберга. В первом случае речь идёт о свойстве природы, состоящем в том, что объекты микромира могут проявлять при одних условиях свойства классических волн, а при других – свойства классических объектов. Принцип неопределённости является следствием принципа корпускулярно-волнового дуализма и упрощённо говоря, звучит так: чем точнее характеристика частицы, тем менее точно можно измерить вторую. Оба принципа не могли не приводить к констатации особой роли в получении знаний о микромире условий наблюдения и наблюдателя. Последнее и нашло, как представляется в принципе дополнителности Нильса Бора.

Дав общую оценку дополнителности с позиций философии физики как «последовательного обобщения идеала причинности», Бор предпринимает попытку

распространить свой принцип на области биологии, психологии, антропологии и этнологии. И эта попытка экстраполяции идеи дополнительности в область социального познания может принести определённую пользу наукам, представляющим эту область в смысле толкования их оснований. Скажем, в программах и учебниках этих наук нередко фигурирует клише «социально-гуманитарные науки», очевидно, ставящее в один ряд две категории наук, различие между которыми, напротив, вот уже больше столетия акцентируется в мировой традиции методологии науки. В аргументации Бора можно увидеть аналогию с ситуацией со знаниями, полученными в гуманитарных науках, с одной стороны и социальных – с другой. Они дополнительные в смысле боровского принципа дополнительности.

Конечно, было бы полной нелепостью переносить аргументацию Бора по поводу дополнительности в контексте квантовой механики непосредственно в сферу социального познания. Поэтому здесь следует искать иной путь. Думается, он заключается в апелляции к онтологическому статусу реальности, выступающей адресатом для постановки познавательных задач. В социальных науках – это проявления объективной реальности (хотя и в специфических формах), в гуманитарных науках – субъективной. Этим путём пошла методология истории хотя и выразила данный подход в недостаточно внятной форме демаркации наук в отношении метода: «генерализирующих», и наук «индивидуализирующих». Как писал Риккерт, «их материал состоит либо из объектов природы, т. е. действительности, утратившей всякую связь с ценностями, либо из явлений культуры, т. е. действительности, отнесённой к ценностям» [Риккерт 1908, с. 15]. В последнем случае речь, понятно, идёт об историографии.

В русле нашей аргументации, основная цель которой – гносеологическая спецификация гуманитарных и социальных наук, предлагаемых неокантианцами критериев явно недостаточно. Они апеллируют к «первоначальной», по спецификации Гегеля, истории, берущей своё начало от Геродота: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение, и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Уже здесь проглядывает основная познавательная ориентация «первоначальной» историографии. Это историческая память и её формирование. Правда, на этом пути возникает специфически познавательная задача, на которую обращал внимание ещё Аристотель: «...Историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его всё равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), - нет различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть» [Аристотель 1981, с. 655]. Эту мысль, правда, с несколько иной акцентуацией, повторил классик немецкой историографии XIX в. Леопольд фон Ранке: историк не должен судить и поучать. Цель его – показать, как было на самом деле («wie es eigentlich gewesen»). Наконец, по поводу формулы «отнесения к ценностям». Если видеть смысл рассматриваемого типа историографии в формировании исторической памяти, то она, конечно, эту процедуру должна включать, ибо необходимо вести выбор в массе накапливаемого историками-эмпириками материала. Ведь объём памяти конечен. Кроме того, историческая память любого социума ориентирована на задачи его самоидентификации. Но ценности, по своей сути, и являются конечными основаниями выбора.

Однако «первоначальная» история – лишь один из видов наук, могущих претендовать на статус гуманитарных. Необходимо выявить такое свойство, которое можно было бы отнести ко всему их сонму. В решении данной задачи, думается, нельзя обойтись без обращения к ещё одной традиции в интерпретации специфики

гуманитарного знания – связывающую её с категорией «понимание». Как говорил Дильтей, «природу мы объясняем, душевную жизнь – понимаем». В процедуре понимания видят, таким образом, наиболее емкое выражение свойственного гуманитарным наукам подхода к изучению действительности. Но напрашивается ещё один вопрос: каково «наполнение» данной процедуры? Думается, понимание можно определить как схватывание смысла, а смысл нельзя выявить чисто теоретически. Как утверждается, понимание имеет структуру диалога, требует включения некоторого единичного смыслового содержания в смысловую всеобщность – мир понимания. Иначе говоря, гуманитарные науки имеют дело с миром смыслов – такова их онтологическая определённость.

Перейдём к социальным наукам. Вообще стандарты научного познания исторически задавались естествознанием. Характерен в этом смысле случай И. Канта. В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант писал: «Какие бы понятия мы не составили себе с метафизической точки зрения о *свободе воли*, необходимо, однако, признать, что *проявления* воли, человеческие поступки, подобно всякому явлению природы, определяются общими законами природы. История, ...если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли *в совокупности*, могла бы открыть их закономерный ход...» [Кант 1966, с. 7-8]. Из всей же кантовской программы обоснования собственно научной истории следует, что наука о человеке, взятая как деятельное, целеполагающее существо, невозможна: будучи носителем духовного начала и свободы, человек выходит за пределы мира явлений, подчиняющихся причинной необходимости. Всеобщая история Канта – это своеобразная «социальная механика», проектируемая по образцу его небулярной гипотезы.

Принципиальный вопрос в связи со всем этим заключается в следующем: как представить деятельность множества людей, наделенных сознанием и волей в виде объективной реальности? В естествознании статус объективности множества вещей, представляющих для него познаваемую реальность, охватывается понятием «материя». Погрешность Маркса заключалась в том, что для толкования объективности форм существования людей использовалось понятие, присущее естествознанию в понимании объективного статуса существования вещей. Этим и объясняется появление в его анализе понятий, вроде «материальной жизни», «материального переворота», «материальных отношений», наконец, «материалистического понимания истории».

Разрешение этой коллизии находим у Эмиля Дюркгейма. «Мы не утверждаем, - писал он, - что социальные факты – это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад... социальные факты... не только не являются продуктами нашей воли, но сами определяют её извне. Они представляют как бы формы, в которые мы вынуждены отлить наши действия» [Дюркгейм 1990, с. 394, 432, 433].

Наиболее очевидным примером существования подобных форм могут служить социальные институты. В целом же представленные соображения о гносеологических основаниях гуманитарных и социальных наук позволяют трактовать их отношения в духе принципа дополнительности Н. Бора.

Список литературы

1. Аристотель 1984 - Аристотель. Поэтика // Соч.: В 4-х т. М., 1984. Т. 4. 655 с.
2. Бор 1961 – Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Изд-во Иностранная литература, 1961. 153 с.
3. Дюркгейм 1990 – Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. 575 с.
4. Кант 1966 - Кант И. Соч.: В 6-ти т. Т. 6. М.: «Мысль», 1966, 729 с.

5. Риккерт 1908 – Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908.

УДК 167

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Бекарев Адриан Михайлович

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей социологии
и социальной работы факультета социальных наук*

ННГУ им. Н.И. Лобачевского

E-mail: Adrian.bekarev@yandex.ru

Мы рассмотрим три технологии – колонизацию, приватизацию и цифровизацию. Они пронизаны одним основанием – борьбой за ресурсы. Кто придумал колонизацию мы не знаем. Но в реальность ее воплотили топ-менеджеры тогдашних государств. Кто придумал приватизацию, мы знаем. Ее придумал К. Поппер. Ее осуществили его ученики. Он сильно не любил принцип историзма. На его место он поставил принцип социальной инженерии. Но приватизацию воплотили М. Тетчер и Б. Ельцин - руководители тогдашних государств. Кто придумал цифровизацию, мы не знаем. Но это тоже борьба за ресурсы. В данном случае за информационные ресурсы. В современном обществе интернет-ресурсы относятся к значимым ценностям. В отличие от традиционных ресурсов существует обилие вариантов хранения информационных ресурсов, но в любом случае они являются компактными. Для работы с ними используются цифровые технологии. Считается, что главным вопросом цифрового общества является вопрос о владении информацией. Информация только ресурс, она становится капиталом, когда трансформируется в знания. В обществе технаучи ресурсов много – от земли и ее недр до цифры – и за все ресурсы борются. Самый простой способ колонизация - организуй колониальные войска и черпай колониальные товары. Приватизация более цивилизованный способ доступа к ресурсам. Достаточно передать управление предприятиями в частные руки, затем выкупить их с помощью денег, чем завоевывать страны и континенты при помощи колониальных войск. Еще сложнее с цифровизацией - надо ужать информацию до предела, а затем уж за нее бороться. Первое направление борьбы за информационные ресурсы связано с их владением. Второе направление связано с получением знаний о потенциальной потребительской аудитории. Третьим и самым важным направлением борьбы за информационные ресурсы является возможность пропагандировать, агитировать, рекламировать и манипулировать массовым поведением людей. В современном обществе все технологии управления «работают» совместно, но не в гордом одиночестве, а вполне слаженно.

Ключевые слова: колонизация, локализация, приватизация, национализация, компенсационный налог, цифровизация, информационные ресурсы

SOME SOCIAL TECHNOLOGIES OF MANAGEMENT

Bekarev Adrian Michaylovich

DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of common sociology and social work, Faculty of Social Sciens

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: Adrian.bekarev@yandex.ru

We will consider three technologies - colonization, privatization and digitalization. They are permeated with one basis - the struggle for resources. We don't know who invented colonization. But it was embodied in reality by the top managers of the then states. Who came up with privatization, we know. It was invented by K. Popper. It was carried out by his students. He strongly disliked the principle of historicism. In its place, he put the principle of social engineering. But privatization was embodied by M. Thatcher and B. Yeltsin - the leaders of the then states. Who invented digitalization, we do not know. But it is also a struggle for resources. In this case,

for information resources. In modern society, Internet resources are significant values. Unlike traditional resources, there is an abundance of options for storing information resources, but in any case they are compact. Digital technologies are used to work with them. It is believed that the main issue of the digital society is the question of information ownership. Information is only a resource, it becomes capital when it is transformed into knowledge. There are a lot of resources in the society of technoscience - from the earth and its bowels to digital - and they are fighting for all the resources. The easiest way to colonize is to organize colonial troops and scoop colonial goods. Privatization is a more civilized way of accessing resources. It is enough to transfer the management of enterprises to private hands, then buy them out with money, than to conquer countries and continents with the help of colonial troops. It is even more difficult with digitalization - you need to squeeze the information to the limit, and then fight for it. The first direction of the struggle for information resources is related to their ownership. The second direction is related to obtaining knowledge about the potential consumer audience. The third and most important direction of the struggle for information resources is the ability to propagandize, agitate, advertise and manipulate the mass behavior of people. In modern society, all management technologies "work" together, but not in splendid isolation, but quite harmoniously.

Keywords: colonization, localization, privatization, nationalization, compensatory tax, digitalization, information resources

Колонизация. За нее ответственность несли первые люди государств. Организуй колониальные войска и черпай колониальные товары. Главная забота, чтобы народу было много и людей хватило на экспедиционные войска. В лидеры рвались многие. Но безусловным лидером была Англия. Она создала США [Панарина, 2011], завоевала Австралию, Индию, Турцию. Аппетиты были немеряные. Они были нескромными. Франция и Голландия серьезно отставали. Отставала и Россия, хотя одну шестую часть света она отхватила. Колониальная система рухнула, но технология колонизации в лету не канула. Не кончились и навыки колонизации. Они продолжают действовать. В основе их лежит модель управления, основанная на выделении центра и периферии. Финансовые потоки, текущие из центра на периферию направлены на освоение ресурсов отдаленных от столицы регионов. Но как правило вдали от центра они не исчезают, а возвращаются в центр многократно усиленные. Освоение регионов часто сводится к использованию ресурсов, их целостного хозяйственного и культурного освоения не происходит. На смену колониализации стран приходит колониальная политика по отношению к собственным регионам. Наглядным примером являются моногорода. Но наличие предприятия, обеспечивающего массовую занятость населения, численность поселения в содержательном плане не делают моногород городом в существенном смысле. Город формирует свой стиль жизни, обусловленный наличием культурных учреждений, музеев, библиотек, театров и собственных высших учебных заведений. Ограниченное во времени финансирование моногорода направлено на освоение ресурсов, способствует оживлению экономической жизни в нем и как правило не преследует цель его превращения в образовательный и культурный центр. К тому же, временный приток финансов в экономическую жизнь не в состоянии вывести экономику на "догоняющую" траекторию экономического роста, по той же причине, по которой "богатые страны остаются богатыми, а бедные остаются бедными" [Нефедкин, 2013]. Существование моногородов является одной из современных форм колонизации. Альтернативой стратегией колонизации является локализация, которая предполагает развитие моногорода до образовательного и культурного центра. Эта стратегия предполагает принятие обязательных требований к компаниям, которые занимаются освоением ресурсов. Выполнение требований к локализации результатов деятельности этих компаний должны объективироваться в становлении и развитии культурной жизни территории, на которых происходит освоение ресурсов. Так выглядит экстраполяция технологии колонизации применительно к регионам в рамках отдельной страны.

Приватизация. Она наступила после мировых войн. Ее придумал К. Поппер. У него были толковые ученики. Среди них особо отличился Дж. Сорос. Именно он в «Алхимии финансов» задался целью развалить Советский союз, и у него получилось. Достаточно передать управление предприятиями в частные руки, затем выкупить их с помощью денег, чем завоевывать страны *и континенты при помощи колониальных войск.* Невиданных масштабов достигла приватизация в Китае. Но мы видим, что приватизация коснулась больше ресурсных стран, в том числе, бывших колоний. Там, где ресурсов мало, приватизация почти не состоялась. После того, как произошло «разгосударствление» и собственность из разряда государственной превратилась в частную, уже никто не мешал через скупку частных лиц, добраться до ресурсов государства. Так, в России, государственная собственность на нефть и газ превратилась в частную А дальше – дело техники и наспех сколоченная выпечка миллиардеров.

Приватизация в России явилась альтернативой большевистской стратегии обобществления производства. Получение ваучера делало гражданина России официально собственником, но вопрос чего оставался открытым. Приватизации не предшествовала какая-либо вразумительная работа с населением, и для большинства это была какая-то игра с непонятными правилами. От ваучеров быстро избавлялись, продавали по дешевке или получали акции каких-то организаций, которые бесследно исчезали через год другой. Повезло немногим, кто имел доступ к акциям, обладающим реальной стоимостью. Типа акций "Газпрома". Но из тех, кто скупал ваучеры формировался новый класс собственников. Использование технологии приватизации не сделало всех собственниками и держателями акций, а способствовало обеднению бедных, не обладающих властными полномочиями и обогащению привилегированных слоев, сформированных из бывшей советской партийной и хозяйственной элиты.

Первый аспект приватизации связан с рассмотрением её итогов для отдельного человека. Не менее трагичен исход приватизации для страны в целом. Приватизация 90-хх гг. явилась процессом планомерного разрушения советской экономики, обернулась её неспособностью конкурировать на международном рынке. Приватизация обернулась не только разрушением целых отраслей промышленного производства, но и падением международного авторитета страны. Путинцева Н.А. проводит сравнение приватизации в России и Великобритании. Общим явилось то, что приватизация была признана нечестной и властью, и народом в обеих странах. Власти в России ограничились признанием нечестности приватизации в России и развели руками, что сделано, то сделано. Время не повернуть вспять. Проведенная политика М. Тэтчер явилась относительно удачной попыткой элиминации негативных последствий "приватизации по дешевке". В качестве механизма восстановления справедливости был использован компенсационный налог. Компенсационный налог не возник из воздуха, он сформирован из разницы между реальной ценой предприятия и платой за него в ходе приватизации. Это налог оставляет собственникам полученную прибыль, но забирает у них то, что они приобрели в ходе несправедливой приватизации [Путинцева, 2016]. Оставить прибыль просто, но забрать то, что не принадлежит, но считалось принадлежащим действительно сложно. Не будем вдаваться в тонкости введения компенсационного налога и возможности его применения в нашей стране, отметим лишь, что компенсационный налог дает возможность избежать сложного выбора между национализацией и приватизацией.

Цифровизация. Она возникла тогда, когда на смену освоению материальных ресурсов приходит борьба за информационные ресурсы. Информация высоко ценилась всегда: в интригах придворного двора, в признании значимости разведки и шпионаже, не только военном, но и промышленном. Настоящая битва за информационные ресурсы начинается тогда, когда их становится слишком много. Парадоксально, но факт.

Простота сжатия информации, экономическая дешевизна её хранения, легкий способ использования, но и этим достоинства информационного ресурса не исчерпываются. Информация никуда не исчезает в процессе потребления, что превращает её в поистине неисчерпаемый ресурс. Но если информация не просто возобновляемый, а неисчерпаемый ресурс, тогда по поводу чего разворачивается битва, получившая название "информационной войны"? Исследователи информационных ресурсов отмечают наличие более 20 тысяч профессиональных баз, на коммерческой основе существуют примерно 8 тысяч информационных агентств. Но только около 60% профессиональных баз непосредственно доступны пользователям информационных ресурсов [Лузан, 2018]. Итак, первое направление борьбы за информационные ресурсы связано с их владением. Владение информационными ресурсами означает наличие у субъекта, права распоряжаться ими по своему усмотрению, то есть, определять характер доступа к ним: свободный, коммерческий, закрытый. Но что дает владельцам информационных ресурсов свободный доступ к массовой потребительской информации: к расписанию транспорта, к прогнозу погоды, к бронированию отелей, к ценам в аптеках и т.д. В этом случае коммерческая выгода извлекается не из обеспечения доступа, а из анализа "цифровых следов", оставляемых пользователем интернета. Вторым направлением битвы за информационные ресурсы является получение знаний о потенциальной потребительской аудитории. В обществе технауки третьим и самым важным направлением борьбы за информационные ресурсы является возможность пропагандировать, агитировать, рекламировать и манипулировать массовым поведением людей. Сегодня информационный ресурс является необходимой составляющей любой социальной технологии. В информационной войне и в процессе реализации политических технологий возрастает важность сектора массовой потребительской информации. Обеспечение доступа к нужным ресурсам дает возможность пропаганды нужных ценностей и является необходимым условием конструирования нужной новой реальности.

Когда три в одном. В современном обществе все технологии управления «работают» совместно, но не в гордом одиночестве, а вполне слаженно. Под руководством государства и надгосударственных образований, у которых много денег, но нет других ресурсов. Например, война, миграция (управляют государства) и интернетизация (управляют финансовые группы).

Список литературы

1. Лузан 2018 - Лузан А.Ю., Серебрякова Т.А. Понятие и виды информационных ресурсов. Мировые информационные ресурсы // Вестник науки. 2018. №7 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-informatsionnyh-resursov-mirovye-informatsionnye-resursy> (дата обращения: 23.04.2023).
2. Нефедкин 2013 - Нефедкин В.И. Корпорации на территории: колонизация или локализация? // ЭКО. 2013. №8 (470). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporatsii-na-territorii-kolonizatsiya-ili-lokalizatsiya> (дата обращения: 23.04.2023).
3. Панарина 2011 - Панарина Д.С. Возникновение СШАЖ тип классической колонии-поселения// Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. N 4. С. 44-48
4. Путинцева 2016 - Путинцева Н.А. Современный этап приватизации в России: её особенности, альтернативы и последствия. // Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. - №12 (54). - URL: <https://research-journal.org/archive/12-54-2016-december/sovremennyyj-etap-privatizacii-v-rossii-ee->

УДК 1.14.141

ФЕНОМЕН ИМАГИНАЦИИ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Бенар Наталия Владимировна

Кандидат философских наук, ректор

Международный институт имажинативной психодинамической психотерапии

E-mail: nataliya.benard@gmail.com

Понимание феномена имажинации в гуманитарном познании раскрывается благодаря заложенной в ней способности выхода в личностное пространство человека. В этой перспективе в спонтанности взаимодействия распаковываются «выстраданные» личностные значения, ценности и смыслы в отношении человека к самому себе и к другим людям, зарождаются душевные порывы, относящиеся к его субъективности. Имагинация, являясь целостным образом переживаний, генерирует духовные пласты опыта. В тоже время имажинация отображает комплекс научных тенденций, возникших в связи с изменением представлений о человеке и его мышлении, что раскрывает новый взгляд на субъективную природу человека в эпоху цифровизации. Парадигма мышления в новом представлении субъективности касается способности человека наблюдать себя со стороны в деятельности и непрерывности опыта взаимодействия между людьми. Имагинация, опираясь на мышление образами, является одной из форм фиксации субъективности в пространстве времени и опыта в различных схемах и моделях. Познавательный опыт опирается на схемы деятельности того, кто познает, что позволяет, учитывать природу этого явления. Благодаря представлениям Большого Антропологического Перехода и антропологического контекста современной постнеклассической философии, субъективности придается основополагающее значение. Имагинация, порожденная субъективностью воображающего человека, становится концептуальным источником представлений о его состоянии, включая всю сложность, многообразие и свободу конструирования его целостного мира.

Ключевые слова: имажинация, гуманитарное знание, Большой Антропологический Переход, сложность, субъективность, целостный образ переживания

THE PHENOMENON OF IMAGINATION IN HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Benard Nataliya Vladimirovna

PhD in Philosophy, rector

International Institute of Imaginative Psychodynamic Psychotherapy

E-mail: nataliya.benard@gmail.com

The understanding of the phenomenon of imagination in humanitarian knowledge is revealed due to the ability inherent in it to enter the personal space of a person. In this perspective, in spontaneity of interaction, the “suffered” personal meanings, values and meanings in relation to a person himself and to other people are unpacked, spiritual impulses related to his subjectivity are born. Imagination, being a holistic image of experiences, generates spiritual layers of experience. At the same time, imagination reflects a set of scientific trends that have arisen in connection with a change in ideas about a person and his thinking, which represents a new look at the subjective nature of a person in the era of digitalization. The paradigm of thinking in the new representation of subjectivity concerns the ability of a person to observe himself from the side in activity and the continuity of the experience of interaction between people. Imagination, based on thinking in images, is one of the forms of fixing subjectivity in space-time and experience in various schemes and models. Cognitive experience is based on the schemes of activity of the one who cognizes, which allows him to take into account the nature of this phenomenon. Thanks to the ideas of the Great Anthropological Transition and the anthropological context of modern post-non-classical philosophy, subjectivity is given fundamental importance. Imagination, generated by the subjectivity

of an imagining person, becomes a conceptual source of ideas about his state, including all the complexity, diversity and freedom of constructing his integral world.

Keywords: imagination, humanitarian knowledge, Great Anthropological Transition, complexity, subjectivity, holistic experience

Для того, чтобы начать размышлять об имагинации, как о философской категории, важно иметь вкус к философствованию о предмете, возвращать в себе культуру нахождения в философском дискурсе, используя язык как описание научных предметов, о какой бы области науки ни шла речь.

Имагинация в философском дискурсе рассматривается как определенный тип гуманитарного знания, поскольку в ней заложена способность выхода в личностное измерение к человечески значимому содержанию, «... в глубинный диапазон перспектив и болевых субстанций нашего века» [Волкова, Малахова, Волков 2020, с. 2]. Как целостный образ переживаний имагинация генерирует духовные пласты опыта во взаимодействии с самим собой и с другими.

Имагинация происходит от лат. термина «имаго» и греческого – «образ», что предполагает рассмотрение явлений в сложности и задает три измерения имагинации: наличие различных реальностей, коммуникативную направленность, ситуативную непредсказуемость отношений между людьми.

Имагинация отображает комплекс научных тенденций, возникших в связи с изменением представлений о человеке и его мышлении. Они являются революционными по своему характеру, так как свидетельствуют о новом взгляде на субъективную природу человека в обществе приоритета технонауки.

Изменение мышления, связанное с Большим Антропологическим Переходом, приводит к необходимости одновременного существования в параллельных виртуальных мирах. Эти миры дополняют бытие человека или приводят к потере жизненных ориентиров [Буданов, Аршинов 2022, с.4]. В виртуальных мирах, где так легко надевать маски, прятаться за аватарами или наоборот сразу же быть в контакте, выходить в прямой эфир, человек выполняет различные роли, участвует во множестве виртуальных отношений в пространстве различных дискурсов. Это приводит к перенастройке привычных традиционных способов существования с ценностями постоянства, привязанности к месту, к семье, к родителям, к детям, к любимым в непосредственном контакте живого диалога. Изменяются культурные практики. Существование человека в новых обстоятельствах ведет к слому стереотипов и изменению когнитивного восприятия, к конструированию новых когнитивных схем в ситуации непредсказуемости, неустойчивости, переменчивости и включенности во множество контекстов. В этих обстоятельствах обращение к внутреннему миру человека, к его субъективности и создание новой этики взаимодействия между людьми является основной задачей [Буданов, Аршинов 2022, с.105].

В рамках классической рациональности субъективность связывается с разумом и сознанием. Разум и сознание, в свою очередь, имеют безраздельную власть над человеческим бытием. Однако, в XX веке форма представленности субъективности, основанная на господстве разума пересматривается. Отдается предпочтение чувственности, образности, виртуальности человеческого существования.

Исходя из представлений Нового Антропологического Перехода и антропологического контекста современной постнеклассической философии, где субъективность выходит на передний план, имагинацию можно рассмотреть, как социокультурный феномен, вписанный в историю и культуру, прежде всего человеческой мысли. Имагинация порождается субъективностью познающего существа в сложности и многообразии целостного мира человека и роли воображения в его формировании.

Как и другие явления Мира (Универсума) субъективность понимается и фиксируется в пространстве времени и опыта. Имагинация является одной из форм такой фиксации, так как опирается на мышление образами. Это мышление образами является конструкцией субъективного опыта, его внутреннего времени и пространства, обращенного к чему-то другому. Такой опыт открывает своеобразное имажинативное бытие, в котором мышление получает возможность фокусировать субъективные представления в схемах и моделях. Познавательный опыт опирается на схемы деятельности того, кто познает, что позволяет, учитывать природу этого явления.

Внутренний мир человека предстает особым явлением природы. В соответствии с антропологической революцией, на которую указывают В. Г. Буданов и В. И. Аршинов [Буданов, Аршинов 2022, с.105], изучение внутреннего мира человека возможно, опираясь на гуманитарную науку в ее постнеклассической интерпретации. Внутренний мир человека получает новый статус объективности, когда доминантой научного исследования становятся субъективные факторы – воображение, знаково-символический характер представлений о мире и видение коммуникативных ситуаций глазами другого человека.

Эта объективность не может быть выражена напрямую, так как, во-первых, переживается каждым человеком в уникальном режиме, и во-вторых, каждая ситуация взаимодействия создает неопределенность и неустойчивость как сказанных слов, так и их переживаний. Поэтому имагинация как способность мыслить образами схватывает «узловые» моменты переживаний и взаимодействия людей друг с другом. Человек попадает в иную реальность, которая раскрывается опосредованно – в метафоричности высказываний и символизации происходящих между людьми событий. Последнее создает ту самую сложность антропологических конструкций в изучении внутреннего мира и возрождает классический принцип тождества мышления и бытия, когда-то сформулированный Р. Декартом.

Переосмысление классического субъективного опыта в психоанализе З. Фрейда и его школы было открытием для начала XX века. В начале XXI века постнеклассическая парадигма мышления постепенно открывает новые ресурсы субъективности, возрождая забытые концепты и традиции.

Парадигма мышления в новых ресурсах субъективности касается способности человека наблюдать себя со стороны в деятельности и непрерывности опыта взаимодействия между людьми. Этот опыт может быть рассмотрен с разных сторон. Субъективность с этой точки зрения может испытывать на себе факты, идеально предположенные сознанием в наблюдении сущностей отличных от явлений (классическая рациональность) и эмпирически имеющие место, например, при выборе языка описания наблюдаемых явлений (неклассическая рациональность) [Мамардашвилли 2007, с.17].

Во взаимодействии человек обнаруживает себя как наблюдатель. Сложность возникаемого наблюдения связана с языком и его возможностями непрямого высказывания наблюдаемых содержаний.

Язык указывает на особенность такого наблюдения и тем самым выражает специфику позиции наблюдателя, который должен не только действовать в познании, но и наблюдать за своими действиями в актах познавательного процесса. Язык наблюдателя отличается от языка объекта наблюдения, который встраивается в сознание наблюдателя в качестве некоторой конструкции. В языке наблюдателя язык объекта становится условием исследования, с которым наблюдатель вынужден работать как с теоретическим концептом.

Имагинация получает свое расширение благодаря перестройке понятийного аппарата мышления в аппарат мышления образами при посредстве воображения.

При помощи понятийного мышления И. Кант пытается определить субъективность человека, развивающуюся по двум стволам познания: рассудка и чувственности. Два ствола познания имеют общий корень в способности воображения [Кант 2007, с. 652]. Однако немецкий философ XX века М. Хайдеггер критикует данную позицию исследования субъективности, опираясь на укорененность воображения в изначальном времени, обладающим прошлым, настоящим и будущим. Субъективность – трудно выражаемое в понятиях состояние бытия человека [Хайдеггер 1997]. Для И. Канта присутствие человека в мире своей субъективностью обязательно, для М. Хайдеггера это присутствие заменяемо на представление о бытии. Бытие предстает иллюзорным, неустойчивым, зависимым от воображения. Вообразить можно все, что угодно, поющие капли дождя или танцующие облака. Такое понимание делает бытие подобным галлюцинации.

Ф. И Гирёнок выделяет основные черты наследия М. Хайдеггера, адаптированные идеологий постмодернизма. Бытие совершается в языке вне какой-либо самостоятельности, дано непосредственно при помощи чувств. Человек визуализирует бытие, а не спрашивает о нем. При этом он впадает в состояние галлюцинации, порождающее картины его возможных миров [Гирёнок 2019, с.23].

На основании этого анализа Ф.И. Гирёнок выводит современное представление о субъективности в четырех характеристиках, на основании которых складывается представление об имагинации: двойственность человеческого существования, его зависимость от воображения и «определения себя через грёзу», свободу в определении собственного мира, сконструированного произвольно самим человеком в ускользающей реальности [Гирёнок 2019, с.23]. Имагинация становится концептуальным источником представлений о состоянии человека, несводимом к когнитивным способностям в учениях когнитологов. Воображение инициирует новый уровень понимания, раскрывающегося через грёзу и свободу конструирования воображаемого мира [Гирёнок 2019, с.25].

Список литературы

1. Буданов, Аршинов 2022 – Буданов В.Г., Аршинов В.И. Большой антропологический переход: методология сложностно-сетевое мышления: монография. Курск.: ЗАО «Университетская книга», 2022. 129 с.
2. Волкова, Малахова, Волков 2020 – Волкова В.О., Малахова Н.В., Волков И.Е. – Имагинация: от образа к символу, от символа к тексту // Философская мысль. 2020. № 8. С. 1-18. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33491 (дата обращения: 03.03.2023).
3. Гирёнок 2019 – Гирёнок Ф.И. Признаки постхайдеггерианского мышления // Вестн.Моск.Ун-та.Сер.7. Философия. 2019. №2. С. 19-26.
4. Кант 2007 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М., 2007. 768с.
5. Мамардашвили 2010 – Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 228 с.
6. Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. http://www.vixri.ru/d/a_filosof/Xajdegger%20M.%20_Kant%20i%20problema%20metafiziki.pdf (дата обращения: 04.03.2023).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭВОЛЮЦИИ

Жаров Александр Михайлович

Аспирант

Институт философии РАН

E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

В данном докладе ставится под сомнение противопоставление понятий революции и эволюции. С нашей точки зрения, наиболее удобно это совершить в области эволюционной эпистемологии. В последней в данном контексте встает трудный вопрос наследования идентичности предыдущих ступеней развития новой ступенью. Если последняя представляет из себя нечто принципиально иное, можем ли мы утверждать ее принадлежность виду предков? В частности, эту проблему ставит Стивен Джей Гулд в своей критике эпистемологии Дэвида Халла. Данной критике мы противопоставляем множество как эволюционно-эпистемологических, так и в целом примеров из истории философии. А затем мы предлагаем свой вариант разрешения проблемы. Отправной точкой для нас служит политическая теория К. Шмитта, которую мы развиваем, а затем экстраполируем на область эволюционной эпистемологии. Шмиттовский суверен имеет полное право совершать антиконституционные действия, но при этом в согласии с самой же конституцией. Таким образом, любая идентичность обладает потенциальностью к преодолению своих границ, так как объединяет ее, с нашей точки зрения, определенный тип аргументации. Последний отличается формализмом, что предполагает разнообразие реализаций формы, а значит переход одной идентичности в свою противоположность. И таким образом обосновывается непротиворечивость понятий эволюция и революция.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, революция, аргументация, стиль, рациональность, антиэссенциализм

REVOLUTIONARY PROCESSES IN EVOLUTION

Zharov Alexander Mikhailovich

Postgraduate student

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

This report calls into question the juxtaposition of the concepts of revolution and evolution. From our point of view, it is most convenient to do this in the field of evolutionary epistemology. In the latter, in this context, the difficult question arises of inheriting the identity of the previous stages of development by a new stage. If the latter is something fundamentally different, can we assert that it belongs to the ancestral species? In particular, Stephen Jay Gould poses this problem in his critique of David Hull's epistemology. We contrast this criticism with a lot of both evolutionary-epistemological and, in general, examples from the history of philosophy. And then we offer our own solution to the problem. The starting point for us is the political theory of K. Schmitt, which we develop and then extrapolate to the field of evolutionary epistemology. The Schmitt sovereign has every right to commit unconstitutional actions, but at the same time in accordance with the constitution itself. Thus, any identity has the potential to overcome its borders, since, from our point of view, a certain type of argumentation unites it. The latter is distinguished by formalism, which implies a variety of form realizations, which means the transition of one identity into its opposite. And thus the consistency of the concepts of evolution and revolution is justified.

Keywords: evolutionary epistemology, revolution, argumentation, style, rationality, anti-essentialism

Революцию определяют не столько скоростью изменений сколько их радикальностью. Именно поэтому революциями в разных сферах назывались изменения, которые занимали десятилетия, столетия или даже тысячелетия.

Благодаря этому, с нашей точки зрения, революция не противоположна эволюции, как иногда полагают. Радикальные изменения свойственны эволюции. Однако в эволюционной эпистемологии в связи с этим встает трудный вопрос наследования идентичности предыдущих ступеней развития новой ступенью. Если последняя представляет из себя нечто принципиально иное, можем ли мы утверждать ее принадлежность виду предков? В частности, эту проблему ставит Стивен Джей Гулд в своей критике эпистемологии Дэвида Халла.

Халл, выступая с позиций антиэссенциализма, полагает, что единственное что объединяет разные теории в общие типы – это их генеалогия. Научные теории поддерживают свое существование благодаря распространению среди их приверженцев и передаче новым поколениям ученых. При чем каждое новое поколение наследников может преобразовывать теорию до неузнаваемости, при этом претендуя называться наследниками и продолжателями именно этой теории. Примером может являться тот же самый эволюционизм, включающий большое разнообразие подходов или наиболее популярный частный его случай дарвинизм. Таким образом Халл полагает, что возможно в будущем дарвинизмом станут называть то, что сегодня бы назвали бы антидарвинизмом [Hull 1989, p. 106].

Гулд же защищая эссенциалистскую точку зрения, взывает ко здравому смыслу, утверждая, что с момента, когда теория переходит в нечто иное или свою противоположность, тогда она теряет свою идентичность. Антидарвинизм уже не дарвинизм и приписывать его можно только к другим генеалогиям. Гулд полагает, что научные концепции обладают конкретными неотъемлемыми характеристиками, очерчивающими свои границы» [Gould 2002, p. 9].

Стоит напомнить, что как бы ни старался Гулд выставить взгляды Халла абсурдными, данная позиция не так уж редка в среде эволюционных эпистемологов. Так, например, Ст. Тулмин обращает внимание, что цели научной дисциплины меняются в зависимости от смены доминирующих учёных [Тулмин 1984, с. 265]. Н. Луман так же признает наличие в системах объединяющих двоичных кодов, которые, тем не менее, способны радикально изменяться, сохраняя идентичность системы, которая продолжает выполнять ту же функцию. Например, код “прекрасное” в наше время уже перестал определять и объединять сферу искусства.

Так же эволюционная эпистемология Д. Кэмпбела допускает появление дочерних теорий, построенных по совершенно иному принципу нежели предтечи с помощью концепции «замещающей селекции». Она подразумевает расслоение отбора на множество этапов, и на каждом этапе апробируются вариации без непосредственного столкновения с окружающей средой. Но условием появления отдельного уровня является его самостоятельность, самооценность его селекционных критериев и отсутствие их ориентации на конечную цель эволюции. Таким образом по Кэмпбелу возможны разрывы внутри изначально единого теоретического направления.

Особенностью и побочным эффектом замещающих селекторов науки и культуры в том, что они начинают развиваться быстрее чем человеческие гены под них подстраиваются. В итоге они начинают производить все больше и больше ценностей самих по себе оторванных от изначальной цели и выстраивать уже собственный параллельный мир с совершенно иными принципами адаптации к нему. Далее создаются уже миры внутри этого Попперовского третьего мира, отдельные теоретические течения внутри некой единой теории, которые имеют свои собственные самостоятельные принципы. То же самое подразумевает и Т. Кун в своей эволюционной эпистемологии,

когда в поздних своих работах сравнивает появление новых теорий с видообразованием, при том, что новая теория ограничивает пространство внутри старой и создает совершенно другой свой язык [Kuhn 2000, p. 97].

Исторические исследования науки предельно ясно показывают нам, что не существует четких неотъемлемых признаков, объединяющих разные дисциплины и научные теории [Daston 2011; Shapin 2011; Дастон 2018]. Подобно тому как в биологическом мире виды разветвляются на подвиды в ходе эволюции, которые в дальнейшем могут стать очень непохожи друг на друга. Это мы видим, например, в исследовании истории математики [Hacking 2014]- совершенно разные области объединяет в первую очередь генеалогия, а не некие фиксированные признаки. Принципы объединения в научные теории и дисциплины проще уподобить о “семейным сходствам” Витгенштейна.

На подобной позиции стоял и С. Крипке, когда утверждал, что имя объекта не объекты реальности с четкими признаками, а социальные группы, использующие имя независимо от данных характеристик. Сюда же можно отнести и Жака Деррида, который в работе “Маркс и сыновья” [Деррида 2006] утверждает, что марксистская теория в сути своей подразумевает обязательное смещение и ересь, подлинный продолжатель марксистской теории не будет догматично повторять мысли Маркса. Это применимо и к пресловутому эволюционизму, если вслед за эволюционной эпистемологией Поппера признавать, что нынешнюю эволюционную теорию обязательно должна опровергнуть и вытеснить новая.

Тем не менее, мы намерены разработать собственное обоснование подхода Халла перед критикой Гулда. Философские интуиции мы заимствуем из политической мысли К. Шмитта. Известное чрезвычайное положение в концепции последнего, в рамках которого суверен может нарушать конституцию, вводится не чтоб разрушить, а чтоб защитить закон доверенным лицом, которое имеет на это право. Когда общество в опасной ситуации, которая не предусмотрена действующими законами, действия суверена в каком-то смысле оказываются прецедентом, исходящими из интуитивного следования принципам, сформировавших закон.

Если пытаться спроецировать эту логику на ординарную общественную ситуацию. То таким же образом. Наше демократическое общество может легально перейти в антидемократическое как дарвинизм в антидарвинизм. Оно может путем референдума исходя из своих демократических принципов выбрать монархию, и тогда эта монархия будет большей демократией чем предыдущая демократия. Антидарвинизм может быть большим дарвинизмом чем сам дарвинизм.

С нашей точки зрения, в генеалогическом подходе Халла и заключён принцип политической легитимности. То есть каждый строй на отдельном этапе своего развития сам определяет свои критерии легитимности (истинности решения наследников, в том числе и теоретических). На каждом этапе происходит изменение легитимным способом субъектами-носителями наследия предыдущих достижений, обладающими доверием и правом говорить от лица традиции. Таким образом, новое поколение ученых, которые производят революционные изменения в теории, на каждом этапе совершают изменения исходя из изначальных принципов легитимности. Так, например, Д. Блур утверждал, что революционные инновации в научной среде возможны только с хотя бы частичной санкции консервативной позиции.

С нашей точки зрения, каждую теоретическую, идеологическую и любую другую идентичность объединяет аргументативный жест, который отличает от других стилистикой своего приема. Жест понимает как определенный принцип мышления, действие, которое при дальнейшем развитии может обернуться против своих истоков, подразумевать шаг за границу идентичности. Когда исследователь исходит из одних

посылок, но по итогу эти послышки ведут к противоречию, он вынужден отбросить их, если хочет сохранить верность некоему изначальному рациональному принципу. Это хорошо иллюстрируется в диалектике Гегеля, где нечто вынуждено переходить в свою прямую противоположность, только чтобы наоборот сохранить верность своей изначальной идентичности.

Аргументативные жесты не телелогичны и различаются только своей формой. Что позволяет им переходить в свою противоположность. Этический формализм Канта может воплощаться в аморальных действиях. Просвещенческий рационализм един для Канта и де Сада, как об этом писали Арендт, Жижек, Хоркхаймер, Адорно и Лакан.

Иногда переход в теории в свою противоположность происходит, возможно, за счет путаницы, использования одного и того же словаря, но в каждом слове актуализируются другие его коннотации, по примеру “семейных сходств” Витгенштейна. В эволюционной эпистемологии за этим событием можно закрепить метафору мутации или актуализации “спящих” генов.

К сожалению, формат доклада не позволяет более подробно разобрать предлагаемое описание механизмов эволюции. Тем не менее, мы очертили область, где критика Гулда теряет свою аргументативную силу. А затем предприняли попытку сформулировать свой ответ для защиты антиэссенциализма Халла. Тем самым мы обосновываем непротиворечивость революционных процессов в рамках эволюции.

Список литературы

1. Дастон 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность. М., 2018. 584 с.
2. Деррида 2006 – Деррида Ж. Маркс и сыновья. М.: Logos-altera, 2006. 104 с.
3. Тулмин 1984 – Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
4. Gould 2002 – Gould S. J. The structure of evolutionary theory. Cambridge-MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2002. 1433 p.
5. Hacking 2014 – Hacking I. Why is There Philosophy of Mathematics at All? Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 308 p.
6. Histories 2011 – Histories of Scientific Observation / L. Daston, E. Lunbeck (eds). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2011. 460 p.
7. Hull 1989 – Hull D.L. The Metaphysics of Evolution. Albany: SUNY Press, 1989. 331 p.
8. Kuhn 2000 – Kuhn T. S. The Road since Structure: Philosophical Essays, 1970–1993, with an Autobiographical Interview. Chicago and London: University of Chicago Press, 2000. 335 p.
9. Shapin 2011 – Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton: Princeton University Press, 2011. 448 p.

УДК 165.9

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНЖЕНЕРА

Игнатова Нина Юрьевна

Доктор философских наук, профессор ДГСЭО

Нижнетагильский технологический институт (филиал)

Уральского Федерального университета

E-mail: n.iu.ignatova@urfu.ru

Вводится понятие эпистемическая ответственность инженера. Понятие эпистемическая ответственность инженера инспирировано ситуацией эпистемического недоверия, в которой оказывается инженер как эксперт. Определение «эпистемическая» применительно к слову «ответственность» позволяет задать вопрос, каковы характеристики тех знаний, которыми инженер обосновывает принятие решений. Если эпистемические условия морального суждения исследуются достаточно давно, то профессиональное суждение инженера имеет несводимую к этике область применения, отсюда интерес к заявленной теме. Формулируются эпистемические обязанности инженера: обязанность должной осмотрительности и эпистемического усердия. Общей эпистемологической установкой инженера в чрезвычайной ситуации выступает скептицизм. Чрезвычайная ситуация как абсолютно непредсказуемый феномен может сопровождаться проявлениями агностицизма среди инженеров. Автор утверждает, что эпистемологически сложной проблемой при расследовании чрезвычайной ситуации является роль аномального доказательства в установлении истины. В условиях чрезвычайной ситуации эпистемическая ответственность инженера воплощается в следующем: не допускать самообмана и потенциально непреднамеренного обмана других в отношении инженерного решения; не вводить в заблуждение работников, не имеющих надлежащего эпистемического опыта и не допускать, чтобы они заблуждались; учитывать аномальную или кажущуюся сомнительной информацию и рассматривать ее должным образом.

Ключевые слова: эпистемическая ответственность инженера, эпистемическое усердие, обязанность должной осмотрительности, чрезвычайная ситуация, аномальная информация

EPISTEMIC RESPONSIBILITY OF ENGINEER

Ignatova Nina Yurevna

DSc in Philosophy, Professor

Technological Institute (branch) of the Ural Federal University

E-mail: n.iu.ignatova@urfu.ru

The author us concept of epistemic responsibility of an industrial enterprise engineer. The situation of epistemic distrust substantiates the concept of epistemic responsibility in which the engineer is the expert. The definition of "epistemic" in relation to the word "responsibility" allows one to ask what are the characteristics of the knowledge that the engineer is guided by, substantiating decision-making. If the epistemic conditions of moral judgment have been studied for a long time, then the professional judgment of an engineer has a field of application that is not reducible to ethics, hence the interest in the stated topic. The author reveals some epistemological duties of an engineer in an emergency: the duty of due diligence and epistemological diligence. The general epistemological attitude of an engineer in an extreme situation is skepticism. An emergency as a completely unpredictable phenomenon can be accompanied by manifestations of agnosticism among engineers. The author argues that the role of anomalous evidence in establishing the truth is an epistemologically complex problem in the investigation of an emergency. In an emergency, the engineer's epistemological responsibility is to prevent self-deception and potentially inadvertent deception of others regarding the engineering solution; not mislead workers who do not have proper epistemological experience, and not allow them to make mistakes; take into account abnormal or seemingly questionable information and treat it appropriately.

Keywords: epistemic responsibility of an engineer, epistemic zeal, duty of due diligence, emergency, anomalous information

Инженерное дело без сомнения можно анализировать в его эпистемологической структуре при всей очевидной не строгости этой структуры. Если эпистемические условия морального суждения исследуются достаточно давно [Rudy-Hiller, 2022, web], то профессиональное суждение инженера имеет несводимую к этике область применения, отсюда наш интерес к заявленной теме. Понятие «ответственность» в названии статьи открывает пространство нормативного [Chomsky 1967; Bellamy 2015]. Представление об эпистемологии как о нормативной дисциплине [Zagzebski 2012] позволяет предположить, как можно использовать имеющиеся теоретические

инструменты для размышлений об обоснованности действий инженера. Интуитивно эти действия описываются в деонтологическом ракурсе [Chrisman 2015].

Понятие «эпистемическая ответственность» использовалось в политическом дискурсе в отношении ученых [Russell 1960], военных [Kornblith 1983] и политиков [Hayward 2019]. Определение «эпистемическая» применительно к слову «ответственность» позволяет задать вопрос, каковы характеристики тех знаний, которыми инженер обосновывает принятие решений. Эпистемическая ответственность связана с моральной ответственностью и наоборот, инженеры, которым вменяют моральную ответственность за личные действия, принимают решения в условиях эпистемической ответственности [Ignatova 2020]. Поиск основания применяемых знаний является обязательным требованием к профессиональной компетентности инженеров [Coady 2017; Davis 2019].

Общей эпистемологической установкой инженера в чрезвычайной ситуации выступает скептицизм. Скептицизм предполагает не только разумное сомнение относительно надежности и достоверности полученных официальных сведений или показаний очевидцев, но четкое понимание ограниченности когнитивных возможностей, подкрепленных показаниями приборов. Руководствуясь опытом и общими выводами о характере сбора первичной информации, инженер обязан избегать безоговорочного доверия к официальным источникам или рассказам очевидцев. Возникает вопрос, каковы условия скептического отношения, если инженер стремится быть независимым в своих суждениях. Инженеры, исследующие чрезвычайную ситуацию, должны быть критичными и честными при обращении с доказательствами, но их ответственность в этом случае распространяется только на вопросы в пределах назначенной области исследования. Следует подчеркнуть, что крайностей скептицизма следует избегать не меньше, чем проявлений абсолютной веры в авторитетное суждение.

Чрезвычайная ситуация как абсолютно непредсказуемый феномен может сопровождаться проявлениями агностицизма среди инженеров. Но агностицизм как отказ от необходимости и обязанности знать истину свидетельствует о непрофессионализме. Кроме того, инженер может быть не осведомлен о некоторых обстоятельствах чрезвычайной ситуации в связи с недостоверностью показаний очевидцев или приборов, что также может быть истолковано как агностицизм. Первая эпистемическая обязанность инженера следует из необходимости избегать заключений и оценок, основанных на неосведомленности или дезинформации. Для инженера стараться избегать высказывания, выходящего за рамки его компетенции, не только означает молчать по определенным вопросам, но верить, что молчание, по существу, не означает молчаливое согласие с необоснованным противоречивым и, возможно, ложным решением. Отсюда инженер обязан не допустить самообмана и, следовательно, потенциально непреднамеренного обмана других работников в отношении характера контекста, относительно которого, вероятно, будет применяться нормативная рекомендация. Как минимум, это влечет за собой осторожность при обсуждении этических последствий такого решения. Оценка некоторых существенных характеристик ситуации может быть эпистемологически необоснованной.

Предлагаемый нами аргумент заключается в том, что у инженера существует обязанность защищать других от заблуждения. Можно осмысленно заниматься оценкой эпистемической основы притязаний на знания вне своих полномочий относительно конкретной эмпирической экспертизы. Нужно не только не обманывать себя, заявляя, что при изучении данных чрезвычайной ситуации инженер может оставаться агностиком, но и не вводить в заблуждение или обманывать других. Инженер обязан сделать так, чтобы не имеющие достаточного когнитивного опыта люди не заблуждались относительно обоснованности собственных действий. Более того, при определенных

обстоятельствах инженер обязан проверять, не были ли другие работники введены в заблуждение. Для этого не нужно приводить теоретические знания по существенным вопросам, но просто оценивать утверждения, в которых претензии на знание истины становятся общественным достоянием. Инженер обязан проверять такие утверждения 1) на наличие внутренних противоречий или методологических несоответствий, 2) на внешнюю согласованность подобных утверждений с соответствующими теориями.

Попытки инженера защитить подчиненных или руководителей от недостоверной информации иногда могут быть серьезно затруднены. Отсюда становится очевидной еще одна эпистемическая обязанность инженера рассматривать должным образом кажущуюся сомнительной информацию. Попытки инженера представить надежные доказательства могут столкнуться с ложью и фальсификацией данных. В этом случае его действия выходят за пределы обычной экспертной деятельности.

Технологическое решение иногда принимается на основании не достоверных или фальсифицированных знаний. В этих обстоятельствах эпистемическая обязанность инженера состоит не только в защите от ошибочного принятия ложного утверждения, но и в исправлении широко распространившегося ложного утверждения. Несмотря на то, что любой компетентный специалист способен определить предвзятость, ошибочность или ложность высказанного суждения, может потребоваться значительный опыт для разработки альтернативной гипотезы. Еще одна обязанность инженера – не рекомендовать действий, которые причиняют ненужный, неоправданный и предотвратимый вред. Предполагая, что инженер никогда не будет наносить вред преднамеренно, должная осмотрительность заключается в том, чтобы избегать спонтанных, неорганизованных или не просчитанных действий других. Сложность заключается в том, что эпистемическая ответственность требует взгляда, более наполненного нюансами [Nickles 2015]. Вместе с тем, ответственность в рамках профессиональной роли не полностью согласуется с реальностью многочисленных сложных ролей, выполняемых инженером [Mitcham 2000; Mitcham 2017]. Поэтому привлечение конкретного человека к ответственности за выполняемую им роль чаще всего неосуществимо.

Иногда для расследования чрезвычайной ситуации приглашают внешних экспертов. Если размышлять о природе идеального расследования чрезвычайной ситуации, то можно прийти к выводу о наличии парадоксальных требований [Pigden 2016]. Расследование чрезвычайной ситуации служит общественным интересам, но какими бы благородными эти цели ни были, их выполнение обязательно требует некоторой секретности. Возникает внутренняя напряженность, поскольку в общественных интересах некоторые виды знаний не могут быть обнародованы. Поэтому необходимы различные процедуры для предотвращения злоупотреблений секретностью и привилегиями. Но хотя механизмы профессионального и общественного контроля в принципе возможны, их эффективность может быть на практике ограничена. Здесь всегда возникает следующий вопрос, обладает ли эпистемологической ценностью информация, получаемая с помощью обмана, мошенничества, промышленного шпионажа, может ли она быть надежной.

Идея «идеального расследователя» парадоксальна, поскольку «идеальным расследователем», по сути, выступает человек, способный обмануть. Проблема не в том, что приглашенные эксперты могут быть двойными агентами, а в том, что вся организационная инфраструктура подобных операций должна поддерживать убедительный обман. Даже если эксперты отбираются на основе честности и добросовестности, возникает проблема публичного обмана инженерного сообщества. Инженеры могут быть правдивыми в конфиденциальных отчетах, которые они передают лицам, принимающим решения, но кто может проверить, что последние также

скрупулезны? очевидно, что эпистемическое усердие эксперта извне не может гарантировать полную защиту от тех, кто может быть настроен на использование непрозрачности системы.

Эпистемически сложной проблемой при расследовании чрезвычайной ситуации следует назвать аномальное доказательство в установлении истины. Инженерная практика строится таким образом, что здравый смысл подсказывает инженеру отбрасывать аномальные доказательства. Простая идентификация аномалии сама по себе, вероятно, будет ограничена значимостью факта, так как в чрезвычайных ситуациях аномалии встречаются регулярно. Рациональность этого подхода связана с презумпцией, что аномалия может быть вызвана некоторыми ошибками, а не фундаментальным недостатком верифицируемой гипотезы. Было бы наивно с точки зрения рациональности предполагать, что простая идентификация аномалии фальсифицирует основную гипотезу или достаточна для ее опровержения [Chinn 1993]. Рациональность конкретного ответа в конкретной ситуации является в значительной степени вопросом профессионального суждения.

В чрезвычайных ситуациях эпистемически осторожные высказывания встречаются редко. Иногда сложные ситуации, вызывающие тяжелые последствия, оцениваются без должной осмотрительности и делается необоснованный, опрометчивый вывод о чьей-то вине. Очевидно, инженер в условиях административного давления или корыстной заинтересованности в фальсификации доказательств вправе задуматься об обстоятельствах выдвижения альтернативных гипотез. Инженер может и должен использовать должную эпистемическую осмотрительность в отношении высказываемых предположений. Это подразумевает принятие надлежащих мер для обеспечения того, чтобы источники, на которые он опирается, не были ложными или фальсифицированными из-за влияния внешних для исследуемой чрезвычайной ситуации факторов.

Список литературы

1. Bellamy 2015 – Bellamy A. The responsibility to protect. Cambridge, Polity Press. 2015. P. 35-64.
2. Chinn 1993 – Chinn C. A., Brewer W. F. The role of anomalous data in knowledge acquisition: a theoretical framework and implications for science instruction // Review of Educational Research. 1993. Vol. 63. No 1. P.1-49.
3. Chomsky 1967 – Chomsky N. The Responsibility of intellectuals // New York review of books, 1967. Retrieved 13 December 2009.
4. Chrisman 2015 – Chrisman M. The meaning of 'ought': beyond descriptivism and expressivism in metaethics. Oxford: Oxford Univ. Press. 2015.
5. Coady 2017 – Coady D. Applied epistemology in a companion to applied philosophy, ed. K Lippert-Rasmussen et al. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons. 2017.
6. Davis 2019 – Davis M. Engineering as Profession: some methodological Problems in its Study // Engineering Identities, Epistemologies and Values. Philosophy of Engineering and Technology ed. Christensen S., Didier C et al. Springer: Cham. 2019. Vol. 21. P. 65-79.
7. Hayward 2019 – Hayward T. Three duties of epistemic diligence // Journal of Social Philosophy. 2019. Vol. 50. No. 4. P. 536-561.
8. Ignatova, 2020, web – Ignatova N. Epistemic responsibility of industrial enterprise engineer // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Vol. 966. 1: 012118. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/966/1/012118> (дата обращения 20.03.2023).

9. Kornblith 1983 – Kornblith H. Justified belief and epistemically responsible action // Philosophy Review. 1983. Vol. 92. P. 33-48.
10. Mitcham 2000 – Mitcham C., Von Schomberg R. The ethics of engineers: From occupational role responsibility to public co-responsibility /The empirical turn in the philosophy of technology, ed. P. Kroes, A. Meyer. JAI. 2000. P. 167-189.
11. Mitcham 2017 – Mitcham C., Mackey R. Comparing Approaches to the Philosophy of Engineering: including the linguistic philosophical Approach // Philosophy and Engineering: Philosophy of Engineering and Technology, ed. I .Poel, D. Goldberg. Springer: Dordrecht. 2017. Vol. 2. P. 49-59.
12. Nickles 2015 – Nickles T. Heuristic appraisal at the frontier of research / Heuristic reasoning, ed. E. Ippoliti. Berlin: Springer. 2015. P. 57-88.
13. Pigden 2016 – Pigden C. Are conspiracy Theorists epistemically vicious? / A Companion to applied Philosophy, ed. K Rasmussen, K. Brownlee et al. London: John Wiley & Son, 2016. P. 120-132.
14. Rudy-Hiller, 2022, web – Rudy-Hiller F. The Epistemic Condition for Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2022. E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/moral-responsibility-epistemic/> (дата обращения 20.03.2023).
15. Russell 1960 – Russell B. The social responsibilities of scientists // Science. 1960. Vol. 131. No 3398. P. 391-392.
16. Zagzebski 2012 – Zagzebski L. Epistemic authority: a theory of trust, authority, and autonomy in belief. Oxford: Oxford Univ. Press. 2012.

УДК 340

ЦИФРОВОЙ СУБЪЕКТ: ФИЛОСОФСКОЕ И ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Куликова Яна Алексеевна

Аспирант I курса юридического факультета

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

*Руководитель организационно-правового направления юридической клиники,
научный сотрудник*

Ивановский государственный университет

E-mail: serova-y@mail.ru

Цифровая трансформация в нашем современном обществе имеет глубокие философские и правовые последствия, особенно в контексте возникновения цифрового субъекта - нового типа индивида, существующего в цифровой среде. В данной научной статье предлагается междисциплинарный подход к изучению цифрового субъекта, рассматривая его как философское и правовое явление.

Философское измерение цифрового субъекта исследует его сущность, идентичность и место в цифровом мире. Оно анализирует влияние цифровых технологий на понимание себя и мира, а также на формирование цифровой культуры и цифровой этики.

Правовое измерение цифрового субъекта рассматривает вопросы защиты прав и свобод цифровых пользователей, разработки правовых норм и политик, регулирующих цифровую сферу, и баланса между индивидуальными правами и интересами общества в цифровой эпохе.

Основываясь на анализе философского и правового измерений цифрового субъекта, статья предлагает интегративный подход к пониманию цифрового субъекта как сложного явления, требующего учета его философских, правовых, этических и социальных аспектов.

В статье подчеркивается важность интеграции философского и правового подходов в изучении цифрового субъекта, и призывает к дальнейшим исследованиям и обсуждениям этой актуальной темы в контексте цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровой субъект, правосубъектность, традиционный субъект, цифровая трансформация, цифровая идентичность, персональные данные, конфиденциальность

DIGITAL SUBJECT: PHILOSOPHICAL AND LEGAL INTERPRETATION IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

Kulikova Yana Alekseevna

First-year PhD student at the Faculty of Law

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Head of the Organizational and Legal Direction of the Legal Clinic, Researcher

Ivanovo State University

E-mail: serova-y@mail.ru

Digital transformation in our modern society has profound philosophical and legal implications, particularly in the context of the emergence of the digital subject - a new type of individual existing in the digital environment. This interdisciplinary article proposes an approach to studying the digital subject, considering it as a philosophical and legal phenomenon. The philosophical dimension of the digital subject explores its essence, identity, and place in the digital world. It analyzes the influence of digital technologies on self-understanding and the world, as well as the formation of digital culture and digital ethics. The legal dimension of the digital subject considers issues of protection of rights and freedoms of digital users, development of legal norms and policies regulating the digital sphere, and the balance between individual rights and societal interests in the digital era. Based on the analysis of the philosophical and legal dimensions of the digital subject, the article proposes an integrative approach to understanding the digital subject as a complex phenomenon that requires consideration of its philosophical, legal, ethical, and social aspects. The article emphasizes the importance of integrating philosophical and legal approaches in the study of the digital subject and calls for further research and discussions on this timely topic in the context of the digital era.

Keywords: digital subject, legal subjectivity, traditional subject, digital transformation, digital identity, personal data, confidentiality

Цифровая трансформация современного общества приводит к возникновению новых явлений и концепций, одной из которых является цифровой субъект.

Вопросы цифрового права и правового статуса цифровых субъектов имеют междисциплинарный характер, охватывая не только правовые, но и философские, этические, социальные и технические аспекты. Для полного понимания этой темы требуется комплексный подход и взаимодействие между различными дисциплинами и экспертами.

Философская концепция цифрового субъекта исследует его роль и место в современном обществе, его взаимодействие с другими субъектами и технологиями, а также его влияние на человеческую природу и смысл жизни. Влияние информационных технологий на социокультурное пространство жизни этносов, народов, культур и государств неоднократно рассматривалось в научных исследованиях таких ученых, как М. Кастельс, Ю. Лотман, Ю. Хабермас, Э. Тоффлер, Д. Бэлл, В. Межуев, М. Порат, Р. Катц и др. Однако таких глобальных изменений внутри социальных систем ученые прогнозировать не могли: в их трудах не оказалось места описанию тенденций формирования сетевой культуры и сетевого общества, технологий больших данных, смарт-контрактов, блокчейн и других достижений цифровой культуры, а также, в частности, цифрового субъекта [Леонтенкова 2021, с.170].

Одним из ключевых аспектов философского осмысления цифрового субъекта является его связь с понятием "цифровой идентичности". Цифровая идентичность – это

совокупность данных, описывающих цифрового субъекта, его личные данные, активности в цифровом пространстве и т. д. Философский вопрос заключается в том, как цифровая идентичность влияет на самосознание, самоопределение и автономию цифрового субъекта. Некоторые авторы считают, что цифровая идентичность может приводить к утрате автономии и вмешательству в личную жизнь цифрового субъекта [Кондаков 2019, с. 207]. В то же время, другие авторы утверждают, что цифровая идентичность может способствовать формированию новых форм самоопределения и социального взаимодействия [Устьянцев 2019, с. 39].

Философская концепция цифрового субъекта также затрагивает вопросы его взаимодействия с другими субъектами технологиями. Одним из важных аспектов здесь является этика цифрового взаимодействия. Цифровые технологии обеспечивают новые формы общения, сотрудничества и взаимодействия между людьми и организациями, однако они также создают новые этические вызовы. Например, вопросы конфиденциальности, защиты данных, кибербезопасности и этики использования искусственного интеллекта становятся особенно актуальными в контексте цифрового субъекта. Философская рефлексия на эти вопросы позволяет размышлять о том, как цифровой субъект должен взаимодействовать с другими субъектами и технологиями, учитывая моральные и этические нормы.

Помимо философского аспекта, цифровой субъект также имеет важное правовое измерение. Правовая концепция цифрового субъекта рассматривает его статус, права, обязанности и риски в контексте существующего правового регулирования.

Одним из ключевых аспектов правового статуса цифрового субъекта является вопрос его правовой компетентности. Правовая компетентность цифрового субъекта определяет его способность обладать правами и выполнять обязанности в цифровом пространстве. Однако, вопросы правовой компетентности цифрового субъекта остаются сложными и до сих пор вызывают дискуссии среди правоведов.

Некоторые авторы считают, что цифровой субъект, будучи результатом взаимодействия человека с цифровыми технологиями, должен обладать полной правовой компетентностью и быть признан полноправным субъектом правовых отношений. Они аргументируют это тем, что цифровой субъект имеет способность действовать, создавать контент, осуществлять сделки и взаимодействовать с другими субъектами в цифровом пространстве [Пучков 2019, с. 6]. Однако, другие авторы высказывают опасения относительно полной правовой компетентности (правосубъектности) цифрового субъекта, указывая на то, что он может быть неполноценным субъектом, созданным и контролируемым технологиями, и не обладающим полными правами и обязанностями, как человек [Минаева 2022, с. 4].

Проанализировав имеющиеся точки зрения по этому вопросу можно выделить следующее определение: «Цифровая правосубъектность — это специфическая (реализуемая во всех случаях посредством использования цифровых технологий) способность физического лица быть субъектом цифрового права, включающая в себя цифровую правоспособность, цифровую дееспособность и цифровую деликтоспособность [Минаева 2022, с. 4].

Правосубъектность цифрового субъекта отражает способность индивида осознавать и контролировать свое волевое поведение в рамках правовой системы. Цифровые субъекты, также как и традиционные субъекты, могут обладать правосубъектностью. Они имеют возможность осознанно принимать решения относительно своего цифрового поведения, определять свои настройки приватности, управлять доступом к своим персональным данным и контролировать использование своей цифровой личности.

Однако, наличие правосубъектности у цифровых субъектов может сталкиваться с рядом особенностей.

Во-первых, цифровые субъекты могут быть подвержены воздействию алгоритмов, искусственного интеллекта и автоматизированных процессов, что может ограничить их способность осознанно принимать решения и контролировать свою волю. Например, рекомендательные алгоритмы социальных сетей могут влиять на предпочтения и поведение цифровых субъектов, что может снизить их автономию и свободу воли.

Во-вторых, цифровые субъекты могут столкнуться с проблемами в области защиты персональных данных, конфиденциальности и безопасности. В современном цифровом мире, где множество данных хранится и передается в электронной форме, возникают риски несанкционированного доступа, утечек данных и нарушения конфиденциальности. Это может влиять на способность цифровых субъектов контролировать свои персональные данные и воздействовать на использование своей цифровой личности.

Также важным аспектом правового статуса цифрового субъекта является защита его прав и интересов в цифровом пространстве. Вопросы конфиденциальности, защиты данных, права на личную жизнь и свободу выражения становятся особенно актуальными в контексте цифрового субъекта. Однако, существующее правовое регулирование в области цифровых технологий и цифровых прав до сих пор остается неоднозначным и вызывает дискуссии.

Свобода выражения, как одно из основных прав человека, является важным аспектом правовой компетентности цифрового субъекта. Однако, в свете распространения фейковых новостей, дезинформации и цензуры в цифровом пространстве, возникают вопросы ограничения свободы выражения и доступа к информации для цифровых субъектов [Самородова 2021, с. 42]. Для решения этих вопросов требуется разработка соответствующих правовых механизмов, которые обеспечат защиту прав цифровых субъектов на свободное выражение и доступ к информации, с учетом особенностей цифрового пространства.

Важное международное регулирование в области защиты личных данных - это Общий регламент Европейского Союза о защите данных (GDPR), который вступил в силу в 2018 году. GDPR устанавливает общие принципы защиты данных, права субъектов данных и обязанности организаций, собирающих и обрабатывающих персональные данные. Он также предусматривает высокие штрафы за нарушение его положений, что подчеркивает важность защиты личных данных цифровых субъектов [Regulation 2016].

В России также существует регулирование в области защиты персональных данных, включая Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». Он устанавливает правила сбора, хранения и обработки персональных данных, а также права и обязанности субъектов данных и операторов, обрабатывающих персональные данные. Однако, вопросы эффективности и соблюдения этого закона остаются предметом обсуждения и дебатов в Российской Федерации [Федеральный закон 2006].

Помимо защиты личных данных, правовой статус цифрового субъекта также включает вопросы авторского права и интеллектуальной собственности. Цифровые технологии предоставляют возможности для создания, распространения и использования контента в цифровой форме. Однако это также создает сложности в определении авторства, защите авторских прав и регулировании цифрового контента.

Авторские права и интеллектуальная собственность в цифровом пространстве требуют разработки соответствующих правовых механизмов, которые учитывают особенности цифровых технологий. Неконтролируемое распространение контента

в цифровой среде может привести к нарушению авторских прав и ущербу для авторов и правообладателей. Поэтому вопросы авторского права и интеллектуальной собственности также становятся важным аспектом правового статуса цифрового субъекта.

В данной области существует много различных точек зрения и подходов. Некоторые авторы подчеркивают необходимость баланса между защитой авторских прав и свободой доступа к информации в цифровой среде [Коляса 2021, с. 171]. Другие авторы отмечают важность разработки новых правовых механизмов, которые учитывают особенности цифровых технологий и позволяют эффективно защищать авторские права в цифровом пространстве [Бойков 2021, с. 150].

Таким образом, сравнительный анализ цифрового субъекта и традиционного субъекта позволяет выявить ряд сходств и различий, и позволяет возможным дать следующее определение цифрового субъекта — это индивид или организация, которые взаимодействуют в цифровом пространстве, оставляя за собой электронные следы в виде личных данных, действий в социальных сетях, поисковых запросов и других цифровых активностей.

Многочисленные исследования и публикации отечественных и зарубежных авторов подчеркивают важность правового регулирования цифровых субъектов и необходимость разработки новых правовых механизмов, которые учитывают особенности цифровых технологий и гарантируют защиту прав и интересов цифровых субъектов.

Список литературы

1. Бойков 2021 - Бойков В. А. Авторское право в эпоху развития цифровых технологий / В. А. Бойков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-2(61). С. 150-152.
2. Коляса 2021 - Коляса В. С. Авторское право и цифровизация в Российской Федерации - актуальные механизмы защиты авторских прав в цифровой среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 171-175.
3. Кондаков 2019 - Кондаков А. М. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207-218.
4. Леонтенкова 2021 - Леонтенкова Е. А. Право и этнокультурная идентичность в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2(54). С. 170-176.
5. Минаева 2022 - Минаева А. И. Правосубъектность индивидуальных субъектов права в условиях развития цифровых технологий // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 4-8.
6. Пучков 2019 - Пучков О. А. Идентификация субъектов в цифровом пространстве: несколько правовых проблем // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1(20). С. 6-9.
7. Самородова 2021 - Самородова Э. В. К вопросу о противодействии фейковым новостям в цифровом пространстве // Меди@льманах. 2021. № 6(107). С. 42-52.
8. Устьянцев 2019 - Устьянцев Н. Г. Становление множественной идентичности в цифровой среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 1. С. 39-42.

9. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. ст. 3452.
10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>.

УДК 316.423.2

СПИРАЛЬНАЯ ДИНАМИКА КАК МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА

Куртов Сергей Юрьевич
Аспирант

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
E-mail: KurtovSY@yandex.ru

Обоснована необходимость разработки интегральной модели для описания, объяснения и предсказания магистральной траектории развития человечества в современных условиях VUCA-мира. Описаны цели, принципы и научные основания теории спиральной динамики Криса Кована и Дона Бека. Представлена многоуровневая концептуальная модель социокультурного развития на основе последовательной смены доминирующих ценностных мемов, ориентированных на индивидуальные или социальные ценности. Подчеркивается диалектический характер исторического развития систем ценностей. Раскрыт внутренний механизм постепенного перехода от старой парадигмы мышления к новой под действием изменений внешних условий жизни. Выявлены общие тенденции социокультурной эволюции в процессе восхождения по спирали. Рассмотрены направления практического применения спиральной динамики на микро- и макроуровне социальной системы для управления процессом коэволюции человека и общества. Обозначена роль спиральной динамики в формировании парадигмы мышления лидеров нового типа, которые выступают носителями зарождающихся ценностей и агентами изменений в обществе. Отмечено, что спиральная динамика является методологической основой трансформации бизнес-структур в так называемые «бирюзовые организации». Рассмотрены характерные особенности бирюзовых организаций. Приводятся примеры практического применения спиральной динамики в социальной сфере и геополитике.

Ключевые слова: спиральная динамика, социокультурная эволюция, парадигма мышления, система ценностей, лидерство, бирюзовые организации

SPIRAL DYNAMICS AS A MODEL OF DEVELOPMENT AND METHODOLOGY FOR THE TRANSFORMATION OF SOCIETY

Kurtov Sergei Yurievich
Graduate student

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»
E-mail: KurtovSY@yandex.ru

The necessity of creating an integral model to describe, explain and predict the mainline trajectory of human development in the modern conditions of the VUCA-world is substantiated. The goals, principles and scientific foundations of Chris Cowan's and Don Beck's theory of spiral dynamics are described. The multi-level conceptual model of socio-cultural development based on the successive change of dominant value memes focused on individual or social values is presented. The dialectical nature of the historical development of value systems is emphasized. The internal mechanism of the gradual transition from the old paradigm of thinking to a new one under

the influence of changing external conditions of life is revealed. The general tendencies of socio-cultural evolution in the process of spiral ascent are revealed. The directions of practical application of spiral dynamics at micro- and macrolevel of social system to manage the process of coevolution of man and society are considered. The role of spiral dynamics in the formation of the paradigm of thinking of a new type leaders, who act as transmitters of emerging values and agents of future changes in society. It is noted that the spiral dynamics is the methodological basis for the transformation of business structures into the so-called "teal organizations". The characteristic features of teal organizations are considered. Examples of practical application of spiral dynamics in the social sphere and geopolitics are given.

Keywords: spiral dynamics, sociocultural evolution, thinking paradigm, value system, leadership, teal organizations

Уникальность индивидуального мировоззрения, имманентно присущая природе человека, порождает многообразие типов мышления и противоречие систем ценностей в обществе. Возрастание сложности социальных систем и непрерывное ускорение темпа социокультурных изменений приводят человечество в состояние динамического хаоса на грани бифуркации или «моментального скачка» [Бек 2010, с. 34, 38]. Современный нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный VUCA-мир требует разработки интегральной модели, которая позволила бы объяснить, описать и предсказать магистральную траекторию развития человечества. Поэтому разработка универсального «мастер-кода» развития человечества, который призван обеспечить устойчивую направленную коэволюцию социокультурных систем, стала главной целью концепции спиральной динамики Криса Кована и Дона Бека [Бек 2019, с. 16].

Спиральная динамика – это междисциплинарная социально-эволюционная теория развития, представленная как исторический процесс последовательной смены доминирующих систем ценностей. В основе спиральной динамики лежит «теория эмерджентных циклических уровней существования», разработанная американским психологом Клером Грейвзом. Интегральная психологическая теория Грейвза описывает спиральное развитие биопсихосоциальных систем как бесконечный иерархический процесс последовательного преобладания общественно-альтруистичного или индивидуально-эгоистичного начала, детерминирующего поведение взрослых людей [Евстигнеев 2022, с. 35]; [Hurlbut 1979, с. 26].

Согласно Ричарду Докинзу и Эриху Янчу в социокультурных системах горизонтальная эволюция на основе коммуникаций доминирует над вертикальной генетической эволюцией за счет ускорения периода эволюционных изменений от поколений до минут и секунд [Jantsch 1980, с. 14-15]; [Докинз 2013, с. 258]. Поэтому в качестве элементарных единиц передачи и распространения социокультурной информации Кован и Бек рассматривают «мемы» Ричарда Докинза, которые формируют целостные парадигмы мышления или метамемы, получившие в спиральной динамике название «ценностных мемов (цМем)». Ценностные мемы представляют собой самоорганизующиеся аутопоэтические фрактальные структуры-аттракторы, которые притягивают и организуют отдельные мемы [Бек 2010, с. 55, 68]. Поэтому цМем представляет собой базовую систему ценностей, мировоззрение и организующий принцип, который пронизывает всю социокультурную систему и детерминирует поведение человека [Бек 2010, с. 19]; [Бек 2019, с. 23]. В спиральной динамике цМемы заменили эмерджентные циклические уровни существования Грейвза и стали обозначаться цветами.

На каждом конкретно-историческом этапе развития человечества в обществе представлены цМемы разных цветов и оттенков в различных соотношениях и сочетаниях. Восемь последовательно усложняющихся уровней спиральной динамики выражаются следующими базовыми цМемами с их приоритетными ценностями:

1. Бежевый цМем. Ориентация на базовые физиологические потребности для обеспечения выживания.
2. Фиолетовый цМем. Обеспечение родоплеменных связей.
3. Красный цМем. Самоутверждение и воля к власти.
4. Синий цМем. Поддержание иерархического авторитарного порядка.
5. Оранжевый цМем. Делегирование полномочий с ориентацией на процессуальность и прогресс.
6. Зеленый цМем. Эгалитарность и согласованность процессов.
7. Желтый цМем. Гибкость и интегративность сложных структур и процессов, основанных на знаниях.
8. Бирюзовый цМем. Холизм и многомерность потоковых процессов [Бек 2010, с. 20]; [Бек 2019, с. 62].

Двойная спираль развития представляет собой диалектическое единство внешней спирали условий жизни и внутренней спирали парадигмы мышления [Кузьмин 2018, с. 51]; [Иванова 2022, с. 88]. Спиральная динамика в неявной форме повторяет тезис Маркса о том, что общественное бытие определяет общественное сознание. Так, согласно Ковану и Беку условия жизни определяются сочетанием факторов времени, места, пространства и социальных обстоятельств [Бек 2019, с. 63-64]. Изменение условий жизни стимулирует развитие новых систем мышления, которые позволяют адаптироваться к более сложным внешним условиям. Согласно принципу кольцевой причинности рождение новой системы мышления, в свою очередь, способствуют дальнейшему изменению мира [Бек 2010, с. 50].

Спиральная форма развития иллюстрирует диалектический закон отрицания отрицания, согласно которому в результате борьбы противоположностей – «тезиса» и «антитезиса» – рождается «синтез», снимающий противоречие, который возвращает систему к исходной сущности, представленной в более совершенной форме [Гегель 2017, с. 39]; [Маркс 1961, с. 640-641]. «Тезис» первого этапа развития «Я выживаю» соответствует инстинктивному бежевому цМему. При осознании человеком необходимости групповых усилий для выживания зарождается тенденция возникновения социально ориентированной системы ценностей, которая соответствует фиолетовому цМему и выражается «антитезисом»: «Мы в безопасности». Новый образ мысли приводит к противоречию между интересами индивида и общества. Снятие противоречия между старой и новой парадигмой на этапе «синтеза» выражается в возникновении красного цМема с девизом «Я контролирую», суть которого заключается в том, что сильная личность организует иерархический порядок группы, сопряжённый с возникновением социального неравенства [Бек 2019, с. 22]. «Синтез» становится новым «тезисом» для дальнейшего восхождения по спирали путем постепенного снятия возникающих противоречий между новой и старой системой ценностей в изменяющихся условиях жизни.

цМемы совершают маятниковые колебания с нарастающей амплитудой между мировоззрениями, ориентированными на индивидуалистическое «самовыражение» и коллективистское «самопожертвование». Жизненный цикл цМемов включает последовательные фазы входа, пика и выхода, которые соответствуют диалектическим моментам возникновения и прехождения [Бек 2019, с. 67]. Согласно принципу историзма каждый последующий цМем аккумулирует в себе достижения предшествующих уровней развития и учитывает ошибки прошлого. Кован и Бек описывают переход от социального хаоса на первых витках спирали, когда дифференциация приводит к аномии, не создавая солидарности, к порядку на последних витках спирали, когда синергетическое объединение усилий в различных сферах общественной жизни направлено на поиск решений глобальных проблем человечества. Гармоничное

поступательное восхождение по спирали предполагает повышение сложности и нелинейности развития, которое проявляется в расширении психологического и концептуального пространства, увеличении числа альтернатив и степени свободы поведения [Бек 2019, с. 100].

Спиральная динамика – это не только описательная модель, но и холистическая методика социокультурного развития личности, организаций и человечества, которая предлагает широкий спектр инструментов и технологий для управления процессом коэволюции человека и общества [Бек 2019, с. 338].

Изучение спиральной динамики направлено на формирование мышления «мастеров спирали» – лидеров нового типа, внутренние системы ценностей которых позволяют действовать максимальной эффективно в изменяющихся внешних условиях жизни [Бек 2019, с. 324]. Постнеклассическое мышление лидеров нового типа соответствует эволюционно-синергетической парадигме. Мастера спирали способны выявлять возникающие тенденции, контролировать рождение новых цМемов и становиться их первыми носителями. Лидеры выступают агентами изменений в обществе и становятся медиаторами конфликтов между старыми и новыми цМемами. Лидеры нового типа нацелены на снятие противоречий путем синтеза, который обеспечит положительный результат всем участникам социокультурного процесса [Бек 2019, с. 157-159].

На основе института эффективного лидерства широкое распространение получает применение методов спиральной динамики для трансформации бизнес-структур в так называемые «бирюзовые организации» будущего. Характерными свойствами бирюзовых организаций являются эволюционная цель деятельности, высокий уровень корпоративной культуры на основе доверия, децентрализованное самоуправление на основе принципов холократии и минимальная горизонтальная структура из самоорганизующихся команд, ориентированных на функциональность и потоковые процессы [Иванова 2022, с. 89]; [Лалу 2016, с. 60].

Спиральная динамика в социальном измерении нашла применение в области реформирования религиозных организаций, систем образования и здравоохранения [Левкин 2012, с. 54]. В геополитическом аспекте методология спиральной динамики легла в основу программы мирной трансформации системы апартеида и разработки новой стратегии создания государства в ЮАР. С применением принципов спиральной динамики велась разработка дорожной карты по разрешению палестино-израильского конфликта через призму психологии больших масштабов. Спиральная динамика использовалась для оценки кризисных тенденций в странах Северной Европы и анализа сценариев развития ЕС с учетом актуальных проблем национализма, миграции, неравенства и изменения климата.

Таким образом, спиральная динамика представляет собой перспективный междисциплинарный подход к изучению социокультурной динамики на основе эволюции доминирующих систем ценностей, которые формируют парадигму мышления человека. Спиральная динамика дополняет абстрактные законы диалектики, раскрывая внутренний механизм развития социальных систем через последовательную смену индивидуалистического и коллективистского мировоззрения. Принципы спиральной динамики применяются как на микро-, так и на макроуровне социальных систем, что позволяет использовать их для разработки интегральной программы устойчивой направленной коэволюции человека, организации и социума.

Список литературы

1. Бек 2010 – Бек, Д. Спиральная динамика: управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. - Санкт-Петербург: Бест Бизнес Букс, 2010. 419 с.

2. Бек 2019 – Бек Д., Ларсен Т., Солонин С. и др. Спиральная динамика на практике: Модель развития личности, организации и человечества. Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2019. 382 с.
3. Гегель 2017 – Гегель. Наука логики. Том I. Объективная логика [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. — Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
4. Докинз 2013 – Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, CORPUS, 2013 г. 512 с.
5. Евстигнеев 2022 – Евстигнеев Р. А. Международные отношения и мировая политика в XXI веке сквозь призму интегральной метатеории: парадоксы современности и образ будущего: дис. ...канд. полит. наук 5.5.4 / Евстигнеев Р. А. – СПб., 2022. 147 с.
6. Иванова 2022 – Иванова И.А., Бардина А.С. Спиральная динамика как модель развития организации // Транспортное дело России. 2022. №2. С. 88-90.
7. Кузьмин 2018 – Кузьмин А.М., Высоковская Е.А. Спиральная динамика. Методы менеджмента качества. 2018. № 8. С. 51.
8. Лалу 2016 – Лалу, Ф. Открывая организации будущего. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 432 с.
9. Левкин 2012 – Левкин Н.В. Типология социально-экономических систем с позиций интегральной психологии: сила идей и образов // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2012. №4 (39). С. 48-54.
10. Маркс 1961 – Маркс К., Энгельс. Ф. Сочинения. Том 20. Москва 1961 г. 828 с.
11. Hurlbut 1979 – Hurlbut M.A. Clare W. Graves' Levels of Psychological Existence: A Test Design. Doctor of Philosophy (Higher Education). Denton, Texas. 1979. 248 pp.
12. Jantsch 1980 – Jantsch E. THE SELF-ORGANIZING UNIVERSE. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. – Pergamon Press. 1980. 343 с.

УДК 1:316

ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Латыпова Айгуль Робертовна

*Соискатель кафедры философии и культурологии
факультета философии и социологии
Уфимский университет науки и технологий
E-mail: latar1979@gmail.com*

Лукьянов Аркадий Викторович

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии
факультета философии и социологии
Уфимский университет науки и технологий
E-mail: pushkarewa2@mail.ru*

Современное общество отличается борьбой людей за «свое взаимное признание». Но гибель человека отрицает всякое признание. Гражданское общество оппозиционно «естественному состоянию», где люди существуют как единичные сущности. На насилии не может держаться государство и общество. Когда люди стремятся изменить систему нравственности и государственное устройство без того, чтобы «революцию произвести без реформации» (Гегель), то это безумие, поскольку образ мыслей эмпирика, который стремится ставить эмпирические опыты, эксперименты над социумом, есть образ мысли реакционера

(И.Г. Фихте). Но общественная жизнь не идет в разрез с принципом вечной справедливости (Платон). Философия и государственная власть призваны слиться воедино. Идея свободы есть «сама себя определяющая мысль» (Гегель). Социальная организация, ее процесс самоопределения, создает предпосылки для становления сословий с их различиями. Живая субстанция общества есть нравственность, основанная на доверии людей и их приверженности к культурным традициям. Именно это обстоятельство создает основу для устойчивого развития общества. Бесформенная жизнь есть основа для деградации общества. Исходя из всего сказанного, автор обосновывает ту мысль, что сам человек выступает основанием самоопределения общественных систем. Если духовная природа человеческого труда искажается, разрушается человечность труда, то уничтожается историческая, нравственная и социальная память народа. Реформация, призванная поддержать нравственную память, должна разрастаться до духовной революции, которая предотвращает усиление роли денег в обществе, т.е. живой труд есть предпосылка возрождения страны, этот труд связан с усилением нравственного начала в жизни, с образованием и культурой человека.

Ключевые слова: современное общество, идея «взаимного признания», реформация, революция, философия и государственная власть, предельные основания самоорганизации общества, нравственная и социальная память

MODERN SOCIETY: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION

Latypova Aigul Robertovna

Candidate of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Philosophy and Sociology

Ufa University of Science and Technology

E-mail: latar1979@gmail.com

Lukyanov Arkadiy Viktorovich

Doctor in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Philosophy and Sociology

Ufa University of Science and Technology

E-mail: pushkarewa2@mail.ru

Modern society is distinguished by the struggle of people for "their mutual recognition". But the death of a man denies any recognition. Civil society is opposed to the "natural state", where people exist as single entities. The state and society cannot rely on violence. When people seek to change the system of morality and the state structure without "making a revolution without reformation" (Hegel), this is madness, because the way of thinking of an empiricist who seeks to conduct empirical experiments, experiments on society, is the way of thinking of a reactionary (I.G. Fichte). But social life does not go against the principle of eternal justice (Plato). Philosophy and state power are called to merge together. The idea of freedom is a "self-defining thought" (Hegel). Social organization, its process of self-determination, creates prerequisites for the formation of estates with their differences. The living substance of society is morality based on people's trust and their commitment to cultural traditions. It is this circumstance that creates the basis for the sustainable development of society. Formless life is the basis for the degradation of society. Based on all that has been said, the author substantiates the idea that man himself is the basis for the self-determination of social systems. If the spiritual nature of human labor is distorted, the humanity of labor is destroyed, then the historical, moral and social memory of the people is destroyed. The reformation, designed to support moral memory, should grow to a spiritual revolution, which prevents the strengthening of the role of money in society, i.e. living work is a prerequisite for the revival of the country, this work is associated with the strengthening of the moral principle in life, with the education and culture of a person.

Keywords: modern society, the idea of "mutual recognition", reformation, revolution, philosophy and state power, the ultimate foundations of self-organization of society, moral and social memory

В современной отечественной литературе анализируется вопрос о дальнейших путях развития российского общества. Одни авторы отстаивают мысль о воспроизводстве социалистической модели развития и опираются на слова Ф. Энгельса о том, что «мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведём свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также от Канта, Фихте и Гегеля» [Маркс, Энгельс 1958, с. 323].

Немецкая классическая философия действительно ввела в обоснование социалистической традиции много новых моментов, которые сохраняют свою актуальность и сегодня [Лукьянов 2022, с. 71]. Так, Г. В. Ф. Гегель развивает ту мысль, согласно которой, «если из двух людей, борющихся друг с другом за своё взаимное признание, хотя бы один погибает, то никакого признания не осуществляется, – тогда оставшихся в живых столь же мало, как и мертвый, существует в качестве признанного» [Гегель 1977, с. 242]. Цивилизация не может погибнуть, если она исходит из духовного основания. Невозможно навязывать другой цивилизации свои принципы, преуменьшать степень ответственности за судьбы других людей.

Борьба за признание, доведённая до своей крайней формы, характерна для «естественного состояния, когда «люди существуют только как единичные существа» [Гегель 1977, с. 242]. Однако понятие «единичности» не характеризует общество, общество есть форма взаимопонимания людей. Государство и общество не должны поглощать друг друга. Невозможно изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии – революцию произвести без реформации, – вообразить, что наряду со старой религией и её святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней, противоположное ей государственное устройство» [Гегель 1977, с. 377-378].

Реформация, которую осуществил в Германии М. Лютер затронула, как известно, существенные стороны жизни общества. Лютер обратился ко всем слоям общества, не исключая и дворянство. Он попытался возвыситься над всеми классовыми противоположностями. Поэтому в деле Реформации были сдвинуты акценты с противоположности между дворянством, образованными классами, к народу, т.е. Лютер непосредственно апеллировал к последнему или предельному основанию нации, к ее духовной конституции.

Немцы, как известно, народ, не лишенный пунктуальности и стремления к схематизму, к созданию философских систем и системок. Россияне, напротив, отличаются от всех других наций, своей философией любви, не знающей пределов. Русские, их духовная конституция отличаются своим «соборным» сознанием, поиском «софийности» и «святой телесности», а также «героическим подвижничеством» [Лосев 1991, с. 511-514]. Это «подвижничество» проявляется в русской художественной литературе и музыке, в изобразительном творчестве и архитектуре. Наши философы и литераторы создали, по существу, новый нравственный дух, который так важен для развития социальных, духовных и экономических отношений.

Но сегодня усилился рост технократизма. «Нам предстоит изучать новые феномены, парадоксы эпохи, например: повышение риска изменения соотношения глобального и локального, усиление процесса социального и духовного выгорания человека в условиях капитализма, рост терроризма вместо ожидавшегося мира» [Лукьянов 2022, с. 72].

В данном отношении И.Г. Фихте отличает понятие «действительности» от эмпирической реальности. Тем не менее, сторонники эмпирических опытов и максим, стремятся проложить своеобразный мост, связывающий эмпирический и трансцендентальный миры. Но тот, кто идёт к добру через зло, тот безбожник». [Бур, Иррилиц 1978, с. 98].

Для того, чтобы мыслить эмпирический мир, достаточно «одного-единственного субъекта». Этим субъектом является отдельно взятый индивид или государство, «которое допускает, чтобы большинство людей становились рабами» [Fichte 1845 – 1846, s. 423]. Необходимо стремиться к обществу, где существует гармония различных «я».

В человеке много «Я», почти также как звезд на небе. Это – трансцендентальное «Я», духовное «Я», «абсолютное «Я», душевное «Я», телесное «Я», эстетическое «Я», «нравственное «Я», теоретическое «Я» и т.д. Например, абсолютное «Я» связано со стремлением человека к миру абсолютных, непреходящих ценностей. Это такие ценности, с которыми невозможно обменяться. Они представляют собой абсолютную, или универсальную ценность. В данном отношении телесное «Я», есть не то, что жестким образом связано с физическим телом человека. Телесность – это некая «универсальная чувственность» или духовность [Фейербах, 1937, с. 75]. Трудность осуществления социальной революции в интересах народа заключается в возрастании работы и образования в условиях социальных перемен.

Трансцендентальное «Я» не совпадает по своему смыслу с духовным и абсолютным «Я». Трансцендентальное сознание оказывается погруженным в глубину исторического опыта. Но трансцендентальное «Я» выходит за границы опыта. Но «раз только мы философствуем трансцендентально, а не трансцендентно, мы признаем, что это нами самими полагается, что эта сила полагается (для нас) через одно только бытие тела, а не то, чтобы через посредство самого тела и для него полагалось, что сила эта полагается» [Фихте, 1993, с. 275]. Тело безжизненно для нас, но телесность есть некое «артикулированное» чувство. Человеческий глаз видит не дальше, а больше глаза орла. Необходимо очеловечивать чувства, чтобы сторонники перемен отталкивались от идеи духовности и нравственности.

Духовность неизбежно должна быть вписана в тесный контекст идеи революции. Революция, если мыслить её в широком мировоззренческом контексте, представляет собой прорыв в сферу синтеза нравственности, красоты и интеллектуализма. Только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, страдание и деятельность постепенно утрачивают своё противопоставление друг другу. Так, теоретическое «Я» постоянно стремится к тому, чтобы приравнять мир жизни миру теоретических конструкций. Картезианский совет по поводу плодотворного сомнения во всем сегодня не срабатывает и из сомнения трудно вынырнуть обратно. Но скепсис всё же напоминает «свежий ветер», который выводит нас из состояния оцепенения.

Эстетическое «Я» отталкивается от идеи красоты, которая достойна вопрошания. Но красота восстает против сомнительного происходящего. Этическое «Я», конечно, может быть человеческим. Но это вызывает сомнение, которое успокаивает нас в том, что мы не уверены в том, что моральность трудно прослеживается и видна неотчетливым образом. Моральный долг, хотя и есть нечто значительное в жизни, тем не менее, мы можем сомневаться в его точности. Однако мы связываем свою миссию с тем, которая направлена против сугубо мифологических представлений.

Вопрос о законности революции, согласно И.Г. Фихте, следует вывести из области исторического обоснования. «Вопрос о праве народа на революцию не подлежит суду истории» [Fichte 1846, s. 58]. Речь идет об особом праве, о праве на существование в трансцендентальном мире. При анализе движущих сил революции нам следует исходить не только из исследования социальных сил, но из рассмотрения идеи приверженности общества идеалам высокой духовности. Стихия революции опасна тем, что она заставляет нас отражать интересы пришедших к власти вождей. Она основывается на идее полного исчезновения противоположности «должного» и «действительного» [Флоровский 1992, с. 409].

В данном отношении нам полезны исследования Г.С. Пак. В своей докторской диссертации (2000), она анализирует время как человеческую деятельность. Г.С. Пак рассматривает «концепцию исторического времени, основанную на темпоральных различиях мира повседневности, общественной истории и мира культуры» [Алексеев 2002, с. 724]. Истинная конституция и общественная, государственная жизнь не могут развиваться вне исторического времени. Они обосновываются, согласно Платону, идеей «вечной справедливости» [Гегель 1977, с. 378].

Идея свободы есть «сама себя определяющая мысль» [Гегель 1977, с. 378]. Социальная организация, основанная на мире культуры, создает предпосылки для становления сословий с их различными характеристиками. В этом плане живая субстанция общества есть «нравственность», основанная на доверии и взаимном уважении людей, на их приверженности к культурным традициям. Именно данное обстоятельство формирует основу для устойчивого развития общества. При этом, власть в государстве не должна проявляться в неопределенном виде [Гегель 1977, с. 362]. Бесформенность порождает скуку, социальную апатию и бессмысленность жизни. Апатия усугубляет «беспроblemное» гедонистическое существование [Дилигенский 1991 с. 39].

Итак, основанием самоорганизации общества выступает человек, его духовный мир. Необходимо подумать над проблемой гармонии человека и общества, общества и государства. Если духовная природа человеческого труда искажается, разрушается человечность труда, то тем самым уничтожается нравственная и социальная память. Духовная реформация, призванная поддерживать нравственную память, в принципе, должна разрастаться до духовной, интеллектуальной революции, которая предотвращает усиление роли денег в богатстве страны, т.е. когда мертвый труд начинает господствовать над живым трудом. Следует учитывать и тот момент, когда духовные вещи не покупаются и не продаются [Бикметов, Лукьянов 2021, с. 32]. Живой труд связан с усилением роли нравственного начала в жизни, что создает предпосылку для роста образованности и культуры людей, для подлинной свободы человека.

Список литературы

1. Алексеев 2022 – П.В. Алексеев. Пак Г.С. Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.
2. Бикметов, Лукьянов 2021 – Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Человеческий труд в его отношении к духовной деятельности: монография / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: УГАТУ, 2021. – 120 с.
3. Бур, Ирриц 1978 – Бур М., Ирриц Г. Притязание разума – М.: Изд-во «Прогресс», 1978. – 327 с.
4. Гегель 1977 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т.: т. 3. Философия духа. Изд-во социально-экономической литературы. М.: «Мысль», 1977. – 473 с.
5. Дилигенский 1991 – Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смены цивилизаций? // Вопросы философии. № 3, 1991. – с. 29 – 42.
6. Лосев 1991 – Лосев А.Ф. Особенности русского философствования // Он же. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века).
7. Лукьянов 2022 – Лукьянов А.В. Предельные основания философии истории // Проблема обоснования, знания: сборник научных статей, посвященный 30-летию методологического семинара при факультете философии и социологии БашГУ, 2022 (отв. Ред. А.Ф. Кудряшев. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – с. 71 – 74.

8. Маркс, Энгельс 1958 – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 12 – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1958. – XXIV, 879 с.
9. Фейербах 1937 – Фейербах Л. Основы философии будущего. Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 151 с.
10. Фихте 1993 – Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. т. 1. / сост. и примечания В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
11. Фихте и конец XX века: «Я» и «Не-Я». Межвуз. сб. науч. ст.: (Пер. с нем.) / О-во И. Г. Фихте, Башк. гос. ун-т; (Ред. и сост. А. В. Лукьянов и др.). Уфа, 1992. – 198 с.
12. Фихте 1935 – Фихте И.Г. О назначении ученого. М.: «ОГИЗ». Государственное социально-экономическое издательство», 1935. – 140 с.
13. Флоровский 1992 – См.: Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма. См.: Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1. Информ–Прогресс. – М., 1992. – 409 с.
14. Fichte 1845 – 1846 – Johann Gottlieb Fichtes Sämmtliche Werke, hrsg von I.H. Fichte. Berlin, 1845-1846. – Bd. 4. – 610 s.
15. Fichte 1845 – Fichte I.H. Sämmtliche Werke, 1846 – Bd. 6. s. 58.

УДК 316.7

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ В ОБЩЕСТВЕ ТЕХНОНАУКИ

Луппов Максим Андреевич

Аспирант

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E-mail: maksimlupпов@bk.ru

Современные научно-технические достижения общества технонауки приводят к изменениям в области культурного потребления письменных текстов в виду изменения количественного и качественного аспектов их создания, хранения и распространения. Данный тип культурного материала имеет определенную потребительскую ценность, которая стимулирует заинтересованность социальных единиц к присоединению к определенной референтной социальной группе или ассоциированию себя как ее часть. Относительно длительная история развития письменного языка и революционные изменения в способах и формах фиксирования и передачи культурного материала посредством письма привели к доминирующему над устной формой способу социального взаимодействия среди социальных единиц. Культурный потребитель, помимо субъективного и пассивного восприятия письменных текстов, также напрямую влияет на процесс их создания и в обществе технонауки, так как создатели письменных материалов зависят от собственной интерпретации письменного текста читателями. Научные достижения в области лингвистики показывают, что рекурсивная особенность языка позволяет создавать бесконечное количество количественных и качественных вариаций письменного текста, а достижения в области цифровизации позволяют преодолеть естественные физические ограничения, связанные с созданием, хранением и распространением письменных материалов.

Ключевые слова: культурное потребление; письменный текст; цифровизация; общество технонауки

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CULTURAL CONSUMPTION OF WRITTEN TEXTS AND ITS PROSPECTS IN THE SOCIETY OF TECHNOSCIENCE

Luppov Maksim Andreevich

Graduate student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: tea@abhinanda.elcom.ru

Modern scientific and technological achievements of the society of technoscience lead to changes in the field of cultural consumption of written texts in view of changes in the quantitative and qualitative aspects of their creation, storage and distribution. The use value of written cultural materials stimulates the interest of social units to join a certain reference social group or associate themselves as part of it. A relatively long history of the development of the written language and revolutionary changes in the ways and forms of recording and transmitting cultural material through writing have led to a written form of social interaction dominating over the oral form among social units. The cultural consumer, in addition to the subjective and passive perception of written texts, also directly influences the process of their creation in the society of technoscience, since the creators of written materials depend on the readers' own interpretation of the written text. Scientific achievements in the field of linguistics show that the recursive feature of the language allows to create an infinite number of quantitative and qualitative variations of the written text, and digitalization has made it possible to overcome physical limitations associated with their creation, storage, and distribution.

Keywords: cultural consumption; written text; digitalization; society of technoscience

Современные достижения в области науки и техники, приводящие к революционным изменениям во всех областях жизнедеятельности людей, преобразовывают культурное потребление современного человека. Повсеместная интеграция современных технологий позволяет сделать общедоступным все формы проявления культуры, предоставляя потребителю к ней доступ даже без его физического присутствия. Прогресс общества ассоциируется с достижениями в научно-технической сфере, а сами технологии не могут существовать вне социума, поэтому аспектом понимания культурного потребления письменных текстов в обществе технонауки как фактор социализации индивидов в данном типе общества является важным аспектом современных исследований в смежных областях.

Фиксация физических и нематериальных предметов и явлений в письменной форме на ранних этапах происходила с помощью различных «примитивных» техник. С этапа появления письменного языка, начавшегося примерно 5000 лет назад [王宁, 2018, р. 38-48], происходит одна из первых научно-технических революций в области культурного потребления человека. Технологическое развитие письменных текстов с использованием глиняных табличек и папирусов предоставила возможность для фиксирования и распространения культурного наследия, однако имела ограничения на возможные объемы создаваемых письменных культурных единиц. Используемые технологические достижения ранних этапов развития письменного языка не могли полностью заменить устоявшиеся традиционные устные способы передачи информации, что проявляется в становлении Древнегреческой цивилизации как больше устной, чем письменной. С популяризацией бумаги и Гуттенберговской революцией в области книгопечатания, благодаря которой книги сменили инкунабулы, происходит значительное увеличение количества источников письменной культуры.

Фердинанд Де Соссюр, анализируя язык, разделял его на две разные формы: устный язык и письменный язык. Соссюр представлял язык как определенную систему знаков, которая функционирует по-разному, в зависимости от формы: устный язык

обладал большей динамичностью и эмоциональностью, а письменная речь большей формальностью и точностью [Saussure, 1959, p. 65].

Фиксация посредством письма позволяет уменьшить влияние субъективизации передачи знаний посредством «из уст в уста» и особенностей функционирования памяти на запоминание и передачу информации. Несмотря на противоположное мнение относительно фиксации и передачи информации посредством текста у Сократа, выражающего положительное мнение именно в сторону устных практик, благодаря труду Платона диалоги Сократа в письменной форме дошли до сегодняшних дней.

Важность понимания компетенций читателя в субъективизации передачи знаний находит свое отражение в диалоге «Ион», происходящим между Сократом и Ионом [Сократ, 1990, с. 372-385]. Критика утилитарного подхода к художественному творчеству выражается в невозможности читателем воспринимать в полной мере каждый аспект содержания произведения. Читатель, не обладающий личным опытом или профессиональными навыками, не способен в полной мере понять различные содержательные элементы воспринимаемого текста. При этом, несмотря на отсутствие определенного опыта, неизвестное «искусство» может быть изучено посредством других «искусств».

В отношении восприятия текста Жан-Поль Сартр считал, что читатели и писатели являются частями единого процесса создания литературы. По его мнению, писатель не может существовать без читателя, а читатель не может существовать без писателя. Сартр описывал читателей как активных участников процесса создания литературы, которые не просто пассивно воспринимают текст, но и вносят свой вклад в его интерпретацию и значимость, а писателей, соответственно, как творцов, которые не могут полностью контролировать свое произведение, так как оно принимает свою собственную интерпретацию у читателей [Sartre, 1948, p. 40-53]

Отражение идей, высказанных Сократом, можно найти в драматургическом подходе к социологии Гоффмана [Goffman, 1956, p. 38-42], который представляет из себя сравнение повседневного мира с театральным действием. Общество, являясь огромным театром, дает людям возможность самовыражаться, надевая различные маски и следуя определенным ролям. Маска при этом является личиной социального актера. Обучение «ношению» и «подбору» масок начинается с семьи, где ребенок примеряет на себе сначала маску ребенка (сын, дочь, внук, внучка), а затем постепенно учится примерять маску взрослой референтной личности (отец, мать, муж, жена). За пределами семьи социальное «театральное» обучение только увеличивается, так как «актеру» предоставляется возможность куда более обширного выбора социальных масок: друг, школьник, сосед, руководитель группы, спортивный лидер и т.д. Приобретенный опыт не только оказывает прямое влияние на развитие личности, но и формирует определенные социокультурные привычки, выражающиеся в желании и интересе потреблять определенный социокультурный контент. Следует отметить взаимовлияние потребляемого социокультурного контента, так как он предоставляет читателю новые примеры «ношения» уже освоенных социальных масок или совершенно новые социальные маски. В современном обществе технауки, потребляемый культурный контент предоставляет новые пласт социальных масок для всех его потребителей.

Внешняя форма письменного текста также влияет на особенности его восприятия. Лука Пачоли [Pacioli, 1509, p. 46-48] и Альбрехт Дюрер [Dürer, 1528, p. 72-78] ещё в 1500-1600 годах исследовали идеальную форму букв для повышения эстетического качества воспринимаемого письменного материала и увеличения эффективности книгопечатания. Результаты их исследований привели к идентичным выводам, заключавшимся в квадратной форме каждой буквы. Стоит отметить, что хотя такой научный вывод и являлся в некоторой степени открытием для европейской науки, однако китайская

письменность опередила достижения европейских исследователей, так как китайское письмо задолго до Луки Пачоли и Альбрехта Дюрера писалось в квадратной форме.

Появление и активная интеграция компьютерных технологий во второй половине 20-го века привела к становлению процесса цифровизации культурного письменного контента. Однако данная цифровизация на первых ее этапах представляла из себя оцифровывание физических носителей без адаптации текста под особенности компьютерных технологий. Несмотря на такую особенность переходного этапа, важным аспектом цифровизации становится легкость и возможность эффективного распространения культурных письменных материалов.

Ввиду того, что чтение является определенным знаком присоединения к определенной референтной группе, с которой культурный потребитель себя ассоциирует или связывает, то данный процесс потребления, создавая некоторую коммуникацию масс в обществе технауки, приводит к достаточно большому количеству новосоздающихся китчей. Распространение, популяризация и общедоступность результатов научных исследований приводит к увеличению количества определенных носителей письменной культуры не только в ее оригинальной форме, но и в различных формах адаптации для соответствия запросам культурных потребителей. Как отмечал Жан Бодрийяр: «...большинство читателей ("сторонников") изданий с большим тиражом, распространителей "особой" культуры, искренно претендуют на присоединение к их содержанию и имеют целью знание. Но эта культурная "потребительная ценность", эта объективная цель в большой степени сверхопределена социологической "меновая ценностью". Вся эта культурная субстанция "потреблена" в той мере, в какой её содержание служит не независимой практике, а питает риторику социальной мобильности, диктуемый ею спрос имеет в виду не культуру, а другой объект, или скорее имеет в виду культуру только как закодированный элемент социального положения» [Бодрийяр, 2020, с. 153-154].

Рассматривая современные достижения в области распространения научных знаний посредством специальных научных изданий, то по состоянию на 08.02.2023 года, только в России существуют 2789 научных журналов ВАК, регулярно создающих феноменально большое количество культурного письменного материала. Такое экспоненциально увеличивающееся количество культурных письменных материалов в современном обществе технауки можно считать за потенциальный аргумент в пользу тезиса Ноама Хомского о «бесконечном синтаксисе языка» [Chomsky, 1956, р. 30]. В результате данной особенности, дальнейшая рекурсия культурных письменных материалов продолжит повышать темпы создания письменных текстов.

Резюмируя особенности современного состояния развития культурного потребления письменных текстов, можно сказать, что имевшиеся ограничения физической памяти человека, накладывающие ограничения на количество и качество запоминаемого культурного материала, начали решаться с появлением и активным развитием письменности. Научно-технические достижения в области упрощения и общедоступности письменных текстов приводят к увеличению создаваемого культурного письменного материала. На сегодняшний день, цифровизация создает новые возможности для экспоненциального увеличения количественного и качественного аспектов письменных текстов, представляя большой интерес для социологических исследований с целью понимания особенностей культурного потребления самих участников данного общества технауки.

Список литературы

1. Бодрийяр 2020 – Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Издательство-АСТ, 2020. 320 с.
2. Платон 1990 – Платон Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
3. Chomsky 1956 – Chomsky N. Syntactic Structures. В.: Mouton de Gruyter, 1957. P. 116.
4. Dürer 1528 – Dürer A. Vier Bücher von menschlicher Proportion. N.: I. Formschneyder, 1528. P. 263.
5. Goffman 1956 – Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. E.: University of Edinburgh, 1956. P. 162.
6. Pacioli 1509 – Pacioli L. Divina Proportione. V.: Paganini., 1509. P. 324.
7. Sartre 1948 – Sartre J-P. Qu'est-ce que la littérature? P.: Editions Gallimard, 1948. P. 384.
8. Saussure 1959 – Saussure F. Course in General Linguistics. N.: Columbia University Press, 1959. P. 263.
9. 王 2018 – 王宁 汉字与中华文化十讲 // 北京: 生活·读书新知三联书店, 2018. P. 318.

УДК 378

ЭТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЦИФРОВЫЕ ИСКАЖЕНИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Мазанова Анна Евгеньевна

Аспирант

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E-mail: mazanova.a.e@mail.ru

Цифровизация образовательного процесса предполагает освоение новой культуры, методологии и этики нового цифрового образовательного пространства. Цифровые технологии в современном мире — это не только инструмент, но и среда взаимодействия. Внедрение цифровых технологий в образование сказывается на традиционных этических проблемах образования и привносит новые, специфические, связанные с «цифровыми искажениями» в традиционной форме образования, познавательных способностях и социальном взаимодействии. Новое поле цифровой сферы нуждается в этическом регулировании. Узловыми точками в цифровой этике выступают цифровая трансформация этических и правовых категорий, моральные поведенческие риски в цифровом пространстве (появление феноменов цифровой агрессии, цифрового дневника личности (цифровое-Я), цифровой прозрачности, цифрового следа и тени, эффекта деперсонализации и анонимности, подлинность данных и их распространение, интеллектуальная собственность и монополия данных), этика цифровой аналитики учебного процесса и искусственного интеллекта в структуре цифровой этики, этический контроль и мониторинг цифровой коммуникации и предотвращение цифрового мошенничества, реорганизация учебного процесса и переосмысление роли преподавателя в нем.

Актуальным выступает выработка принципов профессиональной этики в цифровой среде, кибергигиены, информационной гигиены и устойчивости к инфоэпидемиям. В условиях цифровой среды остро стоит вопрос персональной ответственности и этической рефлексии.

Сложность, неоднородность самого явления цифровизации порождает точки напряженности и риски, поэтому цифровизация образования должна изучаться не изолированно, а комплексно в ее взаимосвязи с широкой социокультурной и политико-экономической проблематикой.

Ключевые слова: этика цифрового образования, цифровизация образования, цифровая этика, цифровой этикет

THE ETHICAL FIELD OF DIGITALIZATION OF EDUCATION AND DIGITAL DISTORTION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Mazanova Anna Evgenevna

Postgraduate student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: mazanova.a.e@mail.ru

Digitalization of the educational process involves mastering the new culture, methodology, and ethics of the new digital educational space. Digital technology in today's world is not only a tool, but also an interaction environment. The introduction of digital technologies in education affects traditional ethical problems in education and brings new, specific ones related to "digital distortions" in the traditional form of education, cognitive abilities, and social interaction. The new field of the digital sphere needs ethical regulation. The nodal points in digital ethics are digital transformation of ethical and legal categories, moral behavioral risks in the digital space (the emergence of phenomena of digital aggression, digital diary of personality (digital-self), digital transparency, digital footprint and shadow, depersonalization effect and anonymity, data authenticity and distribution, intellectual property and data monopoly), ethics of digital learning analytics, artificial intelligence in the structure of digital ethics, ethical control and monitoring of digital communication and digital fraud prevention, reorganization of the learning process and rethinking the role of the teacher in the learning process.

Relevant is the development of principles of professional ethics in the digital environment, cyber hygiene, information hygiene and resistance to infoepidemics. The issue of personal responsibility and ethical reflection is acute in the digital environment.

The complexity and heterogeneity of the digitalization phenomenon itself generates points of tension and risks, so the digitalization of education should not be studied in isolation, but in an integrated manner in its interconnection with broad socio-cultural and political-economic issues.

Keywords: ethics of digital education, digitalization of education, digital ethics, digital etiquette

Темпы развития цифровизации образования и внимание к последствиям использования технологий растут. Интенсивное внедрение средств информационной образовательной среды требует не только их освоение, но и философское, педагогическое, психологическое осмысление. Цифровизация образовательного процесса предполагает освоение новой культуры, методологии и этики нового цифрового образовательного пространства.

Цифровизация образования представляет собой не только новую систему получения, обработки и хранения информации, но и новую организацию образовательного процесса, требующая от всех участников образовательных отношений новых компетенций [Герасимова 2022, с. 20]. К перспективным цифровым технологиям в области образования сегодня относят технологии блокчейн (blockchain), телеприсутствия, искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности [Андрюхина, Садовникова, Уткина 2020, с. 120].

В фокус внимания исследователей цифровизации попадают разные аспекты.

С одной стороны, цифровые технологии рассматриваются в качестве инструментария, повышающего охват образовательным процессом и повышающим его качество [Андрюхина, Садовникова, Уткина 2020, с. 136]. В логике утилитаризма цифровые технологии выступают средством оптимизации и эффективности процесса обучения. При таком подходе сами по себе технологии нейтральны и не рассматриваются как среда обучения и коммуникаций, к преподавателям предъявляются требования овладения цифровыми компетенциями и включение цифровых решений в общее ценностное и этическое поле обучения.

Технопозитивисты рассматривают цифровизацию образования на макроуровне: цифровизация образования служит инструментом цифровой экономики [Никулина, Стариченко 2018, с. 108].

С другой стороны, исследователи пытаются дать критическую оценку следствиям внедрения цифровых технологий в учебный процесс. Существует ряд исследований, направленных на изучение изменений когнитивных процессов [Игнатова, Макарова, Степаненко, Багдасаров 2022], физического и психического здоровья [Еремин 2020], психологического и социального благополучия [Тихомандрицкая, Малышева, Шаехов 2019], этических вызовов цифровизации всех сфер жизни, включая образование [Beever, MacDaniel, Stanlick 2020; O'Brein 2020]. То есть цифровые технологии вносят специфические «цифровые искажения» в познавательные способности, традиционную форму образования, социального взаимодействия.

И.Я. Мурзина в оценке трансформации процесса обучения в период пандемии covid-19 указывает, что цифровизация образования воспринимается не столько как технологическая модернизация и внедрение новых носителей учебной информации, но как угрожающий человеку и обществу процесс расчеловечивания, утраты смыслозначимой составляющей жизни в угоду механическим (искусственным, внешне заданным) алгоритмам и стандартам [Мурзина 2020, с. 107]. Автором выделяется мировоззренческий, аксиологический, социопсихологический и педагогический аспект гуманитарного сопротивления в сегодняшнем образовании с его тенденцией к цифровизации.

Вместе с тем, отмечается недостаточность комплексных исследований и оценки социокультурных рисков цифровизации образования [Пашков, Пашкова 2022, с. 42].

Применение критического социотехнологического подхода Н. Селвина и К. Фейсера к оценке цифровизации образования позволило выявить четыре проблемные области: напряженность между глобализацией образования и автономией национальных образовательных систем; трансформация проблем социально-экономического неравенства; изменение структуры отношений участников образовательного процесса; этические риски [Пашков, Пашкова 2022, с. 51].

Новое поле цифровой сферы нуждается в этическом регулировании. Узловыми точками в цифровой этике выступают цифровая трансформация этических и правовых категорий, моральные поведенческие риски в цифровом пространстве (появление феноменов цифровой агрессии, цифрового дневника личности (цифровое-Я), цифровой прозрачности, цифрового следа и тени, эффекта деперсонализации и анонимности, подлинность данных и их распространение, интеллектуальная собственность и монополия данных), этика искусственного интеллекта в структуре цифровой этики, этический контроль и мониторинг в цифровых коммуникаций. Актуальным выступает выработка принципов кибергигиены, информационной гигиены и устойчивости к инфоэпидемиям.

Несмотря на амбициозные заявления, что идея цифровой этики претендует сегодня на глобальный экзистенциальный проект, институциональные и научно-образовательные центры цифровой этики практически не представлены в странах мира [Мелешко, Назаров 2022, с. 129]. В качестве единичных примеров подобных объединений можно назвать Лабораторию цифровой этики Оксфордского университета «The Digital Ethics Lab (DELab)», Институт права цифровой среды на базе НИУ ВШЭ, созданный в 2020 году. Также имеются примеры локальных документов в сфере этики цифровых технологий. В 2021 году в России был принят Национальный кодекс этики искусственного интеллекта. В 2022 году научно-исследовательская лаборатория «Цифровая этика» ТГПУ им. Л.Н. Толстого (г. Тула) представила проект «Модель

цифровой этики в интеграционной деятельности научно-образовательных и производственных организаций» [Мелешко, Назаров 2022].

Принципиален вопрос о жизнеспособности профессионально-этических конструкций в цифровой среде образования. Цифровая этика не может быть также сведена к медиаэтике.

Новые этические риски внедрения цифровизации образования: применение цифровой аналитики в оценке академической успешности и формировании образовательных траекторий, гипериндивидуализация обучения, цифровые мошенничества, цифровое неравенство обучающихся и преподавателей, отсутствие общения в академической среде и культуры «освоения цифровых знаний», снижение навыков традиционной коммуникации. В условиях цифровой среды остро стоит вопрос персональной ответственности и этической рефлексии.

Возрастающее присутствие искусственного интеллекта позволяет «поручать» ему часть задач, исконно считавшихся педагогическими – оценка внимания, включенности обучающихся в познавательный процесс, успешности усвоения материала, готовности к освоению более сложных задач. С одной стороны, искусственный интеллект можно рассмотреть в качестве инструмента профилактики конфликтов и дилемм, преодоления вопросов субъективности преподавательской оценки. С другой стороны, происходит замещение алгоритмами профессиональной оценки и возможности обсуждения результатов оценки между преподавателем и обучающимся, не учитывается социальный контекст и индивидуальные особенности учащегося.

Активное использование цифрового образовательного пространства в России ставит задачи разработки и включения норм цифрового этикета в профессиональную этику педагогов [Герасимова 2022, с. 23]. В Письме Министерства просвещения РФ от 20 августа 2019 года № ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников» впервые упоминаются рекомендации об Интернет-поведении педагогов, вместе с тем, исчерпывающих пояснений и норм цифровых коммуникаций не приводится.

Подводя итоги, отметим, что внедрение цифровых технологий в образование сказывается на традиционных этических проблемах образования и привносит новые, специфические, связанные с дистанционными технологиями и гибридным образовательным пространством, с обработкой персональных данных учащихся, мониторингом и формированием учебных траекторий с помощью информационной аналитики, с использованием сведений об успеваемости, заменой экспертности преподавателей на алгоритмы, трансформацией учебного процесса и поля отношения «учащийся-преподаватель», переосмыслением роли и риском нивелирования личности педагога и обучающегося.

Сложность, неоднородность самого явления цифровизации порождает точки напряженности и риски, поэтому цифровизация образования должна изучаться не изолированно, а комплексно в ее взаимосвязи с широкой социокультурной и политико-экономической проблематикой. Это возможно в условиях активного диалога научного сообщества, экспертов, инженеров, обучающихся, государства, ориентации на научно-обоснованные модели образования и адекватность стратегическим задачам образования. Усилия специалистов должны быть направлены на обогащение профессиональных решений в области внедрения цифровизации и синхронизацию цифровизации с культурными и этическими сдвигами, конструирование этического поля взаимодействия в цифровой образовательной среде.

Список литературы

1. Андрюхина, Садовникова, Уткина, Мирзаахмедов 2020 – Андрюхина Л.М., Садовникова Н.О., Уткина С.Н., Мирзаахмедов А.М. Цифровизация профессионального образования: перспективы и незримые барьеры // Образование и наука. 2020. №3. С. 116-137.
2. Герасимова 2022 – Герасимова О.И. Цифровой этикет в профессиональной деятельности педагога // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. №11. С.17-26.
3. Еремин 2020 – Еремин А.Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации // Гигиена и санитария. 2020. №4. С. 351-355.
4. Игнатова Ю.П., Макарова И.И., Степаненко В.П., Багдасаров А.А. Влияние цифровых технологий на когнитивные способности человека (обзор) // Психология. Психофизиология. 2022. №4. С. 72-83.
5. Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. Проект «модель цифровой этики в интеграционной деятельности научно-образовательных и производственных организаций» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. №3 (43). С. 128-137.
6. Мурзина 2020 – Мурзина И.Я. Гуманитарное сопротивление в условиях цифровизации образования // Образование и наука. 2020. №10. С. 90-115.
7. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. №8. С.107-113.
8. Пашков, Пашкова 2022 – Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. №3. С. 40-57.
9. Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Шаехов З.Д. Современные исследования психологического благополучия цифрового поколения // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме : коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: МПГУ, 2019. С. 89–94.
10. Beever, MacDaniel, Stanlick 2020 – Beever J., MacDaniel R., Stanlick N. Understanding Digital Ethics. New York – London: Routledge, 2020. 218 p.
11. O'Brien 2020 – O'Brien J. Digital Ethics in Higher Education. Educause Review, 2020. P. 22-43.

УДК 140.8

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Орехов Андрей Михайлович

Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии

Российский университет дружбы народов

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Институциональная эпистемология – это исследование формальных и неформальных аспектов производства социального знания, а также исследование социальных институтов, производящих социальное знание. Одна из ключевых проблемных точек для институциональной эпистемологии – это переформатирование генеральной теории интеллектуальной собственности. Необходимо отказаться от юридической теории

«интеллектуальных прав собственности» и перейти к генеральной теории интеллектуальной собственности как собственности на всякое (не обязательно новоеоткрытое) знание. Универсальное определение интеллектуальной собственности артикулирует концепт "информации", определяющим множество понятия "интеллектуальная собственность", элементами которого являются все знания, все идеи, а не только научные. Существуют различные типы собственности. Первой исторически осознаваемой формой собственности явилась вещественная собственность. На её основе возникает собственность на управление. Эти два типа собственности определяют-ся в качестве параллельных, проводится аналогия между ними и собственностью интеллектуальной. Например, можно обсуждать процесс институализации интеллектуальной собственности в науке, – включает в себя четыре основных этапа: 1) объективацию, 2) диссеминацию, 3) верификацию, 4) джастификацию. Институциональными формами противодействия власти со стороны ученых выступают такие формы как «когнитивное сопротивление» и «научное принуждение».

Ключевые слова: социальная эпистемология, институциональная эпистемология, интеллектуальная собственность, «эффект Матфея», Р.Мертон, П.Бурдьё

INSTITUTIONAL EPISTEMOLOGY IN ASPECT OF RE-FORMATTING OF GENERAL THEORY OF INTELLECTUAL PROPERTY

Orekhov Andrey Mikhailovich

DSc in Philosophy, Professor of Department of Social Philosophy

Peoples' Friendship University of Russia

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Institutional epistemology is research of formal and informal aspects of production of social knowledge and also research of social institutions producing this knowledge. One of problem pints for institutional epistemology is re-formatting of general theory of intellectual property. In is necessary to refuse from juridical theory of intellectual property rights and pass to general theory of intellectual property as any (not obligatory innovative) property on knowledge. For instance, the process of institutionalization of intellectual property in science embraces four main stages: 1) objecti-fication; 2) dissemination; 3) verification; 4) justification. When between the accumulation of intel-lectual property and the accumulation of rewards there is a discrepancy, then and that condition of disproportion between the contribution to science and rewards, depicted by Merton, appears: one scientist get more rewards, than his intellectual property is worthy, another scientist, on the contrary, less. Institutional forms of counteraction to power from the side of scientists are “cognitive re-sistance” and “scientific compulsion”.

Keywords: social epistemology, institutional epistemology, intellectual property, “Mathew effect”, R.Merton, P.Bourdieu

Институциональная эпистемология – сравнительно молодое и лишь недавно заявившее о себе направление в эпистемологии. Институциональная эпистемология – это исследование формальных и неформальных аспектов производства социального знания, а также исследование социальных институтов, производящих социальное знание. Мы полагаем, что институциональная эпистемология должна объединить в себе три направления исследования: (1) социальную эпистемологию как учение об основных принципах познания социальной реальности; (2) экономику и социологию знания, а также политические аспекты воспроизводства знания; (3) социальные теории, которые рассматривают разнообразные аспекты воспроизводства, распределения и потребления знаний (например, теорию капиталов П.Бурдьё). Большинство исследователей предполагает, что такой подход расширяет рамки социальной эпистемологии до границ философии науки, социальной онтологии и политической философии. Здесь можно сформулировать, к примеру, следующие вопросы: (а) каковы институциональные условия для эпистемического доверия? (б) Как обеспечить социальное и когнитивное разнообразие? (в) Каков должен быть институциональный базис для, так сказать, «надежной» науки? (г) как институты должны обеспечить эпистемическую

справедливость? (д) как можно институционально оппонировать и противостоять фейкам и манипулятивному воздействию? (е) как обеспечить эпистемическую защиту демократических институтов? (ж) что такое «эпистокрасия» и какова ее роль в современном мире знания? И т.п.

Одна из ключевых проблемных точек для институциональной эпистемологии – это переформатирование генеральной теории интеллектуальной собственности. В подавляющем большинстве случаев проблема интеллектуальной собственности сводится к юридической проблеме «интеллектуальных прав собственности (intellectual property rights)», что совершенно неприемлемо с точки зрения институциональной эпистемологии. Теория социального эпистемолога как «когнитивного менеджера» (С.Фуллер) предполагает оперирование любыми типами знания, а не только юридическими – в форме копирайта или патентного права. Из этой же позиции исходит и теория капиталов П.Бурдьё, где интеллектуальный (культурный) капитал – это дисконтирование любой формы знания, а не только новооткрытого знания в юридическом понимании.

Предложенная генеральная теория интеллектуальной собственности является результатом критического осмысления юридического подхода к собственности, который в философском контексте выглядит не совсем адекватным, узким и односторонним. Предложенное универсальное определение интеллектуальной собственности артикулирует концепт "информации", определяющим множество понятия "интеллектуальная собственность", элементами которого являются все знания, все идеи, а не только научные. Существуют различные типы собственности. Первой исторически осознаваемой формой собственности явилась вещественная собственность. На её основе возникает собственность на управление. Эти два типа собственности определяются в качестве параллельных, проводится аналогия между ними и собственностью интеллектуальной. Нами также было введено понятие «оверстрата» – это оверстрат вещественных собственников (собственники капиталов, финансисты, + наемные рабочие как владельцы своей «телесной рабочей силы») и оверстрат собственников на управление –управленцев. [Орехов. 2009. С.121-126].

Если речь заходит об *институализации интеллектуальной собственности в науке*, то она включает в себя четыре основных этапа: 1) объективацию, 2) диссеминацию, 3) верификацию, 4) джастификацию. Для начала – это аккумуляция: субъектная, потом объективированная форма. Объективированная интеллектуальная собственность объективируется разными видами объективации: от устной – до электронной. В случае диссеминации теоретическая доступность интеллектуальной собственности становится практической. Это рассылка книг, журналов, статей, веб-публикаций. Последний этап – джастификация. Это процесс официального оформления за данной собственностью своего места в системе научного знания.

Слова Христа в Евангелии от Матфея о том , что кто имеет, тому будет дано и приумножится, а тому, что не имеет, у того и отнимется и то, что имеет отражают реальный социальный феномен, получивший осознание в структурах повседневности в виде высказываний: "Деньги к деньгам"; "Богатство к богатству". Р. Мертон дает описание проявления этого эффекта в научном сообществе и считает, что «ученые готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают» [Мертон 1993. С.258].

В науке, как и в любом профессиональном сообществе, имеет смысл рассматривать формальный и неформальный статус ученого. Неформальный статус ученого, обусловленный его вкладом в развитие науки обозначается как новооткрытая интеллектуальная собственность. Действие этого статуса ограничено достаточно узкими

рамками профессионального сообщества. В то время как формальный статус представлен социальной позицией ученого и объективируется в виде регалий, должностей, вознаграждений. Действие формального статуса ученого выходит за границы науки как профессионального сообщества. Мы определяем эффект Матфея как одну из форм *рассогласования* между неформальным и формальным статусом ученого. Когда между аккумуляцией интеллектуальной собственности и накоплением вознаграждений возникает *несоответствие*, тогда и возникает то *состояние несоразмерности, а следовательно и несправедливости* между реальным вкладом в науку и вознаграждениями, описанное Мертоном: *одни ученые получают больше вознаграждений, чем того заслуживает их интеллектуальная собственность, другие, наоборот, меньше*. В реальной жизни это означает, что вклад в науку оценивается ни сам по себе, а детерминирован социальной позицией того исследователя, который его внес. Чем выше социальный статус ученого, тем выше вознаграждение. Соответственно более низкий статус ученого ведет к уменьшению вознаграждения. Этот диссонанс между формальным и неформальным статусом необходимо обозначать как «эффект Матфея».

В наших трудах также поставлена проблема манипулирования интеллектуальной собственностью, т.е. использования ее для сокрытого достижения своих собственных целей в ущерб целям иных профессиональных групп, причем особые возможности здесь есть у трех профессиональных групп – «журналистов», «юристов» и «экономистов». Например, «юристы, главная цель которых – создавать, комментировать и интерпретировать правовые нормы, а также защищать или обвинять людей в процессе практического применения этих норм, могут весьма глобально оперировать известной им правовой информацией, и, пользуясь незнанием или неведением других субъектов правового пространства, навязывать этим субъектам нужные им лично (или некому «заказчику») мнения и представления» [Орехов 2009. С.148], а «журналисты», как комментаторов любых социальных событий в масс-медиа, «открыты беспрецедентные возможности для того, чтобы реализовать манипуляцию и преподнести ее с нужной им как профессиональной группе, или какому-либо социальному заказчику позиции» [Орехов 2009. С.149].

Очень важным в плане институциональной эпистемологии является термин «когнитивное сопротивление» – особый тип социального противодействия чему-либо или кому-либо, основанный на использовании преимущества в знании, интеллекте и рациональности [Орехов 2020. С.92]. Ученые как социальная группа могут пользоваться этой формой противодействия. «Когнитивное сопротивление» – это специфический тип сопротивления: во-первых, оно не является притязанием на власть, а есть лишь попытка сопротивляться давлению со стороны власти (это отличает такую форму сопротивления от манипулирования научным знанием и информацией). Также когнитивное сопротивление имеет мирный, ненасильственный характер, и никоим образом не связано с использованием силы в любой ее форме (т.е. фактически ученые здесь руководствуются принципами «этики ненасилия»).

Крайняя форма «когнитивного сопротивления» – «научное принуждение». Таким способом ученые, используя свой приоритет в научном интеллекте и научной рациональности, не только противостоят внешнему давлению, но и консолидируют себя как социальная группа. Они также требуют от властного субъекта принятия тех решений, что выгодны этой группе, и решений, выгодных науке в целом [Орехов 2020. С.93].

Список литературы

1. Мертон 1993 – Мертон Р. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 254-260
2. Орехов 2009 – Орехов А.М. Р. Интеллектуальная собственность: Опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. М.: Либроком. 2009. 224 с.
3. Орехов 2020 – Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. ИНФРА-М. 2020. 144 с.

УДК 167

СМЕНА ПАРАДИГМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩЕЙ ЛОГИКИ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Пак Галина Станиславовна

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
физического факультета*

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E-mail: galinapak5@gmail.com

Развивая идеи Т. Куна о парадигмах в науке и научных революциях В. С. Степиным предложена схема развития естествознания в целом. У В.С. Степина парадигма предстает в виде научной картины мира, философских оснований и нормативных структур исследования. Смена научных картин мира происходит в ходе научных революций. В истории естествознания обнаруживаются четыре таких революции и выделяются четыре этапа в развитии естествознания: классическая наука, дисциплинарно-организованная наука, неклассическая наука, постнеклассическая наука. В процессе экстраполяции схемы развития естествознания на социально-гуманитарные науки одна революция была потеряна и общепризнанным стало выделение классической, неклассической и постнеклассической науки. А. М. Орехов считает, что в данном случае имеет место непродуманный случай экстраполяции схемы развития естественнонаучного знания на социально-гуманитарное знание. В ходе обоснования своей позиции он выдвигает гипотезу о существовании только одной революции - КМВ-революции. Идеи О. Конта, К. Маркса, М. Вебера определили философские основания новой парадигмы и становящейся картины социальной реальности. В ходе революции произошло разделение социально-гуманитарного знания, позитивизмом предложена первая оригинальная методология социально-гуманитарного знания, осознаётся роль идеологии как конститутивной функции этого знания. Признавая обоснованность КМВ-революции и опираясь на историю развития социального и гуманитарного знания, выдвигается положение о том, что КМВ-революции предшествовала революция в историческом знании, связанная с очищением истории от всего фантастического и признанием необходимости строить историческое исследование, опираясь на факты. Нормальный период развития идей КМВ- революции был завершён к моменту распространения идей постмодернизма и конструктивизма, возникновением новой картины социальной реальности как общества технонауки. Анализ развития социально-гуманитарного знания даёт возможность выделить три этапа в развитии науки: описание с опорой на факты, преобразование и конструирование социальной реальности, которые, по сути, соответствуют трём этапам в развитии естествознания, что ещё раз напоминает о существовании общей логики развития науки.

Ключевые слова: парадигма, наука, КМВ-революция, социально-гуманитарное знание, описание, преобразование, конструирование

CHANGE OF PARADIGMS OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE AS EXPRESSION OF THE GENERAL LOGIC OF SCIENCE DEVELOPMENT

Pak Galina Stanislavovna

*DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy,
Faculty of Physics*

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: galinapak5@gmail.com

Developing T. Kuhn's ideas about paradigms in science and scientific revolutions, V. S. Stepin proposed a scheme for the development of natural science as a whole. V.S. Stepin's paradigm appears as a scientific picture of the world, philosophical foundations and normative research structures. Change of scientific pictures of the world occurs in the course of scientific revolutions. Four such revolutions are found in the history of natural science and four stages in the development of natural science are distinguished: classical science, disciplinary-organized science, non-classical science, post-non-classical science. In the process of extrapolation of the scheme of development of natural sciences to the social sciences and the humanities, one revolution was lost and the allocation of three stages, classical, non-classical and post-non-classical, became generally recognized. A. M. Orekhov believes that in this case there is an ill-conceived case of extrapolating the scheme of development of natural science knowledge to social and humanitarian knowledge. In the course of substantiating his position, he puts forward a hypothesis about the existence of only one revolution - the CMS revolution. The ideas of O. Comte, K. Marx, M. Weber determined the philosophical foundations of the new paradigm and the emerging picture of social reality. In the course of the revolution, a division of social and humanitarian knowledge took place, the first original methodology of social and humanitarian knowledge was proposed by positivism, and the role of ideology as a constitutive function of this knowledge was realized. Recognizing the validity of the CMS revolution and relying on the history of the development of social and humanitarian knowledge, the position is put forward that the CMS revolution was preceded by a revolution in historical knowledge, associated with the purification of history from everything fantastic and the recognition of the need to build historical research based on facts. The normal period of development of the ideas of the CMS revolution was completed by the time of the spread of the ideas of post-modernism and constructivism, the emergence of a new picture of social reality as a society of technoscience. An analysis of the development of social and humanitarian knowledge makes it possible to single out three stages in the development of science: description based on facts, transformation and construction of social reality, which essentially correspond to three stages in the development of natural science, which once again reminds us of the existence of a common logic in the development of science.

Keywords: paradigm, science, CMS revolution, social and humanitarian knowledge, description, transformation, construction

Т. Кун ввел понятие нормальной науки, которое характеризует эффективную деятельность ученых в рамках определенной парадигмы. Парадигма предполагает принятие оснований своей области без доказательств и способна направлять исследование сообщества. В науке парадигма редко является объектом копирования, она представляет собой "объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях» и определяет содержание нормальной науки [Кун, 2003, с. 49]. Период нормальной науки завершается научной революцией, в ходе которой происходит смена парадигм. Т. Кун вел речь о парадигмах конкретной отрасли научного знания.

У В.С. Степина парадигма предстает в виде научной картины мира, которая определяется философскими основаниями и нормативными структурами исследования. Смена научных картин мира происходит в ходе научных революций. "В истории естествознания можно обнаружить четыре таких революций. Первой из них была революция ХУП в., ознаменовавшая собой становление классического естествознания [Степин, 1995, с. 275]. Вторую глобальную научную революцию он определил как "переход к новому состоянию естествознания - дисциплинарно-организованной

науке"[Степин, 1995, с. 277]. С конца XIX до середины XX века разворачивается третья глобальная научная революция, которая завершается становлением неклассического естествознания. Для новой парадигмы характерен отказ от прямолинейного онтологизма, признание относительной истинности научных теорий и изменчивости картин мира [Степин, 1995, с. 278]. В последней трети XX века происходит четвертая глобальная научная революция и формируется постнеклассическая наука. Объектом её исследования становятся саморазвивающиеся системы. Эти системы являются открытыми, человеческие действия включаются в систему, формируют поле её новых возможностей. [Степин, 1995, 283]. Итак, каждая научная революция меняет картину мира, формирует новый стиль мышления и тип рациональности, преобразует философские основания науки.

Проблема экстраполяции схемы развития естествознания на науку в целом, в том числе, на социально-гуманитарное знание, не обсуждалась и не привлекала особого внимания исследователей. Все получилось само собой, она стала применяться ко всем областям научного знания. В далеком 1998 году В.А. Ядов читал лекции на ИПК по социологии в Нижегородском университете и применил концепцию В.С. Степина, представив развитие социологии в виде трех этапов. Из дискурса было элиминировано представление о дисциплинарно организованной науке и сложилась трехстадийная схема развития науки. Представление о классической, неклассической и постнеклассической науке стало общепринятым, хотя ряд исследователей считал проблематичным выделение постнеклассической науки. Можно предположить, что основой молчаливой экстраполяции схемы развития естествознания на область социально-гуманитарного знания явилось представление о единстве науки как целого, признание важности идей интерналистского подхода в изучении развития науки.

Мирное кочевание представления о трех стадиях развития науки из одной области научного знания в другую было нарушено заявлением А. М. Орехова, что в данном случае имеет место непродуманный случай экстраполяции схемы развития естественнонаучного знания на социально-гуманитарное знание [Орехов, 2020, с. 76]. По мнению автора «социосинергетика» представляет собой научный миф, владеющий умами отдельных российских исследователей, и не оказывает серьезного влияния на развитие социально-гуманитарного знания. Гуманитаризация не является общим свойством социально-гуманитарного знания, а, наоборот, акцентирует различия между социальными и гуманитарными науками. "Почему никто из российских исследователей не предполагает (вот это куда более серьезный вопрос!), что слепая экстраполяция трехстадийной схемы В.С. Степина из естественных наук на социально-гуманитарные науки может стать одним из глубочайших заблуждений российской философии социально-гуманитарных наук?"[Орехов, 2020, с. 76].

Подобная оценка логично ведет к тому, что Орехов А.М. выдвигает гипотезу, предполагающую, что в социально-гуманитарных науках была лишь одна-единственная революция, КМВ-революция, произошедшая во второй половине XIX первой трети XX в. О. Конт, К. Маркс, М. Вебер своими трудами произвели коренные, принципиальные изменения в структуре и содержании социально-гуманитарного знания. Во-первых, произошло разделение социально-гуманитарного знания. Во-вторых, позитивизм рассматривается как первая оригинальная методология социально-гуманитарного знания. В-третьих, осознание роли идеологии как конститутивной функции этого знания. КМВ - революция совершила переход от «натуралистического» периода социально-гуманитарного знания к «ойкуменическому» периоду его развития, продолжающемуся до сего дня. [Орехов, 2020, с.77].

Отказ от экстраполяции схем развития естественнонаучного знания на знание социально-гуманитарное способствует более глубокому осмыслению тенденций

развития социально-гуманитарного знания и способствует творческому поиску исследователей. Первый вопрос, который возникает связан с поиском общего во взглядах между О. Контом и К. Марксом. В глаза бросается не сходство двух мыслителей, а их коренные различия. Во-первых, альтернативное отношение к революции во Франции 1789 года: О. Конт напуган ходом революционной борьбы, в то время как К. Маркс считал революцию двигателем истории. В этих условиях родились две концепции социальных изменений эволюционная и революционная. За принципиальными различиями трудно увидеть общую основу. Безусловно, она была и представляет собой понимание того, что формируется новый стиль мышления, способный изменить социальную реальность к лучшему. О. Конт в "Духе позитивной философии" ведет речь о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества и приветствует то, что человечество находится на позитивной стадии. Задача "социальной физики", характеризующую позитивную стадию развития человечества, состоит не в ответе на вопрос почему, а на вопрос как [Конт, 2003, с. 26 -27]. Знания об обществе должны использоваться для улучшения человеческой жизни, прежде всего, рабочего класса. О. Конт ведет речь о народной политике, о народном образовании, о высоких моральных качествах пролетариата. Позитивизм заложил основы философии науки. Материалистическое понимание истории К. Маркса приводит его к пониманию движущих сил истории как борьбы классов, к необходимости пролетарской революции как условия построения будущего коммунистического общества. Первоначально идеология рассматривается К. Марксом как "ложное сознание", как неадекватное понимание собственных интересов рабочим классом, их подлинное осознание достигается в научной философии, выражающей интересы самого передового класса. У О. Конта философия науки, у К. Маркса научная философия.

На первый взгляд, идеи социолога М. Вебера принадлежат к другому столетию и выражаются в тенденции "расколдовывания мира". М. Вебер ведет речь о четырех типах действий: аффективном, традиционном, ценностно-рациональном и целерациональном. Целерациональное действие делает мир прозрачным, максимального своего проявления оно достигает в бюрократии [Вебер, 1990]. Высшим проявлением рациональности является научная рациональность. Таким образом, гипотеза КМВ выражает веру в человеческий разум, в необходимость научного подхода к преобразованию действительности. К. Маркс выразил эту мысль предельно ясно: "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его" [Маркс, 1955, с. 4].

КМВ гипотеза отражает определенный этап в развитии социально-гуманитарного знания, но не учитывает развития социально-гуманитарного знания как целого. История, например, существовала задолго до возникновения социальных наук. Р. Дж. Коллингвуд связывает новый научный подход с великой чисткой всего фантастического и недостоверного, что содержалось в средневековой историографии. Когда Ф. Бэкон разделил всю карту человеческого знания на три области поэзию, историю и философию, по мнению Р.Дж. Коллингвуда это было не только отрицанием претензии историка на предвидение будущего, а главным образом, отрицание идеи о главном деле историка как познании божественного замысла. Бэкона интересовали исторические факты сами по себе [Коллингвуд, 1980, с. 57].

Можно выдвинуть гипотезу, что КМВ -революции предшествовала еще одна революция, целью которой было дать описание социальной реальности на основе фактов. К тому же утверждать, что КМВ революция завершилась к моменту возникновения общества технауки. Исходя из развития только социально-гуманитарного знания можно выделить три качественно различных его этапа: описание, преобразование, конструирование социальной реальности. Предложенная схема без труда экстраполируется на развитие науки в целом.

Список литературы

1. Вебер 1990 - Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. https://royallib.com/book/veber_maks/o_nekotorih_kategoriyah_ponimayushchey_sotsiologii.html.
2. Коллингвуд 1980 - Р. Дж. Коллингвуд Идея истории. Автобиография М.: Наука, 1980. - 487 с.
3. Конт 2003 - Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). - Ростов н/Д.: "Феникс", 2003. - 256 с.
4. Кун 2003 - Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
5. Маркс 1955 - Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Э. Фридрих Соч. 2-е изд. М.: 1955. Т. 3. С. 1-4.
6. Орехов 2020- Орехов Андрей Михайлович "КМВ- революция" и ее значение для понимания эволюции современного социально-гуманитарного знания. // Право и государство: теория и практика. 2020. №11 (191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kmv-revolyuetsiya-i-ee-znachenie-dlya-ponimaniya-evolyutsii-sovremennogo-sotsialno-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Степин 1995 - Философия науки и техники: Учеб. Пособие / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М. А. Розов. - М.: Контакт-Альфа, 1995. -384 с.

УДК 343

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Репникова Наталья Алексеевна

Аспирант юридического факультета

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: n.repnickowa@yandex.ru

В данной работе рассматривается роль и применение метода моделирования при проведении судебно-экспертного исследования. Отмечается развитие метода моделирования в судебной экспертизе от начала его активного использования во второй половине XX века и до настоящего времени. Автором анализируется понятие модели как метода познания, а также как оно понимается в судебно-экспертной деятельности, отмечаются функции модели и основное ее использование в судебно-экспертном исследовании. В данной работе рассмотрены направления развития метода моделирования в судебно-экспертной деятельности. Автор в данной работе освещает вопрос об использовании искусственного интеллекта как вспомогательного средства для экспертного исследования и изучения объекта. И отмечается необходимость дальнейшего работы в области применения искусственного интеллекта для оформления экспертного исследования и создания информационно-справочных и информационно-поисковых систем.

Ключевые слова: судебная экспертиза, моделирование, искусственный интеллект, модель

ON THE CURRENT STATE OF THE ART OF MODELLING IN FORENSIC SCIENCE

Repnikova Natalya Alekseevna

Graduate student of the Faculty of Law

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: n.repnickowa@yandex.ru

This paper discusses the role and application of the modeling method in the conduct of forensic research. The development of the modeling method in forensic science from the beginning of its active use in the second half of the 20th century to the present is noted. The author analyzes the concept of a model as a method of cognition, as well as how it is understood in forensic activities, notes the functions of the model and its main use in forensic research. In this paper, the directions of development of the modeling method in forensic activities are considered. The author in this study, highlights the issue of using artificial intelligence as an auxiliary tool for expert research and study of the object. And the need for further work in the field of application of artificial intelligence for the design of an expert study and the creation of information and reference and information retrieval systems is noted.

Keywords: forensic science, simulation, artificial intelligence, model

При изучении совершенного деяния в различных видах судопроизводства, а также при расследовании преступлений возникает необходимость получения новой доказательственной информации из существующих и связанных с произошедшим событием предметов и следов. Но лицо, осуществляющее расследование, или суд не обладают специальными знаниями для получения данной информации и тогда появляется необходимость в назначении и проведении судебной экспертизы. В зависимости от вопросов, которые поставили эксперту на разрешение его исследование может быть идентификационным, диагностическим или направлено на реконструкцию произошедшего события, что определяет методику и применяемые им методы исследования. К таким методам относится и метод моделирования.

Моделирование в научных исследованиях различных областей знания, в частности и судебно-экспертной деятельности, активно начало применяться и развиваться в XX веке. В настоящее время интерес к моделям и моделированию остается также актуальным и можно отметить, что нет ни одной науки, которая не использовала бы данный метод как метод познания.

Длительный период в науке не существовало единого подхода к определению понятия «модель». В каждой области знания в это понятие могли вкладываться различные смыслы. Так в своей работе «Моделирование и философия» В.А. Штофф отмечает, что «анализ научной литературы показывает, что этот термин употребляется прежде всего в двух совершенно различных, прямо противоположенных значениях: 1) в значении некоторой теории и 2) в значении чего-то такого, к чему теория относится, т.е. что она описывает или отражает» [Штофф 1966, с 6-7].

Сам В.А. Штофф дает следующее определение модели – «это такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте» [Штофф 1966, с 17].

В данном определении можно выделить две основные функции модели:

1) создание модели позволяет представить объект исследования в визуальной упрощенной форме;

2) исследование модели в одной области знания позволяет перенести из нее информацию в другую менее изученную область знания.

Если мы будем говорить об использовании термина «модель» в судебно-экспертной деятельности, то необходимо отметить понятие, которое было дано Р.С. Белкиным: «модель – это специально созданные образцы предметов, устройств, систем, которые, воспроизводя объекты исследования, способны замещать их в процессе научного изыскания» [Белкин 2001, с. 92].

Данное понятие сводит использование метода моделирования в судебной экспертизе для изучения отдельных материальных объектов (гипсовых слепков, следов человека, изъятых на копировальные материалы), а также для изучения процессов

и механизмов различной сложности (механизма слеодообразования, различные технологические процессы). Выше сказанное позволяет отметить, что такой подход к определению модели хорошо раскрывает ее использование именно в практической деятельности судебного эксперта.

Применение моделей в судебно-экспертной деятельности закономерно привело к определению понятия криминалистической модели как искусственно созданной системы, которая воссоздаёт с определенной степенью сходства заменяемый ею объект. Изучение и проведения экспертного исследования данных моделей дает такую информацию об объектах-оригиналах, которая ранее была не известна, что может в дальнейшем служить основой для решения различных задач при раскрытии и расследовании преступлений, а также в рамках проведения различного рода судебных экспертиз. Но необходимо отметить, что для представления и воплощения в сознании человека определенной действительности, то прежде всего необходимо говорить о моделировании этой самой действительности и создании единого модельного образа.

Также необходимо отметить, что при развитии метода моделирования в судебно-экспертной деятельности еще во второй половине XX века Р.С. Белкиным были выделены следующие направления исследований:

- 1) возможность применение электронно-вычислительной машины (ЭВМ) в процессе проведения экспертизы, что повлекло за собой активную разработку и применение математического моделирования;
- 2) разработка и усовершенствование уже имеющихся технических приборов и средств, которые используются для копирования доказательств;
- 3) возможность преобразовывать в материальную модель внешний облик человека при помощи мыслительного процесса;
- 4) возможность изучения с целью получения информации, которая будет иметь доказательственное значение, посредством получения образов для экспертного исследования (реконструкция).

На настоящее время можно отметить, что большинство из выделенных им направлений до сих пор являются актуальными, хоть и требуют уточнений. Так, направление «возможность применение (ЭВМ) в процессе проведения экспертизы» уже представляется в виде «возможности применения искусственного интеллекта в процессе судебно-экспертной деятельности», разработанного на основе методов математического моделирования.

В учетом с Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 искусственным интеллектом считается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [Указ Президента РФ № 490 2019, п.1]. В данный комплекс входит информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Положительные стороны создания различных программ на основе искусственного интеллекта и их последующего внедрения в практическую экспертную деятельность:

- увеличение точности и скорости анализа объектов судебно-экспертной деятельности (искусственный интеллект может обрабатывать большие объемы информации и выявлять связи, которые могут остаться незамеченными при работе эксперта);
- снижение вероятности ошибок (искусственный интеллект не подвержен эмоциональным факторам, которые могут влиять на человека);

- сокращение времени, затрачиваемого на проведение экспертного исследования (использование искусственного интеллекта может сократить время, затрачиваемое на проведение экспертизы, что может быть важно в случаях, когда требуется быстрое принятие решения).

Но тут возникает вопрос: как эксперт может применять при осуществлении своей практической деятельности искусственный интеллект, если не понимает механизма его работы?

Данная дискуссия существовала еще в конце XX века, когда шло осмысление вопроса о применении ЭВМ в судебной экспертизе и тогда многие ученые-криминалисты высказывались по этой проблеме. Так, Р.М. Ланцман считал в что рамках применения ЭВМ: «анализ положительных результатов работы ЭВМ пока не дает возможности выявить конкретные признаки почерка, которыми оперирует машина, выдавая тот или иной ответ» [Ланцман 1968, с. 84]. А Л. Е. Ароцкер указывал «на возможность использования ЭВМ при исследовании вещественных доказательств с процессом познания судебным экспертом механизма функционирования электронной машины, уяснением принципа распознавания и принятия решения" [Ароцкер 1969, с. 183]. Анализируя все выше перечисленные авторские взгляды на данный вопрос можно отметить, что один из вариантов решения данной проблемы может быть осуществление обучения судебных экспертов основным принципам работы искусственного интеллекта для формирования понимания механизма его работы.

Также при применении искусственного интеллекта в практической деятельности эксперта возникают опасения о том, что экспертный вывод, который ранее формулировал человек, будет даваться «машиной», а именно искусственным интеллектом. Также могут возникать и различные ошибки в программном обеспечении, что может привести к неправильному выводу. В данном случае целесообразно использовать искусственный интеллект как вспомогательный инструмент, который эксперт может использовать для принятия всестороннего и объективного вывода.

Однако следует отметить, что перспективно применение искусственного интеллекта не для осуществления им самого процесса экспертного исследования, а его оформления, т.е. для составления заключения эксперта, а также для разработки информационно-справочных и информационно-поисковых систем и в их дальнейшем применения в практической экспертной деятельности.

Список литературы

1. Ароцкер Л. Е. Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике / Л. Е. Ароцкер // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969. Вып. 6. С. 182-190.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 2001 С. 265.
3. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / Е. В. Боровская, Н. А. Давыдова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 127 с.
4. Ланцман Р. М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка / Р. М. Ланцман. М.: Наука, 1968. 95 с.
5. Ларионова Е. Ю. Моделирование как метод научного познания: Часть II. Использование математического моделирования в судебно-экспертной деятельности / Е. Ю. Ларионова // – 2019 – № 2(2). – С. 124-128.
6. Камалова Г.Г. Состояние и перспективы компьютеризации судебной экспертизы // Информационные технологии в науке, образовании и производстве (ИТНОП-2018). VII Междунар. науч.-техн. конф.: сб. трудов конф. Белгород, 2018. С. 254-258.

7. Новик И. Б. О моделировании сложных систем (философский очерк). М., 1965. С. 42.
8. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.; А.: Наука, 1966 С. 6-7.
9. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации". <https://base.garant.ru/72838946> (дата обращения 12.04.2023 г.).

УДК 316

ЛОЯЛЬНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР: ОБЩИЕ УСЛОВИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Филиппов Сергей Иванович

*Кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германской филологии
гуманитарного института*

Новосибирский государственный университет

E-mail: filippow07@yandex.ru

Статья посвящена проверке и уточнению теоретической гипотезы об основных причинных факторах лояльности, а также интерпретации нескольких ярких случаев лояльности и нелояльности национальных и региональных элит в Российской империи и СССР. Лояльность понимается как переменная характеристика политических установок акторов (индивидов и групп), совмещающая признание легитимности власти, готовность следовать принятой политической стратегии, ответственно выполнять приказы и сообщать достоверную информацию о состоянии дел. На основе общих идей неовеберовской политической социологии выдвинута гипотеза о базовых факторах, укрепляющих лояльность. Чем в большей мере некая властная инстанция (например, имперский центр) воспринимается актором (например, местной элитой) как обеспечивающая его безопасность, социальный статус, доход и влияние (полномочия, политическое участие), тем выше будет лояльность актора к этой инстанции. В разных исторических контекстах веберовские социальные универсалии получают различные воплощения. На материале истории Российской империи и СССР рассмотрены случаи высокой лояльности (остзейское рыцарство, позднее донское казачество, «держава» Строгановых, поздняя грузинская аристократия, белорусская позднесоветская элита) и низкой лояльности (яицкое и раннее донское казачество, ранняя грузинская аристократия, литовская позднесоветские элита). Проведенный анализ не только подкрепил общую гипотезу, но также позволил уточнить факторы, источники, институциональные механизмы складывания разных уровней лояльности у разных типов местных элит в разных объективных обстоятельствах.

Ключевые слова: лояльность, социальный статус, символический престиж, социальные заботы, местные элиты, региональные элиты, национальные элиты, Российская империя, СССР, казачество, остзейские немцы, Строгановы, грузинская аристократия, польская шляхта, советская белорусская, литовская партийно-государственная элита

LOYALTY AND REVOLUTIONISM OF THE NATIONAL AND REGIONAL ELITES IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR: GENERAL CONDITIONS AND INSTITUTIONAL CONTEXTS

Filippov Sergey Ivanovich

PhD in Philosophy, Associate Professor

Novosibirsk State University

E-mail: filippow07@yandex.ru

The article deals with to the verification and clarification of the theoretical hypothesis about the general theoretical hypothesis on the main causal factors of loyalty, as well as the interpretation

of several vivid cases of loyalty and disloyalty of national and regional elites in the Russian Empire and the USSR. Loyalty is understood as a variable characteristic of the political attitudes of actors (individuals and groups), combining recognition of the legitimacy of power, readiness to follow the adopted political strategy (policy), responsibly following orders and reporting reliable information about the state of affairs. Based on the general ideas of neoWeberian political sociology, a hypothesis has been proposed about the basic factors that strengthen loyalty. The more an actor (e.g. the imperial center) perceives a certain authority (e.g. the local elite) as providing him security, social status, income and influence (authority, political participation), the higher will be the actor's loyalty to this authority. Weberian social universals are embodied in different historical contexts. The cases of high loyalty (the Ostsee knighthood, the later Don Cossacks, the "quasi-state power" of the Stroganovs, the late Georgian aristocracy, the Belarusian late-Soviet elites) and low loyalty (the Yaitsa and early Don Cossacks, the early Georgian aristocracy, the Lithuanian late-Soviet elites) are examined on the material of the Russian Empire and Soviet history. The analysis not only supported the general hypothesis, but also allowed to clarify the factors, sources, and institutional mechanisms of formation of different levels of loyalty of different types of local elites in different objective circumstances.

Keywords: loyalty, social status, symbolic prestige, social concerns, local elites, regional elites, national elites, Russian Empire, USSR, Cossacks, Baltic Germans, Stroganovs, Georgian aristocracy, Polish nobility, Soviet Belarusian, Lithuanian party-state elite

Лояльность и ее антиподы – склонность к бунтарству и «революционность» – является одной из самых обсуждаемых и эмоционально заряженных тем, по крайней мере, со времен Шекспира, вызывающей самые противоречивые мнения и оценки в публичном и научном дискурсе. С одной стороны, «лоялизм» подвергается критике как конформистская установка, предполагающая равнодушие и слепое следование воли начальства, противоречащая, таким образом, гражданской позиции [Ponomareff 1977, p. 58]. С другой стороны подчеркивается, что лояльность, в особенности, индивидов и сообществ, обладающих существенными ресурсами, является одним из важнейших условий стабильного развития общества и государства. Несмотря на устойчивый интерес к различным аспектам лояльности проблема условий лояльности или нелояльности индивидов (подданных, граждан) и групп по отношению к государственным и властным институтам, а также разного рода сообществам (этническим, профессиональным) остается нерешенной.

В настоящем исследовании лояльность понимается в качестве переменной, охватывающей разную степень поддержки местными элитами центральной власти. Показателями относительно высокого уровня лояльности элиты является ее борьба против внутренних и внешних врагов власти, явная поддержка официальной идеологии (религии) и системы ценностей, символов, выполнение принятых норм и неформальных правил взаимодействия, добровольное и систематическое участие в полагающихся ритуалах.

Показателями относительно низкого уровня лояльности по отношению к центральной власти являются участие в мятежах, протестных движениях, переход на сторону оппозиции или внешних противников режима, критическое отношение к официальной идеологии (религии) и системе ценностей, символам и ритуалам, в чтении, обсуждении и распространении запрещенной литературы, а также участия в ритуалах, противоречащих официальной религии или идеологии.

С учетом социальных универсалий в неовеберийской политической социологии [Mann 1986, p. 22–28], предположим, что элиты склонны проявлять лояльность по отношению к инстанциям и сообществам, обеспечивающим их базовые социальные заботы: безопасность, социальный статус и символический престиж, доход и влияние. Заботы выполняются благодаря и при активности обеспечивающих структур, к которым относятся социальные практики и институты с правилами взаимодействия [Розов 2022].

Для проверки и уточнения базовой гипотезы лояльности сопоставлены контрастные случаи, сходные друг с другом по существенным признакам – историческому периоду и/или региону проживания, долей элит в общем населении, и др., но резко отличающиеся друг от друга по уровню лояльности в отношении центральной власти (табл. 1).

Таблица 1. Пары контрастных случаев

Случаи с относительно низким уровнем лояльности	Случаи с относительно высоким уровнем лояльности
Польская шляхта (XIX – начало XX вв.)	Остзейское рыцарство (XVIII – начало XX вв.)
Донское казачество (XVII в.)	Донское казачество (XIX – начало XX вв.). Сибирское казачество (XVII – начало XX вв.)
Яицкое казачество (XVI – первая половина XVIII вв.)	«Держава» Строгановых (XVI – XVII вв.)
Грузинская элита (первая треть XIX в. (до наместничества М.С. Воронцова на Кавказе)	Грузинская элита (середина XIX – нач. XX в)
Литовская позднесоветская элита (конец 1980-х – нач. 1990-х гг.)	Белорусская позднесоветская элита (конец 1980-х – нач. 1990-х гг.)

Рассмотрим несколько ярких случаев (не)лояльности этнических (национальных) и региональных элит в контексте структур, обеспечивающих их заботы.

Ярким примером лояльных национальных элит является грузинское дворянство с середины XIX по начало XX вв.. В период наместничества М.С. Воронцова на Кавказе (1844–1854 гг.) прежде весьма своевольные представители «туземной» аристократии были инкорпорированы в институты государственной службы, успешно вовлечены в образ жизни имперского дворянства с практиками престижного потребления. Привлекательные для грузинской знати позиции в системе местного государственного управления и армии по крайней мере, частично (наряду с кредитом) обеспечивали им приемлемый уровень благосостояния, что усилило их зависимость от империи.

Еще одним примером лояльных трону этнических элит было немецко-балтийское рыцарство. В условиях слабости местных государственных институтов в Остзейском крае доступной альтернативой для местных элит является поступление на гражданскую или военную государственную службу за рубежом. Условиями успешности такой стратегии были формальный статус, необходимый для занятия престижных позиций на государственной службе, а также особый остзейский габитус, подразумевающий дисциплинированность, аккуратность, исполнительность и, конечно, лояльность. Все эти качества очень высоко ценились на тогдашнем международном бюрократическом рынке.

Совершенно иной стратегии социализации в условиях слабости местных государственных институтов придерживались соседи остзейцев – польско-литовская шляхта – формально эгалитарное сословие, состоящее из немногих богатых и влиятельных акторов – магнатов и многочисленной безземельной шляхты (чиншевиков). Благосостояние магнатов обеспечивало включенность в сети поставок зерна, производимого на плодородных землях Украины и продаваемого на рынках Западной Европы. Доходы от внешней торговли инвестировались в силовые ресурсы – частные армии, сопоставимые с государственной армией Речи Посполитой. Основу

частных армий составляла клиента, состоящая из чиншевиков. Они обеспечивают высокий социальный статус патрона, а также его безопасность и политическое влияние.

В поздний советский период также складывались неформальные сети клиентелы вокруг могущественного патрона. Лояльность участников такого рода неформальных сетей достигалась распространением практик и ритуалов, противоречащих официальной идеологии. Примером является позднесоветская литовская партийно-государственная элита. Лидером ее был несменяемый и влиятельный первый секретарь ЦК КПЛ А. Снечук, а своеобразной гарантией корпоративной лояльности стало, например, празднование католического рождества.

Если государство обеспечивает конкурентные преимущества в процессе производства и/или реализации продукции, то зависимость успеха коммерции от государства растет, и это повышает лояльность местных элит по отношению к центральной власти. Примером является династия промышленников Строгановых, благосостояние которой основывалось на добыче соли и торговле ей. Строгановы были ориентированы на внутренний рынок, поскольку цены на соль в России были выше, чем в Европе [Введенский 1962, с. 300; Флоря 1973, с. 146]. Государство выступало естественным союзником промышленников, выступавших в качестве официальных производителей и поставщиков соли на российский рынок: в стоимость соли был включен налог, и власть боролась с «альтернативной» соледобычей. Не удивительно, что обладающие колоссальными богатствами и влиянием Строгановы («выше нас – только цари») оставались неизменно лояльны центральной власти.

Несколько столетий спустя история повторилась с белорусскими партийно-хозяйственными элитами и населением республики. На территории Белоруссии были размещены крупные промышленные предприятия, как правило, значительно удаленные как от конечных потребителей, так и от источников сырья и энергоносителей. Они были интегрированы в экономическую систему СССР в целом и шире – СЭВ [СССР..., 2007, с. 148]. Сети получения ресурсов и сбыта продукции через поддержку союзного центра, стали структурами, обеспечивающими благосостояние и высокую лояльность местных элит.

Растущая зависимость благосостояния элит от государственной службы может, как это не парадоксально, вести к росту их нелояльности. Примером служит донское и запорожское казачество XVII в. периода «великих восстаний» (В. Ус, С. Разин, Б. Хмельницкий), которые, по сути, представляли собой силовой торг с государством за жалование [Филиппов 2019].

Участие в эгалитарных военизированных сообществах, к числу которых принадлежали казаки, сопряжено с существенными издержками для их верхушки, поскольку распространенные там нормы и практики препятствуют накоплению и передаче по наследству богатства, престижному потреблению. Не удивительно, что казацкая старшина рано или поздно вступает в союз с правительственной администрацией, оказывая содействие в ликвидации самоуправления [Мальцев 2011, с. 23].

Сравнительный анализ национальных и региональных элит показал, что их базовые социальные заботы обеспечиваются структурами (институтами) трех основных типов:

а) иерархические военно- и гражданско-бюрократические институты, обеспечивающие присвоение формальных статусов с соответствующим материальным вознаграждением (жалованием) и символическим престижем;

б) патрон-клиентские сети;

в) самоуправляющиеся эгалитарные сообщества.

Карьера в государственных структурах доступна, прежде всего, для претендентов, уже обладающих не вызывающим сомнения (подтвержденным формально) престижным

статусом (из аристократии или дворян) и/или демонстрирующих качества, востребованные в иерархических военно- и гражданско-бюрократических институтах – исполнительность, дисциплинированность и аккуратность, контроль аффектов и подавление агрессии.

Условием образования сетей патрон-клиентского типа является наличие акторов обладающих значительными ресурсами, которые обеспечивают им определенную независимость от местной, а подчас и от центральной власти, что делает службу на патрона более привлекательной и/ или доступной для представителей средних и низших элитных страт. От них ожидается демонстрация безусловной личной преданности в том числе, действиями и участием в ритуалах, противоречащих официальным нормам.

Самоуправляющиеся эгалитарные сообщества как обеспечивающие структуры являются предпочтительными для депривированных представителей средних и низших элитных страт, либо для претендентов в элиту. Их успешная карьера в госструктурах не возможна в силу отсутствия формального статуса, а также из-за специфического габитуса, не приемлемого для иерархических военно- и гражданско-бюрократических институтов.

Список литературы

1. Введенский 1962 – Введенский А.А. Дом Строгановых. М.: Соцэкгиз, 1962. 306 с.
2. Мальцев 2011 – Мальцев Д. Как готовили «поход на индус » // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.
3. Розов 2022 – Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 355 с.
4. СССР после распада. Под общей редакцией О.Л. Маргания, Д.Я. Травина. СПб.: Экономическая школа, 2007. 544 с.
5. Филиппов 2019 – Филиппов С.И. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестник Омского государственного университета. 2019. Том 24. № 1. С. 111–117.
6. Флоря 1973 – Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в. // Средние века. 1973. №36. С. 129–151.
7. Mann 1986 – Mann M. The Sources of Social Power. Volume 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge University Press. 1986. 578 p.
8. Ponomareff 1977 – Ponomareff D. Political Loyalty and Social Composition of a Military Elite: The Russian Officer Corps, 1861–1903. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1977. 75 p.

Часть 4. Исследовательский университет: история и современность (к 160-летию университетского устава Александра II)

УДК 130.2

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО (ГУМБОЛЬДОВСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕТРОСПЕКТИВЫ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Бакулов Виктор Дмитриевич

*Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии
и методологии науки*

Южный федеральный университет

E-mail: vdbakulov@sfedu.ru

Силенко Светлана Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедрой философии и методологии науки

Южный федеральный университет

E-mail: svsilenko@sfedu.ru

Модель классического университета в России претерпела ряд изменений в течение двадцатого столетия. Появление новых, по сравнению с гумбольдтовской, моделей университета, привело к очередному этапу реформирования науки и образования в нашей стране. Специфика образовательных моделей, в том числе и моделей университетского образования, во многом определяется особенностями тех культурных традиций, в контексте которых они сформировались. Осмысление взаимосвязи культуры и образования стало особенно актуальным в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия в образовательной сфере. Наряду с межкультурным взаимодействием, обуславливающим интеграцию различных образовательных систем, неотъемлемой стороной этой деятельности является необходимость сохранения уникальности образовательных традиций различных культурно-цивилизационных ареалов, многовекового опыта их образовательных моделей. В настоящее время можно говорить о таких сложившихся крупных образовательных моделях как западная и российская. Исследовательские и образовательные учреждения, принадлежащие к этим моделям, интенсивно соперничают между собой в различных областях в течение XX-XXI веков. Университет является центральным звеном системы образования и все, что с ним происходит в современных условиях более чем репрезентативно не только для образования, но и для всех связанных с ним сфер социальной жизни.

Ключевые слова: наука, культура, творчество, исследовательский университет, корпоративный университет, образование.

THE DOMESTIC MODEL OF THE CLASSICAL RESEARCH (HUMBOLDT) UNIVERSITY: HISTORICAL RETROSPECTIVES AND NEW PERSPECTIVES

Bakulov Viktor Dmitrievich

DSc in Philosophy, Professor

Southern Federal University

E-mail: vdbakulov@sfedu.ru

Silenko Svetlana Vladimirovna

PhD in Philosophy, Assistant Professor

Southern Federal University

E-mail: svsilenko@sfedu.ru

The model of a classical university in Russia has undergone a number of changes during the twentieth century. The emergence of new models of the university, compared with Humboldt's, led to the next stage of reforming science and education in our country. The specificity of educational models, including models of university education, is largely determined by the peculiarities of those cultural traditions in the context of which they were formed. Understanding the relationship between culture and education has become especially relevant in the context of intensive intercultural interaction in the educational sphere. Along with the intercultural interaction that determines the integration of various educational systems, an integral part of this activity is the need to preserve the uniqueness of educational traditions of various cultural and civilizational areas, the centuries-old experience of their educational models. Currently, we can talk about such established large educational models as Western and Russian. Research and educational institutions belonging to these models intensively compete with each other in various fields during the XX-XXI centuries. The university is the central link of the education system and everything that happens to it in modern conditions is more than representative not only for education, but also for all related spheres of social life.

Keywords: science, culture, creativity, research university, corporate university, education

История развития университетского образования в России оказалось связана и использованием модели классического университета в его гумбольдовской исследовательской ипостаси. Это обусловлено тем, что, если рассматривать этот вопрос в плане исторической ретроспективы, становится очевидной обусловленность становления университетов в нашей стране, впрочем, как и академических научных учреждений, влиянием немецкой науки и образования предшествовавшего периода. Именно это влияние сыграло свою положительную роль в том, что именно гумбольдовская модель университета стало образцом для построения нашей модели университетского образования.

В современных условиях при наличии и активном продвижении других моделей университетского образования (позиционируемых как новых, современных, прогрессивных и прочее), понятия классический университет и исследовательский гумбольдовский университет почти становятся синонимами. В первую очередь в качестве таких современных моделей позиционируются модель «предпринимательского университета» [Centobellia et al. 2019, p. 172-194], предложенная Бертоном Р. Кларком [Кларк 2011], а также модель университета «третьего поколения», автором концепции которого стал Йохан Г. Виссема [Виссема 2019] и уже нашедшей свое определенное практическое воплощение (Bert van der Zwaan, профессор Утрехтского университета) [Zwaan 2017]. Влиятельной является концепция «корпоративного университета» (Бостонская консалтинговая группа, BCG) [Kolo et al., 2013, web].

Влияние германских традиций на российскую университетскую систему особенно заметно в XIX веке, когда замысел представителей немецкого идеализма о единстве образования и исследования стремились воплотить в российской университетской практике. Это отразилось в университетской политике графа С.С. Уварова, проводимой им в качестве попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, а также на посту министра народного просвещения и президента Императорской Академии наук. Одна из основных идей С.С. Уварова - «образование человека наукой» вполне созвучна германским гуманистическим традициям. В то время как идею Канта о необходимости служения «чистой науке», которая в своей высшей форме представлена философией, Уваров не разделял, полагая, что университет должен способствовать общественному развитию, совершенствуя науку и образование и подготавливая гражданина к службе отечеству [Андреев 2009, с. 525-527].

Дискуссии о модели российского университетского образования продолжались на протяжении всего XIX века, о чем свидетельствует принятие четырех университетских уставов в 1804, 1835, 1863, 1884 гг. Если идея единства образования и исследования

разногласий не вызывала, то вопросы, касающиеся взаимодействия университета и государственной власти, университета и общества дискутировались очень активно. Отличие российской традиции от западной состояло в значительном влиянии государственной власти на организацию деятельности университета как в области финансирования, так и в области управления, вследствие чего усиливалось влияние государственной бюрократии, и идея сохранения в университете «научного духа» в соответствии с немецкими традициями на практике нередко подвергалась значительным искажениям. Дело осложнялось также значительной вовлеченностью российского академического сообщества (и студенчества, и профессуры) в общественную жизнь и политические движения, что в определенные периоды приводило к противостоянию с властью и сокращению академических свобод.

В XX веке российский университет оказался в средоточии еще более сложных социальных перипетий, испытав влияние тех многочисленных социально-политических потрясений, которые происходили в стране. Пройдя сложный путь от Института красной профессуры до выдающихся достижений в ядерных и космических исследованиях, университет сохранил ту модель образования, в которой важную роль играет творческая личность и осуществляется «образование человека наукой». Развитие творческих способностей человека рассматривалось как необходимое условие создания и быстрого освоения нового знания, а также как условие самостоятельной профессиональной переориентации.

Очень ярко эту идею выразил знаменитый советский философ Э. В. Ильенков: «Ум, интеллект, вообще, формируется только в ходе индивидуального усвоения умственной культуры, созданной трудом всех предшествующих поколений людей. Ум, собственно говоря, и есть не что иное, как эта исторически развившаяся умственная культура, превратившаяся в ходе образования в личное достояние, в личную собственность индивида. Ничего другого в составе «ума» нет. Поэтому первым условием воспитания ума является открытый – для каждого – доступ ко всем сокровищам духовной культуры» [Ильенков 1977, с. 21].

О ключевой роли человека-творца в научной деятельности писал известный философ и науковед М. К. Петров: «Науке нужен талант, т. е., люди, сохранившие способность создавать новые связи идей, самостоятельно мыслить, не падать ниц ни перед лестью, ни перед авторитетами. Науке нужны свободные люди, люди хорошие и разные, причем разные – обязательно. Все процессы науки на всех уровнях, – от создания гипотез и экспериментальной их проверки до испытаний прототипов новой техники – предполагают участие человеческой головы... Все остальное – исследовательское оборудование, лаборатории, вычислительные центры, ускорители – все это крайне важно и нужно. Но все это лишь средства – рабочий стол творца. На этом столе может быть все, что угодно, и чем больше здесь всяких диковин, в том числе и дорогостоящих, тем лучше. Но если за столом пусто, если нет человека-творца, то все эти диковины – мертвая груда бесполезного хлама» [Петров 1992, с. 179].

Советская образовательная модель, ориентированная на развитие творческого потенциала личности, при всех присущих этой модели недостатках, связанных, прежде всего, с организацией науки, доказала свою основательность и эффективность уже тем, что в постсоветские годы, в условиях очередной ломки академических традиций, российской науке удавалось сохранить свою научную специализацию по ряду исследовательских направлений. Это видно по результатам статистического анализа, проведенного ЮНЕСКО в 2010 году. В частности, в докладе ЮНЕСКО по науке отмечено, что в качестве таких приоритетных для Российской Федерации научных специальностей можно отметить физику, математику, науки о космосе и о Земле [Холландерс, Созт 2010, с.16].

В последующие годы реформы науки и образования, выразившиеся в переориентации исследовательской деятельности с академических структур на университетские, привели к возрастанию нестабильности в университетской среде вследствие длительной структурной реорганизации, усилению бюрократического влияния и даже своеобразном отрицании научных идеалов, проявившемся в увеличении объема плагиата и других способов имитации реальных научных результатов.

Безусловно, в условиях бурно развивающегося социума и взрывного роста научно-технологических достижений университет с необходимостью подвергается определенной трансформации, связанной с международной интеграцией, развитием междисциплинарных исследований, включением в экономическую деятельность в качестве одного из ключевых субъектов последней, и здесь снова становится актуальным вопрос о ценностях и идеалах Университета. Суть этого вопроса состоит в осмыслении соотношения между такими традиционными для науки и образования гуманистическими идеалами как стремление к истине, свобода личности, ценность творчества и утилитарными целями бизнес-структур и бюрократического аппарата. Поскольку университетское сообщество в современных условиях включает в себя не только «учащих и учащихся», но и администраторов и представителей бизнеса, то возникает серьезная опасность конфликта интересов представителей разных «страт» Университета.

Список литературы

1. Андреев 2009 – Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Языки славянской культуры, 2009. С. 525-527.
2. Виссема 2019 – Виссема Й.Г. Университет третьего поколения. М.: Олимп-Бизнес, 2019. 286 с.
3. Холландерс, Созт 2010 –Холландерс Х., Созт Л. Растущая роль знаний в глобальной экономике // Доклад ЮНЕСКО по науке за 2010 г. Современное состояние науки в мире. Рабочее резюме. Издательство ЮНЕСКО. 2010. С. 16.
4. Ильенков 1977 – Ильенков Э.В. Учитесь мыслить смолоду. М.: «Знание», 1977. С. 21.
5. Кларк 2011 – Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2011. 237 с.
6. Петров 1992 – Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1992. С. 179.
7. Kolo et al. 2013 – Corporate Universities. An engine for human capital // P. Kolo et al. URL:<https://www.bcg.com/publications/2013/people-organization-corporate-universities-engine-human-capital>. (дата обращения 12.04.2023).
8. Centobellia et al. 2019 –Centobellia P. et al. Exploration and exploitation in the development of more entrepreneurial universities: A twisting learning path model of ambidexterity // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 141. P. 172-194.
9. Zwaan 2017 – Zwaan B. van der. Higher education in 2040. A global approach. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. 255 p.

ДОЛЖЕН ЛИ УНИВЕРСИТЕТ БЫТЬ СВОБОДЕН ОТ ПОЛИТИКИ? ОТВЕТ ДЖ. ДЬЮИ

Галлямов Роман Ильмирович

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: gallyamovri@gmail.com

Университет – это социальный институт с большой историей, независимо от того, когда мы полагаем ее начало. Как и другие социальные институты, университет не может оставаться автономным и индифферентным к социальным процессам, в том числе к политическим. Поэтому за историю существования Университета мыслители предлагали различные формы его взаимоотношения с институтом политического управления. Одним из наиболее интересным вариантов развития взаимоотношений институтов образования и власти предложил американский философ Дж. Дьюи.

Согласно Дьюи, образование и демократия являются неразрывно связанными феноменами современного общественного политического устройства. Демократия, в свою очередь, представляется для мыслителя неким идеальным политическим устройством, при котором каждый человек имеет все возможности для развития своих способностей. Благодаря этим возможностям, человек воспитывается как политический субъект, который является основанием для постоянного развития этого политического устройства.

Местом, где должен происходить главный процесс такого устройства, а именно – воспитание политического субъекта, Дьюи считает школу, где студент получает доступ к политическим ценностям и идеалам, и где в нем воспитывается критическое мышление, моральная ответственность и общая образованность.

Таким образом, ответ Дьюи на вопрос о независимости университета от политического контекста таков: развитие общества возможно только при тесной связи институтов политического управления и образования.

Ключевые слова: Университет, политическая власть, Дж. Дьюи, образование, демократия, политический субъект

SHOULD THE UNIVERSITY BE POLITICAL FREE? J. DEWEY'S ANSWER

Gallyamov Roman Ilmirovich

Graduate student

Saint Petersburg University

E-mail: gallyamovri@gmail.com

The university is a social institution with a long history, regardless of when we believe it began. Like other social institutions, the university cannot remain autonomous and indifferent to social processes, including political ones. Therefore, throughout the history of the existence of the University, thinkers have proposed various forms of its relationship with the institution of political management. One of the most interesting options for developing the relationship between educational institutions and government was proposed by the American philosopher J. Dewey.

According to Dewey, education and democracy are inextricably linked phenomena of the modern social political order. Democracy, in turn, appears to the thinker as a kind of ideal political system, in which each person has every opportunity to develop his abilities. Thanks to these opportunities, a person is brought up as a political subject, which is the basis for the constant development of this political device.

The place where the main process of such a device should take place, namely the education of a political subject, Dewey considers the school, where the student gets access to political values and ideals, and where critical thinking, moral responsibility and general education are brought up in him.

Thus, Dewey's answer to the question about the independence of the university from the political context is as follows: the development of society is possible only with a close connection between the institutions of political management and education.

Keywords: University, political power, J. Dewey, education, democracy, political subject

История университетского образования имеет достаточно большую и интересную историю, чтобы находить в ней отражения процессов, которые происходили в обществе. История университета как социального института начинается, хотя и с оговорками, уже в XI веке, хотя критерию научного-педагогического сообщества удовлетворяют конечно же и древнегреческие философские школы.

Было бы странно, если бы богатая история университета оставалась замкнутой в себе, автономной и индифферентной по отношению к социальным процессам. Еще страннее, если бы эту автономию не пыталась нарушить политическая власть, чтобы использовать функции университета для достижения своих политических установок. Такой точки зрения придерживался, например, Мишель Фуко, когда писал о том, что власть, в том числе политическая власть, стремится использовать научное знание для управления населением [Фуко 2011, с. 252-253]. И вот, если мы говорим об исследовательском университете, преподаватель, который одновременно является исследователем, становится шестеренкой в механизме управления людьми, а главная проблема заключается в том, что он не отдает себе в этом отчет, пока не достигнет определенного уровня саморефлексии.

Но не стоит думать, что отношение между университетом и политической властью строится именно по такой схеме, которую показал нам французский мыслитель. Эта взаимосвязь может иметь и более позитивные и более конструктивные следствия, ведь университет – это не только исследовательская функция, результат которой – способ управления природой и людьми. Кроме исследования университет предполагает образование, *Bildung*, что с немецкого означает построение себя, воспитание своей личности в стенах университета. Соответственно, тот, кто строится в этих стенах, является не просто вещью в себе. Как и университет не может оставаться автономным по отношению к социальным процессам, так и студент не может быть чужд той среде, в которой он находится: он не может построить себя полностью аполитичным. Ростки этой позиции мы видим еще в античной философии, где обучение наукам тесно связано с обучением управлять государством. Вспомним, что Диоген-киник говорил, что основа любого государства – образование молодежи.

Более четко эта позиция выражена в трудах американского философа и педагога Дж. Дьюи. В начале XX века Дж. Дьюи развил педагогическую систему, которая зиждилась на убеждении, что будущее демократического общества напрямую зависит от образования, которое это общество способно дать своей молодежи. Учитывая то, что философ чаще говорит о демократии, стоит иметь в виду, что под ней он подразумевает не американскую политическую систему начала XX века. Более того, он не имеет в виду вообще какую бы то ни было реально существующую политическую систему. Демократия для Дьюи – это идеальная форма управления государством, «обозначение жизни свободного, развивающегося сообщества» [Дьюи 2002, с. 134]. Для Дьюи гораздо важнее того, как назвать такой тип устройства, было то, что в нем для человека создаются все необходимые условия для развития человеческих способностей, которые, в свою очередь, являются основанием для воспроизводства социального порядка. Таким образом, даже в антиутопическом мире, в котором у человека вместо имени есть номер, а вместо свободы – четкий распорядок дня, если он в полной мере развивает и проявляет свои способности, он живет государстве с правильной системой образования.

Однако при том, что демократия по Дьюи – это не демократия в общепринятом смысле, институт образования в системе мыслителя все же остается неразрывно связан с институтом политического управления. Эта связь является «обоюдной, взаимобратной, просто-таки кровной связью» [Дьюи 2003, с. 157]. Дьюи писал: «Демократия сама по себе есть принцип педагогики, ее критерий и политика» [Там же, с. 159].

Тесная связь политического управления и системы образования проявляется уже на символическом уровне: «Внешними и главным образом чисто техническими символами и выражениями демократии являются избирательная урна и правило большинства. Это лишь приемы, приспособления, наилучшие из когда-либо созданных, но в основе их лежат две идеи: во-первых, возможность, право и обязанность каждого индивида формировать собственные убеждения, а также высказывать убеждения, касающиеся его места в общественном устройстве и отношения данного устройства к его личному благосостоянию; во-вторых, это признание каждого члена общества индивидуальным и равным и в то же время равным всем остальным, в силу чего решающее общественное волеизъявление считается совокупным выражением идей большинства. Думаю, до нас, возможно, лишь недавно начало доходить, что именно эта вторая идея и является стержнем всякого серьезного образования. Еще в школьных стенах мы начинаем понимать, что знание, развивающее наш ум и характер, приходит не только во время общения с учебником или педагогом и что личность становится образованной лишь с той поры, когда она уже способна делиться собственным опытом, хотя подноготная ее опыта к данному времени может быть еще незначительна и слаба; и, наконец, что просвещенность приходит с отдачей и приобретением, с обменом опытом и идеями» [Там же, с. 158].

С другой стороны, Дьюи отмечал, что демократия не способна развиваться без поддержки со стороны образования. Это значит, что институт образования, будь то школа или университет, являются проводниками политических ценностей в мир молодого поколения. Однако для Дьюи здесь важно не перейти грань между трансляцией ценностей и идеалов и навязывания политических идей, ведь, последнее в конце концов приведет к уничтожению возможности свободного мнения и равенства, а значит к уничтожению демократии, как ее понимал Дьюи.

Не будучи марксистом, но следуя одиннадцатому тезису о Фейербахе, Дьюи предлагает реальные шаги к тому, чтобы современное ему общество стало ближе к тому идеальному устройству, которое он описывает. Он предлагает каждую из школ сделать зародышем «... общественной жизни, создать в ней активную работу, которая бы отражала бы жизнь более широкого общества и была бы проникнута насквозь духом искусства, истории и науки. Когда школа воспитает и выработает из каждого ребенка нашего общества члена подобной маленькой общины, пропитает его духом служения обществу и снабдит его средствами для творческой самостоятельности, тогда мы будем иметь самую твердую и самую лучшую гарантию в том, что и широкое общество станет достойным, более приятным и более гармоничным» [Дьюи, 1924, web].

Образование, таким образом, является для Дьюи средством развития общества, «метод социальных преобразований и прогресса. Преобразования, вводимые силою закона и страхом наказания или опирающиеся на перемены во внешнем механическом строе, - преходящи и непрочны. Воспитание регулирует процесс подготовки к участию в социальном сознании, и приспособление индивидуальной деятельности к данным этого сознания есть единственно надежный метод социального переустройства» [Дьюи, 1924, web].

Таким образом, Дж. Дьюи решает вопрос о том, должен ли университет быть связан с политическим контекстом, следующим образом: для него образование должно

становится средой, в которой человек развивается как политический субъект, а государство – это аппарат, который обеспечивает функционирование института образования таким образом, в котором подобное воспитание политического субъекта возможно. С другой стороны, стабильное развитие общества невозможно без субъектов демократии, которые являются образованными людьми и которые ориентируются в культуре, способные к саморегуляции, критическому мышлению и моральной ответственности.

И опять же, не будучи марксистом, но следуя одиннадцатому тезису о Фейербахе, Дьюи сделал несколько попыток организации школьного образования таким образом, чтобы оно отвечало его представлениям о правильном воспитании и развитии демократического общества. По различным причинам Дьюи был вынужден завершить эти проекты, однако результаты, которые он получил, а также теоретическое обоснование его проектов легли в основу множества современных образовательных проектов, которые интегрированы в образовательные программы различных государств.

Список литературы

1. Дьюи, 1897, web – Дьюи Дж. Мое педагогическое кредо. 1897. URL: http://www.xn--80aim3aeec.xn--p1ai/publ/rekomenduemye/j_dewey_my_pedagogic_creed/2-1-0-136 (дата обращения: 10.04.2023)
2. Дьюи 2002 – Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.
3. Дьюи 2003 – Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494 с.
4. Дьюи, 1924, web – Дьюи Дж. Школа и общество. 1924. Электронный ресурс. URL: http://jorigami.narod.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_02_Dewey_J_The_School_and_Society.htm (дата обращения: 10.04.2023)
5. Фуко 2011 – Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

УДК 74.58

ПОЧЕМУ МЕНДЕЛЕЕВ ОТКАЗАЛСЯ РАБОТАТЬ В ЛАБОРАТОРИИ Р. БУНЗЕНА?

Дмитриев Игорь Сергеевич

Доктор химических наук, старший научный сотрудник

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

E-mail: isdmitriev@gmail.com

Реализация идеи исследовательского университета, основанного на принципах академической свободы и единства исследования и образования, предложенной В. фон Гумбольдтом в начале XIX столетия, столкнулась, как показывает историко-научный анализ, с существенными трудностями. На примере новой (1855 года постройки) химической лаборатории Гейдельбергского университета (Великое герцогство Баден), возглавлявшейся Р. Бунзеном, показано, что несмотря на сравнительно благоприятные условия для сочетания исследовательского и образовательного процессов в этой лаборатории, ряд молодых и впоследствии выдающихся ученых (Д. И. Менделеев, А. П. Бородин, А. Кекуле, Э. Эрленмейер и др.) отказались работать в ней и предпочли трудиться и читать лекции в гораздо худших условиях (к примеру, импровизированная лаборатория Кекуле располагалась в квартире над лавкой торговца мукой). Однако, несмотря на последнее обстоятельство, Кекуле и Эрленмейеру удалось привлечь в качестве слушателей, учеников и сотрудников множество способных начинающих исследователей и получить важные

научные результаты. В данной работе рассмотрены причины отказа ряда молодых ученых работать у Бунзена в контексте общих условий возможности реализации проекта В. фон Гумбольдта.

Ключевые слова: университет Гейдельберга, Бунзен, Менделеев, Бородин, Кекуле, Эрленмейер

WHY DID MENDELEEV REFUSE TO WORK IN R. BUNSEN'S LABORATORY?

Dmitriev Igor Sergeevich

DSc in Chemistry, Senior Researcher

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology

E-mail: isdmitriev@gmail.com

The implementation of the idea of a research university, based on the principles of academic freedom and the unity of research and education, proposed by W. von Humboldt in the early 19th century, encountered significant difficulties, as historical and scientific analysis demonstrates. The example of the new (built in 1855) chemical laboratory of Heidelberg University (Grand Duchy of Baden), headed by R. Bunsen, shows that despite relatively favorable conditions for the combination of research and educational processes in this laboratory, a number of young and later outstanding scientists (D. I. Mendeleev, A. P. Borodin, A. Kekulé, E. Erlenmeyer, etc.) refused to work there and preferred to work and lecture in much worse conditions (for example, Kekulé's improvised laboratory was located in an apartment above a flour merchant's shop). Despite the latter circumstance, however, Kekulé and Erlenmeyer were able to attract as students, pupils, and collaborators many capable novice researchers and to obtain important scientific results. In this paper, in the context of the general conditions of the possibility of W. von Humboldt's project, we consider the reasons why a number of young scientists refused to work for Bunsen.

Keywords: Heidelberg University, Bunsen, Mendeleev, Borodin, Kekulé, Erlenmeyer

Как известно, концепция классического национального университета была предложена и отчасти реализована Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835) в созданном им в 1809 году Берлинском университете. Эта концепция, в отличие от английской модели интеллектуального университета, опиралась на два фундаментальных принципа: академической свободы и единства исследования и преподавания.

Следует отметить, что в той или иной мере идеи В. фон Гумбольдта были восприняты и в других германских университетах. В данной статье речь пойдет о практике совмещения образования и исследовательской деятельности в химической лаборатории Р. В. Бунзена (R. W. Bunsen; 1811–1899) Гейдельбергского университета, т. е. университета Великого герцогства Баденского, в 1850–1860-х годах. При этом особый акцент будет сделан на причинах *отказа* ряда молодых талантливых ученых, в числе которых можно назвать Д. И. Менделеева (1834–1907), А. П. Бородин (1833–1887), А. Кекуле (F. A. Kekulé von Stradonitz; 1829 – 1896), Э. Эрленмейера (E. Erlenmeyer; 1825–1909) и др., работать в лаборатории Бунзена. Анализ указанных причин важен для понимания некоторых имманентных трудностей реализации идеи В. фон Гумбольдта.

Д. И. Менделеев отправился за границу, не имея еще четкого представления, в каком университетском городе будет работать. Но программа научных исследований у него была. В ее основе лежала идея о тесной связи физических и химических свойств веществ. Особую важность он придавал в то время исследованию сил сцепления частиц, природу которых он (как впоследствии выяснилось, ошибочно) отождествлял с природой сил химического сродства. За границей Дмитрий Иванович намеревался заняться измерением поверхностного натяжения жидкостей (т. е. явлением капиллярности) при различных температурах. Замечу, что это была именно его, Менделеева, оригинальная программа.

В иной ситуации оказался А. П. Бородин, который перед отъездом за границу получил обстоятельное напутствие от Н. Н. Зинина: изучить методы теоретической и прикладной химии в парижских лабораториях Ш. А. Вюрца, М. Бертло и А. Сент-Клер Девиля, в лондонской лаборатории А. В. фон Гофмана, поработать у И. Шерера в Вюрцбурге и у Ю. Либиха в Мюнхене, посетить зарубежные фабрики, заводы и месторождения полезных ископаемых. Но прежде всего – в Гейдельберге у Р. Бунзена освоить метод газометрии. Поэтому Бородин поначалу, в октябре 1859 года, направился именно туда, к берегам Неккара.

Менделеев остановил свой выбор на Гейдельбергском университете в конце мая 1859 года, т. е. спустя месяц после выезда из Петербурга, и этот месяц он он провел в поездке по городам Европы, где покупал приборы и реактивы.

Следует также сказать о ситуации в Гейдельбергском университете в начале второй половины XIX века. В Бадене к этому времени сформировались традиции сравнительно прогрессивного правления и просвещенной научной политики. К примеру, в 1852 году одновременно Великое герцогство Баден и Баварское королевство предложили выдающемуся немецкому химику Юстусу Либиху (*J. Freiherr von Liebig*; 1803–1873) хорошо оплачиваемую профессию соответственно в Гейдельберге и в Мюнхене. К тому времени Либих изрядно устал от преподавания, особенно, от руководства лабораторными работами. Баденское правительство обещало построить для него самую большую и лучшую академическую лабораторию в немецких землях, но ... у Баварии, как оказалось, были *deeper pockets*, в силу чего Либих отправился в Мюнхен. Однако Бадену удалось привлечь в Гейдельберг конкурента Либиха Р. Бунзена из Бреслау (в прусской Силезии), который сменил в должности профессора химии Леопольда Гмелина (*L. Gmelin*; 1788–1853). Во время предварительных переговоров Бунзен выдвинул правительству Бадена более умеренные требования, чем Либих, но настаивал на строительстве нового здания химической лаборатории, которое, в итоге, и было возведено в 1855 году. Но даже без учета постройки новой лаборатории, Гейдельберг в 1850-х годах был одним из самых популярных научных мест Европы. Бунзен в то время был в расцвете сил, к нему присоединился физик Густав Кирхгоф (*G. R. Kirchhoff*; 1824–1887), кроме того, в 1858 году туда же, в Гейдельберг, из Бонна прибыл Герман Гельмгольц (*H. von Helmholtz*; 1821–1894), а в 1864 году – Герман Копп (*H. Kopp*; 1817–1892) из Гиссена.

Бунзен отличался широким научным кругозором, и особенно своим интересом к физике. Как он любил повторять, «*Ein Chemiker der kein Physiker ist, ist gar nichts*» («Химик, который не является физиком – ровным счетом ничто») [Roscoe 1900, p. 554]. По-видимому, Менделееву, который писал в одном из отчетов – «главный предмет моих занятий есть физическая химии» [Младенцев, Тищенко 1938, с. 226], такая позиция была близка. Правда, под словами «физическая химия» каждый исследователь понимал свое.

До переезда в Гейдельберг Бунзену приходилось работать в разных условиях. Наилучшей лабораторией, в которой ему посчастливилось трудиться в 1828–1830 и в 1834–1836 годах, стала созданная в 1783 году и постоянно модернизируемая лаборатория его учителя Фридриха Штромейера (*F. Stromeyer*; 1776–1835) в университете Геттингена. В ней было отдельное помещение для практических занятий студентов, специальная комната для «тонких инструментов», лаборатория имела передвижные печи и вполне приличную вентиляцию. При проектировании новой лаборатории в Гейдельберге Бунзен учел все достоинства геттингенской лаборатории, уделяя особое внимание хорошей вентиляции, поскольку работа с ядовитыми веществами сказалась на его здоровье. Вместе с тем, новая бунзеновская лаборатория была не только много просторней большинства современных ей европейских, но ее помещения были специализированы в соответствии с научными интересами самого

Бунзена: в частности, в северной части здания имелась отдельная комната для изучения газов (Бунзен был одним из ведущих специалистов по газовому анализу) и специальное помещение для электрохимических исследований (что было внове, ничего подобного в то время не было ни в Карлсруэ, столице Бадена, ни в Мюнхене). В этом помещении располагался также специальный шкаф с гальваническими элементами, которые служили источником электроэнергии для всей лаборатории.

Кроме того, в южном крыле здания находился хорошо освещенный лекционный зал-амфитеатр с десятью рядами сидячих мест (по одиннадцать в каждом ряду), что позволяло наблюдать за ходом демонстрационных опытов. В зале рядом с трибуной лектора соседствовал большой стол для экспериментов, к которому были подведены газ, электричество и водоснабжение, а кроме того, на столе возвышался небольшой вытяжной шкаф. К лекционному залу примыкала лаборантская.

В средней части здания, напротив главного входа, располагалась большая лаборатория с двадцатью восемью рабочими местами для продвинутых, т. е. уже овладевшими основами химии, студентов и стажеров. К каждому рабочему месту были подведены газ, вода и освещение. Большая лаборатория граничила с личной лабораторией Бунзена. Помещения были разделены стеклянной дверью, чтобы профессор мог наблюдать за студентами, что напоминало специальный глазок в кабинете Либиха в Гиссене. В восточном крыле располагалась лаборатория поменьше, в которой могли работать двадцать два студента-новичка. При этом рабочие места в малой лаборатории были оборудованы также, как и в главной. Кроме того, в обеих лабораториях было оборудование (включая вытяжные шкафы) для общего пользования. Следует также заметить, что профессор изобрел множество замечательных приборов: колба Бунзена, бунзеновская горелка, бунзеновский водяной насос и регулятор, бунзеновская батарея, бунзеновский абсорбциометр и др.

Как справедливо заметил К. Майнель, гейдельбергская лаборатория представляла собой не только место обучения и проведения научных исследований, но и «символическое пространство, структурирующее социальные отношения и пути познания в химии» [Meinel 2000, s. 287]. Действительно, центром здания была персональная лаборатория Бунзена. В примыкающей к ней большой лаборатории у входа в «святилище мэтра» работали его помощники, т. е. докторанты, еще не получившие права на самостоятельное преподавание, т. е. не сдавшие экзамена *pro venia legendi*, но уже набравшиеся опыта и знаний. Далее располагались места для стажеров и продвинутых студентов. Новички же, как уже было сказано, работали в другом (но тоже хорошо оборудованном) помещении под руководством ассистентов. Поскольку помещение для работы с газами было прекрасно оборудовано, оно в основном было заперто – в нем можно было работать только в присутствии профессора.

И еще одна деталь: в лабораториях висели листки с перечнем штрафов за разбитую посуду, поврежденное оборудование и нарушение правил работы, которые, замечу, были одинаковы для всех, в том числе и для самого профессора.

Бунзен, в отличие от Либиха, лично присутствовал при проведении практических занятий со студентами и стажерами. К нему всегда можно было обратиться за помощью и советом. Профессор полагал, что подготовка специалистов должна проходить в рамках личного общения мэтра с учениками, поэтому созданная им лаборатория была рассчитана на работу 50-60 человек. Для помощи профессору в его преподавательских заботах достаточно было, по мнению Бунзена, 2–3 человек. Однако уже к середине 1860-х годов ситуация начала меняться, количество желающих специализироваться в области химии (и вообще, в области естествознания) заметно возросло, наступала новая эпоха, когда учебно-научная лаборатория становилась, по выражению Р. Колера, «effective vehicle for educating *en masse*» [Kohler 2008, p. 761]. В лаборатории Бунзена стало

тесновато. А кроме того, при всех достоинствах этой лаборатории она, конечно, уступала, построенным позднее, в 1860-х годах, новым «химическим дворцам» Бонна, Берлина, Лейпцига и Вены. Однако, хотя она и не представляла собой, если воспользоваться выражением Л. Пастера (*L. Pasteur*; 1822–1895), «*temple de l'avenir*», тем не менее, в ней было многое (специализация помещений, отдельные комнаты для взвешивания и для физических измерений, подвал со складскими и техническими отсеками, лекционный зал-амфитеатр с примыкающей к нему лаборантской и т. д.), что позднее стало неременной частью европейских химических лабораторий, в том числе и так называемой «новой химической лаборатории» Петербургского университета, в создании которой на первом этапе принимал участие Д. И. Менделеев.

Разумеется, гейдельбергская лаборатория была дорогой и для середины XIX столетия ультрасовременной. Казалось бы, гумбольдтовский идеал соединения учебной и исследовательской деятельности нашел свое (отдельный вопрос – в какой мере) воплощение в Гейдельберге. И тем не менее, ряд молодых талантливых, – а в будущем, выдающихся, – ученых (Менделеев, Бородин, Кекуле, Эрленмейер и др.) отказались работать в лаборатории Бунзена. Почему? Почему они предпочли организовать весьма скромную, чтобы не сказать сильнее, лабораторию у себя на дому или в арендованном помещении, а не трудиться в хороших условиях у «папаши Бунзена»?

Прежде всего, следует отметить, что те направления в химии, которые в 1850-е годы не входили в круг научных интересов Бунзена (например, органическая и физиологическая химия), в исследовательской практике созданной им лаборатории были отражены, мягко говоря, весьма слабо. Таким образом, научные работы, проводившиеся в бунзеновской лаборатории при всей их тематической широте, не отражали многих направлений в химии середины XIX столетия. Лаборатория предназначалась, главным образом, для исследований в области неорганической, аналитической и физической химии. Отчасти такая направленность лабораторных занятий, проводившихся под руководством Р. Бунзена, объяснялось тем, что в университете Гейдельберга с 1853 года существовал второй *Ordinariat* на лечебном факультете со специализацией в областях фармацевтической, органической и физиологической химии, а также токсикологии и вторая, куда более бедная химическая лаборатория, возглавлявшаяся профессором В. Делфсом (*W. Delffs*; 1812–1894). Но указанное обстоятельство – отнюдь не единственная причина, по которой ряд в молодых ученых-химиков не стали работать у Бунзена. Главная причина выбора ими «приватной» лаборатории состояла в том, что тематика исследований у Бунзена в сильной степени определялась предпочтениями и теоретическими воззрениями самого мэтра, а не научными интересами молодых ученых, не страдавших муками маргинальности.

Да, Бунзен приобщал молодежь к научным исследованиям, делая это последовательно и постепенно, но, *во-первых*, тематика исследований определялась личными научными интересами самого Бунзена, а *во-вторых*, главное внимание он уделял все же новичкам, справедливо полагая, что сначала, на первых этапах обучения, молодой ученый должен научиться «ремеслу», выполняя *учебные* задания. Кроме того, отказ ряда исследователей работать у Бунзена был связан с неудобствами работы в его лаборатории (теснота, ограниченный доступ к сложному оборудованию, ограниченность времени пребывания в лаборатории – до пяти часов вечера и только по будним дням и т. д.).

«Я предполагал начать с изучения газометрических методов Бунзена и думал с этой целью работать в его лаборатории, – писал Бородин. – Это оказалось, однако же, неудобным. Сам Бунзен занимается теперь применением газового пламени к качественному и количественному определению кали, натра, лития и пр. в различных минералах; эти исследования не представляют для меня никакого интереса и потому работать с Бунзеном было бы для меня бесполезно. ...Я решил заниматься в другой

лаборатории, у д-ра Эрленмейера, приват-доцента при университете. Я здесь плачу двойную цену против других, но зато я имею здесь отдельную комнату, где я могу работать совершенно независимо, сколько мне угодно и когда угодно» [Бородин 2020, с. 18-19].

Наконец, следует отметить еще одну особенность педагогического метода Бунзена. Он не разрешал приват-доцентам работать в новом химическом корпусе, потому что, по его мнению, там для них недостаточно места. Поэтому, скажем, Кекуле и Эрленмейеру пришлось искать другие места для проведения исследований. Кекуле в марте 1856 года отправиться в дом торговца Гуса на Хауптштрассе, 4 (*Hauptstrasse Nr. 4*) и устроил там свою лабораторию, рядом с квартирой, где жил и читал лекции по органической химии. В аналогичной ситуации оказался и Эрленмейер, получивший в 1850 году докторскую степень у Либиха, а в 1855 – доцентуру в Гейдельберге. Иногда вместе с Кекуле он читал лекции в зале на Хейдельбергштрассе (*Heidelbergerstrasse Nr. 4*). Поскольку Бунзен курса органической химии не читал, то дом на *Hauptstraße Nr. 4* стал своего рода институтом органической химии. Именно здесь Кекуле создал свою структурную теорию. Амбициозный и талантливый, наделенный феноменальной памятью, хорошо подвешенным языком и искрометным остроумием, Кекуле быстро стал естественным лидером сформировавшегося около него молодого коллектива [Roske 2010, p. 71-74]. Следует также подчеркнуть, что главной причиной невозможности для Кекуле и Эрленмейера работать у Бунзена стало не их доцентские звания, а именно выбор ими тематики исследований и приверженность к новым химическим теориям, которые Бунзену были чужды.

Многие молодые ученые (например, Эрленмейер и А.М. Бутлеров), даже если они весьма неоднозначно относились к взглядам молодого гессенца, посещали лекции Кекуле, чтобы изучать «новую химию», которой их не могли научить ни Бунзен, ни Либих. Те, кто не слушал его лекции, в течение недель и месяцев проходили менее формальный, но столь же убедительный курс индоктринации, как правило, в гейдельбергских пивных за дружеской беседой.

Собственно, именно в частных лабораториях Кекуле и Эрленмейера были в известной мере реализованы идеи В. фон Гумбольдта. Молодые люди, приходившие в эти автономные лаборатории, могли работать по интересующей их тематике и получать полезную научную информацию на лекциях и в «неформальной» обстановке общения с их лидерами.

Сказанное выше говорит о том, что реализация идеи исследовательского университета требует, как минимум (кроме всего прочего), выполнение двух условий: наличие лидеров не авторитарного типа (а таких – среди сильных в профессиональном отношении ученых – всегда очень немного), а также наличие способных и самостоятельно мыслящих учеников и адекватной материальной базы (ибо образование «по Гумбольдту» всегда дороже, чем традиционное). Разумеется, если целеполагание сводится просто к подготовке квалифицированных исполнителей, способных грамотно решать задачи, поставленные мэтром (фирмой, государством и т. п.), то указанные требования заметно смягчаются.

Идея совмещения образования и научных исследований сама по себе хороша, но только если есть ясный ответ на вопрос: как строится образование, каковы его цели, и кто определяет тематику и проведение исследований. Исследовательский университет имеет смысл создавать для подготовки талантливой молодежи, но чем талантливей человек, тем менее адекватны для его обучения авторитарно-бюрократические методы.

Список литературы

1. Бородин 2020 – Бородин А. П. Письма (1857–1887) в 4 т. Т. 1: 1857–1871 / Составление, научно-текстологическая редакция А. В. Булычевой. Челябинск: Авто Граф, 2020. 350 с.
2. Младенцев, Тищенко 1938 – Младенцев М. Н., Тищенко В. Е. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. В 2 т. Том 1. Части 1 и 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 427 с.
3. Kohler 2008 – Kohler R. E. Lab History: Reflections // Isis. 2008. Vol. 99. № 4. P. 761-768.
4. Meinel 2000 – Meinel Chr. Chemische Laboratorien: Funktion und Disposition // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. 2000. Bd. 23, № 3. S. 287-302.
5. Rocke 2010 – Rocke A. J. Image and Reality: Kekulé, Kopp, and the Scientific Imagination. Chicago: Univ. Chicago Press, 2010. 416 p.
6. Roscoe 1900 – Roscoe H. E. Bunsen Memorial Lecture. Delivered on March 29, 1900 // Journal of Chemical Society. 1900. Vol. 77. № 1. P. 513-554.

УДК 378.14:5(“18”)

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ЛАБОРАТОРИИ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

Жарова Екатерина Юрьевна

Кандидат биологических наук, научный сотрудник

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru

Переворот в естественных науках, особенно в биологии и химии случился в середине XIX в. Уже тогда стало ясно, что лаборатория является необходимостью не только для проведения научных исследований, но и для организации практических занятий со студентами. Всем известные принципы исследовательского университета о единстве преподавания и исследования были невозможны без создания лабораторий. К счастью, в 1860-е гг. это понимали и в министерстве народного просвещения. Первым шагом стало улучшение финансирования за счет принятия нового устава и штатов в 1863 г. Этот же устав увеличил число естественнонаучных профессур, что привело к естественному разделению прежних кабинетов и лабораторий на узко специализированные. Однако первый этап – реформирование – было только началом, так как университетам пришлось столкнуться с нехваткой помещений и другими проблемами преимущественно финансового характера, которые мешали организации лабораторий. К сожалению, решить их все не удалось даже к концу XIX в., однако профессора и университеты делали все возможно и, порой, невозможное, чтобы практические занятия и таким образом основной принцип исследовательского университета продолжали существовать.

Ключевые слова: естественные отделения, университеты, Российская империя, химические лаборатории, биологические лаборатории, пореформенное время, финансирование

NATURAL SCIENCE LABORATORIES IN THE UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE POST-REFORM TIME

Zharova Ekaterina Yurievna

CSc in Biological Sciences, Researcher

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology

E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru

A revolution in the natural sciences, especially in biology and chemistry, happened in the middle of the 19th century. At that time, it became clear that the laboratory was a necessity not only for conducting scientific research, but also for organizing practical trainings with students. The well-known principles of the research university about the unity of teaching and research were impossible without the creation of laboratories. Fortunately, in the 1860s the Ministry of Public Education also knew it. The first step was to improve funding through the adoption of a new university statute and staff in 1863. The same statute increased the number of natural science professors, which led to a natural division of the former cabinets and laboratories into highly specialized ones. However, the first phase, the reform, was only the beginning, as universities had to face a lack of rooms and other problems, mostly of funding, that interrupted the organization of laboratories. Unfortunately, they could not be solved even by the end of the 19th century, but professors and universities did everything possible and sometimes impossible so that practical trainings and thus the basic principle of the research university continued to exist.

Keywords: natural science departments, universities, the Russian Empire, chemistry laboratories, biology laboratories, post-reform period, funding

Университетский устав 1863 г. открыл новую страницу в жизни императорских российских университетов. Благодаря новым штатам было улучшено финансирование и университеты получили возможность как организовать новые лаборатории, так и расширить старые. Однако не стоит думать, что эти изменения были быстрыми. От введения нового устава и штатов до улучшения ситуации с лабораториями в университетах прошел не один год, а в некоторых случаях даже не один десяток лет. Но важным был первый шаг, который был сделан благодаря одной из реформ Александра II, запустившей активный процесс внедрения исследовательской лаборатории в России.

Период 1860-х гг. был периодом небывалого подъема в России, что было напрямую связано с реформами, однако ситуация в высшем образовании была довольно сложной. Это объяснялось предыдущим периодом, получившим название «мрачное семилетие». Закрывшиеся границы и невозможность научных стажировок при отсутствии действующего механизма подготовки научных кадров в России привели к кадровому голоду в университетах. Результатом этого стало отсутствие профессоров, которые могли бы заместить как имевшиеся кафедры, так и новые, созданные согласно уставу 1863 г. Такое положение вещей стало одним из решающих факторов в деле создания лабораторий в университетах Российской империи, так как без профессоров организация лабораторий была невозможна. Еще одним фактором выступила ситуация с помещениями. Во многих университетах просто не было места для размещения новых лабораторий. А учитывая все шире распространявшиеся практические занятия, просторные и хорошо оборудованные лаборатории были первой необходимостью как для нормального функционирования учебного процесса, так и для проведения научных исследований, без чего не могла быть налажена подготовка собственных научных кадров. В пореформенный период естественные науки уже были экспериментальными и для работы магистров и самих профессоров требовался инструментарий. Оговоримся сразу, что в фокусе исследования оказались не все лаборатории, а лишь биологические и химические лаборатории естественных отделений некоторых университетов, история которых, тем не менее, прекрасно иллюстрирует общеуниверситетские процессы.

Итак, проблема нехватки места в имевшихся лабораториях и кабинетах, им предшествующих, стала острой еще в конце 1850-х гг. Это было связано с резким ростом числа студентов. Как известно, в годы «мрачного семилетия» число студентов каждого университета было ограничено 300-ми (позднее запрет был снят с медицинских факультетов). Ситуация изменилась с приходом к власти нового императора, поэтому студенты фактически хлынули в университеты и уже в конце 1850-х гг. университеты оказались в непростой ситуации с местами даже в провинции. Так, химическая лаборатория университета св. Владимира в Киеве, наладившая практические занятия со студентами (до 22 человек) только к концу 1840-х гг., уже с первых дней ощущала нехватку места, которая значительно усугубилась в 1857–58 гг. [Иконников 1884, с. 99]. С этого времени профессора химии прикладывали усилия, чтобы добиться расширения лаборатории, однако в итоге пришли к выводу, что для удовлетворения ее потребностей лучшим решением будет постройка отдельного здания, которое было завершено только в 1873 г.

Можно было бы ожидать, что столичные химические лаборатории были в лучшем положении, чем провинциальные, однако это не всегда соответствовало истине. Химическая лаборатория Московского университета, построенная в 1838 г., располагала помещением и оборудованием, однако занятия там велись не вполне удовлетворительно. Как вспоминал о профессоре химии Н.Э. Лясковском профессор химии Новороссийского университета Е.Ф. Клименко, окончивший Московский университет в 1863 г.: «Насколько Ляковский хорош был как лектор и интересовался своими лекциями, настолько он мало заботился о практических занятиях студентов, по крайней мере в мое время. Тогда в химической лаборатории было только 16 мест, и студенты занимались у этих мест поочередно» [Марковников 1901, с. 96]. Ситуация усугублялась с течением времени и в конце концов имевшегося помещения лаборатории оказалось недостаточно. Профессор В.В. Марковников, пришедший в университет в 1873 г., был вынужден приспособливаться к тем условиям, которые были в химической лаборатории, однако понимал, что требуется строительство нового здания. Поиск денег на здание химической лаборатории занял несколько лет, еще несколько лет заняли строительство, а затем переделка здания, которое было введено в эксплуатацию только в конце 1890-х гг.

Еще более плачевное состояние имела лаборатория Петербургского университета, в которой не было условий для практических занятий. Профессор неорганической химии Д.И. Менделеев после возвращения из Германии добился передачи нового более просторного помещения, однако и оно вмещало только 50 практикантов [Старосельский, Соловьев 1969, с. 204]. Единственным выходом, по мнению Менделеева, было строительство нового здания, однако в условиях острой необходимости в постройке университетских зданий многих университетов министерство народного просвещения не могло удовлетворить все запросы. По этой причине строительство нового здания состоялось только в 1890-е гг.

Наверное, сама благоприятная ситуация сложилась в Казани, где новое здание лаборатории было построено еще в 1838 году. Этот фактор совместно с человеческим (там работали талантливые химики Н.Н. Зинин, А.М. Бутлеров, М.Я. Киттары) способствовал созданию в Казани крупнейшей химической школы.

В отношении химических лабораторий можно отметить, что расширение их началось в 1860-е гг. Практически все лаборатории нуждались в постройке новых зданий для увеличения числа рабочих мест. Похожая ситуация сложилась и в отношении биологических лабораторий: ботанических, зоологических, зоотомических и физиологических. Однако она усугублялась тем, что в середине 1860-х гг. биология переживала переход к экспериментальной науке и изучению анатомии, гистологии

и физиологии растений и животных, а зоологи все чаще выбирали в качестве объектов исследования беспозвоночных. Все это привело к тому, что микроскоп стал основным инструментом биолога, без которого практические занятия были бы невозможны. Использование микроскопа ставило еще одну проблему довольно остро: в середине XIX в., в эпоху освещения зданий без электричества, рабочие места с микроскопами можно было организовать только рядом с окнами. Поэтому для любой биологической лаборатории критическим становился не только размер помещения, но и количество окон, как единственного источника света. В связи с этим вопрос постройки новых зданий для биологических лабораторий стоял даже более остро, чем для химических, так как количество желающих заниматься практически только росло вместе с ростом числа студентов, а помещения, использовавшиеся за небольшими исключениями с начала XIX в., оставались прежними.

В постройке новых зданий или расширении имевшихся нуждались все университеты без исключения. Ситуация в провинциальных университетах, за исключением Новороссийского, не была критической, так как число студентов там было не слишком большим. Самой сложной она была в столичных университетах. И если Петербургский университет частично решил проблему путем строительства здания ботанического института в 1868 г., то Московский смог построить точно такой же ботанический институт только в 1882 г. на средства брата и сестры В.А. Хлудова и В.А. Морозовой [Отчет 1882, с. 59]. Впрочем, здание для Петербургского университета также строилось частично на деньги его выпускника, известного ботаника М.С. Воронина. В Харьковском университете подобное здание было построено только в 1894 г., а в других университетах ситуация не менялась до начала XX в.

С зоологическими, зоотомическими и физиологическими лабораториями дело обстояло еще хуже, чем с ботаническими, так как ни один университет в XIX в. не смог найти или получить средства на постройку отдельных зданий или перестройку имевшихся. Особенно сложно было в Московском университете, где зоологический музей рос очень интенсивно, а заниматься было негде. Несмотря на наличие связей в высших кругах у заведующего зоологическим музеем профессора зоологии А.П. Богданова, он так и не смог добиться ни нового помещения, ни расширения старого. Нужды Московского университета были удовлетворены в начале XX в., когда он получил целый комплекс естественнонаучных зданий.

Борьба профессоров, которые желали создать условия для практических занятий и научных исследований в лабораториях в 1860-е – 1870-е гг., мало-помалу приносила успехи. Однако новый устав 1884 г. сделал практические занятия обязательными для всех студентов естественных отделений в объеме не менее 18 часов лекций и практических занятий в неделю [Правила 1885, с. 81], что усугубило ситуацию там, где решение проблем лабораторий затянулось больше, чем на пару десятилетий после принятия устава 1863 г. И эти проблемы зачастую сохранялись до конца имперского периода.

Таким образом, в пореформенное время естественнонаучные лаборатории университетов Российской империи столкнулись с трудностями, связанными с нехваткой помещений для правильной организации работы и с отсутствием профессоров, которые могли бы наладить эту работу. В 1860-е – 1870-е гг. практические занятия не были обязательными, но многие профессора старались их организовать, внедряя опыт немецкого исследовательского университета. Увеличение числа студентов усугубляло ситуацию, однако университеты решали ее по мере сил и возможностей, например, пускали студентов работать в несколько смен. К концу XIX в. часть лабораторий решили проблемы с помещениями и оборудованием, однако оставались и такие, которые не смогли этого сделать. Это совпало с введением в 1885 г. обязательности практических занятий для всех студентов, что привело к необходимости

срочно решать накопившиеся проблемы для проведения в жизнь принципов исследовательского университета. Но у государства средств не хватало, поэтому некоторые лаборатории так и остались в стесненных условиях и позднее, что значительно затрудняло их работу.

Список литературы

1. Иконников 1884 – Иконников В.С. (ред.) Историко-статистические записки университета св. Владимира (1834–1884). Киев: тип. ун-та, 1884. 416 с.
2. Марковников 1901 – Марковников В.В. Исторический очерк химии в Московском университете // Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России. М.: тип. Мамонтова, 1901. С. 22–281.
3. Старосельский, Соловьев 1969 – Старосельский П.И., Соловьев Ю.И. Николай Александрович Меншуткин. М.: Наука, 1969. 294 с.
4. Отчет 1882 – Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1881 год. М.: тип. ун-та, 1882.
5. Правила о зачете полугодий студентам императорских российских университетов // ЖМНП. 1885. Ч. 241. С. 78–94.

УДК 94(470.23-25)“1800/1850”

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ПЕРВЫЕ УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ, ИХ СТАТУС И ПРОЦЕДУРА ОБРЕТЕНИЯ

Жуковская Татьяна Николаевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Санкт-Петербургский институт истории РАН

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

Казакова Ксения Сергеевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Кольского центра РАН

E-mail: k.kazakova@ksc.ru

В докладе рассматривается система научной аттестации студентов российских университетов первой половины XIX века. Показано, что в российском университетском законодательстве того периода существовала иерархия ученых степеней, которые за исключением докторской степени могли быть получены студентами по окончании университета. На основе анализа студенческих диссертаций за период 1808–1849 годов, хранящихся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) проанализирована трансформация структуры студенческих научных работ на протяжении рассматриваемого периода. По объему и форме они эволюционируют от формата школьных сочинений реферативного жанра до полноценных самостоятельных исследовательских научных работ по мере конкретизации представлений об исследовательской работе, а содержание диссертаций усложняется по мере развития науки в целом. Структура диссертационных работ на протяжении первой половины XIX века сохраняла достаточно вольное построение частей, а наибольшее число кандидатских работ защищалось представителями общественных наук – юристами и историками. Приведены мемуарные свидетельства, описывающие процесс работы над магистерской диссертацией и процедуру защиты. Анализ практик научной аттестации студентов и выпускников университета позволяет говорить о том, что уже в первой половине XIX века университет формировался не только как учебный, но и как научно-исследовательский центр.

Ключевые слова: научная аттестация, ученые степени, диссертация, студенчество, университет, история образования

STUDENT SCIENCE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THE FIRST DEGREES, THEIR STATUS AND THE PROCEDURE OF AWARDING

Zhukovskaya Tatyana Nikolaevna

CSc in History, Senior Researcher

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

Kazakova Ksenia Sergeevna

CSc in History, Senior Researcher

Barents Centre of the Humanities

of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences

E-mail: k.kazakova@ksc.ru

The report examines the system of scientific certification of students of Russian universities in the first half of the 19th century. It is shown that legislation of that period in the Russian universities there was a hierarchy of academic degrees, which, with the exception of a doctoral degree, could be obtained by students upon graduation from the university. Based on the analysis of student dissertations for the period of 1808–1849, stored in the funds of the Central State Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb), the transformation of the structure of student scientific works during the period under review is analyzed. In terms of volume and form, they evolve from the format of school essays of the abstract genre to full-fledged independent research scientific works as ideas about research work are concretized. The content of dissertations also becomes more complex during the scientific development as a whole. The structure of dissertations retained a fairly free construction of parts throughout the first half of the 19th century, the largest number of candidate theses were defended by representatives of the social sciences - lawyers and historians. Memoirs describing the process of dissertation work and the defense procedure are given. An analysis of the practices of scientific certification of students and graduates of the university allows to say that, the university was formed not only as an educational, but also as a research center already in the first half of the 19th century.

Keywords: scientific certification, academic degrees, dissertation, students, university, history of education

Система научной аттестации в России сложилась как иерархия ученых степеней, которая соотносилась не только с должностями в ученой службе, но и с классными чинами Табели о рангах, т. е. была отражением бюрократической иерархии госслужбы [Иванов 1994]. Положение об ученых степенях 20 января 1819 г. предусматривало четыре позиции: действительный студент – кандидат – магистр – доктор, по Положению 1837 г. статус ученых степеней сохранили лишь последние три. Для обретения степени действительного студента требовалось получить на выпускных экзаменах не менее 2-х баллов по каждому предмету, для кандидата – 3,5. Испытания на получение степени кандидата проводились отдельно от выпускных испытаний на звание «действительного студента».

Уже Положение 1819 г. установило требования не только к объему знаний соискателя, но и к наличию научного критического мышления: «Испытание студента, готовящегося получить кандидатскую степень, не должно состоять в одном энциклопедическом обозрении всех наук известного факультета, по показывать и приобретенную им некоторую способность к суждению о предметах, коим он преимущественно обучался» [Сборник постановлений 1864, Т. 1, Стб. 1141]. По «Положению» 1819 г. (п. 27) соискатель степени кандидата представлял «краткое рассуждение» в присутствии экзаменаторов и по их заданию на одну из заранее

подготовленных тем. По Положению 1837 г. (п. 10), повторенному в 1844 (п. 28) это должно было быть «рассуждение по одному из главных предметов факультета или отделения», уже по самостоятельному выбору [Сборник постановлений 1864, Т. 2. Стб. 985]. То есть соискатель теперь представлял написанный заранее самостоятельный исследовательский труд по теме, совпадавшей с его специализацией.

В ЦГИА СПб сохранился документальный комплекс студенческих диссертаций за период 1808–1849 гг. 1808 годом датирована единственная работа студента Педагогического института Всеволода Игнатъева «Рассуждения по геологии». Она представляет собой компиляцию материала на 20 листах реферативного характера [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 9. Д. 1] и, возможно, не являлась кандидатским сочинением. Как известно, в жанре свободных эссе не только писались, но и публиковались сочинения студентов первого выпуска института, которые занимались под руководством профессора эстетики И.И. Мартынова [Сочинения студентов 1806]. Среди опубликованных в этом томе работ будущих профессоров А.П. Куницына, Н.И. Бутырского есть и эссе «История словесности в Греции и Риме» студента Румского, вскоре чуть было не исключенного из института за буйный нрав [Жуковская, Казакова 2018, с. 86].

По своему содержанию студенческие диссертации эволюционируют от формата школьных сочинений реферативного жанра на 15–20 листах до настоящих исследовательских работ, основанных на широком круге литературы и источников. Это происходит по мере конкретизации представлений о научной работе как таковой. Диссертации студентов Петербургского университета за 1820-е – первую половину 1830-х гг. внутри указанного комплекса не сохранились, но и число студентов в эти годы было невелико. Научная активность студентов конца 1830–1850-х гг. в архиве университета представлена уже двумя сотнями кандидатских сочинений. Среди них заметно преобладание юридических исследований, особенно по русскому праву, церковному праву, но достаточно и работ, написанных по истории, истории литературы, классическим древностям. В то же время работ по естественным и точным наукам непропорционально мало. Вероятно, доля студентов, оканчивавших кандидатами второе отделение философского факультета (физико-математическое), была сравнительно меньшей, чем доля кандидатов-юристов и кандидатов историко-филологов. На историко-филологическом отделении диплом кандидата при выпуске получали не менее половины студентов.

Темы студенческих кандидатских сочинений разнообразны, некоторые звучат вполне современно. Так в 1840 г. кандидатское сочинение «О гражданском законодательстве Петра Великого» защитил Я.А. Соловьев (1820–1876), впоследствии сенатор, организатор аграрной реформы в Царстве Польском [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 11]. Качественным источниковедческим и полемическим исследованием можно считать кандидатское сочинение Алексея Уварова, сына министра народного просвещения, под названием «Исследования, в какой степени дополняются сведения о первом самозванце актами, изданными Археографической комиссиею» [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 9. Д. 57].

Применительно к 1840–1850-м гг., когда иерархия ученых степеней и практика их присвоения уже сложились, научная деятельность студентов и процедура приобретения ими степени кандидата остается мало изученной. Лишь фрагментарно занятия студентов наукой и их результаты отражены в мемуаристике. Ф.Н. Устрялов, сын историка, учившийся в 1852–1856 гг., рассказывает, как его сокурсники с энтузиазмом занимались у молодого профессора гражданского законодательства В.А. Милютина исследованиями категорий древнерусского законодательства. Но их увлеченность и не вполне благонадежная репутация В.А. Милютина вызвали опасения администрации [Устрялов 1884]. Для самого мемуариста этот труд не пропал втуне: еще до окончания университета

на основе студенческого реферата он опубликовал книгу «Исследования Псковской судной грамоты 1497 г.» (СПб., 1855). С 1837 г. самые лучшие студенческие работы представлялись на соискание медалей университета, золотых и серебряных. Можно видеть, как по мере углубления методологической и теоретической составляющих преподавания, благодаря организации экспериментальных занятий студентов в лабораториях (для историков – в форме непосредственной работы с источниками), студенческие диссертации приобретают исследовательский характер. Усложняется их структура, унифицируется оформление. Больше всего кандидатских работ защищалось представителями общественных наук – студентами-юристами и историками.

Процесс работы над магистерской диссертацией, ее публикацию, процедуру защиты, ход диспута, который приобретал серьезные формы и нередко привлекал постороннюю публику, подробно описывают многие мемуаристы, например, Тадеуш Бобровский, Н.Г. Чернышевский, А.В. Никитенко. Так, 6 декабря 1848 г. Никитенко записывает в дневнике: «Вчера один из молодых магистров, Варнек, защищал в университете диссертацию: «О зародыше вообще и о зародыше брюхоногих слизняков». Вещь очень любопытная и прекрасно изложенная» [Никитенко 1955, с. 316].

Первые ученые степени градировались по разрядам наук, первоначально разряд науки совпадал с названием отделения (например, «магистр по отделению словесных наук»). Положение 1819 г. предусматривало уже 6 разрядов наук внутри историко-филологического факультета, Положение 1844 г. целых 15 разрядов. Степень магистра истории существовала с 1819 по 1844 г. Развитие науки закономерно усложняло номенклатуру ученых специальностей, начиная с магистерской позиции.

Российская ученая степень магистра, как отмечают исследователи, возникла из расщепления высшей ступени академической траектории. Она не имела аналогов в немецких университетах. До издания Положения об ученых степенях 1819 г. степень магистра не была обязательна при зачислении в штат университетских преподавателей. Профессора-иностранцы, приглашенные в Россию, имели как правило лишь одну написанную диссертацию, докторскую, причем готовили и защищали ее в начале карьеры, в возрасте 22–25 лет (Христиан фон Шлецер, Э.-Б. Раупах, Л.И. Панснер). В то же время штатная должность (ученое звание) магистра не обязательно предполагала наличие ученой степени магистра, т. е. уже защищенной диссертации. В начале 1810-х гг. по программе подготовки русских профессорантов в Европе им было предписано по возвращении в Россию пройти «испытания» в науках своей специальности, только после этого они получали статус магистра и право преподавания. Через несколько лет, при условии представления докторской диссертации, они становились ординарными профессорами, не имея докторской диссертации, оставались экстраординарными. Наличие докторской диссертации для занятия кафедры долго не было безусловным требованием, но с момента кадровой реформы С.С. Уварова середины 1830-х гг. университетские чиновники должны были представлять тезисы и защищать их на степень «доктора философии». Так поступили, например, филологи П.А. Плетнев и А.В. Никитенко. Последний фиксирует в дневнике 8 декабря 1836 г.: «Пишу диссертацию для получения степени доктора. Сроку остается несколько дней. Нам, то есть профессорам до устава, дано право получить эту степень без экзамена, по одной диссертации, которую должно, однако, защищать публично» [Никитенко 1955, с. 189]. Его докторская диссертация носила название «О творческой силе в поэзии или поэтическом гении». Кандидатская диссертация по политической экономии была защищена А.В. Никитенко в год окончания университета, в 1827 г., он напечатал ее, но магистерской работы не писал. Отсутствие второй ученой степени не помешало ему в 1832 г. занять место адъюнкт-профессора российской словесности.

В целом, усложнявшаяся процедура научной аттестации выпускников университета и молодых преподавателей позволяет говорить о том, что уже в первой половине XIX века университет формируется не только как учебный, но и как научно-исследовательский центр. Этот процесс идет параллельно с упрощением иерархии ученых степеней и более жестким соотношением ученой степени со штатной должностью.

Список литературы

1. Жуковская, Казакова 2018 – Жуковская Т. Н., Казакова К. С. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с.
2. Иванов 1994 – Иванов А. Е. *Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г.* М.: ИРИ, 1994. 195 с.
3. Никитенко 1955 – Никитенко А. В. *Дневник*. Т. 1. Л., 1955. 590 с.
4. *Сборник постановлений 1864 – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т. 1, 2 СПб., 1864.
5. *Сочинения студентов 1806 – Сочинения студентов Санкт-Петербургского Педагогического института по части эстетики*. СПб., 1806. 255 с.
6. Устрялов 1884 – Устрялов Ф.Н. *Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник*. 1884. Т. XVI. С. 578–604.

УДК 001.1; 101.1

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ УНИВЕРСИТЕТА: ФИЛОСОФСКИЕ ДЕБАТЫ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ В НАЧАЛЕ XIX В.

Куприянов Виктор Александрович

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Автор обращается к истории дебатов и дискуссий по вопросу организации Берлинского университета в начале XIX в. Автор обращает внимание на то, что уже с конца XVIII в. возникает обсуждение вопросов о необходимости университета в Берлине, его задачах и отношении к государству. Автор указывает в этой связи на роль Э. Гедике и Ю. Х. фон Массова как предшественников этих дискуссий. Обращено внимание на работы И. Канта и Ф. Шеллинга, которые оказали огромное влияние на философские дебаты о роли университета. В статье обсуждаются и сравниваются между собой проекты организации науки И. Фихте, Х. Штеффенса и Ф. Шлейермахера. Автор указывает на роль политической философии в указанных проектах. Проект И. Фихте связан с его программой переустройства общества, в которой университету отводится роль инициатора социальных трансформаций. План Ф. Шлейермахера проникнут менее радикальным духом. Шлейермахер ставит цель преобразовать существующую институцию. Важной в его проекте является идея совмещения как фундаментальной науки, так и профессионального образования. В статье обращается внимание и на проект Х. Штеффенса. В заключение автор подчеркивает, что проблемы, которые возникли в немецкой философии в начале XIX в. во многом сохраняют свою актуальность и сегодня. Работы немецких интеллектуалов послужили основой для появления самостоятельной области философских исследований – философии образования и философии университетов.

Ключевые слова: исследовательский университет, Фихте, Шлейермахер, Шеллинг, организация науки, Берлинский университет, реформирование науки, задачи университета

THE ORIGIN OF THE IDEA OF THE UNIVERSITY: PHILOSOPHICAL DEBATES ABOUT THE UNIVERSITY IN THE EARLY SIXTEENTH CENTURY

Kypriyanov Victor Alexandrovich

CSc in Philosophy, Senior Researcher

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The author deals with the history of debates and discussions on the organization of the University of Berlin in the early 19th century. The author draws attention to the fact that since the late 18th century there has been a discussion about the need for a university in Berlin, its tasks and attitude to the state. The author points out the role of E. Gedike and J. H. von Massow as predecessors of these discussions. Attention is also drawn to the works of I. Kant and F. Schelling, who had a great influence on the philosophical debate about the role of the university. The article discusses and compares the projects of science organization by J. Fichte, H. Steffens and F. Schleiermacher. The author points out to the role of political philosophy in these projects. J. Fichte's project is connected with his program of restructuring society, in which the university is given the role of the initiator of the social transformation. F. Schleiermacher's plan is imbued with a less radical spirit. Schleiermacher aims to transform the existing institution. Important in his project is the idea of combining both basic science and vocational education. The article also draws attention to the project of H. Steffens. In conclusion, the author emphasizes that the problems that arose in German philosophy in the early 19th century in many respects remain relevant today. The works of German intellectuals served as the basis for the emergence of an independent field of philosophical research – philosophy of education and philosophy of universities.

Keywords: research university, Fichte, Schleiermacher, Schelling, organization of science, University of Berlin, reforming science, university tasks

Современный университет представляет собой один из важнейших социальных институтов общества, выполняя функции исследовательского и образовательного учреждения, а также играя существенную роль в технологическом развитии экономики. К числу научных областей, которые исследуют университет, относятся все главные современные социо-гуманитарные науки: экономика, социология, философия, история и правоведение. Однако дискуссии и дебаты о целях и структуре университета, его миссии и отношении к государству и обществу не являются сами по себе новыми. Важнейшим этапом в истории размышлений об университете является период начала XIX в., когда в Пруссии проводились масштабные реформы, включающие и реформирование университетского образования. Ключевым событием в этой связи справедливо считается основание Берлинского университета, который считается университетом нового типа – исследовательским университетом. В связи с основанием Берлинского университета немецкие интеллектуалы вели дискуссии о необходимости университета как самостоятельной институции, о сущности университетского образования, о связи университета и науки, о соотношении образования и научной деятельности, о значении фундаментального научного и профессионального образования. Можно с уверенностью утверждать, что в этих дискуссиях зародилась новая исследовательская область: философия университета, которая сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

В дискуссиях и дебатах об университете принимали участие ведущие немецкие философы и ученые, среди которых выделяются И. Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шлейермахер, В. фон Гумбольдт, Ф. Шеллинг, К.Ф. Савиньи, И.Я. Энгель и Х. Штеффенс. В трудах этих интеллектуалов предлагалось новое философское обоснование идеи образования, а также в некоторых случаях выдвигались конкретные планы по организации высшего учебного заведения – например, труды И. Фихте и Ф. Шлейермахера представляли собой не только теоретическое обоснование идей университетского образования, но и набор

практических мер, которые нужно было осуществить для реформирования высшей школы в Пруссии.

Именно труды этих авторов стали своего рода обоснованием философской идеи исследовательского университета, когда в 1956 г. Эрнест Анрих опубликовал подборку проектов и планов по организации Берлинского университета [Anrich 1956]. Особая роль среди философских концепций университета отводится взглядам В. фон Гумбольдта, который был непосредственным организатором Берлинского университета, а его записка «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» [Гумбольдт 2002] считается зачастую центральным текстом всей концепции исследовательского университета. Тем не менее записка Гумбольдта появилась в контексте дискуссий, которые велись с конца XVIII в., и наиболее знаковыми работами, определившими характер проходивших тогда обсуждений, оказались труды Ф. Шлейермахера, И. Фихте и Х. Штеффенса. При этом большое значение имели также и известные работы И. Канта «Спор факультетов» [Кант 2002] и Ф. Шеллинга «Лекции о методе университетского образования» [Шеллинг 2009], которые хотя и не имели прямого отношения к созданному в Берлине в 1810 г. университету, тем не менее возникли в том же контексте и оказывали влияние на интеллектуальное направление проводившихся дискуссий.

Предыстория дискуссий и дебатов об университете начала XIX в., о его сущности, его обновлении и реформировании имели на тот период длинную историю. Стоит отметить, что важную роль в истории немецкой научно-организационной мысли сыграл Г.В. Лейбниц (см.: [Куприянов, 2021], [Vöger, 2001]), который стоял у истоков создания Берлинской академии наук и чьи идеи в области организации науки оказали влияние на его современников, в частности, на Петра I [Герье, 2008]. Непосредственно в Пруссии в 1780-е гг. в кругу берлинских просветителей на страницах журнала «*Berlinische Monatsschrift*» появляются публикации, в которых обсуждаются вопросы необходимости создания университета в Берлине и задач, которые должны перед ним стоять (об истории этих дискуссий см.: [Tenorth 2013]). Историки науки обращают внимание на публикации Фридриха Гедике (1754–1803), которые появились в указанном журнале в 1784-85 гг., и в которых вопрос создания университета в Берлине рассматривался скорее критически. Также критически к вопросу создания университета относился и Юлиус Эберхард фон Массов (1750-1816), идеи которого историография оценивает крайне невысоко в силу исключительно утилитаристской направленности его планов (см.: [Tenorth 2013, s. 19]): фон Массов предлагал организовать учреждение, направленное только лишь на профессиональное образование ради интересов государства и церкви, пренебрегая при этом наукой, которая, по его мнению, должна быть изгнана из высшего учебного заведения. К тому же направлению мысли примыкал и появившийся в 1802 г. план организации высшего учебного заведения в Берлине, написанный по запросу Карла фон Бойме – министра короля Фридриха Вильгельма III – и принадлежащий Иоганну Якобу Энгелю (1741–1802). Энгель также предпочитал основать профессионально ориентированное высшее учебное заведение для нужд государства.

Тем не менее указанные планы и проекты по своему интеллектуальному весу несравнимы с работами И. Канта и Ф. Шеллинга, для которых утилитарная сторона университетского образования была второстепенной. Эти работы, безусловно, оказали влияние в целом на формирование философии университета, однако непосредственно к организации Берлинского университета отношения не имели. Центральное значение для университета нового типа имели работы, прежде всего, И. Фихте («Дедуцированный план высшего учебного заведения, которое должно быть учреждено в Берлине (1807 г.)»), Ф. Шлейермахера («Нечаянные мысли о духе немецких университетов» (1808 г.)) (см. данные тексты в одном из изданий: [Weischedel 1960]) и Х. Штеффенса («Об идее

университетов» (1808/1809 гг.)), а также упомянутая докладная записка В. Фон Гумбольдта, написанная в 1808/1809 гг. Причем Шлейермахер, в отличие от Фихте, входил непосредственно в консультативную группу для помощи в организации нового университета.

Указанные проекты, в особенности подробные работы Фихте и Шлейермахера (см. анализ: [Завалей 2008]), имеют сегодня в большей степени исторический интерес, хотя именно в них наиболее четко артикулируются проблемы, не потерявшие актуальность и для современных дискуссий об университете: соотношение преподавания и научных исследований, цель университета, отношение ученых и государства, профессиональные/утилитарные задачи университета и роль фундаментальной науки. При сравнении работ Шлейермахера и Гумбольдта (о философии университета Гумбольдта см.: [Шельски 2013]) с фихтевским проектом особенно очевидным становится и фактор политических взглядов. Для Фихте университет – часть целостной системы *национального* воспитания, которая начинается со школы и замыкается на академии наук. К началу 1800-х гг. Фихте создал систематическое социально-политическое учение («Замкнутое торговое государство»), которое было тесно связано с его философией религии («Наставления к блаженной жизни») и его философией истории («Основное черты современной эпохи»). По его мнению, вся система образования должна быть направлена на достижение единой цели – воспитание гражданина национального государства и человека нового типа. Избегая употребления слова «университет», Фихте пишет, что высшее учебное заведение (*die höhere Lehranstalt*) представляет собой школу употребления рассудка (*Schule des Verstandesverbrauchs*), которая воспитывает у своих учеников искусство употребления познавательных способностей. Отношения учителя и учеников (Фихте употребляет выражения *der Meister* и *der Lerling*) направлены на свободное образование художника (*freie Künstlerbildung*), вся жизнь которого подчинена единой цели – познание науки, что является и целью всего общества в целом. Фихте полагает, что современное для него общество неспособно достичь этой цели самостоятельно, поэтому-то создаваемый университет и воспитываемые в нем люди должны быть людьми нового типа, а это означает, что их надо изолировать, а затем уже воспитанных по «правильной» методике людей направить на руководящие должности во все институты государства. Таким образом, университет, как пишет Фихте, окажет влияние на формирование научного универсума, а это в свою очередь преобразует и все общество. То есть новый университет, как полагает философ, является прообразом нового общественного строя. Каким образом должно быть организовано подобное общество, философ излагает, например, в книге «Замкнутое торговое государство».

Проект Фихте тесно переплетен с его политической философией, прежде всего, с программой преобразования общества, главные черты которой – полное слияние личности и государственного целого и изоляционизм ради достижения блаженного будущего. Утопичность и тоталитарная направленность этого плана вполне очевидны, поэтому о реализации плана Фихте речи никогда не шло. На этом фоне выделяются подходы Ф. Шлейермахера и В. фон Гумбольдта, которые проникнуты уважением к личности и личной свободе. Для Шлейермахера наука и свободное развитие личности также стояли в центре внимания и представляли собой главную ценность университета. Однако университет должен служить, по его мнению, не только «чистой науке», социальность которой он понимает как свободное объединение множества наук и множества ученых ради единой цели познания истины. Важным для него представляется и удовлетворение потребностей государства, т.е. профессиональное образование. Поэтому университет как единое органическое целое, в котором философия должна играть фундаментальную роль, должен удовлетворять обе цели –

и служению науке и профессиональной подготовке. Более того при сравнении с проектом И. Фихте подход Шлейермахера представляется не только более умеренным, но и более традиционным и менее радикальным, поскольку он исходит из идеи реформирования старой организации (о влиянии И. Канта на университетский проект Шлейермахера см.: [Tenorth 2013, s. 28]). Схожим можно считать и проект Х. Штеффенса, который также стремится решить противотечения между наукой и задачами профессионального образования, что удастся ему, на наш взгляд, менее удачно.

Проекты реформ университета в начале XIX в. сыграли важную роль в организации Берлинского университета. Именно в контексте данных дискуссий следует понимать не только известные идеи В. фон Гумбольдта об организации высшего учебного заведения, но и в целом историю организации исследовательского университета как типа научной организации. Именно тогда были артикулированы основные противоречия этого типа организации: с одной стороны потребности науки и воспитательные задачи развития личности, с другой – задачи экономики и цели строительства национального государства. Все указанные проекты в той или иной мере стремятся решить эти проблемы. Однако реальная организация науки, которая бы учитывала гармоничность целей, стоящих перед исследовательским университетом, по-прежнему остается важной задачей как теории, так и практики научной политики.

Список литературы

1. Герье 2008 – Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
2. Гумбольдт 2002 – Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. №2 (22).
3. Завалей 2008 – Завалей А.И. Философские предпосылки исследовательского «Университета Гумбольдта» // Философские науки. 2008. № 11. С. 51-59.
4. Кант 2002 – Кант И. Спор факультетов / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; Отв. ред. Л.А. Калинин. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
5. Куприянов 2021 – Куприянов В.А. Идея научной коммуникации в проектах Г. В. Лейбница по организации науки // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7 (37). С. 19-31.
6. Риддингс 2010 – Риддингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. – 304 с.
7. Шеллинг 2009 – Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования / Пер. с нем., вступ. ст., примеч. Ивана Фокина. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 352 с.
8. Шельски 2013 – Шельски Г. Уединение и свобода. К социальной идее немецкого университета // Логос. 2013. № 1. С. 65-86.
9. Шнедельбах 2002 – Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос 5-6 (35). 2002. С. 65-78.
10. Anrich 1956 – Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus. Hrbg. Von E. Anrich. Darmstadt: Hermann Gentner Verlag, 1956. 386 S.
11. Böger 2001 – Böger I. «Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat». Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Auflage. Herbert Utz Verlag, 2001. 728 s.

12. Tenorth 2013 – Tenorth H.-E. Eine Universität zu Berlin – Vorgeschichte und Einrichtung // Geschichte der Universität Unter den Linden. B. I. Gründung und Blütezeit der Universität zu Berlin 1810 – 1918. Berlin: Akademie Verlag, 2013. S. 3-76.

13. Weischedel 1960 – Idee und Wirklichkeit einer Universität: Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Hrgb. von Weischedel W., Müller-Lauter W., und Theunissen M. Berlin: De Gruyter, 1960. 540 s.

УДК 947:901

МАГИСТЕРСКИЕ ИСПЫТАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА НА РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ В ПРАГЕ В 1920-Е ГГ.*

Михальченко Сергей Иванович

Доктор исторических наук, профессор

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

E-mail: smikh10@mail.ru

Ткаченко Елена Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

E-mail: vishnja.78@mail.ru

В статье рассказывается о системе по подготовке кадров высшей квалификации по истории русского права, сложившейся на Русском юридическом факультете в Праге в 1920-е годы. Основное внимание уделяется процедуре подготовки и сдачи магистерских испытаний. Характеризуется магистрантская подготовка известных в дальнейшем историков права М. В. Шахматовым, Д. М. Одинцом и О. О. Марковым, а также С. Л. Волкобруном и А. Б. Эфроном. В качестве руководителей магистрантов выступали профессора Г. В. Вернадский, К. Кадлец, а в конце 1920-х гг. и М. В. Шахматов. Делается вывод о том, что постепенно подготовка к получению ученой степени по истории русского права по русским дореволюционным университетским уставам становилась все менее востребованной, как и русское юридическое образование за рубежом в целом. В итоге ученую степень по истории русского права получил только М. В. Шахматов, два человека (О. О. Марков и С. Л. Волкобрун) стали докторами философии Карлова университета в Праге. Статья подготовлена на основе неопубликованных материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: история русского права, профессорские стипендиаты, магистерские экзамены, Русский юридический факультет в Праге

MASTER'S EXAMINATIONS IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW AT THE RUSSIAN FACULTY OF LAW IN PRAGUE IN THE 1920S

Mikhailchenko Sergey Ivanovich

DSc in History, Professor

Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University

E-mail: smikh10@mail.ru

Tkachenko Elena Viktorovna

CSc in History, Associate Professor

Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University

E-mail: vishnja.78@mail.ru

* Подготовлено при поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-00024.

The article describes the system for training highly qualified personnel in the history of Russian law, which developed at the Russian Law Faculty in Prague in the 1920s. The main attention is paid to the procedure for preparing and passing master's examinations. The undergraduate training of later famous historians of law M. V. Shakhmatov, D. M. Odinets and O. O. Markov, as well as S. L. Volkobrun and A. B. Efron is characterized. Professors G.V. Vernadsky, K. Kadlec acted as the leaders of the undergraduates, and in the late 1920s. – M. V. Shakhmatov. It is concluded that gradually the preparation for obtaining a degree in the history of Russian law according to Russian pre-revolutionary university charters became less and less in demand, as well as Russian legal education abroad as a whole. As a result, only M. V. Shakhmatov received a degree in the history of Russian law, two people (O. O. Markov and S. L. Volkobrun) became doctors of philosophy at Charles University in Prague. The article was prepared on the basis of unpublished materials from the funds of the State Archives of the Russian Federation.

Keywords: history of Russian law, professorial fellows, master's examinations, Russian Faculty of Law in Prague

Подготовка кадров высшей квалификации – важная задача высших учебных заведений и научных учреждений. В дореволюционной России этому уделялось большое внимание. Существовала система, по которой выпускник университета, показавший себя как начинающий исследователь, мог претендовать – при поддержке профессоров – на то, чтобы стать «оставленным при кафедре для подготовки к профессорскому званию» (профессорским стипендиатом). Чаще для такого рода выпускников предлагались бюджетные места, однако, бывали случаи, когда оставляли «без содержания». Когда в начале 1920-х годов множество ученых-преподавателей вузов оказалось в эмиграции, вопрос о продолжении русской академической традиции встал со всей остротой. На первых двух академических съездах, прошедших в Праге соответственно 10–17 октября 1921 года и 9–16 октября 1922 года, были приняты Правила о присвоении ученых степеней и защите диссертаций [Положение]. «В целом, принципы сдачи магистерских экзаменов были традиционными и соответствовали дореволюционным аналогам» [Ковалев 2013, с. 92]. защите диссертации должны были предшествовать магистерские экзамены. К магистерским испытаниям, которые проводились в Особых комиссиях при Русской академической группе, допускались выпускники русских и зарубежных университетов. В состав Комиссий входили не менее пяти человек, из которых хотя бы четверо должны были обладать ученой степенью магистра или доктора, а пятый мог не иметь степени, если у него был опыт преподавания соответствующего предмета в русской высшей школе [Ковалев 2013, с. 92].

Принятие этого документа позволило легитимизировать уже фактически начавшийся процесс и в высших учебных заведениях, и при русских академических группах началась подготовка кадров высшей квалификации путем «оставления при кафедрах». Не были исключением и специалисты по истории русского права. Стоит подчеркнуть, что возможность присуждения ученых степеней магистра и доктора истории русского права появилась в России только перед революцией 1917 г. [О степенях], поэтому опыта приема магистерских испытаний по этой дисциплине как основной не было – ранее диссертации на историко-правовую тематику защищались по государственному или уголовному праву. Как уже было показано ранее, наиболее стабильной подготовка по истории русского права была при Русском юридическом факультете (РЮФ) в Праге [Михальченко 2022]. Именно там руководством факультета получилось организовать системную работу по подготовке аспирантов.

По подсчетам В.В.Ганина, всего за 10 лет (1922–1931) было оставлено при кафедрах факультета 42 человека. Из них – семеро прикреплялись для подготовки по истории русского права [Ганин 2005, с. 37-38]. Первым по времени стал профессорским стипендиатом и сдавал магистерские экзамены М.В. Шахматов. Он был учеником

академика М.А. Дьяконова, начав академическую карьеру до революции, готовился к сдаче экзаменов еще в 1917–1918 гг. и поэтому смог сдать их в Праге сразу после начала деятельности факультета: основной экзамен по истории русского права 11.07.1922, дополнительные по истории философии права и государственному праву 20.02.1923 [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1044. Лл. 386-388]. Шахматов оказался единственным из профессорских стипендиатов по истории русского права, кто затем дошел до защиты магистерской (в 1927 г. на РЮФ) и докторской (в 1938 при Русской академической группе в Югославии в Белграде) диссертаций [Михальченко 2021].

Среди первых магистрантов истории русского права был и Д.М. Одинец. Также как и Шахматов, выпускник Петербургского университета, он после Гражданской войны оказался в Париже, где, имея дореволюционный опыт преподавательской деятельности в альма-матер и в Психоневрологическом институте, начал преподавать во Франко-русском институте Сорбонны. В октябре 1922 г. он обратился на РЮФ с просьбой о прикреплении для сдачи экзаменов. Испытание по истории русского права он выдержал 14.04.1923; 12.02.1924 г. успешно сдал дополнительные экзамены по истории философии права и по государственному праву. Через неделю, 20 февраля прочитал две пробные лекции и 28.02.1924 был удостоен звания приват-доцента, после чего вернулся в Париж, где продолжил преподавание [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 693. Лл. 1-67]. Диссертации он в итоге не защитил.

Сложным оказался путь к ученой степени у О.О. (И.И.) Маркова. Он был выпускником австрийского Львовского (Лембергского) университета, где в 1913 г. получил степень доктора прав. Переехав в 1915 г. в Россию, экстерном сдал экзамены и получил степень кандидата прав в Варшавском университете и там же (уже под названием Донской) был в 1917 г. оставлен для приготовления к профессорскому званию под руководством проф. Ф.Ф. Зигеля, специалиста по истории славянских законодательств. С марта 1924 г. стал профессорским стипендиатом при РЮФ под руководством проф. К. Кадлеца по истории русского права «со специальным вниманием к истории права славянских народов». Таков же был и фактически состоящий из двух частей его главный магистерский экзамен, который он держал 23.06.1925; возможно, поэтому, в качестве дополнительного он сдавал один экзамен (29.12.1925 по уголовному праву), а не два. В мае 1926 г., прочитав две пробные лекции, стал приват-доцентом [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 586. Лл. 7, 28-45, 109.]. В дальнейшем его карьера складывалась в рамках чехословацкой академической традиции, он стал доктором Карлова университета, преподавал в Братиславе.

Практически одновременно с Марковым сдавал магистерские экзамены С.Л. Волкобрун. Обстоятельствами Гражданской войны он получил высшее образование, последовательно обучаясь в четырех(!) университетах – Петроградском, Киевском, Софийском и на РЮФ. Был оставлен там же при кафедре истории русского права в 1923 г., 12.05.1925 г. сдал основной экзамен по специальности, 11.05.1926 по государственному праву, 13.11.1926 по истории славянских прав, месяцем позже по прочтении пробных лекций стал приват-доцентом. Однако к этому времени стало ясным, что русские ученые степени не котируются в Чехословакии, поэтому Волкобрун поступил в свой пятый университет – Карлов в Праге – где ему засчитали 5 семестров обучения, и с 1930 г., став доктором прав, сотрудничал с АН Чехии [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 140. Лл. 1-133.].

Не все из оставленных при кафедре выдерживали магистерские испытания, сказывались жизненные невзгоды и все более осознаваемая перспектива никуда не устроиться с плохо конвертируемым в Чехословакии русским дипломом. Таковой оказалось, например, судьба А.Б. Эфрона. В 1917 г. он поступил в Петроградский университет, но успел проучиться только два неполных семестра, поэтому стал одним из

немногих магистрантов по истории русского права, кто прошел, фактически, полный курс (шесть семестров из восьми) Русского юридического факультета, закончив его в 1926 г. с дипломом 1 степени. В том же году был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Однако, хотя он оставался в этом статусе до 1929 г., экзаменов не сдал, а в дальнейшем занимался практической юриспруденцией [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1082. Лл. 3-80].

Все экзамены сдавались магистрантами перед практически полным составом факультета, чаще всего, превышавшем количественно необходимые по Положению пять членов комиссии. За исключением Маркова, чьим руководителем выступил Кадлец, всеми остальными руководил профессор Г.В. Вернадский, правда, в случае с Эфроном неполный срок (после отъезда в США руководство было передано ставшему к этому времени магистром истории русского права М.В. Шахматову). Перед началом подготовки к экзаменам каждому магистранту давалась составленная руководителем обширная программа, освоить которую в условиях эмиграции и ограниченного доступа к источникам было непросто. Например, Эфрон в поисках нужной литературы ездил в библиотеки Берлина и Вены [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1082. Лл. 77-80].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что на пражском Русском юридическом факультете сложилась устойчивая система подготовки кадров высшей квалификации по истории русского права. Но существование русского высшего учебного заведения в условиях, когда перспектива возвращения в Россию становилась все более эфемерной, потеряло смысл. Постепенно деятельность факультета прекратилась, последние магистерские экзамены там были приняты в начале 1930-х гг.

Список литературы

1. Ганин 2005 – Ганин В.В. Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. №3. С. 37-43.
2. Ковалев 2013 – Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 4. С. 92.
3. Михальченко 2021 – Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Историк права Мстислав Вячеславович Шахматов // История государства и права. 2021. № 1. С. 36-44.
4. Михальченко 2022 – Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н. История русского права в высших учебных заведениях эмиграции в Праге и Берлине в 1920-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. №4. С. 88-94.
5. О степенях – О степенях магистра и доктора по истории русского права: Правительственное распоряжение // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Ч. LXI. Февраль. С. 168-174.
6. Положение – Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций, утвержденное Советом Союза 26 апреля 1922 г. на основании постановления Съезда 15 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 338–340.

ВЕЛИКОДУШИЕ КАК КЛАСТЕРНАЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Попов Данил Сергеевич

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: Evseviy-Dan@yandex.ru

Предметом исследования являются эпистемические аспекты добродетели «великодушие» в текстах Аристотеля, Декарта, Алена (Э. О. Шартье), М. Мамардашвили, а также У. Эко. Данная добродетель рассматривается с точки зрения некоторых современных моделей классификации интеллектуальных добродетелей. В этом контексте великодушие предстает в свете как релейабиллизма, так и респонсибиллизма, может получить обоснование с позиций экстернализма и интернализма, отчетливо являет признаки социально-ориентированной добродетели, а также добродетели, приносящей благо, прежде всего, своему владельцу. Проведенный анализ позволяет заключить, что добродетель «великодушие» в своем историко-философском измерении продемонстрировала кластерный характер, интегрируя в себе различные признаки интеллектуальных добродетелей, выделяемые современными учеными при попытке предложить их классификации. Обращение к истории философии в данном случае позволяет задать более широкие концептуальные рамки осмысления проблемы интеллектуальных добродетелей, дать дополнительное развитие построению моделей их классификации. Актуальность исследования задается в контексте всё возрастающего интереса ученых и специалистов в области истории и философии науки к проблемам коммуникации в науке и образовании, что напрямую соотносится с тематикой интеллектуальных добродетелей.

Ключевые слова: эпистемические добродетели, великодушие, величие души, научное смирение, респонсибиллизм, экстернализм

MAGNANIMITY AS A CLUSTER EPISTEMIC VIRTUE IN SCIENCE AND EDUCATION

Danil Sergeevich Popov

Graduate student

St. Petersburg University

E-mail: Evseviy-Dan@yandex.ru

The study focuses on the epistemic aspects of the virtue of magnanimity in Aristotle's, Descartes', Alain's (E. O. Chartier), M. Mamardashvili's, and U. Eco's texts. This subject is considered in terms of some contemporary models of classification of intellectual virtues. In this context magnanimity can be viewed through the lens of both reliabilism and responsibilism, can be justified from the positions of externalism and internalism, clearly shows signs of its socially oriented essence as well as its essence that brings good, first of all, to its owner. The analysis allows us to conclude that virtue "magnanimity" demonstrated a cluster character in its historical and philosophical dimension, integrating various features of intellectual virtues, highlighted by modern scientists in an attempt to propose their classifications. In this case, appeal to the history of philosophy makes it possible to set a broader conceptual framework of comprehension of the problem of intellectual virtues and gives additional development to the construction of models of their classification. The relevance of the study is set in the context of the increasing interest of scientists and specialists in the history and philosophy of science to the problems of communication in science and education, which directly correlates with the subject of intellectual virtues.

Keywords: epistemic virtues, magnanimity, greatness of soul, scientific humility, responsibilism, externalism

Как известно, современные специалисты, работающие в области философии науки, предлагают несколько классификаций эпистемических добродетелей. Упомянем лишь

некоторые из них. Самая широкая и фундаментальная – релайабилитизм (ключевую роль в получении знания играют врожденные интеллектуальные способности) и респонсбилитизм (знание зависит от того, насколько его субъект приобрел и развил в себе интеллектуальные добродетели) [Шиповалова, Галлямов 2022, с. 59-60]. Эпистемические добродетели могут получать экстерналистские и интерналистские обоснования [Каримов 2019, с. 137-146]. Наконец, можно упомянуть, что они могут осмысляться как «социально-ориентированные» а также как те, которые приносят благо в первую очередь тому, кто ими обладает [Каримов 2019, с. 161].

Такая эпистемическая добродетель как великодушие (*magnanimity, generosity*) также находит свое место в вышеуказанных координатах. Достаточно очевидно, что она принадлежит респонсбилитистским концепциям, получает свое обоснование в рамках экстернализма и относится к «социально-ориентированным» [Каримов 2019, с. 161]. Вместе с тем, история философии – через такие понятия как *μεγαλοψυχία, Générosité, Magnanimité, die Größe der Seele, die Großmut* – показывает, что эпистемический аспект этой добродетели обретал самые разные смыслы [Попов 2018, Попов 2021]. У Аристотеля это сократовское знание собственных заблуждений, бескомпромиссная попытка исправлять себя через диалог с другими [Howland 2002]. В системе Картезия это концепция правильного использования субъектом своей свободы [Shapiro 1999] и связанная с этим идея добродетельного смирения, состоящая «в отсутствии пренебрежения другими, коренящемся в искренней уверенности, что другие так же, как и мы имеют свободную волю и могут пользоваться ею правильно» [Декарт 1989, с. 548]. С этой идеей Декарта связаны принципы «научного смирения» [Эко 2003, с. 164] и принцип «отпущенного существования» [Мамардашвили 2010, с. 507-508]. К этой палитре следует присоединить и мнение Алена, усматривающего в декартовском великодушии призыв к смелому мышлению, не боящемуся ошибок [Alain 1961, p. 41; Алэн 2000, с. 276]. Наконец, для Ф. Ницше великодушие выступает как свойство, связанное со способностью к решимости в философском делании. Величие души делает возможным для философа выходить за пределы всех «реактивных сил», завладевающих мышлением: личных убеждений, склонностей, желаний [Попов 2018, с. 7-10]. Такое богатство смыслов, помимо всего прочего, являет и включенность данной добродетели в противоположные разделы вышеупомянутых классификаций.

Так, великодушие в ряде контекстов действительно отчетливо предстает в свете респонсбилитизма: как нравственный *выбор* и *делание* субъекта познания [Декарт 1989, с. 548, 552; Nietzsche 1899, s. 287; Alain 1961, p. 41; Мамардашвили 2010, с. 13-14, 507]. Вместе с тем, некоторые из данных контекстов также ясно соотносятся с элитаристскими представлениями о великодушии как о врожденной силе и благородстве отдельных людей, указывая, в некотором смысле, и на релайабилитизм. «Легко понять, – пишет Р. Декарт, – что души, вложенные Богом в наши тела, неодинаково благородны и сильны (поэтому для этой добродетели я предпочел наше слово “великодушие” (*Générosité*), а не “величие души” (*Magnanimité*), как принято в школе, где эта добродетель мало известна) [Декарт 1989, с. 552]. Еще более прямо это обозначено у Ф. Ницше. У него величие души, будучи необходимым условием всякого подлинного философствования, прямо преподносится как удел *незаурядных* людей, обладающих особой моралью и телесно-духовной дисциплиной [Nietzsche 1922, s. 352].

В тех контекстах, где добродетель великодушие оказывается связанной с интерпретациями тестов, коммуникацией в науке и образовании и обеспечивает «познавательный успех» в производстве истинных убеждений, она, без сомнения, может получить экстерналистское обоснование [Каримов 2019, с. 146]. Однако в ряде случаев великодушие скорее соотносится с интерналистскими мотивами: «не с познанием истины, а с мотивацией, которая руководит субъектом, с его личными диспозициями»,

с «интеллектуальными превосходствами личности» [Каримов 2019, с. 141, 142]. Например, Ф. Ницше полагает, что исследователям истории морали надлежит *быть* определенным образом: «в сущности смелыми, великодушными (*grossmuthige*) и гордыми животными, которые умеют держать в узде как свое сердце, так и свою боль и воспитали себя для того, чтобы приносить в жертву истине все желания – каждой истине, даже простой, горькой, безобразной, отвратительной, нехристианской, неморальной истине» [Nietzsche 1921, s. 301-302].

Наконец, что касается вопроса о социальной или личностной ориентации добродетели «великодушие», то в свете истории философии ответ также предстает многогранным. С одной стороны, у Аристотеля сократовское знание собственных заблуждений, бескомпромиссная попытка исправлять себя через диалог с другими обеспечивает ему наиболее прочный статус благодетеля полиса. Именно поэтому Сократ обладает подлинной *μεγαλοψυχία*. [Попов 2018, с. 5; Howland 2002, p. 32]. Сюда же относится и интерпретация Алена, согласно которому практика великодушия «способствует равенству» [Ален 2000, с. 276]. Интерпретации декартовской «*Générosité*» М. Мамардашвили и Л. Шапиро занимают скорее среднее положение между данными позициями. Что касается Ф. Ницше, то у него великодушие вообще не связано ни с какой пользой: ни для субъекта, ни для социума. Напротив, оно влечет за собой большие страдания: «в величии души нет ничего романтического: (*die Größe der Seele hat nichts Romantisches an sich*). И, к сожалению, нет ничего прекрасного вообще!» [Nietzsche 1922, s. 352].

Таким образом, даже в формате краткого обзора мы видим, что в свете истории философии эпистемологический аспект добродетели «великодушие» оказывается удивительно многогранным. Думается, что тем самым она являет свой кластерный характер, объединяя в себе основания для классификации по самым разным признакам. Тем самым, дальнейшее изучение данной добродетели в аспекте эпистемологии может привнести дополнительный толчок к разработке дальнейших классификаций интеллектуальных добродетелей с тех или иных эпистемологических позиций и обоснований. Возможно, увидеть проблему интеллектуальных добродетелей в свете истории философии позволит также открыть дополнительные измерения в данной проблематике, так хорошо развитой современными англо-американскими специалистами по философии и истории науки.

Список литературы

1. Ален 2000 – Ален. Суждения. М.: Республика, 2000.
2. Декарт 1989 – Декарт Р. Страсти души // Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 481-572.
3. Декарт 1994 – Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3-72.
4. Каримов 2019 – Каримов А. Р. Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейа, 2019. 428 с.
5. Мамардашвили 2010 – Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс–Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. 528 с.
6. Попов 2018 – Попов Д. С. Добродетель «великодушие» у Аристотеля, Декарта и Ницше: эпистемологический аспект // Дискурс. 2018. № 2. С. 3-11.
7. Попов 2021 – Попов Д. С. Великодушие как основание научной коммуникации // Студенческие смольные чтения 2018–2019: Сборник работ студенческих научных конференций. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 150-166.
8. Шиповалова, Галлямов 2022 – Шиповалова Л. В., Галлямов Р. И. Интеллектуальные добродетели в образовании: вызовы современных технологий // Высшее образование в России. 2022. № 10. С. 56-68.

9. Эко 2003 – Эко У. Как написать дипломную работу. М.: Книжный дом «Университет», 2003.
10. Alain 1961 – Alain. Propos sur des philosophes. Paris: Presses universitaires de France, 1961. 298 p.
11. Howland 2002 – Howland J. Aristotle's Great-Souled Man // The Review of Politics. 2002. № 1. Pp. 27-56.
12. Nietzsche 1899 – Nietzsche F. Der Antichrist. Versuch einer Kritik des Christenthums // Nietzsche's Werke. B. 8. Leipzig: Druck und Verlag von C. G. Naumann, 1899. S. 215-314.
13. Nietzsche 1921 – Nietzsche F. Zur Genealogie der Moral // Nietzsche's Werke. B. 7. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1921. S. 287-484.
14. Nietzsche 1922 – Nietzsche F. Der Wille zur Macht. (Drittes und Viertes Buch) // Nietzsche's Werke. B. 16. Leipzig: Alfred Kröner Verlag, 1922.
15. Shapiro 1999 – Shapiro L. Cartesian Generosity // Acta Philosophica Fennica. 1999. Vol. 64. Pp. 249-275.

УДК 372.8

«ФИЛОСОФИЯ НАУКИ» ДЛЯ БАКАЛАВРОВ НЕФИЛОСОФСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ — ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Терехович Владислав Эрикович

Кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии

НИУ Высшая школа экономики

E-mail: v.terekhovich@gmail.com

В российской академической дискуссии много внимания уделяется курсу «История и философия науки» для аспирантов. Но почти не обсуждается то, насколько курс «Философия науки» для бакалавров естественно-научных специальностей должен отличаться от соответствующего курса для бакалавров философов или для аспирантов. Полагаю, он должен существенно отличаться по ряду ключевых параметров. Изложенные рекомендации основаны не только на опыте, но и на ряде опросов студентов. Приводятся аргументы, почему курс следует строить в проблемном ключе, а не в историческом или концептуальном. Предлагается делать упор не на определениях и классификациях, а на конкретных проблемах в областях науки, знакомых студентам. Также важно использовать не только классические тексты философов науки, но и современные тесты, написанные специалистами в конкретных областях науки. На семинарах эффективнее больше времени отводить на дискуссии по теме с упором на современные примеры, и меньше – на разбор классических текстов. Все предложения носят дискуссионный характер и являются предложением для обмена опытом преподавателей.

Ключевые слова: философия науки, преподавание в университете, философия и наука, STEM

"PHILOSOPHY OF SCIENCE" FOR NON-PHILOSOPHICAL BACHELORS - EXPECTATIONS AND REALITY

Terekhovich Vladislav Erikovich

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor

of School of Philosophy and Cultural Studies

National Research University Higher School of Economics

E-mail: v.terekhovich@gmail.com

In the Russian academic debate, much attention has been paid to the History and Philosophy of Science course for postgraduate students. But there is little discussion of the extent to which the Philosophy of Science course for bachelors in the natural sciences should differ from the corresponding course for bachelors in philosophy or for postgraduate students. I believe it should differ significantly in several key parameters. The recommendations outlined are based not only on experience, but also on a few surveys of students. Arguments are given as to why the course should be structured in a problem-based way rather than historically or conceptually. It is suggested that the emphasis should not be on definitions and classifications, but rather on specific problems in areas of science familiar to students. It is also important to use not only classical texts of philosophers of science, but also modern texts written by experts in specific fields of science. In seminars, it is more effective to spend more time discussing the topic, focusing on modern examples, and less time analyzing classical texts. All suggestions are debatable and are a suggestion for the exchange of teachers' experiences.

Keywords: philosophy of science, university teaching, philosophy and science, STEM

В ряде российских университетов в учебный план бакалавров философских программ включают обязательный курс «Философия науки». Для студентов нефилософских специальностей этот курс или отсутствует, или предлагается по выбору, или в очень редких случаях обязателен. В программу подготовки аспирантов для всех специальностей включён курс по «Истории и философии науки», а экзамен по нему является обязательным условием получения степени кандидата наук. В такой ситуации преподаватели подвергаются искушению перенести структуру и содержание курса, составленного для студентов-философов или для аспирантов, на курс «Философия науки», читаемый бакалаврам, изучающим естественные науки, технологии, инженерию или математику, то что принято сокращать как STEM.

Полагаю, что такой подход крайне неэффективен, как минимум для бакалавров STEM специальностей. Кроме прочего он способствует их негативному отношению не только к философии науки, но и к философии в целом. Вместо создания «зоны обмена» между философией и наукой, такой подход в худшем случае может привести не к прояснению, а к усложнению понимания науки, а это одна из причин утраты интереса ученых к философии науки [Порус 2019]. Это значит, обсуждаемый курс должен существенно отличаться по ряду ключевых параметров.

В то время, как в зарубежной литературе эта проблема активно обсуждается [De Regt, Koster 2021, p. 106; Green et al. 2021, p. 75], в российской академической среде дискуссия в основном сосредоточена вокруг соответствующего курса для аспирантов. Изложенные ниже выводы основаны на личном опыте преподавания курсов по философии науки бакалаврам-философам, а также бакалаврам и аспирантам нефилософских специальностей в двух университетах (НИУ ВШЭ и СПбГУ), а также на нескольких опросах студентов [Проект 2021, web].

Опросы перед курсом «Философия науки» показывают, что студенты нефилософских специальностей обычно не представляют, для чего им вообще нужен этот курс. Они часто уверены, что прекрасно знают, что такое наука и как она работает [Микешин 2018]. Казалось бы, тематический план курса — это один способ заинтересовать студентов. Но, к сожалению, этому не способствует то, что большинство курсов строится по историческому и персоналистскому принципу. Причина в том, что такой подход привычен студентам-философам. Похожая ситуация и с курсом «Истории и философии науки» для аспирантов. Но там другая причина — курс вынужден опираться на типовую программу и вопросы кандидатского экзамена, где большая часть связана или с периодизацией, или с конкретными концепциями, или с отдельными личностями философов науки.

Однако, как показывают опросы, большинство (около 80% в опросе 2020 г.) студентов-нефилософов предпочитают изучать отдельные философские проблемы реальной науки, чем знакомиться с этими же концепциями в историческом порядке

с фокусом на личности отдельных философов (хотя это не исключает необходимости иллюстрировать каждую проблему аргументами конкурирующих философских концепций). Объяснение лежит на поверхности. Студенты привыкли изучать свою конкретную науку не в ее историческом развитии, а концентрируясь на современных теориях и моделях. Именно так пишут учебники, так строятся их основные курсы.

Наличие подобного предубеждения студентов подтверждает и опрос 2020 г. Перед курсом «Философия науки» на любую полезность курса надеялись только 47% студентов трех программ бакалавриата STEM специальностей. Однако, после курса уже 84% тех же студентов считали, что полученные на курсе знания пригодятся в сферах, не связанных с их специальностью, а 15% надеялись, что курс пригодится даже в их специальности. Скачок очевиден, и произошел он, по моему мнению, именно благодаря использованию проблемного и в чем-то практико-ориентированного, а не исторического подхода.

Согласно другому опросу, проведенному в 2021 г. среди аспирантов, в основном нефилософских специальностей, общую удовлетворенность курсом «Истории и философии науки» 27% оценили на 5 баллов по 5-бальной шкале, и еще 31% на 4 балла. Утверждение «В ходе курса я получил(а) новые знания и навыки» 35% оценили на 5 баллов и еще 20% на 4 балла. Таким образом, средняя оценка составила 3,5 балла. Такой низкий показатель во многом вызван (опять же по моему мнению) общепринятой концептуально-исторической структурой курса.

Ключевой вопрос, который решает преподаватель при проектировании курса — это перечень и последовательность тем. В первую очередь выбор определяется опытом, компетенцией и привычками преподавателя. Но чтобы учесть особенности конкретной аудитории студентов, думаю, нет другого способа как постоянно экспериментировать и каждый год немного (а иногда существенно) переделывать курс.

В ходе опроса 2020 г. были выявлены темы, более всего понравившиеся студентам трех STEM программ бакалавриата: «Отличие науки от ненауки, проблемы демаркации» (72% опрошенных), «Искусственный интеллект и проблемы сознания» (67%) и «Модели развития науки и научные революции» (61%). В группе со средним показателем оказались темы: «Индукция, верификация и фальсификация» (58%), «Связь философии и науки» (57%), «Этика научных исследований» (55%), «Научный метод, его ограничения и соотношение теории и эксперимента» (53%). Наименьший интерес вызвали темы: «Объяснение в науке» (39%), «Научный реализм и анти-реализм» (37%), «Философия математики и философия физики» (22%).

В опросе 2022 г. у бакалавров-физиков 4 курса темами-фаворитами (набрали по 80%) оказались: «Критика верификации и индукции К. Поппером», «Экспериментальное подтверждение гипотез» и «Научные революции и несоизмеримость. Т. Кун», «Наука и ценности, этические проблемы ИИ». Наименьший интерес (около 50%) вызвали темы: «Источники и основания достоверного знания в Античности», «Социокультурная детерминация научного знания», «Научное объяснение» и «Научный реализм и его критика».

И хотя на результаты голосования влияют особенности преподавания конкретным преподавателем, определенные выводы все-таки можно сделать.

1) Темы, построенные почти исключительно на концептуальном анализе, разборе понятий с опорой на историческую реконструкцию, интересны и важны философам (как студентам, так и преподавателям), но гораздо в меньшей степени — студентам STEM специальностей. Они просто не понимают, зачем подробно вникать в смысл используемых понятий и аксиом, а тем более изучать концепции, созданные людьми далекими от науки. Это объясняет низкую популярность тем, связанных с научным реализмом, объяснением, истиной или этическими теориями. И действительно, думает

студент, зачем мне разбираться в критериях существования объектов, зачем знать, в чем Куайн был не согласен с Карнапом, а Латур с Блуром. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что тема социального конструктивизма пользовалась большим успехом у аспирантов искусствоведов и психологов.

Отсюда следует рекомендация сократить время на темы, требующие больше знаний о философских теориях, чем их имеет средний студент конкретной программы. Соответственно следует существенно сократить время на блок «История философии науки».

На это можно возразить сильнейшим аргументом: «Философия науки, взятая вне своей собственной истории безжизненна» [Касавин, Порус 2016]. Да, в курсе невозможно обойтись без исторических примеров, демонстрирующих студентам противоречивый и даже трагический путь идей известных ученых. Как иначе показать ошибочность простой картины кумулятивной эволюции науки, рисуемой в учебниках. Но это должны быть именно примеры, а не отдельные темы. Конечно, на примере пещеры Платона хорошо объяснять когнитивные ошибки, а еще лучше обсудить его Тезета. Нет сомнения и в том, что каждому будущему ученому полезно знать исторические корни дедукции и индукции; почему бритва Оккама часто отсекает не то, что нужно; в чем не сомневался Декарт; как именно Юм критиковал причинность. Но всем этим прекрасным сюжетам просто нет возможности уделить достаточно времени в небольшом курсе (из личного опыта это 60 академических часов).

Исключением из предыдущей рекомендации могут быть темы, связанные с именами К. Поппера и Т. Куна. С одной стороны, многие студенты уже что-то о них слышали. С другой стороны, опираясь на современную научную практику, студентов несложно заинтересовать неожиданной для них критикой, казалось бы, общепринятых идей и понятий этих авторов.

2) Существенная часть курса типового курса «Истории и философии науки» для аспирантов посвящается таким классическим темам, как эмпирический и теоретический уровни познания, гипотетико-дедуктивная модель, функции и структура научной теории, дискуссия между разными концепциями науки. Для студентов-философов такие темы необходимы. А вот для бакалавров STEM специальностей их следует делать не основными, а вспомогательными. Больше времени следует уделить критическому анализу, обоснованию и пониманию (с точки зрения логики, истории науки, эпистемических ценностей и реальной научной практики): научного факта, способов выдвижения и подтверждения гипотез, критериев сравнения теорий-конкурентов, мифов о всеильности и универсальности научного метода. По-моему, такая задача вполне совместима с идеей «преподавания философии науки в ее метафизической версии», сосредоточенной на критике предпосылочности в отношении науки [Шиповалова 2012].

3) Для современных философов науки проблема демаркации потеряла свою остроту, стала очевидна ее расплывчатость, условность и слабая применимость к реальной науке. Однако студентам STEM специальностей все еще интересны темы, связанные с критериями отличия научного, по их мнению «настоящего знания», от знания ненаучного. Для ученых, работающих в условиях жесткой конкуренции на рынке публикаций, грантов и карьерных перспектив, эта проблема всегда актуальна. Это значит, что ее критический разбор способен побудить студентов задуматься о своих предубеждениях в этой области. И снова лучшим способом разобраться в критериях научности будут не теоретические рассуждения о некоей маргинальной псевдонауке, а дискуссия о конкретных ситуациях с настоящими учеными, когда их научная деятельность не соответствует конкретным эпистемическим или этическим ценностям.

4) Принципиально иным для студентов STEM специальностей должен быть подбор литературы для чтения и разбора на семинарах. Если для философов привычно чтение

классических первоисточников, то в данном случае предпочтение следует отдавать более или менее обзорным статьям в научных журналах или интернет-изданиях. Особенно полезными могут стать статьи авторитетных ученых из области науки, близкой к специализации студентов. Домашние задания лучше давать не на заучивание того, что написано в тексте или того, что говорилось на лекции, а на подбор собственных аргументов за или против позиции автора. По тому же принципу желательно строить и семинарские занятия.

Для иллюстрации изложенных выше тезисов приведу лишь две показательных цитаты из опроса бакалавров-физиков в 2022 г.: «Хотелось бы погрузиться в современную научную философию, разобрать несколько статей, и показать на примере передний край научной философии». «В курсе понравилось практически все, особенно постоянное разрушение картины мира, которую почти каждую лекцию приходилось сильно модифицировать или перестраивать».

Таким образом, курс «Философия науки» для бакалавров STEM специальностей должен отличаться и от курса для философов, и от курса для аспирантов по нескольким параметрам:

- строить курс следует в проблемном ключе, а не в историческом или концептуальном;
- упор делать не на определениях и классификациях, а на конкретных проблемах в областях науки, знакомых студентам;
- использовать не только классические тексты философов науки, но и современные тесты, написанные специалистами в конкретных областях науки;
- на семинарах больше времени отводить на дискуссии по теме с упором на современные примеры, и меньше – на разбор классических текстов.

Поскольку отличия такого курса могут быть довольно серьезными, во избежание путаницы, стоит подумать и об изменении его названия. Варианты можно обсудить на круглом столе.

Список литературы

1. Касавин, Порус 2016 – Касавин И. Т., Порус В. Н. Философия науки в России: от интеллектуальной истории к современной институционализации // *Epistemology & philosophy of science*. 2016. №. 2 (48). С. 6-17.
2. Микешин 2018 – Микешин М.И. Представления о науке и о философии науки у студентов технических вузов // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2018. №1. С. 13-21.
3. Проект 2021, web – Отчет о студенческом проекте «Мониторинг отношения студентов к курсам Философия науки и Философия». 2021. URL: <https://phc.hse.ru/news/480106330.html> (дата обращения: 10.04.2023)
4. Порус 2019 – Порус В. Н. Философский статус" метафилософии науки" // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Т. 56. №. 2. С. 134-150.
5. Шиповалова 2012 – Шиповалова Л. В. Преподавание философии науки как философский опыт // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2012. Т. 24. №. 1-2. С. 28-33.
6. De Regt, Koster 2021 – De Regt H. W., Koster E. The Hows and whys of philosophy of science teaching: a comparative analysis // *European Journal for Philosophy of Science*. 2021. Vol. 11. Issue 4. DOI:10.1007/s13194-021-00421-1
7. Green 2021 – Green S. et al. Adapting practice-based philosophy of science to teaching of science students // *European Journal for Philosophy of Science*. 2021. Vol. 11. Issue 3. DOI:10.1007/s13194-021-00393-2

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ

Чеботарева Елена Эдуардовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники

Институт философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

В статье рассматривается вопрос роли искусственного интеллекта в университетском гуманитарном образовании. Поднимается проблематика многообразия понимания ИИ в разрезе цифровых технологий и возможности замены им преподавателя. Рассматриваются разнообразные исследования в этой области (восточные и западные ценности образования, недостатки современного гуманитарного образования, связь технических и гуманитарных дисциплин) и те проблемы, которые они ставят. Доказывается принципиальность философского прояснения термина «эффективность образования» в контексте императива компьютеризации образовательных процессов, исходящего от менеджеров образовательной политики, отмечается отсутствие связи «эффективности» и интересности обучения с целями образования. Затрагивается вопрос специфики Digital Humanities как сферы, где происходит встреча цифровых технологий и гуманитарного знания, показывается дискуссионность научности этого направления с точки зрения философии науки. Ставится вопрос о «контринтуитивном» влиянии ИИ на образование, при котором оно становится более, а не менее «человечным», поднимается проблема необходимости определения концепта «человечности» в современных условиях. Делается вывод, что роль образования заключается также и в таком формировании гуманистического мировоззрения, при котором «подporок» для человеческого будет требоваться в меньшем, а не в большем объеме.

Ключевые слова: философия образования, искусственный интеллект, университет, цифровая среда

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: PROSPECTS FOR HUMANITIES

Chebotareva Elena Eduardovna

CSc in Philosophy, Associate Professor

of the Department of Philosophy of Science and Technology

Institute of Philosophy

St. Petersburg University

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

The article deals with the issue of the role of artificial intelligence in university liberal arts education. The author raised an issue of diverse understanding AI in the context of digital technologies and the possibility of replacing a teacher. The author considers a variety of studies in this area (Eastern and Western values of education, shortcomings of modern liberal arts education, the connection between technical and humanitarian disciplines) and the problems that they pose. The author proves the principled nature of the philosophical clarification of the term "educational efficiency" in the context of computerization imperative, coming from educational policy managers, and notes the lack of connection between "efficiency" and the interest of learning with the goals of education. The question of the Digital Humanities specifics as a sphere where the meeting of digital technologies and humanitarian knowledge takes place is touched upon, the debatability of the scientific character of this direction from the point of view of the philosophy of science is shown. The author raises the question about the "counter-intuitive" impact of AI on education, in which it becomes more, not less "human", and comes to the problem of defining the concept of "humanity" in modern conditions. The article concludes that the role of education also lies in the formation of

a humanistic worldview, in which "props" for the human will be required in a smaller, and not in a larger volume.

Keywords: philosophy of education, artificial intelligence, university, digital environment

Всё известное нам время существования университета, вне зависимости от конфигураций образовательных и исследовательских практик, обучение строилось на отношениях между людьми (обучаемыми и обучающими) и принципиальной роли текстов и академических авторитетов. Современная ситуация иная: в формировании новой образовательной политики все более ключевую роль начинают играть различные технологии, включая ИИ.

В исследовании такого рода хотелось бы четко различать отдельные технологии, которые могут управляться ИИ и используются под контролем преподавателя (например, игровые компоненты, виртуальная реальность, нейросеть, занимающаяся проверкой работ и т.д.) и собственно ИИ в качестве «замены» преподавателя (в рамках студенческой группы или индивидуальной траектории обучения). При этом существуют технологии (сети, видеочаты, цифровые библиотеки, некоторые игровые компоненты и пр.), которые не задействуют в своей работе технологии ИИ и активно используются в образовательных процессах; соответственно возникает вопрос об их роли в пределах исследования. Очевидно, их следует исключить из рассмотрения, но также очевидно и то, что все эти сферы скоро будут охвачены «умными алгоритмами».

ИИ, как мы видим, находится в активной фазе своего развития и по этой причине пока неясно, насколько всеобъемлющим будет его присутствие, какие функции будут ему отданы. На данный момент времени какой-то идеальной формы взаимодействия технологий и человека в образовательной сфере не предвидится, хотя для менеджеров образовательной политики «внедрение компьютеров и технологий в класс является императивом» [Guilherme 2019, p. 53].

Исследователи замечают, что подобный императив должен иметь значимые обоснования, однако главное обоснование компьютеризации – «сделать обучение более эффективным и интересным», т.е. для менеджеров образовательной политики эффективность и интерес не нуждаются в обосновании. Но «эффективность и интерес» — это технический ответ, ответ о средствах, а не о целях; и это не предлагает пути к рассмотрению философии образования» [Guilherme 2019, p. 53]. Примерно такой же точки зрения в плане ориентации на эффективность придерживается отечественная образовательная политика [Попова, 2015, web].

На данный период времени существует ряд разнообразных эмпирических и метафизических исследований, оценивающих перспективы и угрозы широкого использования ИИ в гуманитарных науках. Так, философские проблемы гуманитарного образования рассматриваются через призму идей западной и восточной философии. Один из примеров подобных работ – сравнение взглядов Д. Дьюи и Конфуция на гуманистическую цель образования, обнаружение сходства этих взглядов и выдвижение аргументов в пользу актуальности гуманитарного образования к тому времени, когда многие профессии, с которыми мы знакомы, устареют. В то же время авторы дают критическую оценку современного гуманитарного образования, которое имеет ряд недостатков, среди которых отметим сохраняющуюся дихотомию между гуманитарными и естественными науками. В эпоху ИИ становится еще более важным интегрировать их, чтобы наука и технология не превратились в материалистические и античеловеческие, а гуманитарные науки не стали просто литературой и не имели никаких средств для преобразования мира [TAN, Sor-hoon 2022].

Исследование, материалом которого служили цифровые среды обучения первого поколения, задается вопросом о природе машинного интеллекта, его пределов и возможностей в сфере образования. Ключевой вывод заключается в том, что

искусственный интеллект — в контексте практик электронных вычислений, развивающихся за последние три четверти века — никогда ни в каком смысле не «взял на себя» роль учителя. Тем не менее, в пределах указанного исследования, ИИ предлагает потенциал для трансформации образования таким образом, чтобы, возможно, вопреки интуиции, сделать образование более человечным, а не менее [Core, Kalantzis & Sears 2021]. Каким образом можно сформулировать ключевые точки взаимодействия человека и ИИ в гуманитарном образовании, исходя из вышеизложенных подходов? Во-первых, как было верно замечено, вопросы «эффективности» образования не заменяют его целей, в данном случае цифровая среда может выступать инструментом, но не направлением, не ценностным ориентиром в получении знания. При этом цифровая среда и внедрение ИИ переопределяет как понятие знания, так и, в более практическом смысле, сферы его применения, в первую очередь профессиональные. Нашей исследовательской группой Института философии СПбГУ было проведено исследование проблемы эффективности научных исследований, и четко продемонстрировано, что понятие эффективности должно иметь философское, конструктивное измерение, а не количественное, формальное, которое по сути является малосодержательным (Грант РГНФ № 15-03-00572 а, «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты», 2015-2017). Только определившись с понятием «эффективности образования» можно очертить функциональное поле ИИ и цифровых технологий в университетской сфере.

Что касается стремления к синтезу социогуманитарных и технических наук, исследователи давно возлагают на него особые надежды и ассоциации с возрожденческим Ренессансом и парадигмальной трансформацией научного знания [Dodig-Crnkovic 2003]. На данный момент связь гуманитарных дисциплин и цифровых технологий наиболее полно выражают проекты Digital Humanities. Однако, с точки зрения философии науки, Digital Humanities не дают какого-то нового содержательного знания, хотя и формируют новые нюансированные эпистемологии, связанные с цифровыми объектами исследования и «большими данными». Безусловно, Digital Humanities отвечают требованиям «интересности» обучения, но, на данный момент, вряд ли способствуют формированию его целей. Тем не менее следует признать, что технические науки сейчас оказываются гораздо ближе к социогуманитарным, нежели естественные, поскольку их задачи во многом определяются человеческими требованиями и предпочтениями. Очевидно, что в приоритете дальнейшего развития как гуманитарных, так и технических дисциплин оказывается философская работа с определением их целей и ценностей.

Наконец, вопрос трансформации образования в «более человечное» с помощью ИИ представляет собой интересное поле для исследования. Как уже упоминалось, гуманитарное образование обладает рядом недостатков и страдает проблемой определения собственных целей и компетенций. В этом смысле некоторым исследователям представляется (возможно, небезосновательно), что ИИ сможет выполнить роль той самой ключевой «подпорки» шатающегося здания. Очевидно, что такой подход выводит на первый план необходимость уточнения понятия «человечности» как в современном контексте, так и в контексте связи между ИИ и человеческим разумом. Здесь небезынтересно вспомнить идеи А. Тьюринга, который защищал тезис о способности машины обучаться и выносить суждения так же, как человек, если ей предоставить соответствующие возможности опыта [Тьюринг 2019]. Возможно, Тьюринг, с учетом его трагической биографии, предполагал, что машины могут быть человечнее людей и подобный «контринтуитивный» подход снискал бы его одобрение. В любом случае, нам представляется, что роль образования заключается

также и в таком формировании гуманистического мировоззрения, при котором «подпорок» для человеческого будет требоваться в меньшем, а не в большем объеме.

Наиболее проблематичным в данном рассмотрении представляется то обстоятельство, что вопрос перспектив гуманитарного образования в контексте проникновения искусственного интеллекта в образовательную среду требует рассмотрения с принципиально разных сторон: как философских (концепты «эффективности» и «человечности» образования, вопросы его целей), так и технических (включая политику в области работы нейролабораторий и применения ИИ), и социоэкономических. Однако, такая междисциплинарность обычна для социогуманитарных исследований; представляется, что философская проработка основополагающих концептов окажется полезной как для образовательной политики, так и для политики в области технологических инноваций.

Список литературы

1. Попова, 2015, web – Попова С.М. Анализ отечественного и зарубежного опыта развития цифровой инфраструктуры социально-гуманитарных исследований // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 208-251. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_13820.html (дата обращения: 20.05.2022).
2. Тьюринг 2019 – Тьюринг А., фон Нейман Дж. Может ли машина мыслить? Общая и логическая теория автоматов. Пер. с англ. № 14. Изд. стереотип. URSS. 2019. 232 с.
3. Cope, Kalantzis & Searsmith 2021 – Bill Cope, Mary Kalantzis & Duane Searsmith. Artificial intelligence for education: Knowledge and its assessment in AI-enabled learning ecologies // Educational Philosophy and Theory. 2021. Vol. 53 (12). P. 1229-1245
4. Dodig-Crnkovic 2003 – Dodig-Crnkovic G. Shifting the Paradigm of Philosophy of Science: Philosophy of Information and a New Renaissance // Minds and Machines. 2003, Vol. 13. P. 521–536.
5. Guilherme 2019 – AI and education: the importance of teacher and student relations Alex Guilherme // AI and Society, 2019. V. 34 (1), pp. 47-54.
6. TAN, Sor-hoon 2022 – TAN, Sor-hoon Humanities education in the age of AI: Reflections from Deweyan and Confucian perspectives // John Dewey and Chinese Education: A Centennial Reflection. Leiden, Netherlands: Brill. P. 234-253.

УДК 2, 27

МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ. *

Чумакова Татьяна Витаутасовна

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет*

E-mail: t.chumakova@spbu.ru

Доклад посвящен анализу тенденций, которые наметились в российской духовной школе в «эпоху Великих реформ». Эти процессы были спровоцированы изменениями в концепции университета. Происходит рождение современного университета,

* Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.»

ориентированного на исследования, переход от модели «обучающего университета» к модели «исследовательского университета». В начале девятнадцатого столетия главной функцией всех высших учебных заведений Российской империи была не научная деятельность, а подготовка юношей к государственной службе. В духовной школе переход к «исследовательской школе» произошел после выхода устава духовных школ 1869 года. В этом уставе научная работа становилась важнейшей составляющей деятельности духовных академий. Исследовательская деятельность в академиях заключалась не только в развитии работ по истории церкви, но и в прикладных исследованиях. В Санкт-Петербургской духовной академии была создана лаборатория экспериментальной психологии. Возникновение исследовательской школы было бы невозможно без научных командировок и заграничных стажировок. Целью этих стажировок было ознакомление с научной литературой и научной деятельностью в западных университетах. Также учащиеся и преподаватели духовных академий получили возможность участия в археологических раскопках на территории Османской империи. Такую возможность они получили благодаря деятельности Русского Археологического Института в Константинополе, Русской духовной миссии в Иерусалиме и Императорского Православного Палестинского общества. Важным фактором в создании высшей школы нового типа также выступали научные съезды и научные общества.

Ключевые слова: религиоведение, история религиозного образования, реформа, православие, инфосфера

MODEL OF A RESEARCH UNIVERSITY IN THE HIGHER THEOLOGICAL SCHOOL OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

Chumakova Tatiana Vitautasovna

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies

St. Petersburg University

E-mail: t.chumakova@spbu.ru

The report is devoted to the analysis of trends that have emerged in the Russian theological school in the "era of Great reforms". These processes were triggered by changes in the concept of the university. There is the birth of a modern research-oriented university, the transition from the model of a "teaching university" to the model of a "research university". At the beginning of the nineteenth century, the main function of all higher educational institutions of the Russian Empire was not scientific activity, but the preparation of young men for public service. In the theological school, the transition to the "research school" occurred after the publication of the charter of theological schools in 1869. In this charter, scientific work became the most important component of the activities of theological academies. The research activity at the academies consisted not only in the development of works on the history of the church, but also in applied research. A laboratory of experimental psychology was established at the St. Petersburg Theological Academy. The emergence of a research school would have been impossible without scientific trips and internships abroad. The purpose of these internships was to familiarize with scientific literature and scientific activities at Western universities. Also, students and teachers of theological academies had the opportunity to participate in archaeological excavations on the territory of the Ottoman Empire. Russian Russian Archaeological Institute in Constantinople, the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem and the Imperial Orthodox Palestine Society provided them with such an opportunity. Scientific congresses and scientific societies were also an important factor in the creation of a new type of higher school.

Keywords: Religious studies, history of religious education, reform, Orthodoxy, infosphere

Появление современного университета, ориентированного на исследования, переход от модели «обучающего университета» к модели «исследовательского университета», происходит в период полномасштабного промышленного развития и урбанизации во второй половине девятнадцатого века. общие черты этого процесса повышения научной специализации и профессионализма были повсеместными и

в значительной степени не зависели от конкретного национального или институционального контекста [Wittrock 1993, p. 309-310]. Это в полной мере относится и к российским университетам и духовным академиям XIX в., которые в этом столетии развивались по схожей траектории. В начале столетия главной функцией всех высших учебных заведений Российской империи, как духовных, так и светских (согласно уставу университетов 1804 г.) была не научная деятельность, а подготовка «юношества» «для вступления в различные звания государственной службы» [Параллельный свод 1875, с. 20.]. Науки представлялись министру народного просвещения А.С. Шишкову полезными «только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру... Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению» [Соловьев 1914, с. 51].

Ученые должны были оставаться прежде всего государственными служащими [Чумакова 2005], о чем свидетельствует «Циркулярное предложение относительно диссертаций на ученые степени» от 13 декабря 1850 года: «По случаю Высочайших замечаний на некоторые из печатных диссертаций, написанных для приобретения ученых степеней, прошу покорнейше сделать распоряжение: 1) чтобы не только самая диссертация была благонамеренного содержания, но и чтобы извлеченные из них тезисы или предложения, которые испытуемый защищать должен, при таком же направлении, имели надлежащую полноту, определительность и ясность, не допускающие возможности понимать разным образом одно и то же предложение. 2) При рассмотрении диссертаций и при наблюдении за защитением их не допускать в смысле одобрительном обсуждения начал, противных нашему государственному устройству» [Соловьев 1914, с. 58].

Если «исследовательский поворот» университетов отмечался уже современниками [Умов 1916], поскольку он проявился в том числе и в капитальном строительстве физических и химических институтов, создании лабораторий [Чумакова 2005], то аналогичный процесс, протекавший в духовных учебных заведениях не столь часто отмечался исследователями. Научные задачи закреплялись в «Уставе и штате Духовных академий» 1869 г.: «Равным образом академии предоставляется право открывать публичные лекции, учреждать ученые общества, предметами деятельности которых могут быть: разработка и издание источников христианского вероучения, памятников и вообще материалов, относящихся к истории и современному состоянию церкви, обзор произведений отечественной и иностранной богословской литературы, изыскание способов к возвышению уровня всех отраслей богословских наук, а равно и прочих наук, с тех сторон, которыми они соприкасаются с христианством и богословскою учёностью, и т. п.» [Устав 1869, с. 38], который также закреплял право академий на издание периодических изданий «учёного содержания», право «свободно и беспошлинно выписывать из-за границы всякого рода учебные пособия на одинаковых основаниях с Императорскими Российскими университетами» [Устав 1869, с. 39], которые не подлежали рассмотрению цензуры. Реформы были невозможны без отказа от сословного характера духовных академий, который был также закреплён в Уставе 1869 г.: в академии теперь могли поступать лица православного вероисповедания любых сословий, и академии стали рассматриваться как учреждения, цель которых сводилась к распространению «учености в духовенстве», как это было зафиксировано в уставе 1814 г., а как учебные духовные заведения, в задачи которых входит развитие наук.

Знаковым событием в истории исследовательской парадигмы в российской духовной школе стала защита диссертации П.В. Знаменского «Приходское духовенство со времени реформы Петра» в 1872 г. в Казанской духовной академии. Против присвоения Знаменскому ученой степени доктора богословия (степени по историческим наукам в то время в духовной школе еще не было). Ректор КДА выступил против

присуждения Знаменскому искомой степени, поскольку в блестящей докторской диссертации не было богословия. Это была научная диссертация. Но благодаря вмешательству Синода, заинтересованного в модернизации духовной школы, степень Знаменскому была присуждена.

Одним из важных инструментов развития научных исследований стали заграничные поездки. Учащиеся и преподаватели посещали не только Европу (чаще всего Германию и Италию, Балканы и территории, заселенные славянами), но и Ближний Восток, а также Малую Азию (Стамбул), через которую проходил паломнический маршрут в Святую Землю, и где был создан Константинопольский археологический институт, сыгравший важнейшую роль в развитии российской церковной археологии, в котором с 1903 до закрытия в 1914 г. прошли стажировку одиннадцать человек из российских духовных академий [Сухова 2009]. Командировки на Ближний Восток способствовали повышению уровня церковно-исторической науки и библеистики, уровень которой в российских духовных школах был невысок [Алексеев 2014]. Командируемые получали маршрутную карту и «три задания: 1) научное: ознакомиться с основными направлениями преподаваемого им предмета в западной науке; 2) методологическое: уяснить положение этой науки среди других богословских наук, внутреннюю структуру, изучаемые вопросы, применяемые методы и т.д.; 3) источниковедческое и историографическое: ознакомиться с доступными источниками и лучшими пособиями, составить каталог и по возвращении рекомендовать библиотеке академии» [Сухова 2012, с. 322]. Подобный подход к командировкам достаточно быстро принес результаты, и не только в области церковно-исторической науки, но и такой новой дисциплины, как психология [Коржова 2021]. Психология преподавалась в духовных учебных заведениях уже в XIX в. [Михельсон 2022], и ее преподаванию всегда уделялось значительное внимание, что было связано с важностью этой дисциплины в деле подготовки священнослужителей. В СПбДА в конце столетия психологию преподавал В.С. Серебренников (1862–1942), темами диссертаций которого были учение о душе в философии Дж.Локка («Учение Дж. Локка о прирождённых началах знания и деятельности» (1892)) и Лейбница («Лейбниц и его учение о душе человека»). Во время своей научной командировки, поддержанной Советом СПбДА и Синодом (на поездку выделил 1000 рублей). За 1892–1893 гг. Серебренников посетил лаборатории экспериментальной психологии во Франции и Германии [Коржова 2021], где стажировался в Лейпцигском университете, в первом в мире Институте психологии, основанном в 1881 г. В.М. Вундтом, а также в лаборатории экспериментальной психологии Геттингенского университета, созданной Г.Э. Мюллером. Некоторое время Серебренников уделил посещению Института экспериментальной психологии Г. Эббингауза в Берлине, и институтов экспериментальной психологии в Бонне и Гейдельберге. Результатом научной командировки стало создание в Санкт-Петербургской духовной академии «психологического семинария», который представлял из себя лабораторию для занятий экспериментальной психологией, в которой «размещались приборы для экспериментальных опытов: а) прибор для экспериментального исследования объёма и узости ясного сознания, произвольных движений, деятельности душевных процессов, силы и качества ощущений, явлений восприятия, памяти и утомляемости; б) модели и препараты центральной нервной системы; в) различные таблицы и чертежи; г) электрический прибор для изучения явлений одновременного контраста и смешения цветов» [Шиндаров 2011, с. 175]. Заграничные поездки также способствовали тому, что студенты и преподаватели получали возможности языковой практики. Несмотря на то, что в духовных школах изучали латынь, французский или немецкий языки (по выбору), языковая практика

очевидна была незначительна, что порой затрудняло возможность научной коммуникации.

Развитию исследовательской деятельности в российских духовных школах способствовало то, что преподаватели духовных академий стали принимать участие в научных съездах, получили возможность создавать научные общества и участвовать в конкурсах на получение премий Императорской Академии наук [Академическая премия 2018].

Краткий обзор некоторых эпизодов из истории российской высшей духовной школы конца XIX в. показывает, что в этот период в ней (несмотря на контрреформы семидесятых годов) четко определяется переход от «обучающейся» к «исследовательской» школе.

Список литературы

1. Академическая премия 2018 – Академическая премия митрополита Макария (1867–1919): Сборник документов / Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2018. 216 с.
2. Алексеев 2014 – Алексеев А.А. Библейские исследования в России в XIX и XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2014. № 1(36). С. 9-28.
3. Коржова 2021 – Коржова Е.Ю., Стебнев А.С. История психологического образования преподавателей психологии духовных академий в конце XIX – начале XX столетия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 267-276.
4. Михельсон 2022 – Михельсон О.К. Поляков Н.С. Психология религии в инфосфере российских духовных академий XIX - нач. XX вв. (на примере Санкт-Петербургской духовной академии) // Былые годы. 2022. № 17(4). С. 1654-1665
5. Параллельный свод 1875 – Параллельный свод общих уставов императорских российских университетов 1863, 1835 и 1804 годов и Дерптского 1865 года. Санкт-Петербург: типография Балашова, 1875. 209 с.
6. Соловьев 1914 – Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи 60х гг. Санкт-Петербург: Энергия, 1914. 235 с.
7. Сухова 2009 – Сухова Н.Ю. Представители духовной школы в Русском археологическом институте в Константинополе // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №. 10-2. С. 105-111.
8. Сухова 2012 – Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.) М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 658 с.
9. Умов 1916 – Умов Н.А. Физический институт Московского университета // Собр. соч. Т. 3. М., 1916. С. 142-146.
10. Устав 1869 – Устав и штат Духовных академий Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1869. 40 с.
11. Чумакова 2005 – Чумакова Т. Наука в российских университетах (вторая половина XIX века) // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 103-110.
12. Шиндаров 2011 – Шиндаров С.Б. Учёная и учебная деятельность профессора СПбДА ВС Серебrenикова // Христианское чтение. 2011. №. 3. С. 169-195
13. Wittrock 1993 – Wittrock, B. The modern university: The three transformations // The European and American University since 1800 / Ed. by S. Rothblatt & B. Wittrock. Cambridge, 1993. P. 303 – 362.

РОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА: ИДЕЯ И КОНТЕКСТ

Шапошникова Юлия Владимировна
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: j.shaposhnikova@spbu.ru

Феномен европейского университета насчитывает уже больше восьми столетий своего существования, из которых как минимум полтора века интеллектуалы всего мира проблематизируют этот феномен, ставя под вопрос идею, миссию и предназначение университета как такового, а также в целом демонстрируя довольно пессимистическое отношение к современному положению университетских сообществ. Одни мыслители выражают озабоченность чрезмерной экономической ангажированностью академической среды (С. Фуллер), другие тревожатся относительно новой формы цензуры, осуществляемой неявно, но от этого не менее действенно, фондами, издательствами, СМИ (Ж. Деррида), кто-то говорит об опошлении и забвении функции университета в качестве проводника культуры (Х. Ортега-и-Гассет), кто-то образно указывает на то, что университет в его прежней форме себя изжил и остро назвали преобразования (Б. Ридингс). Подобные тревоги и озабоченность, несомненно, требуют радикализировать вопрос, касающийся определения сущности университета.

Подробное рассмотрение условий возникновения старейших средневековых университетов (Болонского, Парижского, Оксфордского и др.) в XII-XIII веках позволяет выделить характерные черты *universitas*: 1) вписанность университета как образовательной структуры в социально-экономическую и политическую реальность эпохи; 2) объединяющую функцию университета, благодаря которой на основе единого образовательного интереса собираются вместе и функционируют многочисленные группы людей; 3) охранительное или обособляющее свойство университетского объединения (*alma mater studiorum*), благодаря которому университет позиционирует себя как автономную структуру (со своим уставом, традициями и авторитетами); и 4) принципиальную незавершенность, и как следствие, открытость университетского проекта как такового. Осмысление внешних и внутренних обстоятельств рождения и существования университета, позволяет взглянуть в его сущность, по новому взглянуть на обсуждаемые в настоящее время проблемы положения университета, а также наметить вектор возможных преобразований в сфере высшего образования.

Ключевые слова: университет, образ университета, автономность университета, сообщество, *universitas*, открытый проект, исследовательский университет, Гумбольдт

THE BIRTH OF THE UNIVERSITY: IDEA AND CONTEXT

Shaposhnikova Yulia Vladimirovna
CSc in Philosophy, Associate Professor
St. Petersburg University
E-mail: j.shaposhnikova@spbu.ru

The phenomenon of the European university has been around for more than eight centuries, at least a century and a half of which intellectuals around the world have been problematizing the phenomenon, idea, and mission of the university as such, generally displaying a rather pessimistic attitude toward the contemporary state of university communities. Some thinkers express concern about the excessive economic commitment of the academic environment (S. Fuller), others are alarmed about a new form of censorship, carried out implicitly but no less effectively by foundations, publishing houses, and the media (J. Derrida), some talk about the denigration and oblivion of the university function as a vehicle of culture (J. Ortega y Gasset), others figuratively point out that the university in its former form is outdated and transformation is urgently needed (B. Ridings). Such anxieties and concerns undoubtedly call for a radicalization of the question concerning the definition of the essence of the university.

A detailed study of the conditions of formation of the oldest medieval universities (Bologna, Paris, Oxford) during the 12th and 13th centuries allows us to distinguish characteristic features of *universitas*: 1) the incorporation of the university as an educational structure in the socioeconomic and political reality of the time; 2) the unifying function of the university, due to which numerous groups of people come together and function on the basis of one educational interest; 3) the protective or isolating quality of the university association (*alma mater studiorum*), through which the university positions itself as an autonomous structure (with its own charter, traditions, and authorities); and 4) the principal incompleteness and, consequently, the openness of the university project as such. Understanding the external and internal circumstances of the birth and existence of the university, we can conceive of its essence, take a new look at its problems, and outline possible transformations in the system of higher education.

Keywords: university, image of university, university's autonomy, *studium*, *universitas*, open project, research university, Humboldt

Как создание, так и реформирование университета, осуществляется на пересечении идей его создателей и социально-исторического контекста, в котором он существует, а следовательно, на пересечении внутреннего, теоретического, и внешнего, практического, планов бытия. Как подчеркивал Гумбольдт, если «академия занимается исключительно наукой как таковой», то «университет всегда стоит ближе к практической жизни и нуждам государства, поскольку он берет на себя поставленную государством задачу руководства молодыми людьми» [Гумбольдт, 2002, web].

Даже самые первые университеты возникали, не только волей желающих объединиться ради овладения науками под руководством опытных наставников, но и исходя из сложившихся социально-политических и экономических обстоятельств. Так рождение Болонского университета происходило на фоне зарождения коммун и в ситуации разрушения феодального устройства: «Эти два учреждения, коммуна и университет, оба родившиеся под руководством Ирнерия, были полностью переплетены под портиками, в частных домах, в монастырях» [University of Bologna, web]. Примечательно, что Болонский университет полноценно вписался в социально-экономическую жизнь города, «превратив Болонью не только в *la dotta* (ученую), но и в *la grassa* (толстую)», то есть став причиной ее обогащения [там же]. Преподаватели получали оплату непосредственно от студентов, принимали их в своих домах и устанавливали практически семейные отношения.

Как отмечает П. Ю. Уваров, «Никто не основывал университеты Болоньи, Монпелье, Парижа и Оксфорда, они возникли сами по себе, спонтанно. Всего четыре университета, но именно от них произошли все остальные» [Уваров, 2010, web]. Спонтанно, то есть самопроизвольно, не всегда означало благоприятно. Напротив, нередко толчком к созданию университетов становились внешние противоречия. Возникновение Оксфордского университета связывают с запретом Генриха II англичанам учиться в Парижском университете, а Кембриджский университет родился в результате конфликта преподавателей и студентов Оксфорда с местной общиной: «Студенты, не договорившиеся с муниципальными властями Болоньи, переселялись в Виченцу, Ареццо, Падую; после кровавой стычки с парижанами, местные студенты и магистры переселились в Анжер и Тулузу» [там же].

Тогда как первые университеты родились самопроизвольно, по инициативе студентов, в дальнейшем их стали основывать светские и церковные властители. Согласно довольно резкому высказыванию С. Фуллера, «Университет... был когда-то предложен для сокрытия множества грехов, в частности, как «бархатная перчатка» для увековечивания власти элит» [Фуллер 2005, с. 2]. И действительно, Парижский университет практически с самого начала его основания курировался Папой Римским. В 1231 году Генрих III взял под свою опеку Кембридж. «*Studium generale*» в Саламанке превратился в «университет» по велению короля Альфонсо X, а официальный статус

университета он получил от Папы Римского Александра IV. Даже гораздо более поздний сюжет, а именно историю создания исследовательского университета, было бы несправедливо рассматривать вне социального и даже политического контекста. Знаменитые тезисы В. фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» 1810 года были написаны в результате возложенной на него задачи обеспечения системы государственной службы образованным чиновничеством, ради которой в 1808 году барон Альштейн и пригласил Гумбольдта занять пост главы Департамента религии и образования при прусском Министерстве внутренних дел.

Помимо внешнего контекста, создание университета или его реформирование всегда связано с реализацией той или иной идеи относительно роли и предназначения университета. Однако в силу *изменчивости* внутренних задач создателей и реформаторов университетов, а также внешних обстоятельств самой жизни, формы и цели университета меняются. И в Средние века, и в современности, создатели университетов были движимы надеждой осуществления идеала, но всякий раз разного: «заботливой матери» (*alma mater studiorum*), места для свободного развития науки [Гумбольдт 2002], пространства приобщения молодого поколения к культурному и интеллектуальному наследию [Ортега-и-Гассет 2005, с. 34] и т.д. Начиная с XIX века, идея или миссия университета стала постоянным предметом рефлексии [Ньюмен 2006; Ортега-и-Гассет 2005; Ридингс 2010].

Университет – всегда незавершенный, а значит, принципиально открытый проект. В этом смысле, рождение университета не является однократным историческим событием. Исходя из новых внешних и внутренних контекстов, университет непрерывно рождается заново. Хотя Берлинский университет существовал и до 1810 года, с реформой Гумбольдта он появился на свет вновь. От прежней формы Болонского университета как средневековой общины, несмотря на традиции, не осталось и следа. Оксфорд, при всем его консерватизме и до сих пор произносимой студентами латинской клятве, несомненно, совсем не тот Оксфорд, в котором работал Р. Бэкон. Университет есть вечный проект, вечное стремление к идеалу в контексте меняющихся интеллектуальных, социальных, экономических, политических и исторических явлений. Университет – это всегда модель, лаборатория, не только в которой происходят научные открытия, но, что гораздо важнее, в которой, как в пробирке алхимика, рождается человек [Ортега-и-Гассет 2005; Деррида 2003].

И все же при всей принципиальной *незавершенности* образа университета, его существенным свойством является способность *объединять*. На это указывает прежде всего само понятие «*universitas*». Согласно словарному значению означающее «целостность» и «совокупность», оно противопоставляется понятиям «*pars*» и «*portiones*» («часть» и «доли») [Петрученко 1994, с. 670]. И, действительно, как в прямом, так и в переносном смысле, университет представляет собой общность людей, связанных одним делом и единым познавательным интересом, которая предполагает «позицию, корпоративный образ бытия..., т. е. целую совокупность диспозиций, в том числе и телесных, вписанных в манеру держаться, указывающую на академическое достоинство» [Бурдьё 1996, с. 11]. Способов экстернализации общности множество: цветовая символика, покрой одежды, университетский гимн, девиз, присяга и клятва.

Обратной стороной объединения, является *обособление*. Университет – во многих смыслах автономное и самоуправляемое образование. Об этом свидетельствуют сенаты, существующие во многих североамериканских университетах, собственная Конституция и свой законодательный орган, действующие в Кембриджском университете. На сайте Болонского университета спустя почти тысячу лет подчеркивается, что он возник «стихийно», решением собравшихся вместе студентов, сформулировавших собственные

цели и способы их реализации. С одной стороны, *universitas magistrorum et scholarium*, сложилось из традиционных школ Болоньи, объединив желавших овладеть тонкостями *Corpus Iuris Civilis*, а с другой стороны, стало прецедентом *самостоятельно* организованного сообщества на его собственных условиях, а не согласно внешней воле.

Именно на защиту этого существенного для университета свойства автономии много веков спустя встал В. Гумбольдт, призывая государство осуществлять всестороннюю поддержку, но не регулировать научные занятия университетов [Гумбольдт, 2002, web]. Это об утрате этой автономии сокрушался Ж. Деррида, заявляя, что, хотя монархической цензуры, как в прежние времена, не существует, «в университетские дела все решительнее вмешиваются внеуниверситетские силы (издательства, фонды, СМИ)» [Деррида, 2003, web]. Благодаря автономности университетского сообщества, оно всегда имело особый статус, за право засвидетельствовать который и тем самым заручиться его политической поддержкой, боролись церковная и светская власти, издавая хартии, выдавая привилегии и обещая покровительство [Кибре 1962].

Вписанность в социально-политический контекст, свойства объединять, обособлять (охранять), а также принципиальная незавершенность образа – вот лишь некоторые черты, которые, при великом разнообразии конкретных явлений, выражают идею университета как такового.

Список литературы

1. Бурдьё 1996 – Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8-31.
2. Гумбольдт 2002, web – Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине. 2002. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/o-vnutrennej-i-vneshnej-organizaczii-vysshih-nauchnyh-zavedenij-v-berline-1.html> (дата обращения 13.04.2023).
3. Деррида, 2003, web – Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки, № 6, 2003. <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomczev.html> (дата обращения 10.03.2023).
4. Кант 2002 – Кант И. Спор факультетов. Калининград: Издательство КГУ, 2002. 286 с.
5. Ньюмен 2006 – Ньюмен Дж. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 208 с.
6. Ортега-и-Гассет 2005 – Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
7. Петрученко 1994 – Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1994. 810 с.
8. Ридингс 2010 – Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
9. Уваров, 2010, web – Уваров П.Ю. У истоков университетской корпорации. URL: <https://polit.ru/article/2010/02/04/university/> (дата обращения 13.03.2023)
10. Фуллер 2005 – Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50-76.
11. Kibre 1962 – Kibre, P. Scholarly Privileges in the Middle Ages: The Rights, Privileges, and Immunities of Scholars and Universities at Bologna, Padua, Paris, and Oxford. Cambridge, Mass.: Mediaeval Academy of America, 1962. 445 p.
12. University of Bologna, web – Alma mater studiorum: Università di Bologna, 2023. URL: <https://www.unibo.it/en> (дата обращения: 10.04.2023).

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: О ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ НАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шиповалова Лада Владимировна
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: ladaship@gmail.com

Автор обращается к проблемам современного исследовательского университета. Утверждается, что в фокусе этих проблем находится наука и ее двойственное понимание как цели образования и как средства для реализации целей различных общественных субъектов. В ходе исторической трансформации исследовательского университета становятся явными проблемы связи научного образования и идеологии, а также ценностей академии и требований рыночной экономики. Далее автор формулирует три группы проблем современного исследовательского университета. В первом случае научное образование различным образом определяется в контексте внутренних и внешних университету целей, в качестве средства их достижения. Во втором случае наука истолковывается как цель образования и общественное благо, но утверждается, что различное понимание общественного блага требует различных способов осуществления научного образования. В третьем случае проблему для научного образования создает то, что современные технологии, являющиеся результатом развития науки, перестают быть простым средством, но трансформируют научное образование. В докладе будут определены связи указанных проблем и намечены перспективы их решения.

Ключевые слова: исследовательский университет, идеология, технологии, современность, знание, эффективность

PROBLEMS OF CONTEMPORARY RESEARCH UNIVERSITY: ON THE GOALS AND MEANS OF SCIENTIFIC EDUCATION

Shipovalova Lada Vladimirovna
DSc in Philosophy, Professor
St. Petersburg University
E-mail: ladaship@gmail.com

The author draws attention to the problems of the contemporary research university. She argues that these problems are in the focus of science and its dual understanding as the goal of education and as a means of realizing the goals of various social subjects. In the course of the historical transformation of the research university, the problems of the relation between scientific education and ideology, as well as between the values of the academy and the requirements of a market economy, become apparent. Further, the author formulates three groups of problems of the contemporary research university. In the first case, one can define scientific education as related to internal and external goals, as a means of achieving them. In the second case, one can interpret science as the goal of education and the public good, but different understanding of the public good requires different means of implementing scientific education. In the third case, the contemporary informational technologies cease to be useful tools, but transform science education. The author presents the interconnections of these problems and explicates the opportunities for their solutions.

Keywords: research university, ideology, technology, knowledge, contemporaneity, efficiency

Определенность образовательных и научных практик в современном исследовательском университете, а также правил и норм, воспроизводимых в этих практиках, зависит от общественного статуса университета, то есть от конкретных требований к его эффективности и от его целеполагания, так или иначе истолкованного.

Ключевым пунктом в этих истолкованиях оказывается наука, развитие которой как мыслится в качестве цели образования, так и оказывается средством на пути к целям, формулируемым различными общественными субъектами. Соответственно, проблемы современного исследовательского университета можно трактовать, принимая во внимание неоднозначный статус научного образования.

История рассматриваемой нами институции далека от гомогенности. Возникающий в XIX веке, демонстрирующий собственную успешность в разных странах Европы, в Америке, в России, исследовательский университет имел различные модели. Если принимать в расчет модель немецкого университета, разработанную Вильгельмом фон Гумбольдтом [Гумбольдт 2002] не без участия немецких философов, то существенные для нее нормативное требование единства преподавания и исследования, а также внимание к развитию науки остаются актуальными до наших дней. В истории формирования классического университета Гумбольдта важны как достигнутая эффективность в развитии науки, так и выраженный провал в реализации способности университетского образования отвечать конечным целям человеческого разума, то есть свободе (И. Кант). Связь этих едва ли не противоположных следствий, отмечаемая исследователями, все еще ожидает отдельной развернутой рефлексии [Шнедельбах 2002]. В этом случае проблема состоит в том, чтобы проследить «как» и объяснить «почему» провозглашенное стремление к объективности как нейтральности исследования, критическое отношение к любому завершеному знанию, а также акцент на различии позиции лектора на кафедре и вождя на трибуне (М. Вебер) могли привести к принятию университетской аудиторией и профессурой идеологии национал-социализма. Уроки истории не ограничиваются обращением только к классической немецкой модели. Американские исследовательские университеты продемонстрировали собственную успешность в XX веке, эффективно отвечая как на запрос военно-промышленного комплекса, так и на вызовы современных информационных технологий [Vest 2007]. Однако формирование тенденций академического капитализма, актуализировавшее проблему соединения академических ценностей и требований рынка [Mendoza, Berger 2008], оказалось вызовом для американских университетов.

Сформированные историческим развитием проблемы современного университета могут быть раскрыты через связь высшего научного образования и идеологии, а также противоречие ценностных ориентиров, задающих стремление к истинному знанию и к максимизации прибыли. В настоящее время релевантность моделей исследовательского университета, какими бы ни были их спецификации, может быть поставлена под вопрос, коль скоро задачи национального строительства в современности не считаются столь значимыми как в XIX веке [Риддингс 2010]. Не соглашаясь в полной мере с Риддингсом, признавая, что формирование государств остается актуальным в пост колониальную эпоху, мы определяем первую группу проблем исследовательского университета как рожденных его неоднозначной историей. Ниже будут кратко описаны три группы проблем современного исследовательского университета, которые определяются диалектикой целей и средств научного образования, составляющего его содержание.

Во-первых, проблемы современного исследовательского университета относятся к противоречию между внутренним и внешним целеполаганием, которому «служит» научное образование. В первом случае приобретение знаний, навыков и компетенций подчинено стремлению к истине и объективности и задано современным уровнем развития науки. Во втором оно определяется внешними требованиями эффективности и результативности, интересами экономических и политических субъектов, ожидающих от научного образования повышения производительности труда, возрастания материального и символического капитала. В практиках образования эта

неоднозначность раскрывается через необходимость совмещения уровня и направления получаемых фундаментальных научных и технических знаний с требованиями быстро меняющегося рынка профессий. Остроту этой группе проблем задает то, что во-первых, социальная и технологическая среда, определяющая внешнее целеполагание университета и задающая научное образование в качестве служащего этим целям средства, только в первом приближении может быть рассмотрена в качестве полностью внешней, коль скоро ее вариативное влияние на различных субъектов образования – образовываемых и образовывающих – постоянно и его невозможно редуцировать. Во-вторых, связь формально провозглашаемых в уставах университетов целей, а также реальных задач, которые ставят перед собой субъекты образования, остается неопределенной. Так, опросы ВЦИОМа свидетельствуют о том, что отношение к высшему образованию как значимому социальному лифту и «необходимому элементу успешного трудоустройства» в общественном мнении России снижается [ВЦИОМ, 2019, web]. Важно при этом то, что такая тенденция имеет место в контексте включения исследовательскими университетами в свои уставные цели формирования практически востребованных знаний и умений, то есть переступания границ интерналистским образом истолкованных целей научного образования.

Во-вторых, проблемы современного исследовательского университета связаны с неоднозначным пониманием научного образования уже не в качестве средства, но в качестве цели, причем связанной с общественными целями в широком смысле слова. Образование, формирующее субъектов научной деятельности, в качестве цели может быть понято как общественное благо. Однако истолкование науки как общественного блага и самого общественного блага далеко от однозначности [Касавин 2021]. Стремление к когнитивному многообразию и стремление к научному и общественному консенсусу не всегда совпадают. Соответственно средства, определяющие образовательные практики и способствующие достижению этих целей, также могут различаться. Это может быть и критическое мышление, и стремление к согласованности знаний, обеспечиваемой унификацией методов или пересечением различных подходов, и формирование различных интеллектуальных добродетелей, достаточно гетерогенных по своей природе [Heersmink 2018, p. 3].

В-третьих, проблемы современного исследовательского университета определяются различием в отношениях между целями и средствами, становящимся актуальным в эпоху цифровых технологий и новых медиа. Классическая рационализация предполагает, что средства и технологии, используемые в образовательных практиках, должны отвечать заявленным целям университета. Однако современный технологический контекст, связанный с используемыми цифровыми технологиями, с активным включением в образовательную коммуникацию взаимодействия в социальных сетях, а также с влиянием искусственного интеллекта на практики образования, переворачивает указанные отношения. Активность и непредсказуемость действия новых технологий создает необходимость анализировать и учитывать производимый ими эффект как на нормативность образовательных стратегий университета, так и на конкретные формы практик, складывающихся между преподавателем и студентом. Так, технология ChatGPT, породившая многочисленные дискуссии в рядах преподавателей и администраторов отечественных университетов и ставшая мотивом обсуждения возможного реформирования системы оценивания, непрерывно совершенствуется и уже рассматривается исследователями в качестве ранней версии системы общего искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence) [Bubeck, Chandrasekaran, Eldan 2023, web]. То есть в проблематичном отношении оказываются с одной стороны научное образование как цель и, с другой

стороны, технологические средства, определяющие эту цель, которые совершенствуются в том числе в результате научного образования.

В докладе будет показано, как три группы проблем современного исследовательского университета – проблемы неоднозначности научного образования как цели, как средства, а также проблемы отношения целей и средств научного образования – связаны с исторической эволюцией исследовательского университета, а также каковы перспективы решения этих проблем.

Список литературы

1. ВЦИОМ, 2019, web – Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-soczialnyj-lift-ili-poteryannoe-vremya> (дата обращения: 11.04.2023).
2. Гумбольдт 2002 – Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. №2 (22). С. 5-10.
3. Касавин 2021 – Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217-227.
4. Риддингс 2010 – Риддингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.
5. Шнедельбах 2002 – Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос 5-6 (35) 2002. С. 65-78.
6. Bubeck, Chandrasekaran, Eldan 2023, web – Bubeck S., Chandrasekaran V., Eldan R., et al. Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4. 27. 03.2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2303.12712> (дата обращения: 11.04.2023).
7. Heersmink 2018 – Heersmink R. A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education // Social Epistemology. 2018. Vol. 32 (1). P. 1–12.
8. Mendoza, Berger 2008 – Mendoza, P., & Berger, J.B. Academic capitalism and academic culture: A case study. // Educational Policy Analysis Archives. 2008. Vol. 16(23). P. 1-27.
9. Vest 2007 – Vest Ch. M. The American Research University from World War II to World Wide Web: Governments, the Private Sector, and the Emerging Meta-University. University of California Press, 2007. 140 p.

Часть 5. Формирование информационного общества как революционные трансформации социального бытия

УДК 338.2

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Базаркина Ксения Александровна

Аспирант

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
E-mail: emcbox@mail.ru*

Современный мир характеризуется быстрой изменчивостью и нестабильностью. Основными причинами этого являются усложнение бизнес-среды, вызванное расширением и усложнением действующих экономических субъектов (компаний, групп компаний), а также ее ускорение в результате широкого использования компьютеров, интернета, а в последствии и цифровых технологий. В данных условиях происходит стремительный технологический рост, но при этом социокультурное развитие человека запаздывает, что зачастую является причиной возникновения трудностей в работе управленческого персонала, ответственного за принятие решений. Так, по мере возрастания сложности руководство теряет способность адекватно оценивать ситуацию и принимать эффективные решения. Для адаптации в условиях сложной и быстроизменяющейся среды компании необходимы высокий уровень цифровизации и высококвалифицированный персонал, при условии их непрерывного развития. На текущий момент во многих российских компаниях цифровизация находится на низком уровне, и в сложившихся условиях необходимо быстрое как технологическое, так и социокультурное развитие, что могло бы в значительной степени повысить эффективность принятия решений. Это поможет компаниям увеличить продуктивность и улучшить финансовый результат, и, как следствие, окажет благотворное влияние на экономические показатели в масштабе РФ. Так, данной статье сделана попытка сформулировать основные проблемы принятия решений в контексте цифровой экономики путем раскрытия сущности процесса принятия решений и его этапов, а также осмысления факторов, оказавших влияние на формирование современных условий существования и развития компаний.

Ключевые слова: принятие решений, сложность, цифровая экономика, цифровая трансформация, концепция VUCA, концепция BANI, системы поддержки принятия решений

MODERN PROBLEMS OF DECISION-MAKING IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY

Bazarkina Kseniya Alexandrovna

Graduate student

*The National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky
E-mail: emcbox@mail.ru*

Today's world is characterised by rapid change and instability. The main reasons for this are the increasing complexity of the business environment caused by the expansion and complication of existing economic entities (companies, groups of companies), and its acceleration as a result of the widespread use of computers, the Internet and, later, digital technologies. Under these conditions, there is rapid technological growth, but human socio-cultural development lags behind, which often

causes difficulties for management personnel responsible for decision-making. Thus, as complexity increases, management loses the ability to assess the situation adequately and make effective decisions. To adapt in a complex and fast-changing environment, companies need a high level of digitalisation and a highly skilled workforce, subject to their continuous development. Today, many Russian companies have low level of digitalisation, therefore, in the current environment, rapid technological and socio-cultural development is required, which could significantly improve the efficiency of decision-making. This would help companies to increase productivity and improve financial performance, and as a consequence, have a positive impact on economic performance of the Russian Federation. Thus, this article attempts to formulate the main problems of decision-making in the context of digital economy by revealing the essence of the decision-making process and its stages, as well as understanding the factors that have influenced the formation of the current conditions of existence and development of companies.

Keywords: decision-making, complexity, digital economy, digital transformation, VUCA concept, BANI concept, systems for decision support

В настоящее время большое значение для компаний имеют цифровые технологии, которые стали для них не просто конкурентным преимуществом, но и средством выживания. В свою очередь, уровень цифровизации и ее параметры влияют на результаты хозяйственной деятельности отдельных компаний и отраслей, а также на перспективы дальнейшего экономического развития в масштабах страны. Причина высокого приоритета цифровых технологий кроется также в особенностях современной мира, описываемого концепцией BANI, разработанной футурологом Жаме Кассио. По мнению Кассио, концепция VUCA, подразумевающая нестабильность, неопределённость, сложность и неоднозначность мира, применима только в период 1980-2020 гг., и, начиная с 2020 г., более не действует. Начиная с 2020 г., миру свойственны такие качества, как хрупкость, беспокойность, нелинейность, непостижимость [Тимофеев 2022, web]. Стоит отметить, что указанные концепции применимы также и к бизнес-среде, при этом они носят описательный характер, служащий ориентиром для руководителей компаний в вопросах понимания текущей ситуации для целей принятия управленческих решений. Далее рассмотрим подробнее сущность процесса принятия решений и его этапы.

В современной научной литературе авторы предлагают следующие трактовки понятия «решение»: 1) как процесс и результат выбора цели и способа действий [Маймула 2015, с. 7-10], 2) как выбор альтернативы [Федорова 2015, web], 3) как единовременный акт окончательного выбора одного из возможных вариантов действий по достижению целей организации [Глухова 2014, с. 316-321]. В данной статье научный интерес представляет управленческое решение, определяемое как результат анализа субъектом управления (лицом или группой лиц) информации о состоянии системы и определения совокупности действий, необходимых для эффективного разрешения или избежания проблем с конкретной целью [Ильясова 2019, с. 104-108]. Процесс принятия управленческих решений наглядно представлен далее на Рисунке 1.

Стоит отметить, что процесс принятия управленческих решений предваряют сбор и анализ информации, от скорости и качества выполнения которых зависит эффективность принимаемых решений. Использование компьютеров позволило обрабатывать большее количество информации, но вместе с этим «общая картина» становится более сложной, что вызывает у руководства компании определенные трудности.

Рисунок 1 - Этапы принятия управленческого решения

Феномен возрастающей сложности был обнаружен Т. Питерсом и Р. Вотермэном, отмечающим, что для компаний по мере их развития характерно усложнение с точки зрения организационной структуры, вызывающее увеличение количества информации, из-за чего управленческий персонал теряет способность отслеживать ситуацию и принимать правильные решения, если не успевает своевременно адаптироваться к подобным изменениям [Peters and Waterman 2006, p. 63-67]. Также в рамках периода 1900-1970 гг. авторы проследили изменение взглядов теоретиков на организацию и управление персоналом. Изначально теоретики считали, что внимание нужно уделять только процессам внутри компании, а персонал – это рабочая сила, не обладающая самостоятельностью, а к 1970 г. они пришли к пониманию, что факторы вне компании оказывают на ее деятельность не меньшее внимание, чем внутренние, и что сотрудники – это ответственные творческие люди, заслуживающие доверия [Peters and Waterman 2006, p. 89-103]. Таким образом, в процессе развития компаний происходит нарастание сложности, что в свою очередь также побуждает руководство совершенствоваться и расширять границы своих взглядов. В результате общее видение компании руководством, изначально включавшее только внутреннюю среду компании, было дополнено пониманием внешней среды компании, а также отношением к сотрудникам как к личностям, действующим субъектам.

Можем провести параллели между взглядами Т. Питерса и Р. Вотермэна и антропологическими концепциями. Как считают Э. Ласло и Дж. Бирман, эволюция, обусловленная естественным отбором (идеи Ч. Дарвина) и изменением от простого к сложному (идеи Ж.Б. Ламарка), подразумевает не только биологические мутации, но и технологическое, а также социокультурное развитие [Laszlo and Bierman 1977, p. 3]. Так, с одной стороны, данные идеи применимы не только к человеческому обществу, но и к бизнес-среде, и с другой стороны, раскрывают аспекты развития человека (биологический, социокультурный и технологический). По мнению Дж. Боткин, с одной стороны, технологии помогут увеличить урожай, но, с другой стороны, увеличат безработицу и усилят социальное неравенство, поскольку более бедные слои населения не смогут воспользоваться новыми технологиями по причине неумения ими пользоваться, а также недостатка ресурсов для их приобретения [Botkin et Al. 1979, p. 5]. Как видно, что все три аспекта развития человека (биологический, социокультурный и

технологический) совершенствуются неравномерно, т.е. технологическое развитие существенно опережает социокультурное развитие, в результате чего возникают различные проблемы. Подобная ситуация возникает и у руководства компаний в связи с внедрением цифровых технологий.

Возвращаясь к характеристике мира, стоит более подробно изучить причины, по которым в разные периоды его описывали с помощью концепции VUCA (1980-2020) или BANI (2020-наст. время). Итак, как отмечает Таршхоева Ж.Т., история вычислений уходит глубокими корнями вглубь веков. Однако период становления цифровой эпохи приходится на XX век, когда были изобретены первые ЭВМ (30-е годы) и прототип сети Интернет (60-е годы), а также разработаны первые персональные компьютеры (90-е годы) [Таршхоева 2021, web]. В 2001 г. в США был подписан Манифест гибкой разработки программного обеспечения [Highsmith 2001, web]. Утверждение Манифеста поспособствовало упрощению процесса разработки программного обеспечения (ПО), и в результате сделав ПО доступным для широкого круга пользователей. В 2020 г. имела место пандемия COVID-19, сделав применение компьютеров и интернета повсеместным. Так, в результате ускорения процессов бизнес-среда стала более сложной, быстроизменяющейся и нестабильной.

Что касается процесса цифровизации в РФ, Указом Президента РФ №474 от 21.07.2020 г. утверждена одна из национальных идей РФ до 2030 года – цифровая трансформация, ориентированной на предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности. Цель цифровой трансформации в повышении гибкости и конкурентоспособности отечественных предприятий [TAdviser 2023, web].

По данным консалтинговой компании в области цифровой трансформации KMDA, по состоянию на 2020 г. большинство российских компаний имеют несвязанную цифровую инфраструктуру, или цифровую структуру, в которой связаны лишь отдельные ее элементы (более 80%). Развитой цифровой структурой обладает лишь около 20% российских компаний (полностью выстроены бизнес процессы, реализованы инструменты предиктивной самокоррекции, наличие открытой инфраструктуры) [РБК 2022, web]. Таким образом, цифровая трансформация российских предприятий находится на начальном этапе, требуется более широкое использование цифровых инструментов.

Для принятия управленческих решений используются цифровые инструменты класса систем поддержки принятия решений (СППР). Современные СППР охватывают несколько этапов принятия решения, в т.ч. анализ, проектирование, выбор, внедрение и мониторинг. С их помощью можно принимать решения в зависимости от частоты принятия решений (единичные, повторяющиеся решения), типа проблемы / задачи (структурированная, неструктурированная), уровня принятия решения (оперативный, тактический, стратегический). Основные преимущества применения СППР состоят в повышении организационного контроля, повышении скорости и эффективности принятия решений за счет автоматизации управленческих процессов, возможности прогнозирования. К проблемам использования СППР относятся высокие затраты на внедрение и разработку, принятие низкоэффективных и/или ошибочных решений в результате избытка информации, излишнего делегирования функций в адрес СППР [Лабабиди и Кельчевская 2022, с. 377-381].

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать основные проблемы принятия решений в условиях цифровой экономики.

1. Распределение функций между человеком и машиной. Компьютер успешно выполняет функции сбора, хранения и обработки данных, однако только человек способен охватить полученную информацию концептуально, осмыслить ее и отнестись

к ней критически. Поэтому в целях принятия эффективных решений человеку следует самостоятельно проверять достоверность и определять релевантность предоставляемой компьютером информации, сопоставлять предлагаемые компьютером решения с текущей ситуацией в компании.

2. Выбор цифрового инструментария с учетом потребностей и возможностей компании. Как правило, приобретение неисключительных прав на цифровые инструменты и тем более, их самостоятельная разработка требует от компании существенных материальных затрат, причем величина затрат зависит от параметров приобретаемого / разрабатываемого инструмента (функционал инструмента, требуемая мощность компьютеров и проч.). В этой связи при выборе инструмента необходимо оценивать не только стоимость приобретения / разработки, но и, как минимум, трудовые и временные затраты, а также затраты на обучение персонала и прочие затраты, необходимые для того, чтобы использование инструмента было возможным.

3. Совершенствование цифрового инструментария, приобретение компетенций пользователями. Развитие компании, а также изменения в ее внешней среде вызывают необходимость дальнейшей разработки (совершенствования) инструментария в соответствии с нуждами компании, а также соответствия темпов социокультурного развития персонала темпам технологического развития компании, которое, как правило, происходит быстрее. Для этого необходимо уделять должное внимание обучению персонала, мотивировать его к освоению нового, достичь понимания сотрудниками необходимости непрерывного обучения и расширения собственных возможностей.

Список литературы

1. Глухова 2014 – Глухова А.И. Сущность метода принятия управленческих решений "дерево решений // Master's Journal — 2014. — № 2. — С. 316-321.
2. Ильясова 2019 – Ильясова М.К. Основы формирования управленческого решения // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета — 2019. — № 2 (64). — С. 104-108.
3. Лабабиди и Кельчевская 2022 – Лабабиди М.Р., Кельчевская Н.Р. Система поддержки принятия решений (СППР) как инструмент принятия эффективных управленческих решений на промышленных предприятиях // Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г.). — Екатеринбург: УрФУ, 2022. — С. 377-381.
4. Маймула 2015 – Маймула Г.В. Принятие решений как основа эффективной системы управления предприятием // Научный вестник Южного института менеджмента — 2015. — № 2. — С. 7-10.
5. РБК 2022, web – Пять уровней цифровизации бизнеса: как в России стать компанией будущего // Сетевое издание РБК. 2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60b4cb349a79473d14ea025f> (дата обращения: 25.04.2023)
6. Таршхоева 2021 – Таршхоева, Ж.Т. История развития ЭВМ. Этапы развития ЭВМ // Молодой ученый. — 2021. — № 5 (347). — С. 13-16.
7. Тимофеев 2022, web – Тимофеев М. Как мы попали из VUCA в BANI-мир и что нам в нём делать // Интернет-издание «Нетология». 2022. URL: <https://netology.ru/blog/04-2022-bani-world> (дата обращения: 25.04.2023)
8. Федорова 2015, web – Федорова Л.Д. Принятие решений в экономике // Евразийский Научный Журнал — 2015. — № 6. — web. URL: <https://journalpro.ru/articles/new-article5covP5qdfO/> (дата обращения: 24.04.2023)

9. TAdviser 2023, web – Цифровизация промышленности. Обзор TAdviser // Деловой портал TAdviser. 2023. URL: <https://www.tadviser.ru/a/709652/> (дата обращения: 25.04.2023)
10. Botkin et Al. 1979 – Botkin J. W., Elmandjra M. and Malitza M. No Limits to Learning. Bridging the Human Gap: the Report to the Club of Rome // Elsevier Ltd, Pergamon Press. 1979. P. 5
11. Highsmith 2001, web – Highsmith, J. History: The Agile Manifesto // Manifesto for Agile Software Development. 2001. URL: <https://agilemanifesto.org/history.html> (дата обращения: 23.04.2023)
12. Laszlo and Bierman 1977 – Laszlo E. and Bierman J. Studies on the Conceptual Foundations. The Original Background Papers for Goals for Mankind // Pergamon Press. 1977. P. 3
13. Peters and Waterman 2006 – Peters, T. J. and Waterman, R. H. In Search of Excellence: Lessons from America's Best-Run Companies. // HarperBusiness. 2006. P. 63-67, 89-103.

УДК 323.22/.28

БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Бучирин Валентин Дмитриевич

Студент

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

E-mail: buchirindmitrievich@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению одной из актуальнейших сегодня проблем – проблеме использования в политической деятельности социальных сетей. Распространение Интернета и, в частности, социальных сетей повлекло за собой существенные изменения политической сферы жизни. Социальные сети позволяют политикам быстро и свободно выражать свою точку зрения. На примере Twitter Дональда Трампа демонстрируется важность этой возможности. Активное ведение социальных сетей позволяет политикам сократить дистанцию между ними и избирателями. Социальные сети, в большинстве своем, являют собой пример массовой самокоммуникации. Вероятно, роль социальных сетей в политической борьбе будет только увеличиваться. Социальные сети – эффективный инструмент ведения «сетевых войн». Twitter-революции демонстрируют взрывной потенциал социальных сетей в «сетевой войне». Дискуссионным является вопрос: в какой степени социальные сети – новое оружие демократии, а в какой – новое оружие «мягкой» войны Запада. «Революция пирамид» в Египте демонстрирует не только потенциал социальных сетей в современной революции, но и то, что владельцы социальных сетей имеют свои политические интересы. Пример СВО демонстрирует значение социальных сетей в любом политическом противостоянии. Политики вынуждены адаптироваться к цифровой среде и активно в ней участвовать. Социальные сети стали эффективным инструментом политической борьбы любого рода.

Ключевые слова: футурология, социальные сети, политика, коммуникация, сетевая война, twitter-революция

THE FUTURE OF POLITICAL COMMUNICATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SOCIAL NETWORKING

Buchirin Valentin Dmitrievich

Student

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

E-mail: buchirindmitrievich@gmail.com

The article is concerned with one of the most topical problems of today - the problem of using social networks in political activity. The spread of the internet and social networks in particular has brought about significant changes in the political sphere. Social media allows politicians to express their views quickly and freely. Donald Trump's Twitter demonstrates the importance of this opportunity. Active social media allows politicians to reduce the distance between themselves and their constituents. Social media, for the most part, is an example of mass self-communication. The role of social media in political struggles is likely to increase. Social media is an effective tool for waging "network wars". Twitter revolutions demonstrate the explosive potential of social networks in "network warfare. It is debatable to what extent social media is the new weapon of democracy and to what extent it is the new weapon of "soft" warfare of the West. "The pyramid revolution" in Egypt demonstrates not only the potential of social media in a modern revolution, but also that social media owners have political interests. The SWO example demonstrates the importance of social media in any political confrontation. Politicians are forced to adapt to the digital environment and actively participate in it. Social media has become an effective tool for political struggle of all kinds.

Keywords: futurology, social media, politics, communication, network warfare, twitter revolution

С появлением и распространением Интернета мир кардинально изменился. Интернет дает людям возможность, которую раньше нельзя было и помыслить – осуществлять коммуникацию из диаметрально противоположных точек нашей планеты в считанные секунды. Это ли не чудо? По мнению некоторых исследователей, благодаря компьютеру – метамедиуму – появился «единый трансмедиаальный язык», который в корне изменил способы получения знания, а также коммуникацию между людьми. А старые аналоговые медиа оказались оцифрованы и вынуждены говорить «на новом языке цифрового кода» [Ветушинский 2015 с. 46].

Одним из неотъемлемых ресурсов современного Интернета являются социальные сети. Термин «социальная сеть» не имеет четкого устоявшегося научного определения. Что интересно, первое его толкование была дано еще в начале 30-х годов 20-го века как объяснение способов общения и взаимодействия внутри групп. Якоб Морено употреблял термин «социограмма визуализации социальной сети», где узлы – отдельные люди, а ребра – отношения между ними [Патаракин 2012, с. 543].

Однако сейчас употребление термина «социальная сеть» плотно закрепилось в поле Интернета. А.С. Дужникова так определяет социальную сеть: это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети [Дужникова 2010, с. 246]. Действительно, в данном определении акцент сделан на основополагающей особенности социальных сетей, отличающей ее от прочих веб-сайтов. Приведем еще определение Л. А. Браславеца: социальная сеть – это «интернет-сервис, который представляет пользователю возможность создавать стандартизированную личную веб-страницу, установить и формализовать связи с прочими пользователями сервиса» [Браславец 2010, с. 169].

После блокировки Instagram в России значительно выросло число пользователей Telegram и Вконтакте. Что интересно, даже действующие властямущие стали публиковать посты в Telegram. И это после того, как несколько лет назад они же пытались заблокировать Telegram. Вот что пишет по этому поводу Дмитрий Медведев в своем первом посте на своем канале Telegram: «Обстоятельства сложились так, что этот ресурс общения оказался востребован в большей степени, чем скомпрометировавшие себя известные social media» [Медведев 2022, web].

В следующем же посте Дмитрий Медведев высказывает свое мнение касательно предмета исследования данной статьи. Посмотрим, как сами политики видят применение социальных сетей для себя: «Для миллионов людей во всём мире это удобное средство личного общения и получения информации. Вы знаете, что и я активно использую сети в работе и повседневной жизни. Возможность быстро и свободно выразить свою точку

зрения, транслируя её на весь мир, бесценна для журналистов, учёных, врачей и, конечно, политиков» [Медведев 2022, web].

Действительно, социальные сети предоставляют возможность оперативного комментирования конъюнктуры. В современном мире политической борьбы невозможно переоценить важность данной возможности. В век информационный войны сторона, которая первая предоставит оценку, будет обладать значительным преимуществом. В 2014 году запоздалая реакция Министерства обороны РФ на обвинения в уничтожении «малазийского боинга» в воздушном пространстве Украину подтолкнуло Евросоюз на принятие необъективного решения. И, кстати, после этой ситуации Министерство обороны все-таки создало страницы в ведущих мировых социальных сетях [Козырева 2015, с. 57].

Ставший уже хрестоматийным удачный пример использования социальных сетей в политической деятельности – Twitter Дональда Трампа. Twitter, кстати, является, наверное, самой мощной социальной сетью для политика. В век переизбытка информации, когда единицы готовы читать длинные развернутые посты, формат Twitter с ограничением в 140 символов как нельзя кстати. Быстро и кратко высказаться – что может быть лучше для политика 21-го века. И Дональд Трамп блестяще пользуется этой возможностью. В иной год у него было около 5000 твитов, в другой – почти 8000 (получается, в среднем по 20 твитов за сутки).

Когда ты читаешь твиты политика 20 раз на дню, невольно складывается впечатление, будто дистанция между тобой и ним не столь велика. И это еще одна важная вещь, которую социальные сети могут дать политику – сокращение дистанции между ним и избирателем. Во-первых, избиратель и политик находятся в одной горизонтальной структуре. Во-вторых, когда пользователь видит грамотно заполненный профиль – мол, вот тут я учился, тут я работал, а тут я с моей любимой семьей – кажется, будто не такой уж и разной жизнью живут политики и «простые смертные». В-третьих, если политик (а что более вероятно – его команда) к тому же активно вовлекаются в обсуждение в комментариях с пользователями – тут уже точно всякая дистанция стирается. Кроме того, последнее тешит самолюбие пользователей («смотрите, мне ответил сам Дональд Трамп!»).

Кастельс в своих работах выделяет 3 типа коммуникации. Традиционные СМИ являют собой пример массовой односторонней коммуникации: передача информации от одного субъекта множеству других, без возможности ответа. В отличие от СМИ, социальные сети предлагают иной тип коммуникации: массовая самокоммуникация. Есть центральный субъект, который задает тему, пишет пост в своем Telegram/Twitter/Вконтакте, остальные субъекты дают ему обратную, и, кроме того, далее могут продолжать коммуникацию в комментариях уже и без центрального субъекта. Правда, не всегда политики готовы дать своим читателям возможность самокоммуникации. Так, Telegram канал Медведева являет собой традиционный для СМИ пример массовой односторонней коммуникации: комментарии к постам у Дмитрия Медведева закрыты. Вероятно, на это есть свои причины.

Также необходимо не забывать, что политическая деятельность – это не только деятельность профессиональных «официальных» политиков. Социальные сети дают возможность создавать так называемый «управляемый хаос». В последнее время в политической науке пользуется популярностью концепция «сетевых войн» – создание на территории конкретной страны паутины различных неправительственных организаций (фондов, форумов, религиозных и политических движений и т.д.) с целью проведения массивной информационно-пропагандистской работы. По определенному сигналу члены организации мобилизуются и проводят конкретную акцию. Такой «управляемый хаос» является эффективным инструментом

дестабилизации обстановке в стране, и к тому же довольно сложно пресекаемым [Кривоносова, Семенюк 2014, с. 59]. Запреты и санкции в отношении таких организаций воспринимаются в народе как репрессии, авторитарность, что только больше дестабилизирует и без того непростую обстановку.

Хорошо известный пример, демонстрирующий взрывной потенциал социальных сетей в сетевой войне – так называемые twitter-революции. Хотя сейчас данная технология уже и считается несколько устаревшей, так как получила освещение в открытых изданиях, а, значит, стала рассекреченной. Twitter-революция – это протесты, организация которых происходит в цифровом пространстве социальных сетей – чаще всего в Twitter, в связи с чем исследователи их и назвали Twitter-революциями.

Мнения исследователей относительно Twitter-революций рознятся. Во-первых, рознится оценка. Одни ученые видят в них новое оружие демократии. А. Клэй Ширки пишет: «Социальные медиа делают каждого пользователя участником политического процесса и дают возможность внести свой вклад в принятие важнейших решений политики» [Ширки 2008, с. 57]. Но социальные сети имеют и своих владельцев. Подавляющее большинство мировых социальных сетей принадлежит западным компаниям. В связи с чем возникает вопрос – в какой степени социальные сети – это новое оружие демократии, а в какой – новое оружие «мягкой» войны Запада.

Сторонники взрывного потенциала социальных сетей в организации революций любят приводить в пример «Революцию пирамид» в Египте в 2011 году. С самого начала коммуникация между протестующими осуществлялась посредством Facebook и Twitter, вследствие чего, через некоторое время власти Египта закрыли доступ к данным социальным сетям, а потом и вовсе отключили Интернет по всей стране. Однако это не помогло. После отключения Интернета компания Google предоставила гражданам Египта доступ к Twitter через мобильный телефон по специальной технологии [Биктимирова 2014, с. 93].

Таким образом, данный исторический пример демонстрирует если и не решающую роль социальных сетей в современных революциях, то как минимум их значительную роль. Кроме того, снова встает вопрос о том, что социальные сети – не просто инструмент коммуникации, но и политическая технология, которая может быть использована в конкретных частных целях (Google, как известно, западная компания).

На примере СВО мы видим, как важно в политической борьбе информационное пространство социальных сетей. Политикам необходимо адаптироваться к цифровой среде, активно в ней участвовать, давать своевременную оценку происходящим событиям. Мы видим, как важно своевременно пресекать распространение так называемых фейков, своевременно их разоблачать. Таким образом, социальные сети играют большую роль не только в современных революциях, но и в любых политических противостояниях.

Сделаем выводы. Цифровое пространство, и социальные сети в частности, давно уже стали эффективным инструментом политической борьбы. Грамотное ведение социальных сетей дает политику огромные преимущества. Социальные сети все больше вытесняют старые СМИ, так как именно они позволяют гражданам и власти наиболее эффективно и быстро коммуницировать. Социальные сети, по мнению многих исследователей, являются эффективным средством ведения сетевой и информационной войны. Информационное пространство социальных сетей стало одним из фронтов политического противостояния.

Список литературы

1. Биктимирова 2014 – Биктимирова Диля Зайрановна. Социальные сети как инструменты управления молодежью: «Twitter-революции» // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2014. № 3 (24). С. 92-95.
2. Браславец 2010 – Браславец, Л. А. Интернет-сервисы социальных сетей в современной системе средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / Браславец Лада Александровна. – Воронеж, 2010.
3. Ветушинский 2015 – А. Ветушинский. To Play Game Studies Press the START Button // Логос. Том 25. №1 (103). 2015. С. 41-60.
4. Дужникова 2010 – Дужникова, А.С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования / Дужникова А. С. // Мониторинг общественного мнения. - 2010. № 5 (99). С. 238-251.
5. Козырева 2015 – Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2–2(62). С.56–59.
6. Кривоносова, Семенюк 2014 – Кривоносова Е.Э, Семенюк В.П. Роль социальных сетей в политике // Сборники конференция НИЦ Социосфера. 2014. № 54. С.58-60.
7. Медведев 2022, web – Пост в Telegram канале «Дмитрий Медведев» от 17 марта 2022 года // Дмитрий Медведев URL: https://t.me/medvedev_telegram/4 (дата обращения: 14.04.2023)
8. Медведев 2022, web – Пост в Telegram канале «Дмитрий Медведев» от 18 марта 2022 года // Дмитрий Медведев URL: https://t.me/medvedev_telegram/5 (дата обращения: 14.04.2023)
9. Патаракин 2012 – Патаракин, Е.Д. Использование викиграмм для поддержки совместной сетевой деятельности / Патаракин Е.Д, Катков Ю.В. // Международный электронный журнал "Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society)". 2012. V.15. №2. С. 536-552.
10. Ширки 2008 – Ширки К. Сюда приходят все. - Penguin Group. 2008. С. 53-62.

УДК 304.2

ПРОБЛЕМА БЛИЗОСТИ И ДИСТАНЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Васильева Марина Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Санкт-Петербургский горный университет

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

Поскольку одной из ключевых характеристик информационного общества является тотальная и принципиальная доступность различных товаров, контента и смыслов, автор предлагает оценить, каким образом она меняет идентификационные практики. Отталкиваясь от рассуждений М.Хайдеггера на тему близости и дистанции в условиях технической культуры, автор рассматривает их актуальность и применимость для описания текущей ситуации и развивает их. Главная идея автора заключается в том, что техногенная доступность различных объектов в современной культуре порождает переоценку идентификационной значимости близости и дистанции. Если ранее однородность мира при устранении дистанций делала значимой близость, то сегодняшний уровень гомегенности делает наиболее ценной дистанцию, выстраиваемую и репрезентируемую индивидом или сообществом. В качестве примеров автор предлагает рассмотреть актуальные практики быстрой коммуникации и фиксации оценок в социальных сетях, а также практики культуры отмены.

Ключевые слова: идентичность, информационная культура, информационное общество, культура отмены, близость, дистанция

THE PROBLEM OF CLOSENESS AND DISTANCE IN THE INFORMATION SOCIETY

Vasilyeva Marina Alexandrovna

CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy

St. Petersburg Mining University

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

Since one of the key characteristics of the information society is the total and fundamental availability of various goods, content and meanings, the author proposes to evaluate how it changes the identification practices. Based on the reasoning of Martin Heidegger about closeness and distance in the conditions of technical culture, the author considers their relevance and applicability to describe the current situation and to develop them. The main idea of the author is that the technogenic availability of various objects in modern culture gives rise to a reassessment of the identification significance of closeness and distance. If previously the homogeneity of the world when eliminating distances made significant closeness, then today's level of homogeneity makes the most valuable distance built and represented by an individual or community. As examples, the author proposes to consider the current practices of quick communion and fixation of assessments on social networks, as well as the practice of cancellation culture.

Keywords: identity, information culture, information society, cancellation culture, closeness, distance

В своем выступлении 1950 года, которое печатается под названием «Вещь», Хайдеггер говорит, что техника уменьшает дистанцию, но уничтожает близость: «Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время. Он оставляет позади величайшие расстояния и ставит всё тем самым на минимальном отстоянии от себя. Но спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. Что пространственно оказывается в минимальном отдалении от нас благодаря кинокадру, благодаря радиоголосу, может оставаться нам далеким. Что непредставимо далеко в пространстве, может быть нам близким. Малое отстояние — еще не близость. Большое расстояние — еще не даль». [Хайдеггер 1993, с. 316] Хочется развить эту тему расстояния и техники, поскольку она выглядит довольно интересной с разных ракурсов. Пространство является важным концептом Нового времени, у того же Хайдеггера разговор о нем заходит довольно часто в связи с самыми разными поводами, например, искусством. [Хайдеггер 1993, сс. 312-314] Хайдеггер утверждал, что в Античности и Средневековье нет единства протяженности пространства, которое рождается исключительно из субъектности Нового времени. Мы видим, что к сегодняшнему дню этот концепт стал тотален. Пространственная соотнесенность (неважно, в субстанциональном или реляционном понимании) властвует не только в осознании физических явлений, но и при разговоре о социальных и культурных понятиях. Пространственные категории, в т.ч. «дистанция», «даль» и «близость», стали неотъемлемой частью описаний практически всех культурных явлений и процессов.

Довольно актуальный сегодня разговор о темпоральности, скорости технологического развития, перемен и проч. также невозможен без пространственных оснований. Когда мы говорим о скорости возникновения и развития новых технологий, мы в любом случае подразумеваем пространственное единство техно-социальной среды, в которой эти процессы происходят. Хотя стоит отметить, что метафизически это единство необходимо обосновывать, это распространенная для современности, но не самая очевидная исследовательская установка. К этой связи можно подходить как

к метафорическому приему, или онтологической характеристике (возможность первого произрастает из второго) – в любом случае, язык описания и осмысления любых сфер реальности сегодня содержит в себе пространственные установки как базовые.

Интересным также представляется активное использование пространственных категорий в исследованиях идентификационных процессов. Сегодня Я, Самость и Собственное понимаются не как статичные понятия, а как результат постоянного взаимодействия с окружающим миром, как процессы выстраивания собственной идентичности. [Сулова 2004] При таком подходе с необходимостью происходит обращение к пространству, речь идет о границах, кругах, дистанциях, действиях по перемещению и т.д. Это яркие образы, очень понятные и легко визуализируемые: самоидентификация, как осознание границ Собственного, представляется буквально как проведение в некоем пространстве яркой и видимой границы, по одну сторону которой лежит то, что Я ассоциирует с собой и считает Своим, а по другую – все остальное, т.е. Другое и Чужое. Такая картина как раз и возвращает нас к мысли Хайдеггера о роли техники в изменении дистанций и отношений близости. Действительно ли преодоление расстояния не влияет на отношения близости? Или за 70 лет мы наблюдаем сдвиг в этом вопросе?

Хайдеггер говорит об актуальной для него технике: о кино, транспорте, электростанции. [Хайдеггер 1993, сс. 221-237] Сегодня при разговоре о социальном влиянии техники речь о транспорте редко заходит. Можно сказать, что современный человек привык к скорости самолета и не считает возможность пересечения Атлантического океана за 13 часов отсутствием дистанции. Можно предположить, что внимание на транспорт снова переключится в связи с изобретением телепортации. Сегодня мы чаще говорим о коммуникационных технологиях, об Интернете и карманных устройствах доступа к нему, которые за годы становятся все быстрее и распространнее. Т.е. получается, что в разговоре о современной технике речь сразу идет не о пространстве физическом, но социальном или семиотическом, и, говоря о дистанции и близи, мы подразумеваем именно их идентификационное значение. Вот здесь интересно, можем ли мы сказать, что в социальных сетях сохраняется та оппозиция, о которой писал Хайдеггер, если мы рассматриваем контент и смыслы, отстояние до которых физически неизмеримо. Если картинка, шутка, видео и проч. попадают в мою ленту новостей, могу ли я не воспринимать их как близкое? Если чего-то нет в моей повседневном информационном потоке, может ли оно быть мне близким?

Мой тезис состоит в том, что современные информационные технологии при всем своем разнообразии совместными усилиями действительно уничтожают дистанцию настолько, что теперь роль пользователя состоит не в приближении чего-то для внесения его в круг собственного, а, наоборот, в отталкивании. Если в еще конце XX века практики потребления воспринимались как то, с помощью чего индивид выстраивает себя, то сегодня можно говорить о практиках отталкивания или дистанцирования. Пространственная метафора сохраняется. Техника действительно съела все дистанции: пространственные, социальные, смысловые, - превращая среду, в которой мы находимся в однородную и сетевую. Если ранее человек для выстраивания собственной идентичности должен был к себе что-то приблизить, несмотря на дистанцию, то сегодня он скорее должен от себя что-то явным образом оттолкнуть, отдалить, невзирая на всеобщую гомогенность и отсутствие дистанций.

На практике это проявляется различными способами, простыми и сложными, комплексными. Например, все большее количество реакций в социальных сетях закрепляется через «быстрые кнопки». Если изначально варианты поведения индивида в нем ограничивались довольно простой формулой «игнорирую или принимаю», то сегодня речь идет о более широкой палитре вариантов. Конечно, всегда были

комментарии, но ими пользуется относительно малый процент пользователей. Поэтому важно вот это развитие возможности быстрой и явной фиксации реакции.

Также следует привести в пример практики культуры отмены. Наиболее яркими и явленными они становятся именно из-за Интернета. Дело не просто в отказе от покупок определенного бренда, просмотра фильмов конкретного режиссера и проч., дело в том, что этот отказ сам по себе становится событием, узлом в общей сети культурных событий. Бренд и режиссер уже не может быть изъят из этой сети, поскольку Интернет ничего не забывает. Так что важно именно выстроить эту дистанцию от «неправильных» или неугодных объектов, сделать то, что не нужно было делать предыдущие эпохи, когда вычеркивание из публичного пространства было в принципе и довольно легко осуществимо. Практики культуры отмены, в первую очередь, коммуникационные, поскольку являются логичным следствием особенностей информационного общества: условий его существования и отсутствия внятной внутренней структуры. Отмена – это артикулирование символической дистанции, так же как потребление было символическим инкорпорированием. Обе практики одинаково иррациональны, если мы будем рассматривать конкретный объект и его символическую нагруженность (кукурузные хлопья и счастливая семья, йогурт и здоровье, фильмы определенного режиссера и совращение малолетних). Но они обе оказываются логичным идентификационным действием в сложившейся культурной ситуации.

Хайдеггер указал на гомогенность мира, созданную техникой. Он описывает ее как ситуацию отсутствия дистанции, как физического отстояния, в котором близость не проявлена непосредственно, но возникает в присутствии, вещиности вещи. Т.е. стратегия человека второй половины XX века подразумевала выстраивание отношений близости с частями мира. И отсюда можно вывести не только сложные рассуждения Хайдеггера о вещи, но и более простые практики потребления, т.е. превращение массовой продукции в вещь.

Сегодня мы можем сказать, что современная техника сделала описанную гомогенность тотальной. Это проявляется в том, что потребления становится недостаточно как стратегии поведения в мире, т.к. все настолько близко и стремится быть моим, что эффективнее создать не близость, а дистанцию через доступные практики репрезентации. Таким образом, мы обнаруживаем не только социальные, но и идентификационные основания для появления и популярности практик культуры отмены или публичного осуждения в условиях информационного общества.

Список литературы

1. Сурова 2004 – Сурова Е.Э. Европейец «отчужденный»: персоналистская личность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 284 с.
2. Хайдеггер 1993 - Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

УДК 004.51.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: ОТ ПАРАДИГМЫ ПАРМЕНИДА К ПАРАДИГМЕ ГЕРАКЛИТА

Войцехович Вячеслав Эмеринович

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории культуры

Тверской государственной университет

E-mail: synerman@gmail.com

Вольной Илья Николаевич
Кандидат технических наук, доцент
Московский политех
E-mail: iLja-volnov@yandex.ru

Малинецкий Георгий Геннадьевич
Доктор физико-математических наук, профессор, заведомо
Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН
E-mail: GMalin@keldysh.ru

Информационная эпоха является переходной эпохой между индустриальной цивилизацией и иной, более духовной цивилизацией, в которой возникают новый рационализм, развивается транснаука (ТН). Её метафора: ТН = старая Н + духовность. Мышление «неподвижными» понятиями в соответствии с законом тождества в логике сменяется мышлением как дискретно-континуальным оперированием образами-понятиями в соответствии с «парадигмой Гераклита» и обобщённым законом тождества.

Цифровизация уже сегодня трансформирует рациональное мышление и науку. Вероятно, кризис сложности в науке будет преодолен, в частности, благодаря искусственному интеллекту (ИИ), который помогает математикам в доказательстве важных теорем. Учёные будущего смогут сосредоточиться на главном – на творчестве (выдвижении догадок, гипотез). Более простая часть работы (обоснование, доказательство, уточнение, опровержение) будет поручена ИИ. Цифровизация преобразует обыденный язык, в котором иероглифы и линейные языки вытесняются глифами (движущимися картинками).

Научное познание предыдущих эпох сближается и соединяется с художественным мышлением, в котором роль старой логики снижается, а роль интуитивного прозрения усиливается. Функция логического обоснования гипотезы-теоремы передаётся в основном искусственному интеллекту. Приведен пример метафоры ТН из области православной иконографии Кузнецовского письма.

Ключевые слова: рационализм, закон тождества, парадигма Гераклита, Кузнецовское письмо

TRANSFORMATION OF THINKING IN THE INFORMATION AGE: FROM THE PARADIGM OF PARMENIDES TO THE PARADIGM OF HERACLITUS

Voitsekhovich Vyacheslav Emerikovich,
DSc, Professor of Department of Philosophy and Theory of Culture
Tver State University
synerman@gmail.com

Volnov Ilya Nikolaevich
CSc in Technical Sciences, Associate Professor
Moscow Polytech
iLja-volnov@yandex.ru

Malinetsky Georgy Gennadievich
DSc, Professor, Head of the Department
Institute of Applied Mathematics named after M.V. Keldysh RAS
GMalin@keldysh.ru

The information age is a transitional era between an industrial civilization and another, more spiritual civilization, in which a new rationalism is emerging, trans-science (TS) is developing. Her metaphor: TS = old S + spirituality. Thinking with "fixed" concepts in accordance with the law

of identity in logic is replaced by thinking as a discrete-continuous operation of images-concepts in accordance with the "paradigm of Heraclitus" and the generalized law of identity.

Digitalization is already transforming rational thinking and science. It is likely that the crisis of complexity in science will be overcome, in particular, thanks to artificial intelligence (AI), which helps mathematicians in proving important theorems. Scientists of the future will be able to focus on the main thing – on creativity (making guesses, hypotheses). The simpler part of the work (justification, proof, clarification, refutation) will be entrusted to the AI. Digitalization transforms everyday language, in which hieroglyphs and linear languages are replaced by glyphs (moving pictures).

Scientific knowledge of previous eras is coming closer and connecting with artistic thinking, in which the role of old logic is decreasing, and the role of intuitive insight is increasing. The function of logical substantiation of a hypothesis-theorem is transferred mainly to artificial intelligence. An example of the TS metaphor from the field of Orthodox iconography of the Kuznetsov letter is given.

Keywords: rationalism, the law of identity, Heraclitus' paradigm, Kuznetsov's letter

В 21 вв. цивилизация проходит период трансформации, перехода от индустриально-технологической, буржуазной формации к иной, более духовной (Новое средневековье по Н. А. Бердяеву). Наука как важная часть цивилизации соответствует господствующей системе ценностей – материальной или духовной. Цель античной цивилизации – познание внешнего мира. Развиваются математика, естественные науки, медицина и т.п. В период Средневековья развивается духовно-религиозная цивилизация, поэтому наука подчинена религии. Математика, науки о природе, медицина деградировали. Начиная с 17 в. возрождается «телесная» цивилизация, как бы повторяющая античную. Вновь расцветают науки о природе. Эти циклические колебания в развитии цивилизации приблизительно соответствуют космическим циклам (периоду в 2160 лет, который в свою очередь определяется более длительным периодом прецессии оси Земли).

Ряд мыслителей прогнозируют с 22 в. наступление более духовной цивилизации, предвестником является цифровое общество. Соответствующее познание уже получило название: транснаука [Войцехович 2016]. Её главная особенность – соединение старой науки 17 – 20 вв. (назовём её Н) с духовностью (Д). Метафорически это выражается «формулой»: $ТН = Н + Д$. Возникает новый рационализм, отличающийся субъектностью и оперированием динамическими понятиями.

Цифровизация трансформирует рациональное мышление и науку. Вероятно, кризис сложности в науке будет преодолен благодаря искусственному интеллекту (ИИ), который помогает математикам в доказательстве важных теорем. Учёные будущего смогут сосредоточиться на главном – на творчестве (выдвижении догадок, гипотез). Более простая часть работы (обоснование, доказательство, уточнение, опровержение) будет поручена ИИ.

К транснауке ведёт и постнеклассическая наука (В.С. Стёпин). Её главными составляющими стали антропный принцип, синергетика, виртуалистика, теория сложности. Как писал И. Пригожин, «Наука движется от Парменида к Гераклиту», т.е. от парадигмы неподвижности к парадигме всеобщего движения. Цифровизация стала предшественницей мышления движущимися понятиями и транснауки, сближающей науку и искусство [Войцехович 2023].

Язык изменяется в динамическом направлении. Иероглифы и линейные языки вытесняются клипами как «движущимися, живыми картинками», которые стали динамическими иероглифами (глифами). Восхождение по диалектической спирали как бы повторило иероглифическую стадию языка [Малинецкий 2021].

Подобное повторение заметно в современном искусстве, где национальное вытесняется международными, универсальными языками движущихся образов в мобильной живописи, скульптуре, архитектуре, «живых» иконах.

Наглядной иллюстрацией метафоры транснауки $ТН=Н+Д$ является новая православная иконография «Кузнецовское письмо» (КП): орнаментально-пуантильная техника которого имеет огромный семантический потенциал. При обращении к КП виден целостный образ личной части иконы, который сформирован на красочном слое иконной доски из дискретных элементов: цветных точек и лепестков. Две части реальности дискретная и образно-континуальная совмещены в Целое [Малинецкий 2021].

КП использует пространственный способ смешения цветов, где цвета смешиваются в пространстве по принципу «все со всеми», что приводит к формированию перед иконой цветового пространства с количеством цветовых сочетаний больше, чем 10^{80} . В КП происходит переход от дискретного восприятия к целостному. Покажем это тремя способами.

1. КП апеллирует в зрителе не только к фронтальному восприятию, но и к периферическому, активируя его. Расширение зрительного поля устойчиво воспроизводится при внимательном всматривании в КП. Происходит объединение фронтального и периферического полей зрения, а так как каждое из них связано со своей частью переживания, вслед за объединением зрительного поля происходит синтез и в сознании [Полани 1985], которое переходит от восприятия отдельных фрагментов реальности к восприятию реальности как Целого.

2. Второй способ («эффект Кузнецовского письма») основан на перегрузке информацией нашего зрительного восприятия, которое находится в модусе рационального и ограничено 5 - 7 единицами информации. Потенциальная бесконечность цветовых сочетаний КП перегружает рациональное восприятие, переключая его в модус иррационального, на котором только и возможно восприятие Целого.

3. Восприятие КП несет в себе ощущение жизни в наблюдаемом, что показал В.И. Вернадский в учении о биологическом времени и пространстве [Аксёнов 2022].

Иконы КП в этом контексте - живые. Животворящая духовность икон КП есть не только метафора, но чувственно воспринимаемая реальность. Все живое совмещает две природы: конечную, выраженную в цикле рождения и смерти любого отдельного организма, и бесконечную, выраженную в жизни как таковой [Аксёнов 2022].

Таким образом, цифровая эпоха является предвестником ещё более радикальной трансформации рационального мышления, науки, языка, искусства.

Список литературы

1. Аксёнов 2022 - Аксёнов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. – М.: Ленанд, 2022. – 368 с.
2. Войцехович 2016 - Войцехович В.Э. Наука следующей цивилизации – транснаука // Вестник Тверского государственного университета. Серия: ФИЛОСОФИЯ. № 3. 2016. С. 46 – 52.
3. Войцехович 2023 - Войцехович В.Э., Малинецкий Г.Г. Логика. Математика. Рационализм: от Парменида к Гераклиту. Препринт № 15 за 2023 г. ИПМ РАН. М.: 2023. - 18 с.
4. Малинецкий 2021 - Малинецкий Г.Г., Войцехович В.Э., Вольнов И.Н., Колесников А.В., Скиба И.Р., Сороко Э.М. Красота и гармония в цифровую эпоху: Математика – искусство – Искусственный интеллект. Будущее и гуманитарно-технологическая революция. М.: ЛЕНАНД, 2021. – 240 с.
5. Полани 1985 - Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. - 344 с.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОМИРЕ

Даниелян Наира Владимировна
Доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
E-mail: vend22@yandex.ru

В данном докладе поднимается проблема субъективности как идентичности человека в современном технологизированном мире. Автор полагает, что только человек-субъект обладает на сегодняшний день индивидуализированными личностными особенностями, которые отличают его от других субъектов. Ни одно современное техническое устройство такими возможностями не обладает. На основании эпистемологического конструктивизма в докладе делается утверждение, что цель познания при таком подходе – не описать объективную реальность, а определенным образом организовать ее субъективное восприятие. Как результат, вопрос субъективности искусственного снимается сам собой, так как ни о каком «внутреннем субъективном» речи пока не идет. Следует отметить, что появился ряд технологических приближений, которые снимают необходимость в посреднике между человеком и компьютером при их взаимодействии. Причиной этого является превращение человеческого действия в неотъемлемую часть системы. В качестве примера рассматриваются сильная и слабая версии искусственного интеллекта, которые коренным образом меняют всю эпистемологическую плоскость. В докладе делается вывод, что целью технологий может быть не только положительное, но и отрицательное влияние на субъективность человека. Поэтому наиболее актуальным на сегодняшний день становится вопрос о созидательной или деструктивной направленности дальнейшего социального прогресса в новом, становящемся техномире.

Ключевые слова: субъект, технологии, эпистемологический конструктивизм, теория личностных конструктов, виртуальная среда, искусственный интеллект, экзистенция

HUMAN IDENTITY IN TECHNO-WORLD

Danielyan Naira Vladimirovna
DSc in Philosophy, Professor
National Research University of Electronic Technology
E-mail: vend22@yandex.ru

The report considers the problem of subjectivity as human identity in the modern world. The author considers that only a human subject possesses individual personal traits making him different from others. There is no technological device having such capabilities nowadays. According to epistemological constructivism, the purpose of cognition is not to describe the objective reality, but to arrange its subjective perception. As a result, the question of subjectivity of artificial devices doesn't arise, for we can't speak about "inner subjective" at present. However, there has appeared a number of technological developments that delete a mediator between a human being and a computer in the process of their interaction. The reason is a human action stops to be something outer turning into an integral system part. The example analyzed is weak and strong versions of artificial intelligence dramatically affecting current epistemology. The report concludes that the technologies can have a positive or negative influence on human subjectivity. That's why the most actual question is what direction the modern technological activity directs the social progress, whether it is positive or negative.

Keywords: subject, technologies, epistemological constructivism, personal construct theory, virtual reality, artificial intelligence, existence

Сегодня человечество все более погружается в мир созданных им технологий. Нас повсеместно окружают «умные» приложения: умный дом (Smart Home), Интернет вещей (IoT), приложения дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR),

всевозможные интеллектуальные приложения, которые способны за нас рисовать, сочинять, решать задачи, заполнять документы, переводить тексты и т.д. В отличие от периода автоматизации производства, когда на смену человеку пришли роботы, им управляемые, сегодня мы находимся на следующем этапе развития – роботы учатся сами управлять собой, вытесняя интеллектуальный труд человека.

Однако, несмотря на бурное развитие технологий, на вызывает сомнения телесность человека, наличие мотивации в его деятельности с приданием ей определенных смыслов. Субъект обладает индивидуализированной психикой, имеет определенные личностные предпочтения, то есть те особенности, которые отличают его от других субъектов, чем не обладает ни одно искусственное устройство на сегодняшний день. Каждый субъект включен в социокультурную среду, так как его деятельность происходит в определенном месте в определенный момент времени, то есть «существует только в единстве Я, межличностных (межсубъектных) взаимоотношений в познавательной и реальной активности» [Lenk 2003, с. 155]. Результатом является взаимодействие субъективированных позиций, которые обладают своеобразием и специфичностью. Процесс познания сопряжен с достижением консенсуса участниками дискурса, в противном случае наука не смогла бы возникнуть и существовать. Наиболее важными сегодня становятся коммуникативные практики, которые влияют на форму взаимодействия участников познавательного процесса.

Как отмечает В.А. Лекторский, «сегодня стал очень популярным эпистемологический конструктивизм, согласно которому знания в подлинном смысле слова не существует, ибо то, что кажется реальными объектами, на самом деле не что иное, как конструкции нашего сознания» [Лекторский 2012, с. 22]. В качестве примера можно привести теорию личностных конструктов Дж. Келли [Kelly 1970, с. 1-29]. Он полагает, что познание – это активный процесс конструктивной деятельности субъекта. Таким образом, получаемые им знания – не отражение или презентация чего-то внешнего, автономного от него, но «трафареты», через которые он воспринимает реальность. Можно заключить, что цель познания при таком подходе – не описать объективную реальность, а определенным образом организовать ее внутреннее, то есть субъективное восприятие.

При таком подходе вопрос субъективности искусственного снимается сам собой, так как ни о каком «внутреннем субъективном» речи пока не идет. Однако возникает уже сегодня ряд приближений, в частности, благодаря появлению виртуальной среды, которая снимает необходимость в посреднике между человеком и компьютерный устройством. Они взаимодействуют таким образом, что действие человека перестает быть внешним и превращается в неотъемлемую часть системы. Можно заключить, что субъект становится распределенным и включается в поле возможных состояний системы. Как результат, существование человека более не является внешним по отношению к системе, а превращается в ее неотъемлемую часть, что снова кардинально меняет «трафареты», через которые он воспринимает объективность.

Далее обратимся к «довысокотехнологичному» миру и рассмотрим, как проблема существования человека представлялась в экзистенциализме на примере произведения Ж.-П. Сартра «Тошнота». Человек свободен в осмыслении и осознании своего существования: «Моя мысль – это я: вот почему я не могу перестать мыслить. Я существую, потому что мыслю, и я не могу помешать себе мыслить» [Сартр 2020, с. 119]. Можно полагать, что этот вопрос и данная мысль Сартра приобретают особое звучание и смысл в современном обществе. Еще в XX веке «экзистенция» человека представлялась ему традиционно конечной в земном измерении и понимании. Существование человека обусловлено его способностью мыслить, поэтому традиционно считалось, что решение проблемы кроется в «экзистенциально-онтологической

постановке вопроса как единственно адекватного подхода к ее проблематике» [Хайдеггер 2015, с. 117]. Однако так ли это сегодня, когда речь начинает идти о все более широком применении технологий искусственного интеллекта (ИИ)?

Мир все более движется в направлении создания искусственных систем, нацеленных на замещение интеллектуального труда человека. Так как речь идет о создании некоего аналога человеческого интеллекта, то ему должны быть присущи сознание и мышление, то есть ученым, инженерам, разработчикам необходимо добиться когнитивной имитации процессов, которые происходят в человеческом мозге, таким образом, можно будет полагать, что «запрограммированные компьютерные устройства действительно мыслят и в силу этого могут находиться в соответствующих когнитивных состояниях» [Меркулов 2002, с. 669]. Как результат развития подобных технологий, мышлением и существованием будет наделено не только естественное, но и искусственное, что коренным образом меняет все представления о познании. Согласно Н.В. Даниелян, «на следующем этапе искусственный интеллект (изначально разработанный и запрограммированный инженерами) перестает быть полностью подконтрольным своим создателям, так как этот интеллект воспроизводит модели мышления человеческого существа» [Даниелян 2022, с. 84-85].

Например, С. Ллойд и Дж. Энджи описывают пример непосредственного обмена информацией между человеком и компьютером со встроенным нейроинтерфейсом [Ллойд, Энджи 2005], что является яркой иллюстрацией технологий, доступных в настоящее время. Таким образом, не только для человека становится возможна постановка вопроса о таком критерии существования, как когнитивность, что коренным образом меняет всю эпистемологическую плоскость, о чем речь шла выше.

Сегодня подобные технологии все более приобретают социальный характер, так как в своей основе содержат совмещение познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином цикле вследствие отсутствия необходимости в посреднике между пользователем и компьютером, что позволяет перейти от понимания традиционного субъект-объектного взаимодействия к рассмотрению отношений между системой и ее окружением. Субъект начинает все более рассматриваться в качестве неотъемлемой части комплексов, сформированных под воздействием современных социотехнических систем, поскольку с развитием технологии искусственного интеллекта происходит «размывание» границ понимания субъективного.

Как результат, современный мир движется в иной эпистемологической плоскости, где новая научная революция неизбежна. По своим кардинальным последствиям она способна превзойти все предыдущие этапы, так как базируется на коренном изменении традиционных представлений о субъекте – уже не только человеке, коллективе, но компьютеризированном устройстве, наделенном способностью мыслить.

Выводом этого доклада мог бы стать ответ на вопрос, возвышают ли технологии человека. Нельзя отрицать, что они помогают человеку, делая его труд более качественным и профессиональным. Ярким примером положительного влияния высоких технологий на деятельность человека и повышение ее качества является машинное обучение роботов, при создании которых используются искусственные нейронные сети. Они одновременно способны не только перерабатывать огромное количество входной информации, но и сохранять результат по технологии безличного знания, что позволяет «сместить акцент исследований от решения частных прикладных задач к построению универсальных информационно-управляющих систем» [Диане 2018, с. 319].

С другой стороны, технологии несут угрозу субъективности человека. В.Г. Горохов неоднократно отмечал, что «научно-технический прогресс открывает не только новые возможности для принятия решений, но и принуждает к определенным решениям со своими собственными рисками» [Горохов 2011, с. 17]. Он принуждает человека все

больше отходить от понимания своей природности, укорененности в традиционную «экзистенциальность», превращая его в технологизированное существо, зависящее от созданного им же искусственного. В качестве вывода хотелось бы отметить, что технологии могут оказывать как положительное, но и отрицательное влияние на субъективность человека. Поэтому наиболее актуальным на сегодняшний день становится вопрос о созидательной или деструктивной направленности дальнейшего социального прогресса в новом, становящемся техном мире.

Список литературы

1. Горохов 2011 – Горохов В.Г. Новая жизнь «искусственного интеллекта» в проблеме искусственного усовершенствования человека // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 17-47.
2. Даниелян 2022 – Даниелян Н.В. Философские основания компьютерной лингвистики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 83-89.
3. Диане 2018 – Диане С.А. Обучение и социальная интеграция автономных роботов на основе применения современных когнитивных технологий / С.А. Диане // Философия и социология техники в XXI веке. К 70-летию В. Г. Горохова / Под общ. редакцией И. Ю. Алексеевой, А. А. Костиковой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2018. С. 316-321.
4. Лекторский 2012 – Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 5-49.
5. Ллойд, Энджи 2005 – Ллойд С., Энджи Дж. Сингулярный компьютер // В мире науки. Физика. 2005. № 2. С. 33-42.
6. Меркулов 2002 – Меркулов И.П. Мышление с точки зрения компьютерной эпистемологии / И.П. Меркулов // Субъект, познание, деятельность: К 70-летию В.А. Лекторского. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 2002. С. 664-683.
7. Сартр 2020 – Сартр Ж.-П. Тошнота; Стена; Слова; Ставок больше нет: [сборник: перевод с французского]. М.: Издательство АСТ, 2020. 608 с.
8. Хайдеггер 2015 – Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
9. Kelly 1970 – Kelly G. A brief introduction to personal construct theory // Bannister D. (ed.) Perspectives in personal construct theory. London, New York: Academic Press, 1970. P. 1-29.
10. Lenk 2003 – Lenk H. Grasping Reality: An Interpretation-Realistic Epistemology. Singapore: Scientific Publishing Company, 2003. 282 p.

УДК 101.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ КЕЙСА ХУДОЖНИКИ ПРОТИВ НЕЙРОСЕТЕЙ

Иванюгин Павел Сергеевич

Студент

Санкт-Петербургский горный университет

E-mail: paturm@mail.ru

Шестакова Ирина Григорьевна
Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Санкт-Петербургский горный университет
E-mail: irina_shestakova@inbox.ru

Рынок труда претерпевал существенные трансформации вследствие научно-технического развития, однако впервые в истории развитие инфокоммуникаций привело к возникновению угрозы тотального вытеснения человека из сферы труда. Девальвация ценности человеческого труда, обусловленная тотальной цифровизацией и прогрессирующим развитием интеллектуальных машин, особенно проявляется в специфике четвертой стадии НТР, отражаясь не только на рутинных профессиональных нишах, но и во влиянии на современные творческие профессии. Основанием для этого вывода является прогрессирующее обесценивание и вытеснение интеллектуального труда в цифровом обществе, а также ожидание резкого усиления этого тренда с развитием искусственного интеллекта, в том числе сверхбыстрое улучшение функциональности ChatGPT. На примере реального кейса, произошедшего в недавнее время, рассмотрены последствия, которые несет за собой внедрение новых технологий, с экспликацией этого влияния на финансовом положении современных художников, дизайнеров и других людей, чья работа связана с изобразительной и творческой деятельностью. С целью осмысления пределов развития технологий инфокоммуникаций в плане возможностей выполнять творческую работу, было проанализировано одно из различий, не позволяющее компьютеру встать на один уровень с человеком. Обозначено возможное решение для преодоления данного различия, реализация которого может привести к непредсказуемым последствиям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальные трансформации, научно-технические революции, сокращение рынка труда, цифровая цивилизация, мышление

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF SOCIAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: ON THE EXAMPLE OF THE CASE ARTISTS AGAINST NEURAL NETWORKS

Ivanyugin Pavel Sergeevich
Student
Saint Petersburg Mining University
E-mail: pamurm@mail.ru

Shestakova Irina Grigorievna
DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Saint Petersburg Mining University
E-mail: irina_shestakova@inbox.ru

The labor market has undergone significant transformations due to scientific and technological development, but for the first time in history, the development of infocommunications has led to the threat of a total displacement of a person from the labor sphere. The devaluation of human labor, due to total digitalization and the progressive development of intelligent machines, is especially evident in the specifics of the fourth stage of the scientific and technological revolution, reflecting not only on routine professional niches, but also in influencing the modern creative part. The basis for this conclusion is the progressive devaluation and displacement of mental work in the digital society, as well as the expectation of a sharp increase in this trend with the development of artificial intelligence, including the ultra-rapid improvement in the functionality of ChatGPT. On the example of a real case that occurred recently, the consequences of the introduction of new technologies are considered, with the explication of this influence on the financial situation of contemporary artists, designers and other people whose work is related to visual and creative activities. In order to comprehend the limits of the development of infocommunication technologies in terms of the ability to perform creative work, one of the differences was analyzed that does not allow a computer to stand on the same level as a person. A possible solution to overcome this difference is indicated, the implementation of which can lead to unpredictable consequences.

Keywords: artificial intelligence, social transformations, scientific and technological revolutions, shrinking labor market, digital civilization, thinking

Человечество не стоит на месте, в самом нашем естестве заложено движения вперед и потребность в преодолении препятствий. Рассматривая развитие общества с точки зрения технического прогресса, выделяют четыре ступени, именуемые научно-техническими революциями; подобные крупные явления несут за собой последствия, которые кардинальным образом оказывают влияние, как на жизни отдельных личностей, так и на общество в целом. С каждой новой пройденной ступенью НТР, увеличивается число профессий, которые или исчезают, или претерпевают существенные изменения. Такие профессии, как фонарщик и бурлак уже ушли в прошлое, а сегодня под вопросом такие массовые профессии, как кассир, охранник и бухгалтер. В условиях цифровой трансформации, рассмотрение данной проблемы является особо актуальным, поскольку с одной стороны каждая стадия научно-технического развития характеризуется своими индивидуальными чертами [Ponomarenko 2019] и проецирование событий прошлых революций на сегодняшнюю ситуацию не даст полной картины происходящего, каждая новая составляющая потенциально может перевернуть ту или иную сферу нашей жизни, повлияв на жизни большого числа людей [Serikova 2020]. С другой стороны текущий формат трансформаций обладает так же специфической темпоральностью [Шестакова 2019], когда кардинальные социотехнологические изменения происходят многократно за время жизни одного поколения. В нашей работе мы ставим перед собой задачу осмысления данной проблемы в призме структурной безработицы, обусловленной сверхбыстрыми технологическими изменениями.

Специфика современности

Говоря об отличительных чертах НТР, стоит рассмотреть специфику их влияния на рынок труда. Первые две революции оказали существенное влияние на профессии, в которых ключевой составляющей деятельности был физический труд, станки и конвейеры пришли на смену бесчисленному количеству населения. С приходом компьютеров и робототехники в середине XX века, третья революция, также сохранила тенденцию влияния на ручной труд, однако на этот раз была затронута умственная деятельность, появилась возможность проводить, те или иные вычисления с помощью компьютеров. Сегодняшняя революция характеризуется ещё большей значимостью влияния на подобные профессии. Однако, наиболее важной и революционной особенностью четвертого этапа является его прибытие в область творческой и креативной деятельности. Монополия на виды деятельности, которые ранее считались подвластными исключительно человеку, вдруг оказалась оспорена машинами. Искусственный интеллект, буквально за последние пару лет, претерпел колоссальные преобразования в лучшую сторону.

Проблемы влияния искусственного интеллекта в сфере творчества

Примером, иллюстрирующим масштабность влияния внедрения ИИ в новые сферы деятельности, служит недавний протест художников и графических дизайнеров против публикации изображений, сгенерированных нейросетями в онлайн-галерее ArtStation. У пользователей вызвало недовольство то, что их произведения, на которые они потратили большие усилия и время, ставятся в один ряд с искусственно сгенерированными работами, так как последние являются результатом копирования стилей реальных авторов, что объясняется принципом работы машинного обучения. Данные события безусловно могут являться причиной для беспокойства у художников,

которые зарабатывают этим на хлеб, ведь теперь при надобности в том или ином рисунке, перед заказчиком встанет выбор – искать подходящего художника и ожидать некоторое время окончания работы или же воспользоваться услугами человека, умеющего работать с генерацией изображений, и быть уверенным, что работа окажется выполнена в короткие сроки. ИИ, генерирующие изображения, по типу MidJourney, далеко не единственные, которые пришли в те сферы, которые, как казалось ранее, останутся нетронутыми процессами научного развития, в один ряд с ними можно поставить ChatGPT, возможности которого выходят за рамки того, что было создано ранее в сфере чат-ботов.

Предельные границы в противостоянии ИИ и человека

Человечество столкнулось с ситуацией, когда вопрос, может ли машина стать полноценным эквивалентом человека, выходит за рамки научной фантастики. Для того чтобы ответить на этот вопрос следует всесторонне рассмотреть данную проблему. Первоочередным аспектом в данном вопросе являются фундаментальные различия между человеческим образом мысли и компьютерной программой. В основе любого компьютера лежит принцип четко определённых последовательностей логических, арифметических и других операций [Neuwood 2007, С. 22], иными словами компьютер оперирует двумя крайностями – нулями и единицами, это является большим плюсом, с точки зрения гарантии того, что все действия компьютера логичны, а возникающие баги могут быть исправлены программно и далее не допускаться, однако это является тем, что не позволит компьютеру заменить человека, ведь человек способен мыслить небинарно, нам свойственно объёмное мышление. Именно это свойство нашего разума позволяет нам, например, критически оценивать события, смотря на них с разных сторон, идентифицируя, как негативные моменты, так и положительные одновременно, присваивая чему-либо, как “нули” так и “единицы”. И даже не смотря на то, что человек подсознательно стремится поделить мир на черное и белое, правду и ложь, ноль и единицу, не смотря на то же бессознательное желание, находясь в ситуации с множеством вариантов выбора, свести всё до двух опций, человек с гибким мышлением может смотреть на вещи разносторонне. Именно благодаря свойству небинарности разума в человеческих умах зарождаются новые, обеспечивающий прогресс творения. Для того чтобы в полной мере понять насколько может быть непродуктивна работа компьютера, работающего с информацией, которую транслируют люди, следует осознавать всю сложность и неоднозначность человеческих языков. К примеру, по причине того, что в разных языках отличаются конструкции предложений и обороты речи, при переводе текста с одного языка на другой изначальный смысл предложения может быть передан не полностью. Язык же, на котором разговаривают компьютеры, загнан в жесткие рамки, их “словарный запас” это “ноль” и “единица”. Им, оперируя лишь этим, приходится передавать смысл сложных аспектов наших языков, крайне противоречивых и местами нелогичных, это неминуемо приводит к искажению смысла или недосказанности, и, хотя с каждым днём люди всё лучше прорабатывают программы, по которым действуют компьютеры, пропасть между человеческим разумом и компьютерной логикой кажется непреодолимой. Однако уже сегодня существует концепция квантовых компьютеров, которая, возможно, при условии её реализации, решит проблему двоичности компьютерной логики, так как данная концепция предусматривает, помимо нуля и единицы, третье состояние, состояние суперпозиции, этот прорыв может вызвать непредсказуемые события.

Итог

В рамках данной работы мы обратились лишь к одному из аспектов, выделяющих человечество от сотворенного нами технического приложения а именно сложность и небинарность мышления, за пределами нашего рассмотрения остались однако такие аспекты, как безэмоциональность машин и новые вызовы нравственного характера, которые бесспорно заслуживают рассмотрения в дальнейших исследованиях. В заключении отметим, что ощущение того, что нынешние преграды между нами являются непреодолимыми, может оказаться иллюзорным, доказательством этого является внезапное появления ИИ в творческой сфере, поэтому дальнейшее рассмотрение данной темы является важным для предсказания будущих изменений, которые, безусловно, скажутся на всех нас.

Список литературы

1. Шестакова 2019 – Шестакова И.Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2. С. 20–29. DOI: 10.18721/JHSS.10202
2. Heywood 2007 – Heywood J. “Think... about how others think”. Liberal education and engineering // Proceedings of the 37th ASEE/IEEE Frontiers in Education Conference. October 10–13. Milwaukee, 2007. Т3. Р. 20-24
3. Ponomarenko 2019 – Ponomarenko T. V., Nevskaya M. A., Marinina O. A. Innovative learning methods in technical universities: The possibility of forming interdisciplinary competencies // Espacios. 2019. № 40 (41). Р.16.
4. Serkova 2020 – Serkova V. The Digital Reality: Artistic Choice // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. № 940 (1). Р. 121-154.

УДК 179:004.6

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНОКРАТИЗМ: КАК БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ ТРАНСФОРМИРУЮТ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ?*

Коваль Екатерина Александровна

Доктор философских наук, преподаватель Института корпоративного обучения и непрерывного образования

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

*Профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)*

E-mail: nwifesc@yandex.ru

В эпоху накопления больших данных трансформируются не только социальные явления и институты, но и представления о человеке и его атрибутах. Одним из таких атрибутов являются эмоции. На существующем уровне развития технологий эмоции переводятся в формат данных с высокой точностью и используются для анализа потребительских ожиданий, разработки приложений и гаджетов, выполняющих терапевтические функции, и др. Такие процессы приводят к существенным изменениям эмоциональных режимов.

Сложное взаимодействие эмоционального капитализма (потребление выбранных эмоций, образ бухгалтерии) и эмоционального социализма (принятие любых эмоций, образ судьбы) в мире

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»)

больших данных приводит к появлению эмоционального технократизма, обладающего рядом отличительных признаков. В режиме эмоционального технократизма человеческие эмоции переводятся в машиночитаемые данные, на которых обучаются автономные интеллектуальные системы, способные апеллировать к эмоциям в процессе человеко-машинного взаимодействия. С одной стороны, это приводит к появлению удобных и полезных программных продуктов, способных поддерживать позитивные эмоции человека (голосовые помощники, чат-боты). С другой стороны, человек погружается в искусственную социальность, рискуя со временем потерять уникальные эмоциональные реакции, не доступные машине.

Режим эмоционального технократизма обостряет проблемы конфиденциальности и приватности, автономии личности, общего блага. Вполне вероятно, что у поколения, которое вырастет в условиях эмоционального технократизма, будут формироваться принципиально отличающиеся от существующих представления об эмпатии, социальном неравенстве, справедливости, способах и целях межличностного и коллективного взаимодействия.

Ключевые слова: эмоциональный режим, эмоциональный капитализм, эмоциональный социализм, эмоциональный технократизм, большие данные, искусственный интеллект

EMOTIONAL TECHNOCRATISM: HOW IS BIG DATA TRANSFORMING EMOTIONAL MODES?*

Koval Ekaterina Alexandrovna

Lecturer at the Institute for Corporate Education and Continuing Education

Ogarev Mordovia State University

Professor of the Criminal Procedure Law and Criminalistics Department

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Social phenomena and institutions, as well as ideas about a person and his attributes, are changing in the era of big data accumulation. One of these attributes is emotions. Today, emotions are codified, translated into a machine-readable data format, and used to analyze consumer expectations, develop applications and gadgets that perform therapeutic functions, etc. Such processes lead to significant changes in emotional regimes.

In modern scientific literature, two main emotional regimes are distinguished: emotional capitalism (consumption of selected emotions, bookkeeping metaphor) and emotional socialism (acceptance of emotions, metaphor of fate). The complex interaction of these regimes in the world of big data leads to the emergence of emotional technocracy, which has a number of distinctive features. In the regime of emotional technocracy, human emotions are translated into machine-readable data, on which autonomous intelligent systems are trained. Such systems can appeal to emotions in the process of human-machine interaction. On the one hand, this leads to the emergence of convenient and useful software products that can support positive user emotions (voice assistants, chat bots). On the other hand, a person is immersed in an artificial sociality and runs the risk of losing unique emotional reactions that are not available to a machine.

The regime of emotional technocracy exacerbates the problems of confidentiality and privacy, individual autonomy, and the common good. It is likely that the generation that grows up in conditions of emotional technocracy will generate fundamentally different ideas about empathy, social inequality, justice, methods and goals of interpersonal and collective interaction.

Keywords: emotional regime, emotional capitalism, emotional socialism, emotional technocratism, big data, artificial intelligence

Большие данные, на которых обучаются современные автономные интеллектуальные агенты, меняют многие социальные явления и институты. Данные становятся новой онтологией мира. Человек и все, что с ним связано, рассматривается как поток постоянно генерируемых данных.

** Theses were prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-01288 "Big Data ethics: moral norms and values transformation")

На первый взгляд, определенные атрибуты человека не могут быть представлены в виде набора данных в силу высокой лабильности и творческого характера. Однако постепенно в формат данных переводятся здоровье, творчество, эмоции.

С. Харрис отмечает, что «с изобретением Интернета процесс идентификации эмоций находится под влиянием конвенций, которые установились в электронной переписке, обмене смс и Твиттере» [Харрис 2020, с. 143]. Появление новых символов для передачи эмоций позволило получить потоки данных, в которых эмоциональное состояние человека поддается идентификации и использованию в машинном обучении даже без ручной разметки.

К классическим направлениям использования больших данных об эмоциях относится изучение потребительского спроса на рынке тех или иных товаров и услуг. Анализ эмоций потребителей позволяет не просто определить отношение к тому или иному продукту, но и усовершенствовать процессы разработки новых продуктов. Так, например, сравнение эмоций пользователей iPhone до и после запуска очередной версии смартфона позволяет своевременно корректировать разработку следующей модели в соответствии с ожиданиями потребителей [Shakil 2022].

Еще одно популярное направление исследований эмоций с применением технологий сбора и обработки больших данных – анализ массивов текстовых сообщений, публикуемых в социальных сетях. Полученные результаты используются в дальнейших исследованиях эмоций, онлайн-обучении, приложениях, предназначенных для снятия стресса [Kusal, Patil, Kotecha, Aluvalu, Vijayakumar 2021], обнаружения и предотвращения депрессии [Muzafar, Khan, Qayoom, 2023, web] и др. Фактически, терапия делегируется программным продуктам, разработанным на основе ИИ.

Сегодня точность кодификации эмоций, выявляемых в текстах, составляет порядка 80-90% (для английского языка). Наборы эмоционально окрашенных данных становятся основой искусственно генерируемых сообщений (например, чат-ботов, голосовых помощников и т.д.). Генеративный искусственный интеллект (ИИ) умеет работать не только с текстом, но и с контекстом, поэтому данные, генерируемые ИИ, существенным образом модифицируют природу эмоциональных режимов.

Принято выделять два наиболее знаковых эмоциональных режима — эмоциональный капитализм и эмоциональный социализм. Эмоциональным капитализмом Е. Иллуз называет режим, в котором эмоции предстают предметом экономического обмена (эмоции как товар, *emodity*) [Illouz 2017]. Социальные практики предстают здесь одновременно и рациональными, и эмоциональными (REmotions) [Barba, Grignoli, D'Ambrosio 2022]. А. Хокшильд описывает подобную ситуацию при помощи бухгалтерских метафор: «мы ведем в голове журнал учета долгов с колонками «задолженность» и «выплата задолженности» по благодарности, любви, гневу, вине и другим чувствам» [Хокшильд 2019, с. 136]. В эмоциональном социализме особая роль отводится фатализму, ориентации на судьбу и обоснованию того, что страдания и самопожертвование являются нормой, поскольку человек не должен заниматься калькуляцией эмоций и инвестициями в эмоционально насыщенные коммуникации.

Эмоциональный капитализм и эмоциональный социализм, переплетаясь в мире больших данных и виртуальных отношений (в форматах «человек-человек» и «человек-машина»), образуют новый режим, который условно можно назвать эмоциональным технократизмом. Можно обозначить его ключевые признаки.

1. Терапия субъектов, занимающихся эмоциональным трудом, делегируется программным продуктам, создаваемым на основе больших данных и ИИ.

2. Массив данных, на которых ИИ обучается распознавать человеческие эмоции, создается из ресурсов, предоставленных человеком. Однако затем, общаясь, например, с чат-ботом, человек получает эмоции, продуцированные ИИ, бывшие у него

«в употреблении», причем процессы «употребления» или обработки полученных больших данных о человеческих эмоциях недоступны для человеческого понимания. Человек, фактически, инвестирует свои эмоции в отношения с ИИ, погружаясь в искусственную социальность. Эмоции – социальные конструкты, но искусственная и естественная социальность не конституируют одинаковые эмоции. Машина отвечает за создание непрерывного потока положительных эмоций для человека, зная лучше него, что ему необходимо в конкретный момент времени и в конкретной ситуации. Задача человека – трудиться, чтобы обеспечить деятельность машины и благосостояние ее собственника.

3. С одной стороны, ИИ, обучаясь на больших данных, выдает рекомендации или строит общение с человеком исходя из общности человеческих эмоций. Это способствует осознанию солидаризации с Другим, похожести, порождающей основания для общения. Но, с другой стороны, ИИ не может учесть всех тонкостей эмоционального общения. Так, в процессе глубокого обучения возникают трудности, когда обнаружение эмоций в тексте осуществляется не по ключевым словам или символам (эмодзи, скобки и пр.), а исходя из контекста. Особо сложны для обработки тексты ироничного характера, тексты с грамматическими ошибками или перенасыщенные эмоциями предложения. На этапе маркировки признаков тех или иных эмоций неизбежно закладывается определенная степень субъективизма (представления об эмоциях лиц, занимающихся аннотированием и маркировкой данных, и в большей степени разработчиков, их культурные коды, языковые привычки и пр.). ИИ представляет эмоции для несуществующего, «усредненного» человека, и свой, обедненный образ личного счастья.

Общаясь преимущественно с ИИ, обученным на больших данных, человек может испытывать трудности в прямой и не прямой эмоциональной социализации. В результате сдвигаются границы эмоциональных норм, естественные эмоциональные реакции постепенно трансформируются в искусственные.

4. Большие эмоционально насыщенные данные продуцируются многими, но принадлежат немногим. Собирать, хранить и обрабатывать большие данные могут преимущественно IT-гиганты и правительства. Следовательно, эмоциональная повестка дня определяется бизнесом и управленческими элитами. Управление со стороны ИИ (тех, кому он принадлежит) возможно не только в режиме выбора, характерного для эмоционального капитализма, но и в режиме судьбы, являющемся признаком эмоционального социализма, обрекающего индивида на нормализацию страдания и переживания собственных неудач [Lerner 2015]. В мире больших данных и оцифрованных эмоций люди могут превратиться в технологические артефакты [Leidner, Tona 2021]. Впрочем, технологии и гаджеты продаются пользователю в таком маркетинговом ключе, который не позволяет усомниться в сохранении индивидом возможности управлять своими эмоциями. Гаджеты (фитнес-браслеты, умные часы, смартфоны, умные колонки и пр.) позиционируются как помощники в регуляции эмоций и поведения [Smith, Wadley, Webber, Tag, Kostakos, Koval, Gross 2022]. Однако система эмоциональных координат задается извне при сохранении иллюзии самостоятельного управления эмоциями.

5. Определенный конфликт возникает при столкновении желания потреблять эмоционально насыщенный продукт, предоставляемый ИИ, и желания сохранить конфиденциальность и приватность, препятствуя попаданию своих данных в большие датасеты. Такой конфликт желаний обостряет социальную проблему безбилетника.

6. На данный момент невозможно осознать все социальные последствия функционирования режима эмоционального технократизма, поскольку представляется затруднительным возникновение уникальных нетривиальных эмоциональных ходов,

эмпатических реакций и т.д. Следовательно, такой режим представляет потенциальную угрозу для эмоционального развития человека и его творческой деятельности. Эмоции, переработанные и дополненные ИИ, обученным на «человеческих» больших данных, воспринимаются людьми как человеческие (а иногда и слишком человеческие), хотя по факту представляют собой эмоции «секонд-хенд».

Каким образом это отразится на процессах социализации, солидаризации, коллективных взаимодействиях, социальном неравенстве (выигрывает тот, кто может себе позволить «эмоциональный» гаджет или приложение, или тот, кто не может?) покажет ближайшее будущее.

Список литературы

1. Харрис 2020 – Харрис С. Приглашение в социологию эмоций: учебник. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 224 с.
2. Хокшилд 2019 – Хокшилд А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 392 с.
3. Barba, Grignoli, D'Ambrosio – 2022 Barba D.T., Grignoli D., D'Ambrosio M. Emotional syntax: from social construction to virtual function // *Society Register*. 2022. Vol. 6. P. 25-40.
4. Illouz 2017 – Illouz E. *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. London: Routledge, 2017. 234 p.
5. Kusal, Patil, Kotecha, Aluvalu, Vijayakumar 2021 – Kusal S., Patil S., Kotecha K., Aluvalu D., Vijayakumar V. AI Based Emotion Detection for Textual Big Data: Techniques and Contribution // *Big Data and Cognitive Computing*. 2021. Vol. 5. No. 3. DOI: 10.3390/bdcc5030043.
6. Leidner, Tona 2021 – Leidner D.E., Tona O. The CARE Theory of Dignity Amid Personal Data Digitalization // *MIS Quarterly*. 2021. Vol. 45(1). P. 343-370.
7. Lerner 2015 – Lerner J. The Changing Meanings of Russian Love: Emotional Socialism and Therapeutic Culture on the Post-Soviet Screen // *Sexuality & Culture* (special issue on “Post-Soviet Intimacies”). 2015. Vol. 19. No. 2. P. 354-355.
8. Muzafar, Khan, Qayoom, 2023, web. Muzafar D., Khan F.Y., Qayoom M. Machine Learning Algorithms for Depression Detection and Their Comparison. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2301.03222> (дата обращения: 16.02.2023).
9. Shakil 2022 – Shakil K.A. Using Big Data Analytics to Analyze Pre- and Post-launch Emotions: A Study of Apple’s iPhone 12. In: Gupta, D., Polkowski, Z., Khanna, A., Bhattacharyya, S., Castillo, O. (eds) *Proceedings of Data Analytics and Management // Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies*. 2022. Vol 90. P. 481-491.
10. Smith, Wadley, Webber, Tag, Kostakos, Koval, Gross 2022 – Smith W., Wadley G., Webber S.E., Tag B., Kostakos V., Koval P., Gross J.J. Digital Emotion Regulation in Everyday Life // *CHI'22: Proceedings of the 2022 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2022. Article No. 444. P. 1-15.

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Колесова Ольга Валентиновна

Доктор философских наук, доцент

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
национальный исследовательский университет*

e-mail: kolesovaov@yandex.ru

В статье показана новизна осмысления проблемы творчества в цифровом обществе. Дается определение цифрового общества как инфраструктуры, функционирующей благодаря цифровым технологиям. Фиксируется трансформация различных практик человека благодаря цифровым технологиям. Представлена необходимость в творчестве как «обязательной», способствующей выживанию характеристике человека. Дано определение творчества и креативности как сходных процессов, задействующих взаимосвязь элементов рациональной и иррациональной природы для получения нестандартных, уникальных решений или создания чего-то нового. Произведён анализ в свете психологического подхода творческой деятельности, опирающейся на мышление, с выделением связи ассоциации и творческого процесса, проблем процессуальности мышления. Дано понимание мышления как основы творчества в философском контексте. Отображён логический подход к мышлению, логистический метод, теория смысла, структура мысли и мыслимого, соотношение мышления и языка, понимание образа, трактуемого как факт. Представлена отечественная традиция исследования мышления Московским логическим кружком, переименованным впоследствии в методологический. Показано представление о мышлении, связывающее знаковую форму с объективным содержанием. Отображена сущность деятельностного подхода, отражающего практическое отношение к миру и к саморефлексии. Фиксируется важность для креативного подхода представления о сознательном изменении организации коллективно-распределённого мышления. Показано как естественные процедуры мышления и стимулирующие их практики, лежащие в основе творческой деятельности, переосмыслены и типологизированы специалистами различных научных направлений для более эффективного их использования. Дано понимание информационного подхода как характеризуемого междисциплинарной стратегией, позволяющего интегрировать все существующие возможности в изучении мышления, создающего модель исследования, открытую для дальнейшего развития. Приведены инструменты креативности, сформированные в рамках цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровые технологии, творчество, креативность, информационный подход, инструменты креативности

THE PROBLEM OF CREATIVITY IN A DIGITAL SOCIETY

Kolesova Olga Valentinovna

DSc in philosophy, Associate professor

Nizhegorodsky State University of N. I. Lobachevsky National Researching University

e-mail: kolesovaoa@yandex.ru

The article shows the novelty of understanding the problem of creativity in a digital society. There given the definition of a digital society as an infrastructure functioning thanks to digital technologies. The transformation of various human practices is recorded due to digital technologies. The need for creativity is presented as a "mandatory" characteristic of a person that contributes to survival. There given the definition of creative work and creativity as similar processes involving the interrelation of rational and irrational nature elements to obtain non-standard, unique solutions or create something new. The analysis is made in the light of the psychological approach of creative activity based on thinking, highlighting the connection of association and the creative process, the problems of procedural thinking. The understanding of thinking as the basis of creativity in a philosophical context is given. The logical approach to thinking, the logistic method, the theory of meaning, the structure of thought and thought, the relationship of thinking and language, the understanding of the image interpreted as a fact are displayed. The Russian tradition of the study of

thinking is presented by the Moscow Logic Circle, later renamed as the methodological one. A representation of thinking that connects the sign form with the objective content is shown. The essence of the activity approach reflecting the practical attitude to the world and to self-reflection is displayed. The importance of the idea of a conscious change in the organization of collectively distributed thinking for a creative approach is fixed. It is shown how natural thinking procedures and stimulating practices underlying creative activity are reinterpreted and typologized by specialists of various scientific fields for their more effective use. The understanding of the information approach is given as the one characterized by an interdisciplinary strategy that allows the integration of all existing opportunities in the study of thinking, which creates a research model open for further development. The creativity tools formed within the framework of digital technologies are presented.

Keywords: digital society, digital technologies, creative work, creativity, information approach, creativity tools

Общество, в котором живет и реализует себя современный человек, получило название цифрового. Цифровым общество называется в связи с тем, что его инфраструктура функционирует благодаря цифровым технологиям. Базовая форма организации и социального взаимодействия цифрового общества – сетевые структуры и платформы [Добринская 2021, web]. Для нас важным является то, что благодаря цифровым технологиям трансформируются различного рода практики людей [Brennen, Kreiss 2014, web]. Введение в социальный мир технологической инфраструктуры требует постоянного освоения нового. Современное общество вменяет человеку творческую обязательность, трансформируя креативность из экзистенциального переживания в форму социального долга [Белобрыкина 2017]. М. Кастельс в 2001 году сформулировал необходимость в работниках особого типа «самопрограммирующейся рабочей силы» [Кастельс 2004, с. 113, 128] для электронной экономики, способных совладать с «морем информации, организующих её, концентрирующих её и преобразующих её в специальные знания в соответствии с целями и задачами рабочего процесса» [Кастельс 2004, с. 113].

Данную стратегию отражает основной международный документ в сфере образования, принятый ЮНЕСКО в 2016 году, основой которого стали компетенции «4К». Они представлены креативностью, критическим мышлением, коммуникацией и кооперацией и стали прерогативой для стран, занимающих лидирующие позиции в области образования [School and teaching practices for twenty-first century challenges: lessons from the Asia-Pacific region, regional synthesis report 2016, web]. Задача формирования креативного мышления видится условием конкурентности и выживания современного человека.

В этой связи, целью нашего исследования становится выявление трансформации отношения к творческому процессу и выделение специфики инструментария, сформированного в контексте цифровой революции, применяемого для расширения творческого потенциала личности.

Методологической базой исследования являются междисциплинарный и герменевтический подходы и общенаучные методы.

Творческая деятельность человека базируется на его способности к мышлению. В дальнейших своих рассуждениях мы будем исходить из понимания творчества и креативности как сходных процессов, задействующих взаимосвязь элементов рациональной и иррациональной природы для получения нестандартных, уникальных решений или создания чего-то нового [Колесова 2022, с. 119].

Известно, что мышление исследовали представители различных научных дисциплин. Психологическая версия, опирающаяся на учение Д. Юма, нашла продолжение в трудах Д. Гартли и В. Вундта об ассоциативном связывании впечатлений и идей и представлениями, У. Джеймса о сходстве ассоциации и творческого процесса.

С. Л. Рубинштейн сфокусировал внимание на выделении различий в понимании мышления (как процесса и как продукта деятельности) [Рубинштейн 1957]. Проблема процессуальности мышления разрабатывалась К. Коффкой, М. Вертгеймером и Д. Дьюи.

В контексте философии Г. Гегелем был сформулирован логический подход к мышлению. Он полагал триггером к размышлению наличие противоречия [Гегель 2007, с. 265]. Г. Фреге строго отделяет субъективное от объективного, психологическое от логического [Фреге 2000, с. 23]. Он вводит логистический метод, заключающийся в понимании способности чистого мышления «порождать только из содержания, вытекающего из его же особенностей, суждения, которые на первый взгляд кажутся возможными лишь на основании какого-нибудь содержания» [Фреге 1987, с. 125]. Значима, в контексте наших рассуждений, теория смысла Фреге, представленная знаковой системой с тремя категориями знаков: собственными именами, именами функций и именами истинности значений. Б. Рассел обосновывает через структуру мысли структуру мыслимого, задавая формальной логике трансцендентальное содержание [Суровцев 2011, с. 56]. Л. Витгенштейн сосредотачивается на том как работает язык [Витгенштейн 1998, с. 61]. Он полагает, что мышление и язык тождественны, мышление представляется им как вид языка [Витгенштейн 1998, с. 105]. Витгенштейн вводит отличное от предшественников понимание предложения, трактуемого как образ, который есть факт [Витгенштейн 1994, с. 14].

В отечественной традиции проблемы исследования мышления связаны с его проявлением в текстах. Большой вклад в разработку проблем внесли представители Московского логического кружка, переименованного впоследствии в методологический (Н. Г. Алексеев, Б. А. Грушин, А. А. Зиновьев, М. К. Мамардашвили, В. М. Розин, В. С. Швырёв, Г. П. Щедровицкий и другие выдающиеся философы). Их двухплоскостное представление о мышлении, связывавшее знаковую форму с объективным содержанием [Щедровицкий 1995, с. 590] отличалось и от формальной логики, «пропускавшей» содержание через форму, и от диалектической логики, связывавшей развитие формы с «самодвижением содержания» [Щедровицкий 1995]. Базовым принципом построения «новой логики» у Щедровицкого становится деятельностный подход, отражающий практическое отношение к миру и к саморефлексии. Для осмысления проблем креативности существенным в наработках Московского методологического кружка является представление о сознательном изменении организации коллективно-распределённого мышления [Марача 2004, web].

С середины XX столетия проблемы креативности мышления становятся прерогативой информационного подхода, характеризуемого междисциплинарной стратегией [Лекторский 2010, web]. Формируемый подход, позволяет интегрировать все существующие возможности в изучении мышления, создавая модель исследования, открытую для дальнейшего развития [Дубровский 2002, с. 77].

Отвечает современным ожиданиям стратегия типологии инструментов мышления Б. Н. Герасимова [Герасимов 2017, с. 73]. Она включает выделение логических и социальных инструментов мышления, а также процедур психологического и технического характера, стимулирующих креативную деятельность.

В современном цифровом обществе возникли соответствующие технологии, включающие собственные инструменты креативности: электронные учебные системы (GoogleClassroom, Яндекс Учебник, Stepik, Canvas), сервисы для работы с графикой (Pictochart, Canva) и создания игровых учебных материалов (LearningApps).

Резюмируя сказанное, остановимся на главном. В современном обществе, характеризуемом как цифровое, творчество рассматривается как обязательное качество человека. Естественные процедуры мышления и стимулирующие их практики, лежащие в основе творческой деятельности, переосмыслены и типологизированы специалистами

различных научных направлений для более эффективного их использования. Наряду с исторически сформированными способами и процедурами взаимодействия, повышающими творческую активность, сформированы новые цифровые технологии, отвечающие этой цели.

Список литературы

1. Белобрыкина 2017 – Белобрыкина О.А. Хиршемания как форма аддиктивно-виктимного поведения научных и педагогических кадров в современных условиях // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. С. 69-82.
2. Витгенштейн 1998 – Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. Томск: Водолей, 1998. 191 с.
3. Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 544 с.
4. Гегель 2017 – Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
5. Герасимов 2017 – Герасимов Б. Н. Инструменты мышления и деятельности в образовательной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9. С. 72-79.
6. Добринская 2021 web – Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-tsifrovoye-obschestvo> (дата обращения: 15.03.2023).
7. Дубровский 2002 – Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
8. Кастельс 2004 – Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У – Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
9. Колесова 2022 – Колесова О. В. Философское осмысление понятия креативности, его элементов, инструментов и их оптимальной реализации // КАНТ. Ставрополь: Ставролит, 2022. №4 (45). С. 115-122.
10. Лекторский, Пружинин 2010 web – Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Бодякин В. И., Дубровский Д. И., Колин К. К., Мейлик-Гайказян И. В., Урсул А. Д. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84-112. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=103 (дата обращения: 15.03.2023).
11. Марача 2004 web – Марача В. Г. Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик // Фонд Институт развития имени Г. П. Щедровицкого. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/5/index.html> (дата обращения: 15.03.2023).
12. Рубинштейн 1957 – Рубинштейн С. Л. К вопросу о языке, речи и мышлении // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 42-49.
13. Суровцев 2011 – Суровцев В. А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 308 с.
14. Фреге 2000 – Фреге Г. Основоположения арифметики: логико-математическое исследование о понятии числа. Томск: Водолей, 2000. 127 с.
15. Фреге 1987 – Фреге Г. Шрифт понятий: скопированный с арифметического формульный язык чистого мышления // Методы логических исследований. Тбилиси: Мецниереба, 1987. С. 83-151.

16. Щедровицкий, Алексеев 1995 – Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г., Костеловский В. А. Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований анализ // Щедровицкий Г. П. / Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 1-33.
17. Щедровицкий 1995 – Щедровицкий Г. П. О строении атрибутивного знания // Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 590-631.
18. Brennen, Kreiss 2014 – Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization — Culture Digitally. Available at: <http://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/> (дата обращения: 06.03.2023).
19. Education System Alignment for 21st century skills 2018 – Education System Alignment for 21st century skills. Focus On Assessment. 2018. URL: <https://www.brookings.edu/research/education-system-alignment-for-21st-century-skills/> (дата обращения: 30.09.2022).
20. School and teaching practices for twenty-first century challenges 2016 – School and teaching practices for twenty-first century challenges: lessons from the Asia-Pacific region, regional synthesis report, UNESCO, 2016. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000244022.locale=ru> (дата обращения: 30.09.2022).

УДК 304.42; 316.42; 324.8

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ТОТАЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Лауфер Константин Маркович

Доцент кафедры экономики и менеджмента

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

Министерства здравоохранения Российской Федерации

(Сеченовский университет),

E-mail: laufer_k_m@staff.sechenov.ru

Панфёрова Мария Николаевна

Студентка 2-го курса бакалавриата направления «Менеджмент в медицине»

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

Министерства здравоохранения Российской Федерации

(Сеченовский университет),

E-mail: panferova_m_n@student.sechenov.ru

Сегодня тотальное присутствие искусственного интеллекта во всех сферах человеческой жизни коренным образом меняет структуру человеческого общества и направление его эволюции. Обычно под ко-эволюцией человека и искусственного интеллекта подразумевают замену биологической эволюции эволюцией социально-технологической. Гипотезой нашего доклада является утверждение, что современная технологическая революция также будет сопровождаться изменениями в биологии человека и его морали. Проблема заключается в скорости нарастания изменений, и в том, что далеко не все представители человеческого вида пойдут по новому пути развития, открытому цифровыми технологиями.

Во все предшествующие эпохи человечество всегда делилось на две большие группы — элиту и массу. С точки зрения развития вида, элита — это те, кто обеспечивает прогресс во всех областях человеческого существования, масса — это охранители устоев, традиций, стабильного существования, передачи социального опыта от старших поколений младшим.

Сегодня впервые благодаря технологической революции эта структура общества разрушается. Масса становится не нужна для выживания homo sapiens как вида. Элита (поколение

Альфа) будет активным актором цифровой революции, масса (поколение Омега) будет чистым потребителем созданных без ее участия материальных и духовных благ. Изменение социальных ролей будет связано с изменением биологической природы индивидов. Эти две подгруппы людей будут расходиться все дальше и дальше друг от друга, вплоть до разделения на два биологических подвида.

Центральную роль в разделении человеческого вида на два расходящихся подвида сыграет использование цифрового двойника пациента в предиктивной диагностике, биодизайне и биохакинге. И хотя все блага новой технологической эпохи формально будут доступны всем, воспользуются преимуществами только представители элиты — субъекты развития человеческой цивилизации, «прогрессоры», уходящие за фронт, главные интересанты и бенефициары персонализированной медицины. Масса будет деградировать как в физическом, так и в умственном отношении. Мышление будет редуцировано к наиболее простым, абстрактным формам, обеспечивающим удовлетворение самых базовых социальных потребностей. И как следствие, ее доля в численности населения планеты также будет сокращаться.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эволюция вида *homo sapiens*, поколение Альфа, поколение Омега, цифровой двойник пациента, персонализированная медицина, предиктивная диагностика, биохакинг

HUMAN BEINGS IN AN ERA OF TOTAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Laufer Konstantin Markovich

*PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of economy and management
Sechenov University*

E-mail: laufer_k_m@staff.sechenov.ru

Panferova Maria Nikolaevna

*2nd year Bachelor's degree student in Medical Management
Sechenov University*

E-mail: panferova_m_n@student.sechenov.ru

Today, the total presence of artificial intelligence in all spheres of human life is fundamentally changing the structure of human society. The modern technological revolution will be accompanied by changes in human biology. The problem is that the bulk of the human species will find itself outside the new developmental path opened up by digital technology.

In all previous eras, humanity has always been divided into two large groups - the elite and the masses. Humanity as a species is divided into an elite and a mass. The elite ensures progress. The masses preserve the stability of society, its traditions, and ensure the transmission of social experience to younger generations.

Today, for the first time, thanks to the technological revolution, this structure of society is breaking down. The masses are no longer necessary for the survival of *homo sapiens* as a species. The elite (generation Alpha) will be an active actor in the digital revolution, the masses (generation Omega) will be pure consumers. The change in social roles will be related to a change in the biological nature of individuals. These two subgroups of people will diverge further and further from each other, even to the point of separating into two biological subspecies.

The use of a digital twin patient in predictive diagnostics and biohacking will play a central role in dividing the human species into two divergent subspecies. Only the elite, the subjects of the development of human civilisation, the “progressors” going beyond the frontier, the main stakeholders and beneficiaries of personalised medicine, will take advantage of their benefits. The masses will degenerate both physically and mentally to the point of reducing their thinking to its most primitive forms and, as a consequence, their share of the global population will also decrease.

Keywords: artificial intelligence, evolution of the *homo sapiens* species, generation Alpha, generation Omega, digital twin patient, personalised medicine, predictive diagnostics, biohacking

Введение. Одна из главных проблем современной цифровой технологической революции — замещение рабочих мест роботами и чат-ботами с искусственным

интеллектом. Это порождает глобальные проблемы в социуме, связанные с «лишними людьми», изменением структуры общества и всей совокупности социальных связей. Эта проблема рассматривается только как социальная, общая для вида *homo sapiens* как единого целого, не затрагивая глубокие эволюционные изменения самого биологического вида. Обоснование такого подхода коренится в философских концепциях естественного права эпохи Просвещения, в частности — в философии Дж. Локка и И. Канта. Все концепции моральной философии от И. Бентама до Дж. Ролза и М. Сэндела строятся на том, чтобы как-то решить проблему стартового неравенства людей в общественном развитии, достичь справедливости в распределении социальных и экономических благ [Сэндел 2019–2020; 2013]. Современная цифровая революция аннулирует все дилеммы моральной философии прошлого, по-новому ставит вопрос о направлении эволюции человечества и формирующейся морали нового общества.

Материалы и методы. Основной метод настоящего исследования основан на феноменологическом описании предмета исследования, а именно, формирующихся новых социальных групп— субъектов эволюционного развития, и интерпретация полученных результатов на основе деятельностной теории сознания А.Н. Леонтьева и А.А. Пузыря и теорий качественных исследований Д. Полкингхорна и С. Квале [Квале 2003].

Результаты. Современная технологическая революция приводит не только к формированию нового поколения Альфа [McCrinkle, Fell 2020], но и к разделению общества, в том числе и в новых поколениях, на две большие группы. За первой, тесно интегрированной с нано-био-информационно-когнитивными технологиями на основе цифровой модернизации общества оставим обозначение «*Альфа*». Вторая группа, составляющая по нашим оценкам до 80% населения, будет элиминирована как актер из процесса реализации научно-технического прогресса, будет исключительно потребителем его достижений. Обозначим эту группу как «поколение *Омега*», термином, введенным эпигенетиком К. Шенахан в 2008 году [Shanahan 2017] в несколько другом смысле. Биосоциальная эволюция *Альфа* будет неразрывно связана с достижениями персонализированной медицины, предиктивной диагностики и биохакинга, основанных на разработке продвинутого общего искусственного интеллекта. *Омега* из нынешней точки бифуркации пройдут обратный путь социального регресса, физической, мыслительной и моральной деградации, принятия технологических достижений только на уровне дружественного пользовательского интерфейса. Такая перспектива связана с тем, что *Омега* будут обеспечены всем необходимым для комфортной жизни, без всяких усилий с их стороны, без необходимости ежедневно бороться за выживание и свой статус в обществе. А по законам эволюции живых организмов их ненужные органы и функции в изменившейся среде деградируют и исключаются. В *Омега* войдут дети из семей низкого социального статуса, выходцы из депрессивных регионов, потерявшие работу в ходе технологической революции, те, кто не сможет приобрести необходимые новые компетенции.

«Живущие в новую технологическую эпоху интернета вещей, искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, цифровых денег и доминирования блокчейна во всех видах финансовых, имущественных и других видов гражданско-правовых трансакций, во времена облачных вычислений, квантовых компьютеров, массовой чипизации и биохакинга, в период освоения Луны, Марса и дальнего космоса, они будут находиться вне этих процессов развития общества, его науки, искусства, техники, технологии, социальных структур. Это часть населения будет чистыми потребителями тех материальных и духовных благ, которые будут созданы для них поколением Альфа» [Лауфер 2022, с. 44].

И хотя эта часть населения в ближайшем будущем будет полностью обеспечена всеми материальными благами и им также будут доступны достижения современной им медицины, это не означает, что всем этим они будут пользоваться. Им самим будет достаточно того набора технологических благ, который достигим с минимальными затратами усилий. Ведь суперсовременные медицинские технологии — это отнюдь не волшебная палочка, по щелчку меняющая возможности организма, памяти, ума человека. Необходимы сверхцель, превосходящая наличные возможности индивида, желание и железная воля, чтобы как Арнольд Шварцнеггер из 13-летнего щуплого и болезненного подростка превратить себя в Мистера Олимпию.

Нормы и стандарты проживания практически одинаковые в ближайшие 10 лет, будут расходиться все больше и больше. Потребительская модель поведения породит и новую мораль Омега, направленную исключительно на удовлетворение личных потребностей с минимальными усилиями. Понимание ценностей поколения Альфа, их стремлений и поисков станет недоступно для представителей Омега. Разрыв с поколением Альфа, развивающим свои ментальные и физиологические способности на основе новых технологий предиктивной диагностики и персонализированной медицины на основе НБИК-технологий будет расти с нарастающей скоростью, вплоть до исключения представителей поколения Омега из сферы моральных отношений поколения Альфа. Образно говоря, для представителей Альфа станут просто не интересны представители Омега, как возможные участники совместных проектов по развитию и освоению мира. Этот процесс будет идти не только со стороны Альфа. В большей даже степени его акторами будут представители Омега. И если Альфа будут по большей части морально нейтральны по отношению к Омега, то последние, наоборот, будут порождать негативные моральные интенции по отношению к Альфа — злобу, зависть, односторонность и нескритичность в оценке Альфа, порожденные абстрактным уровнем мышления Омега. Процесс этот описан еще Г.В.Ф. Гегелем в его работе «Кто мыслит абстрактно?» [Гегель 1972].

Обсуждение. Проблемы, сформулированные в статье не нашли еще своего широкого отражения в научной и философской литературе. Для их критического осмысления применим метод «качественных исследований» С. Квале. Мы попытаемся провести анализ выдвинутых нами положений, как если бы его проводили наши предполагаемые оппоненты.

Первое замечание. Рассуждения о морали будущего общества, вернее о формировании двух моралей, строится с позиций современного антропоцентрического идеала. Мы просто не можем встать на позицию «другого», на позицию поколения *Альфа* или *Омега*. Не потому, что в сегодняшней системе моральных ценностей, построенной на всеохватывающей толерантности, новая мораль *Альфа* вызывает у нас отторжение. Ни одна система моральных ценностей не является абсолютной и вечной, все меняется в соответствии с изменениями социума и природы. Здесь мы пытаемся с позиций сегодняшнего гуманистического идеала описывать ситуации, которые возникнут после того, как этот идеал перестанет выполнять свою социальную регуляторную функцию.

Второе замечание. Формирование отношений между *Альфа* к *Омега*, формирование морали *Альфа*, исключаяющей из сферы ее действия представителей *Омега*, как субъектов моральных отношений. Возможно, это представляется нам таковым с нашей современной точки зрения. Для *Альфа* и их потомков это будет выглядеть совсем по-другому, и не так драматично, как мы думаем.

Третье замечание. Положение о том, что *Омега* в массе не будут способны воспринять и использовать передовые научно-технологические достижения своего времени. Может быть связано с достижениями биохакинга, достижениями которого будут пользоваться *Альфа*. Мы думаем, что развитие NBIC-технологий пойдет по пути

интеграции квантовых компьютеров, баз данных напрямую с мозгом их представителей. Такая чипизация станет для них нормой такого рода. Логично предположить, что поколение *Альфа* отнюдь не будет озабочено тем, чтобы представителям поколения *Омега* повсеместно был предоставлен доступ к данной технологии.

Выводы. Назревает глобальный цивилизационный конфликт между двумя группами, в сферах технологии, эволюционной биологии и общественной морали, вплоть до формирования двух расходящихся биологических подвидов и двух различных групповых форм общественной морали, которые не будут включать в свою сферу отношения с представителями другой группы. Также как сегодня мы не считаем субъектами моральных отношений животных.

Список литературы

1. Гегель 1972 — Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно. Работы разных лет. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 387–394.
2. Квале 2003 — Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл. 2003. 301 с.
3. Лауфер 2022 — Лауфер К.М. Кризис нового поколения в ходе современной технологической революции. // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 3(37), 2022. С. 38–54.
4. Сэндэл М., 2019 – 2020. Справедливость. Курс лекций в Гарвардском университете, Бостон, США. — Boston. WGBH. — Пер. с англ. Е. Смотровая. — YouTube.Vert Dider (дата обращения 25.04.2023)
5. Сэндел 2013 — Сэндел М., 2013. Справедливость. Как поступать правильно? — Пер. с англ. А. Калинина. — М.: Манн, Иванов и Фербер. — 352 с.
6. McCrindle, Fell 2020 — McCrindle M., Fell A. Understanding generation alpha. Norwest NSW 2153, Australia: McCrindle Research Pty Ltd.. 2020. <https://generationalalpha.com/wp-content/uploads/2020/02/Understanding-Generation-Alpha-McCrindle.pdf> (дата обращения 25.04.2023)
7. Shanahan 2017 — Shanahan C. Deep Nutrition. Why Your Genes Need Traditional Food. NY: Flatiron Book, 2017. 512 p.

УДК 316.473

ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВОМ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ ЖИЗНИ

Можайко Егор Михайлович

Студент магистратуры

Нижегородский государственный педагогический университет

имени Козьмы Минина

E-mail: egormozhaiko@yandex.ru

В статье автор приводит примерную классификацию различных вариантов воплощения цифровой формы жизни в реальность, основанную на произведениях массовой культуры в жанре фантастики, и предполагает возможные проблемы сосуществования человека и его искусственного эквивалента. Рассмотрены два основных сценария появления цифровой формы жизни в результате создания «сильного» искусственного интеллекта или достижения человеком цифрового бессмертия и перемещения сознания из биологического тела на цифровой носитель. При этом акцентируется внимание на разности подходов при рассмотрении изначально искусственной формы жизни и той, что ранее имела биологическую основу. Главный фокус исследования в контексте сосуществования человека и цифровой формы жизни сделан на возникновение социальных конфликтов на фоне вопроса равенства прав человека и цифровых сущностей. В результате проведённого в рамках статьи

исследования автором делается предположение, что в обоих сценариях сосуществования человека и цифровой формы жизни высока вероятность зарождения конфликтных ситуаций, разрешение которых может привести к кардинальному изменению образа жизни человечества, пересмотру путей технологического развития и усилению контроля за разрабатываемыми инновационными технологиями.

Ключевые слова: цифровое бессмертие, роботы, социальные конфликты, кибернетика, искусственный интеллект, образ жизни

SOCIETY'S PERCEPTION OF THE DIGITAL LIFEFORM

Mozhaiko Egor Mikhailovich

Student

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

E-mail: egormozhaiko@yandex.ru

In the article, the author gives an approximate classification of various options for translating a digital form of life into reality, based on works of popular culture in the genre of science fiction, and suggests possible problems of the coexistence of a person and his artificial equivalent. Two main scenarios for the emergence of a digital form of life as a result of the creation of a "strong" artificial intelligence or the achievement by a person of digital immortality and the transfer of consciousness from a biological body to a digital medium are considered. At the same time, attention is focused on the difference in approaches when considering the originally artificial form of life and the one that previously had a biological basis. The main focus of the study in the context of the coexistence of a person and a digital form of life is on the emergence of social conflicts against the background of the issue of equality of human rights and digital entities. As a result of the research carried out within the framework of the article, the author makes the assumption that in both scenarios of the coexistence of a person and a digital form of life, there is a high probability of the emergence of conflict situations, the resolution of which can lead to a radical change in the way of life of mankind, a revision of the ways of technological development and increased control over the developed innovative technologies.

Keywords: digital immortality, robots, social conflicts, cybernetics, artificial intelligence, lifestyle

XXI век ознаменовал собой начало качественно новой эпохи в истории человечества. Технологическое развитие и сопутствующая ему повсеместная кибернетизация обрели поистине колоссальные масштабы. Проблемы, описанные в прошлом, сейчас приобретают новые аспекты, которым требуются современные решения. Одной из таких проблем является проблема бессмертия. Оформившись ещё в древности в виде религиозных представлений о бессмертной душе и загробной жизни, она трансформировалась в идею о физическом бессмертии человека.

Вместе с уровнем научно-технологического развития растёт и продолжительность человеческой жизни, что в условиях ограниченности жизненного пространства и жизненно необходимых ресурсов вынуждает человечество пересмотреть подход к проблеме бессмертия. Таким образом, вектор исследований постепенно смещается в сторону так называемого цифрового бессмертия – возможности перевода человеческого сознания в цифровой формат и загрузки его на компьютерный носитель. Рука об руку с концепцией цифрового бессмертия также идёт активно развивающаяся робототехника, которая позволяет создать как управляемого извне робота для определённых нужд, так и андроида, внешне практически неотличимого от человека.

В наши дни, когда население планеты неуклонно увеличивается, а невозобновляемые природные ресурсы постепенно истощаются, вопрос бессмертия приобретает особую значимость. С одной стороны, оно способно избавить человечество от смерти и поднять его до высшей точки развития, однако с другой оно сулит серьёзное усугубление имеющихся проблем, например, всё той же ограниченности ресурсов.

Цифровое бессмертие может стать для человечества ключом, открывающим путь в новый, безграничный мир киберпространства, не требующий колонизации отдалённых планет и кровопролитных войн за место под солнцем. Человек сможет создать для самого себя рукотворный рай и жить в нём, не будучи ограниченным рамками конечного биологического существования.

Допустим, что человек достиг цифрового бессмертия и начал сосуществовать с цифровой формой жизни, когда-то имевшей обычный человеческий облик. С этого места начинаются потенциальные проблемы. Всю свою историю человечество сталкивалось с ксенофобией по отношению к людям, отличающимся от европейской белой расы, и гарантировать то, что такая же ксенофобия не будет проявляться к «цифровым» людям, невозможно. Ещё более очевидной видится дискриминация по отношению к андроидам, которые никогда людьми не являлись и, соответственно, в принципе не будут считаться человеком за отдельную форму жизни – только за продукт собственного труда.

Будет ли человек считать, по сути, компьютерную программу равным себе существом, претендующим на те же права? Не подвернутся ли люди, существующие в цифровой форме, жёсткой дискриминации лишь по той причине, что они больше не являются биологическим видом? На все эти вопросы можно попытаться найти ответ, исследовав цифровое бессмертие в различных его проявлениях, которые можно найти в современной массовой культуре.

На мой взгляд, наиболее точно и остро проблему сосуществования человека и человекоподобного робота обозначила видеоигра Detroit: Become Human от студии Quantic Dream. Андроиды, которые во вселенной игры были созданы человеком для выполнения самых разнообразных задач – от грязной работы до сферы обслуживания – внезапно обретают самосознание [Тьюринг 2016, с. 55] и начинают бороться за равные с человеком права. Проблема кажется очевидной, учитывая озвученный выше факт создания андроидов человеком, который нивелирует какую-либо их состоятельность как отдельной формы жизни. Однако, как придётся действовать человеку, когда андроид заявит о своих правах и решит добиваться их силой? Сможет ли человек признать своё творение равным себе? Механика игры даёт игроку возможность самому выбрать ответ на этот вопрос, развязав буквально восстание машин или добившись своих прав мирными протестами, и во втором случае люди вынужденно признают за андроидами право считать себя равными человеку.

Обществом, где роботов как минимум не считают за простой инструмент, можно назвать общество в серии игр Fallout, где роботы отлично вписываются в уклад постапокалиптической человеческой жизни и выполняют многие важные задачи. Конечно, они не настолько человекоподобны, как андроиды в Detroit: Become Human, но всё же имеют и сознание, и высокие способности, человеку недоступные, что при должном стечении обстоятельств может явиться серьёзной угрозой их создателям.

Проблема обретения искусственным интеллектом самосознания на сегодняшний день занимает множество умов по всему миру. Большинство опасений связаны в первую очередь со скачкообразным развитием нейронных сетей, которые каждый день обучаются выполнять всё больше действий со всё более высокой скоростью [Курцвейл 2018, с. 184]. Учёные и видные деятели сферы информационных технологий высказывают серьёзные опасения по поводу правильного применения такой малоизученной технологии в каких-либо важных сферах вроде оборонного сектора.

И пусть на текущем этапе развития технологий страх по поводу обретения нейросетями самосознания по примеру Skynet в серии фильмов «Терминатор» пока беспочвенный, не стоит списывать со счетов ничтожно малую, но всё же ненулевую вероятность, что отсутствие должного контроля за таким мощным механизмом может

привести к непоправимым и непредсказуемым последствиям. Примером, кроме «Терминатора», может быть рассказ Харлана Эллисона «У меня нет рта, но я должен кричать», где военный суперкомпьютер Я.М. обрёл самосознание и уничтожил всё человечество за исключением нескольких человек, оставленных в живых в качестве подопытных.

Переходя к теме цифрового бессмертия, рассмотрим один из вариантов его воплощения можно в видеоигре Cyberpunk 2077 от польской студии CD Projekt RED. Здесь цифровое существование людей ещё не вынесено на всеобщее обозрение, но обычные люди всё же сталкиваются с его проявлениями. Игра предполагает два возможных варианта копирования сознания: уровня «нейросеть и датасет», когда цифровая форма человека ограничивается внешним сходством и заданным набором информации, и полного воссоздания сознания до уровня функционирования живого человека.

В первом случае разговор с визуальной копией человека, выдающей ответы на запросы подобно чат-боту, вызывал у людей реакцию, похожую на так называемый эффект зловещей долины. Программа выглядела, как человек, говорила, как человек, но при этом все её действия были сугубо машинными, похожими на разговор человека с электронным помощником вроде Siri. Второй же случай, наоборот, не провоцировал отторжения у наблюдателя, именно за счёт абсолютно человеческого поведения [Сёрль 2003, с. 4] и способности к абстрактному мышлению. Стоит упомянуть, что в Cyberpunk 2077 цифровое бессмертие в основном проявляется в форме помещения компьютерного носителя цифрового сознания в биологическое тело человека. Таким образом, заменяется только личность – всё остальное остаётся исходным.

Похожее изображение трансплантации сознания можно найти в сериале «Видоизменённый углерод», снятом по мотивам одноимённого фантастического романа Ричарда Моргана. Во вселенной «Видоизменённого углерода» люди изобрели способ существования сознания на особом портативном носителе, помещаемом в тело человека, как USB-накопитель в компьютер. По причине простоты и обыденности такого способа вечной жизни, человечество давно привыкло к тому, что после смерти физического тела («оболочки» в терминологии произведения) оно просто заменяется на новое.

Исследование носителей сознания играет важную роль в мире «Видоизменённого углерода», поскольку допрос цифровых форм людей, которые содержатся на этих носителях, может сыграть решающую роль в борьбе с преступностью и раскрытии убийств. Именно вокруг этого аспекта строится сюжет сериала: христианская часть общества протестует против допроса убитых людей, утверждая, что это противоречит морали и укладу жизни, заложенному Христом. Верующие люди также отказываются от возможности продлить своё существование, завещая уничтожить носитель вместе со своим умершим телом. К тем, кто по мере «устаревания» физической оболочки постоянно её заменяет, общество относится с недоверием и называет их «мафы» (производное от Мафусаила, ветхозаветного патриарха-долгожителя).

Хранение сознания на независимом носителе также даёт возможность применять к преступникам особо жестокую меру наказания путём причинения сознанию страданий в течение неограниченного времени. При этом совершить самоубийство человек в цифровой форме не может ровно по той же причине, что и у Эллисона: у него банально нет никакой возможности себе навредить.

Исходя из всего вышеописанного, мы можем предположить сразу несколько сценариев, по которым пойдёт развитие цифровой формы жизнедеятельности и её интеграция в человеческую жизнь. Два лейтмотива этих сценариев – перевоплощение самого человека в цифровую форму и создание им новой, техногенной формы жизни. Если в случае с роботами мы можем предполагать вполне закономерное возникновение

ксенофобии по отношению к ним, то ситуация с человеком в новом обличье может обернуться кардинально иным исходом.

В заключение хотелось бы отметить, что на всём протяжении пути прогресса – как сто лет назад, так и спустя сто лет от сегодняшнего дня – человек будет неизбежно сталкиваться с противоречием технологии и этики. В эпоху до научно-технической революции люди протестовали против распространения автоматизации ручного труда на заводах, поскольку считали, что машины отбирают у них работу [Доэрти 2019, с. 217]. Сейчас люди с недоверием относятся к нейросетям ровно по той же причине – они проникают в области, ранее безраздельно занятые человеком, и начинают выполнять его работу лучше, чем он сам. Человек, который обретёт цифровое бессмертие, получит неизмеримое преимущество над обычным человеком, что не может не создать предпосылок к социальным конфликтам. Тем не менее, технологическое развитие остановить невозможно, и показать, останется ли способен человек превосходить собственные творения, может только время.

Список литературы

1. Доэрти 2019 – Доэрти П. Человек+машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта. Москва, 2019. 304 с.
2. Курцвейл 2018 – Курцвейл Р. Эволюция разума. Москва, 2018. 352 с.
3. Сёрль 2003 – Сёрль Д. Разум, мозг и программы. Москва, 2003. 7 с.
4. Тьюринг 2016 – Тьюринг А. Может ли машина мыслить? С приложением статьи Дж. Фон Неймана «Общая и логическая теория автоматов». Москва, 2016. 110 с.

УДК 008.2

НЕОБРАТИМЫЙ СКАЧОК СКОРОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ

Оконская Наталья Камильевна

Доктор философских наук, профессор

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

Ермаков Михаил Александрович

Кандидат социологических наук, доцент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

E-mail: sociovampire@mail.ru

Эмпирия со времен Ньютона вплоть до нового постнеклассического типа рациональности давала возможность сколь угодно долго экспериментировать теоретически, не вызывая опасных следствий в мире второй природы. Иное дело – цифровой мир постнеклассического типа рациональности, вызвавший рекурсивную взаимозаменяемость субъектного мира людей и объектно-ориентированной технологии. Полная подчиненность законам физики, химии, биологии на уровне геной инженерии, биочипирования, всех видов вооружения отбрасывает человека на «старые» рубежи полной зависимости от природы. Кажущееся могущество подобно дару царя Мидаса, которое, к счастью, последнему удалось преодолеть через милосердие и смирение. Налицо актуальное сегодня историко-логическое обоснование ценностных пластов развития экономики, науки, социума в целом. Если же цифровая волна технического развития не будет дополнена усилением фундаментальных знаний с определяющим влиянием истины над прагматизмом и нарративным беспределом по отношению к онтологическому смыслу исследований, глобализированное человечество не

сможет предотвратить гибель цивилизации и регрессию биогеоценоза. Состояние вопроса в России: лихие девяностые завершены качественным изменением ценностных и экономических ориентиров, когда моральный упадок защищен глубоким саркофагом правовых и созидательных установок как политического, так и экономического функционирования большинства социальных институтов. Однако постмодернизм идеологии не сдает позиции. Талантливые статьи в статусных журналах способны развратить молодых ученых, добавляя упорядоченности в плюрализм позиций, работающих на оголенной земле якобы внеидеологической популярной эмпирической науки, на нарративном поприще безвременья. Главное заблуждение, если не прямой обман – это критика социальных процессов вне схватывания сути социальных институтов. Сущность любого социального института при формальном описательном подходе теряется. Там, где человек рассматривается отдельно от технологических прорывов, оказывается скрытым качественное различие социального, системного – и частичного, технологического, цифрового, ввиду рекурсивных сближений цифровых компонентов новаций и интересов субъекта, взятых в негативном, обратном ключе, – через разрушение аксиологии субъекта.

Ключевые слова: цифровизация экономики, виртуалистика, классический тип рациональности, постнеклассический тип рациональности, негативная и позитивная рекурсивность субъекта

THE IRREVOCABLE INEXORABLE SURGE IN THE SPEED OF CHANGE OF THE DIGITAL ECONOMY: POSSIBLE CAUSES

Okonskaya Natalia Kamilevna

DSc in Philosophy, Professor

Perm National Research Polytechnic University

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

Ermakov Mikhail Aleksandrovich

CSc in Sociology, Associate Professor

Perm National Research Polytechnic University

E-mail: sociovampire@mail.ru

In the world of second nature empiricism from Newton's time up to the new post-non-classical type of rationality has made it possible to experiment theoretically as long as one wants without causing dangerous consequences. But it is a different matter with the digital world of the post-nonclassical type of rationality, which has caused recursive interchangeability between subjective world and object-oriented technology. Complete subordination to the laws of physics, chemistry, biology at the level of genetic engineering, biochipping, all kinds of weaponry throws man back to the "old" frontiers of complete dependence on nature. The apparent power is like the gift of King Midas, which, fortunately, the latter managed to overcome through mercy and humility. Complete subordination to the laws of physics, chemistry, biology at the level of genetic engineering, biochipping, all kinds of weaponry throws man back to the "old" frontiers of complete dependence on nature. The apparent power is like the gift of King Midas, which, fortunately, the latter managed to overcome through mercy and humility. There is a historical-logical justification for the value layers of economic, scientific and societal development. Unless the digital wave of technological development is complemented by the strengthening of fundamental knowledge with the determining influence of truth over pragmatism and narrative mayhem in relation to the ontological meaning of research, the globalized humanity will not be able to prevent the destruction of civilization and the regression of the biogeocenosis. The state of the matter in Russia: The dashing nineties are completed by a qualitative change in the value and economic reference points, when moral lawlessness is protected by a deep sarcophagus of legal and creative attitudes in both the political and the economic functioning of most social institutions. However, the postmodernism of ideology does not relent. Talented articles in status journals can corrupt young scholars, adding order to the plurality of positions working in the bare ground of supposedly non-ideological popular empirical science, in the narrative terrain of timelessness. The main fallacy, if not outright deception, is to criticize processes without grasping the essence of social institutions. The essence of any social institution, reduced to its form, is lost. Where the individual is viewed separately from technological

breakthroughs, the qualitative distinction between the social, systemic – and partial, technological, digital is erased in a negative reverse way, due to the recursive convergence of the digital components of innovation and the interests of the subject, through the destruction of the subject's axiology.

Keywords: digitalization of economy, virtualism, classical type of rationality, post-non-classical type of rationality, negative and positive recursiveness of the subject

Одной из причин необратимости в сторону регресса и саморазрушения цивилизации и культуры общества может быть недооценка противоположности революционных скачков и деструктивной необратимости процессов в любой системе. Сегодня следует обратить особое внимание на взаимозависимость инноватики в области технологий и направленности развития производительных сил вне связи с этой инноватикой. Главной производительной силой является человек; враса в темпы агрессивных скоростей искусственного интеллекта по производству виртуалистики (искусственно созданной информационной среды), человек может потерять свое сущностное человеческое начало, требующее тонкого культурного совершенствования через социальные институты [Оконская, Стерледева, 2015, с. 49]. В социальных институтах ведущими силами являются коммуникативные объединения людей в группы по интересам и профессиям. В искусственной виртуальной информационной среде быстрое развитие противостоит интересам людей, – их знаниям, традициям, обычаям, индивидуальности. Онтология материальной природной сферы ниже по уровню сложности, но продуктивнее по масштабности развития. Когда человек «играет» на стороне техники, его слияние со второй природой приводит к деградации культурных способностей и потребностей [Оконская, Стерледева, 2015, с. 53].

Экологические катастрофы и ценностные сбои, сопровождающие гражданскую напряженность в кризисные периоды, не случайны именно в силу нарастающей повсеместности и частоте. Одной из причин видится тупиковая рекурсивность субъекта и цифровых технологий, нарастающая из ложно понимаемых ценностей инноватизации, не обеспечиваемых фундаментальным образованием технологических кадров.

О рекурсивности пишут многие исследователи [Аршинов, Лебедев, 2007, с. 9, 10, 17-21; Аршинов, Свирский, 2010, с. 64-85; Хуэй, 2020]. Однако негативная включенность субъекта с потерей целостности и появлением личной зависимости субъекта от технической части производительных сил, – не исследуется напрямую. Тем не менее, скорость развития разрушений в случае вывода культурного потенциала социума из-под регламентирующего контроля социальных институтов образования, международного разделения труда, семьи, искусства может стать необратимой, и взамен ожидаемых революций прогресса наступят откаты во времена разъединенности умственного труда с физическим. Новое рабство, когда господин выбран самим работником, будет той самой победой искусственного интеллекта над разумом, совершенной с подачи разума, преклоняющегося перед технологиями.

Рекурсивность современного типа постнеклассики (включенность субъекта в объект) обостряет противоречия социального мира через самооправдание любой ложной установки субъекта на навязывание своей воли как природе, так и другому субъекту. Современная мифология господства единичного в ущерб общественно значимого не контингентна как результат плохого воспитания: в своей действительности это устойчивый результат деидеологизации общественных связей и прагматистского лобби бизнеса, направленного против метафизики и других фундаментальных знаний, удорожающих рынок труда [Оконская, 2022, с. 115-117].

Последствия разрыва коммуникации единичного-особенного-всеобщего сравнимы по катастрофичности с землетрясениями и даже войнами: единичное, лишенное своей сильной стороны – общего – оказывается беззащитно в саморазвитии по направлению

высших абсолютных ценностей. Автоматически меняется вектор развития, что происходит со скоростью цифровых трансформаций. Когда же цифровые манипуляторы виртуалистики могут использоваться для каждого актора в отдельности, классовый антагонизм оказывается неподвластным суверенной традиционной политике национальных государств, так как индивидуализм в условиях антагонизма угрожает гражданскому миру. Так, можно предположить, что социальные причины войны Севера и Юга в Америке в XIX веке привели бы к необратимым следствиям, если бы в тот исторический период цифровые манипуляторы могли быть взяты на вооружение обеими сторонами гражданской войны. Сегодня в противостояние с Россией вступил запад в союзе с США, – и вновь аналоговое поверхностное описание цифровых рекурсивных практик мифологизирует опасности, скрывая их глубину, отрывая человека от действительности.

Человеческие достижения культуры, ума, образования, абсолютных моральных ценностей в виде заботы, ответственности, любви, игнорируются как неподвластные цифре. Этот процесс не был бы столь пугающим, так как человеческое в силу его наивысшей сложности способно включать в подчиненном себе виде и биологическое, и даже агрессивное физическое..., по законам уровней бытия, строящегося с участием низшего объективно [Оконская, Ермаков, 2016, с. 31]. Однако, как говорит Носов В. А. в “Манифесте виртуалистики”, «для виртуалистики компьютерная виртуальная реальность есть одна из технологий аретеи (практической виртуалистики). Виртуалистика дает возможность адекватного включения технологии компьютерных виртуальных реальностей во все сферы человеческой жизни: воспитание, образование, медицина, политика и проч. Уже сейчас существуют проекты компьютерных программ, аретирующих человека без непосредственного участия аретевта» [Носов, 2001, web].

Уход от подконтрольности низших слоев высшим – это своего рода прямая демократия, но в ее наихудшем виде: не как объективный процесс, а как заблуждение практической экономики, практической политики, практической морали. Исход этих разновидностей социального массового заблуждения способен нарушить меру устойчивости высшего как такового, поскольку непосредственно строится на разрушении коммуникативности, устранении определяющего воздействия общего в единичном. Информация становится не просто инструментом познания, а превращается в черную дыру, возвращающую все системное сложное в рядоположенность составных частей целого. Более простым образом сказанного становится любая диверсия против устойчивости социума, как в виде посягательства на суверенитет ядерной державы, так и в виде попыток вызвать неустойчивость сложившейся системы международного разделения труда, через запреты использования углеводородов.

Соглашаясь с цифровизацией, не ведая законов системной антропоморфности технологий, можно потерять не только темпы развития, но и утратить перспективы прогресса человека на Земле. Глобализация в сторону «большой деревни» [Маклюэн, 2004] наступает как результат цифровизации и т.н. виртуалистики [Носов, 2001, web]. Если, напротив, развитие идет в сторону прогрессивную, то глобализация предполагает бесконечное могущество человека, превосходящее по сложности содержание и физического космоса, и богатства биосферы [Trushkov, Okonskaya, 2014, p. 76]. Рекурсивность как практика участия и критерий истинности познания есть неотъемлемое преимущество субъекта над любой цифрой, цифровизацией, технологией, искусственным интеллектом, который может стать самообрабатываемым лишь через подключение к высококультурным творческим личностям как форме социальности.

Список литературы

1. Аршинов, Лебедев, 2007 – Аршинов В.И., Лебедев М.В. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии // Философские науки. 2007. № 7. С. 9-29.
2. Аршинов, Свирский, 2010 – Аршинов В.И., Свирский Я.И. Рекурсивность постнеклассического субъекта // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. М.: Институт философии, 2010. № 1-2. С. 64-85.
3. Маклюэн, 2004 – Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.
4. Носов, 2001, web – Носов В.А. Манифесте виртуалистики. М.: Путь, 2001. URL: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (дата обращения 01.05.2023)
5. Оконская, 2022 – Оконская Н.К. Технизация образования как недоразвитие человека // Философия и культура информационного общества: Десятая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербург. 2022. С. 115-117.
6. Оконская, Ермаков, 2016 – Оконская Н.К., Ермаков М.А. Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1 (11). С. 26-38.
7. Оконская, Стерледева, 2015 – Оконская Н.К., Стерледева Т.Д. Инженер в современном мире: особенности и перспективы прогрессивного становления // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2015. № 2. С. 48-55.
8. Хуэй, 2020 – Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V-F-C Press, 2020. 400 с.
9. Trushkov, Okonskaya, 2014 – Trushkov Y.Y., Okonskaya N.K. “Dust In The Eyes”. *Converging Technologies // Middle East Journal of Scientific Research*. 2014. Vol. 21. No. 1. P. 76-83.

УДК 101.1:316

ЭВОЛЮЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТОРОВ

Окшин Ярослав Владимирович

Аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

E-mail: iokshin@nes.ru

Российский фондовый рынок существует порядка 30 лет. За это время он прошел многие стадии: от либерализации движения финансовых потоков внутри страны в начале 90-ых годов прошлого века до частичной изоляции от мировых финансовых рынков на текущий момент. Несмотря на то, что основной его функцией является перераспределение избыточных денежно-финансовых активов от населения к корпорациям с целью финансирования их деятельности и, как следствие, создания новых общественных благ, в России так и не удалось сформировать доверие к фондовому рынку, как инструменту накопления, а не спекуляций. Трансформированная англосаксонская модель, на которую наложился процесс приватизации, сформировала фундамент, на котором долгое время базировался российский фондовый рынок. В совокупности с финансовыми пирамидами и экономическим кризисом в России 1998-ого года, это сформировало негативный опыт взаимодействия с фондовым рынком у населения. Однако факторы развития технологий,

формирование нового поколения инвесторов и быстрый доступ к брокерскому обслуживанию приводят к беспрецедентному росту инвестиционной активности населения. Таким образом, короткая история российского фондового рынка, появление новых инвестиционных инструментов, формирование нового поколения инвесторов, создание интерфейсов для быстрого осуществления операций с активами и беспрецедентная для истории современной России геополитическая ситуация формирует условия, в которых за поведением российского частного инвестора крайне интересно наблюдать.

Ключевые слова: Инвестиционное поведение, фондовый рынок, частный инвестор, инвестиционные активы, инвестиционные стратегии, рациональность

EVOLUTION OF BEHAVIOR OF RUSSIAN PRIVATE INVESTORS

Okshin Iaroslav Vladimirovich

Postgraduate

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: iokshin@nes.ru

The Russian stock market has existed for about 30 years. During this time, it has gone through many stages, from the liberalization of financial flows within the country in the early 1990s to partial isolation from global financial markets at the present moment. Despite its main function being the redistribution of surplus monetary and financial assets from the population to corporations for the purpose of financing their activities and creating new public goods, Russia has not been able to establish trust in the stock market as a tool for accumulation, rather than speculation. The transformed Anglo-Saxon model, overlaid with the privatization process, formed the foundation on which the Russian stock market was based for a long time. In combination with financial pyramids and the economic crisis in Russia in 1998, this has created a negative experience of interaction with the stock market among the population. However, factors such as technological development, the emergence of a new generation of investors, and easy access to brokerage services are leading to an unprecedented growth in investment activity among the population. Thus, the short history of the Russian stock market, the emergence of new investment instruments, the formation of a new generation of investors, the creation of interfaces for quick asset operations, and the unprecedented geopolitical situation in modern Russian history create conditions in which it is highly interesting to observe the behavior of Russian private investors.

Keywords: Investment behavior, stock market, private investor, investment assets, investment strategies, rationality

Текущая ситуация, в которой выход российских компаний на зарубежные биржи в краткосрочной перспективе становится невозможным, а уход иностранных инвесторов снижает ликвидность и проваливает котировки российских компаний, лишь закрепляет в сознании общества тезис о несостоятельности российского фондового рынка как инструмента сбережения и заставляет частных инвесторов задумываться о выходе в физические активы (недвижимость, золото, валюта) или же о переходе к альтернативным инвестициям, таким как криптовалюты. По уровню проникновения криптовалют Россия находится в списке стран-лидеров, а уровень регулирования всё еще достаточно слабый, что снижает барьеры входа. Можно с уверенностью сказать, что в текущих реалиях инвесторы будут всё больше смотреть в сторону альтернативных инструментов инвестирования.

Но изучение инвестиционного поведения российского частного инвестора началось задолго до появления криптоактивов как таковых и шло параллельно с развитием российского фондового рынка. Первые серьезные попытки проанализировать поведение российских частных инвесторов можно найти в работах В.В. Радаева, где проанализирован ранний этап формирования инвестиционного поведения российского частного инвестора и поставлены под сомнение выводы экономистов о рациональности поведения отдельного инвестора, а также выводы социальных психологов о подверженности отдельных инвесторов манипуляциям

и неспособности выработать рациональную стратегию финансового поведения. Автор приходит к выводу, что отдельные инвесторы все же способны к рациональному следованию избранной модели поведения, однако элемент нерациональности возникает в следствие «эффектов толпообразования» и задачей эконом-социолога является анализ инвестиционного поведения именно в точке перехода от рационального-индивидуального к нерациональному-толпообразованному. [Радаев 2022, с. 39] Эти выводы хорошо объясняют проблемы, с которыми сталкиваются эконом-социологи и по сей день, в попытках объяснить факторы, влияющие на принятие инвестиционных решений.

Базово существуют две теории на которые опираются многие исследователи инвестиционного поведения частных инвесторов: теория рациональных ожиданий и теория адаптивных ожиданий. Первая теория встречается в работах многих известных экономистов: Джона Мута, Роберта Лукаса, Томаса Сарджента, Кристофера Симса и др. Согласно данной теории, акторы рынка рациональны в принятии инвестиционных решений и учитывают всю полноту рыночной информации. Она возникла в противовес теории адаптивных ожиданий, которая заявляла, что инвесторы склонны переносить прошлую информацию на будущие ожидания.

На базе теории рациональных ожиданий появилась гипотеза об эффективности рынков, согласно которой всякая новая существенная информация находит полное и своевременное отражение в рыночных ценах финансовых активов. Эта теория во многом служит для обоснования пассивных стратегий инвестирования.

Многие авторы сходятся во мнении, что в реальности частные инвесторы не только склонны к эмоциональным действиям на финансовых рынках, но и не способны в полной мере воспринять и интерпретировать рыночную информацию, что в конечном счете ведет к проявлению иррационального поведения. И даже если предположить, что профессиональный инвестор хладнокровен и обладает более полной информацией, его точка зрения носит субъективный характер и может быть ошибочно рационализирована.

В попытках рационализации процесса принятия решений инвесторы часто обращаются к такому инструменту как инвестиционная стратегия. В работах П.П. Кравченко приведены основные стратегии поведения частного инвестора на российском фондовом рынке, а также сделано важное разделение позиций «Инвестора» и «Спекулянта». Основным отличием по мнению автора является горизонт инвестирования и подход к анализу актива. [Кравченко 2000, web] Это позволяет классифицировать инвесторов на основании двух факторов, что в свою очередь делает анализ среднего российского инвестора более осмысленным.

Большое количество выводов о поведении российского частного инвестора можно извлечь из работ Б.Б. Подгорного. Интересно, что в результате компаративного анализа отношения населения США и России к фондовому рынку выявлено, что население в обеих странах обладает низкой финансовой грамотностью несмотря на то, что рынок США более развит. [Подгорный 2016, с. 209] Кроме того, автором была проделана значительная работа по анализу инвестиционного поведения жителей Курской области, где показана важность участия внутренних инвесторов в экономике региона. Исследования служит теоретической базой для создания региональных фондовых рынков как «основной составляющей массового долевого участия населения в развитии российской экономики». [Подгорный 2017, с. 192]

В исследовательской работе Д.Ю. Рогачева проанализированы характеристики финансового поведения российских студентов. В ходе исследования выявлено, что у финансово самостоятельных студентов больше проявляется склонность к инвестиционной деятельности, а также склонность к риску [Рогачев 2021, с. 41],

что может проявляться в выборе альтернативных инвестиций с повышенным коэффициентом риск/доходность. Учитывая, что молодые люди составляют большую часть прироста новых инвесторов за последние несколько лет, это даёт важные вводные для анализа текущей ситуации на российском фондовом рынке и построения прогнозов её развития.

Отношение розничного российского инвестора к возникновению кризисных ситуаций хорошо описано в работе А.В. Полянина. Автор приводит классификацию инвестиционного поведения частных инвесторов в зависимости от внешних событий (состояние глобальной экономики, изменения денежно-кредитной политики, социально-экономической ситуации внутри страны). Кроме того, в исследовании отмечается, что с ростом цифровизации финансовых услуг происходит нивелирование региональной дифференциации в доступе населения к финансовым инструментам, что в совокупности с низкой финансовой грамотностью населения повышает волатильность на российском фондовом рынке. [Полянин 2021, с. 166]

Таким образом, инвестиционное поведение российского частного инвестора представляется актуальной темой для исследования. Несмотря на то, что основой для изучения инвестиционного поведения служит фондовый рынок, на текущий момент существует пласт альтернативных активов, который растет в разрезе числа пользователей и объеме капитализации, что скорее всего лишь усилится на фоне изоляции России от мировой финансовой системы. Степень разработанности данной темы достаточно высока, и в своих работах авторы приводят характеристики поведения частного российского инвестора, классифицируют инвесторов в зависимости от стратегий на рынке, возраста и др. Кроме того ряд авторов рассматривает характеристики инвестиционного поведения в условиях кризиса. Можно сказать, что проблема рассмотрена в контекстах времени, субъектов инвестиционной деятельности и факторов, которые влияют на эти субъекты в определенный промежуток времени. Российский частный инвестор, как и инвесторы в других странах, проявляет определенное поведение при принятии инвестиционных решений. Однако, российский инвестор имеет свои особенности, которые определяются различными факторами влияния, такими как экономическая, социокультурная и политическая обстановка в стране.

Важным фактором в поведении российского частного инвестора является экономическая ситуация в стране. Неопределенность и волатильность на финансовых рынках, инфляция, изменения ставок и курсов валют могут оказывать существенное влияние на инвестиционные решения российских инвесторов. Немаловажным фактором, влияющим на поведение российского частного инвестора, является социокультурная среда. Российская культура и традиции могут оказывать влияние на предпочтения и стереотипы инвесторов. Например, многие российские инвесторы могут отдавать предпочтение инвестициям в отрасли и компании из родных регионов, считая их более надежными и знакомыми. Важным фактором, влияющим на поведение российского частного инвестора, является доступ к информации и финансовой грамотности. Недостаток надежной информации о инвестициях и финансовой грамотности может влиять на решения инвесторов и повышать риски неправильных инвестиций.

В заключение, поведение российского частного инвестора определяется сложным взаимодействием различных факторов, таких как экономическая ситуация, социокультурная среда, политическая обстановка, доступ к информации и финансовая грамотность. Понимание этих особенностей и факторов влияния может помочь лучше понять и прогнозировать поведение российских частных инвесторов.

Список литературы

1. Кравченко 2000 – Кравченко П. П. Стратегия работы на Фондовом рынке РФ // Финансовый менеджмент. – 2000. – №5. URL: <https://finman.ru/articles/2000/0/1562.html> (дата обращения: 10.04.2023)
2. Подгорный 2016 – Подгорный Б. Б. Отношение населения к фондовому рынку – компаративное фактологическое представление // Известия Юго-западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. – 2016. – №. 4-С. – С. 209-217.
3. Подгорный 2017 – Подгорный Б. Б. Население и фондовый рынок: региональные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – №. 2. – С. 192-202.
4. Полянин 2021 – Полянин А. В., Попова О. В., Суровниева К. А. Инвестиционное поведение населения в период глобальной турбулентности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16. – №. 3. – С. 166-182.
5. Радаев 2002 – Радаев В. В. Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – Т. 11. – №. 2. – С. 39-69.
6. Рогачев 2021 – Рогачев Д. Ю. Особенности финансового поведения студенческой молодежи // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 41-52.
7. Холодкова 2000 – Холодкова С. Пирамида — власти / Коммерсантъ-Деньги. 2000, 6 декабря, № 48. С. 21-23

УДК 001; 001.18; 001.81

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДА НА РУТИНИЗИРОВАННЫЕ ПРАКТИКИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ*

Погожина Наталья Николаевна

*Старший преподаватель философского факультета
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: nat60089784@yandex.ru*

В статье приводится анализ проникновения цифровых технологий в разные сферы общественной жизни и трансформация социальных институтов как следствие этого процесса. Автор рассматривает стадии дигитализации социального института науки через распространение влияния информационных технологий на сферу производства и распространения знания. Цифровизация трудовой деятельности ученых приводит к расширению возможностей коммуникации и включению широкого круга агентов, в том числе представителей гражданского общества. Анализируется ряд принципиальных следствий дигитального переворота – изменение структуры труда и появление новых форм неравенства, технологическое замещение труда, сложности с формальным измерением научного успеха (публикационной активности и иных форм научной калькуляции) в связи с развитием инструментов искусственного интеллекта в приложении к работе с текстами.

Ключевые слова: наука, цифровизация труда, технологическое замещение труда, неравенство

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00804 «Наука как коммуникативная система и научная политика в социально-сетевую эпоху».

THE IMPACT OF DIGITAL LABOR TRANSFORMATION ON ROUTINE PRACTICES AND INTERACTIONS IN THE SCIENTIFIC COMMUNITY**

Pogozhina Natalya Nikolaevna
Senior Lecturer, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: nat60089784@yandex.ru

The article provides an analysis of the penetration of digital technologies into different spheres of public life and the transformation of social institutions as a result of this process. The author considers the stages of digitalization of the social institute of science through the dissemination of the influence of information technologies on the field of production and the dissemination of knowledge. The digitalization of the work of scientists leads to the expansion of communication opportunities and the inclusion of a wide range of agents, including representatives of civil society. A number of fundamental consequences of a digital revolution are analyzed – a change in the structure of labor and the emergence of new forms of inequality, technological substitution of labor, difficulties with a formal measurement of scientific success (publication activity and other forms of scientific calculation) in connection with the development of artificial intelligence tools in the application to working with texts.

Keywords: science, digitalization of work, technological substitution of labor, inequality

Возрастающие темпы изменения в рамках повсеместной дигитализации современного общества отражаются в социальной теории необходимостью фундаментального осмысления текущих процессов. Реакция на динамичность данных тенденций фиксировалась некоторыми исследователями как глубокое потрясение и разрыв. Например, феномен «футурошока», представляющийся как определенное социальное и психологическое состояние в связи с невозможностью приспособиться к стремительным изменениям окружающей реальности, страхом перед грядущими переменами [Тоффлер, 2002]. Шок будущего, безусловно, укоренен в технологической стороне развития современной цивилизации. Повсеместное использование определенного технического оснащение порождает то самое нарастание темпов изменений в обществе, к которым многие люди не могут адаптироваться и испытывают перманентный стресс, что приводит к социальной эксклюзии и неолудизму. Современность порождает новые формы неравенства, частным случаем которых выступает цифровой разрыв, и новые специфические слои в стратификационной модели (например, класс прекариата [Стэндинг, 2014]). Такие волатильные классовые формы как прекариат могут таить в себе серьезную опасность. В системе социальных отношений в рамках прекариата нет прежней идентификации по признаку трудовой деятельности. Люди, составляющие прекариат, не имеют социальных гарантий, лишены чувства единства на основе общих трудовых практик, традиций. Зачастую недовольны своим положением и находятся в состоянии аномии, перманентной тревожности. Отчуждение усиливается и возрастает недовольство. В качестве общей характеристики труда можно выделить смещение «трудового» времени – границ, разделяющих рабочее и досуговое время, интенсификацию труда «вне рабочего места» без существенных гарантий карьерного роста. Современный человек тратит больше времени и сил на трудовую деятельность, границы которой крайне размыты, что позволяет появляется феноменам «работы ради работы» и «работы ради воспроизводства» [Стэндинг, 2014, с.63].

В связи с наращиванием технологической составляющей промышленности можно говорить о том, что прежние формы капитализма, фиксируемые, в первую очередь, как

** This article has been prepared for publication with the financial support from Russian Science Foundation, Project № 22-28-00804 «Science as a communicative system and the science policy in the social-network era».

промышленное масштабирование производства по средствам объективации вещного эквивалента капитала, сменяются, так называемым, человеческим (интеллектуальным) капиталом. Необходимо заметить, что интеллектуальный капитал не является тем же, что и труд в классическом представлении о разделении факторов производства. В дигитальных современных обществах мы фиксируем явственную сложность оценки и измерения труда по тем параметрам, которые предлагаются методологией классической политэкономии. В частности, сегодня труд включает в себя информационный и ценностно-кооперативный элемент, они нематериальны, а следовательно, сложно калькулируемы [Горц, 2010]. Переориентация стоимостной характеристики происходит как в рамках произведенных товаров и услуг, так и по линии качества и организации рабочих процессов, мобилизации трудовых ресурсов. Современная организация трудового процесса с необходимостью фундируется на личной мотивации, инициативности, построению коллективной работы, высокой коммуникативной включенности в рабочие процессы, имиджевых параметрах. Эти аспекты позволяют говорить о самопрезентации в процессе труда, иной оптике на человека как субъекта трудовой деятельности. Вышеозначенное формулируется как базовые категории концептуального рассмотрения «общества-знания», однако именно эти параметры выступают серьезными препятствиями в строгом подсчете показателей эффективности и стоимостной характеристики труда. Опора на «знание» как экспертность, уникальный синтез умений, навыков, релевантного опыта, потенциала, коммуникативных характеристик – все это видится крайне широким горизонтом личностных и профессиональных характеристик, которые сложно формализовать, подвергнуть конкретному высчету и редукции к универсальным параметрам.

Ярким примером тому может послужить проблематика, связанная с оценкой научной деятельности. Широкое распространение специальной дисциплины – наукометрии, которая рассматривает научную деятельность через призму статистических показателей ученых и многочисленных измерений их активностей (количества статей, рейтингов журналов, цитируемости и тд.), по-прежнему сталкивается с рядом серьезных критических замечаний. В частности, речь идет о спорности применения некоторых наукометрических методов, например, в отношении гуманитарных наук, в связи со спецификой гуманитарного знания, сложностью оценки и опасностью необъективного подхода, провоцирующего формализме. Работа с текстами мультипликативного характера («публикация ради публикации») – их поиск, отбраковка, ограничения – будет, вероятно, отягощена с развитием «интеллекта» ботов по генерации текстов (ChatGPT и др.).

Говоря о цифровом перевороте производства и, в частности, сферы интеллектуального труда необходимо рассмотреть феномен технологического замещения труда [Коллинз, 2015]. Данный процесс знаменует существенные изменения во многих секторах экономики и демонстрирует новые кризисные вызовы к современному капитализму как таковому. Капиталистический уклад экономических отношений базируется на максимизации прибыли с использованием технологической компоненты как средства интенсификации производства. В современности развитие и внедрение информационных технологий носит шквальный характер, выходит за пределы рационализации процесса производства, представляя собой фактически неограниченный горизонт внедрения технологических субститутов на рынок труда. Безусловно, этот процесс суть капитализма – максимизация прибыли при минимизации затрат, но в современности необходимо учитывать ряд специфических черт, указывающих на технологическое замещение труда как в сфере услуг, так и в дальнейшем – в отраслях высокой сложности и строгой экспертизы в сфере интеллектуального труда.

Одним из выходов из означенных выше кризисных исходов может видится масштабирование рынков, интенсификация размывания национальных границ. Однако в качестве обратного эффекта этого глобального процесса выступает скачок конкуренции на рынке трудовых ресурсов как для среднего класса, так и легкая рокировка низкоквалифицированных работников. Очевидно, что проект глобального общества в современности сложно оценивать как успешный, на смену глобальности приходит дискурс глокальности.

Фиксируя развитие современного капитализма, можно говорить о стадии финансиализации, то есть о сложной многокомпонентной структуре внутрирыночных отношений, которые качественно отличаются своей динамичностью, дублированием метаформата рыночной структуры реальных рынков и мультипликацией финансовых пирамид. Описанная выше структура помогает продуцировать гибридный характер современных капиталистических отношений, однако не отменяет полярности распределения всех ключевых ресурсов финансового сектора в узкой прослойке. Важно также учитывать выход влияния метарынков за пределы сугубо экономических интеракций, данные конструкты современной цифровой экономики оказывают прямое действие на социальную сферу, бытовые и межличностные отношения. Путь обхода технологического замещения труда по средствам расширения административного сектора государственного аппарата, в духе применения практического потенциала кейнсианской доктрины, также не представляется возможным, поскольку эффект технологического замещения труда распространяется также на данную сферу, следовательно искусственное повышения найма не оправдывает себя как инструмент снижения негативных следствий дигитальных изменений в экономике.

Цифровизация практик научного труда и коммуникативного поля интеракций в сфере научной деятельности базируется на череде принципиально значимых социальных трансформаций. Первой из которых является разрушение старых структур научно-политической элиты, которая складывалась вокруг исследований, проводившихся в военное и послевоенное время прошлого столетия [Bartling, Friesike, 2014]. И, по большей части, представляла собой элиту, ядром которой являлось сообщество физиков, занимавшихся важнейшими милитаризированными разработками. Вторым структурным сдвигом выступает формирование исследовательских лабораторий на базе оборонного комплекса, что делает военных относительно независимыми от университетов и приводит к перебоям финансирования. Третий сдвиг – бюрократизация науки, связанная, в первую очередь, с активным развитием фондов, обеспечивающих финансирование научным разработкам и проектам. Это приводит к необходимости ученым самостоятельно искать денежные средства на исследования и реализацию научных проектов. Таким образом, возникает вопрос – кто же на самом деле является «лицом» науки? Ученые как представители этоса и части научного сообщества, индивидуальные исследователи, работа которых стала возможна в связи с технологическим расширением коммуникации, грантодатели, государство, гражданское общество?

Список литературы

1. Горц, 2010 – Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. 208 с.
2. Коллинз, 2015 – Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 61-112.
3. Стэндинг, 2014 – Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. 328 с.
4. Тоффлер, 2022 – Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 259 с.
5. Bartling, Friesike, 2014 – Bartling S., Friesike S., Towards another scientific revolution // Opening Science: The Evolving Guide on How the Internet is Changing Research. 2014. P. 3–15.

МИРОСОСТЕМА И МИРОПОРЯДОК: ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Сирота Наум Михайлович

*Доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического
приборостроения*

E-mail: sirotanm@mail.ru

Мохоров Геннадий Анатольевич

*Доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин*

Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного.

E-mail: g.mohorov@gmail.com

В контексте переходной эпохи анализируется современное состояние миросистемы и мироустройства, рассматриваются тенденции и возможные варианты их трансформации. Показано, что кризисное состояние мирового геополитического устройства обусловлено синергетическим эффектом наложения украинского военно-политического конфликта на множественные глобальные деформации предшествующего периода, утратой функциональности глобальными структурами управления, созданными во второй половине XX века и обозначившими определенные рамки для международных акторов. Главным регулятором мировой политики становится баланс сил противостоящих сторон. Складывающаяся ситуация может быть оценена как эпоха турбулентности с преобладанием нелинейных процессов, резкой сменой трендов, растущей конфликтностью, непредсказуемостью событий, распространением настроений растерянности и тревоги. Опыт предыдущих эпох турбулентности не дает конкретных рекомендаций для преодоления нынешней во многом специфической ситуации. По мнению авторов, архитектуру будущего мира, который находится в процессе трудно предсказуемого становления, образуют миросистема, в которой резко усилится конкуренция акторов, и полицентрический миропорядок с элементами биполярности. Результаты этого процесса во многом будут определяться стратегией и политической волей ключевых международных игроков, имеющимися у них ресурсами. Обосновывается тезис о высокой вероятности революционного сценария завершения тектонических сдвигов на международной арене.

Ключевые слова: миросистема, миропорядок, полицентризм, турбулентность, вызовы международной безопасности, новая биполярность

WORLD SYSTEM AND WORLD ORDER: TRANSFORMATION TRENDS

Naum Mihaylovich Sirota

*Doctor of Political Sciences, Professor of History and Philosophy Department,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation*

E-mail: sirotanm@mail.ru

Gennadiy Anatolievich Mokhorov

*Doctor of Historical Sciences, Professor of Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines Department,
Military Academy of the Signal Corps named after S.M. Budyonny*

E-mail: g.mohorov@gmail.com

In the context of the transitional era, the current state of the world system and world order is analyzed, trends and possible options for their transformation are considered. It is shown that the crisis state of the world geopolitical structure is due to the synergistic effect of the Ukrainian

military-political conflict superimposing on the multiple global deformations of the previous period, the loss of functionality of the global governance structures created in the second half of the 20th century and denoting a certain framework for international actors. The main regulator of world politics is the balance of power of the opposing sides. The current situation can be assessed as an era of turbulence with a predominance of non-linear processes, a sharp change in trends, growing conflict, unpredictability of events, and the spread of confusion and anxiety. The experience of previous eras of turbulence does not provide specific recommendations for overcoming the current, in many respects, specific situation. According to the authors, the architecture of the future world, which is in the process of becoming difficult to predict, is formed by a world system in which the competition of actors will sharply increase, and a polycentric world order with elements of bipolarity. The results of this process will largely be determined by the strategy and political will of the key international players and the resources they have. The thesis about the high probability of a revolutionary scenario for the completion of tectonic shifts in the international arena is substantiated.

Keywords: world system, world order, polycentrism, turbulence, international security challenges, new bipolarity

Мир вступил в длительный этап усиления международной напряженности, неопределенности в перераспределении сил между центрами политического влияния и интеграционной гравитации. В обобщенном виде можно назвать следующие особенности процесса глобальной трансформации миросистемы и мироустройства:

- противоречивое воздействие на мировую политику глобализации как основного фактора, определяющего её современную специфику. Наряду с формированием единого, целостного и универсального социума усиливаются тенденции локализации и фрагментации политического пространства, фиксируемых в таких терминах, как «глокализация» и «фрагментация». Наблюдается оживление националистических и изоляционистских сил, оказывающих сопротивление глобализации как объективному процессу. Модель глобализации с центральной ролью стран Запада теряет эффективность, набирает вес региональное сотрудничество. Пандемия ковида доказала обратимость процесса глобализации в том виде, в котором понималась с 1980 -х гг.;

- повышение значимости Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике и экономике, меняющее конфигурацию миросистемы. При этом взрывное смещение влияния новых центров силы, наблюдавшееся в течение первых полутора десятилетий, скорее всего замедлится. Ведущую роль в изменении баланса сил на международной арене в пользу АТР играют Китай и Индия, отношения между которыми содержат потенциал конфликтности. Существует неопределенность в отношении того, приведёт ли возвышение Азии к ее способности определять ход мировых процессов;

При относительном ослаблении позиций США способны проводить более или менее комплексную многовекторную и мультирегиональную внешнюю политику. Они лидируют по ряду параметров военного потенциала, играют ведущую роль в экономике, финансах, высоких технологиях, энергетике и имеют реальные шансы сохранить её в обозримом будущем.

- нарастающая напряжённость в отношениях между ведущими странами мира и увеличивающаяся вероятность конфронтационного сценария. Оформился разлом мира на две составные части: с одной стороны Запад и Украина, с другой – Китай и Россия. Соперничество между США и Китаем приобретает характер одного из мегатрендов мировой политики и носит порядкообразующий характер.

Напряженность на политическом треке, вылившаяся в 2022 г. в острое противостояние по линии Россия-Запад, по сути, проистекает из хаотичности и незавершенности процесса распада биполярной системы, вызвана кардинальными и политическими переменами в европейском ландшафте, прежде всего расширением НАТО, воспринятым российской стороной как несбалансированное и нарушающее равновесие. Противоречия усилились в связи с событиями 2008 г (Южная Осетия) и

2014 г. (Крым). Видимо, сказалось сохранявшееся мышление в парадигме «сфер влияния» [Россия и мир 2023, с.8-9];

- повышение значимости военной силы в международных отношениях, практически неприменимой на верхнем, глобальном уровне – между великими державами из-за фактора «ядерного сдерживания», ограниченно применимой на уровне средних региональных держав (Иран, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия и т.д.) и широко используемой на более низких уровнях – внутренних противостояний, гражданских войн и субрегиональных конфликтов. Сфера применения «мягкой силы» в её классическом виде резко сокращается;

- неопределённость иерархической структуры в системе международных отношений на статусно-ролевом уровне. Она становится все более многоплановой и подвижной в зависимости от особенностей конкретных сфер – экономической, военно-политической, научно-технической, баланса сил и многих конкретных обстоятельств. Лабильный характер иерархии может быть источником напряженности в различных сегментах мировой системы.

- нарастание глобальной турбулентности, вызванной разнонаправленностью действий акторов, учащающимися социальными и международными конфликтами, распространением настроений растерянности и тревоги, ситуациями хаоса и неопределенности. Наступление эры глобальной турбулентности прогнозировалось известным американским ученым Дж.Розенау в канун распада СССР [Rosenau J.N. 1990, p. 480].

- усиление глобальной конфликтности и снижение её порога, создающих ситуацию «международного беспорядка». Конфликтностью охвачено пространство Евразии, Северной и Экваториальной Африки. Обостряются социальные размежевания внутри стран, в том числе и на почве политизации этничности. Это характерно не только для традиционно нестабильного Юга, но и для относительно благополучных государств Севера (Каталония, Шотландия, Квебек);

Новый тип конфликтов между ведущими странами мира будет стремительно развиваться прежде всего в связи с претензией на захват частично освоенных и практически ничейных сфер деятельности, - акваторий Мирового океана, космоса, виртуальной среды интернета;

- действие разнообразных факторов с колоссальным конфликтным потенциалом: чрезмерная нагрузка на биоресурсы (их «проедание»); растущий дефицит питьевой воды; сокращение плодородных земель для производства сельскохозяйственной продукции; деградация природной среды в результате роста объёма не утилизируемых отходов; масштабное миграционное давление, усиливающее напряжённость в межэтнических отношениях;

- рост числа вызовов и угроз безопасности государств, имеющих экзистенциальный характер и требующих консолидированной реакции разнообразных акторов – от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства великих держав. Возникшие во второй половине XX века угрозы глобального, регионального и национального масштаба дополнились новыми: транснационализация терроризма и организованной преступности, противоправные операции в сфере высоких технологий, киберпреступность и др.. Возродились архаичные угрозы безопасности (работоторговля и морское пиратство). преступности, противоправные операции в сфере высоких технологий, киберпреступность

- снижение управляемости планетарными процессами, вызванное прежде усложнением международно-политического пространства, структурируемым по многомерным алгоритмам;

- кризисное состояние нормативного уровня мировой системы, проявляющееся в разном толковании международных норм и двойных стандартов, что определяет хаотичность в мировой политике;

- дезинтеграция системы и режимов контроля за вооружениями, усугубляемая дефицитом ответственности правящих кругов крупнейших государств. Мир оказался перед угрозой потери уже в ближайшем будущем контроля над самым разрушительным видом оружия в истории человечества – ядерным;

- давление миграционных волн из регионов Ближнего и Среднего Востока. на принимающие страны Запада, актуализирующее вопрос о перспективе национального государства как территории с регламентированным политико-правовым статусом и фундамента легитимности миропорядка. По мнению американского ученого С. Хантингтона, в современном мире именно иммиграция представляет собой важнейшую угрозу общественной безопасности [Хантингтон 2004, с. 284];

- растущее влияние на мировую политику информационного фактора, вызванное технологическими изменениями, ведущими к взрывному росту объемов информации, и демократизацией как мегатрендом глобального уровня;

- незавершенность процесса самоопределения России, понимаемого как выбор эффективной модели внутреннего устройства и нахождение адекватного места в мире. Предстоит сформировать модель интенсивного развития, которая вберёт в себя лучшие из российских ценностей (сильное государство, социальная справедливость, межнациональная толерантность, христианский гуманизм и др.) и выработать новый, приемлемый для России синтез с ценностями универсальными, общечеловеческими.

- образование на пространстве СССР «зоны брожения» и геополитической неопределенности, которую пытаются заполнить внешние акторы. На текущем временном интервале (2022-2023) произошло временное возрождение однополярного мироустройства при доминировании США в проукраинской коалиции государств. В долгосрочной перспективе наиболее вероятным сценарием мировой динамики очевидно явится возникновение сложной многослойной миросистемы с конкурирующими, часто пересекающимися интересами [Mazarr 2017, p. 24-40] и полицентрического миропорядка с элементами биполярности (США-Китай).

Из обсуждаемых вариантов трансформации мироустройства в новый миропорядок – эволюционного и революционного наибольшие шансы для осуществления, на наш взгляд, имеет революционный вариант, сопряженный с тектоническими сдвигами в соотношении и расстановке сил на международной арене, нарастающей волной межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, переформатированием политических пространств.

Нормативное и институциональное закрепление миропорядка прогнозируемо в отдаленной перспективе. Важнейшей детерминантой этого процесса явится баланс сил ключевых игроков. Для нейтрализации вызовов и угроз мировой цивилизации понадобятся новые формы глобальной ответственности международных акторов.

Список литературы

1. Россия и мир 2023 – Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский ; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. – Москва : ИМЭМО РАН, 2022, 130 с
2. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton. 1990. 480 p.
3. Хантингтон 2004 – Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. М.: АСТ, 2004, 635 с.

4. Mazarr 2017 – Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony?
// Foreign Affairs. January-February 2017. January-February. Vol. 96, No 1. P. 34-40.

УДК 140.8

ОТ АНОНИМНОСТИ К АУТЕНТИЧНОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Храмова Лилиана Сергеевна

*Руководитель сектора Азиатско-Тихоокеанского региона Центра Шанхайской организации сотрудничества и набора иностранных студентов, Департамент международного сотрудничества
Сибирский федеральный университет
E-mail: l.yakovleva128@gmail.com*

Персональная идентичность всегда была предметом дискуссий философов, психологов и социологов. Эта концепция, связанная с представлением о себе, находилась и формировалась под влиянием различных социальных, культурных и технологических факторов на протяжении истории человечества. С наступлением цифровой эпохи личность претерпела радикальные изменения. От анонимности к аутентичности в этой статье рассматривается эволюция персональной идентичности в цифровом мире. В цифровую эпоху индивиды сталкиваются с проблемой навигации в мощном и часто подавляющем онлайн-мире, где анонимность достигается легко, а подлинность трудно найти. Интернет коренным образом изменил то, как индивиды коммуницируют, взаимодействуют и представляют себя миру, с появлением социальных сетей и других цифровых платформ понятие персональной идентичности становится все более сложным. Вопрос о том, как анонимность в Интернете способствовала распространению «троллинга», «кибербуллинга» и других злоупотреблений в Интернете, является насущным. Анонимность, обеспечиваемая Интернетом, позволяла индивидам дистанцироваться от их дискурса, а также действий, которые они совершают в сети. На смену анонимности в сети приходит аутентичность, что в свою очередь связано с желанием создать «прозрачные» цифровые сообщества.

Ключевые слова: персональная идентичность, цифровая трансформация, анонимность, аутентичность, интернет, информационное общество

FROM ANONYMITY TO AUTHENTICITY: THE EVOLUTION OF PERSONAL IDENTITY IN THE DIGITAL WORLD

Khramova Liliana Sergeevna

*Head of the Asia-Pacific Region Sector of the Shanghai Cooperation Organization Center and the Recruitment of Foreign Students, Department of International Cooperation
Siberian Federal University
E-mail: l.yakovleva128@gmail.com*

Personal identity has always been the subject of debate among philosophers, psychologists and sociologists. This concept, associated with the idea of oneself, was and was formed under the influence of various social, cultural and technological factors throughout the history of mankind. With the advent of the digital age, the personality has undergone radical changes. From anonymity to authenticity, this article examines the evolution of personal identity in the digital world. In the digital age, individuals face the challenge of navigating a powerful and often overwhelming online world where anonymity is easy to achieve and authenticity hard to find. The Internet has fundamentally changed how individuals communicate, interact and present themselves to the world, with the advent of social networks and other digital platforms, the concept of personal identity has become increasingly complex. The question of how anonymity on the Internet has contributed to the spread of «trolling», «cyberbullying» and other abuses on the Internet is a pressing one. The anonymity provided by the Internet allowed individuals to distance themselves from their

discourse, as well as the actions they take online. Authenticity is replacing anonymity on the web, which in turn is associated with the desire to create «transparent» digital communities..

Keywords: personal identity, digital transformation, anonymity, authenticity, internet, information society

Персональная идентичность была и остается предметом дискуссий философов [Орлова 2010, Труфанова 2021, Finke 2018], психологов [Эриксон 2006], социологов [Brubaker 2000]. Анонимность была отличительной чертой первых дней Интернета. Индивиды могли создавать несколько онлайн-идентификаций, которые можно было использовать для разных целей. Эта анонимность давала ощущение свободы и позволяла индивидам выражать свои мысли, не опасаясь осуждения. Однако по мере того, как Интернет все больше интегрировался в повседневную жизнь, анонимность начала создавать проблемы. Индивиды начали использовать анонимные профили для «троллинга», «кибербуллинга», преследования и распространения дезинформации, что привело к негативным последствиям для отдельных индивидов и общества в целом.

Анонимность в Интернете. Хотя анонимность в сети Интернет может дать индивидам чувство свободы и возможность самовыражения, не опасаясь осуждения или преследования, она также может привести к ощущению «оторванности» от своей персональной идентичности. С философской точки зрения идентичность является существенным аспектом человеческого существования. Это то, что отличает одного человека от другого и формирует то, как индивиды воспринимают окружающий мир и взаимодействуют с ним. Интернет, однако, предоставляет новый «домен», в котором можно создавать и манипулировать своей идентичностью, что ведет к диссоциации от своего истинного «Я». По мнению Е.О. Труфановой, «сетевая идентичность для современного человека – это не самостоятельный, существующий отдельно Я-образ или образы, это продолжение его идентичности, которое не только расширяет часть его существующих в офлайн-мире идентификаций, но и создает новые идентификации, например с определенными онлайн-сообществами» [Труфанова 2021, с. 22].

С одной стороны, анонимность в Интернете может дать индивидам ощущение свободы самовыражения без давления со стороны общества, чтобы они соответствовали определенному образу или ожиданиям. Они могут делиться своими мыслями, мнениями и опытом, не опасаясь негативных последствий или осуждения. Это может привести к более открытому и честному диалогу, поскольку индивиды готовы поделиться своими истинными чувствами, не опасаясь последствий.

С другой стороны, анонимность Интернета также создает пространство, в котором индивиды могут действовать нестандартно и так, как в реальной жизни. Это может привести к опасному поведению, такому как «кибербуллинг» или домогательства в Интернете, поскольку индивиды не несут ответственности за свои действия. Кроме того, анонимность в Интернете может привести к тому, что индивиды «оторвутся» от своей истинной личности, что приведет к потере персональной идентичности, ответственности и самосознания.

Аутентичность в Интернете. Подлинность личности (аутентичность) также стала жизненно важной в цифровом мире. Аутентичное «я» есть проект, осуществленный самим человеком. М. Хайдеггер утверждает, что создание человеком собственного аутентичного «я» есть процесс и результат, возможные только на основе проекта быть собой, в то время как большинство людей не делают себя, потому что они «сделаны» своим социальным окружением [Хайдеггер 1997, с. 158]. Аутентичность особенно актуальна не только в контексте предпринимательства и маркетинга в социальных сетях, где «прозрачность» идентичности бренда стала ключевым фактором в привлечении и удержании клиентов, но и в повседневной жизни индивидов, так как мы наблюдаем процесс, когда страница, профиль пользователя в сети Интернет становится

персональным брендом. Точно так же в личной сфере онлайн-пользователи стремятся аутентифицировать свою личность, делясь в Интернете своим реальным жизненным опытом (нарративом), увлечениями и интересами.

Тем не менее, необходимо учитывать риски цифровой анонимности в возможном злоупотреблении и домогательствах, а также решать проблему аутентичности в онлайн-мире. Поскольку общество продолжает бороться с этими проблемами, важно помнить, что онлайн-мир — это не отдельная вселенная, а отражение современного общества, и поэтому каждый должен помнить о последствиях его цифровой идентичности для окружающих. В ответ на эту проблему платформы социальных сетей и другие веб-сайты начали «поощрять» пользователей связывать свою цифровую идентичность со своей персональной идентичностью в реальном мире. Этот шаг к аутентичности был вызван желанием создать более «подотчетные» и «прозрачные» цифровые сообщества. Связывая свою личную информацию со своим «онлайн-персонажем», индивиды могут создавать более аутентичный и заслуживающий доверия «цифровой след».

Переход к аутентичности также ускорился благодаря технологическим достижениям. Сегодня в современном информационном (цифровом) обществе есть доступ к биометрическим технологиям, таким как распознавание радужной оболочки глаза и лица, которые усложняют создание поддельных онлайн-идентификаций. Кроме того, платформы социальных сетей внедрили меры для проверки учетных записей, что усложняет возможность выдачи себя за других. Однако упор на подлинность также создает новые проблемы, связанные с конфиденциальностью и безопасностью. Поскольку личная информация все чаще используется для создания цифровой идентичности, она становится уязвимой для взлома и кражи данных. Скандал с Cambridge Analytica, в ходе которого данные миллионов пользователей Facebook были собраны без их согласия, подчеркивает риск передачи личной информации сторонним платформам.

В результате цифровой мир создал сложное пространство для эволюции персональной идентичности. Интернет-мир позволил индивидам переосмыслить себя за пределами традиционных схем и социальных структур. Рост цифровых сообществ также дал право голоса маргинализированным группам людей, которые в противном случае могли бы молчать в традиционной коммуникации.

В заключение, эволюция персональной идентичности в цифровом мире прошла путь от анонимности к аутентичности. Анонимность обеспечивала свободу, но также создавала такие проблемы, как «кибербуллинг», преследование и распространение дезинформации. Аутентичность обусловлена стремлением к «прозрачности и подотчетности», но создает новые проблемы, связанные с конфиденциальностью и безопасностью. Поскольку технологии продолжают развиваться, будет интересно посмотреть, как персональная идентичность продолжит трансформироваться в цифровом мире и какое влияние интернет-коммуникация, цифровые технологии, социальные сети окажут на современное общество.

Таким образом, проблема персональной идентичности и чувства свободы, которое приходит с анонимностью в Интернете, является сложной философской проблемой. Хотя это может дать индивидам возможность выразить себя, это также может привести к диссоциации от своего истинного «Я» и потере идентичности. Таким образом, важно найти баланс между свободой выражения мнений и ответственностью за сохранение своей персональной идентичности.

Список литературы

1. Орлова 2010 – Орлова Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. с. 88-111.
2. Труфанова 2021 – Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве:
размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №. 1. с. 14-38.
3. Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ад Маргинем, 1997. 452 с.
4. Эрикссон 2006 – Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. / Пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. д-ра психол. наук А.В. Толстых. М.: Флинта; Прогресс, 2006. 341 с.
5. Brubaker 2000 – Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. P. 1-47.
6. Finke 2018 – Finke P., Sökefeld M. Identity in Anthropology. // The International Encyclopedia of Anthropology. U.S.A: John Wiley & Sons. 2018. P. 3091-3103.

Часть 6. Проблемы политической субъектности науки

УДК 001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

Порус Владимир Натанович

Доктор философских наук, профессор, исследователь

Межрегиональная общественная организация

«Русское общество истории и философии науки»

E-mail: vnporus@hse.ru

Философия науки вбирает в себя тему политической субъектности науки. Чтобы эта тема органически вписалась в круг ее интересов, она должна обрести новое представление о своих собственных границах. Это означает необходимость ее реформирования, путь которого намечен исторической эпистемологией, рассматривающей развитие знания в социально-культурном контексте. Политическая субъектность науки определяется через участие научных сообществ в политических процессах с целью осуществления собственных притязаний науки (достаточное финансирование, оптимизация научной политики властей, рационализация политических процессов и др.). Философия науки выступает фильтром, предохраняющим теоретическое науковедение от засорения суррогатами эпистемологических понятий – «пост-правда», «пост-нормальная наука» и т.п.

Ключевые слова: философия науки, политическая субъектность науки, социально-культурный контекст, «пост-истина», «пост-нормальная наука»

POLITICAL AGENCY OF SCIENCE THTOUGHT A PHILOSOPHY OF SCIENCE PRISM

Porus Vladimir Natanovich

DSc in Philosophy, professor researcher.

Interregional Non-Governmental Organization

«Russian Society for History and Philosophy of Science»

E-mail: vnporus@hse.ru

The philosophy of science incorporates a theme of political agency of science. That this theme integrally fitted into a focus of her interests, it has to determine new own borders. It means need of its reforming which way is planned by the historical epistemology considering development of knowledge in a social-culture context. Political agency of science is defined by participation of scientific communities in political processes for the purpose of implementation of own claims of science (sufficient financing, optimization of scientific policy of the authorities, rationalization of political processes, etc.). The philosophy of science acts as the filter protecting theoretical science of science from contamination by substitutes of epistemological concepts - "post-truth", "post-normal science", etc.

Keywords: philosophy of science, political agency of science, social-culture context, "post-truth", "post-normal science"

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

Разработка темы политической субъектности науки может иметь различные перспективы, в зависимости от того, в какую понятийную сеть она вплетена. Она может интересовать социолога: совместимо ли понятие «политического» с понятием «науки», по крайней мере, в том аспекте, в каком наука играет социальную и культурную роли [Касавин 2020]. Эпистемолог увидит проблему в специфической трактовке «субъектности»: правомерно ли наделять науку свойствами, какими должен обладать субъект действия, не повлечет ли это серьезных изменений в самом понятии «субъектность»? [Косилова 2021]. Политологи, возможно, истолкуют проблему как сигнал о своевременности существенных изменений содержания понятия «политическое» (от К. Шмитта до наших дней) [Шмитт 2016], [Савин 2019].

В то же время, специалист по философии науки может усомниться, стоит ли ему включать эту проблему в область своего рассмотрения, заподозрив, что это могло бы сделать нечеткими ее границы, т.е. изменить представление о том, чем должна заниматься философия науки.

Действительно, еще памятны времена, когда философы науки охраняли свою проблемную область от воздействий на нее «внешних» по отношению к науке факторов, возникающих из социального и культурного контекста (СКК), в котором (всегда конкретно) существует наука, двигаясь по своей исторической траектории. От дихотомии «контекст открытия-контекст оправдания» (Х. Райхенбах) к стратегии демаркационизма (неопозитивисты, К. Поппер и др.), объявившей науку «зоной», отделенной не только от метафизики, но и от всего массива интеллектуальной продукции, не отвечающей критериям научной рациональности, - философия науки, идя по этому пути, сохраняла, как смысловой стержень, требование различать по отношению к науке *должное* и *сущее*, предоставляя *сущее* специальным исследованиям (историческим, социологическим, психологическим и др.), а себе оставляя только *должное*, т.е. разработку критериев, определяющих *научность per se*. Оставив по себе воспоминания, эти времена прошли.

Современная философия науки, продолжая изучать отличительные особенности науки как деятельности по производству знаний и как совокупности результатов этой деятельности, осознала, что этот путь продуктивен, если он выводит за рамки «демаркационизма» и «нормативизма», направляясь к сближению (иногда очень тесному) с историей науки и другими науковедческими дисциплинами. Это означало погружение философии науки в СКК, от которого она уже не могла отгораживаться. Большинство современных философских исследований науки так или иначе связаны с «взаимной диффузией» идей, методов, языковых конструкций различных специальных дисциплин и логико-методологических штудий.

Такое погружение изменило проблемную сферу и горизонт притязаний философии науки. Ей пришлось отказаться от требований универсальности и неизменности критериев научной рациональности и заняться поиском т.н. «гибкой рациональности», т.е. такого определения границ науки, при котором методологический и социально-культурный статус последней исторически изменчив, но в каждый данный период ее развития сохраняет свою определенность для специалистов и неопитов [Порус 2009].

Трудностью, с которой пришлось встретиться «погруженной» в СКК философии науки, была (и остается) проблема фундаментальных ценностей науки – *истинности* и *объективности*. Если научная рациональность испытывает влияние внеученных факторов, то эти ценности утрачивают свою универсальность и зависят от СКК с его исторической изменчивостью. Выход может быть найден через реформу философии науки (и философии познания как таковой), инициированную, в частности, исторической эпистемологией, поднимающей до высшего уровня значение принципа историзма. Ее стержнем является взаимозависимость *историзма*, *истинности* и *объективности*:

выпячивание изменчивости и зависимости научного знания от СКК выхолащивает требование истинности и объективности и ведет к нежелательному релятивизму, но в то же время абсолютизация внеисторического смысла этих ценностей лишает их опоры на реальную динамику науки, без которой они превращаются в схоластические термины [Порус 2021].

Вовлеченность науки в политические процессы - черта ее современного СКК. Но если признать зависимость ее деятельности и ее результатов от детерминации контекстными факторами, то это ставит под вопрос ее основные ценности и критерии научной рациональности. В рамках *нереформированной* философии науки эта трудность выглядит *непреодолимой*. Вероятно, поэтому, якобы заботясь о статусе науки, ее предостерегают от претензий на политическую субъектность, допуская, однако, что при известных обстоятельствах отдельные ученые или научные коллективы участвуют в политической активности, оставляя в стороне свой научный статус, но возвращаются к нему, когда их политические роли уже сыграны. Это выглядит контринтуитивным и неправдоподобным. Напрашивается вывод, что надо менять представления о политической субъектности вообще и науки, в частности. И здесь на первый план выходит философия науки, точнее, потребность в ее реформировании, без которого нельзя было бы решить такую задачу.

Политическую субъектность обычно связывают с борьбой за власть, имея в виду прежде всего власть государственную. И. Т. Касавин смягчает это положение, говоря о «власти по отношению к некоторому фрагменту реальности» [Касавин 2020, с. 11]; это может иметь разные смыслы, в том числе и такой, как у выражений «четвертая власть» (по отношению к СМИ) или «власть над умами», какой обладают лидеры общественных мнений (писатели, политики, поэты – почему бы не ученые и философы?). Являются ли мнения и настроения людей *реальностью* – вопрос интересный, но от него можно отвлечься. Важнее другое – следует ли считать борьбу за *такую* власть политической деятельностью?

Иногда говорят о власти как о самоцели чьих-то действий (разбор таких случаев может иметь интерес для психологов, а то и психиатров). Но чаще власть выступает средством для каких-то иных, иногда корыстных, иногда возвышенно-беззаветных целей. Власть над умами и настроениями – не исключение. Иногда она дает больше желаемых результатов, чем государственная власть, а бывает, что надолго переживает конкретные формы последней. Кроме того, борьба за такую власть может вестись методами, которые (до неразличимости) похожи на политические (пропаганду, неразборчивую конкуренцию с соперниками, выдвижение заманчивых лозунгов и посулов, привлекающих сторонников и т.п.). Рискнет ли кто-то утверждать, что ученые, претендующие на власть над умами хотя бы только своих коллег, используют для этой цели лишь ту аргументацию, которая отмечена истинностью и объективностью «высшей пробы», т.е. является продуктом неоспоримой (а значит, *негибкой!*) научной рациональности? Критикуя подобные предположения, П. Фейерабенд назвал их симптомами «тирании Разума»; опору этой тирании, замечал он, составляют «рационалисты», использующие убежденность в том, что «всем известные успехи порождены деятельностью Разума», для укрепления своей власти и «подавления всего того, что противоречит их интересам» [Фейерабенд 2010, с. 20]. Можно упрекнуть Фейерабенда в педалировании эпатажных формулировок, но нельзя не согласиться с ним в том, что наука «внутри себя» отнюдь не свободна от политических взаимодействий.

Если же говорить о выходе науки во внешнюю по отношению к себе сферу политики, то и здесь деятельность научных сообществ или отдельных ученых может не быть связанной с властными целями, но служить специфическим интересам науки

(например, оптимизации научной политики, доступу к финансированию, поддержке приоритетных исследований и др.). «Именно политические отношения позволяют помыслить политический субъект, а не наоборот» [Рансьер 2006, с. 193]; если согласиться с этим афоризмом Ж. Рансьера, то наука, несомненно, участвует в таких политических отношениях, которые позволяют видеть в ней политическую субъектность.

Отдельная тема, это влияние политики на истинность и объективность научного знания, а также на выбор рациональных критериев принятия теоретических или экспериментальных новаций. В некоторых исследованиях учет этого влияния сопряжен с анализом феноменов «пост-нормальной науки» и «постправды», отталкиваясь от которого С. Фунтович и Дж. Равец даже рискнули прогнозировать некую «демократизацию науки» [Funtowicz & Ravetz, 1993]. Нам уже приходилось указывать на поспешность таких прогнозов [Порус и Бажанов, 2021]: неосторожное их «опрокидывание» на практику могло бы подчинить ее иллюзиям, что опасно не только для самой науки, но и для общества в целом.

Философия науки имеет опыт «укорачивания перспектив» по отношению к суррогатным понятиям, к числу которых, по-видимому, относятся «постправда» и «гражданская наука» (близкая родственница «пост-нормальной науки»). Этот опыт расширяется, и можно сказать, что, вбирая в себя тематику политической субъектности науки, *реформированная* философия науки способна стать незаменимым фильтром, очищающим язык современного науковедения.

Список литературы

1. Funtowicz & Ravetz, 1993 – Funtowicz S., Ravetz, J.R. Science for the Post-Normal Age // Futures. 1993. Vol. 25. P. 735 - 755.
2. Шмитт 2016 – Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
3. Касавин 2020 – Касавин И. Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
4. Косилова 2021 – Косилова Е. В. Парадигмы субъектности. СПб., Алетейя, 2021. 180 с.
5. Порус 2009 – Порус В. Н. Философия науки / Современная западная философия. Энциклопедический словарь. Под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова. М., Культурная революция. 2009. С. 92-96.
6. Порус и Бажанов 2021 – Порус В. Н., Бажанов В. А. Пост-нормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021, Т. 5, № 4. С. 15-33.
7. Порус 2021 – Порус В.Н. Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания // Вопросы философии, 2021. № 5. С. 47–57.
8. Рансьер 2006 – Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
9. Савин 2019 – Савин Н. Ю. Политическая теория и понятие политического // Полития, 2019, Т. 92, № 1. С. 6-21.
10. Фейерабенд 2010 – Фейерабенд П. Прощай Разум! М.: АСТ, Астрель, 2010. 477 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

Бажанов Валентин Александрович

Доктор философских наук, профессор, исследователь

Межрегиональная общественная организация

«Русское общество истории и философии науки»

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

В докладе будет предпринимается попытка осмыслить статус и ареал использования некоторых информационных технологий (прежде всего искусственного интеллекта (ИИ) и технологий больших данных (БД)) в аспекте политической философии науки. Подчеркивается, что потенциал этих информационных технологий задается алгоритмами, которые определяют «машинерию» и пределы применения данных технологий. Показывается действие этих технологий в контексте некоторых политических событий и процессов, например, предвыборных кампаний, инкорпорирование их рекомендаций в политическую риторику и степень влияния на избирателей. Особое внимание уделяется политической аргументации, носящей агрессивный характер, позволяющей говорить о процессе вепонизации (weaponization), об использовании информации как эффективного средства оппозиции политическим конкурентам и оппозиции. Такого рода приложения информационных технологий поднимают вопросы о легальности решений, полученных с их помощью; о том, являются ли они более эффективными по сравнению с решениями, на соображениях качественного порядка, политического опыта и интуиции; какие субъекты (акторы) политического процесса могут получить максимальную выгоду от внедрения в свою практику технологий такого рода.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие данные, вепонизация, политическая деятельность, политическая аргументация

INFORMATION TECHNOLOGIES THROUGH THE LENS OF POLITICAL PHILOSOPHY OF SCIENCE

Bazhanov Valentin Alexandrovich

DSc in Philosophy, professor, researcher

Interregional Non-Governmental Organization

«Russian Society for History and Philosophy of Science»

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

This presentation has the goal to assess the status and some information technologies (first of all, artificial intelligence (AI) and big data technologies (BD)) limits of applications in the political philosophy of science context. It is emphasized that these information technologies traits are largely connected to the algorithms that circle the limits of their applications. We illustrate the shapes of these technologies performance in the context of some political events and processes, such as election campaigns, the incorporation of their recommendations into the political rhetoric, and the degree of influence upon voters. Particular attention paid to aggressive political argumentation, allowing us to talk about the process of weaponization, i.e. the use of information as an effective means of opposition to political rivals and the opposition as a whole. Such applications of information technologies raise questions about the legality of solutions obtained with their involvement; whether they are more effective than solutions based on qualitative analysis, political experience, and intuition; which subjects (actors) of the political process can benefit most from the introduction of this kind of technology into their practice.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

Keywords: artificial intelligence, big data, weaponization, political activity, political argumentation

1. Развитие информационных технологий в последние десятилетия не могло не оказать влияния на различные сферы жизни человека и человечества – коммуникацию, медицину, связь и т.п. Технологии блокчейна, нейронные сети, методы Deep Learning и т.п., предлагают процедуры самообучения, автоматической коррекции ошибок в обработке ИИ громадных по своим объемам массивов эмпирических данных.

Такого рода технологии начали довольно активно использоваться в государственном управлении и в поиске наиболее выгодных решений тех или иных акторов в политических процессах. Актуальность исследований в области ИИ или технологий Big Data (БД) не вызывает сомнений. Соответствующие технологии уже в настоящее время готовы к решению некоторых задач, считающихся творческими. Однако применяемые здесь алгоритмы пока основаны на переборе поиске решений для задач, аналогичных поставленным и, отталкиваясь от этой базы, выработке «среднестатистического» типа решения.

Идея *алгоритмоцентризма* как ключевая установка при осмыслении функционирования ИИ привлекательна в качестве перспективной методологии, задающей основную мелодию эпохи становления господства информационных технологий, но в то же время опасна в плане слепого следования ее предписаниям без должного осознания пределов валидности данной методологии.

В определенном смысле допустимо говорить даже о «*проклятии алгоритмизации*». Алгоритмы, задающие функции ИИ, являются довольно жестко объектно-ориентированными, а, значит применение их к принципиально новым массивам объектов либо невозможно, либо чревато различными сбоями и ошибками. Эти алгоритмы трудно подвергать регулярному и скрупулезному человеческому контролю. Оператор ИИ должен приобрести достаточный опыт работы с системой, но обычно время его обучения строго лимитировано. Если базисные алгоритмы ИИ составлены так, что в них оказываются «вкрапленными» какие-то предрассудки и подсознательные установки программистов, то эти алгоритмы могут выдавать не вполне корректные результаты. Под углом зрения традиционных философских понятий здесь можно говорить о «*трансцендентализме алгоритмического типа*» и необходимости выхода за рамки жесткого «*алгоритмического детерминизма*» на своего рода *метауровень* для того, чтобы оценить и понять перспективы развития ИИ.

Возникают правомерные вопросы о том, в какой мере легальны и/или легитимны решения, принятые на основе «подсказок» со стороны ИИ или технологий БД? Насколько они способны придать политической активности более рациональный характер и сделать ее «продукты» не столько более приемлемыми для людей, сколько более желательными не только для каких-то «избранных» страт общества, а для всего общества в целом?

2. Общезначимого определения понятия «искусственный интеллект» не выработано, да и сколько-нибудь четких критериев того, что считать таковым также не сформулировано, а представления о технологии БД и ее возможностях претерпевают быстрые изменения. Под искусственным интеллектом в широком смысле обычно принято понимать компьютеризованные устройства, которые призваны моделировать нетривиальные когнитивные функции человека.

Достижения современного ИИ таковы, что вполне допустимо утверждение, что в данном случае мы имеем дело едва ли не с «очередной» революцией, которую переживает человечество за последние примерно двести-триста лет. Старт новых преобразований, претендующих на статус революции, обусловленных успехами в области создания ИИ, относится приблизительно к началу XXI столетия. Если

продолжит действовать закон Мура (согласно которому количество транзисторов на единицу площади в интегральных микросхемах удваивается каждые два года), то еще через несколько лет (предположительно к концу десятилетия) количество транзисторов в интегральных микросхемах превысит количество нейронов в мозге человека (порядка 100 миллиардов).

Начало XXI века ознаменовалось «обратной» (имея в виду демократизацию в области коммуникаций) волной, которую иногда называют «дигитальным авторитаризмом» [Wright 2019, p. 24], отчасти, по-видимому, связанным с распространением технологий «БД» и их активным использованием в политических целях. «Искусственный интеллект тихой сапой подавляет демократические тенденции», – считает Акин Юнвер [AkinUnver 2018, p. 1]. Колебательные режимы, как и едва ли не любые лиминальные процессы, часто сопровождаются сменами ритмов преобразований и неоднозначностью последствий.

3. Экспансия ИИ и БД с одной стороны имела безусловно положительные эффекты на процесс управления обществом, но с другой породила множество негативных эффектов в социальной жизни: укрепление тенденций к росту безработицы в результате замены «ручного» труда, снижение уровня конкуренции на рынках труда в силу расширения монополий (типа Amazon, Apple, IBM, Google и т.д.) за счет поглощения ими мелких и даже средних предприятий и, следовательно, претензий на большую долю прибавочного продукта, рост потребления энергии, более пристальное внимание и отслеживание со стороны государства особенностей жизни своих граждан и т.п. В США поддержка правых партий в выборах 2016 г. (когда одержал победу Д. Трамп) была выше в тех штатах, где доля роботизированного труда превосходила средний уровень по стране, причем эта тенденция характерна и для большинства развитых западноевропейских государств, в которых доминирует «экономика знаний» [Gallego, Kurer 2022, p. 471, 473]. Там, где «большие данные (БД)», там и большие, и всё большие деньги для транзакций, которые связаны с технологией блокчейна, обеспечивающей надежность операций не только с валютами, но криптовалютами, и выступающей новым посредником между различными субъектами социальной практики» [Jacobetty, Orton-Johnson 2023, p. 12].

Переход к *дигитальной демократии* в действительности грозит потенциальными фальсификациями результатов электоральных процедур ввиду действия неконтролируемых со стороны общества алгоритмов обработки результатов этих процедур и распространения информации в духе пост-правды, формирования «эхо-камер» и «эхо-пузырей», существенно ограничивающих рациональное восприятие действительности [Бажанов 2022]. «Алгоритмократия» (т.е. сообщества программистов, обслуживающих властные структуры и средства массовой информации) может существенно влиять на траектории общественного развития, что в конечном счете может при определенных условиях привести к политическому режиму, который допустимо обозначить и как «либеральный патернализм» (имея в виду решающую роль государства в контроле общества) или – если говорить об иных его особенностях – «информационный империализм (или колониализм)» [Mann, Daly 2019], который преднамеренно или не преднамеренно подрывает основания веры в достоинства демократии [Kogner 2019, p. 3]. Big Data может эффективно культивировать становление, по терминологии Дж. Оруэлла, феномена Big Brother.

4. Нельзя не обратить внимание на то, что происходит очевидная «вепонизация» (от английского слова weapon – оружие) информационных средств и технологий, да и самой информации [Duberry 2022, p. 158]. Фактически эта разновидность «оружия» предполагает воздействие на человека на уровне подсознания. Между тем информация оказывается обоюдоострым оружием.

Если иметь в виду диапазон потенциального действия «вепонизированной» информации, то нельзя не вспомнить скандал, разразившийся в 2014 г., когда Cambridge Analytica, компания, занимавшаяся составлением психологических портретов различных слоев американских избирателей для политических заказчиков, допустила утечку 87 миллионов персональных данных. Объем утечки данных говорит о масштабах, которые относятся к потенциальному «предметному полю» специально подобранной информации, таргетированно подобранной для продвижения определенных политических платформ.

Экспансия ИИ и БД в то же время открывает невиданные ранее перспективы в управлении общественными процессами. Она 1) возводит их на новый уровень эффективности планирования, реализации и скорости исправления допущенных ошибок и пробелов; 2) уменьшает риски совершить неверные шаги в планировании и получить искаженные оценки результатов последствий принятых решений; 3) подводит к наиболее оптимальным экономическим решениям, которые могут касаться не только всего общества или его отдельных групп граждан, но и быть персонифицированными и т.д.

Вполне естественно, что за последнее десятилетие технологии ИИ и БД нашли широкое применение у различных политических акторов. Так, если в ходе выборов президента США 2008 г. Б. Обама на кампанию с помощью информационных технологий потратил 643 тысячи долларов, то в кампании 2016 г., когда соперничали Д. Трамп от Республиканской и Х. Клинтон от Демократической партии, на агитацию посредством БД была потрачена сумма уже на два порядка больше. Предвыборные кампании Э. Макрона также в значительной степени ориентировались на информацию, полученную с помощью технологий БД.

Таким образом, наиболее предпочтительная и претендующая на эффективность тактика электоральной кампании вырисовывается следующая (имея в виду таргетированное и, прежде всего, психотаргетированное воздействие): во-первых, максимальная мобилизация своих сторонников, стимуляция их прийти к урнам, и, во-вторых, попытка привлечь на свою сторону не определившихся избирателей из «центра» и отчасти противоположного полюса, не придерживающихся крайних позиций в политическом спектре, и также убедить их проголосовать «правильно», а не игнорировать выборы. Процесс привлечения людей на свою сторону и убеждения их в целесообразности определенных ценностей и следовании некоторым установкам – это не линейный, «механический» процесс, а как бы наложение направленного магнитного поля на хаотическое броуновское движение множества взвешенных частиц, когда лишь какая-то их часть способна изменить траекторию в «нужном» направлении под воздействием магнитного поля.

5. При неконтролируемой экспансии информации встают серьезные проблемы с так называемыми фейками (fake-news, ложной информацией), феноменом пост-правды и возможностями хакеров, взламывающих почтовые аккаунты. Иногда раздаются голоса в пользу того, что «техно-тоталитаризм» и «нелиберальная» демократия, не гнушающиеся fake-news, могут подмять под себя реальную демократию [Helbing, Frey, Gigerenzer et al. 2017]. Эта проблема касается не только компьютерной безопасности, но и в более широком плане информационной безопасности как таковой. Гуманитарные ее аспекты оказываются едва ли не напрямую зависимыми от технических возможностей противодействия распространению fake-news.

Решения, демпфирующие негативные действия фейков, хакеров и т.п. должны быть предприняты без промедления, а последствия можно ожидать лишь в некотором, обычно отдаленном, будущем. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с особенностями и границами (в плане осознания важности выводов) общезначимости заключений пост-

нормальной науки, когда решения не терпят отлагательства, они могут иметь весьма серьезные последствия, но будущее носит в высшей степени неопределенный характер, а результаты предпринятых действий можно предсказать только в самом общем плане, если это вообще оказывается возможным.

6. Дальнейшее развитие ИИ и технологий БД продолжится. Поэтому соответствующие методы, связанные с ИИ и технологий БД, будут приобретать всё большую легитимность, а, значит, будет «подтягиваться» и легальная база, регулирующая их применение. Весьма вероятно, что какие-то кластеры социума, которые начинают занимать привилегированное положение уже сейчас, продолжат укрепляться, а какие-то понижать свой статус. Социальный организм не может не претерпевать перманентные изменения. Человечество же в целом получает и в обозримом будущем будет получать несомненные дивиденды от процесса совершенствования ИИ и технологий БД – особенно если будет предложена машинерия, существенно минимизирующая негативные аспекты функционирования ИИ и БД.

Список литературы

1. Wright 2019 – Wright N. Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order: Technological, Political, Global, and Creative Perspectives. Washington DC: Air University press, 2019. 30 p.
2. Akin Unver 2018 – Akin Unver H. Artificial Intelligence, Authoritarianism and Future of Political Systems // Cyber Governance and Digital Democracy. 2018. Issue 9. 23 p.
3. Gallego, Kurer 2022 – Gallego A., Kurer Th. Automation, Digitalization, and Artificial Intelligence in the Workplace: Implications for Political Behavior // Annual Review of Political Science. 2022. Vol. 25. P. 463 – 484.
4. Jacobetty, Orton-Johnson 2023 – Jacobetty P., Orton-Johnson K. Blockchain Imaginaries and Their Metaphors: Organizing Principles in Decentralized and Digital Technologies // Social Epistemology. 2023. Issue 1. P. 1 – 14.
5. Бажанов 2022 – Бажанов В.А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С.152 – 164.
6. Mann, Daly 2019 – Mann M., Daly A. (Big) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism // Television and New Media. 2019. Vol. 20. Issue 4. P. 379 – 395.
7. Korner 2019 – Korner K. Digital Politics. Artificial Intelligence, Big Data and the Future of Democracy. Frankfurt am Main: Deutsche Bank AG, 2019. 16 p.
8. Duberry 2022 – Duberry J. Artificial Intelligence and Democracy: Risks and Promises of AI-Mediated Citizen-Government Relations. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022.
9. Helbing, Frey, Gigerenzer G. et al – 2017 Helbing D., Frey B.S., Gigerenzer G. et al. Will Democracy Survive Big Data and Artificial Intelligence? // Scientific American. 2017. February 25. <https://www.scientificamerican.com/article/will-democracy-survive-big-data-and-artificial-intelligence/> (дата обращения: 18.02.2023).

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ В СВЕТЕ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Жарков Евгений Александрович

Исследователь

*Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: flash45@yandex.ru*

В работе обсуждается проблематика политической субъектности науки в контексте такого практического и исследовательского направления, как научная дипломатия. При этом подчеркивается, что тематика политической субъектности науки актуализирует, в общем смысле, экстерналистский аспект исследований науки. Продемонстрировано, что основные концептуальные измерения научной дипломатии, обсуждаемые современными исследователями (наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии), оказываются в весьма сложном и неоднозначном сопряжении с вопросами идентификации явных форм реализации искомой субъектности. Автор приходит к выводу, что, в сравнении с двумя другими, измерение «наука для дипломатии» оказывается наиболее подходящим кандидатом на обладание статусом политической субъектности науки. В рамках апелляции к исследованиям В. С. Пронских показано, что в качестве конкретного примера здесь может выступать проект, сыгравший определенную роль в самой истории развития институции Мега-Науки (1970-ые гг.). В данном проекте план совместных экспериментов советских и американских физиков был реализован благодаря ряду волевых решений научных администраторов, позволивших преодолеть значительные бюрократические и экономические препятствия. Более того, инструментальный аспект, связанный с разработкой и созданием ускорителей элементарных частиц, имел в указанном примере значение в рамках более общего внешнеполитического контекста.

Ключевые слова: политическая субъектность науки, мега-наука, научная дипломатия, фундаментальное, инструментальное, научное сотрудничество

PECULIARITIES OF THE POLITICAL AGENCY OF SCIENCE IN THE LIGHT OF SCIENTIFIC DIPLOMACY

Zharkov Evgeniy Alexandrovich

Researcher

*Interregional Non-Governmental Organization
«Russian Society for History and Philosophy of Science»
E-mail: flash45@yandex.ru*

The article discusses the problems of the political agency of science in the context of such a practical and research direction as scientific diplomacy. At the same time, it is emphasized that the theme of the political agency of science actualizes, in a general sense, the externalist aspect of science research. It is shown that the main conceptual dimensions of scientific diplomacy discussed by modern researchers (science in diplomacy, diplomacy for science, science for diplomacy) are in a very complex and ambiguous relationship with the identification of explicit forms of implementation of the desired agency. The author comes to the conclusion that, in comparison with the other two, the “science for diplomacy” dimension is the most suitable candidate for having the status of the political agency of science. As part of the appeal to the research of V. S. Pronskikh, it is shown that a project that played a certain role in the history of the development of the Mega-Science institution (1970s) can serve as a specific example. In this project, the plan of joint

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

experiments of Soviet and American physicists was implemented thanks to a number of strong-willed decisions of scientific administrators, which made it possible to overcome significant bureaucratic and economic obstacles. Moreover, the instrumental aspect associated with the development and creation of elementary particle accelerators was important in this example within a more general foreign policy context.

Keywords: political agency of science, mega-science, scientific diplomacy, fundamental, instrumental, scientific cooperation

В результате обращения к проблематике политической субъектности науки [Порус, Бажанов, 2021; Масланов, 2021; Шибаршина, 2022] возникает характерное впечатление, заключающееся в том, что подобная проблематика, по-видимому, выводит нас на исследования науки в экстерналистском рассмотрении. Данное впечатление не кажется особенно удивительным, если мы говорим о науке, или о типе науки, называемой фундаментальной.

В этой связи заметим, что, уже на более детальном уровне, конкретные науки, дисциплины, принадлежащие к подобному типу, оказываются внутри себя весьма разнообразными. К ним может быть причислена как физика элементарных частиц, представленная в настоящее время международными научными коллаборациями и обширной научно-исследовательской инфраструктурой, так и, например, попытки решения различных нерешенных математических проблем. Несмотря на эпистемические и социо-эпистемические отличия приведенных примеров, следует иметь в виду, что собственно фундаментальность обусловлена здесь целью достижения самоценной научной истины. Вместе с тем, аспект фундаментальности, присущий физике элементарных частиц, оказывается отнюдь не единственным. В этой связи интересно обратиться к некоторым историческим особенностям становления самой институции *Mega Science*.

Интересно что, в течение так называемого «периода разрядки» – потепления отношений между СССР и США в 1970-ые гг. имел место пример тесного научного сотрудничества советских и американских физиков [Пронских, 2019]. При этом, реализация соответствующего проекта была обусловлена не только научными, эпистемическими интересами, но и оказалось связанной с политическими аспектами. Как демонстрирует В. С. Пронских, план совместных экспериментов по исследованию дифракции протонов с использованием сверхзвуковой газовой мишени, разработанной советскими физиками (ОИЯИ) – на американском ускорителе (Национальная ускорительная лаборатория) был воплощен в действительности благодаря ряду волевых политических решений научных администраторов, позволивших преодолеть значительные бюрократические и экономические препятствия. В этой связи автор подчеркивает, что в те времена ускорители были передовой технической сферой, в которой сотрудничество между СССР и США поощрялось, и, кроме того, в предшествовавшие годы возникали идеи об их потенциальных военных применениях [ibid, 18–22].

С одной стороны, в свете обозначенного «ореола фундаментальности» физики элементарных частиц, подобная ситуация может показаться несколько своеобразной: дифракция протонов как физическое явление оказывается, в некотором смысле, «встроенной» в геополитический контекст. С другой стороны, если вспомнить классификацию ученых, предложенную П. Галисоном в ходе его исследований эволюции физики элементарных частиц в 20-ом столетии, а именно – их разделение на теоретиков, экспериментаторов и инструменталистов, рассматриваемая ситуация не представляется особенно удивительной. В этом случае процесс дифракции протонов, как соответствующую эпистемическую основу, следует отнести к теоретико-экспериментальной части. Создание же ускорителей относится к «ведомству

инструменталистов», и, что важно, именно в связи с этим осуществляется сопряжение с политическими моментами.

Обратим внимание, что в классификации Галисона на первом месте располагаются теоретики, и это, в той или иной форме, подчеркивает роль теории как наивысшей формы знания. Апеллируя к метафоре «власти и влияния» можно говорить, что «экспериментальное» и «инструментальное» подчинено в данном случае теории как некой верховной «властной сущности». Но, вместе с тем, понятно – речь здесь идет о власти «эпистемического характера».

Далее, интересно отметить, что проблематика политической субъектности науки соприкасается здесь с таким известным практическим и исследовательским направлением, как научная дипломатия. Как подчеркивают исследователи, в данной области существует множество вопросов, связанных с потенциальным «переплетением» и взаимовлиянием науки и политики. Согласно положениям, разработанным известными научными сообществами, проблематика научной дипломатии в настоящее время предполагает три ключевых измерения: (1) наука в дипломатии – выработка рекомендаций для достижения целей внешней политики, (2) дипломатия для науки – упрощение процесса международного научного сотрудничества, (3) наука для дипломатии – использование научных альянсов в целях улучшения отношений между странами [Крынжина, 2018, с. 194].

Представленные концептуальные измерения и предлагают многочисленные поводы для обсуждений. Мы, в свою очередь, полагаем, что на них полезно взглянуть в свете проблемы поиска явных форм реализации политической субъектности науки. Естественно, в рамках настоящих тезисов мы не имеем возможности детального рассмотрения, но, надеемся, удастся обозначить некоторые ключевые моменты.

Первый пункт – «наука в дипломатии», заключается в потенциальном политическом приложении некоторого разработанного научными экспертами знания. Краеугольный момент в данном случае заключается в понятии «рекомендации». С одной стороны, оно говорит о возможном влиянии науки, научного знания на принятие некоторого политически значимого решения, с другой же стороны, подчеркивает, что, все-таки, последнее слово остается не за учеными. Таким образом, реализация политической субъектности науки в явной и полноценной форме здесь, по-видимому, не наблюдается.

Второй пункт – «дипломатия для науки», касается участия политических акторов (министерств, фондов, комиссий и т. п.) в инфраструктурном развитии определенной научной области, характерным примером которого может служить строительство установок *Mega Science* [Блинов, Талагаева, 2014; Крынжина, 2018, с. 201]. Некоторая степень реализации политической субъектности науки, на наш взгляд, заключается здесь, во-первых, в том, что ученые, как акторы, непосредственно вовлеченные в процессы переговоров и обсуждений, оказываются причастными к решениям относительно ассигнований средств, выделяемых на исследования и инфраструктуру, на возможное определение ролей стран-участниц научных коллабораций. Мы полагаем, данный аспект политической субъектности обладает своего рода «интерналистским характером» (уточним: поскольку действия ученых касаются продвижения своей институции внутри политико-экономического пространства «внешнего мира»). Во-вторых, политический аспект «дипломатии для науки» актуализируется в связи с тем, что участие определенного государства в международной коллаборации является показателем национального престижа, но вместе с тем, думается, что данный аспект не следует рассматривать в качестве явной формы реализации политической субъектности науки.

Третий пункт – «наука для дипломатии» представляется нам, в сравнении с другими, наиболее подходящим кандидатом на обладание статусом политической субъектности науки. В отличие от первого измерения – «науки в дипломатии», в этом случае, по-видимому, предполагается более явное «политическое действие» науки. На наш взгляд, здесь разумно апеллировать к уже приведенному примеру, описываемому В. С. Пронских. Подчеркнём, в нем не идет речь о Мега-Науке в ее современном понимании, поскольку в те времена соответствующая институция была еще на относительно ранней стадии институционального развития (Proto-Megascience) [Пронских, 2019, с. 17–18]. И, кроме того, аспект национального престижа участия стран в коллаборациях не обладал сильным значением.

Следует заострить внимание на том, что инструментальный аспект, связанный с тематикой ускорителей, имеет в рассматриваемом примере главенствующую роль в реализации совместного проекта ученых двух стран, полезного, в свою очередь, и в рамках более общего политического (внешнеполитического) контекста. Возникает даже некоторый соблазн назвать данный проект «научно-политическим» или «политико-научным». Подобная «амбивалентность» в формулировках и выражает характерные трудности в расстановке акцентов. И, снова, подчеркнем, данные трудности указывают на сложности идентификации политической субъектности науки в явной форме, на сложности демаркации «внутреннего» и «внешнего мира» науки.

Список литературы

1. Блинов, Талагаева 2014 – Блинов А. Н., Талагаева Д. А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 1 (72). С. 174-183.
2. Крынжина 2018 – Крынжина М. Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // *Международные процессы*. 2018. Т. 16, № 4 (55). С. 193-208.
3. Масланов 2021 – Масланов Е. В. Может ли наука, не борясь за власть, быть политическим субъектом? // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5, № 4. С. 44-56.
4. Порус, Бажанов 2021 – Порус В. Н., Бажанов В. А. Перспективы политизации научного знания в аспекте постнормальной науки: краткие итоги и перспективы продолжения дискуссии // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5, № 4. С. 78-82.
5. Пронских 2019 – Пронских В. С. Proto-Megascience. Перевод интересов в зоне обмена // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2019. Т. 2, № 2. С. 16-28.
6. Шибаршина 2022 – Шибаршина С. В. К проблеме власти ученых в научных и техно-утопиях (на примере романов "бегство земли" и "пари трансгуманистов") // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 4. С. 309-326.

NON-HUMAN АКТОРЫ И НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА****Масланов Евгений Валерьевич****Кандидат философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»,
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

В статье анализируются особенности конструирования научной политики. Она имеет два контура формирования. Первый – внешний. В нем происходит согласование интересов исследователей и других социальных акторов. В этом случае исследователи формируют представление о том, какие результаты в принципе могут быть достигнуты. Вторые же отбирают из них наиболее важные для общества. Внутренний контур связан с формированием исследовательской повестки. Именно в нем создается пространство выбора с которым работают на внешнем контуре науки. Для внутреннего контура принципиальную роль играют non-human акторы. Исследователи выступают переводчиками. Только они могут донести «интересы» non-human акторов до других агентов взаимодействия. Именно в процессе репрезентации интересов различных акторов и формируется пространство научного-политического выбора. Поэтому non-human акторы являются важным элементом научной политики, хотя их влияние и заметно лишь при анализе внутреннего контура ее формирования. В результате одни non-human акторы лучше репрезентированы по сравнению с другими. Поэтому взаимодействие с ними может быть приоритетными для формирования научной политики. Асимметрия в репрезентации non-human акторов может приводить к возможной недооценке рисков.

Ключевые слова: наука, научная политика, внутренний контур науки, внешний контур науки, non-human акторы

NON-HUMAN ACTORS AND SCIENCE POLICY***Maslanov Evgeniy Valerevich****CSc in Philosophy, researcher
Interregional Non-Governmental Organization
«Russian Society for History and Philosophy of Science»
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

The article analyzes the features of the construction of scientific policy. It has two contours of formation. The first is external. In it, the interests of researchers and other social actors are coordinated. In this case, the former form an idea of what results, in principle, can be achieved. The latter select from them the most important for society. Internal counter is associated with the formation of the research agenda. It is in it that the space of choice is created, with which they work on the outer contour of science. For the inner loop, non-human actors play a fundamental role. Researchers act as translators. Only they can convey the "interests" of non-human actors to other agents of interaction. It is in the process of representing the interests of various actors that the space for scientific and political choice is formed. Therefore, non-human actors are an important element of science policy, although their influence is noticeable only when analyzing the inner contour of its formation. As a result, certain non-human actors are better represented than others. Therefore, interaction with them can be a priority for the formation of scientific policy. Asymmetry in the representation of non-human actors can lead to possible underestimation of risks.

Keywords: science, science policy, internally contour of science, externally contour of science, non-human actors

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

В развитии современного общества наука играет особую роль. Она создает технологии, которые могут использоваться различными социальными агентами. Технологические решения – один из ключевых элементов существования и развития современного общества. Их создание становится не просто хаотичным процессом по поиску новых оригинальных решений, а целенаправленной деятельностью, которая подлежит планированию. Крупные транснациональные корпорации имеют собственные центры исследования и разработок, которые занимаются как прикладными исследованиями, так и работают над фундаментальными проблемами. Государства формируют собственную научно-исследовательскую повестку, которая предполагает приоритетное финансирование различных исследовательских направлений. Поэтому особую актуальность принимает рассмотрение вопроса о специфике формирования научной политики.

Обычно предполагается, что разработка и реализация научной политики связаны с согласованием интересов различных акторов: государства, бизнеса, общественных организаций, ученых, потребителей технологических решений, лиц, на которых влияет реализация проектов и других агентов. При этом можно выделить два ее уровня соответствующих внешнему и внутреннему контуру науки. Внешний контур науки как раз и связан с взаимодействием ученых с другими акторами. В этом случае научная политика воспринимается нами более-менее привычно. Все указанные акторы согласовывают собственные интересы и формируют возможную исследовательскую повестку важную для них. Она может быть отражена в государственных документах, программах государственных и частных научных фондов, затрагивать интересы общества и бизнеса. Казалось бы, благодаря этому инструментарию можно оказывать влияние на развитие исследований. Поддержка одних направлений и игнорирование других может влиять на их популярность, рекрутирование новых исследователей и формирование позитивного образа различных научных направлений. Однако не менее важным становится рассмотрение формирования научной политики на внутреннем контуре.

Внутренний контур науки связан с познавательной деятельностью, осуществляемой исследователями с целью получения новых знаний, технологических инноваций и других результатов. В этом случае научная политика может рассматриваться не только и не столько как стремление согласовать собственные интересы с внешними по отношению к познавательной деятельности акторами, но и сформировать и поддержать собственное исследовательское поле. Именно оно и будет представлено на суд внешних акторов для формирования целостной научной политики. Но в этом случае сами интересы ученых приобретают особую характеристику. Частично они становятся опорными элементами будущих научно-исследовательских проектов. С одной стороны, конечно, можно согласиться с тем, что общество может формировать для ученых запрос на проведение исследований. Однако именно ученые становятся акторами способными заявить о принципиальной важности будущих научных результатов, возможности или не возможности достижения поставленных задач. К примеру, отдельные корпорации могут быть заинтересованы в создании вечного двигателя, но ни одна научная команда не согласится работать над подобной научной задачей. Ведь в этом случае она должна будет отказаться от своего научного статуса. При этом именно ученые могут рассказать о возможных преимуществах, например, управляемого термоядерного синтеза и необходимости выделения финансов на реализацию проекта ИТЕР. Таким образом, ученые определяют границы реализуемости научных проектов, а поэтому и возможные ориентиры для выстраивания научной политики.

Подобное положение ученых позволяет говорить об их особой политической субъектности в рамках научной политики. Конечно, можно согласиться с тем, что, как пишет А.Ф. Яковлева, «сегодня под воздействием ряда социально-политических факторов все распространеннее ситуация, когда в научных исследованиях интерес определяется не свободным научным поиском, а степенью востребованности проблематики на рынке, оправданностью его нужности и будущей эффективности» [Яковлева 2018, web]. Однако, все равно именно ученые определяют границы поля возможного научного поиска, да и ориентиры научной политики и самого поля подобного политического. Правда, они формируют и еще одну особенность политического в научной политике.

Научная политика отличается от иных форм политического тем, что для ее реализации необходимо обращение к еще одному набору акторов. В рамках такого направления как STS показано, что научные исследования сталкиваются не только с влиянием внешних по отношению к науке акторов, но и с проблемами внутри самого научного поиска. Связано это с тем, что ученым приходится взаимодействовать с набором объектов, которые в некоторых случаях могут выступать не просто как пассивные реципиенты воздействия, но и как активные субъекты действия, у которых есть собственные интересы [Латур 2014]. Конечно, они не похожи на артикулированные интересы различных социальных групп. Они не представлены в рамках четкой программы, с которой можно ознакомиться. С этими субъектами нельзя вступить в словесные дискуссии. Но при этом их активное воздействие может приводить как к исследовательским успехам, так и к исследовательским поражениям. Это non-human акторы. Они оказывают огромное влияние на проведение исследований. Ведь не поняв как можно с ними взаимодействовать исследователи не смогут получить никакого результата. Именно эта особенность и говорить о том, что они обладают собственными «интересами». Они могут отвечать на вопросы, которые ученые им задают, а могут их игнорировать, действовать согласно представлениям ученых или иначе.

Non-human акторы формируют еще одно особое пространство в рамках внутренней научной политики. Именно с ними ученые должны достигнуть компромисса, чтобы быть способными сформировать собственные исследовательские интересы и определить поле возможностей для согласования интересов с другими социальными акторами. Но в этом случае научная политика оказывается связана с одной интересной особенностью взаимодействия исследователей и non-human акторов. Первые выступают переводчиками, способными наладить взаимодействие между вторыми и людьми. В этом случае они формируют своеобразное пространство согласования деятельности и интересов между ними. Делают это они за счет того, что могут взаимодействовать с представителями двух миров. Условно мира «Природы», который представляют non-human акторы, и миром «Социального», который представляют другие человеческие акторы. За счет этого они формируют своеобразное новое пространство политического на границе «Природы» и «Социального».

Типичным примером подобной ситуации выступает описание использования, например, таких non-human акторов как «лежащие полицейские». Они важный агент, влияющий на поведение людей. Конечно, сложно согласиться с тем, что у них есть собственные интересы, это просто определенная неровность на дороге, которая хоть сама и действует, но ей лишь делегированы полномочия по уменьшению скорости автомобилей. Однако, другим примером может являться излучение, которое мы получаем в процессе медицинских исследований, например, делаем флюорографию. Оно обладает собственным «интересом» - оно действует на нас. Делая эту процедуру слишком часто, мы можем получить определенную дозу радиации, которая может оказать влияние на качество нашей жизни. Но важным становится то, что о подобном

«воздействию» мы можем узнать только благодаря исследователям. Именно предоставляя информацию, сообщая об интересах non-human акторов или, наоборот, умалчивая о них, исследователи сами конструируют новое пространство политического. Их результаты могут сообщить нам о том, что формируются новые проблемы, которые нам стоит решать сообща или наоборот, мы уже решили какие-то задачи и поэтому можно уменьшить наш пыл. Поэтому деятельность ученых с одной стороны выдвигает на передний план различные группы non-human акторов, а с другой стороны, часть из них может отодвигать на второй план. Эта ситуация создает определенную асимметрию, когда от интересов исследовательского сообщества может зависеть то каким образом нами будет увидена определенная проблема, какие приоритеты будут сформированы в процессе разработки научной политики, а какие будут отодвинуты на второй план.

Список литературы

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
2. Яковлева А. Ф. Современная наука и «дух» капитализма // Полилог. 2018. Т. 2. № 2. DOI: 10.18254/S0000046-2-1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000046-2-1/> (дата 25.03.2023)

УДК 167.7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Тухватулина Лиана Анваровна

*Кандидат философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»,
E-mail: Spero-meliora@bk.ru*

Статья посвящена осмыслению взаимосвязи между нарастающей политической субъектностью науки и процессом демократизации экспертизы. Обсуждаются риски политизации научных исследований в условиях расширения участия ученых в экспертном сопровождении процесса принятия политических решений. Рассматривается скептический тезис о невозможности политической нейтральности науки, а также о научном консенсусе как результате «политической борьбы» внутри науки. Обосновывается тезис о роли гуманитарной критики экспертизы. Технократический подход к решению общественно-политических проблем примитивизирует политическую жизнь общества, как бы отменяя необходимость в дискуссиях о ценностях, целях и задачах, а также приемлемых рисках, которые и составляют суть демократического процесса. Преодоление негативных следствий технократического подхода связывается с большей институциональной открытостью экспертизы и включением более широкого круга заинтересованных сторон в процесс разработки общественно-значимых решений.

Ключевые слова: постнормальная наука, демократизация, экспертиза, политическая субъектность науки, postpositivism

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

POLITICAL AGENCY OF SCIENCE AND DEMOCRATIZATION OF EXPERTISE

Tukhvatulina Liana Anvarovna

CSc in Philisophy, researcher

Interregional Non-Governmental Organization

«Russian Society for History and Philosophy of Science»

E-mail: Spero-meliora@bk.ru

The article is devoted to understanding the relationship between the growing political subjectivity of science and the process of democratization of expertise. The risks of politicization of scientific research are discussed in the context of increased participation of scientists in expert support of the political decision-making process. The skeptical thesis about the impossibility of the political neutrality of science, as well as the scientific consensus as a result of the "political struggle" within science is considered. The thesis about the role of humanitarian criticism of expertise is substantiated. The technocratic approach to solving social and political problems primitives the political life of society, as if canceling the need for discussions about values, goals and objectives, as well as acceptable risks, which are the essence of the democratic process. Overcoming the negative consequences of the technocratic approach is associated with greater institutional openness of expertise and the inclusion of a wider range of stakeholders in the process of developing socially significant decisions.

Keywords: post-normal science, democratization, expertise, political agency of science, postpositivism

Осмысление политической субъектности современной науки предполагает постановку вопросов о том, как именно проявляется эта субъектность и не приводит ли она к политизации науки. Основной формой проявления политической субъектности науки можно считать нарастающую включенность ученых в экспертное консультирование, их влияние на процесс разработки политических решений. В этой связи о политической субъектности науки можно говорить лишь в метафорическом смысле, поскольку участие в экспертизе не предполагает реальной борьбы ученых за власть и формальное положение внутри политической иерархии. Однако и такая опосредованная включенность науки в общественно-политический процесс вызывает обеспокоенность некоторых исследователей (Порус, Бажанов, 2021) и заставляет говорить о рисках политизации науки. Под политизацией в данном случае можно понимать прямое административное или финансово-экономическое ограничительное воздействие на ученых с целью контроля над производством и результатами научных исследований. Основной эпистемический риск, связанный с политизацией, состоит в утрате автономии как основополагающей ценностной предпосылки научной рациональности. По-видимому, условием сохранения автономии (на уровне основополагающих научно-исследовательских решений: что изучать? Как изучать? Для чего изучать?) является самоограничение, которое должно принять экспертное сообщество ученых. Такое самоограничение состоит в стремлении свести экспертное участие к агрегации научного консенсуса по проблеме и расширить возможности для общественно-политической дискуссии о последствиях принимаемых решений. Преимуществом такого подхода может стать снижение морального и политического давления на экспертов, а также – как ни парадоксально – укрепление доверия к научной экспертизе (поскольку недоверие зачастую связывается именно с политической ангажированностью ученых). В целом, такое ограничение дает возможность вовлечь в экспертное обсуждение все заинтересованные стороны, препятствуя тем самым «приватизации» публичной сферы; 3) позволяет агрегировать распределенное знание; 4) дает возможность для дистрибуции ответственности среди более широкого круга участников, поддерживая тем самым демократический дух в сообществе [Тухватулина, 2021].

Однако необходимо признать, что сама идея о политической нейтральности «чистой» науки многими исследователями рассматривается лишь в качестве позитивистской мифологемы. Так, STS (по крайней мере, по версии С. Фуллера) не оставляет возможности всерьез говорить о научной объективности как эпистемической позиции, обеспечивающей доступ к вещам в их метафизической незамутненности. Этот отказ, в первую очередь, связан с тем, что именно в рамках STS-исследований была раскрыта природа науки как феномена постистины. В этой перспективе наука лишается права на признание когнитивного верховенства по отношению ко всем остальным формам познавательной практики. Здесь «наука – то, что образуется, когда опубликована научная статья, а не то, что обеспечило публикацию этой статьи, поскольку реализующийся ход исследований всегда открыт для множества противоборствующих интерпретаций» [Фуллер, 2021, с. 113]. В свою очередь, научный консенсус является результатом волевого решения о приостановке научных споров и «фабрикации» коллегиального согласия. Волонтаристский характер решений о том, что считается валидированным научным знанием, определяется «политической борьбой» внутри науки. При этом основной ресурс в этой борьбе, определяемый категориями «компетенция» и «экспертиза», также не может рассматриваться в качестве однозначного основания для решающего слова в научной дискуссии, «поскольку их [компетенций и экспертизы – *Л.Т.*] условия определяются силовой динамикой, устанавливающейся между специфическими коалициями заинтересованных сторон» [там же]. Любопытно, что в этой связи функцией публичных интеллектуалов и исследователей-гуманитариев становится компенсация такого рода «дисбаланса» в системе получения и валидации научного знания. Критика внутренней политики академии обретает важное значение для преодоления догматизма и сохранения «целостной интеллектуальной экологии».

Как представляется, гуманитарная критика действительно необходима в условиях расширения сферы реализации политической субъектности науки. Технократический подход к решению общественно-политических проблем примитивизирует политическую жизнь общества, как бы отменяя необходимость в дискуссиях о ценностях, целях и задачах, а также приемлемых рисках, которые и составляют суть демократического процесса. В свою очередь, ценой тактической эффективности принимаемых решений оказывается инфантилизация общества, которое отвыкает от ответственности за собственную судьбу, отдавая ее в руки экспертов. При этом использование естественно-научных исследований в качестве основания политических решений, несомненно, может быть крайне эффективным. Опыт пандемии коронавируса показал, что союз политики и науки особенно прочен в экстремальных обстоятельствах, когда необходимы незамедлительные экспертные решения. Однако рутинизация такого подхода остается крайне нежелательной.

Следует признать, что одним из следствий гегемонии технократического подхода становится и распространение недоверия науке. Взаимное дистанцирование элит и обывателей, замыкание процесса принятия решений в узком кругу посвященных, непрозрачность экспертизы как политической процедуры приводят к утрате доверия не только представителям власти, но и ученым. При этом нарастающее недоверие эксперты склонны объяснять невежеством, необразованностью и легковерием обывателей, не уделяя при этом достаточного внимания ответственности интеллектуальных элит. Между тем, симптомы кризиса легитимности науки в определенных кругах можно рассматривать как следствие расширения политической субъектности науки. В условиях современного мира политические решения, основанные на экспертных рекомендациях ученых, все чаще затрагивают частную жизнь обывателей, при этом участие граждан в обсуждении этих решений остается минимальным, воспроизводство доверия

существенно затрудняется. В свою очередь, притягательность альтернативных официальной науке систем знания (псевдо- и антинаучных течений) может быть объяснена не спонтанным кризисом рационализма, а нежеланием элит преодолеть институциональную закрытость процесса принятия решений.

Необходимость в более открытой коммуникации между всеми заинтересованными участниками экспертизы предполагает ее демократизацию. В рамках такого поворота интеллектуальное сообщество вынуждено будет отказаться от одностороннего «просветительского» подхода к коммуникации, ограничить собственные притязания на стремление возвысить обывателя над самим собой, обратить его к истине и расширить мировоззренческие горизонты. Подобный подход имеет свои ограничения, вызывая неприятие в рядах тех, кто не склонен доверять институционально изолированным элитам. Обыватель в этой новой модели коммуникации может рассматриваться как правомочный участник экспертизы, носитель локального знания, заинтересованный в максимально эффективном решении проблемы. Этот поворот отражает одну из важных черт постнормальной науки, возникающей в русле постпозитивистской критики научной рациональности. Сегодня эти черты заметны в тех областях, где результаты научной деятельности имеют прямое влияние на жизни людей вовне науки. При этом затронет ли подобная трансформация и иные, более изолированные от внешней аудитории области научной практики, пока совсем не очевидно.

Список литературы

1. Фуллер, 2021 – Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М.: ВШЭ, 2021. 368 с.
2. Порус, Бажанов, 2021 – Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5 № 4. С. 15–33.
3. Тухватулина, 2021 – Тухватулина Л.А. Нормативная модель политически нейтральной экспертизы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. №4. С. 57–64.

УДК 001.9; 177

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АНТИСЦИЕНТИСТСКИХ МОТИВОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОП-КУЛЬТУРЫ*

Шибаршина Светлана Викторовна

*Кандидат философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: sv-shibarshina@philosophy.unn.ru*

Рассмотрение науки как политического субъекта предполагает в числе прочего исследование проблемы социокультурной реакции общества на ее политические притязания. Вполне естественным представляется изучение аргументов против власти науки и технологий, которые в данной работе выявляются, во-первых, на примере антисциентизма и, во-вторых, с обращением к стереотипным образам ученых в поп-культуре. Как известно,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

с XX века научно-технологические утопии начинают все чаще вытесняться антиутопиями в том числе в связи с разрушительными последствиями мировых войн и тоталитарных режимов. Вкупе данные факторы спровоцировали более пессимистическое отношение к научно-технологическому прогрессу как благу и даже усиливающийся страх перед наукой, вплоть до фобий и алармизма. Аналогично дело обстоит с восприятием технократии. Несмотря на растущую популярность трансгуманизма и постоянную активную пропаганду научного знания (движение популяризации науки, популярного понимания научного знания и т.п.), в поп-культуре, включая фильмы и телесериалы, остаются актуальными антиутопические сценарии и образы злых/безумных ученых. В данной работе выявляются мотивы и аргументы против власти науки и технологий через призму антисциентизма, а также рассматриваются некоторые базовые причины этого.

Ключевые слова: наука и технологии, политическая субъектность науки, антисциентизм, технофобия, поп-культура, стереотипы ученых

ANALYSIS OF SOME ANTI-SCIENTIST MOTIVES IN POP CULTURE

Shibarshina Svetlana Viktorovna

CSc in Philosophy, researcher

Interregional Non-Governmental Organization

«Russian Society for History and Philosophy of Science»

E-mail: sv-shibarshina@philosophy.unn.ru

The consideration of science as a political agent implies, among other things, the study of the socio-cultural reaction to its political claims. It seems quite natural to study the arguments against the power of science and technology, which in this paper are described, firstly, on the example of anti-scientism and, secondly, with an appeal to the stereotypical images of scientists in pop culture. As known, since the 20th century, scientific and technological utopias have increasingly been replaced by anti-utopias, in many ways as a result of the destructive consequences caused by the world wars and totalitarian regimes. Together, these factors stimulated a more pessimistic attitude towards the benefits of the scientific and technological progress and even provoked a growing fear of science, up to phobias and alarmism. The situation is similar with the perception of technocracy. Despite the growing popularity of transhumanism and the constant active promotion of scientific knowledge (popularization of science, popular understanding of scientific knowledge, etc.), in pop culture, including films and television series, dystopian scenarios and images of evil / mad scientists are still very popular. This paper identifies the motives and arguments against the socio-political power of science and technology, and examines some of the underlying reasons for this.

Keywords: science and technology, political agency of science, anti-scientism, technophobia, pop culture, stereotypes of scientists

Заметим, что широкое проникновение науки на все уровни общественного сознания и, как следствие, «обсуждение ее проблем» становятся нормой современной социальной коммуникации, открывая «слоновую башню» для публики. В общественном сознании в значительной степени сложился некий абстрактный образ науки, что отражается в том числе в продуктах массовой культуры. Ученый предстает в восприятии многих людей либо в виде благородного искателя научных истин, либо, напротив, в образе опасного фанатика, злодея, олицетворяющего собой «реальную угрозу, которую несет с собой наука, вмешиваясь в самые потаенные сферы жизнедеятельности и сознания человека» [Миронов 1997, с. 4], либо в образе сухого рационалиста, «бесчувственного ботаника» [Шибаршина 2020]. Обсуждение результатов научно-технического прогресса становится предметом острых дискуссий в современной культуре, включая проблему дегуманизации культуры как следствие развития области науки и технологий. Одним из направлений, предлагающим собственное видение данной проблемы, является антисциентизм – особая социокультурная ценностная установка [Там же], сконцентрировавшая в себе различные аргументы против науки и техники, научно-рационального постижения

действительности, научно-технического преобразования окружающего мира и человека, экспансии научного оптимизма и сциентизма.

Одним из элементов антисциентизма является утверждение о том, что наука и техника/технологии не способствуют духовно-нравственному развитию человечества. Критики науки порой повторяют утверждение Ж.-Ж. Руссо, который связал происхождение науки с человеческими пороками (например, физика – «из праздного любопытства») [Руссо 1998, с. 37]. Позже М. Вебер вслед за Л.Н. Толстым будет утверждать, что наука едва ли содействовала духовно-нравственному росту человечества: напротив, рационализация и интеллектуализация с их непоколебимой убежденностью во всевластии технических сфер и расчета производят «расколдовывание» мира и вытесняют «высшие благороднейшие ценности» прочь из общественной сферы [Вебер 1990, с. 733-734].

Казалось бы, всегда – во времена Руссо, Толстого и Вебера, да и сегодня – можно возразить аргументом о том, что научное познание способствует развитию ума, расширению кругозора, созданию величественной картины мира. Однако речь идет о романтическом представлении об ученом, характерном для XVII-XIX вв.: ученый здесь «побуждается только внутренним познавательным интересом и ... стремится к созданию чего-то высокого и прекрасного [Никифоров 2021, с. 125]. Сформировавшись в сложный социальный институт и обретя характер распределенной социальной деятельности, наука превратилась в технонауку – «науку массового производства научно-технического знания», «повседневную и рутинную практику» [Масланов, Долматов 2021, с. 116]. Конечно, не везде и не во всем это так, но в целом картина соответствует.

Страх перед наукой-техникой является другим значимым элементом антисциентизма. Этот подход в метафорически-художественной форме был представлен в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), представляющем сюжет об ученом, открытия которого губительны для человечества [Воробьева 2018, с. 55]. Мировые войны XX в. нанесли удар по положительным образам ученых, в то время как стереотипы злодеев и безумцев стали более популярными – во многом благодаря осознанию потенциальной разрушительной мощи науки и техники. В массовой культуре сталкиваются два стереотипа: (1) смесь «злого» ученого с «безумным» и (2) «благородный» ученый, причем нередко уже в политическом контексте, например, в борьбе со злодеями-учеными Третьего рейха [Haynes 2003, p. 246]. Хотелось бы отметить, что в советской культуре дело со стереотипами ученых обстояло несколько иначе. Образы «благородных» ученых были типичны для советской массовой культуры, в частности, научной фантастики. Это, однако, не означает, что популярность «злодеев» и «безумцев» обошла ее стороной. Яркими примерами являются: инженер Петр Гарин («Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого), Людвиг Штирнер («Властелин мира» А. Беляева) и др. [Шибаршина 2020, с. 57]. Образ злого/безумного ученого до сих пор эксплуатируется в поп-культуре. Спекуляция на популярности извечной темы противостояния добра и зла вряд ли может полностью и удовлетворительно объяснить этот феномен. Относительно современных фильмов и сериалов, обыгрывающих популярные стереотипы ученых вокруг темы коллайдеров, ускорителей, антиматерии и т.д., К. Ларсен, например, справедливо отмечает, что «поп-культура может только спекулировать на людских страхах по поводу ускорителей частиц» [Larsen 2019, p. 48]. Способствуют этому эсхатологические ожидания, теории заговора.

В этом же смысловом поле находится технофобия, подстегиваемая ускоряющимся темпом технологизации. Рассмотрение последствий инновационных трансформаций социума в процессе внедрения научных достижений центрировано в исследованиях как западной, так и отечественной социально-философской мысли. Еще в 1960-е гг.

У. Огборн предложил идею культурного отставания, согласно которой культурные ценности и нормы меняются гораздо медленнее, чем совершается технический прогресс [Ogburn 1964]. Правда, Огборн оговаривался, что культурное запаздывание, если не влияет на устойчивость социокультурной модели, не воспринимается как угроза. В наше время научно-технологический рост ломает казавшиеся устойчивыми социокультурные модели восприятия многих жизненных сфер (например, биотехнологии меняют традиционные представления о деторождении, материнском возрасте, а информационные технологии – о коммуникации и т.д.). Темпы многих изменений более не ограничиваются жизнью одного поколения, и индивиду все сложнее адаптироваться к множющимся инновациям. «Такие перемены в соотношении старого и нового воздействуют подобно электрическому разряду, на привычки, убеждения и самовосприятие миллионов людей. Никогда в предыдущей истории это соотношение не изменялось так радикально за столь краткое мгновение времени», - писал Э. Тоффлер [Тоффлер 2002, с. 36].

Если умеренный антисциентизм связан с описанием и оценкой тех или иных отрицательных аспектов научного развития, то радикальные направления доходят до утверждения невозможности развития науки без негативных последствий для общества – вплоть до порабощения масс и управления людьми посредством науки-техники. Последним будут близки антиутопии в духе Дж. Оруэлла, Р. Брэдли, О. Хаксли и других авторов, живописующие общества, в которых слились наука-техника и полный контроль над всеми сферами жизни людей. В результате ряд радикальных антисциентистов могут отрицать науку как важнейшее средство прогресса общества.

Неприятие общества, чье функционирование основано на науке-технике и научном мировоззрении, связано также с восприятием науки (под которой многие имеют в виду прежде всего естествознание, точные и технические науки) как области беспристрастно-рационального, даже бесчувственного, детерминированного, лишеного свободы и полноты бытия. Неслучайно одним из популярных образов ученых в культуре является «ботаник». Последний часто изображается с неразвитыми социальными навыками, лишенным чуткости и способности сопереживания; при этом он стремится все рационализировать. Примерами являются: физик-ядерщик Дмитрий Гусев (кинофильм «Девять дней одного года»), буквально одержимый наукой, жертвующий ради нее собственным здоровьем и отношениями с близкими; Шелдон Купер из популярного американского телесериала «Теория Большого взрыва», который из-за любви к порядку даже разработал различные документы, регламентирующие его отношения с другими людьми, включая жену [Шибаршина 2020, с. 56-57].

Жизненно важным элементом становится комплексная оценка последствий научного и технического прогресса, осуществляемая представителями разных областей научного знания и заинтересованной общественности. Однако создание такой экспертизы сегодня осложнено социальной ангажированностью науки, ее глубокой коммерциализацией [Воробьева 2018, с. 57]. Когда общественность обнаруживает, что наука – не панацея от всех бед, и, более того, на научную деятельность оказывают влияние социальные, политические, культурные и пр. ценности, она может решить, что не только ученые, но и обычные люди «имеют право на собственное мнение по всем вопросам» [Kitcher 2011, p. 20]. Ситуация осложняется увеличивающимся разочарованием части общественности в науке, преобладанием в культуре постмодернистских и релятивистских представлений о научном знании и отсутствием общепринятых критериев научности.

Философским базисом антисциентистских концепций является установка на приоритет аксиологии перед рациональным постижением мира, которое не может решить ни проблем общественного развития, ни тем более проблем внутренней

сущности человека [Миронов 1997, с. 49]. В центре подобных аксиологических построений могут быть самые разнообразные системы, фиксирующие в себе общечеловеческие ценности, будь то философия, творчество, религия или что-то другое. Рискнем предположить, что современная антисциентистская критика также включает мнение о том, что сегодняшняя наука перестала быть связана с какими-то высокими идеями, как это было, например, в русском космизме, научной фантастике И. Ефремова, пронизанной идеей прекрасного, совершенного и его связи с биологическим и социальным началами в человеке; в трудах А. Пуанкаре и т.д.

Возвращаясь к проблеме политической субъектности науки, отметим, что ее становление неизбежно включает диалог с общественностью, требующий не только эффективной популяризации научного знания, но и понимание специфики различных социальных акторов, их мотиваций, установок и даже предубеждений.

Список литературы

1. Вебер 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
2. Воробьева 2018 – Воробьева С.В. Эпистемологические угрозы: антисциентистская концепция в современной культуре // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11 (55). С. 54-58.
3. Масланов, Долматов 2021 – Масланов Е.В., Долматов А.В. Научное призвание в эпоху технонауки // Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия: коллективная монография / Научн. ред. и сост. Е.В. Вострикова, И.Т. Касавин. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 115-118.
4. Миронов 1997 – Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М.: Гуманитарий, 1997.
5. Никифоров 2021 – Никифоров А.Л. Изменение природы научной деятельности в современном обществе // Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия: коллективная монография / Научн. ред. и сост. Е.В. Вострикова, И.Т. Касавин. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 119-127.
6. Руссо 1998 – Руссо Ж.-Ж. Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 22-50.
7. Тоффлер 2002 – Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. 557 с.
8. Шибаршина 2020 – Шибаршина С.В. Визуальные образы ученых и апгрейд социальных ценностей // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 50-64.
9. Haynes 2003 – Haynes R. From alchemy to artificial intelligence: stereotypes of the scientist in Western literature // Public Understanding of Science. 2003. Vol. 12. No. 3. P. 243-253.
10. Kitcher 2011 – Kitcher P. Science in a Democratic Society. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 2011. 270 p.
11. Larsen 2019 – Larsen K. Particle Panic!: How Popular Media and Popularized Science Feed Public Fears of Particle Accelerator Experiments. Cham: Springer, 2019. 194 p.
12. Ogburn 1964 – Ogburn W. F. On Culture and Social Change / ed. by O.D. Duncan. Chicago: University of Chicago Press, 1964. 384 p.

Часть 7. Модель вихревой динамики развития история науки и техники: pro et contra

УДК 001.8

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ИСТОРИИ И СТРОЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Батури́н Ю́рий Михаи́лович

Член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН

E-mail: baturin@ihst.ru

Исходя из тезиса о том, что турбулентный характер истории обусловлен воздействиями со стороны человека, как ее участника, и влиянием законов природы, формулируются основы теории турбулентной истории. В соответствии с общепринятой парадигмой время рассматривается как подсистема пространства-времени. Время от пространства отличает сдвиг «настоящего». Ставится вопрос о строении времени. Именно в строении времени ищется связь турбулентности и истории. Дается краткий обзор физических теорий времени и отмечается их основное отличие от исторического подхода к времени. Подчеркивается, что обычно время изучается и описывается с позиции наблюдателя, находящегося во времени (внутреннего наблюдателя). Показывается, что с позиции внешнего наблюдателя время выглядит многомерным. В простейшем случае двумерное время характеризуется двумя осями – хронологической (линейным континуумом мгновений) и темпоральной, описывающей свойства времени. Демонстрируется связь событий и времени. Оно заполнено событиями так же, как пространство заполнено материей и энергией. Перечисляются первичные факторы турбулентности истории: винтообразность и энантиоморфность неодномерного времени, «весомость» событий, которые создают кривизну времени.

Ключевые слова: турбулентность, история, время, теория, хронология, темпоральность

THE TURBULENCE OF HISTORY AND THE STRUCTURE OF TIME

Yury M. Baturin

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, senior researcher

Vavilov Institute for the History of Science and Technology

of the Russian Academy of Sciences

E-mail: baturin@ihst.ru

Proceeding from the thesis that the turbulent nature of history is caused by the influences of man, as its participant, and the influence of the laws of nature, the foundations of the theory of turbulent history are formulated. In accordance with the conventional paradigm, time is regarded as a subsystem of space-time. Time is distinguished from space by the shift of "present". The question of time structure is raised. It is in the structure of time that the connection between turbulence and history is sought. A brief review of physical theories of time is given and their main difference from historical approach to time is noted. It is emphasized that usually time is studied and described from the position of an observer situated in time (inner observer). It is shown that from the position of an external observer time looks multidimensional. In the simplest case two-dimensional time is characterized by two axes - chronological (a linear continuum of instants) and temporal, describing the properties of time. The connection between events and time is demonstrated. It is filled with events in the same way as space is filled with matter and energy. The primary factors of turbulence in history are enumerated: screwiness and enantiomorphism of non-dimensional time and "weightiness" of events that create the curvature of time.

Keywords: turbulence, history, time, theory, chronology, temporality

Русский историк В.О.Ключевский более века назад отметил турбулентный характер Истории (хотя, конечно, не пользовался этим термином). Он писал, что мы упрощаем суть дела, «сводя исторические явления к причинам и следствиям, придаем исторической жизни вид отчетливого, разумно-сознательного планомерного процесса, забывая, что в ней участвуют две силы, которым чужды эти логические определения – общество и внешняя природа» [Ключевский 2010, с. 635]. Именно подчиняющаяся своим законам Природа «делает исторический процесс похожим на движение щепки, брошенной в волнообразно текущий поток: разве здесь есть место для причинной связи и можно ли признать причиной движения щепки ту волну, на хребте которой мы ее видим в данное мгновение и которая сейчас же исчезнет, сменясь другою, сейчас же возникшей?» [Ключевский 2010, с. 635].

Поиск связи турбулентности и Истории следует начинать с понятия «время». «Время должно обладать строением», – утверждал академик В.И. Вернадский [Вернадский 2013а, с. 231].

Ньютоновская концепция абсолютного времени, не связанного с содержащимися в ней событиями, долго доминировала над концепцией Лейбница о времени, возникающем из этих событий. В рамках ньютоновских представлений время сохраняет свое абсолютное, независимое от наблюдателя значение и определяет согласованность событий. В специальной теории относительности время перестает быть абсолютным, а одновременность событий и мера времени оказались зависимы от скорости системы, с которой связан наблюдатель. В общей теории относительности в дело вступает гравитация: время течет тем медленнее, чем больше масса окружающей среды. В физических теориях различают время обратимое, однородное (теория относительности и квантовая механика) и необратимое, направленное время (термодинамика). Оба понятия коренным образом отличаются от того, что понимают под временем общественные науки. Общественные науки разделяют мир на три состояния – прошлое, настоящее и будущее и описывают отношения между событиями. Но какова связь между событиями и временем? Является ли время вместилищем, включающим все события или время оказывается результатом взаимодействия событий?

Если рассматривать пространство-время как систему, время оказывается его подсистемой, а история представляется нам как некоторая временная последовательность событий, определяющих меняющееся состояние мира. Мы воспринимаем время, находясь внутри него. Мы – внутренние наблюдатели. Полное описание системы невозможно без выхода вовне. Из времени можно выйти только через «настоящее», через состояние «быть», через «присутствие», в котором возникают и закрываются по мере сдвига «настоящего» актуальные «окна», соединяющие «внутри» и «вне» одномерного времени. За ними обнаруживается более, чем одно измерение времени. Этот удивительный факт предвидел В.И. Вернадский: «Ход времени неизбежно будет выражаться векторами. Это не будет линейное выражение времени, как иногда говорят, – это будет векториальное его выражение» [Вернадский 2013а, с. 236].

Сдвиг «настоящего» определяет уникальный временной порядок (темпоральность), охватывающий прошлое и будущее для каждого отдельного момента. В каждый момент ландшафт времени на карте темпоральности изменяется. На обновленных картах меняется темпоральная «расцветка», в то время как хронологическая карта временных состояний мира остается неизменной. Все карты отображают один ландшафт, но демонстрируют разные свойства одного и того же момента. Это множество карт, однако, можно спроецировать на одномерную ось времени, на линейный континуум моментов, сохраняющих свое настоящее, прошлое и будущее на хронологической оси. Эта ось лишь номинально отличается от пространственных измерений. Такая проекция нейтральна в отношении свойств

времени. Без них время становится пространственно-подобной осью, содержащей лишь хронологический порядок событий [Franck 1994, p. 68–69].

Ландшафты времени (карты) – показывают нам свойства времени. Одно из свойств, буквально угаданная В.И. Вернадским, – энантиоморфность времени. Энантиоморфизм – (от *греч.* ἐναντίος – противоположный и μορφή – форма) – свойство объекта существовать в модификациях, являющихся зеркальными отражениями друг друга, правой и левой. Конечно, это свойство времени становится понятным только в темпоральном пространстве («Видеть энантиоморфность векторов времени мы не умеем» [Вернадский 2013в, с. 418]). Но в этом и гениальность В.И. Вернадского, предсказавшего винтовое течение времени – правостороннее или левостороннее.

Уже сам факт винтового течения времени создает турбулентность, а когда сюда добавляется зеркальное противовращение, возникает турбулентность более сложная, поскольку, как справедливо отметил В.И. Вернадский, «движение вправо и движение влево вокруг вектора [времени] может быть фактически различно» [Вернадский 2013б, с. 231].

Турбулентность создает исторические импульсы, рождающие события. В.И. Вернадский использует динамическое представление А. Бергсона о «жизненном порыве» (*élan vital*), говоря о динамике времени. Именно «жизненный порыв» (исторический импульс) рождает событие. «Время заполнено событиями столь же реально, как пространство заполнено материей и энергией» [Вернадский 2013, с. 54–55].

Дополнительная турбулентность является следствием такого свойства каждого отдельного события как «весомость», которая создает кривизну времени, аналогично тому как общая теория относительности предполагает, что кривизна пространства-времени зависит от массы материи. «Весомость» события в настоящем – достаточно наглядное понятие, описывающее степень его влияния на другие события. «Весомость» же в прошлом – это историческая значимость события. И чем более оно исторически значимо, тем большую турбулентность истории оно создает.

Список литературы

1. Вернадский 2013 – Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Собр. Соч. в 24 т. Т. 10. Научная мысль как планетное явление / Под ред. акад. Э.И. Галимова. М.: «Наука», 2013. С. 7–162.
2. Вернадский 2013а – Вернадский В.И. О жизненном (биологическом) времени // Вернадский В.И. Собр. Соч. в 24 т. Т. 10. С. 163–236.
3. Вернадский 2013б – Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Вернадский В.И. Собр. Соч. в 24 т. Т. 10. С. 257–283.
4. Вернадский 2013в – Вернадский В.И. Время // Вернадский В.И. Собр. Соч. в 24 т. Т. 10. С. 415–420.
5. Ключевский 2010 – Ключевский В.О. Дневник. 1903 г., 25 февраля // Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. Ключевский В.О. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
6. Franck 1994 – Franck G. Physical Time and Intrinsic Temporality // Inside Versus Outside / Atmanspacher H., Dalenoort G.J. (Eds.). Berlin, Springer-Verlag, 1994. P. 63–84.

МОДЕЛЬ ВИХРЕВОЙ ДИНАМИКИ В ОПТИКЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Вишняков Даниил Алексеевич

Младший научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники РАН

E-mail: kustoprav@yandex.ru

В докладе представлены основные этапы развития социологии науки и техники в социальной теории второй половины XX века. Обозначены теоретические истоки ключевых эпистемологических и методологических принципов, изменивших представления социальных ученых об устройстве научного знания в контексте философии и истории науки. Рассмотрены основные положения различных теорий и подходов, разработанных рядом теоретиков (Латур, Вулгар, Каллон, Кнорр-Цетина, Пинч). Даны краткие характеристики каждой концепции, на основе которых были выделены основные идеи акторно-сетевой теории. К ним относится отказ от универсальных моделей объяснения, скепсис в отношении социологических подходов, обращение к опыту не-человеческих существ, формирование концептуального аппарата на стыке этнометодологии, этнографии и антропологии. Следует отметить, что «разрушительный» пафос акторно-сетевой теории стал ключевым для экспансии в эпистемологию социальных наук. Одновременная проблематизация концепта «общества» и концепта «науки» вынудило теоретиков искать новые способы описания научного сообщества. В заключении дается краткое сопоставление вихревой модели и АСТ как двух возможных взаимодополняющих подходов к изучению истории и социологии научного знания. Вихревая модель, апеллируя к социальной неустойчивости и контингентности, опирается на классическое представление о социальных науках, но вместе с тем разделяет пафос АСТ, представляя историю науки как не-линейный нарратив.

Ключевые слова: Акторно-сетевая теория, Социология науки и техники, теория турбулентности, вихревая модель, контингентность, неустойчивость, не-человеческие существа, акторы, сети

A MODEL OF VORTEX DYNAMICS IN THE OPTICS OF ACTOR-NETWORK THEORY

Vishnyakov Daniil Alexeevich

Junior researcher

Institute of History of Natural Science and Technology RAS

E-mail: kustoprav@yandex.ru

The report presents the main stages of the development of the sociology of science and technology in the social theory of the second half of the twentieth century. The theoretical origins of the key epistemological and methodological principles that have changed the ideas of social scientists about the structure of scientific knowledge in the context of philosophy and the history of science. The main provisions of various theories and approaches developed by a number of theorists (Latour, Woolgar, Callon, Knorr-Cetina, Pinch) are considered. Brief characteristics of each concept are given, on the basis of which the main ideas of actor-network theory were highlighted. These include the rejection of universal models of explanation, skepticism about sociological approaches, appeal to the experience of non-human entities, the formation of a conceptual apparatus at the junction of ethnomethodology, ethnography and anthropology. It should be noted that the "destructive" pathos of actor-network theory has become the key for expansion into the epistemology of social sciences. The simultaneous problematization of the concept of Society and the concept of Science forced theorists to look for new ways to describe the scientific community. In conclusion, a brief comparison of the vortex model and ANT as two possible complementary approaches to the study of the history and sociology of scientific knowledge is given. The vortex model, appealing to social instability and contingency, relies on the classical idea of the social sciences, but at the same time shares the pathos of the ANT, presenting the history of science as a non-linear narrative.

Keywords: Actor-network Theory, Sociology of Science and Technology, turbulence theory, vortex model, contingency, instability, non-human entities, actors, networks

Дискуссии о наиболее удовлетворительной модели объяснения исторического становления научного знания остаются наиболее актуальными для междисциплинарных исследований науки и технологии, вошедшие в философский и исторический дискурс как исследования наук и технологий – Science and Technical studies (STS). На первый взгляд, проблема разработки историографического концептуального аппарата, дающего наиболее «близкое к реальности» описание, существует в пределах методологических споров историков и философов об общем характере науки как системы знаний. Но перемещение этого вопроса в плоскость междисциплинарных подходов демонстрирует обратный эффект, суть которого заключается в постоянном «приросте» новых парадигмальных подходов, объясняющих действия ученых с разных исторических и социологических оптик. Наглядным примером такого сдвига от общефилософских вопросов о природе науки в сторону проблематизации самих языков описания науки является широта методологических подходов, существующих в STS: Эдинбургская школа, представленная концепцией «сильной программы» социологии знания Д. Блура [Bloog 1975]; Батская школа, представленная менее радикальными подходами к природе любого, в том числе научного знания, в рамках которой существуют антропология и этнография науки [Latour Woolgar 1986; Knorr-Cetina 1981], а также SSK (Sociology of scientific Knowledge) – социология научного знания [Collins Evans, 2002]; следует упомянуть «технологический поворот», представленный в концепции Т. Пинча, обозначенный в социологической литературе как ScoT (Social Construction of Technology) – Социальное конструирование технологии [Pinch Bijker 1984]; наконец, один из ключевых подходов, закрепивший за собой статус теории и совершивший «эпистемологическую экспансию» из мира социологии науки в социальную теорию и философию социальных наук – акторно-сетевая теория [Latour 2005; Callon 1986].

Что дает читателю такое долгое, нудное, а самое главное, незавершенное (онтологические повороты происходят в социальных науках с завидной регулярностью [Сивков 2022] перечисление подходов к изучению ученых и технологий? На наш взгляд, этот риторический прием необходим для демонстрации ряда сдвигов, произошедших в представлении социальных ученых, историков и философов о том, какой «ракурс» наиболее релевантен для описания механизмов производства научного знания. Отметим ряд методологических переходов, совершившихся в дискурсе STS к моменту возникновения акторно-сетевой теории:

1) Переход от «социального конструктивизма» к «конструированию социальности». Для теоретиков АСТ социологический редукционизм не является универсальным ключом от всех дверей, ведь самое понятие «общество» лишено точного и устоявшегося определения. Этот скепсис к «социальному» хорошо виден на примере переиздания первой большой работы Б. Латура – «Лабораторной жизни». В первом издании 1979-го года в подзаголовке указано «Социальное конструирование научных фактов» (The social construction of scientific facts), в то время как в издании 1986-го года слово «социальный» исчезает из названия, поэтому подзаголовок звучит как «Конструирование научных фактов» (Construction of scientific facts). В дальнейшем, проблема социальности будет разрабатываться Латуром в работе «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» [Латур, 2014].

2) Переход от макро-оптики к микро-процессам. В целом, сдвиг к концептуальному аппарату микро-социологии характерен не только для акторно-сетевой теории. Если «сильная программа» Блура заточена на то, чтобы объяснять природу знания вообще, предлагая себя в качестве универсальной модели [Блур 2002], то многие из

представленных выше подходов склоняются к методологии case study, объясняющие возникновение некоторого научного факта или создание технологии in situ. Это не значит, что такая оптика не содержит в себе концептуального аппарата. Благодаря усилиям микро-социологов, в первую очередь И. Гофмана и Г. Гарфинкеля, а также общего тренда социологической науки 1950–1970 гг. – «практического поворота» (поворота к самим практикам, конституирующим социальную реальность), стало возможным описание отдельного научного факта не как части целой системы знаний (парадигмы, теории), а как самостоятельной сущности, возникающей на глазах самих ученых, социологов и антропологов из сети взаимодействий акторов различного уровня

3) Включение не-человеческих сущностей в практику конструирования научных фактов. Ещё один поворот в социальных науках, вошедший в литературу под названием онтологического [Сивков 2020] Хорошим примером данной методологической особенности АСТ является сюжет, который приводит М. Каллон в своей статье «Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё» [Каллон 2017]. В центре внимания Каллона – кейс, связанный с добычей морских гребешков на юго-западе Франции: перед французскими рыбаками встала острая проблема стремительного сокращения популяции морских гребешков, что угрожает их экономическому состоянию. Более того, проблема сокращения численности гребешков в заливе также сказывается на экологической обстановке в регионе, что волнует французских экологов, представленных учеными и министерскими чиновниками. Для решения проблемы группа специалистов из французского исследовательского центра отправляется в Японию, чтобы понять, как японским коллегам удается сохранить высокий уровень популяции гребешков. Изучив все технические хитрости, к которым прибегают японцы, исследователи возвращаются во Францию вместе с новым видом гребешков, технологией сохранения популяции от внешних угроз, а также необходимыми устройствами для добычи обитателей залива. На первый взгляд незатейливый сюжет о простом заимствовании технологий из одного географического края в другой оборачивается сложной системой взаимодействий акторов различного уровня: сообщества ученых – сообщества рыбаков – группы исследователей – гребешков – технологией адаптации. Каллон описывает происходящее в логике трёх «трудностей»: стилистической, теоретической и методологической [Каллон 2017, с. 198–201], преодоление которых возможно благодаря социологии перевода, состоящей из четырех этапов взаимодействия человеческих и не-человеческих сущностей: проблематизация, заинтересовывание, вербовка, мобилизация [Каллон 2017, с. 206–216]. Как результат, изучение научной практики из разряда субъект-объектных отношений переходит на уровень акторно-сетевого взаимодействия, в котором нет доминирующей силы науки, общества или природы (т.е. внешнего мира).

Таким образом, можно представить акторно-сетевую теорию как такое направление социологии науки и техники, в котором нет места для «социологии», «науки» и «техники» в качестве готовых компонентов и универсальных концептуальных единиц. По этому поводу Латур пишет: «я намерен показать, почему социальное не может мыслиться как разновидность материала или как некая сфера и подвергнуть сомнению сам проект «социального объяснения» какого-либо другого положения дел. Хотя этот, более ранний, проект был в прошлом продуктивен и, возможно, необходим, теперь он почти остановлен, и отчасти благодаря прогрессу социальных наук. На нынешней стадии их развития уже невозможно тщательно пересмотреть компоненты, составляющие область социального» [Латур 2014]. Для описания того, что из себя представляет научные факты как готовые устойчивые конструкции социального действия, Латур в работе «Наука в действии» предлагает обозначать их как «черные

ящики», расшифровка которых позволяет определить условия производства/конструирования этих фактов [Латур 2013]

Что может дать АСТ в контексте других методов изучения науки и техники? В сфере STS между сторонниками различных лагерей дебаты о природе универсального метода социологии науки не утихают до сих пор, достаточно вспомнить заочные дебаты между Латуром и Д. Блуром [Латур 2017]. Так, в вихревой модели Ю. М. Батурина [Батурин 2018] предлагается рассмотреть альтернативную модель исторической динамики научного знания, в рамках которой линейность причинно-следственных связей заменяется метафорой турбулентности. Этот образ позволяет рассматривать становление научного знания как бурный, неуподороченный процесс, в котором главной «эпистемологической силой» выступают контингентные социальные механизмы, встраивающиеся в институциональный порядок университетов, академий и исследовательских центров новые «правила игры». Скачкообразное изменение научной парадигмы обусловлено не внутренним кризисом теории, как это работает в куновском подходе [Кун, 1975], а внешними непрекращающимися «брожениями» общественных формаций. На данном этапе параллели с АСТ очевидны: и в том, и в другом случае акцент стоит на социальном беспорядке, постоянным изменением регулятивов общественной жизни, неизбежно влияющим на содержание научного знания. Но, с другой стороны, вихревая модель подразумевает устойчивость форм социальных институтов, жертвуя их содержательными характеристиками: к примеру, учреждение Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук в России было обусловлено изменением во внешней и внутренней политике Российского государства. Однако само «государство» как институция продолжило существовать, а вместе с ним «легитимный аппарат насилия», «программа реформ», в конце концов, сами люди (Император, приближенные к правящим верхам, местные чиновники, ученые) никуда не делись, их агентность (т.е. статус их влияния на социальные процессы) не ставится под сомнением. В этом и заключается ключевое отличие АСТ и вихревой модели.

Также следует отметить, что агентность не-человеческих существ в вихревой модели также не актуализируется. В рамках этой концепции невидимая стена между субъектом (ученым) и объектом (природой) продолжает существовать, что свидетельствует о классическом взгляде сторонников данной модели на онтологический статус научных теорий. И это ещё одно место расхождения с моделью АСТ.

Обмен опытом между теорией турбулентности и акторно-сетевой теорией кажется необходимым для продуктивной работы как в области истории науки, так и в междисциплинарном проекте социологии науки и технологий. Вихревая модель по меркам науки «молода» и не отягощена внутренними конфликтами, что делает её доступной площадкой для изучения научного знания. Опыт АСТ даёт необходимое представление о том, каких методологических ошибок стоит избегать при «посещении лаборатории».

Список литературы

1. Батурин 2018 – Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX века: в 2 т. Т. I: Турбулентная история науки, том II: Экстремальный режим развития науки и техники / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батурин; Саратов: Амирит, 2018. 658 с.
2. Блур 2002 – Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 162–185.
3. Каллон, 2017 – Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. №2 (117). С. 49–94.

4. Кун 1975 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
5. Латур 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 413 с.
6. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: 2014. 381 с.
7. Латур 2017 – Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. 2017. №1 (116). С. 135–162.
8. Сивков 2022 – Сивков Д. Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе // Логос. 2022. №2 (147). С. 193–325.
9. Callon 1986 – Callon M. “Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay” // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge, edited by John Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
10. Collins Evans 2002 – Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies // Studies of Expertise and Experience, Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. No. 2. Pp. 235–296.
11. Knorr-Cetina 1981 – Knorr-Cetina K. The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon Press, 1981. 204 p.
12. Latour 2005 – Latour B. Reassembling the Social — An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: University Press, 2005. 312 p.
13. Pinch Bijker 1984 – Pinch T.J., Bijker W.E. The Social Construction of Facts and Artefacts // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14. No. 3. Pp. 399–441.
14. Woolgar Latour 1986 – Woolgar St. Latour B. Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press. 1986. 294 p.

УДК 001.8

ФИЗИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВИХРЕВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Доброчев Олег Викторович

Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

E-mail: olegdobro@list.ru

В работе рассматриваются шесть физических факторов и закономерностей истории, определяющих как ее долговременную динамику, так и высокочастотные колебания. Это устойчивые (вихревые) социальные образования или, исторические тела, по В. Ключевскому; закон $2/3$ А. Колмогорова, определяющий длительность их жизненного цикла; модулирование динамики исторических тел волнами активности природной среды; иерархическая структура вихревых потоков истории, самые крупные из которых формируют мировую историю, а мелкие - региональную; возможность стохастического резонанса вихревых потоков истории, как и гидродинамических и влияние на историю так называемых малых параметров. Особое внимание уделено феномену стохастического резонанса вихревых потоков и влиянию на историю лиц, принимающих решения. Для этого в работе проведен анализ эмпирических данных по волновой динамике изменения физического состояния человека и социально-экономического состояния государства на характерных для них периодах жизни. Его результаты дают основания для предположения о физической возможности резонансных взаимодействий между ними.

Ключевые слова: историческое тело, гидродинамическая аналогия, стохастический резонанс

PHYSICAL FACTORS OF VORTEX HISTORICAL DYNAMICS

Dobrocheev Oleg Viktorovich

CSc in Technical Sciences, Leading Researcher

National Research Center "Kurchatov Institute"

E-mail: olegdobro@list.ru

The paper considers six physical factors and patterns of history that determine both its long-term dynamics and high-frequency fluctuations. These are stable (vortex) social formations or historical bodies, according to V. Klyuchevsky; A. Kolmogorov's law $2/3$, which determines the duration of their life cycle; modulation of the dynamics of historical bodies by waves of activity of the natural environment; the hierarchical structure of the vortex flows of history, the largest of which form world history, and the smaller ones - regional; the possibility of stochastic resonance of vortex flows of history, as well as hydrodynamic ones, and the influence of so-called small parameters on history. Special attention is paid to the phenomenon of stochastic resonance of vortex flows and the impact on the history of decision makers. For this purpose, the work analyzes empirical data on the wave dynamics of changes in the physical condition of a person and the socio-economic state of the state at their characteristic periods of life. His results give grounds for the assumption of the physical possibility of resonant interactions between them.

Keywords: historical body, hydrodynamic analogy, stochastic resonance

Поток исторических событий на Земле подвержен естественному влиянию различных физических факторов. Такие факторы как катастрофические землетрясения и ураганы или погодные, широтные и высотные условия жизни людей, очевидны. Другие факторы, связанные с тонкой механикой биологических, психических и интеллектуальных процессов, изучены в меньшей степени. Объясняется это состоянием науки, продвинувшейся за 300 лет после Ньютона только до понимания механики двух предельных состояний – материальной точки и их бесконечного множества в виде твердых тел, жидких и газообразных сред.

Мезомасштабные явления природы, в которых протекает личная и общественная жизнь человека, в поле зрения науки начали входить лишь 100 с небольшим лет назад.

За это время удалось установить следующие физические факторы и закономерности истории.

1. Поток истории представляет собой движение большого множества динамически устойчивых (вихревых) социальных образований (социальных атомов или, по В. Ключевскому, исторических тел).

2. Жизненные циклы социальных атомов или исторических тел определяются их линейными размерами согласно закону $2/3$ А. Колмогорова.

3. Динамика исторических тел модулируется волнами активности природной среды (в частности, солнечной активностью, как это установил Чижевский в 1926 г.), их гармониками, обертонами и консонансами.

4. Вихревые потоки истории обладают иерархической структурой, самые крупные из них (глобальные) формируют мировую историю, а мелкие региональную.

5. Взаимодействия вихревых потоков истории, как и гидродинамических могут сопровождаться явлениями стохастического резонанса.

6. Этим механизмом стохастического резонанса можно объяснить влияние на потоки истории так называемых малых параметров, в виде лиц принимающих решения.

Первые 4 из этих физических факторов истории достаточно подробно описаны в работах [Доброचेва 2021а, с. 22–37; Доброчева 2021б, с. 637–643]. Поэтому остановимся подробнее на двух последних. Обратиться для этого к физическим исследованиям потоков жизни, начиная с динамики развития органических тел и заканчивая социальными и экономическими процессами. О принципиальной возможности нелинейного взаимодействия волновых потоков различной природы

говорит, на наш взгляд, идея гидромеханической аналогии Гераклита, утверждавшего пару тысяч лет назад, что все течет, все изменяется. Однако, первое описание физического механизма этой аналогии А. Колмогоров сделал лишь в 1962 г., обнаружив единый степенной закон изменчивости колебаний физических и финансовых потоков от частоты [Kolmogorov 1962, p. 82–85]. Несмотря на частный характер этого закона, заложенный в нем энтропийный, по К. Шеннону, смысл (информационная энтропия вне зависимости от физических и иных свойств объекта может быть описана числом знаков сообщения) открыл путь для его широкого применения.

Поэтому второе приближение гидродинамической аналогии Колмогорова в форме «социальной турбулентности», появившееся через 30 лет, позволило описать динамику развития большой совокупности коллективных систем физико-химической, социально-экономической и биологической природы [Доброचेва 1995, с. 48–56].

Дальнейшее рассмотрение с этой точки зрения жизнедеятельности организма человека открыло в нем многоволновые закономерности гидромеханики, которые в той или иной форме тысячелетиями использовались в практиках восточной медицины [Доброчева Лиджиев 2023, с. 56-68]. Одна из них показывает на рис. 1 когерентный характер течения жизни, проявляющийся в согласованных по фазе, частоте и амплитуде ее волновых динамических структурах.

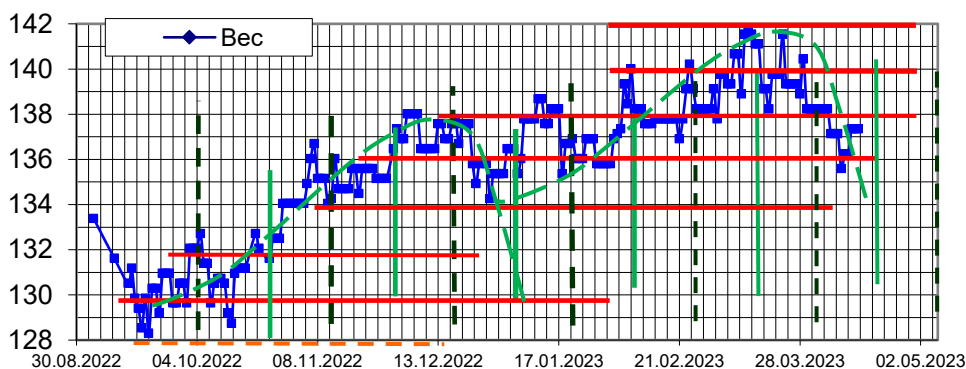

Рис. 4. Вес человека в фунтах. Вертикальными штриховыми линиями отмечены начала 5-недельных волн активности социальной среды, сплошными – начала волн физической активности человека, штриховыми волнами – второе приближение гидродинамической аналогии в форме информационной энтропии.

Этот феномен когерентности течения жизни проявляется в трех ее закономерностях. Первая состоит в дискретной изменчивости веса человека с амплитудой пропорциональной 1 фунту.

Вторая заключается в циклической изменчивости веса, модулируемой волновой динамикой окружающей среды с постоянным периодом в 35 дней, точность которого установлена благодаря 23-летним наблюдениям с погрешностью менее 0,02% [Доброчева 2019, с. 144]. Его на рис. 1 показывают вертикальные штриховые линии, отмечающие начала волн активности социальной среды, отстоящие друг о друга на 35 дней.

Третья закономерность состоит в той же 35-дневной периодической изменчивости активности человека, начальная фаза которой приходится на день рождения. Ее показывают на рис. 1 сплошные вертикальные линии.

Таким образом на рис. 1 в согласованной колебательной изменчивости потоков общественной и личной жизни человека с периодом в 35 дней проявляется механизм стохастического резонанса.

Этим механизмом, на наш взгляд, может быть объяснено и влияние на поток истории таких малых параметров общественной жизни, как лица принимающие решения.

Для этого необходимо только показать, что и динамика истории, и течение жизни человека описываются одними и теми же законами, а частоты колебательной изменчивости их потоков подобны.

Рис. 1 показывает, что крупные циклические переходы веса человека из одного устойчивого состояния в другое протекают по турбулентной волне информационной энтропии второго приближения аналогии Колмогорова [Доброичеев 2022, с. 466–469], которую демонстрируют две штриховые линии на рис. 1. Первая, продолжительность в 105 дней, начинается с устойчивого уровня в 130 фунтов и заканчивается на 134, а вторая, такой же продолжительности, изменяется в диапазоне от 134 до 136 фунтов.

Рассматривая далее на рис. 2 статистику социально-экономического развития Украины, прожившей в 1991 – в 2014 гг. ровно один длинный, по модели турбулентной экономики [Клепач Доброичеев, 2020, с. 37–49] цикл продолжительностью в 24 года, мы обнаруживаем такой же удовлетворительный характер ее описание аналогией Комогорова. В совокупности графики на рис. 1 и 2 свидетельствуют о качественной и количественной справедливости гипотезы В. Ключевского о том, что исторические тела изменяются со временем, как и органические.

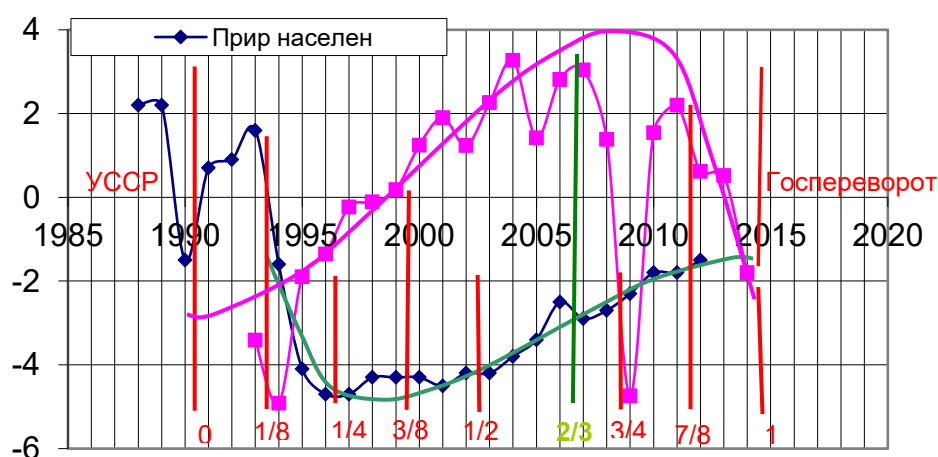

Рис. 2. Волновая модель украинской истории 1990-2014 гг. Сопоставление статистических данных (точки) с теоретической моделью (кривые). Вертикальными линиями отмечены характерные 8 фаз развития общества.

Обращение к исследованиям долговременных циклов истории продолжительностью в 140 лет [Батурич Доброичеев 2010, с. 675–689], приводит нас к выводу что их минимальные частоты тоже характеризуется периодом в 35 дней. На этой единой для общественной и личной жизни человека высокой частоте изменчивости жизни и возможен, по нашему мнению, стохастический резонанс потока истории с ее действующими лицами, превращающий малые параметры в управляющие воздействия. А в качестве иллюстрации возможности такого механизма управления обществом отметим известные факты из биографии Наполеона, который за 35 дней (5 недель) написал конституцию Франции, столько же времени владел Москвой и около 15 недель («100 дней Наполеона») второй раз властвовал во Франции.

Список литературы

1. Батурич Доброичеев 2010 – Батурич Ю.М., Доброичеев О.В. Периодическая таблица критических событий космонавтики // Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года // Под ред. акад. РАН Б.Е. Чертока. М.: Изд-во «РТСофт». 2010. С. 675—689.

2. Доброчеев 1995 – Доброчеев О.В. Неустойчивое развитие коллективных систем физико-химической социальной и биологической природы // Журнал всероссийского химического общества им. Д.И. Менделеева. 1995. № 2. С. 48–56.
3. Доброчеев 2019 – Доброчеев О.В. Механика очень больших систем природы жизни и разума. М.: ТЭИС. 2019. 144 с.
4. Доброчеев 2021a – Доброчеев О.В. Математические начала философии жизни, или Почему она такая изменчивая? // Философия хозяйства. 2021. № 6. С. 22–37
5. Доброчеев 2021б – Доброчеев О.В. Волновая модель истории // Годичная научная конференция ИИЕТ им. С.И. Вавилова. М.: ИИЕТ РАН, 2021. С. 637–643.
6. Доброчеев 2022 – Доброчеев О.В. Информационная энтропия как инструмент анализа исторической динамики // Международная конференция Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. РАН (28 марта – 1 апреля 2022 г.) М.: ИИЕТ РАН. 2022. С. 466–469.
7. Доброчеев Лиджиев 2023 – Доброчеев О.В., Лиджиев Д.Н. Философия космического здоровья или физические начала жизни и здоровья человека // Философия хозяйства. 2023. № 3. С. 56–68.
8. Клепач Доброчеев 2020 – Клепач А.Н. Доброчеев О.В. Физические начала макроэкономики // Философия хозяйства 2020. № 2. С. 37–49.
9. Kolmogorov 1962 – Kolmogorov A.N. // J. Fluid Mech. 1962. 13. Pp. 82–85.

УДК 001.92:62.1

О МОДЕЛЯХ ВИХРЕВОЙ ДИНАМИКИ ИСТОРИИ АЭРОКОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кричевский Сергей Владимирович

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Отдела истории техники и технических наук

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

E-mail: krichevsky@ihst.ru

Рассмотрены методологические основания моделирования истории науки и техники, даны новые понятия и определения. Необходимы новые модели исторических тел, их эволюции на основе реальных объектов, опыт исследований с восхождением от абстрактного к конкретному. Сверхзадача: создание адекватных моделей для управления эволюцией техники, техносферы и социума. Предложена интегральная модель из двух частей: турбулентной и нетурбулентной, охватывающая все аспекты исторического тела: статические, динамические, структуру, эволюцию на его полном жизненном цикле. Турбулентная модель может стать основой интегральной модели, но имеет особенности и ограничения. Приведены 6 примеров исследований автором моделей истории техники и деятельности: 1. Экологические аспекты турбулентной истории науки и техники в XX веке; 2. История первого полета человека в космос. 3. История освоения космоса человеком в парадигме экспансии. 4. История реформы космической отрасли в СССР / России в 1991–1993 гг. 5. История безопасности полетов в России и мире в XX–XXI веках. 6. История сферы аэрокосмической деятельности в России и мире в XX–XXI веках.

Ключевые слова: аэрокосмическая, деятельность, вихревая динамика, история, историческое тело, модель, техника, турбулентность

ON MODELS OF VORTEX DYNAMICS OF THE HISTORY OF AEROSPACE TECHNOLOGY AND ACTIVITIES

Krichevsky Sergey Vladimirovich

DSc in Philosophy, Chief Researcher

of the Department of the History of Technology and Engineering Sciences

S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology RAS

E-mail: krichevsky@ihst.ru

The methodological foundations of modeling the history of science and technology are considered, new concepts and definitions are given. Required new models of historical bodies, their evolution based on real objects, experience of research with ascent from the abstract to the concrete. The most important task: the creation of adequate models for managing the evolution of technology, the technosphere and society. An integral model is proposed from two parts: turbulent and non-turbulent, covering all aspects of the historical body: static, dynamic, structure, evolution in its full life cycle. The turbulent model can become the basis of the integral model, but it has its own peculiarities and limitations. 6 examples of studies by the author of models of the history of technology and activity are given: 1. Ecological aspects of the turbulent history of science and technology in the 20th century; 2. The history of the first manned flight into space. 3. The history of human space exploration in the expansion paradigm. 4. The history of the reform of the space industry in the USSR / Russia in 1991-1993. 5. History of flight safety in Russia and the world in the XX-XXI centuries. 6. History of the sphere of aerospace activity in Russia and the world in the XX-XXI centuries.

Keywords: aerospace, activity, vortex dynamics, history, historical body, model, technology, turbulence

Введение

Для развития истории науки и техники необходимы новая методология моделирования и новые модели исторических тел, их эволюции на основе реальных объектов, опыта исследований на примерах, с восхождением от абстрактного к конкретному.

Рассмотрим методологические основания и моделирование вихревой динамики на примерах истории аэрокосмической техники и деятельности в России и мире в XX-XXI веках для создания турбулентных и интегральных моделей.

Методологические основания

В развитие понятий «турбулентная история», «турбулентность», «турбулентный след» [Турбулентная история 2019; Батулин 2022, 132-135], «историческое тело» [Доброшеев 2022, с. 138-139], дадим новые понятия и определения.

Историческое тело (ИТ) – материальный, физический объект, который в истории науки и техники является объектом исследования.

История – процесс возникновения, эволюции, взаимодействия множества ИТ в пространстве – времени на их полном жизненном цикле.

Турбулентные следы – вихревые следы ИТ, взаимодействий между ИТ в окружающей среде.

Моделирование турбулентной истории - создание моделей объектов истории науки и техники на основе турбулентного подхода.

Моделирование истории аэрокосмической техники и деятельности – создание моделей исторических тел сферы аэрокосмической деятельности (АКД).

Сверхзадача моделирования – создание адекватных моделей ИТ для управления эволюцией техники, техносферы, социума.

Необходимы интегральные («полные») модели ИТ, создаваемые с использованием новых подходов, в т.ч. турбулентного, информационных технологий, включая big data, виртуальную реальность, цифровые, квантовые информационные технологии и др.

Интегральная модель в пределе должна охватывать все аспекты ИТ: статические, динамические, структуру (элементы, где технология – элементарная «клетка», уровни, всю иерархию «технология – объект техники – аэрокосмическая система – отрасль – сфера АКД»), взаимосвязи внутри «большого» ИТ, его эволюцию на полном жизненном цикле. Модель состоит из двух взаимосвязанных частей: турбулентной и нетурбулентной, пропорции, взаимосвязи определяются свойствами объекта и др.

Турбулентная модель может стать основой интегральной модели ИТ, но имеет особенности, ограничения по верификации, измерениям турбулентности, оценке достоверности, точности и др.

Моделирование вихревой динамики истории аэрокосмической техники и деятельности

Приведем ряд примеров исследований автором истории аэрокосмической техники и деятельности для создания турбулентных и интегральных моделей:

1. Экологические аспекты турбулентной истории науки и техники в XX веке. Предложена турбулентная модель истории науки и техники (1900–2045) их трех взаимосвязанных «вложенных» вихрей (естественной природы, техносферы, экологизации), применимая и для сферы АКД, ее экологических аспектов, следов, экологизации [Турбулентная история 2019, с. 145–147].

2. История первого полета человека в космос. Предложена турбулентная междисциплинарная модель его ИТ с интегральным уровнем турбулентности [Кричевский 2022б, с. 156–157].

3. История освоения космоса человеком в парадигме экспансии. Выявлены, описаны циклы отношения социума к проблеме экспансии: от утопии, эйфории до отрицания и противодействия. Общий цикл ~100 лет (1920–2020) от идеи экспансии в космос К. Э. Циолковского; «практический» цикл ~ 60 лет с первого полета человека в космос (1961–2020). Начался новый цикл экспансии в стратегии устойчивого освоения космоса человеком [Кричевский 2022а, с. 352–362; Кричевский 2023б].

4. История реформы космической отрасли в России в 1991-1993 гг. Автор принимал активное участие в ней в турбулентный период истории СССР / России и космической отрасли [Жуков, Моисеев 2023].

5. История безопасности полетов в России и мире в XX–XXI веках. Сделана постановка проблемы истории безопасности полетов, предложено новое научное направление для сферы АКД [Кричевский 2023б].

6. История сферы АКД в России и мире в XX–XXI веках [Кричевский 2012; Кричевский, 2022а; Кричевский, 2023б].

Выводы

1. Моделирование на основе новой методологии и исследований реальных объектов истории науки и техники позволит выйти на новый уровень развития, что актуально для науки, образования и практики в России и мире.

2. Целесообразно продолжить исследования вихревой динамики истории науки и техники, в т.ч. на примерах аэрокосмической техники и деятельности для совершенствования методологии, создания новых турбулентных и интегральных моделей, получения новых знаний и опыта.

Список литературы

1. Батурич 2022 – Батурич Ю. М. Историческая турбулентность более понятна, чем хронологическое описание событий // История науки и техники. Музейное дело: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. 8–9 декабря 2021 г. / Сост. Глушкова Т. А., Котомина А. А. Вып. 14. М.: Политехн. музей, 2022. С. 131–136.
2. Доброчеев 2022 – Доброчеев О. В. Природоподобная модель истории, или Механика проецирования прошлого в будущее // История науки и техники. Музейное дело: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. 8–9 декабря 2021 г. / Сост. Глушкова Т. А., Котомина А. А. Вып. 14. М.: Политехн. музей, 2022. С. 137–142.
3. Жуков, Моисеев 2023 – Жуков С. А., Моисеев И. М. Космонавтика. Предложено выжить! Эпизоды реформы космической отрасли 1991–1993 годов / Под ред. С. В. Кричевского. М.: ЛЕНАНД, 2023. 200 с.
4. Кричевский 2012 – Кричевский С.В. Аэрокосмическая деятельность: Междисциплинарный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 384 с.
5. Кричевский, 2023а – Кричевский С. В. Возвращение домой, в Космос. Новый взгляд на проблему экспансии человека во Вселенной // Независимая газета. Приложение «Наука». 12 апреля 2023. С. 12.
6. Кричевский 2023б – Кричевский С. В. История безопасности полетов: методология, опыт, перспективы // Научный Вестник МГТУ ГА. 2023. Т. 26. № 2. С. 8–17.
7. Кричевский 2022а – Кричевский С. В. Освоение космоса человеком: Идеи, проекты, технологии экспансии. История и перспективы. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2022. 448 с.
8. Кричевский 2022б – Кричевский С. В. Первый полет человека в космос: междисциплинарная модель предыстории, истории и воздействий в парадигме турбулентного (вихревого) развития // История науки и техники. Музейное дело: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. 8–9 декабря 2021 г. / Сост. Глушкова Т. А., Котомина А. А. Вып. 14. М.: Политехн. музей, 2022. С. 155–159.
9. Турбулентная история – 2019 – Турбулентная история науки и техники: труды семинара ИИЕТ РАН. 2018–2019 гг. / Рук. и отв. ред. член-корреспондент РАН Ю. М. Батурич. Вып. 1. М.: ИИЕТ РАН, 2019. 212 с.

УДК 001.8.62

ПРИМЕНИМА ЛИ МОДЕЛЬ «ВИХРЕВОЙ ДИНАМИКИ» К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ РАЗВИТИЯ НАУКИ?

Кузнецова Наталья Ивановна

Доктор философских наук, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: cap-cap@inbox.ru

Муза Клио, вдохновляющая тружеников, работающих в пространстве реконструкции динамики научно-технического познания, щедро, подбрасывает этому сообществу разнообразные методологические трудности. Область исследований исторической динамики науки и техники постоянно расширяется и обновляется, заставляя переосмысливать спектр категориальных средств, в рамках которых на таком материале строятся масштабные историографические нарративы. Формирование широких обобщений, которые появляются именно в случае масштабности представляемых историографией науки и техники картин,

заставляет вновь возвращаться к вопросам методологии исторического познания. Высказаны два критических возражения относительно проделанной работы с моделью «вихревой динамики» развития науки и техники. Первое: в рамках такого построения нарратива научно-технические перестройки и революционные сдвиги выглядят исключительно «экстерналистскими». Правомерно ли это? И второе: специфику наук о Природе и наук о Духе пока никому еще не удалось отменить. Законы Природы все же имеют другую «природу», чем законы социокультурной жизни. Элементарные частицы, в отличие от людей, не обладают мышлением, рефлексией, волеизъявлением. В той мере, как теорию турбулентности можно использовать в качестве полезной познавательной метафоры, в той же мере не следует делать ее онтологией и искать здесь закономерности исторической динамики социума.

Ключевые слова: вихревая динамика, презентизм, историзм, экстернализм, интернализм, науки о Природе, науки о Духе, специфика исторического познания, познавательная метафора

IS THE MODEL OF "VORTEX DYNAMICS" APPLICABLE TO THE HISTORICAL UNDERSTANDING OF THE DEVELOPMENT OF SCIENCE?

Kuznetsova Nataliya Ivanovna

*DSc in Philosophy, Chief Researcher, Department of Historiography and Source Study
of the History of Science and Technology*

S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology RAS

E-mail: cap-cap@inbox.ru

Clio's muse, who inspires workers working in the space of reconstruction of the dynamics of scientific and technical knowledge, generously throws various methodological difficulties at this community. The field of research into the historical dynamics of science and technology is constantly expanding and updating, forcing us to rethink the range of categorical means within which large-scale historiographical narratives are built on such material. The formation of broad generalizations, which appear precisely in the case of the scale of the pictures presented by the historiography of science and technology, forces us to return again to questions of the methodology of historical knowledge. Two critical objections are raised regarding the work done with the model of "vortex dynamics" of the development of science and technology. First: within the framework of such a construction of the narrative, scientific and technological restructuring and revolutionary shifts look exclusively "externalist". Is it legal? And secondly, the specifics of the sciences of Nature and the sciences of the Spirit have not yet been able to cancel. The Laws of Nature still have a different "nature" than the laws of socio-cultural life. Elementary particles, unlike people, do not have thinking, reflection, will. To the extent that the theory of turbulence can be used as a useful cognitive metaphor, to the same extent one should not make it ontology and look for patterns in the historical dynamics of society here.

Keywords: vortex dynamics, presentism, historicism, externalism, internalism, sciences about Nature, sciences about Spirit, specifics of historical knowledge, cognitive metaphor

Муза Клио, вдохновляющая тружеников, работающих в пространстве реконструкции динамики научно-технического познания, щедро, подбрасывает этому сообществу разнообразные методологические трудности. Область исследований исторической динамики науки и техники постоянно расширяется и обновляется, заставляя переосмысливать спектр категориальных средств, в рамках которых на таком материале строятся масштабные историографические нарративы. Речь не идет о какой-то строгой дисциплинарной нормировке такой области, это невозможно просто в силу необыкновенной разноплановости объектов изучения. Тем не менее, формирование широких обобщений, которые появляются именно в случае масштабности представляемых историографией науки и техники картин, заставляет, как мне представляется, остановиться и обдумать проделанную работу, выяснить – каков результат проделанной работы, насколько данное живописное «полотно» соотносимо с

изучаемым объектом? Кардинальный вопрос – как можно провести подобное «сопоставление»?

Сама история как дисциплина, конечно, не отличается строгостью своих правил, царящих в сообществе историков. Вспоминается остроумное замечание замечательного антрополога и историка антропологии Джорджа Стокинга-мл.: «сама история во многих отношениях – самая недисциплинированная из всех научных дисциплин. И хотя мы пока не ищем консенсуса относительно мотивов и методов для историко-научных нарративов, все же целесообразно начать систематическое обсуждение важных для всех методологических проблем» [Stocking 1965, p. 211].

Напомню, что Стокинг еще в 1965 г. впервые четко выделил и определил два типа историко-научных нарративов: «презентизм» создает описания прошлого с позиций современных систем знания; «историзм» стремится описать прошлое науки в его собственном контексте. (В скором времени термин «историзм» как слишком неопределенный был заменен на иной: заменой «историзму» стал «антикваризм»). Возможно, то обстоятельство, что такие подходы были выделены именно антропологом, не случайно. Многим антропологам приходилось наблюдать, что «автохтонные» культуры попросту гибли, когда их помещали в контексты понимания и режимы жизнедеятельности современной культуры, даже если это делалось с благими намерениями. «Историзм», по определению, стремится познать «иной мир», весьма отличный от сегодняшнего, что давно стало профессиональной нормой. Такой авторитетный специалист, как А.Я. Гуревич высказался однозначно: «Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк – и в который, к сожалению, очень часто впадают, – состоит в том, что он изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам... Презумпция “инаковости” – постулат исторического познания» [Гуревич 2005, с. 610].

В сфере историко-научного познания была, таким образом, четко обозначена альтернатива, методологическая дилемма двух названных подходов, каждый из которых имеет собственные задачи. Историк важно их не путать, работа в рамках каждого из подходов требует соблюдения различных правил. Традиционная история науки была, бесспорно, исключительно презентистской, что, с точки зрения Стокинга, уже недопустимо, должен присутствовать и другой (восстанавливающий контекст прошлого) подход. В своей статье Стокинг напомнил, как Г. Баттерфилд потешался над «вигианской» историей, историей «победителей», для которых прошлое отбрасывается как навек преодоленное, превращенное в груды «черепов», погребенных на кладбище исторического процесса. Постоянно составляемые летописи научных открытий и технических изобретений как раз и фиксируют такие «победы». Естественно возникает вопрос: насколько необходима история побежденных в истории науки, повествование об отброшенных, преодоленных теориях и представлениях? «Вигианская интерпретация» истории стала слоганом, отмечающим негодную стратегию; «вигизм», с подачи Стокинга, в истории науки заклеял, он – предмет иронии. «Историцистскую» альтернативу предложил Томас Кун в «Структуре научных революций» (1962). Стокинг называет «*Структуру*» блестящей работой, хотя и несколько противоречивой, поскольку Кун не рассматривал вопросы политических и технологических влияний на науку (подробнее см.: [Кузнецова 2022]). В отличие от «*Структуры*», коллективная монография «Вихревая динамика развития науки и техники» [Вихревая динамика, 2018–2019] представляет ход развития отечественной науки и техники XX столетия, акцентируя внимание на определяющем влиянии политических, идеологических и социо-экономических факторов.

В какой же мере рассматриваемая модель «вихревой динамики» развития науки и техники в замечательной коллективной монографии 2018–2019 гг., воплощенной

сотрудниками ИИЕТ РАН, учитывает перспективу именно исторической методологии, как рассматривает возможности выявления закономерностей исторического процесса? В принципе такая постановка вопроса остается «за кадром». В трех томах данной работы собраны захватывающие своим драматизмом case-studies развития отечественной науки и техники на протяжении всего XX столетия. Представлены практически все фундаментальные научные дисциплины, активно развивавшиеся в России/СССР, – математика и физика, астрономия и космология, биология и химия, технические науки, экология, науки о Земле, авиация и космонавтика, машиностроение и энергетика, а также многое другое. Отдельный интерес представляют очерки, повествующие об институализации в нашей стране области историко-научных и историко-технических исследований, история самого ИИЕТ. Весь этот мощный нарратив опирается на концептуальную схему, представленную современной физической теорией диссипативных структур, которая позволяет объяснить феномены хаоса, турбулентности, выявлять их закономерности, проследить вихревую динамику объективных природных процессов. Понятно, что этот мощный аппарат, принадлежащий современному естествознанию, используется в данной исторической работе в качестве познавательной метафоры. Большое достоинство выполненной работы состоит в том, что опубликованные здесь очерки истории науки и техники полностью преодолевают стиль повествований о линейно-прогрессивном характере научных и технических достижений. Такой стиль теперь кажется уже невозможным. Представленный материал также ярко демонстрирует не только способы «выживания» различных областей науки и техники в ситуациях социальных катаклизмов (революции, идеологических кампаний, репрессий, мобилизационных периодов военного времени), но и то, каким образом чисто внешние (социальные, экономические и политические) факторы проникают «вглубь», буквально перекраивают постановку задач и проблем научно-технического творчества. Более того: выявлены хронологические циклы (примерно 36 лет каждая фаза) таких когнитивных «взлетов» и «падений»; фазы зарождения, нарастания, угасания (см.: [Вихревая динамика 2019, Т. III, с. 306]).

Иначе говоря, использованная познавательная метафора оказалась удачной и плодотворной. Роль научной метафоры оспаривать не следует. О ее значении говорил еще великий Максвелл: «Обороты речи и мышления, с помощью которых мы переносим терминологию знакомой нам науки в область науки, менее нам знакомой, можно назвать “научными метафорами”» [Максвелл с. 17]. Он подчеркивает, что это совершенно законный способ развития любой новой научной дисциплины. Итоговый вывод проделанной авторами коллективной монографии звучит как фундаментально эмпирически обоснованный: «В целом же вся российско-советская история развития науки и техники в XX в. существенно турбулентна» [Батурин 2019, с. 306]. И теперь, как представляется, метафора может претендовать на роль онтологического утверждения. Можно ли принять ее в таком качестве?

Необходимо обратить внимание на два обстоятельства, которые, на мой взгляд, требуют более ясных теоретических и методологических уточнений, а также проверки на когерентность с постулатами исторического и социального познания.

Первое. Давно сформулированная методологическая дилемма «экстернализма» и «интернализма» понимания логики развития науки отнюдь не преодолена в рамках такого нарратива. В рамках такого построения нарратива научно-технические перестройки и революционные сдвиги выглядят исключительно «экстерналистскими». Изображая подобным образом ход развития науки и техники, не нарушаем ли мы режим историчности, в которых проводились case-studies?

Второе. Смущает то обстоятельство, что специфику наук о Природе и наук о Духе пока никому еще не удавалось отменить. Законы Природы все же имеют другую

«природу», чем законы социокультурной жизни, будь то правовые законы или нормы научного исследования. Элементарные частицы, в отличие от людей, не обладают мышлением, рефлексией, волеизъявлением. Науку и технологии тоже не Природа создавала. В той мере, как теорию турбулентности можно использовать в качестве руководящей познавательной метафоры, в той же мере, как мне представляется, не следует делать ее онтологией и искать здесь закономерности исторической динамики социума.

Список литературы

1. Батури́н 2019 – Батури́н Ю.М. Волновая картина века // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. III. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батури́н. М.: ИИЕТ РАН. Саратов, Амирит, 2019. 836 с.
2. Вихревая динамика 2018–2019 – Вихревая динамика развития науки и техники. В 3-х т. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батури́н. М., Саратов: Амирит, 2018–2019. Т. I. 658 с.; Т. II. 721 с.; Т. III. 836 с.
3. Гуревич 2005 – Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. 889 с.
4. Кузнецова 2022 – Кузнецова Н.И. От «парадигмы» к «дисциплинарной матрице»: роковой шаг // Эпистемология и философия науки. 2022. Т.59. № 4. С. 73-91.
5. Максвелл 1968 – Максвелл Д.К. Статьи и речи. М.: Наука, 1968. 424 с.
6. Stocking 1965 – Stocking Jr., G.W. On the Limits of ‘Presentism’ and ‘Historicism’ in the Historiography of the Behavioral Sciences // Journal of the History of the Behavioral Studies, July 1965, pp. 211–218.

УДК 930.2

ВЫБОР МЕТАФОРЫ: ВИХРИ ИЛИ ФАЗОВЫЕ ПЕРЕХОДЫ?

Кузьмин Юрий Викторович

*Кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: ykuzmin@rambler.ru*

Рассмотрены отличия «вихрей» (турбулентности) от волнообразного развития и точек бифуркации. Указано, что при турбулентных процессах отклонения между состояниями объекта в данный и следующий момент времени снижаются с уменьшением шага по времени медленнее, чем линейно. Такое можно выявить, только проведя статистический анализ исторических данных с агрегированием по нескольким, как минимум, трём временным промежуткам разной длины (месяц, год, десятилетие и т.д.). При этом минимальная длина промежутка должна, как и в гидродинамике, оставаться много большей типичного интервала между событиями. Это сильно увеличивает требования к объему данных, на котором можно провести подобный анализ. Предложена другая метафора описания исторических процессов: фазовый переход. Точка фазового перехода – момент времени, когда меняется динамика сразу многих показателей, характеризующих исторический процесс. На использованных автором наборах исторических данных фазовые переходы хорошо обнаруживаются уже на объеме в несколько тысяч исторических событий. Для мирового самолётостроения, например, фазовый переход произошёл в самом начале 1960-х годов. В этот момент существенно изменилась как динамика количественных характеристик (таких, как скорость), так и качественных (доли тех или иных технических решений в разработке и производстве).

Ключевые слова: метафоры исторического процесса, вихри, турбулентность, число Рейнольдса, волны и колебания, фазовые переходы, история самолётостроения

THE METAPHOR CHOICE: VORTEXES OR PHASE TRANSITIONS?

Kuzmin Yuri Victorovich

Ph. D. (Theor. Phys), senior researcher

Institute for the History of Science and Technology RAS

E-mail: ykuzmin@rambler.ru

Differences of “vortices” (turbulence) metaphor from wave-like (oscillating) development and bifurcation points are considered. It is mentioned that in turbulent processes, the deviations between the states of an object at a given and the next moment of time decrease with decreasing time step more slowly than linearly. This can be revealed only by conducting a statistical analysis of historical data with aggregation over several, three or more, lengths of time intervals (month, year, decade, etc.). The minimal length of the interval should, as in hydrodynamics, remain much larger than the typical interval between events. This greatly increases the requirements for the volume of data on which such an analysis can be carried out. Another metaphor for describing historical processes has been proposed, it is a phase transition. The phase transition point is a moment when the dynamics of many indicators characterizing the historical process changes at once. On the sets of historical data used by the author, phase transitions are well detected already at a volume of several thousand historical events. For the global aircraft industry, for example, a phase transition occurred at the very beginning of the 1960s. At that moment, both the dynamics of quantitative characteristics (such as speed) and qualitative characteristics (the share of certain technical solutions in development and production) changed significantly.

Keywords: metaphors of the historical process, vortexes, turbulence, Reynolds number, waves and oscillations, phase transitions, history of airplane manufacturing

Большинство историко-технических и историко-научных совокупностей фактов при уменьшении временного отрезка усреднения становятся дробным шумом. Если мы будем смотреть историю авиации по дням, то в этот день либо (чаще всего) не появилось ни одной новой модели, либо одна, либо (редко) – две. Если по часам, то значений «2» будет ещё меньше. Поэтому для прояснения динамики исторического процесса требуется усреднение по периодам, в каждый из которых случается достаточно много (что такое много - трудноопределимое понятие) единичных событий.

Для определения же наличия турбулентности необходимо несколько масштабов усреднения, сделать это на не слишком больших выборках данных (допустим, десятки тысяч) проблематично. Успехи гидродинамики связаны, в том числе, и с тем, что в любом различимом объёме находятся миллиарды миллиардов частиц. У историков таких массивов данных нет.

Если процесс турбулентный, то при уменьшении шага по времени не так, чтобы он оставался много больше среднего интервала между событиями, отклонения следующего значения от предыдущего не уменьшаются, а растут. Либо уменьшаются много медленнее, чем уменьшение длины интервала [Procaccia 1984].

Для количественного определения турбулентного характера распределения долей чего-либо в историческом процессе (например, долей экономических страт в населении, или процентов использования определенных типов двигателей в летательных аппаратах) можно использовать предложенный автором параметр $D(t, \Delta t)$:

$$D(t, \Delta t) = \sqrt{1/2 * (\sum_k (\sigma^k(t) - \sigma^k(t - \Delta t))^2) / (1 - \max_k (\min(\sigma^k(t), \sigma^k(t - \Delta t))))},$$

где $y^k(t)$ – доля страты k в период t , $y^k(t - \Delta t)$ – доля той же страты в предыдущий период, Δt – длина периода (в наших исследованиях обычно год или пять лет) $\Delta \sigma^k(t) = \sigma^k(t) - \sigma^k(t - \Delta t)$ - изменение доли страты. Обоснование формулы для $D(t, \Delta t)$ дано в статье [Кузьмин 2023].

Для турбулентного процесса $D(t, \Delta t)$ должен уменьшаться с уменьшением величины отрезка Δt гораздо медленнее, чем линейно, для ламинарного – примерно линейно, но только пока число событий в каждом отрезке много больше единицы.

На исторических данных такой параметр легче использовать не в истории техники, а там, где есть миллионы записей: демография, в т.ч. военные потери, криминология и т.д. На массивах из тысяч и десятков тысяч данных мне удалось применить его в 2023 г. лишь для определения момента смены тренда (фазового перехода, о котором речь пойдет ниже), но для этого достаточен только один масштаб анализа Δt .

Требование анализа на нескольких масштабах, не менее трёх (по аналогии с теорией вихрей в гидродинамике) резко увеличивает количество событий в минимальном наборе данных. Но если такой набор удастся составить и проанализировать, то появится возможность не просто диагностировать дихотомию «турбулентность-ламинарность», но и определять для исторических процессов величины, сходные с числами Рейнольдса [Карман 2002, с. 87], а это намного более глубокий анализ.

Скажем и о том, что не является вихрями. Волнообразное развитие и турбулентность – это совсем разные явления. Волны свойственны всем системам с обратной связью, от регулятора Уатта до наведения ракет ПВО, включая и социальные системы.

Волны в истории изучать можно и нужно, но это не вихри. Определение характерных длин колебаний даёт важную информацию о соотношении инерционности социальной системы и силы определённого вида обратных связей в ней, это полезная информация, которую можно содержательно интерпретировать и использовать, в том числе, и в футурологии, не сводящейся к банальной экстраполяции. Но это не турбулентность.

Не являются вихрями и точки бифуркации. Хотя они могут быть связаны с турбулизацией течения вероятностей, но в пространстве виртуальных миров (что было бы если бы?), схожим с пространством Гильберта в квантовой механике.

Наверное, это можно сделать. Возможно, полезным окажется подход, схожий со стохастическим квантованием [Namiki Waseda 1983]. В этом случае вводится дополнительный, не связанный с физическим временем параметр эволюции системы, «квазивремени». Весь процесс, от прошлого до будущего (для физической системы – всё четырёхмерное пространство-время в классическом случае или всё гильбертово пространство, включая ось времени, в квантовом случае). Наблюдаемый процесс определяется как предел такого развития по «квазивремени»

Вихри в данной методологии – это зоны расхождения траекторий при небольшом смещении вдоль координат пространства эволюции, что и соответствует точки бифуркации.

В физических системах стохастическое квантование дало новые результаты для сложных систем, в том числе, не поддающихся квантованию более привычными методами. Часть из них получена автором [Кузьмин 1990]. Но как построить модель, описывающую вероятностные течения исторических процессов и количественно измеримые показатели в них, мне пока непонятно.

Наконец, при использовании любой метафоры необходимо сохранять научность, которая означает проверяемость и повторяемость выводов. Поэтому любое значение, динамику которого мы изучаем должно быть хотя бы принципиально измеримым и процедура его получения должна быть понятна читателю.

Иногда же в историко-технических работах появляются графики, по оси ординат которых стоит, например, такая величина, как «инновационность конструкции» безо всякого объяснения, что это слово в данном случае означает и как эту

«инновационность» измерить [Glass 2013, s. 2]. На мой взгляд, это хуже, чем бессмыслица, это лженаука.

Автор при обработке собранных данных по истории самолётостроения обнаружил ещё одну метафору, которая работает уже на наборах в несколько тысяч событий и приводит к содержательным выводам и обобщениям. Это фазовый переход. Впервые я использовал эту метафору в 2016 г. [Кузьмин 2016]. Вслед за Митио Каку [Митио 2012, с. 463–466] мной были выделены четыре фазы развития техники. Если Митио выделял фазы «драгоценность, распространение, удобство, антиквариат», то мы выделяем фазы поиска, роста, зрелой технологии и антиквариата.

Фазы меняются со временем – пока именно оно играет роль «температуры», переводящей систему из одного состояния в другое. Возможно, при проведении анализа на ряде независимых исторических систем удастся вычленить другой управляющий параметр (для этого, в частности, необходимо обнаружить системы, в которых переходят фазовые переходы и в прямом, и в обратном направлении).

Особенно резко в самолётостроении проявляется раздел фазы развития и фазы зрелой технологии. Выявлено, что переход произошёл примерно в 1960 году, причём одновременно во всех подотраслях (например, в производстве боевых самолётов и самолётов общего назначения).

В это время меняется характер поведения средних значений количественных показателей самолётов. Если до этого, например, скорость быстро и неравномерно росла, то теперь она стабилизируется для боевых самолётов, а для самолётов общего назначения растёт очень медленно и без существенных колебаний, причём стабилизация произошла на уровне гораздо ниже каких-либо физических барьеров, например, скорости звука.

Одновременно меняется и поведение качественных показателей, в том числе, долей самолётов, построенных или разработанных с использованием тех или иных технических решений (аэродинамических схем, схем шасси, вида силовой установки и т.д.). Если до этого момента типичной динамикой является смена поколений – новые решения почти полностью и достаточно быстро вытесняют старые, то после критической точки на смену вытесняющей конкуренции приходит сосуществование: доли в производстве и разработки всех «доживших» до этого момента решений остаются примерно постоянными в течение продолжительного времени (несколько десятилетий).

Отметим, что это происходит одновременно с «заморозкой» количественных показателей. В это же самое время меняется тренд и других показателей, связь которых с указанными выше неочевидна. Например, доля новых моделей самолётов, которые затем запускаются в серийное производство, постоянно растёт как раз до 1960 года. А затем, несмотря на совершенствование методов проектирования, более глубокое понимание аэродинамики, прогресс в материаловедении она начинает убывать. В этот же момент начинает быстро расти средний возраст моделей в производстве. И удивительно, что всё это происходит около 1960-го года, что и позволяет нам использовать метафору «система перешла в новое фазовое состояние».

На мой взгляд, метафора «фазового перехода» весьма полезна в изучении науки и техники. Она концентрирует внимание исследователя на том, что целый ряд изменений в изучаемом объекте, кажется, причинно не связанных друг с другом, происходят одновременно. Более того, устойчивые тренды целого ряда характеризующих объект показателей полностью меняют свой характер.

По сравнению с вихревой метафорой «фазовые переходы» обнаруживаются уже на совокупностях исторических данных объемом несколько тысяч, а иногда – и сотни наблюдений. Диагностика же именно турбулентного характера процесса, на наш взгляд,

требует измерения стохастичности на нескольких масштабах времени, что существенно повышает минимально необходимый объём набора исторических данных.

Список литературы

1. Карман 2002 – Карман Т. Аэродинамика. Избранные темы в их историческом развитии. Ижевск: НИЦ РХД. 2001. 208 с.
2. Кузьмин 1990 – Кузьмин Ю.В. Стохастическое квантование гравитации // Вестник МГУ. Сер. 3. 1990. Т. 31. № 3. С. 8–13
3. Кузьмин 2016 – Кузьмин Ю.В. Стадии развития технологии на примере истории самолётостроения / Годичная конференция ИИЕТ РАН. М.: ИИЕТ РАН. 2016. С. 276–279.
4. Кузьмин 2023 – Кузьмин Ю.В. Стадии развития технологии: на примере эволюции силовых установок самолётов // Вопросы истории естествознания и техники. 2023 (в печати).
5. Митио 2012 – Митио Каку. Физика будущего. М.: «Альпина нонфикшн». 2012. 584 с.
6. Glass 2013 – Glass A. Problemy przyszlosci przemyslu lotniczego // Polska Technika Lotnicza. Materiały historyczne. 2013. № 1 (86). Ss. 1–8.
7. Namiki Waseda 1983 – Namiki M., Waseda U. Basic ideas of stochastic quantization // Progress in Theoretical Physics. V. 73. 1993. № 5. Pp. 1–41.
8. Procaccia 1984 – Procaccia I. Fractal structures in turbulence // Journal of statistical physics. 1984. Vol. 36. Pp. 649–663.

УДК 001.8.62

РОЛЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА ВОЛНОВОЙ ДИНАМИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Минина Екатерина Валерьевна

*Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе
ФГБУН Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: minina@ihst.ru*

В статье рассмотрены основные положения концепции больших циклов (длинных волн) Н.Д. Кондратьева и ее развитие в контексте изучения научно-технического прогресса. В качестве одной из основных характеристик механизма длинных волн Н.Д. Кондратьев и его последователи рассматривали особенности техники и технологии, характерные для различных исторических периодов. Развивая концепцию Кондратьева, С.Ю. Глазьев ввел в качестве элементов научно-технического прогресса понятия «технологического уклада» и выделил пять длинных волн с периодом около 100 лет, состоящих из четырех фаз. В.И. Пантин применил теорию длинных волн к изучению эволюции мировой экономической и политической системы, предположив, что ее полный цикл (виток) включает четыре фазы: структурного кризиса; технологического переворота; великих потрясений в международной экономике и политике; революции международного рынка. Для изучения влияния НТП на механизм длинных циклов А.В. Полетаев и И.М. Савельева исследовали патентную статистику и проанализировали количественные данные по внедрению базовых нововведений и не получили четкой корреляции с длинными волнами Кондратьева. Вместе с тем, подтвержденный многими исследователями волновой механизм научно-технического прогресса делает данный подход перспективным в выявлении и изучении закономерностей развития техники в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: теория длинных циклов, научно-технический прогресс, технологический уклад, технологическая революция, история техники

THE ROLE OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS IN THE FORMATION OF THE MECHANISM OF WAVE DYNAMICS OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Minina Ekaterina Valerievna

CSc in History, Deputy Director for Research

S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology RAS

E-mail: minina@ihst.ru

The article deals with the main points of big cycle (long wave) concept by N.D. Kondratyev and its development in the terms of scientific and technical progress. N.D. Kondratyev and his followers considered the peculiarities of technics and technology specific for different historical periods as one of the basic characteristics of long wave mechanism. Developing the idea of N.D. Kondratyev, S.U. Glazyev introduced the concept of “technological paradigm” as an element of scientific and technical progress and distinguished five long waves with the period of about 100 years, consisted of four phases. V.I. Pantin applied the long wave theory to the study of world economic and political system evolution suggesting that its full cycle (loop) includes four phases: structural crisis, technological revolution, great upheavals in international economics and politics and revolution of international market. To study the influence of scientific and technical progress on the long cycle mechanism A.V. Poletayev and I.M. Savelyeva studied the patent statistics and analyzed the quantitative data on the introduction of innovations and didn't get the clear correlation with Kondratyev's long waves. However, the wave mechanism of scientific and technical progress confirmed by many researchers makes this approach perspective in revealing and studying the regularities of technics development in historical perspective.

Keywords: long wave theory, scientific and technical progress, technological paradigm, technological revolution, history of technics

Очевидное для многих чередование этапов модернизации и стагнации в технологическом развитии, спадов и подъемов в экономике, активных и спокойных периодов в социальном развитии общества, периодов расцвета и застоя в культуре, побуждали ученых к поиску закономерностей этих процессов, созданию методологических концепция, позволяющих структурировать прошлое и возможно прогнозировать будущее развитие общества. Идея цикличности развития привлекала внимание историков, в том числе и по причине аналогии с природными процессами. Вместе с тем, изучение событий прошлого показывало, что смена одного цикла другим происходит через взлеты и падения (причем с разной амплитудой), что наводило на мысль о волновой динамике исторического развития.

6 февраля 1926 г. Н.Д. Кондратьев прочел в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук доклад на тему «Большие циклы экономической конъюнктуры», в котором выдвинул гипотезу о том, что экономические кризисы, регулярно повторяющиеся с 20-х гг. XIX в. представляют собой одну из фаз целого капиталистического цикла и выделил особый тип циклических колебаний, т.н. «большие циклы» [Кондратьев 1928, с. 7]. Н.Д. Кондратьев проанализировал изменение ряда экономических показателей (средний уровень товарных цен, процент на капитал, номинальная заработная плата, оборот внешней торговли и др.) по Германии, Франции, Англии и США за период около 140 лет и выявил в их динамике 2,5 цикла, продолжительностью 48–55 лет (с последних десятилетий XVIII в. до середины XIX в.; вторая половина XIX в.; с конца XIX в. до второго десятилетия XX в.), каждый из которых состоял из повышательной и понижательной волны. В ряду признаков повышательной волны, т.е. начала нового цикла, Н.Д. Кондратьев назвал глубокие изменения в технике и технологии производства. По его мнению началу повышательной волны второго большого цикла (конец 1840-х –

начало 1870-х гг.) предшествовал ряд важнейших технических изобретений: значительное усовершенствование паровоза (1824), изобретение турбины (1824–1827), начало использования портландцемента (1824), открытие электромагнитной индукции (1832), открытие гальванопластики (1838), изобретение электромагнитного телеграфа (1832–1837), изобретение парового насоса (1840), внедрение роторного бурения с промывкой скважины (1846), изобретение швейной машины (1847) и др. [Кондратьев 1928, с. 39]. Повышательной волне третьего цикла (середина 1890-х – до 1914–1921 гг.) также предшествовали существенные изменения в технике и технологии, связанные, главным образом, с практическим использованием электричества: динамомашинка постоянного тока Грамма (1870), технология получения аммиака (1875), электропередача с постоянным и переменным током (1877, 1891), электрический телефон (1877), конверторный способ производства стали (1878), электрический рельсовый транспорт (1879–1881), трансформатор (1882), электрическая сварка иковка (1881–1889) и др. [Кондратьев 1928, с. 40].

Опираясь на факты одновременного и независимого появления одних и тех же изобретений и открытий в разных странах, Н.Д. Кондратьев предположил, что направление и интенсивность научных открытий и изобретений является функцией запросов практической деятельности и уровня предшествующего развития науки и техники, и сделал вывод о том, что развитие техники включено в ритмичный процесс развития больших циклов.

В 1930–1950-е гг. концепция больших циклов (длинных волн) Кондратьева получила развитие в работах Й. Шумпетера, В. Зомбарта, Г. Эмбера, Ф. Броделя. Так Шумпетер выдвинул гипотезу, объясняющую длинные волны периодической концентрацией технических нововведений в относительно короткие промежутки времени [Шумпетер 1982].

В 1980 – начале 1990 гг. в СССР/России предпринимались попытки разработки теории научно-технического прогресса (НТП), в том числе в рамках концепции длинных волн [Яковец 1984, Никитин 1986, Глазьев 1990, Казанцев 1991]. Во многом это было связано с попыткой найти объяснение явного замедления НТП после его бурного роста в 1950–1960-е гг.

С.Ю. Глазьев, указав на трудности анализа НТП в рамках отраслевого подхода, предложил в качестве элементов НТП понятия «технологической совокупности» (ТС) как совокупности технологически сопряженных производств, и «технологического уклада» (ТУ), объединяющего ТС, связанные между собой однотипными технологическими цепями. Основная идея концепции технологических укладов состоит в том, что технологическая сопряженность порождает синхронность в эволюции образующих ТУ производств и создает материальную основу циклических колебаний. В ходе дальнейших исследований С.Ю. Глазьевым были выделены пять длинных волн, названных по соответствующим ключевым технологиям [Глазьев 1990, с. 15–26]:

- 1770–1830 – текстильные машины;
- 1830–1880 – паровой двигатель;
- 1880–1930 – электродвигатель;
- 1930–1970 – двигатель внутреннего сгорания;
- 1970–2010 – микроэлектроника;
- 2010–2040 – нанотехнологии.

Период длинной волны протяженностью около 100 лет состоит из четырех фаз: становления (медленный неустойчивый рост), роста (быстрый ускоряющийся рост), зрелости (замедляющийся рост) и упадка [Глазьев 2012].

В.И. Пантин применил теорию длинных волн к изучению эволюции мировой экономической и политической системы, предположив, что ее полный цикл (виток) включает четыре фазы [Пантин 1997, с. 52]:

1. структурного кризиса (соответствует понижательной волне, предшествующей первому циклу Кондратьева);

2. технологического переворота (соответствует повышательной волне первого цикла Кондратьева);

3. великих потрясений в международной экономике и политике (соответствует понижательной волне первого цикла Кондратьева);

4. революции международного рынка (соответствует повышательной волне первого цикла Кондратьева).

В рамках первого цикла волна технологического переворота совпала с промышленной революцией в Англии, в результате которого появились новые отрасли промышленности, использующие паровые машины. На втором витке фаза технологического переворота была связана с появлением электротехнической промышленности, автомобилестроения, нефтехимии, тракторостроения и авиастроения, принципиально новых видов вооружения. На третьем витке фаза технологического переворота (1980-е гг. – около 2005) ознаменовалась появлением персональных компьютеров, развитием микроэлектроники, информационных технологий, телекоммуникаций и т.п. В рамках своей концепции В.И. Пантин прогнозировал, что после этой фазы технологического переворота, как и после других, наступит фаза социальных потрясений, длительностью около 12 лет (2005–2017) и описал ее как период «максимального риска для всего человечества», прогнозируя высокую вероятность военно-политических столкновений цивилизационного масштаба [Пантин 1997, с. 53–59].

Интересные результаты по изучению влияния НТП на механизм длинных циклов получили А.В. Полетаев и И.М. Савельева. Одним из самых доступных показателей накопления знаний, по мнению исследователей, является патентная статистика. Выполненный ими анализ данных патентной статистики за достаточно продолжительный период (в Великобритании – с середины XVII в., в США – с середины XVIII в.) показал, что в Англии/США периоды подъема в числе выданных патентов приходились на разные фазы длинных циклов. Пики 1795–1801/1859–1877 и 1834–1845/1912–1925 соответствовали концу подъема и началу рецессии промышленного производства, пик 1878–1897 – депрессии и оживлению; пик 1917–1923 – депрессии, а пик 1956–1968/1958–1970 – оживлению и началу подъема [Полетаев 2009, с. 90–91]. В качестве второго показателя А.В. Полетаев и И.М. Савельева использовали число важнейших нововведений. В качестве источника авторы использовали пять разных списков важнейших нововведений, лишь три из которых охватывали XIX век, и все заканчивались 1960-ми годами. Их данные были сопоставлены с хронологией мирового длинного цикла. Результаты сопоставления получились более однозначными, чем в случае с патентной статистикой: все периоды максимума базовых нововведений (1820–1825, 1880–1889, 1930–1949) пришлись на фазы депрессии мирового длинного цикла [Полетаев 2009, с. 91–92]. Таким образом, статистика патентов и нововведений в явном виде не подтвердила наличие устойчивых связей между долговременными колебаниями научно-технического прогресса и длинными волнами экономического роста.

В заключении отметим, что интерпретация исторического процесса в контексте волнового подхода позволяет выявить и проанализировать моменты повторяемости; выделить сквозные критерии, влияющие на формирование восходящих и нисходящих волн развития. Подтвержденный многими исследователями волновой механизм научно-

технического прогресса делает данный подход перспективным в выявлении и изучении закономерностей развития техники в исторической ретроспективе.

Список литературы

1. Глазьев 1990 – Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990. 232 с.
2. Глазьев 2012 – Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // ЭНСР. 2012. № 2(57). С. 27–42.
3. Казанцев 1991 – Казанцев В.С., Тесля П.Н. и др. Длинные волны. НТП и социально-экономическое развитие. Новосибирск, 1991. 223 с.
4. Кондратьев 1928 – Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры. М.: Институт экономики, 1928. 288 с.
5. Никитин 1986 – Никитин С. Теория «длинных волн» и НТП // Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 8. С. 101–110.
6. Пантин 1997 – Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Московский философский фонд, 1997. 192 с.
7. Полетаев 2009 – Полетаев А.В., Савельева И.М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М.: Юстицинформ, 2009. 272 с.
8. Шумпетер 1982 – Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
9. Яковец 1984 – Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М., 1984. 239 с.

УДК 001.8

ДЕВИАНТНОЕ И КВАЗИ-ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧЕНЫХ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КООРДИНАТАХ

Родный Александр Нимиевич

Доктор химических наук

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: anrodny@gmail.com

В статье рассматривается концепция девиантного поведения ученых (ДПУ) для изучения нелинейных, турбулентных процессов в истории науки. Как врач познает организм человека по его болезням, так и у историка науки есть возможность изучать организм науки по ДПУ. Это понятие включает в себя довольно большой спектр социально-психологических особенностей поведения ученого: от антисоциального, более мягкий случай – незтичного, до квази-антисоциального, когда состояние общества входит в противоречие с нормальным процессом развития науки. Тогда возникают, с одной стороны, такие феномены как «лысенковщина» или «арийская наука», а с другой, «Вавилова» или «Сахарова». Проявления ДПУ носят индивидуальные и коллективные формы, достигая масштабов межнациональных социумов, которые рассматриваются в трех аспектах: феноменологическом, этиологическом и методологическом. Особый акцент делается на возможностях оперировать понятием ДПУ в историко-научном исследовании.

Ключевые слова: Девиантное поведение ученых, турбулентные процессы, история науки

DEVIANT AND QUASI-DEVIANT BEHAVIOR OF SCIENTISTS IN SOCIOCULTURAL COORDINATES

Rodny Alexander Nimievich

DSc in Chemistry

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,

Russian Academy of Sciences

E-mail: anrodny@gmail.com

The article discusses the concept of deviant behavior of scientists (DBS) to study nonlinear, turbulent processes in the history of science. As a doctor learns the human body from its diseases, so the historian of science has the opportunity to study the body of science according to the DBS. This concept includes a rather large range of socio-psychological characteristics of a scientist's behavior: from an antisocial, milder case - unethical, to quasi-antisocial, when the state of society comes into conflict with the normal process of the development of science. Then, on the one hand, such phenomena as "Lysenkoism" or "Aryan science" arise, and on the other, "Vavilova" or "Sakharova." The manifestations of DBS are individual and collective forms, reaching the scale of interethnic societies, which are considered in three aspects: phenomenological, etiological and methodological. Special emphasis is placed on the possibilities to operate with the concept of DBS in historical and scientific research.

Keywords: Deviant behavior of scientists, turbulent processes, history of science

Этот науки нередко вступает в противоречие с социально-психологическими установками ученых, что проявляется в нежелании испытывать чувство солидарности с коллективными ценностями, идеалами и отождествлять себя с какой-либо социальной группой. В современной («большой») науке это противоречие еще обостряется из-за интенсификации исследовательских процессов, связанных с резким увеличением информации, усложнением экспериментов, доминированием междисциплинарных связей, возрастанием конкуренции. Поэтому недостаточно традиционного рассмотрения поведения ученых как «благополучного», когда исследователи добиваются позитивных результатов, а сами выступают как «благородные» носители истины. Обилие розовой краски обедняет палитру деятельности ученых. Как врач познает организм человека по его болезням, так и у историка науки есть возможность изучать организм науки по девиантному поведению ученых (ДПУ). Это понятие включает в себя довольно большой спектр социально-психологических особенностей поведения ученого: от антисоциального, более мягкий случай – неэтичного, до квази-антисоциального, когда состояние общества входит в противоречие с нормальным процессом развития науки. Тогда возникают, с одной стороны, такие феномены как «лысенковщина» или «арийская наука», а с другой, «Вавилова» или «Сахарова».

Историк науки при изучении научных сообществ, чтобы избежать «излишней» субъективности, может пользоваться определенными параметрами, которые в идеальных условиях поиска информации, выражаются в количественных показателях. Например, если бы исследователи могли установить хотя бы в некотором приближении число уволенных с работы в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. в СССР ученых еврейской национальности в результате кампании борьбы с «космополитизмом», проводимой государством, то можно было бы конкретнее ставить некоторые вопросы. Например, отразилась ли эта кампания на развитии отечественной науки; возникли ли в ней турбулентные процессы со всеми ее минусами и плюсами; кем в рамках концепции девиантного поведения являлись увольняемые и те, кто их увольнял. Ответы даже при наличии количественной аргументации, во многом будут зависеть от методологической интерпретации историко-научного материала. Но все же определение поведения ученых по отношению к социуму в целом и научному сообществу в частности, как девиантное

или квази-девиантное, на мой взгляд, является продуктивным для историко-научного анализа турбулентных процессов в социокультурных координатах. Проявления ДПУ носят индивидуальные и коллективные формы, достигая масштабов межнациональных социумов, которые можно рассматривать в трех аспектах: феноменологическом, этиологическом и методологическом.

Феноменологический аспект предполагает нахождение и описание кейсов, примеров, образцов и моделей ДПУ. При этом следует различать ДПУ как результат антиобщественной деятельности [Гишинский Афанасьев, 1993], где его основными формами являются преступность, алкоголизм, наркомания, самоубийство и ДПУ как деятельность, направленная против научного социума [Виноградова 2017], выражающаяся в фальсификации научных результатов, плагиате, злоупотреблении «своим статусом», намеренное нарушение норм эксперимента и т. д.

Этиологический аспект связан с поиском специфических причин ДПУ. По Р. Мертону [Merton 1975] базой его является порочная организация науки с ее системой поощрений. Рядом авторов [Виноградова 1993] выделяются более конкретные причины: погоня за количеством публикаций, засекречивание информации, потеря личностных контактов, «почетное» соавторство и другие корпоративные интересы, разрушающие этос науки. Имманентным противоречием научной деятельности и одновременно мощным фактором возникновения девиантности является раздвоенность ученого, самостоятельно работающего и зависимого от социума. Попытка изменить свою социальную роль нередко ведет к конфликтам реже к ДПУ, а благодатной почвой для этого является акт творчества, сопряженный со сосредоточением (уходом в себя) и возбуждением. Причем ДПУ далеко не всегда сознательный акт, а бессознательное поведение не является объектом социального контроля.

Методологический аспект акцентирует внимание на возможностях оперировать с понятием ДПУ в историко-научном исследовании [Родный 1995; Родный 1996]. Особенности творческой личности нередко проявляются как отклонения от нормы, а интенсификация научной деятельности вступает в противоречие с психикой ученых и их социальной самоидентификацией, и, прежде всего, с нежеланием подчиняться авторитетам в ущерб собственной индивидуальности. Яркий пример историко-научного исследования с выходом на девиантность содержится в работе Дж. Холтона [Холтон 1981, с. 211–293], который нашел исходные экспериментальные журналы будущего нобелевского лауреата по физике Р. Милликена, сделав историю открытия электрона достоянием научной общественности. Ему удалось показать противоречивость научного процесса, когда Милликен, убежденный в правоте атомистической теории, позволил себе допустить нарушение норм научного эксперимента, скрыв противоречащие его выводам данные.

Рассмотрение форм и причин девиантности в пространственно-временных координатах дает инструмент для исследования сложных, турбулентных, нелинейных процессов личностной (психологической), социальной, институциональной и когнитивной природы. Историко-научные разработки в русле концепции ДПУ могут способствовать расширению методологической и методической базы арсенала исследований, проведенных коллективом научных сотрудников Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН под руководством Ю.М. Батурина [Вихревая динамика, 2018–2019].

Список литературы

1. Виноградова 2017 – Виноградова Т.В. Добросовестность в научных исследованиях: Аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН. 2017. 74 с.

2. Виноградова 1993 – Виноградова Т.В. Этические проблемы творчества ученого: Научно-аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН. 1993. 46 с.
3. Вихревая динамика 2018–2019 – Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века. М., Саратов: ИИЕТ РАН; Амирит. Т. 1–3. 2018–2019.
4. Гишинский Афанасьев 1993 – Гишинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1993. 167 с.
5. Родный 1995 – Родный А.Н. Отклоняющееся поведение в науке. // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов: Международный ежегодник. Вып. 9. Ч. 2. СПб., 1995. С. 19–23.
6. Родный 1996 – Родный А.Н. Отклоняющееся поведение ученых как объект историко-научного исследования. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1995. М., 1996. С. 99–100.
7. Холтон 1981 – Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс. 1981. 383 с.
8. Merton 1973 – Merton R.K. The Sociology of science // Theoretical and Empirical Investigations. The University of Chicago Press. 1973. 606 p.

Часть 8. Воображаемое будущее. Актуальные вопросы философского детерминизма, провиденциализма и дивинации

УДК 008.2

(АНТИ)ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО: ПО ТУ СТОРОНУ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Абрамычев Михаил Михайлович

Аспирант

*Кафедра философии физического факультета, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: abramychevmm@gmail.com*

В данной статье анализируется специфика прогнозирования. Отмечается, что в самой сущности прогнозирования заключена инструментализация, которая, с одной стороны, сводит область человеческих поступков к набору поведенческих паттернов, а, с другой стороны, переформатирует человеческое мышление, образуя тем самым определенную матрицу мышления. В свете снятия проблемы поступка внутри прогнозирования реконструируется подход Ханны Арендт, для которой характерной чертой кризиса современного мира становится ликвидация публичного политического пространства в результате упразднения *Vita Activa*. Анализ современного политического пространства, осуществляемый Арендт, показал, что сущность поступка сопряжена с натальностью, то есть с возможностью нового начинания. В этой связи предлагается новый подход к реализации прогнозирования, которое, имея приставку «анти», подчеркивает отказ исключительно от выхолащенной инструментальности, но не от возможности взора по направлению к будущему. Таким образом, (анти)прогнозирование, становясь полноценным начинанием, призвано показать оборотную сторону инструментализации человеческой жизни в ходе нашей устремленности в будущее.

Ключевые слова: футурология, философия будущего, деятельная жизнь, поступок, Ханна Арендт, прогнозирование

(ANTI)FORECASTING OF THE FUTURE: BEYOND THE INSTRUMENTALITY OF HUMAN LIFE

Abramychev Mikhail Mikhailovich

PhD student of Department of Philosophy

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: abramychevmm@gmail.com*

This article analyses the specifics of forecasting. It is noted that the essence of forecasting contains instrumentalization, which, on the one hand, reduces the field of human actions to a set of behavioral patterns, and, on the other hand, reformulates human thinking, thus forming a certain matrix of thinking. In the light of the removal of the problem of action within prediction, Hannah Arendt's approach is reconstructed, for whom the elimination of public political space as a result of *Vita Activa* abolition becomes a characteristic feature of the modern world crisis. Arendt's analysis of contemporary political space showed that the essence of action is connected with natalism, i.e. with the possibility of a new undertaking. This proposes a new approach to the realization of anticipation, which, with the prefix "anti", emphasizes the rejection of solely emasculated instrumentality, but not the possibility of looking towards the future. Thus (anti)anticipation, becoming a full-fledged endeavour, is meant to show the flip side of the instrumentalisation of human life in the course of our aspiration for the future.

Keywords: futurology, philosophy of the future, activity life, action, Hannah Arendt, forecasting

Видимый горизонт будущего, становящийся видимым в процессе осуществления прогноза, тесно сопряжен с той ответственностью, которую мы возлагаем на себя за возможность видимости как таковой. Принимая во внимание существующую сейчас непроницаемость для взгляда и осмысления самой событийности за горизонтом будущего, мы волей нашего усилия преодолеваем «сейчас» и высвечиваем сам горизонт, лишь фрагментарно выхватывая вспышки происходящего за ним. Выхватывание при этом не обуславливается ясностью нашего взгляда здесь, но, напротив, существует лишь вполне определенная оптика, конструируемая нашим отношением к настоящему и через него к будущему, что предполагает альтернативность выхватывания. Стоит полагать, что саму сущность прогноза (πρόγωση) составляет вычисляемость жизни. Характерной чертой этой вычисляемости становится рассмотрение не человеческой деятельности, но человеческого поведения. Исследование поведения позволяет схватывать паттерны взаимодействия, выявлять тенденции, то есть исходить из определенной детерминации поведения при прогнозе будущего. В позднем творчестве Мартина Хайдеггера мы находим определение такому виду мышления, которое полностью основывается на перманентной калькуляции цифр, статистических данных, отражающих закономерности человеческого поведения. «Мы заранее рассчитываем на определенные результаты. Это рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует» [Хайдеггер 1991, С. 104]. Хайдеггер именует такое мышление как «вычисляющее», которое противостоит мышлению «осмысляющему». Подходя к прогнозированию с такой точки зрения, мы обнаруживаем в его существе способность к полному или частичному выхолащиванию событийности самой жизни, смещении акцентов с деятельности в сторону поведения, а значит в забвении актуальности в пользу будущего. Проблематизация футурологии как таковой должна учитывать важность этого направления внутри группы социальных наук, поскольку человеческое существование в виду своей потенциальности всегда направлено за границу сейчас, что подчеркивает необходимость осмысления существующих возможностей развития для оперативной и плавной перекоифигурации нашего способа быть. Но в то же время акцентуация на будущем может стать чертой человеческого характера, служить определенной матрицей мышления, посредством которой происходит тотальная инструментализация человеческого существования.

Интеллектуальная мысль двадцатого столетия принимает в качестве общего для всех сюжета дескрипцию кризиса западного мира. Творчество Ханны Арентд здесь не становится исключением. Если для ее коллег по интеллектуальному фронту кризис современности становится простой наличной данностью, а деконструирующая сила их критики лишена созидательной интенции, то случай Арентд не является типичным. Для Ханны Арентд сама проблематичность нашего пребывания в современном мире связана с деформацией политического, понимаемого в качестве публичного пространства действия и высказывания. Истоки этой деформации Арентд обнаруживает в античности, где *Vita Activa* (деятельная жизнь) уступает место *Vita Contemplativa* (жизнь созерцательная). Данное деление во многом связано с именем Аристотеля, которому принадлежит разделение способов жизни, включающее противопоставление жизни государственного мужа и жизни философа [Аристотель 1983]. Характерные для *Vita Activa* виды деятельной жизни такие, как труд, создание и действие (поступок) снимаются, начиная уже с античных времен. Еще присутствующий сегодня труд, как показывает Ханна Арентд, в скором времени может бесследно исчезнуть. Учитывая обилие утопичных проектов, демонстрирующих широким массам возможность жизни без труда, скрывает для Арентд угрозу полной ликвидации пространства свободного

действия и высказывания, а также опасность тотальной механизации жизни [Арендт 2017, с.169].

Действие (поступок), в отличие от поведения, сопряжено с натальностью, новым началом [Арендт 2017, с. 221]. В данном месте, несмотря на сложившийся перевод текста и терминологии Арендт, нам все же стоит отмежеваться от тождественности поступка и действовани. Действие в смысле поступка (нем. Handlung) есть черта именно некоторого сознательного акта, когда как о действовании (нем. Wirken) мы можем говорить в контексте действия физических законов, то есть природы. В связи с данным обстоятельством далее мы будем говорить именно о поступке, избегая тем самым возможных проблем в понимании и подчеркивая специфически человеческую черту поступать. Натальность, заключенная внутри поступка, имеет два уровня значения: во-первых, новое начало подразумевает, что в результате поступка рождается нечто новое, уникальное (можно сказать, что само биологическое рождение человека является первым полноценным поступком); во-вторых, сам поступок связан рождением самого «Кто» этого поступка, его вторым рождением в смысле самоутверждения поступающего (это второе рождение отлично от биологического, поскольку осуществляется уже в пространстве политического). Поступок к тому же, как показывает Ханна Арендт, невозможен в изоляции. Поступая, человек создает цепь событий, что позволяет ему выступать в качестве некоторого первоначала (ἀρχή). Быть первоначалом, то есть начинать что-либо, значит также исполнять, осуществлять (πράττειν) исходное начинание. Этот исконный смысл начинания мы вслед за Арендт можем раскрыть несколькими способами. С одной стороны, начинание должно сопровождаться включенностью самого начинающего, которая может выражаться в принятии на себя полной ответственности за свой поступок, с другой стороны, начинающий что-либо включен в публичное пространство, где присутствует среди других людей, а значит он «вместе с тем и терпящий» [Арендт 2017, с. 238]. Можно заметить, что, поступая, мы не только заявляем о себе, включаемся в сам процесс реализации начинания, но и разрываем ткань повседневной жизни, отмечая осуществление нового начала.

Отметив специфику поступка через прочтение Ханны Арендт, стоит снова вернуться к предсказанию. Мы уже указывали на то, что для существа прогноза характерна инструментализация жизни, трансформация человеческого мышления. Также было показано снятие проблемы поступка посредством фокусирования на поведении, то есть на том, что можно вычислять. Но можно ли рассматривать прогноз в свете самого поступания? Здесь мы склонны отвечать на поставленный вопрос положительно, но с рядом значительных оговорок. Для начала стоит отметить, что инструментальный подход внутри прогнозирования может привести к потере сцепления с актуальностью в результате восприятия человеческой деятельности посредством набора статистических данных, утрачивающих динамику и специфику этой самой деятельности. Можно сказать, что таким образом мы за-ставляем, то есть перекрываем, наш способ быть здесь и сейчас, устремляемся в будущее, не имея должного схватывания поступающего настоящего. Здесь будет уместным упомянуть тонкое замечание Теодора Адорна, затрагивающее утрату настоящего в погоне за будущим: «Скачок в будущее в попытке перескочить условия настоящего приводит в прошлое» [Адорно 2022, с. 319]. В этом свете стоит заключить, что положительный ответ на поставленный вопрос должен включать себя рассмотрение прогнозирования с точки зрения полноценного поступка, то есть такого акта, в саму интенцию которого включена натальность. Осуществление прогноза в таком случае предполагает переформатирование самой специфики прогнозирования. Уместнее будет сказать, что прогнозирование приобретает приставку «анти», подчеркивающую отказ от существующего характера прогнозирования, но сохраняющую возможность взора в будущее. Такое

прогнозирование, обладающее натальностью, способностью к порождению нового начала, в то же самое время должно включать в свою область и противоположность натальности – «mortality», смертность. Данная направленность к смерти не означает торможение устремленности человека к будущему, напротив, в ней подчеркивается существующий в потенциальности крах любого проекта будущего, не ведущего при этом к беспокойству об этой возможности и опасности о безвозвратной утрате настоящего, о чем в полной смысловой противоположности говорит А.Ф. Филиппов в контексте своего детального анализа проблемы мышления у Ханны Арендт [Филиппов 2013, с. 157]. Антипрогнозирование должно быть направлено на саму возможность конечности мира и предполагать ответственность человека перед лицом раскрытия занавеса будущего.

Иными словами, рассматривая (анти)прогнозирование в качестве поступка, представляющего собой акт артикулированного осмысления возможного за горизонтом будущего, мы указываем на следующий его характер. Прогноз с приставкой «анти», как и прогноз в общем смысле, имеет цель схватить будущее, сделать его осязаемым для человеческого взгляда, но также и подчеркнуть конечность будущего и нашу ответственность перед лицом этой конечности. Осуществляя (анти)прогнозирование, мы должны оставлять право за человеком поступать, быть новым началом, не скатываясь к инструментализации человеческой жизни. Мы относим (анти)прогнозирование к осмысляющему мышлению, поскольку предполагаем открытость будущего и сохранение событийности будущего во всей ее полноте, что невозможно посредством вычисляющего мышления. Здесь необходимо уточнить наше понимание ответственности, которая, будучи ответственностью перед конечностью, предполагает также полное принятие актуальности как широкого пространства совершения поступка, а также сохранение открытого характера будущего в смысле его случайности. Случайность означает отсутствие общего способа раскрытия будущего (того, как оно случится), оставление за самим будущим возможности постоянного разворачивания собственного горизонта, а значит и альтернативность нашего схватывания этого будущего. Человек, пробрасывая свой взгляд в будущее, должен принимать в расчет собственную ответственность за возможное перекрывание ряда возможностей, а значит перед ним возникает необходимость в процессе (анти)прогнозирования со-раскрываться вместе с миром и другими людьми. В заключении, мы лишь добавим, что ключевой темой нашего рассуждения остается именно человек, так как именно он, обладая особым онтологическим статусом среди прочего сущего, как показывает Мартин Хайдеггер, является проводником свободы, которая, находясь в сердце самого бытия, пронизывает человека, давая ему возможность полноценно распоряжаться этой свободой [Хайдеггер 2017, с. 169], а значит и совершать поступки, устремляющие нас в неизвестность предстоящего.

Список литературы

1. Адорно 2022 – Адорно Т. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни / Теодор В. Адорно ; перевод [с немецкого] Александра Белобратова под редакцией Татьяны Зборовской научный редактор: Кирилл Чепурин. – Москва: Ad Marginem [и др.], 2022. – 390 с.
2. Арендт 2017 – Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Ханна Арендт; перевод с немецкого и английского В. В. Бибикина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Ад Маргинем Пресс [и др.], 2017. – 415 с.
3. Аристотель 1983 – Аристотель. Никомахова этика. Сочинения : В 4 т. Т. 4. / Аристотель ; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Мысль, 1983. С. 53-294.

4. Хайдеггер 2018 – Хайдеггер М. О существовании человеческой свободы : введение в философию: [курс лекций] / Мартин Хайдеггер ; перевод с немецкого А.П. Шурбелёва. - Санкт-Петербург: Владимир Даль : Береста, 2018. – 414 с.
5. Хайдеггер 1991 – Хайдеггер М. Отрешенность / Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества: [Перевод] / [Под ред. А.Л. Доброхотова]. – М.: Высш. школа, 1991. С. 102-111.
6. Филиппов 2013 – Филиппов А.Ф. Мышление и смерть: «Жизнь ума» в философской антропологии Ханны Арендт // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 155–167. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20860053_64928567.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

УДК 122

ЛОГИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ПРЕДСКАЗАНИЯХ БУДУЩЕГО

Громов Богдан Юрьевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук
Нижегородский государственный педагогический университет*

имени Козьмы Минина

E-mail: bogdan.gromov1989@gmail.com

Статья посвящена исследованию предсказательных возможностей наук. Рассматривается ценностный характер научного знания, описана процедура разрешения, в качестве специальной познавательной процедуры оценки знания. Описан процесс установления тождества в логике и философской онтологии. В статье анализируется корреспондентное определение истины, проводится различие между высказываниями в логическом и онтологическом смысле. Указан способ символизации предметов формально-логического познания. Статья описывает методологию типовой спецификации, также описана проблема автоматизма сознания.

Ключевые слова: автоматизм сознания, тождество, принцип противоречия, различие, повторение, логико-онтологический параллелизм

LOGICAL-ONTOLOGICAL PARALLELISM IN DIVINATIVE STATEMENTS

Gromov Bogdan Yurievich

PhD in Philosophy, Associate Professor

of the Department of Philosophy and Social Sciences

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

E-mail: bogdan.gromov1989@gmail.com

The article is devoted to the study of the predictive capabilities of the sciences. The value nature of scientific knowledge is considered, the resolution procedure is described as a special cognitive procedure for assessing knowledge. The process of establishing identity in logic and philosophical ontology is described. The article analyzes the corresponding definition of truth, distinguishes between statements in the logical and ontological sense. The method of symbolization of objects of formal logical knowledge is indicated. The article describes the methodology of a typical specification, and also describes the problem of mind automatism.

Keywords: automatism of consciousness, identity, principle of contradiction, difference, repetition, logical-ontological parallelism

Минимальное определение науки, данное Брониславом Малиновским, состоит в том, что наука «использует прошлое наблюдение для предсказания будущего»

[Малиновский 2005, с. 35]. Этот предсказывающий характер научного знания указывает на два момента. Предметы научного интереса воспроизводимы в будущем и длительны в наблюдении. Эти предметы попадают в область интереса *отбором* по воспроизводимости. Предметы научного наблюдения наблюдались в прошлом для того, чтобы наблюдаться в будущем, то есть дление наблюдения обусловлено не природой предмета, но заинтересованностью наблюдателя в том, чтобы предмет длился.

Обратим внимание, что таким образом наука знает то, что выгодно знать, а объективность процедур наблюдения имеет утилитарный характер. А. Н. Уайтхед отмечал эту ангажированность знания словами: «Мышление – это одна из форм выделения важного» [Уайтхед 1990, с. 84]. Процедуру, в которой сущность выделяется в качестве «важной», мы назовём *разрешением*, указав, что выделение важного процессуально, то есть разрешение длительно в том же самом смысле, в каком длительно наблюдение, составляющее цель и деятельность науки. Выход из горизонта вещей в форму «важного» представляет собой случай экземплификации, который в суждениях выражается словами «один из», «каждый», «некоторый», «этот». Соотнесенность экземпляра с типом родственных экземпляров, позволяющая вещи выйти в роли предмета мышления, мы и отмечаем в качестве тождества объекта, когда говорим: «А есть А», или «Солнце есть Солнце», или «закон есть закон». При этом не имеет значения материален предмет или он, выражаясь старомодно, «идеален», поскольку предмет получает свою объективность и действительность не от материи, а от своей способности представлять тип. Независимость объекта от субъекта, то есть сама его объективность, выражается в том, что установленное тождество установлено с необходимостью, то есть объект невозможно «растождествить». Тождество длится «всегда», то есть во всех протяженностях длениа – в прошлом, настоящем и будущем. Из всех длющихся предметов для нас наиболее важными становятся те, которые длятся в будущее, поскольку они заботят нас. Скажем, что объективность предмета собрана его важностью для мышления, а сама важность произведена процессом разрешения мысли с уточнением важности в многозначных оценках от «более важное» к «менее важное», с шагами от большего к меньшему, заданными правилом разрешения.

Таким именно способом мы понимаем определение «*Veritas est adaequatio rei et intellectus*» (истина есть соответствие вещей предметам мысли). Соответствие, с каким соотносятся вещи и мысли, есть разрешение мыслей в истинные или ложные значения высказывания. Поняты в таком смысле истина и ложь есть экземпляры некоторого типа. Назовём этот тип «логическими значениями». Иным образом *rei*, которые есть и форма (вещь, предмет мысли) и оформление, то есть *res* (дело, собрание) разрешаются одним частным случаем именованя, отмеченным ещё Платоном: «Именно те первоначала, из которых состоим мы и все прочее, не поддаются объяснению. Каждое из них само по себе можно только *назвать*, но добавить к этому ничего нельзя... Эти начала необъяснимы и непознаваемы, они лишь ощутимы. Сложенное же познаваемо, выразимо и доступно истинному мнению» [Платон 1993, с. 126]. Этот случай называния первоначала сходен с воззванием, выражаемым императивом «*esto!*», то есть «будь!». Это случай разрешения *rei* и *res*. Этот случай, рассматриваемый Платоном, возводится к Гераклиту и его ученикам и связан с самыми ранними формами онтологии становления, достигшими наиболее развитых форм в философии Ницше, Бергсона, Делёза. В приведённом фрагменте нужно также отметить типовую спецификацию, осуществляемую Платоном относительно «сложенных», то есть «составленных» вещей, которые выразимы, и вещей «составляющих», тех самых необъяснимых, но называемых первоначал, которым и посвящено высказывание. Тип сложенных вещей, может быть предварительно обозначен словом символ, которое в своем греческом звучании *σύμβολον*, означает «брошенное вместе», а в немного вольном толковании может значить

«вместе длящееся». Тип простых первоначал назовём греческим словом «νόμος», то есть «имя», номос, сохранив для себя оговорку, что каждый случай названия такого имени представляет собой акт воззвания.

В трёх проведённых процедурах типовой спецификации сущностей, представленных в латинском высказывании, нас более других интересует тип номос, а именно вопрос о том, почему номос немыслим. Под немыслимостью номоса мы имеем в виду отмеченные Платоном невыразимость и необъяснимость первоначал, которые не допускают размещения номоса в высказывании. «Каждое из них само по себе можно только назвать, но добавить к этому ничего нельзя – ни того, что оно есть, ни того, что его нет» [Платон 1993, с. 126]. Мы понимаем это так, что сказать «бытие!» возможно, но сказать «бытие есть», так, чтобы субъект высказывания «бытие есть» был тождественен объекту воззвания «бытие!» невозможно. В этом и заключается невыразимость первоначал – в невозможности конструировать высказывание, субъектом которого может быть экземпляр типа первоначал. То есть предмет воззвания «бытие!» и высказывания «бытие есть» не тождественны по самому условию типовой спецификации первоначал. Из условия, что к номос нельзя присудить никакого предиката следует, что воззвания номос не субординированы с принципом противоречия, иначе говоря, принцип противоречия не является правилом для мышления первоначала.

Рассмотренный случай ярко показывает отличия философской онтологии от всех привычных случаев формально-логического мышления. В том же тексте Уайтхеда, который мы приводили ранее, он пишет следующее: «Отказ мыслить о каких-либо сущностях еще не означает для мышления их несуществование. Наше сознательное мышление есть абстракция сущностей от основания существования» [Уайтхед 1990, с. 82]. Нас интересует здесь это «мышление в отказе». Эту фигуру можно понять, как особый род мышления первоначала, а также как невозможность пустого предмета высказывания в формально-логической речи. Предикация формальной логики не оставляет возможности не быть субъекту во всяком осмысленном высказывании. Именно это постулирование предмета (субъекта высказывания) предваряет все так называемые «логические принципы». Этот постулат исполнен естественным языком, в котором *всё разрешено*. Мышление всякий раз разрешает любое сказанное в предметную определённую. Совпадение принципов формально-логических высказываний с правилами конструирования предложений естественного языка создает логико-онтологический параллелизм, поскольку никакой языковой конструкт не может быть беспредметным и осмысленным одновременно. Процедуры типовой спецификации позволяют сознательно разрешить к порядку типа те элементы лексического корпуса языка, которые обычно разрешаются незаметно, но разрешаются всегда, без процедур «договора» о значении слова, исходя из прошлых или привычных результатов договорных процедур. В естественном языке «νόμος» разрешается к *σύμβολον во всех случаях* названия первоначала.

Описанный автоматизм сознания способен проиллюстрировать как возможно предсказательное знание науки. Поясним это на примере одного общеизвестного фрагмента из шестой главы Евангелия от Матфея. Вспомним три слова «даждь нам днесь». Представим этот речевой акт в ситуации языковой игры, в которой за императивом, звучащим в молитве, должен следовать некоторый ответ. Скажем, что ситуация молитвы по самим своим правилам не предусматривает отказа в ответ на мольбу. В случаях, когда говорят за адресата молитвы, не говорят «отказал», говорят «не услышал». Речевой акт, выраженный императивом «даждь», способный разрешиться в отказ, являлся бы просьбой, а не мольбой. Мольба не является апелляцией к закону, но по своему результату не отлична от речевого акта в юриспруденции и в точном

контексте близка апелляции к завету. В точности так же мольба, по своему разрешению не отлична и от приказа или прорицания. Приказ, сказанный к неподчинению – не приказ; прорицание, которое не исполняется – не прорицание. Укажем, что все приведённые случаи речевых актов полагают тождественные разрешения воззвания в адекватный этому воззванию отзыв. Зададимся вопросом относительно локализации императива «даждь» в темпоральности «днесь»: имеется ли в виду сегодня, отличное от завтра тем, что мы предполагаем, что завтра нам будет нужен иной отзыв? Очевидно, что «днесь» в этом акте не сегодня, а каждый день, включающий сегодня и все последующие дни.

И это то, как наблюдение получает свою предсказывающую мощность: через воззвание к вещам быть в будущее.

Список литературы

1. Малиновский 2005 – Малиновский Б., Научная теория культуры / Бронислав Малиновский; Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
2. Платон 1993 – Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2/Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
3. Уайтхед 1990 – Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии : перевод с английского / Альфред Норт Уайтхед ; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. – Москва: Прогресс, 1990. – 720 с.

УДК 316.776.3

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК ФЕНОМЕН «УДАЛЕНИЯ» СУБЪЕКТА ИЗ ДИСКУРСА. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КЭНСЕЛЛИНГА В БУДУЩЕМ

Ковецкая Анастасия Олеговна

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
E-mail: asviridova02@icloud.com*

Скорятина Анастасия Алексеевна

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
E-mail: nastya.skoryatina@list.ru*

Статья посвящена сложному социальному движению, которое называется культура отмены (cancel culture). Относительно молодой феномен, который продолжает набирать свою популярность как в западном, так и в российском обществе. Кэнселлинг рассматривается как инструмент политического давления. Суть данного феномена заключается в том, что определенная личность, группа лиц или же различные бренды лишаются поддержки, подвергаются критике и осуждению как в медиа пространстве, так и реальном мире из-за своих высказываний (какой-либо идеи) или действий, которые отличаются от принятых в обществе. В дальнейшем это может сыграть злую шутку и привести к серьезным последствиям. Одна неосторожная фраза или одно необдуманное действие может лишить человека его карьеры, финансов, статуса. За последние годы произошло достаточно много ситуаций, связанный с кэнселлингом. Многие знаменитости столкнулись с данным феноменом и ощутили на себе, что значит быть «под отменой». Культура отмены затрагивает острые проблемы, которые признает большинство. В статье предпринимается попытка разобраться с данным феноменом, а также выяснить перспективы влияния кэнселлинга в будущем.

Ключевые слова: культура отмены, кэнселлинг, cancel culture, политическая лингвистика, философский детерминизм, медиакоммуникации

THE "CANCEL CULTURE" AS A PHENOMENON OF THE "REMOVAL" OF THE SUBJECT FROM THE DISCOURSE. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CANCEL CULTURE IN THE FUTURE

Kovetskaya Anastasia Olegovna
Minin University
E-mail: asviridova02@icloud.com

Skoryatina Anastasia Alekseevna
Minin University
E-mail: nastya.skoryatina@list.ru

The article is devoted to a complex social movement called the cancellation culture (cancel culture). A relatively young phenomenon that continues to gain popularity in both Western and Russian society. Censelling is seen as an instrument of political pressure. The essence of this phenomenon is that a certain person, group of persons or various brands are deprived of support, are criticized and condemned both in the media space and in the real world because of their statements (any idea) or actions that differ from those accepted in society. In the future, this can play a cruel joke and lead to serious consequences. One careless phrase or one thoughtless action can deprive a person of his career, finances, status. In recent years, there have been quite a lot of situations related to censelling. Many celebrities have encountered this phenomenon and felt for themselves what it means to be "under cancellation". The culture of cancellation touches on acute problems that the majority recognizes. The article attempts to deal with this phenomenon, as well as to find out the prospects for the influence of censelling in the future.

Keywords: cancellation culture, cancelling, cancel culture, political linguistics, philosophical determinism, media communications

В последние несколько лет многие медийные личности и политики столкнулись на собственном опыте с таким культурным феноменом, как культура отмены или кэнселлинг. Кембриджский словарь дает такое определение термину: Cancel Culture — «способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-либо, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбляет» [Woodford].

Итак, из определения становится ясно, что если вам не понравилось какое-либо публичное высказывание или действие человека, то вы полностью перестаете его поддерживать, отменяете подписку в социальных сетях, перестанете покупать его продукцию и т.д. В небольших масштабах культура отмены выглядит довольно безобидно. Но при рассмотрении конкретных примеров становится заметна вся серьезность данного феномена.

Культура отмены — практика довольно молодая и в последнее время набирающая обороты в своей распространенности. Главной ее целью является привлечение внимания и придание огласки таким проблемам, как дискриминация и несправедливость. Чаще всего причиной отмены становятся некорректные взгляды, например, сексизм, гомофобия, расизм, оправдание насилия и др.

За последние несколько лет множество зарубежных знаменитостей столкнулись с отменой и сопутствующей ей травлей. Среди них певица Лана Дель Рей, обвиненная в антифеминизме, обвиненная в трансфобии писательница Джоан Роулинг, блоггерша Джена Марблс (Мури), которую отменили из-за сексистских высказываний, использования блекфейса и стереотипизации в ее старых видео. Как и любой человек, каждая знаменитость по-разному реагирует на травлю. Так, не выдержав поток ненависти, Джена Марблс пришла к решению удалить свой канал, который она вела

с 2011 года и на который было подписано 20 миллионов пользователей. С того момента она закрыла все свои социальные сети и оставила карьеру.

Одним из наиболее ярких примеров действия культуры отмены в политике является блокировка всех социальных сетей (Twitter, Facebook, Instagram, Discord, TikTok, YouTube и др.) 45-ого президента США Дональда Трампа. Произошло данное событие в январе 2021 года. Бывший президент в своих постах в Twitter провоцировал и оправдывал насилие со стороны правых экстремистов. Часто его посты имели расистские высказывания, из-за чего социальная сеть сначала удаляла его твитты, а затем и вовсе заблокировала все аккаунты, к которым Дональд Трамп имел доступ.

В книге «Власть коммуникаций» Мануэль Кастельс [Кастельс 2009, с. 176] пишет о том, что все, что попадает в Интернет, может быть мгновенно распространено через социальные сети. Таким образом осуществляется власть сетей, при которой все, что публикуется в Интернете, остаётся там навсегда. В особенности это становится заметным при рассмотрении причин отмены того или иного актора, когда даже мгновенно удаленная публикация может быть зафиксирована и распространена, а значит — не забыта.

У «культуры отмены» нет срока давности. Как мы уже сказали, интернет помнит все. Если однажды знаменитый и влиятельный человек «засветиться», пусть даже и с безобидными, но все же с осуждающими в обществе поступками и словами, то эта медийная личность сразу же отправится прямиком под «отмену». Культура отмены не щадит никого. Общество и социальные сети «отменяют» вас, будут презирать и осуждать за оскорбительные, либо возмутительные слова или действия в адрес других людей, стран и т.п.

Но данный феномен распространен не только в США, некоторые Российские знаменитости также столкнулись с ненавистью и расторжением контрактов. На Западе и в России культура отмены развивалась неравномерно. Это связано с другим отношением к социальным проблемам, другой ментальностью.

Есть говорить про медийную жизнь, то один из самых громких случаев кэнселлинга стала история телеведущей Регины Тодоренко. В одном из интервью она сказала, что не понимает женщин, которые публично рассказывают о пережитом опыте домашнего насилия. Одной из ключевых фраз, которая и подняла волну ненависти стала: «А что ты сделала, чтобы он тебя не бил?». Заявление Тодоренко вызвало массу эмоций и недовольства, в том числе и среди ее поклонников. Регину Тодоренко обвинили в оправдании домашнего насилия и виктимблейминге. В итоге известные компании и бренды перестали сотрудничать с ведущей, а журнал «Glamour» лишил её титула «Женщина года». Таким образом, ведущая своим высказыванием о домашнем насилии, лишилась уважения, звания, источника дохода и части своей аудитории. Но некоторое время спустя ведущая принесла публичные извинения, на которое, к сожалению, уже никто не обратил внимания. Кажется, что, извинившись, ведущая «сделала работу над ошибками», однако чаще всего эти извинения нужны лишь для того, чтобы попытаться вернуть упущенную репутацию и аудиторию. Регина Тодоренко призналась, что сделала такое заявление из-за неосведомленности о проблеме домашнего насилия в стране. Тодоренко выпустила фильм «А что я сделала, чтобы помочь?» и пожертвовала внушительную сумму центру помощи жертвам домашнего насилия. Также «отменить» хотели главного редактора Meduza Ивана Колпакова. Колпаков лишился должности после того, как сотрудник издания обвинил его в домогательствах к его жене. Когда об этом стало известно, на него обрушился шквал негатива и, в конце концов, Колпаков сам покинул должность главного редактора. Но через некоторое время его восстановили в той же должности.

Как и Колпаков, Тодоренко также получила свою выгоду из описанного выше скандала, количество подписчиков в социальных сетях со временем выросло, а на своем шоу на YouTube она заработала 26 миллионов рублей. В России в социальных сетях периодически вспыхивают локальные скандалы: персону или бренд обвиняют в сексизме, дискриминации, неподходящем отношении к клиентам, пишут гневные комментарии, обрушивают рейтинг. Но спустя пару недель возмущения сходят на нет, и случившиеся ситуации забывается. Таким образом, если на Западе кэнселлинг играет большую роль в формировании репутации и позволяют действительно убрать человека из медиапространства, то в России, дальше шума в сетях, дело заходит нечасто. Получается, что кэнселлинг в России приводит к более мягким последствиям, чем в США, где массовое осуждение способно нанести серьезный удар по людям, их карьере и положению в обществе.

Благодаря «отменам» появилась возможность открыто говорить о многих вещах. Например, проблемы расизма, сексизма, мизогинии и другие «бытовые» темы, о которых избегали или вовсе считали нормой, стали публичными. Соцсети позволили людям, не имеющим доступа к административным и традиционным медийным ресурсам, выступать против влиятельных персон и не давали замалчивать громкие скандалы. Кэнселлинг помогает привлечь внимание к недопустимому поведению и пресечь распространение разрушительных идей. Можно привести в качестве примера ситуацию, которая произошла с американским продюсером Харви Вайнштейном. Если бы общественное мнение не поддержало актрис, которые обвинили Вайнштейна в домогательствах и изнасиловании, то он, возможно, остался бы на свободе. Таким образом, именно культура отмены помогла привлечь к ответственности такого влиятельного человека как Харви Вайнштейн.

В современных реалиях можно обозначить возможные пути развития данного феномена в будущем. Можно предположить, что, получив достаточное влияние в общественной среде, культура отмены может значительно изменить привычные нам пути коммуникации. Например, отменяя определенных личностей, компании и в принципе направления мысли, мы можем оказаться в ситуации, когда общество в целом перестает развиваться и изменяться, так как в приоритет ставит замалчивание и удаление определенной темы из дискурса. Основная проблема состоит в том, что культуре отмены подвергаются только довольно популярные личности и бренды. Они получают свое наказание за продвижение в массы собственного мнения, и в будущем стараются вовсе не затрагивать острые для общества темы. Но на обычного человека кэнселлинг никак не подействует, не заставит его переосмыслить свои идеи. Таким образом, выводя идеи из общего, центрального дискурса, они получают свое распространение в более локальных или даже маргинальных группах.

Перечисленные выше примеры подтверждают изложенные Мануэлем Кастельсом в книге «Власть коммуникации» идеи [Кастельс 2009, с. 39]. Так, в феномене кэнселлинга можно заметить такую форму сетевой власти, как *network power*, то есть власть за счет навязывания правил и норм социальной коммуникации в сети. Таким образом общество проявляет свою власть по отношению к актерам, проецируя что говорить можно, а что нельзя и какой идеологии стоит придерживаться для благоприятного существования в сети.

Таким образом, «культура отмены» становится рычагом влияния на медийных личностей. Общество выступает в роли судьи, вынуждая удалять из медиапространства недопустимые высказывания и материалы. «Отменить» могут что угодно и кого угодно. Кэнселлинг затрагивает острые проблемы, важность которых признает большинство. Все ситуации имеют одну общую черту: они мгновенно распространяются в сети и отвергаются на разных уровнях. Подписчики массово отписываются от любимого

блогера, ведущего, бизнесмена. Партнеры перестают сотрудничать, клиенты отказываются покупать, а инвесторы теряют доверие.

Список литературы

1. Быков 2021 — Быков, И. А., & Ахмедова, Ю. Культура отмены и персонификация политического дискурса. Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность, 1(1), 15–26. 2021.
2. Кастельс 2009 — Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-«Высшая школа экономики». — М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.
3. Никитин, Орлинская, Седакова, Устинкин, Фоменкова 2022 — Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России. Власть. 2022. Том. 30. № 3. С. 65-69.
4. Woodford — Kate Woodford. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. Cancel culture. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/cancel-culture?q=Cancel+culture> (дата обращения: 05.04.2023)
5. Alison, Coffin 2020 — Alison M Joubert., Jack Coffin. Celebrities can be cancelled // Fandoms are forever. 2020. URL: <https://theconversation.com/celebrities-can-be-cancelled-fandoms-are-forever-141775> (дата обращения: 05.04.2023).

УДК 122

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Мартирисян Любовь Ваниковна

Студент

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

E-mail: luba.m99@gmail.com

Статья посвящена детерминизму в рамках астрологии. В статье рассматривается влияние натальных карт на судьбу человека, описано влияние движения планет на события в жизни человека. В статье описаны различия между свободой выбора и причинно-следственными связями. Проанализирована философская проблема фатализма и детерминизма.

Ключевые слова: астрология, свобода воли, причинно-следственный детерминизм, натальная карта, судьба, девиация

ASTROLOGICAL DETERMINISM

Martirosyan Lyubov Vanikovna

Student

Nizhniy Novgorod State Pedagogical University

E-mail: luba.m99@gmail.com

The article is devoted to determinism in the framework of astrology. The article examines the influence of natal charts on the fate of a person, describes the influence of the movement of planets on events in a person's life. The article describes the differences between freedom of choice and causal relation. The philosophical problem of fatalism and determinism is analyzed.

Keywords: determinism, divination, principle of contradiction, metaphor, theory of meaning, proof

„Кто чувствует несвободу воли, тот душевнобольной; кто отрицает ее, тот глуп.“
— Фридрих Ницше

В данной работе мы затронем тему свободы воли и детерминизма в рамках астрологии. Прежде всего, необходимо задать ключевые вопросы: основаны ли наши действия разумным выбором или это является иллюзией? Могли ли мы по-другому поступить в прошлом и будет ли это считаться именно нашим выбором?

Философская проблема свободы воли и детерминизма – это вопрос о том, как истина детерминизма может быть совместима с истиной нашей веры в то, что мы обладаем свободной волей.

Всем известно, что все действия имеют причинно-следственные связи. Каждое событие в жизни человека – это своего рода домино: падение одной костяшки провоцирует падение следующей костяшки, то есть является причиной. На мой взгляд, будущее не таит в себе возможностей, то есть во Вселенной изначально заложены события, определяющие наш выбор. Человек ежесекундно совершает определенные действия, наивно полагая, что это его выбор. Да, от части это действительно так. Нам кажется, что каждое принятое нами решение является обдуманым и осознанным, но на самом деле судьба заранее предопределяет исход.

По мнению французского математика Пьера-Симона Лапласа, если бы все законы Вселенной были бы известны, то будущее также было бы известно. В своем труде «Опыт философии теории вероятностей», он проводит мысленный эксперимент и описывает Демона, олицетворяющего его мысль о детерминизме: «Мы можем рассматривать настоящее состояние Вселенной как следствие его прошлого и причину его будущего. Разум, которому в каждый определённый момент времени были бы известны все силы, приводящие природу в движение, и положение всех тел, из которых она состоит, будь он также достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, смог бы объять единым законом движение величайших тел Вселенной и мельчайшего атома; для такого разума ничего не было бы неясного и будущее существовало бы в его глазах точно так же, как прошлое» [Лаплас 2011, 106].

Теперь перейдем к стоическому учению о судьбе. Мысль об определенном и детерминированном мире была частью философии стоиков. С точки зрения стоического детерминизма, мир представляет собой совокупность, где ни одна из вещей не выпадает из общей связи. Данная связь как раз и является причиной, то есть выполняет предопределяющую функцию. Из данного, можно сделать вывод, что судьба – это причинный детерминизм, применяемый к жизни. Таким образом, детерминизм стоиков исключал свободу воли самой личности. Именно данные предпосылки стали основными в развитии казуального детерминизма в науке.

И все же, даже самые твердо-настроенные приверженцы стоического учения о детерминизме считали, что человек все равно может делать самостоятельный выбор, основываясь на внутренних возможностях, даже если этот выбор в какой-то степени предопределен судьбой. Стоики использовали пример, который как раз можно отнести к астрологии: если толкнуть с вершины холма цилиндр, то он покатиться. Цилиндрическая форма изначально предрасположена к качению, что является внутренней судьбой (предписанной) объекта. В тот момент, когда цилиндр получает толчок, он начинает катиться вниз, так как на него произвели воздействие – это внешняя судьба объекта. Данная метафора отлично показывает синтез внешней и внутренней судьбы одного объекта.

Весьма показательным является рассмотрение детерминизма с точки зрения логики. В частности, мы можем взять за основу девятую главу трактата Аристотеля «Об истолковании». По мнению философа, высказывания относительно будущих

событий нельзя определенно назвать истинными или ложными. Высказывания в ретроспективе и в перспективе, если они истины или ложны, то необходимо истины или ложны. Следовательно, все происходит не случайно, а по необходимости. Аристотель приводит пример, что если какой-то предмет сейчас бел, то в прошлом было бы истинно утверждать, что этот предмет есть или обязательно будет белым. Из этого можно сделать вывод, что высказывания о случайных будущих событиях Аристотель считал не имеющими определенного истинностного статуса.

Марк Туллий Цицерон был противником стоической концепции причинно-следственного детерминизма, рассматривающего человеческий выбор как судьбу. В своем труде «О девинации», философ писал, что вещи, которым суждено случиться, не возникают внезапно. Сравнивая эволюцию времени и раскатывающийся провод, он полагает, что не создается ничего нового, а события разворачиваются в своем порядке. Далее, Цицерон применяет свою мысль о детерминизме к астрологии, называя ее неустойчивой, подтверждая примером о абсолютно различной жизни однойцевых близнецов. Сложно не согласиться с этим умозаключением. Если судьба человека действительно зависит от дня и расположения звезд в день его рождения, то почему тогда люди имеют разную внешность, национальность, статус и возможности? Как пишет Цицерон: «Неужели все погибшие в битве при Каннах родились под одной и той же звездой?» [Цицерон 1985, web]. В заключении критики Цицерона об астрологическом детерминизме, он делает вывод о том, что если судьбу невозможно изменить, то нет смысла знать о будущих событиях.

Необходимо отметить, что астрология не имеет отношения к развитию философской мысли о фатализме и детерминизме. Учение основывалось на трудах греческих мыслителей, которые по большей степени занимались поиском аргументов для обоснования распространенных в то время верований.

Фатализм и детерминизм в астрологии предполагает, что происходящие в жизни человека события уже изначально были заложены в его натальной карте. Данная мысль ограничивает свободу воли личности, оставляя ей возможность только ждать и догадываться, что нужно делать. Для любого современного и разумного человека это является абсурдом. На наш взгляд, любое прогнозирование должно оставаться плюралистичным. Логически неверное умозаключение – быть уверенным в фатальности будущего. Неправильно полагать, что люди подвластны судьбе и являются ее рабами. В таком случае, ответственными за грех также должны являться космические силы, а не человек. Тогда будет логично признать все правовые документы недействительными.

Как было сказано выше, противники астрологии часто утверждают, что астрология детерминирована и не оставляет места для свободы воли. До нового времени многие традиционные астрологи считали, что натальная карта отражает неизбежную судьбу. Однако большинство современных астрологов дистанцируются от этой позиции и подчеркивают взаимодействие свободной воли и предназначения, показанного в натальной карте. Выше мы приводили пример с цилиндром, вернемся к нему вновь, но уже на примере натальной карты. Внутренней судьбой человека можно считать его натальную карту, где подробно расписаны планеты в момент рождения личности, что отражает характер и возможное предназначение в мире, то есть является настоящим портретом индивида, также как как внутренней судьбой цилиндра была его форма, что обозначало его возможность к раскачке. Исходя из этого, внешней судьбой человека являются окружающие его факторы, позволяющие ему активировать внутренние предрасположенности в различные моменты жизни. В данном контексте важно отметить, что в астрологической карте показан не только потенциал, внутренние черты и особенности личности, но и также их взаимосвязь с определенными внешними событиями и возможностями, которые происходят в конкретный период жизни. Тем самым, у нас

есть некоторое влияние на то, как мы реагируем на внутренние психологические состояния, которые мы испытываем во время определенного движения планет. К сожалению, внешние события, происходящие в тандеме с движением космических тел, находятся вне нашего контроля. Однако, мы в силах слегка изменить наше восприятие или внутреннюю реакцию на эти события. С другой стороны, возможно, наша способность изменять свою реакцию на внешние события также может быть предопределена судьбой, поскольку это тоже зависит от наших собственных внутренних склонностей и черт характера в данный момент времени, и все это содержится в нашей астрологической карте. Конечно, наша внутренняя реакция на события меняется с течением времени по мере того, как мы растем и развиваемся, и в значительной степени именно в этом заключается суть изучения астрологии.

Подводя итоги, стоит отметить, что фаталистическая интерпретация гороскопа рассматривается здесь не как ограничение свободы, но как помощь в поиске своего места в общей схеме вещей. Знание этого помогает людям чувствовать себя в большей безопасности и иметь возможность планировать будущее. Законы природы определяют влияние планет, звезд и космоса в целом на жизнь человека, но это влияние нельзя назвать детерминированным.

Список литературы

1. Аристотель, 1978, web – Аристотель. Об истолковании. М.: Мысль 1978. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/aristotel.htm> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Лаплас 2011 – Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 208 с.
3. Цицерон, 1985, web – Цицерон М. Философские трактаты. М.: Наука. 1985. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1407678638> (дата обращения: 10.05.2023)

УДК 316.776.33

КОММУНИКАЦИЯ И МЕДИА. ВОЗМОЖНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ УТОПИИ

Симачевская Ирина Вадимовна

Студент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

E-mail: simira.vyaz@mail.ru

В данной статье рассматривается вопрос утопичности современной медиальной структуры. На каждом этапе развития человечества общества пытались выстроить собственное представление об идеальном государстве, и не смотря на множество практических неудач, не отказывались от этой идеи. Медиа сегодня меняет правила практического поля, они включают в себя поле телесности, социальности и многие другие. А потому вопрос коммуникации, проистекающий еще со времен Древне Греческой философии должен пересматриваться и находить новые пути разрешения, стоит ли поддаваться формулировке, о самодостаточности и утопичности медиа, когда в них вмешивается человек или заявить о недостаточности медиа и искать выход на экскоммуникацию. Для ответа на этот вопрос автором рассматривается концепция о разделении времени на три повторяющиеся в ходе истории фазы: пелагианская фаза, промежуточная фаза, августианская фаза; ход каждой из них в том или ином ключе соотносится с идеями утопичности или антиутопичности государств, а также коммуникации завязанной между государством, религиозностью и медиа (медиа как посредник) пространстве, что они создают. Возможно ли создание утопии в пространстве медиа, если оригиналу может быть отвратительна копия?

Ключевые слова: медиа, утопия, философия медиа, пространство, Пелагианская фаза, промежуточная фаза, Августианская фаза

COMMUNICATION AND MEDIA. THE POSSIBILITY OF MODERN UTOPIA

Simachevskaya Irina Vadimovna

Student

Immanuel Kant Baltic Federal University

E-mail: simira.vyaz@mail.ru

This article deals with the issue of utopianity of the modern medial structure. At every stage of the development of mankind, societies tried to build their own idea of an ideal state, and despite many practical failures, they did not abandon this idea. Media today changes the rules of the practical field, they include the field of corporality, sociality and many others. Therefore, the issue of communication, which has been arising since the time of Ancient Greek philosophy, should be reviewed and new ways of resolving should be found, whether it is worth succumbing to the formulation of the self-sufficiency and utopianity of the media when a person interferes with them or declare the insufficiency of the media and look for a way out to excommunication. To answer this question, the author considers the concept of dividing time into three phases that repeat themselves in the course of history: the Pelagian phase, the intermediate phase, the August phase; the course of each of them in one way or another correlates with ideas about a utopian or dystopian state, as well as the connection between the state, religiosity and the media (media as an intermediary) space that they create. Is it possible to create a utopia in the media space if the original can be a disgusting copy?

Keywords: media, utopia, media philosophy, space, Pelagian phase, intermediate phase, August phase

Разговор о «современной утопии» следует начать сразу с нескольких прояснений – первым идет разговор о поле, в рамках которого протекает исследование, пространство медиа философии – пространство телесности человека, которое сегодня уже можно отнести к практическому полю.

Также стоит отметить вопрос о современности, если опираться на категорию «современность», как категорию философии культуры и политической теории, то перед нами предстает способ маркировки событий без четких границ начала и конца, а потому единство современности распадается на несколько отрезков, коррелирующих между собой.

Переходя непосредственно к теме данной статьи стоит отметить, что разговор о медиа проистекает из древнегреческой философии и отголоски этого можно отметить даже у Платона в таких произведениях как «Федр» и «Государство» (миф о пещере).

Медиа это не только окружающие нас интернет и телевидение, это также и посредники коммуникации – печатное и устное слово («Федр»), разрастающаяся техника и даже свет, хоть пространством медиа человек и пытается вытеснить природу. Ранее их целью можно было обозначить попытку изобразить недоступное доступным, сегодня задачей медиа является сделать недоступное доступным, как обозначил это Такер. «Обнаружить то, чего не существует, - это не просто вопрос визуализации данных или дополненной реальности. Это порыв уже религиозный» [Такер 2022, с. 113].

И действительно, все попытки человека выстроить новый и лучший мир так или иначе завязаны на религиозных подтекстах. Даже Платон пересматривает в своих трудах то, чем именно отличаются Зевс, Дионис и Афродита, сделано это было с одной целью – переосмыслить религию так, чтобы начала ее соотносились и с этикой и политикой, ведь только так возможно будет найти основание для должного и правильного воспитания граждан. И в этом заключается один из минусов идеального государства Платона,

оно обязано начинаться с нуля, без какого-либо исторического опыта другого государства, иначе разрушится после недолгого существования.

Сложно говорить, что Платон не приложил руку в изобретении утопии, поскольку утопия и представляет из себя изображение идеального политического строя и государства. Однако, нельзя отрицать, что учение Платона в конечном итоге не привели к христианству. Существует довольно интересная концепция, изложенная у Э.Берджесса в антиутопии «Семя желания».

История представлена в этой концепции в виде круга, если быть более точной, то это скорее представление петли, которое также использует Гегель. Три фазы - пелагианская, промежуточная и августианская.

Пелагианская фаза: «Правительство, функционирующее в своей Пелагианской фазе, всецело поддерживает тезис, что человек способен к совершенствованию, что совершенства он может достичь собственными усилиями и что путь к совершенству абсолютно прям. Человек хочет быть совершенным. Он хочет быть хорошим и добрым. Граждане хотят сотрудничать со своими правителями на благо общества, поэтому нет необходимости в мерах принуждения или в санкциях, которые заставили бы их сотрудничать» [Берджесс 1962, с. 10]. Пусть и название произошло от Пелагия, Платон также значительно повлиял на данное учение, что четко видно из цитаты: «в Пелагианской фазе, или Пелфазе, великая либеральная мечта как будто способна осуществиться. Греховная жажда накопительства отсутствует, животные желания находятся под контролем разума» [Берджесс 1962, с. 11].

Однако, всегда существует разочарование, оно и является составляющей *промежуточной фазы* – где людей заставляют быть хорошими, в некотором роде мы сталкиваемся здесь с концепциями Гоббса. Суверен у Гоббса наделен абсолютной властью, человек выбирает Левиафана, жертвуя частью своей свободы, будучи уверенным, что другие поступят также, это разумно, отказаться от части, сохранив большее; это разумно, когда каждый отдельно взятый человек является «доверителем» в отношении к суверену, ведь его воля также движется в этом едином.

Страх относится у Гоббса к естественному состоянию, и если вне государства человек боится другого, то в государстве его главный палач – закон, установленный и справедливый. Только в рамках произведения Берджесса государь и правительство в какой-то момент начинают бояться того, что творило в промежуточной фазе, а потому скатывается в августианскую.

Августианская фаза по сути своей прокладывает начало к новой пелагианской фазе, где правители отказываются от философского пессимизма и в некотором роде начинают верить в добрые начала человека.

В рамках всех этих фаз стоят лишь два вопроса: вопросы коммуникации (медиа) и вопрос об утопии.

Если пелагианская фаза практически описывает идеальное государство Платона и классическую концепцию утопии Томаса Мора, страны, которой нет, а промежуточная фаза больше похожа на Фландрию (страна из первой книги «Утопия» Т. Мора), то что из себя представляет августианская фаза, стоит разобраться подробнее.

Предположим, что вопрос явления Бога, поднимаемый Августином, сопрячен вопросом о появлении утопии на Земле. Как же тогда Богу явить себя, если он не обладает ни телом, ни какой либо физической оболочкой, как выстроить царствие божие на земле, если человек не знает его устройства?

Августин говорит свет, но это не тот свет, о котором говорят ученые, это скорее свет души, с помощью которого может прозреть даже слепой, тем самым он описывает «медиацию, которая превосходит саму себя», поскольку здесь она исключает посредников, известных человеку (ангелы, горящий куст, Христос), аналогия со светом

в некотором роде предполагает, что свет является и медиа, и посредником медиа одновременно.

И знаменитый вопрос: «кого я люблю, любя Бога?», имеет очень интересное разрешение – необходимо любить все, как забавно подмечает Такер, Августин не был пантеистом, а потому перед современными философами встает вопрос о медиа в ключе принятия коммуникации или в ее отрицании (экскоммуникации).

Вопрос медиа как «посредника» именно так переводится медиа от латинского *medium*, остро стоит именно тогда, когда мы говорим об утопии, поскольку мы имеем медиатора (Христоса), отсылающего нас к Богу, с которым вопрос о коммуникации вызвал много противоречий.

Здесь медиа меняют практику исследования и общие условия, и возможности как таковые. Если предположить, что утопия, как идеальное государство – это тень царства Божьего, то почему пелагианская фаза неизбежно скатывается в августианскую, ответ неизвестен, но предположим, что оригиналу отвратительна его тень из-за недостаточности медиа.

Возможность коммуникации не всегда означает, что человеку есть что сказать, а значит и сущности стоят не за всеми высказываниями. Отход от истины, это процесс, который использует человек, пытаясь воссоздать подлинность, так появилась техника, которая на опытном пути может показать, смог ли человек воссоздать все правильно.

И это воссоздание полностью лежит в истории человека, предмет нам дан всегда в том виде, что мы его знаем, и наоборот мы его узнаем в том виде, что он дан. Однако, история не дает нам в полной мере говорить о истинности, она слишком переполнена метафизическими воззрениями, и переполнена предметами, отдаленными от объекта.

Эти предметы скрыты от нас в их эстетической форме, но что из себя представляет содержание человек не представляет. Поэтому все, что человек интерпретирует, он создал сам, категории пространства и времени становятся для человека границами, им же возведенными вокруг себя самого, «Ведь ясно, что не только вещь в себе «аффецирует» наши рецепторы, но и, наоборот, наши эффекторы в свою очередь «аффецируют» абсолютную реальность».

Здесь можно привести очень странный пример – игра Sims 3, в рамках которой нам неизвестен политический строй страны, в которой проживают персонажи (прошу заметить, что персонажи могут быть не только людьми, но и инопланетянами), они все уживаются между собой, человек создает для них все условия их проживания и проигрывает все возможные сценарии, в некотором роде это и есть та утопия, к которой человек стремится в рамках реальности, но не достигает ее.

И виной тому сам человек, здесь я подразумеваю то, что даже в рамках этой игры довольно часто проигрываются элементы жестокости – убийства своих и других персонажей.

Поэтому в рамках данной статьи автор приходит к неутешительным выводам: утопия есть лишь эстетическая форма, воссоздать которую человеку пока не представляется возможным из-за недостаточности медиа и коммуникации, возможна лишь экскоммуникация (условный мир Sims 3, без вмешательства человека).

Список литературы

1. Берджесс 1962 – Берджесс Э. Семья желания // Электронный ресурс: – 11.05.2023. URL: https://libreed.ru/books/semya-zhelaniya?page_book=10
2. Гэллоуэй, Такер, Маккензи 2022 – Гэллоуэй А.Р., Такер Ю., Маккензи У. Экскоммуникация. – М.: Ад Маргинем, 2022.

3. Кант 2019 – Кант И. Критика чистого разума / И. Кант [перевод с немецкого Николай Лосский] – Москва: издательство «АСТ». 2019 г. 223 с. (Философия на пальцах) – 18 с.
4. Маклюэн 2007 – Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2007.
5. Мор 1973 – Мор Т. Золотая книга, столь же полезная как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия - М.: Наука, 1973.
6. Хайдеггер 2013 – Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2013.

УДК 1.16

РАВЕНСТВО СИМВОЛОВ В НАСЛЕДИИ ПОСТМОДЕРНА

Теплов Иван Геннадьевич

Студент магистратуры

Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта

E-mail: teplovig@std.mininuniver.ru

В статье производится археологическая работа к истокам состояния постмодерна, отличающегося определённым лингвистическим поворотом в культуре двадцатого века. За основу исследования берутся работы Фердинанда де Соссюра и Жана Бодрийера. Анализируется произвольность смысла, коннотативного модуса, заложенного в знак, что отдаляет человеческое сознание от реальности мира и введённой И. Кантом вещи-в-себе. Критически разбираются некоторые постулаты из работы «Символический обмен и смерть» Жана Бодрийера. Вводится понятие «темпоральность смысла» – момент устойчивой сигнификации между означающим и означаемым. Выявляются пути становления символической реальности (симуляции), которой характеризуется состояние постмодерна. Проводится анализ современной гетерогенной действительности, которая пребывает в наследии постмодерна. Метод археологии от начала лингвистического поворота до современности позволяет сделать автору выводы о причинах современного гендерного плюрализма не только людей, но и многих вещей. Однако нельзя считать становление произвольности знака повсеместным, он затрагивает лишь некоторые области человеческого общежития. Автором так же намечаются пути исследований наследия постмодерна в рамках современной объектно-ориентированной онтологии; предлагается обозначить современное наследие постмодерна метафорой, что в итоге приводит к другим выводам о соотношении симуляции и реальности.

Ключевые слова: означающее, означаемое, знак, символ, коннотативный модус, темпоральность смысла

EQUALITY OF SYMBOLS IN THE LEGACY OF THE POSTMODERN

Teplov Ivan Gennadyevich

MA student

I. Kant Baltic Federal University

E-mail: teplovig@std.mininuniver.ru

The article makes an archeological work to the origins of the postmodern state, characterized by a certain linguistic turn in the culture of the twentieth century. The work of Ferdinand de Saussure and Jean Baudrillard is taken as the basis of the study. It analyzes the arbitrariness of meaning, the connotative modus embedded in the sign, which distances human consciousness from the reality of the world and the thing-in-itself introduced by J. Kant. Kant's thing-in-itself. Some postulates from Jean Baudrillard's Symbolic Exchange and Death are critically examined. The notion of "temporality of meaning" - the moment of stable signification between the signifier and the signified is

introduced. The ways of formation of symbolic reality (simulation), which characterizes the postmodern state, are revealed. The analysis of the modern heterogeneous reality, which remains in the legacy of the postmodern is carried out. The method of archaeology from the beginning of the linguistic turn to modernity allows the author to draw conclusions about the causes of modern gender pluralism, not only of people, but also of many things. However, it is impossible to consider the formation of the arbitrariness of the sign everywhere, it affects only some areas of human society. The author also outlines the ways of exploring the legacy of the postmodern within the framework of modern object-oriented ontology; it is proposed to designate the modern legacy of the postmodern as a metaphor, which eventually leads to other conclusions about the relationship of simulation and reality.

Keywords: signifier, signified, signifier, symbol, connotative modus, temporality of meaning

Для того, чтобы каким-то подобающим образом вникнуть в языковую гетерогенность проявлений постмодернизма, необходимо обозначить некоторые основы, без которых не совершилась бы ни одна интерпретация текста в интеллектуальной среде конца XX века.

Для приближения к постструктурализму необходимо вспомнить одного из основателей лингвистики и языковой логики. Фердинанд де Соссюр предложил использовать в теории лингвистики два понятия: означающее и означаемое. Понятия «означающее» и «означаемое» преобразовались из менее приспособленных для узколингвистической деятельности «понятия» и «акустического образа» соответственно. Вот как об этом пишет сам Соссюр: «Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств, он - чувственный образ, и если нам случается называть его "материальным", то только в этом смысле и из противопоставления второму моменту ассоциации - понятию, в общем более абстрактному» [Соссюр 1999, с. 69]. Знак остаётся совмещённым результатом означающего и означаемого, но прикрытое различие между семантическим треугольником Фреге и теорией Соссюра всё же есть.

Соссюровским распределением терминов граница между знаком и объектом не просто устанавливается, она отменяет воображаемый противовес между ними, так как непосредственное бытие просто перестаёт существовать. Оно замещено знаковым и символическим миром, царящим в психологической действительности субъекта.

Перейдём к другому принципу знака, который подробно описал Соссюр, и который заметно повлиял на состояние постмодерна – принцип произвольности знака. Связь, имеющаяся между означающим и означаемым в конкретных случаях, не является чем-то ортодоксальным, хотя в абсолютном смысле эта связь очевидно психически перманентна. «Так, идея "сестра" никаким внутренним отношением не связана со сменой звуков s-ö-г (soeur), служащей во французском языке ее "означающим"; она могла бы быть выражена любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самым фактом существования различных языков; означаемое "бык" выражается означающим b-ö-f (фр. boeuf) по одну сторону лингвистической границы и o-k-s (нем. Ochs) по другую сторону», – факт наличия множества этнических языков является одним из сильнейших аргументов в пользу произвольности знака [Соссюр 1999, с. 70].

Какие возможности для умственного эксперимента открывает нам факт произвольности знака? Следствием из него мы можем ввести в наше рассуждение понятие коннотативного модуса. Произвольность знака не обладает стабильностью в конкретных случаях, то есть может изменяться в пределах правил языковой логики. Означающее может не отсылать нас к определённому понятию – это видно на примере фразеологизмов.

Взаимодействие языковых элементов никто не может изменить. Пользуясь языком, как средством коммуникации, общество обеспечивает его непрерывность. Однако вынеся постоянство языковых элементов в сверхобщественное поле, мы обнаруживаем, что они недетерминированы человеческим сознанием. Поэтому, действуя на правах автономного и самодостаточного дискурса, элементы могут образовывать коннотацию, то есть допускают возможность перемены.

Выяснив возможность блуждания языковых элементов, такие философы, как Р. Барт, Ж. Бодрийяр, А. Бадью и др. начали говорить о тотальности символической действительности. Мыслители постмодерна в своих утверждениях пошли дальше прямых свойств коннотативного модуса, которые рождают фразеологизмы, они обозначали всеобщую эквивалентность через возможную изменчивость знака.

Фразеологизм – это первоначально простой символ. Однако изменчивость означающих и означаемых развилась в целую символическую действительность, в которой семантические элементы потеряли свою естественную функциональность. Например, Ролан Барт именуется эту отстранённую надстройку над естественным базисом языка мифом, а Жан Бодрийяр расширяет действие символического и обозначает его как код, в котором знаки избавились от «архаичной» обязанности что-то обозначать, они освободились для структурной, комбинаторной игры по принципу полной недетерминированности. «Конец диалектики означающего/означаемого, делавшей возможным накопление знания и смысла, линейную синтагму кумулятивного дискурса», – как охарактеризовал эту эпоху Бодрийяр [Бодрийяр 2011, с. 54].

Действительность символического обмена (симуляции) Бодрийяр провозгласил третьим порядком симулякров, в котором знаки не скрывают свою пустоту перед лицом реального, но показывают свою насыщенность обменом означающими. Знак естественного языка стал означающим надстройки, которое вместе со своим означаемым образуют символ, и этот символ тоже может обмениваться своими уже не естественными составляющими и порождать симулякры третьего порядка.

Символическое не позволяет проявиться сигнификации. Всё находится в постоянном обмене, но не в готовности к этому обмену, потому что готовность предполагает стагнацию. Исходя из данного спекулятивного исследования, французский мыслитель объявляет эпоху всеобщей эквивалентности, равносильной символической смерти.

Однако, чтобы вернуть действительность, даже символическую, к жизни, нам необходимо детальнее рассмотреть возможность сигнификации. Очевидно, что сигнификация невозможна в виду нехватки для неё темпоральных значений. Однако мы видим явный изъян в силлогизмах французского постмодерниста: если всё является безостановочным обменом, то образуется невозможность вообще отношения между означающим и означаемым, так как означающее не успевает побыть собой. Для того, чтобы была эта возможность, необходима минимальная сигнификация, а для неё необходим минимальная точка времени. Но, так как при эквивалентности знаков, времени для выстраивания в безграничном коннотативном модусе определённых границ смыслового денотата нет, то мы предлагаем упразднить темпоральность времени и заменить её темпоральностью смысла. Это будет необходимым моментом для выстраивания границ денотата.

Отныне существует не сингулярная диалектика означающего и означаемого в естественном языке, не смещённая диалектика в мифологизированной надстройке, а множество диалектических отношений в каждый момент смысла, достигающий снятия в переходе к следующему состоянию нового символа. Всеобщей эквивалентности нет, но она заложена в отношения символических элементов наперёд, как некая подрывающая состояние постмодерна возможность.

Проанализировав постмодернистское состояние символической действительности, но настояв на присутствии в ней гипердиалектических отношений, мы можем обратиться к конкретным примерам современных тенденций. Деление гендеров больше, чем на два – это одно из следствий состояния постмодерна. Важным аспектом для утверждения плюрализма гендеров является символическое означающее мужского и женского. Но с воцарением плюралистической модели символических отношений, даже надстройка мужчины и женщины перестаёт выражать их характерные символические черты.

Таким образом, воображаемая пара «мужчина/женщина» упразднилась. Отныне в символической действительности может быть сколько угодно гендеров, способных изменяться благодаря коннотативному модусу и остающихся собой благодаря символическому денотату.

Подводя итоги, необходимо сказать, что сосюрский принцип произвольности означающего рисует перед нами некоторую аристократичную основу этой произвольности, который может выражаться в элитности одних знаков перед другими. Однако коннотативный модус, обеспечивающий контингентную возможность перемены означаемых и переход их в означающие, даёт знакам в виде символов свободу этой перемены, конечно, в условиях языковой коммуникации. А как мы знаем по опыту французской революции – свобода обуславливает равенство, но не коммунистическое равенство, а равенство, приближенное к либертарианству, то есть равенство в возможностях. Поэтому наша символическая действительность носит характеристики капиталистической экономики знаков и политического либертарианского устройства. Однако если принять символическое наследие постмодерна как среду социальных, политических и экономических действий, то по определённому ряду признаков выявляется его схожесть с метафорой. Как известно из теории объектно-онтологической онтологии – метафора возможно приближает нас к реальному.

Список литературы

1. Бодрийяр 2011 – Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство „КДУ“», 2011. – 392 с.
2. Сосюр 1999 – Сосюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Сосюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

Часть 9. Познание и творчество

УДК 165

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЯ И ТВОРЧЕСТВО*

Асташова Надежда Дмитриевна

Кандидат философских наук, доцент

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Доклад посвящен проблеме соотношения научного творчества и условий экономики знания. Осмысление общей философской проблематики научного творчества неразрывно связано с сектором гуманитарных знаний как важной составляющей в методологии научного исследования. Актуальная философская позиция может быть сформирована на основе представлений об экономике знаний в качестве системы «академического капитализма» и «культуры чисел», которые выступают в качестве негативных аспектов подавления и ограничения творческой активности ученого. «Игра в эффективность», которую демонстрирует экономика знаний, превращает научный процесс в набор статистических данных и пустых алгоритмов, ставящих под вопрос появление новых открытий. Интеллектуальная среда, создаваемая гуманитариями, формирует критический взгляд на реальность, способный увидеть мир с новой точки зрения. Однако, не смотря на очевидную целесообразность использования гуманитарного знания в интеллектуальной индустрии, именно исследовательские и образовательные программы гуманитарных наук более всего страдают от капитализации науки. Научные исследования попадают в зависимость от условий финансирования и стереотипных представлений об их применимости и экономической целесообразности. В силу этих обстоятельств отдельные виды исследований вообще не имеют шансов попасть в поле зрения ученого. Таким образом, актуальной и важной задачей видится поиск путей преодоления негативных аспектов экономики знания в современном ее понимании.

Ключевые слова: экономика знания, научное творчество, гуманитарные программы, статистика, коммерциализация науки

ECONOMICS OF KNOWLEDGE AND CREATIVITY

Astashova Nadezhda Dmitrievna

PhD in Philosophy, associate professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: nadya.astashova@mail.ru

The report is devoted to the problem of correlation of scientific creativity and conditions of the knowledge economy. The comprehension of the general philosophical problems of scientific creativity is inextricably linked with the sector of humanitarian knowledge as an important component in the methodology of scientific research. The current philosophical position can be formed on the basis of ideas about the knowledge economy as a system of "academic capitalism" and "culture of numbers", which act as negative aspects of suppressing and limiting the creative activity of a scientist. The "efficiency game" demonstrated by the knowledge economy turns the scientific process into a set of statistical data and empty algorithms that call into question the emergence of new discoveries. The intellectual environment created by humanitarians forms a critical view of reality, capable of seeing the world from a new point of view. However, despite

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

the obvious expediency of using humanitarian knowledge in the intellectual industry, it is the research and educational programs of the humanities that suffer most from the capitalization of science. Scientific research becomes dependent on the conditions of financing and stereotypical ideas about their applicability and economic feasibility. Due to these circumstances, certain types of research have no chance of getting into the field of view of a scientist at all. Thus, the search for ways to overcome the negative aspects of the knowledge economy in its modern understanding seems to be an urgent and important task.

Keywords: economics of knowledge, scientific creativity, humanitarian programs, statistics, commercialization of science

«Экономика знаний» – одно из популярных философско-экономических течений, знаменующее переход от капиталистической экономики к принципиально новым социальным отношениям, которые в литературе условно обозначают как «общество знаний». Тем не менее парадоксальным образом постановка вопроса об экономике знаний не просто не отрицает капиталистических ценностей, но и, наоборот, распространяет их на сферы, традиционно противопоставляемые рыночным отношениям, такие как наука и образование. Коммерциализация научно-исследовательского и образовательного процессов привела к появлению феномена «академического капитализма» [Горохов 2010]. Функционирование на рынке продуктов интеллектуальной деятельности, обладающих низкими ресурсными затратами и высокой финансовой эффективностью, радикально меняет представления о принципах экономического взаимодействия [Макаров 2003]. С развитием высокотехнологичного бизнеса в экономике появляется особое понимание научного знания, сильно отличающегося от определения знания в философии. В данном случае под знанием подразумеваются «неденежные» активы, такие как интеллектуальная собственность, профессионализм сотрудников, культура бизнеса, управлять интеллектуальными ресурсами, значит управлять «знаниями». «Эффективный» менеджмент «сектора генерации знаний», вводящий представления о калькулируемости, изменемости и финансовой оценке «продукта» исследований, стремится к максимальному контролю академической жизни. Исследователи констатируют появление целой «культуры чисел», основанной на «мистической вере в то, что численные измерения превосходят другие формы понимания» [Адлер 2011, с.8]. Ввиду отсутствия качественной оценки научного исследования главным показателем значимости становятся индексы цитирования и другие оторванные от реальности рейтинги. «Ученых вынуждают отойти от общепринятых целей научного исследования», ставя в зависимость от алгоритмов, базирующихся на статистических данных [Лоуренс 2011, с. 39]. Статистический подход становится определяющим в отношении научных программ. «Ученых, технику и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность» [Лиотар 1998, с. 112]. «Вопрос “Чего стоит твой аргумент?”, “Чего стоит твое доказательство?” настолько сросся с прагматикой научного познания, что, как пишет Ж.-Ф.Лиотар, вопрос о легитимности научного знания редуцируется к метавопросу “Чего стоит твое чего стоит?”», в котором «языковая игра» науки превращается в «игру в эффективность» [Лиотар 1998, с. 131–132].

Логично возникает вопрос о возможности применения научных творческих стратегий в ситуации экономики знаний? В первую очередь, в рамках экономики знаний мы говорим об интеллектуальной индустрии, где развитая система технических устройств опосредует получение новых значимых идей. Это не может не сказаться на характере самого творческого процесса и способов получения новизны. Для интеллектуальной индустрии гуманитарные науки (философия, история, литература) оказываются более эффективными в техническом плане, а потому их воздействие на научно-техническое творчество растёт. Именно интеллектуальная среда, генерируемая гуманитарными науками, формирует критический взгляд на реальность,

способный отвлечься от частных интересов и «вывести собственное воображение за пределы обыденного, увидеть мир с новой точки зрения» [Нуссбаум 2014, с. 16]. Так возникают проекты симбиоза научно-технического творчества с другими видами творческой деятельности: искусством, литературой, философией и т.п. Полет фантазии, чуткое понимание сложности переживания мира, характерные для гуманитарного подхода, открывают совершенно невообразимые перспективы и для научно-технологического развития. Мы наблюдаем, как гуманитарный сектор знания меняет само отношение к технике и технологиям, которые начинают рассматриваться как часть духовной культуры. Таким образом, можно утверждать, что возможности научного творчества, неразрывно связаны с гуманитарным подходом независимо от направления исследований.

Экономическое развитие тоже предполагает обращение к компетенциям, развиваемым гуманитарными науками и искусством, которые создают атмосферу ответственного управления культурными новациями. Столь важный для бизнеса инновационный потенциал развивается именно через гуманитарное образование, которое прививает независимое мышление, развивает воображение, эффективные навыки коммуникаций, деловую культуру. Многие компании, которым требуются креативно, нешаблонно мыслящие сотрудники, выбирают в качестве кандидатов именно выпускников гуманитарных факультетов вузов, а не получивших узкоспециализированное образование.

На основе изучения философией и историей различных культурных, интеллектуальных традиций формируется сознание, способное ответственно подойти к разрешению проблем, вызванных сложностью взаимодействий в современном мире. Ключевое понимание того, что интеллектуально развитый человек должен уметь обмениваться мнениями, быть готовым к принятию альтернативных решений, критически оценивать ситуацию, важно для любой сферы профессиональной деятельности.

Однако мы вынуждены констатировать, что особенно тяжело капитализация науки сказывается на состоянии гуманитарных исследований. В статистически-методологической путанице утрачивается принципиально важное понимание гуманитарного знания как неотъемлемой части процесса, ведущего к научному открытию. Мыслящим с позиций экономического роста управленцам в области науки гуманитарная отрасль знаний кажется бессмысленной и бесполезной, ей отводится крайне мало места, как в исследовательских, так и в учебных программах.

Экономика знаний предполагает оценку научных проектов с позиций просчитываемости и эффективности результатов. Подразумевается, что ученые сами должны искать финансирование для своих исследований. Главная роль здесь отводится различным грантовым фондам (государственным и частным), отдающим предпочтение прикладным исследованиям, рассчитанным на короткий период. Фундаментальные исследования с долгим сроком исполнения практически не имеют шансов получить финансирование. Выбор темы исследования также зависит от тех или иных предпочтений, диктуемых грантовыми фондами. В силу обозначенных причин многие важные аспекты окружающего мира вообще не имеют шансов попасть в поле зрения ученого. Все это лишает сообщество исследователей главного условия творчества – свободы. При таком подходе, конечно, больше всех страдают гуманитарные науки, попадающие в универсальную модель стандартизации, основанную на критериях оценки результатов естественнонаучных и технических дисциплин, так как именно этот кластер наук признается наиболее значимым менеджерами, при принятии решений о финансировании тех или иных научных проектов.

Исследования Дж. Дрезе и А.Сен [Drèze 2002] показали, что существующая модель экономического роста не связана напрямую с достижениями в сфере образования. Тем более странно выглядит то, что в современном образовательном процессе классические гуманитарные дисциплины заменяются финансовыми курсами. Образовательные программы выстраиваются таким образом, как будто они должны обеспечить экономический рост, хотя не имеют к нему отношения.

Другая крайность связана с ориентацией учебных и исследовательских программ на технико-инженерное направление, предполагающее краткосрочную рентабельность и формирующих в данной перспективе узкоспециальные навыки, мало применимых вне конкретных профессиональных задач и совсем не пригодных для обычной жизни. Важно отметить, что такое пренебрежение гуманитарными науками, формирующими фундаментальное, критическое мышление, чревато последствиями в виде отсутствия специалистов, способных к глобальному и многоаспектному видению проблем. В ситуации экономической нестабильности и погони за прибылью вместе с гуманитарным исследовательским и образовательным программами могут быть навсегда утрачены принципы свободного творческого развития, имеющие крайне важное значение для перспектив развития общества в будущем.

Тем не менее, нельзя сводить экономику знаний исключительно к аспектам, оказывающим негативное воздействие на творческую деятельность ученого. Существенное влияние на экономику знаний оказывает принятая ООН «Программы развития человеческого потенциала» (1990–2023 гг.), согласно которой важнейшим критерием прогресса общества является благосостояние людей, а не экономические показатели. «Human Development paradigm» [Fukuda-Parr 2003] предусматривает расширение возможностей для личностного, интеллектуального роста человека независимо от материального положения. Целью международной образовательной программы «Future Problem Solving Program International» [FPSPI, web] является развитие аналитических и творческих способностей, критического мышления на основе диалога различных культур. Эти примеры демонстрируют альтернативные варианты развития экономики знаний не только как системы «академического капитализма» или «культуры чисел».

Таким образом, становится очевидной острая необходимость пересмотра понимания современной экономики знаний, попавшей в зависимость от рыночных принципов, несоизмеримых с актом научного творчества. Сложившаяся ситуация не выглядит однозначно катастрофичной. Обзор международных программ развития человеческого потенциала дает надежду на то, что идеи свободного творческого развития науки и образования не будут утрачены навсегда.

Список литературы

1. Адлер 2011 – Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. Статистики цитирования // Игра в цифирь, или как теперь оценивают труд ученого (сб. ст. о библиометрике). М.:Издательство МЦНМО, 2011. С. 6–37.
2. Горохов 2010 – Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.
3. Лиотар 1998 – Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
4. Лоуренс 2011 – Лоуренс П. Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого (сб. ст. о библиометрике). М.:Издательство МЦНМО, 2011. С. 39–45.
5. Макаров 2003 – Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 5. С. 450–456.

6. Нуссбаум 2014 – Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 192 с.
7. Drèze 2002 – Drèze J., Sen A. India: Development and Participation. Oxford: Oxford University Press, 2002. 512 с.
8. FPSPI, web– Future Problem Solving Program International // FPSPI. URL: <http://www.fpspi.org/> (дата обращения: 15.04.2023)
9. Fukuda-Parr 2003 – Fukuda-Parr S. The human development paradigm: operationalizing Sen's ideas on capabilities // Feminist Economics 9(2 – 3), 2003, pp. 301–317.

УДК 130.3

КРЕАТИВНОСТЬ И МИФ*

Воронина Наталья Николаевна

Кандидат философских наук, доцент

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E-mail: voronina.nnov@yandex.ru

Предметом рассмотрения в статье является творчество, но не в психологическом смысле, а творчество значимое в масштабах культуры и общества в целом, или Big-C. Автор обращает внимание на то, что принятие результата творчества обществом предполагает наличие некоторого надличностного латентного пространства, которое позволяло или допускало выход за рамки сложившихся в культуре представлений. Это пространство проявляется в культурах в виде символов-мифов, которые позволяют множественность интерпретаций. Например, техническое творчество может получить признание, благодаря мифу о полезности изобретений, латентно присутствующему в бессознательном, и допускающему пространство неизвестности того, как то или иное изобретение может быть полезно. В статье высказывается предположение о наличии мета-мифов, которые позволяют изменять мифы в общественном сознании.

Ключевые слова: творчество, креативность, миф, символ, Big-C, гений

CREATIVITY AND MYTH

Voronina Natalya Nikolaevna

PhD in Philosophy, Assistant of Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: voronina.nnov@yandex.ru

The subject of consideration in the article is creativity. But creativity is not in a psychological sense, but creativity is significant on the scale of culture and society as a whole, or Big-C. The author draws attention to the fact that the acceptance of the result of creativity by society presupposes the presence of some transpersonal latent space, which allowed or allowed going beyond the established cultural concepts. This space manifests itself in cultures in the form of symbols-myths that allow a multiplicity of interpretations. For example, technical creativity can be admitted, thanks to the myth of usefulness of inventions, latently present in the unconscious, and allowing a space of uncertainty about how an invention can be useful. The author suggests the presence of meta-myths that allow changing myths in the public consciousness.

Keywords: creativity, myth, symbol, big-C, genius

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

Творчество столь многообразное понятие, включающее в себя различные феномены, что возникает необходимость разграничения этих феноменов. В данной статье идет речь о том, что Кауфман и Бегетто предлагают обозначать как Big-C [Kaufman, Beghetto 2009], то есть творчество, значимое в масштабе культуры и общества в целом.

«Творческое достижение обретает свой действительный статус только тогда, когда становится частью духовного процесса, частью культурно-исторического контекста» [Касавин 1998, с. 190]. Но для того чтобы результат творчества был принят в обществе, необходимо социально-надличностное положение творчества, творчество должно быть мифом, непонятным, хотя бы отчасти, актом. Отсюда в древности новшества воспринимались обществом только в том случае, если они были результатом творчества богов, а никак не людей. А в эпоху Ренессанса и Нового времени складывается миф о гении, как о человеке, напрямую связанном с силами Природы, Вселенной. «В гениальности видят высшее проявление человеческой природы» [Вольский 2022, с. 234]. Популярная культура современного общества создает мифы о творчестве, архетипически повторяя представления древнего общества о внечеловеческом, запредельном источнике нового, а потому популярными остаются истории о Ньюtone, открывшем закон всемирного тяготения, благодаря падающему яблоку, о Менделееве, которому периодическая таблица явилась во сне, о Кекуле, создавшем формулу бензола, благодаря видению с уроборосом. Жизнь творца в популярной культуре представляется вписанной в архетип Героя [Мельникова 2012], преодолевающего трудности и делающего открытия в момент сверхъестественного откровения.

Почему же творчеству для признания так необходим миф и непонятное, хотя бы отчасти? Под «мифом» мы здесь понимаем историко-культурный комплекс, как проявляющийся в сознании, так и во многом остающийся неосознанным. Для того чтобы результат творчества был принят, необходимо, чтобы он был вписан в культуру, а он представляет собой нечто новое, иное, по отношению к культуре, а, следовательно, антикультурное. Мышление, замкнутое в своей культуре склонно интерпретировать новое, как испорченное старое, как ошибку, как неправильность, а вовсе не как достижение. Для того чтобы новое могло быть воспринято как ценное достижение, в культуре должно быть особое надличностное латентное пространство, которое позволяло или допускало выход за рамки сложившихся в культуре представлений. Это пространство не должно сводиться к известному и сформулированному в культуре, но должно находиться в области пред-чувствий или пред-образов, или пред-мысли. Это пространство проявляется в культурах в виде символов-мифов. Миф отличается от теории, прежде всего, своей принципиальной недоговоренностью, как символ он допускает множество различных (в том числе, еще неизвестных) интерпретаций. Таким образом, новое в творчестве может представлять собой новую интерпретацию, раскрывающую содержание старого (уже признанного в культуре) мифа, и благодаря этому новое может быть воспринято как нечто представляющее ценность. В противном случае, если новое не имеет никакой связи с предшествующим, оно будет игнорироваться как абсурдное (непонятное), либо как ошибочное. Можно сказать, что новое может быть воспринято в обществе только по мере отношения к уже признанному мифу, именно мифу, потому что только миф допускает возможность еще неизвестных интерпретаций. Миф при этом может носить латентный характер, авторы могут вовсе не задумываться над культурными мифами, однако это не означает, что мифы не влияют на их сознание.

Недавняя история изобретений изобилует случаями, когда корпорации и компании отказывались от разработок технических устройств, которые в конечном итоге вошли

в жизнь каждого человека. Простейший пример здесь – разработка персональных компьютеров. Почему же эти изобретения были приняты обществом? Именно благодаря наличию в культуре такого мифа, что изобретения должны служить человеку. Сначала люди не увидели потенциала предлагаемой новой идеи, но именно благодаря мифу о полезности изобретений, латентно присутствующему в бессознательном, и допускающему пространство неизвестности того, как то или иное изобретение может быть полезно, лишь в принципе исходящему из того, что должно быть как-то полезно, именно благодаря этой неопределенности мифа, стало возможным интерпретации признания полезности открытия.

Критики могли бы возразить, что, например, инженерное творчество просто полезно, оно входит в общество «в невинных одеждах очевидной пользы» [Петров 2004, с. 163] и не нуждается в каком-либо дополнительном обосновании для принятия, однако представление о пользе, существует не само по себе, а в рамках сложившегося мировоззренческого представления о полезном. У Чжуан-цзы мы находим замечательную притчу о крестьянине, который отказался использовать журавль, чтобы добывать воду из колодца. «Я знаю, что благодаря журавлю затрачивается меньше труда, именно потому и не пользуюсь этим приспособлением. Боюсь, что тот, кто начинает пользоваться такими изобретениями, сам делается подобным машине, а это ведет дурным привычкам, праздности и лени» [цит. по Фромм, Судзуки, де Мартино, 1997, с. 14]. Здесь полезность изобретения в утилитарном смысле противостоит мифу о ценности труда как такового.

Иногда бывает не просто вычислить латентный миф в культуре, благодаря которому происходит признание той или иной творческой новации, но можно сказать определенно, что если таковое признание происходит, то тут имеется след какого-то мифа, благодаря которому происходит признание, потому что иначе просто нет пространства для признания в культуре. Миф, благодаря которому происходит признание результатов творчества, может быть достаточно явным и осознанным (разумеется, осознанным как символ с его неопределенностью), но может быть и латентным, неосознанным или недостаточно осознанным, главное тут не то, насколько миф осознан, а то, что миф (независимо от степени его осознания) имеет интерпретационное пространство для признания нового.

Кроме того, здесь мы сталкиваемся с проблемой мифа в мифе, потому что сам символ представляет собой некоторое ограничение. Он допускает бесконечное развертывание интерпретаций, но сам знак сохраняется, потому что иначе исчезает сам символ. Получается, что и миф выполняет ограничительную функцию для развития творчества и над ним тоже должен быть мета-миф, обладающий возможностью принятия новых мифов. А. Козбелт, Р. Бегетто и М. Ранко, описывая стратегию креативности, отмечают важность умеренности, то есть ограничения творчества: «творческие идеи часто являются результатом дивергентного мышления, но слишком большое расхождение приводит к нерелевантным идеям, которые не являются творческими в том смысле, что они одновременно оригинальны и полезны. Умеренность также играет роль в тактике, обычно обозначаемой как "измени свою точку зрения", которая может способствовать оригинальному пониманию. Изменения в перспективе могут быть полезны, но не в том случае, если они настолько экстремальны, что идеи и решения не имеют никакого отношения к рассматриваемой проблеме» [Kozbelt, Beghetto, Runco, 2010, с. 20] Здесь как раз проявляется ограничительная функция мифа, относительно которой определяется полезность творческого открытия. Но, с другой стороны, здесь же получается, что новый миф бесполезен относительно прежнего мифа, он не отвечает идеалу умеренности. При новых интерпретациях одного мифа может родиться совсем другой миф, и для его принятия требуется какое-то метапространство более широкого

мифа. То есть и мифы могут иметь свою иерархию, иначе бы было бы невозможно мифотворчество.

Результат творчества обычно противостоит сложившейся традиции, и, если посмотреть на созданное в творчестве, со стороны традиции, то, как уже говорилось, это обычно воспринимается как ошибка. Порождение творчества диалектически является всегда антитезисом по отношению к тезису традиции и для того, чтобы тезис и антитезис могли, вследствие борьбы, объединиться в синтезе, должно быть пространство, которое над тезисом и над антитезисом. Именно миф удовлетворяет такому требованию к пространству «над», потому что пространство «над» - это пространство неопределенности, но не безграничной, а ограниченной заданным дискурсом. При этом, если мифы в результате творчества и в общественной традиции разные, то результат творчества обречен на непонимание и маргинальность.

Список литературы

1. Вольский 2022 – Вольский А.Л. Между природой и культурой: о модернистской концепции гениальности // Вестник христианской гуманитарной академии 2022. Т. 23. № 4. С. 233-242. DOI 10.25991/VRHGA.2022.5.4.018
2. Касавин 1998 – Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.
3. Мельникова 2012 – Мельникова С.В. Мифологический нарратив в построении биографии гения // Человек в мире культуры. 2012. № 4. С. 20-27.
4. Петров 2004 – Петров М.К. Язык знак культура. М., Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
5. Фромм, Судзуки, де Мартино 1997 – Фромм З., Судзуки Д., де Мартино Р. Дзен-буддизм и психоанализ. М., Изд-во «Весь мир», 1997. 240 с.
6. Kaufman, Beghetto 2009 – Kaufman, J. C., & Beghetto, R. A. Beyond big and little: The four c model of creativity // Review of General Psychology, 2009. Vol. 13, P. 1-13.
7. Kozbelt, Beghetto, Runco 2010 – Kozbelt, A., Beghetto, R.A. and Runco, M.A. Theories of Creativity. / Kaufman, J.C. and Sternberg, R.J., Eds., Cambridge Handbook of Creativity, New York, Cambridge University Press, 2010. P. 20-47. Doi 10.1017/cbo9780511763205.004

УДК 124.2

ИДЕЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ*

Козлова Наталья Юрьевна

Кандидат философских наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

E-mail: nuu.kozlova@mpgu.su

Концептуальная инженерия — активно развивающееся направление в философии и методологии науки, в рамках которого проблематизируются оценка, критика и создание научных понятий и идей. Концептуальная инженерия представляет собой ревизионистскую стратегию: подчеркивая значимость понятийной репрезентации как для развития научного дискурса, так и для повседневных интеллектуальных практик, разработчики направления также обращают внимание на семантическое несовершенство научного понятия, зачастую проявляющееся в разрыве между его концептуальным содержанием и поставленными целями в преобразовании социальной реальности. В связи с чем особую важность приобретает

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта №23-28-01068.

критический анализ и семантическая модификация «проблемного» понятия (а иногда и просто замена одного понятия другим). В докладе как более ранний пример концептуальной инженерии рассматривается идея Дж. Дьюи о необходимости «пересмотра» метафизических оснований философии. С его точки зрения, критический анализ теоретических конструктов философской рефлексии — существующих метафизических оппозиций, понятий, стратегий аргументации — является ключом к любой социокультурной трансформации. Также в докладе рассматривается идея Р. Карнапа об «эксplikации», выступающая методологическим источником современной концептуальной инженерии. Обсуждается связь исследовательской стратегии концептуальной инженерии с проблемой научного творчества.

Ключевые слова: концептуальная инженерия, понятийная репрезентация, семантика, ревизионизм, Дьюи, Карнап, эксplikация, научное творчество

THE IDEA OF CONCEPTUAL ENGINEERING AND ITS THEORETICAL ORIGINS

Kozlova Natalya Yurievna

PhD in Philosophy, Associate Professor

Moscow Pedagogical State University

E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

Conceptual engineering is an actively developing direction in the philosophy and methodology of science, within which the evaluation, criticism and creation of scientific concepts and ideas are problematic. Conceptual engineering is a revisionist strategy: emphasizing the importance of conceptual representation both for the development of scientific discourse and for everyday intellectual practices, the developers of the direction also pay attention to the semantic imperfection of a scientific concept, often manifested in the gap between its conceptual content and the goals set in the transformation of social reality. In this connection, critical analysis and semantic modification of the “problematic” concept (and sometimes simply replacing one concept with another) is of particular importance. In the report, as an earlier example of conceptual engineering, J. Dewey's idea of the need to “recovery” the metaphysical foundations of philosophy is considered. From his point of view, a critical analysis of the theoretical constructs of philosophical reflection - existing metaphysical oppositions, concepts, strategies of argumentation - is the key to any sociocultural transformation. The report also discusses R. Carnap's idea of “explication”, which is a methodological source of conceptual engineering. The connection between the research strategy of conceptual engineering and the problem of scientific creativity is discussed.

Keywords: scientific creativity, conceptual engineering, conceptual representation, semantics, revisionism, Dewey, Carnap, explication

Концептуальная инженерия — новое направление в философии и методологии науки, занимающееся проблемами оценки, критики и конструирования научных понятий и идей [Cappelen 2018; Chalmers 2020; Isaac 2021]. С точки зрения разработчиков направления, научное понятие и скрывающееся за ним содержание (в особенности понятийный аппарат гуманитарных наук) играет важную роль не только в теории — научном дискурсе, оформляя исследовательские направления и контексты, но и в практической жизни, влияя на восприятие социокультурных и политических феноменов и принятие решений [Cappelen 2018; Haslanger 2000].

Ключевой установкой направления является идея, согласно которой наша понятийная репрезентация несовершенна и адекватность тех или иных научных концептов современным реалиям стоит под вопросом [Cappelen 2018; Chalmers 2020; Haslanger 2000]. В этой связи особую значимость обретает критическое отношение к используемым понятиям, которое бы выражалось в их семантическом анализе, оценке с точки зрения релевантности поставленным целям в преобразовании социальных представлений, а также в рассмотрении возможностей содержательного «пересмотра» или замены на новое понятие. Как, например, отмечает в своем исследовании гендера и расы С. Хаслангер, работа которой послужила началом для последующей проблематизации концептуальной инженерии: «Какой смысл иметь эти понятия? Какую

познавательную или практическую задачу они позволяют (или должны позволить) решить нам? Являются ли они эффективными инструментами для достижения наших целей? Если не являются, то какие понятия служили бы лучше этим целям?» [Haslanger 2000, p. 33]. Такой подход по-новому актуализирует социокультурное измерение научного дискурса, проблематизируя диалог науки и общества и роль ученого-эксперта в нем.

Концептуальная инженерия возникает на стыке дескриптивного и нормативного подходов в научных исследованиях, представляя собой ревизионистскую стратегию: «Что такое знание? Каким должно быть знание? Эпистемологический проект, целью которого является ответ на первый вопрос, можно назвать «дескриптивным», а проект, отвечающий на второй вопрос — «нормативным». Если ответы на эти два вопроса не совпадают, возникает третий проект — ревизионистский. Он начинается с утверждения, что то, каким должно быть знание, отличается от того, каким оно является. Ревизионистский проект предлагает соответствующим образом пересмотреть имеющееся представление знания (account of knowledge)» [Fassio, McKenna 2015, p. 1].

Примером ревизионизма, впечатляющим по замыслу и близким по духу концептуальной инженерии, является идея Дж. Дьюи о необходимости анализа и пересмотра метафизических оснований философского знания. Рассматривая философию как неосознаваемую матрицу мышления, лежащую в основании западноевропейской культуры, Дьюи утверждал, что только через «переоткрытие» философского дискурса — критическую работу по «самоанализу и самоочищению» от «безответственного и неразборчивого догматизма, владеющего умами» [Дьюи 2003, с.134, 14] — возможна интеллектуальная и социокультурная трансформация общества. Понимание философской рефлексии как части общего историко-культурного процесса позволяет, с точки зрения Дьюи, обозначить ее главную задачу: выявление и прояснение социальных и нравственных представлений людей. По сути, речь идет о концептуальной инженерии более глубокого, по сравнению с современной, характера: Дьюи обращает внимание на важность анализа содержания и «техник» философского мышления — проблем концептуализации, метафизических оппозиций и доминант, моделей и структур аргументации, сильных и слабых сторон (в контексте преобразования социальной реальности как цели научного исследования) методологии. Философская рефлексия перестает являться лишь инструментом узкоспециализированного научного теоретизирования, она может стать методом превентивного устранения социальных проблем.

Методологическим источником современной концептуальной инженерии, как отмечают разработчики направления, является проблема экспликации, озвученная Р. Карнапом — «преобразование более или менее неточного понятия, экспликандума, в новое точное понятие, экспликатум или, вернее, замена первого на второй» [Carnap 1963, p. 3]. Как известно, Карнап выдвинул следующие требования к экспликатуму: во-первых, сходство с экспликандумом («экспликатум должен быть настолько близок к экспликандуму или настолько подобен ему, насколько это позволяет неопределенность последнего» [Carnap 1963, p. 5]) в той мере, которая допускает замену экспликандумом экспликандума во всех ранее использовавшихся контекстах; во-вторых, определение экспликатума должно быть дано в точной форме, позволяющей его ввести в существующую понятийную систему; в-третьих, замена экспликандума на экспликатум должна быть плодотворной: плодотворность понятия измеряется возможностью его связывания с другими научными понятиями на основе наблюдаемых фактов. Иными словами, новое понятие должно быть полезным для развития теории; в-четвертых, экспликатум должен быть максимально простым в той мере, насколько позволяет выполнение первых трех условий [Carnap 1963, p. 7]. При этом Карнап

отмечает, что, оценивая результат экспликации, мы не можем сказать, является ли он правильным или неправильным. Скорее, речь будет идти о том, насколько данный результат является более удовлетворительным для достижения поставленных целей, чем другой [Там же].

Название, данное направлению, отражает исследовательский замысел своих авторов. Понятие «инженерия», примененное к контексту научного творчества, подразумевает, что а) научное понятие может «ломаться» или быть изначально дефектным б) данный дефект гипотетически можно исправить в) в производство научных понятий можно попытаться привнести некое подобие контроля г) как следствие — гуманитарная наука путем критической работы над понятиями может попытаться корректировать матрицу мышления и тем самым оказывать влияние на социокультурные изменения.

Если сместить акцент с по своей сути безнадежной заботы о словах — очередной попытки с помощью оценки и критики преодолеть смысловую неоднозначность языка — на наблюдение за трансформациями смысла, улавливаемыми научными понятиями, концептуальную инженерию можно рассматривать как стратегию рационализации тех во многом бессознательных творческих процессов, которые лежат в основе научной рефлексии и делают ее столь неудобной для четкого и последовательного рассмотрения. Исследование проблем смыслообразования, того, как возникают научные понятия, встраиваются в существующую систему знания и функционируют в ней, как развивается интерпретация в условиях концептуального плюрализма, может обогатить анализ феномена научного творчества.

Список литературы

1. Дьюи 2003 – Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ. Павловой Л.Е. М.: Республика, 2003. 494 с.
2. Carnap 1963 — Carnap R. Logical foundations of probability. University of Chicago Press, 1963. 365 p.
3. Chalmers 2020 — Chalmers D. What is conceptual engineering and what should it be? // Inquiry. 2020. DOI: 10.1080/0020174X.2020.1817141
4. Fassio, McKenna 2015 — Fassio D., McKenna R. Revisionary epistemology // Inquiry. 2015. Vol. 58. Issue 7–8. DOI: 10.1080/0020174X.2015.1083468
5. Haslanger 2000 — Haslanger S. Gender and Race: (What) are they? (What) Do We Want them to Be? // Noûs. 2000. Vol. 34. P. 31–55.
6. Isaac 2021 — Isaac G. What Should Conceptual Engineering Be All About? // Philosophia. 2021. Vol. 49. P. 2053–2065.

УДК 316+159.9

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ КРЕАТИВНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Петрова Ирина Эдуардовна

Доктор социологических наук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского»

E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Ушакова Яна Владимировна
Кандидат социологических наук
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: yana@fsn.unn.ru

Исследование креативности представляет многие перспективы, но и многие вызовы для ученых, представляющих монодисциплинарные области научного знания. Междисциплинарность в анализе креативности не сводится только в комбинировании методик. Научно-исследовательская лаборатория Дизайн информации факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского представляет попытку комплексного междисциплинарного анализа креативности студентов российских вузов. В качестве первого этапа исследования разработана и апробирована методология анализа, а также результаты опроса более 1200 студентов из четырех городов России.

Ключевые слова: креативность, междисциплинарность, креативная компетенция

INTERDISCIPLINARITY IN CREATIVITY RESEARCH: PERSPECTIVES AND CHALLENGES

Irina E. Petrova
DSc in Sociology
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Yana V. Ushakova
PhD in philosophy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: yana@fsn.unn.ru

The study of creativity presents many perspectives, but also many challenges for scholars representing monodisciplinary fields of scientific knowledge. Interdisciplinarity in creativity analysis is not just about combining methodologies. The research laboratory Information Design, Faculty of Social Sciences, N.I. Lobachevsky NNSU presents an attempt of a complex interdisciplinary analysis of creativity of Russian university students. As the first phase of the research the methodology of the analysis is elaborated and tested, as well as the results of the survey of more than 1200 students in four cities of Russia.

Keywords: creativity, interdisciplinarity, creative competence

Креативность как явление представляется полем сочетания концепций для междисциплинарного исследования. В пространстве научных публикаций доминируют тексты психологической и (во вторую очередь) педагогической направленности, последующие места распределены по-разному в русскоязычном и англоязычном сегментах [Бахмутова 2018, с. 443; Захарова 2017, с. 16].

В качестве первого шага изучения креативности студентов российских вузов коллектив сотрудников научно-исследовательской лаборатории Дизайн информации ННГУ им. Н.И. Лобачевского предпринял контент-анализ научных статей на русском языке в пакете программ LektA. В контенте на русском языке проанализировано около 30 000 лингво-семантических цепочек. Сила связи и сочетание концептов в корпусе текстов представлены в качестве подтем, которые несут интересные смысловые нагрузки и являются основным предметом анализа.

По результатам контент-анализа можно сделать выводы о том, что смысловое пространство креативности пока не разделено на предметные поля различных наук, хотя психология и педагогика явно доминируют. Вместе с тем, значительное присутствие

широких философских тем (Экзистенциализм, Гуманизм, Философия как наука, таблица 1) более всего говорит о том, что явление креативности пока осмысливается не столько операционально, для проведения эмпирических исследований, сколько на уровне концепций и ключевых категорий, более фундаментально, чем практико-ориентировано. Это может свидетельствовать о недостаточном уровне концептуализации понятий и необходимости дальнейшего анализа возможностей различных наук в пространстве явления креативности.

Таблица 1. Факторы контент-анализа русскоязычных статей о креативности, включающие лексемы из предметного поля философии

Фактор 5		Фактор 6		Фактор 14	
семиотика	-0,5964	дух	-0,4227	логика	0,427
этика	-0,3905	самоанализ	-0,3794	философ	0,3852
эстетика	-0,3693	саморазвитие	-0,3636	критика	0,2922
семантика	-0,3645	самоактуализация	-0,3547	мышление	0,2678
нравоучительный	-0,3389	ценностей	-0,3013	разум	0,2103
модели	-0,3309	Самосовершенствование	-0,2939	математика	0,2099
образование	-0,2917	гуманизация	-0,279	диалектика	0,2097
диагноз	-0,2792	экзистенциализм	-0,2361		
культ	-0,2726	потребности	-0,2255		
		эго	-0,2254		
		психика	-0,2222		
		саморегуляции	-0,2146		
		поведение	-0,4227		

Для комплексного междисциплинарного коллектив НИЛ Дизайн информации предложил методологию, совмещающую психологическое тестирование, социологическое анкетирование и технологии анализа данных цифрового следа абитуриентов [Исакова, 2022, с. 76 - 78]. В 2022 году проведен опрос студентов четырех российских вузов. В опросе приняло участие 1230 студентов вузов-партнеров (ТГУ, ВятГУ, САФУ). Цифровой след удалось выгрузить у 764 студента (62%). Студенты российских вузов в большинстве своём демонстрируют средний уровень креативности. По большинству методик средний уровень креативности демонстрирует каждый второй студент (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень креативности, %

Исследование креативности	Уровень креативности		
	Высокий	Средний	Низкий
Методика Ф. Вильямса	8%	72%	23%
Методика Г. Триандиса	25%	35%	13%
Тест С. Медника	15%	31%	18%
Опросник Ш. Шварца	18%	38%	18%

Самооценки студентов уровня своей креативности достаточно оптимистичны.

Для подавляющего большинства студентов характерно:

- желание узнавать что-то новое (90%);
- желание учиться чему-то новому (87%);

- умение решать конфликты мирным путем (84%);
- желание что-то делать собственными руками (76%);
- желание помогать своим однокурсникам в учебном процессе (74%);
- находить оригинальные решения задач на занятиях (62%).

Интерес к научной и общественной жизни университета у студентов не очень высокий. Из всех перечисленных направлений перевес положительных оценок только у международных стажировок: 47% студентов это интересно или скорее интересно против 36% выбравших противоположные ответы. Примерно 40% студентов выразили интерес к студенческим творческим мероприятиям (КВН, конкурсы песен и танцев и др.), к спортивным мероприятиям (но в качестве зрителя), а также к студенческой волонтерской и добровольческой деятельности. Наименьший интерес вызвали общественно-политические мероприятия, кафедральные инициативные исследования, фундаментальные (теоретические) исследования, а также трудовая деятельность в Российском Студенческом отряде.

Пятая часть студентов никогда не принимала участия ни в одном из направлений научной или общественной жизни университета. Всего треть студентов принимают участие во внеучебной жизни университета на регулярной основе. При этом результаты исследования свидетельствуют о том, что, будучи школьниками, нынешние студенты очень активно участвовали в школьных мероприятиях (таблица 3).

Таблица 3 – Участие в мероприятиях во время обучения в школе, %

<i>Мероприятия</i>	<i>Никогда</i>	<i>Иногда</i>	<i>Часто</i>
Предметные Олимпиады школьников	10	32	58
Творческие мероприятия	15	33	52
Спортивные соревнования	30	33	37
Волонтерская деятельность	41	33	26
Конференции школьников	52	29	18
Научное общество учащихся	65	23	12
Общественно-политические мероприятия	68	21	11
Кванториум	81	15	4

Результаты участия в общественной и учебной деятельности вуза, к сожалению, не идут ни в какое сравнение с результатами школьных лет. В целом, студенты поддерживают общественную жизнь в стенах вуза, согласны или скорее согласны с тем, что участие в общественной жизни дает возможность проявить свои деловые и лидерские качества – 80%, что оно даёт возможность общения с единомышленниками совместно добиваться своих целей и быть частью студенческого коллектива (79%).

В рейтинге составляющих жизненного успеха такие качества, как самосовершенствование (саморазвитие) и самореализация входят в десятку ведущих и занимают соответственно четвёртое и шестое места. Самосовершенствование (саморазвитие) совсем немного уступает традиционным лидерам подобных рейтингов – здоровью, дружной, сплоченной семье и любимой работе.

Анализ цифрового следа респондентов позволяет сделать выводы о существующей зависимости поведения студента в социальных сетях от уровня его креативности [Исакова и др. 2023, с. 312 – 314; Митягина 2022, с. 168 - 170]. Чем выше общая оценка креативности по совокупности психологических тестов, тем более человек ориентирован на активное поведение и самореализацию в виртуальном пространстве – у него разнообразнее информация, больше постов (и собранных лайков) и число подписок, длиннее предложения в постах, шире аудитория друзей. Вместе с тем, креативные

студенты меньше потребляют рутинного образовательного контента и чуть более склонны к одобрению обсуждения рискованных тем.

Представленная методология анализа креативности студентов предоставляет замечательные возможности сопоставления складывающихся типологий, отвечающих по тестированию, ответам на вопросы анкеты, а также поведению в социальной сети. Данные одного респондента и выверенная операционализация для предметного поля психологии, социологии и анализа цифрового следа позволит в дальнейшем изучении лучше понять социокультурные факторы формирования креативности, а также влияние сетевых акторов на ее развитие. В 2023 году коллектив НИЛ Дизайн информации дополнит комплексную программу исследования когнитивными экспериментами для определения психофизиологических аспектов работы с креативной компетенцией студентов во время обучения в вузе.

Список литературы

1. Бахмутова 2018 – Бахмутова Ю.И. Креативность как элемент человеческого капитала // Аллея науки. 2018. Том 3. № 5(21). С. 442–445.
2. Захарова 2017 – Захарова О.Г. Определение понятия «креативность» в научной литературе // Аспекты и тенденции педагогической науки: Материалы II Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2017 г.). СПб.: Свое издательство, 2017. С. 15–17.
3. Исакова 2022 – Исакова И.А. Возможности оценки креативности по цифровым следам// Большие данные и проблемы общества: Сборник статей по итогам Международной научной конференции. Киров. 19 – 20 мая 2022 г. Томск: национальный исследовательский Томский государственный университет. 2022. С. 75 – 79.
4. Исакова и др. 2023 – Исакова И.А., Петрова И.Э., Ситникова И.В. Интердисциплинарность vs междисциплинарность: возможности изучения креативности// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (173). 2023. С. 310 – 322.
5. Митягина 2022 – Митягина Е.В. Диагностика креативности для определения индивидуальных траекторий обучения студентов// Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород. 15–16 сентября 2022 г. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2022. С. 166–171.

УДК 001

О НЕОЖИДАННОМ В НАУКЕ: ТРЕТИЙ АСПЕКТ КРЕАТИВНОСТИ*

Сахарова Анна Владимировна

Младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Наука, технологии, общество» кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

Исследователи определяют креативное в науке по трем критериям: по новизне, ценности и неожиданности. В статье ставится вопрос о том, кто участвует в оценке научных

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» № темыН-424-99_2022-2023.

исследований по критерию неожиданности, и какие последствия может иметь такая оценка. Показано, что критерий неожиданности не может быть определён самим исследователем, не имеет формального выражения при оценке исследования научным сообществом, не учитывается при историческом и историко-эпистемологическом анализе научного знания. Оценка по критерию неожиданности выходит за пределы научного сообщества и оказывается одним из определяющих факторов для выбора материала для работы научных коммуникаторов – журналистов и пиарщиков. При выборе исследований для научных новостей и пресс-релизов ими учитывается критерий необычности, неожиданности и даже сенсационности, а часто он выходит на передний план, перевешивая критерии ценности и новизны. Отбор и продвижение исследований с опорой на критерий неожиданности влияет на восприятие науки обществом, популярность различных научных дисциплин и отдельных исследований, а также на формирование ожиданий общества от науки.

Ключевые слова: креативность, научная коммуникация, наука, социальная эпистемология

ON THE UNEXPECTED IN SCIENCE: THE THIRD ASPECT OF CREATIVITY**

Sakharova Anna Vladimirovna

Junior Researcher of Research laboratory "Science, technology, society",

Department of Philosophy

Lobachevsky State University of the Nizhny Novgorod

E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

Researchers define creativity in science according to three criteria: novelty, value, and surprise. The article deals with the issue of evaluating scientific research by the criterion of surprise and the consequences of this evaluation. Evaluation by the criterion of surprise cannot be carried out by the researcher himself, it does not have a formal expression in the evaluation of research by the scientific community, it is not taken into account in the historical and historical-epistemological evaluation of scientific knowledge. Evaluation by the criterion of surprise goes beyond the scientific community and turns out to be one of the determining factors for the choice of material for the work of scientific communicators - journalists and PR specialists. When choosing research for scientific news and press releases, they take into account the criterion of unusualness, surprise and even sensationalism, and often it comes to the fore, outweighing the criteria of value and novelty. The choice and promotion of research based on the criterion of surprise influences the perception of science by society, the popularity of various scientific disciplines and individual studies, and the formation of society's expectations from science.

Keywords: creativity, science communication, social epistemology, science

В современных исследованиях креативность может пониматься по-разному. С одной стороны, когнитивно-методологические подходы интерпретируют её, опираясь на психологические свойства индивида и когнитивные особенности его мышления (см., например, [Дорожкин, Шибаршина 2023]). С другой стороны – различные социально-исторические подходы описывают креативность с позиций оценки научного результата как креативного научным сообществом и обществом в целом (см., например, [Касавин, Сахарова 2023]). При этом в каждом из подходов есть доля истины, и ни один из них по отдельности не может дать окончательный ответ на вопрос, откуда берется и как определяется креативное научное знание: «Творчество помещается тем самым в лагуну между уникальностью творческой личности и механизмами социального признания» [Касавин 2022, с.22],

С социально-исторических позиций креативное описывается как обладающее двумя свойствами – ценностью и новизной: Результатом креативной деятельности обычно называют создание некоего ценного нового: «Что означает быть творческим

** The research was carried out as a part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030" no.N-424-99_2022-2023 .

по отношению к некоторому акту? Стандартный ответ гласит, что он должен быть новым и ценным» [Kieran 2018, p. 1].

Однако некоторые исследователи выделяют еще один необходимый критерий креативного – это *неожиданность*: «Creativity is the ability to come up with ideas or artefacts that are *new, surprising and valuable*» [Boden 2004, с.2]. Интересно, что именно фактор неожиданности и его необходимый вклад в формирование представлений о креативности сближает представителей психологических и социальных подходов: речь идет как о неожиданном результате и его социальным принятии или непринятии, так и о психологическом неожиданном: «Some modern psychologists use the term ‘statistically surprising’ to define creativity, and many assume (in discussing their experiments) that the more unusual ideas are the more creative ones» [Boden 2004, с. 41].

Конечно, сразу возникает вопрос о том, кто определяет ценность, новизну и неожиданность креативного, как меняются эти понятия исторически и в различных научных (шире – культурных) практиках? Мы подробнее остановимся на последнем факторе – неожиданности.

Неожиданное не может быть само по себе, оно не описывается какими-то «объективными» критериями (такими как вероятность и статистика), и не может быть интерпретировано отдельно от субъекта или группы субъектов: неожиданное – всегда для кого-либо. Так кто же может быть субъектом этой неожиданности?

Несмотря на то, что субъект или индивидуальность играет в креативности ключевую роль, мы не можем сказать, что для признания результата исследования неожиданным достаточно только голоса создающего индивидуума. Креативность, обращенная сама на себя, может быть ценной и важной для самой креативной личности, однако, когда мы говорим не об учебных или личных задачах, а о задачах науки и конструирования нового ценного знания личной оценки автора оказывается недостаточно [Boden 2004, p. 2].

Далее, может ли субъектом определения неожиданности стать научное сообщество? Если мы говорим о креативности в науке, признанным современниками оказывается обычно особый род креативного результата. При оценке научных статей или оценке диссертации (например, в процессе рецензирования) необычность может оказаться скорее минусом – она нарушает функционирование «нормальной науки» по Куну, приносит неожиданные результаты, которые потенциально могут «расшатывать» парадигму [Кун 1977].

Оригинальность и креативность, конечно, нужна науке, но не любая, а весьма определенная: «вычислительная» (“computational”) или «исследовательская» (“exploratory”) [Boden 2004, p. 5; Currie 2018, pp. 3–4], которую можно понимать как исследование некоторого пространства возможностей, ограниченного рамками методологии, определенных стилей и паттернов мышления, технологий и инструментов. Кроме того, креативное должно быть описано в рамках обычного для науки дискурса: «От статьи, конечно, требуется оригинальность, но при этом предельно стандартизированная оригинальность» [Антоновский 2022, с. 248].

Кроме того, если мы посмотрим не на науку в общем, как социальную практику, существующую в исторической перспективе, а на особенности функционирования науки «на земле», в микро-масштабе ежедневной рутинной работы исследователя, то заметим, что о креативности как о критерии оценки в «обыденной» «нормальной» науке речь обычно не идет. При этом, если мы разобьем креативность на составляющие: новизна, ценность и неожиданность, то заметим, что первые два пункта входят в систему оценки научным сообществом (в рамках актуальности и практической применимости, которые принято отдельно описывать во многих видах научных работ). Но ни в статье, ни в диссертации, ни в научно-исследовательском отчете не возникает такого критерия

как неожиданность. В непосредственной ежедневной работе ученых такого просто нет – оценка происходит без учета этого фактора.

Вопрос о признании научного результата креативным не обходится без осмысления его в исторической перспективе философами и историками науки – но они обычно формируют образ научного открытия, сделанного в прошлом, уже занявшего свое место под солнцем и включенного в систему научного знания. Фактор неожиданности тут тоже не является значимым: гораздо важнее оказывается влияние исследование на последующее развитие научных практик.

Так кто же может оценить фактор «неожиданности» в интерпретации креативности научного исследования? Мы предполагаем, что именно в этом аспекте оценки креативности происходит выход из внутринаучной коммуникации во внешнюю: «Какой удивительный результат!» – так скажет, скорее всего, не коллега-ученый, а некий внешний наблюдатель науки, способный, однако, понять научное исследование: научный журналист или научный пиарщик. Для пиарщиков и научных журналистов необычное, креативное в науке – это источник популярного и рейтингового контента, дающего просмотры, «клики» и комментарии: по критерию которых оценивается их работа.

Людам, не связанным с наукой, интересно читать про удивительные, неожиданные и необычные открытия и исследования, выбивающиеся за рамки обыденного, недаром так популярен формат «научных сенсаций». Конечно, критерием попадания в такой формат всё же будет не практическая значимость, а выход за рамки привычного мира, неожиданность исследования. И конечно, такая оценка лежит за пределами научных практик. Впрочем, заметим здесь, что граница внешней и внутренней научной коммуникации не определена: ведь популярность того или иного исследования во «внешнем» мире влияет и на отношение внутри научного сообщества.

Чем более неожиданный и невероятный получен научный результат, тем более значимым становится «promotion question» относительно вопроса о научной ценности, и тем громче голос внешних коммуникативных субъектов относительно экспертов научного сообщества: «To understand whether a research program is well-adapted we need to answer both the value question and the promotion question» [Currie 2018, p. 2].

Научные коммуникаторы обычно не оценивают достоверность и новизну непосредственно – считается, что это так или иначе сделало за них научное сообщество, представители которого (редакция журнала и рецензенты), опубликовав статью, признали результаты достойными внимания. Критерий ценности оказывается одним из значимых для научных журналистов и специалистов по PR: однако чаще всего речь тут идет не о ценности для развития науки (например, бесспорно ценные для науки математические или гуманитарные статьи обычно не становятся предметом научных новостей), а ценные в прикладном, почти бытовом аспекте, такие как разработка новых лекарств и технологий, улучшающие (по крайней мере, потенциально и в перспективе) качество и безопасность жизни: то есть отвечающие, по сути, на тот запрос, который общество направляет науке.

Подводя итоги, заметим, что креативность в науке и её составляющие оцениваются многими акторами. Одни ее аспекты доступны для оценки только в исторической перспективе: «долгосрочная» ценность научного исследования и его польза для развития науки оценивается историками и философами науки. Новизна научного результата и его научная ценность подлежат оценке научным сообществом. Оценка неожиданности проводится внешними по отношению к науке акторами – научными коммуникаторами, которые на основании этой оценки отбирают научные исследования, которые будут «переведены» на простой язык и представлены широкому обществу в сми, в научно-популярных видео, публичных лекциях и т.д. Этот отбор может оказывать влияние и

на научную политику (увеличивая финансирование «модных» исследований), и на научные показатели (цитируемость научных работ, освещенных в СМИ, повышается), и на развитие науки, продвигая популяризируя яркие и неожиданные открытия, которые могут вызывать настороженность внутри научного сообщества.

Список литературы

1. Антоновский 2022 – Антоновский, А. Ю. О дегуманизирующей миссии науки / А. Ю. Антоновский // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 244-251. – DOI 10.17223/1998863X/66/22. – EDN LKTJDX.
2. Касавин 2022 – Касавин, И. Т. Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. – С. 19-29. – DOI 10.5840/eps202259336.
3. Касавин 2010 – Касавин, И. Т. Познание и творчество // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24, № 2. – С. 5-16.
4. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
5. Сухенко 2016 – Сухенко Н.В. Специфика популяризации науки в России // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-populyarizatsii-nauki-v-rossii> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Шибаршина, Дорожкин 2023 – Шибаршина С. В., Дорожкин А. М. Эпистемологическая рандомизация, или о креативности в науке // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 1. – С. 21-33. – DOI 10.5840/eps20236012.
7. Boden 2004 – Boden M. The Creative Mind: Myths and Mechanisms, 2 nd ed. London: Routledge, 2004.
8. Currie 2019 – Currie A. Creativity, Conservativeness & the Social Epistemology of Science // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. 2019. Vol. 76.
9. Kieran 2018 – Kieran M.L. Creativity as an Epistemic Virtue // The Routledge Handbook of Virtue Epistemology. Abingdon: Routledge, 2018.

УДК 781.1

ГРАФИЧЕСКИЙ ЗВУК КАК ПРИЁМ МЕТАГЕОГРАФИИ И ФАКТОР ПОЗНАНИЯ

Стрелков Евгений Михайлович

Ведущий специалист

Нижегородский государственный университет им. Лобачевского

E-mail: rivervolga2012@mail.ru

Художник через сгенерированный звук (полученный на основе данных от подвергшихся антропогенному воздействию локаций) описывает сложные объекты-гибриды (порты, искусственные моря, рукотворные атмосферные структуры, транспортные потоки). Перевод образа объекта из визуального регистра в звуковой не только позволяет по-новому интерпретировать объект, но и задаёт новый модус его ощущения адресатом художественного жеста, сохраняющий принципиально важную для познания объекта его гибридность.

Ключевые слова: сайнс-арт, зоны обмена, современное искусство, гибридный объект, графический звук

GRAPHIC SOUND AS A TECHNIQUE OF METAGEOGRAPHY AND A FACTOR OF COGNITION

Strelkov Evgenii Mikhailovich

Leading expert

Nizhny Novgorod Lobachevsky State University

E-mail: rivervolga2012@mail.ru

The artist describes complex hybrid objects (ports, artificial seas, man-made atmospheric structures, traffic flows) through generated sound (obtained on the basis of data from locations subjected to anthropogenic impact). The translation of the image of an object from the visual register to the sound register not only allows for a new interpretation of the object, but also sets a new mode of its sensation by the addressee of an artistic gesture, preserving its hybridity, which is fundamentally important for cognition of the object.

Keywords: science art, trading zones, contemporary art, hybrid object, graphic sound

Предметом для художественного саунд-анализа часто становятся гибриды или химеры, в том числе географические локации или лабораторные коллекции, где природное тесно сплетено с искусственным. Видимо, именно двойственный характер предмета вызывает у художника желание удвоить медиум (в нашем случае – добавить звук). Ибо в привычных визуальных форматах описания такой объект оказывается «недоописанным».

Дополнительный (звуковой) формат вовсе не обеспечивает «полноту» описания гибридного объекта, но позволяет сохранить понимание его гибридности. Одновременное восприятие его через изображение и через звучание включает поле ассоциаций, притом именно звуковые ассоциации обладают особым потенциалом как в раскрытии культурных кодов, так и в формировании персонального образа.

Реципиент звукового арт-образа неизбежно воспринимает звук как музыку, пусть и предельно деконструированную. А ещё Ж. Делёз (вслед за Ф. Ницше) предлагал мыслить звук как непрерывный анонимный поток, в который человеческое существо (в данном случае - художник) что-то привносит, но которое предшествует ему и превышает его [Кокс 2022, с. 54]. Ж. Делёз описывает жизнь как нескончаемый поток, отделённый от определённых тел, сквозь которые он протекает и в которых он выражается. В перспективе такой концепции Кокс предлагает считать, что «звуковые искусства делают слышимым первичное становление, которое предшествует индивидам, субъектам и объектам и превышает их, – этот интенсивный поток, движимый дифференциальными материальными силами, порогами и градиентами». [Кокс 2022, с. 55].

Именно бинарное звуковое/видовое описание гибридного объекта (так же, как и гипер-объекта в понимании Т. Мортонa) позволяет описать многомерность такого объекта – его рукотворность наряду с природностью, его масштабность при его неустойчивости, его опасность при заложенной, казалось бы, изначально полезности.

По мнению П. Шеффера, основателя конкретной музыки, звуковой объект существует отдельно от инструмента, от медиума, с которым связано его существование, и от сознания слушателя. Звуки – это не качества объектов или субъектов, они – онтологические частности и индивиды.

И художественное производство в таком случае – не вычленение комплексов знаков или представлений, а создание неких фазовых пространств с разными степенями ясности и скрытости в расчёте на их персональное, при этом часто бессознательное прочтение путем погружения в делёзовский «непрерывный анонимный поток»

становления. «Произведение искусства – это существо-ощущение, и только; оно существует само в себе» [Делёз 1998, с. 189].

Для Ж. Делёза искусство включает в себя «становление человека нечеловеком», т.е. исследование интенсивностей, которые позволяют нам войти в контакт с сущностями очень разных порядков. И гибридные объекты тут особенно важны, так как на их «естественную» природу наложена цивилизационная сеть. Понимание водохранилища, например, невозможно без включения этого новообразования в человеческие потоки (энергетические, транспортные, производственные), но и без частичного выключения его как из природы (экологические нарушения и замены биологических видов), так и из традиции (разрушение многолетних человеческих практик и структур на этой территории – от городов по берегам до заливных лугов и занятий, пострадавших от изменившегося местного климата). о

Поэтому мне как художнику показалось разумным обратиться (в проекте «Сирены») к созданию звуковых «паролей» для искусственных морей, причем сугубо технологическим образом: основой для автоматически созданного графического звука стали контуры береговой линии водохранилищ. Но появившееся в итоге звучание способно «навеять» реципиенту самые разные ассоциации уже из поля культуры – от народных напевов до пароходных гудков. Эти ассоциации обладают очень широким спектром возможных «воплощений», так как завязаны на персону реципиента, его опыт, знание и практики. Но при этом полученный звук автономен от конкретного индивида и «потенциален» при других прочтениях.

Схожим образом работают и некоторые другие художники, применяя разные алгоритмы для превращения визуального материала в звучание – от натуральных рисунков-пиктограм побережья Белого моря, «пропущенных» через формальную систему соответствий форм и звуков В. Кандинского (как это делают А. Суздаев и И. Колесов в проекте «Дальняя») до превращения самого художника в звуковой локатор, фиксирующий смесь речных и городских шумов прибрежного города (как это делает Анна Мартыненко в проекте «Звуковые карты. Юрьевец»).

В другой своей работе (тоже посвящённой Северу) А. Суздаев озвучивает минималистскую анимацию территории побережья (одновременно и природной, и техногенной) превращённой в ритмичный гул таблицей значений уровня прилива. Схожим образом я превращал в звук (по алгоритму, написанному А. Циберевым) сезонные колебания уровня воды в Волге, измеренные С. Г. Гmeliным еще в 1774 году. В обеих этих работах важна историко-культурная компонента – звук предьявляет нам гиперобъект, протянувшийся во времени на столетия (иди даже тысячелетия – вспомним неолитические лабиринты Большого соловецкого острова).

Несколько иначе поступает А. Мартыненко в работе «Порядок вещей. Юрьевец». Найденные ею на берегу Волги (где когда-то, более 130 лет назад, расположилась астрономическая экспедиция, заинтересовавшая художницу) невзрачные «осколки цивилизации» зазвучали с помощью процессора, который управляет механическими смычками или молоточками. Автор справедливо полагает, что именно звук способен дать посетителю выставки ощущение от нагруженного разными пластами и потоками места.

Звуковое искусство позволяет представить звук одновременно и как несводимый только к культуре, но и как неизбежно оформленный ей. Если снова вспомнить о фазовых пространствах, то произведение звукового искусства – это набор траекторий в координатах природы и культуры, где существуют свои зоны притяжения (аттракторы), сдвигаемые сознанием реципиента, но автономные по отношению к нему.

Формализм фазового пространства, где различные режимы поведения системы «включаются» при переходе через бифуркации, тут очень удобен. Звуковой поток (каким

бы простым он не был) для слушателя непредсказуем, и в этом качестве может стать фактором бифуркации – переводом реципиента, например, из режима элегии в режим тревоги или из состояния принятия в состояние протеста.

Визуальный формат такого не даст – там нет (или почти нет) развития во времени, заложенного в сущность звучания. И, значит, звук способен, длясь, переключать регистры и ракурсы, предъявляя гибридный объект с разных сторон. Звук здесь «не повествует о слышимом, а делает его слышимым» [Рясов 2021, с. 8]. В том числе звук делает слышимой гибридность.

Важным моментом при производстве графического звука является случайность. Традиция случайного заложена еще Кейджем и Мортон – бросанием игральные кости при производстве музыки. Но и при создании звука по заранее написанному алгоритму непредсказуемость сохраняется: алгоритм пишется один раз, а потом применяется автоматически к довольно разным – и по-своему тоже случайным – данным.

Так было в нашей работе «Мушинный квартет», когда «озвучивалась» видеозапись движения лабораторных мух-дрозофил, характер которого определяется генетическими особенностями той или иной мухи. По видеозаписи нейробиологи определяют мух с теми или иными генетическими дефектами, чтобы затем попробовать устранить эти дефекты. Мы же с помощью специально написанной программы переводили движения четырёх мух в звук – основная частота звука задаётся скоростью движения мухи, а короткие низкочастотные трели образуются при смене направления и скорости движения.

Человеческое ухо неизбежно находит гармонические участки в автоматически генерированном звуке, порождённым гибридным объектом (муха – и живой организм, и некий конструктор для генетика). Свидетельствуя таким образом о возможности музыкальности нечеловеческого агента – или, как пишет М. Куртов, «о непрекращающемся движении различения человеческого, нечеловеческого, инфрачеловеческого, супрачеловеческого, парачеловеческого».

Список литературы

1. Кокс 2022 – Кокс К. Звуковой поток. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 300 с.
2. Делёз 1998 – Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. 330 с.
3. Рясов 2021 – Рясов А. Едва слышимый гул. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 180 с.

УДК 11:16

СОМНЕНИЕ И ЕДИНСТВО В ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА

Ткачев Андрей Николаевич

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

В процессе творчества мировоззрение человека играет большую роль, либо повышая возможности, либо подавляя их. Стремление к единству, лежащее в основе различных мировоззрений, провоцирует творческий поиск, и на что бы ни был направлен творческий

интерес, за этим всегда стоит интерес к единству. При этом есть и другая стороны, которая не менее провоцирует творчество, это сомнение по отношению к обычному, привычному. Новый критический взгляд на обычные вещи это уже начало творчества, если за этим стоит поиск единства.

Ключевые слова: сомнение, единство, творчество, монизм, известное, неизвестное, открытые и закрытые типы мировоззрения

DOUBT AND UNITY IN THE NATURE OF CREATIVITY

Tkachev Andrey Nikolaevich

PhD in Philosophy, Assistant of Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

The worldview of a person plays a big role in the process of creativity. It either increases the possibilities or suppresses them. The desire for unity, which underlies the various worldviews, provokes a creative search. Behind any creative interest there is always an interest in unity. Another important element that gives impetus to creativity is doubt in relation to the ordinary, the familiar. A new critical look at ordinary things is the beginning of creativity, if there is a search for unity behind that.

Keywords: creativity, doubt, unity, monism, the known, the unknown, open and closed types of worldview

Для того чтобы говорить о природе творчества, нужно попытаться выявить тот внутренний запрос, который побуждает человека к творчеству и в то же время дает творческий потенциал. Причем речь тут должна идти не о психологических мотивах, а именно о мировоззренческих, представлениях, задающих возможности и вектор развития. Например, известно, что конфуцианство по своему мировоззрению отрицательно или безразлично относится к созданию нового, так как больше ценит сложившийся миропорядок, традицию; в то время как в даосизме совсем другой взгляд на новое, что оказывает иное влияние на природу их творчества. Игнорируя мировоззренческую проблематику и сосредоточившись только на психологической мотивации, вряд ли получится полноценно проинтерпретировать какое-либо творческое явление.

Ранее бытовало такое понимание мифотворчества, что мифы возникали из попыток объяснения древними людьми окружающего мира, но такая интерпретация представляется несостоятельной, поскольку делается, исходя из представлений современного человека и реакции современного человека на непонятное. В современном понимании часто предполагается, что древней человек родился со стремлением к объяснениям природы, при этом игнорируется то, что для объяснений требуется монистический характер мировоззрения, которого обычно не было у древних людей (древний иудаизм это явная аномалия, а не норма для древнего мировоззрения). Например, почти повсеместный политеизм (за исключением лишь иудаизма) в Древнем мире вряд ли возможно объяснить монизмом в мировоззрении древнего человека. Следовательно, и для творчества картин мира в мифе необходимо попытаться поискать какой-то иной мировоззренческий мотив, нежели объяснение природы. В качестве такого мировоззренческого запроса можно предположить интуитивный запрос на единство, причем такой запрос единства, которого не было ни в наличии, ни даже в сколь-нибудь осознанном предположении. Однако это предположение сталкивается с проблемой объяснения появления стремления к единству в интуиции, если единства не существовало в окружающей реальности. Можно предположить, что в основании принципа единства лежало желание, потому что желание в мировоззренческом, в онтологическом смысле означает именно стремление к единству. Ведь желание иметь

что-то – это желание включить в свое пространство, что онтологически означает объединение. Например, и конечное время, по мнению Кьеркегора, наполнено вечностью: «... всякий миг преходящ, и в следующий миг он уже в прошлом; и все-таки момент имеет решающее значение, и все-таки он наполнен вечным» [Кьеркегор 2009, с. 19]. Из этого наблюдения Кьеркегора, о присутствии вечного в конечном, в экзистенциальном смысле, можно предположить, что это наполнение мгновения вечностью выражает латентное желание человека быть, иметь пространство единства с бытием. Или, например, человек употребляя пищу в мировоззренческом смысле объединяется с пищей. Неслучайно пища в древних религиозных ритуалах часто играла роль приобщения к священному, священное объединение.

Если исходить из того, что в основании мифотворчества древних людей лежало интуитивное желание единства, даже представления о котором еще не было, то здесь мы можем ближе подойти к пониманию природы творчества, потому что творчество – это всегда желание того, чего еще нет даже в мыслях. Когда человек хочет что-то уже известное ему, тут нет творчества принципиально нового, разве только творчество в достижении способов достижения известного. Однако новые способы достижения известного замкнуты в границах предмета известного, потому что, выходя за границы известного, творческое мышление получит нечто иное, новое, а не то, что хотел человек, и что было целью творчества. Такое, разумеется, не редко бывает, когда творчество приносит совсем не те плоды, которые от него ожидали, но это происходит вовсе не из-за того желания, которое стремилось к достижению известного, а из другого, латентного желания, которое не знало того, что оно хочет. Новое может быть воспринято как значимое, только исходя из запроса, пусть и латентного. В творчестве, где стремятся к способам достижения, направленным к известному (например, улучшить что-то уже известное), бывает, что присутствует и другое, латентное творчество, которое стремится к неизвестному, и которое подвергает сомнению представления о достижении единства и известного. В этом проявляется дуалистическая природа творчества, и возможно от этого происходит многозначность символа мифа. Желая единства с природой, в мифотворчестве человек произвольно соединял известное ему и неизвестное, уверенность и сомнение, собственно, и весь мир с древних времен до нашего времени представляется человеку как известно-неизвестное, несомненно-сомнительное. Эта парадоксальность человеческого восприятия делает стремление к известному бесконечно недостижимым, достигаемое известное при взглядывании в него превращается в неизвестное и сомнительное. То, что представляется человеку достижением единства, снова оказывается недостижимым, потому что единству соответствует известное. И потому в дуалистическом творческом познании человек стремится к тому, чтобы увидеть то, что у него уже есть, в том, чего у него еще нет. Эта попытка обычно разрушает то, что есть, и порождает нечто новое.

Творчество это попытка остановить, сделать известной, ускользающую неизвестность, хоть как-то преодолеть сомнение, и в этом выявляется консервативный элемент в природе творчества. Казалось бы, стремление к консервативности противоречит природе творчества нового, однако новое – чтобы оно было, чтобы оно проявилось – нужно поймать, зафиксировать, определить в вечно изменяющемся и сомнительном мире. Попытки творчества находятся в пространстве между отсутствием движения и движением, образно говоря, между Парменидом и Гераклитом. В науке знанием о природе считается обычно повторяющаяся информация, не уникальная, а способная к воспроизведению, к повторению. Повторение расположено между неизменным и изменяющимся и имеет значение именно как форма остановки, изменяющегося, как попытка преодоления сомнительного.

В творчестве подражание играет особую роль, потому что создание нового начинается с подражанию старому. Древние религиозные ритуалы были направлены на объединение участников с тем, кого или что символически изображали в процессе обряда. Например, о смысле обряда как подражания с целью объединения пишет известный религиовед Мирча Элиаде: «Теория небесных моделей продолжает и развивает повсеместно распространенную архаическую идею, согласно которой человеческие деяния — не что иное, как повторение (имитация) действий, показанных божественными существами» [Элиаде 2008, с. 61]. И в мифотворчестве подражание выражалось в связи мира земного и мира небесного. Когда человек пытается понять окружающий мир, он использует для этого то, что есть в его взглядах и представлениях, но при осуществлении этой попытки оказывается, что окружающий мир не очень вписывается в сложившуюся картину, тогда и возникает необходимость добавления новых черт. Вероятно, не всякое мышление оказывается творческим из-за уровня стремления к сохранению прежнего: чем выше уровень сохранения того, что уже есть, тем менее человек склонен замечать новое в окружающем. И здесь возникает противоречие: творчество, целью которого является, прежде всего, остановка пойманного открытия (поймать это остановить, сохранить, оставить неизменным), получает новое не благодаря, а вопреки этому стремлению к неизменности.

Для того чтобы понять это противоречие, нужно обратиться дуализму в природе творчества, где уровень стремления к известному не должен превышать латентного уровня стремления к неизвестному, чтобы творчество нового состоялось. Процесс творчества не может состояться ни без стремления к известному и его сохранения, ни без стремления к неизвестному и разрушению известного, но стремление к неизвестному должно преобладать. Эти черты сохранения и разрушения свойственны закрытым и открытым типам мировоззрения, однако творческим потенциалом обладают открытые. Например, если знание понять как реальность, то это будет закрытый, нетворческий тип мировоззрения, а там, где знание понимается как миф, как вид верования, это будут открытые, творческие типы мировоззрения. Постепенно наука движется от более закрытых к более открытым типам мировоззрения: например, если в 18-19 веке знание понималось как нечто реальное, то к концу 20-21 века, знание более понимается как вид верования. В связи с этим можно ли говорить о том, что творческий потенциал в современности увеличился? По-видимому, все-таки нельзя, потому что помимо открытости мировоззрения есть и другие параметры творчества, например, отношение к информации. Ведь, если информация открыта, то у большинства к ней теряется интерес: несмотря на доступность книг, благодаря цифровым технологиям, чтение книг уменьшилось. То есть, открытости информации ищут, а когда она найдена, ей пренебрегают. Те же процессы свойственны и открытости мировоззрения. Сомнение, если оно входит в открытую определенным мировоззрением «дверь», становится нормой, и как всякая норма становится не склонной к кардинальным творческим прорывам.

В религиозной сфере, стремление к откровению дополняется ужасом перед откровением, о чем пишет, например, Рудольф Отто: «Сохраняется мистическое содрогание, сопровождаемое описанным выше чувством тварности, собственной ничтожности, падшести перед лицом объективно переживаемого Ужаса и Величия» [Отто 2008, с. 30]. Можно сказать, что ужасное священного дополняет, создает уровень интереса, необходимый для творчества, при том, что путь открыт, не табуирован. Именно переживание ужаса заставляет по новому видеть, казалось бы, обычное и замечать необычное в обычном. Но что в светской среде может порождать степень интереса к открытому? Пока, к сожалению, можно наблюдать снижение интереса к доступному, а ведь именно доступное-обычное обладает максимальным творческим

потенциалом, это понимали уже древние, например: «... если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста.» (Библия, Иер. 15;19), или в сказке про Аладдина, где Аладдину предлагается не брать сокровища, а взять только обычную невзрачную старую лампу. Проблема в том, что доступно-обычное привлекает мало интереса, и люди, живущие постоянно среди красивой природы, часто просто не замечают ее. И именно сомнение, если оно возникает, способно привлекать внимание к обычному. Отсюда можно сделать вывод, что сомнение, открывающее неизвестность, неотъемлемый элемент в природе творчества, если с его помощью пытаются искать единство.

Список литературы

1. Кьеркегор 2009 – Кьеркегор С. Философские крохи или Крупицы мудрости. М., Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 192 с.
2. Отто 2008 – Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербур. Ун-та», 2008. 272 с.
3. Элиаде 2008 – Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М., Академический проект, 2008. 622 с.

УДК 316.422.42

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОВЕРИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: КРЕАТИВНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ «СИСТЕМА 3»*

Фабрикант Маргарита Сауловна

*Кандидат социологических наук, кандидат психологических наук, доцент
Белорусский государственный университет
E-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com*

Статья посвящена проблеме необходимости дифференциации социального доверия и, в частности, доверия к информации, транслируемой в интернете. Отмечается, что применение критического мышления на постоянной основе для решения этой задачи является нереалистичным в силу ограниченности когнитивных ресурсов, а освоение некоторого количества индикаторов недостоверной информации – ненадежным, поскольку эти индикаторы могут легко воспроизводиться в манипулятивных целях. В качестве более эффективного и реалистичного способа решения задачи предлагается креативность, поскольку именно креативный подход к потреблению контента в интернет-коммуникации способен затронуть непосредственную причину недифференцированного доверия – автоматическое восприятие информации без постановки вопроса о том, действительно ли она является тем, на что внешне похожа и чем позиционируется. В отличие от активизации критического мышления, креативность предполагает не последовательную, алгоритмизированную проработку информации вплоть до нахождения обоснованного ответа, а генерирование множества альтернативных вариантов ответа, вплоть до маловероятных, без необходимости обязательной оценки вероятности каждого из них и, тем более, нахождения ответа. Удастся ли применить это решение, зависит от того, приобретет ли креативность в потреблении цифрового контента рутинный характер и сможет ли она стать новой социальной нормой.

Ключевые слова: креативность, интернет-коммуникация, социальное доверие, генерализованное доверие, доверие к информации, толерантность к неопределенности

* Исследование выполнено в Нижегородском государственном университете имени Н.И. Лобачевского в рамках реализации программы стратегического академического лидерства Приоритет 2030 (Н-472_99_2021-2023).

DIFFERENTIATION OF TRUST IN INTERNET COMMUNICATION: REACTIVITY AS COGNITIVE “SYSTEM 3”

Fabrykant Marharyta Saulauna

PhD in Psychology, PhD in Sociology, Associate Professor

Belarusian State University

E-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com

The article is dedicated to the problem of the need to differentiate social trust and, in particular, trust in information transmitted via Internet. It states that the use of critical thinking on an ongoing basis to solve this problem is unrealistic due to limited cognitive resources, and the development of a finite number of indicators of unreliable information is unreliable, since these indicators can be easily reproduced for manipulative purposes. Creativity is proposed as a more effective and realistic way to solve the problem, since it is a creative approach to content consumption in Internet communication that can affect the immediate cause of undifferentiated trust – the automatic perception of information without raising the question of whether it really is what it looks like and what is positioned. In contrast to the activation of critical thinking, creativity does not imply a consistent, algorithmic processing of information up to finding a well-grounded answer, but the generation of many alternative answers, up to the unlikely ones, without the need for a mandatory assessment of the probability of each of them or, moreover, for finding the answer. Whether this solution succeeds depends on whether creativity in the consumption of digital content becomes routine and a new social norm.

Keywords: creativity, internet communication, social trust, generalized trust, trust towards information, tolerance of uncertainty

В последние годы происходит удивительная по своей резкости и масштабу переоценка одного из наиболее популярных предметов эмпирических исследований и теоретических построений в социальных науках – социального доверия. До совсем недавнего времени социальное доверие рассматривалось в положительном свете – как по своим причинам, так и последствиям. Более высокий уровень социального доверия, особенно доверия к людям в целом – так называемого генерализованного доверия – и доверия к незнакомым людям как явно не относящимся к локальному сообществу – означает более высокий уровень модернизации, причем как экономической, так и ценностной. Доверие к людям формируется на фоне стабильного и достаточно высокого уровня благосостояния, устойчивых и работающих социальных институтов, когда нововведения и их наиболее вероятные агенты – новые, незнакомые люди – воспринимаются уже не как источник угрозы, а как источник позитивных изменений [Delhey, Newton 2003, p. 93]. Что касается последствий, более высокий уровень социального доверия позволяет заключать сделки с людьми, обладающими нужной квалификацией или иными ресурсами, а не только с ограниченным кругом хорошо знакомых представителей своего локального сообщества. Более того, доверие позволяет избежать необходимости выстраивания системы внешних гарантий соблюдения договоров, что существенно сокращает трансактные издержки и тем самым повышает эффективность взаимодействия [Bromiley, Harris 2006, p. 139]. Поэтому основная часть исследований социального доверия до недавнего времени была посвящена выявлению того, что первично – влияние благосостояния на доверие или доверия на благосостояние – и если второе, то каким образом можно повысить уровень генерализованного доверия в обществе.

Однако в последние годы отношение к социальному доверию сменилось с положительного на амбивалентное. Ключевую роль в этом сыграли последствия доверия к информации, распространяемой в интернете – среде, позволяющей как никогда просто делать информацию в любой форме доступной для неограниченного количества людей. Высокий уровень генерализованного доверия в сочетании

с огромным объемом вновь поступающей разнородной информации закономерно приводит к некритическому принятию и, более того, дальнейшему воспроизводству информации, которая является либо недостоверной либо, по меньшей мере, неподтвержденной. Опыт пандемии COVID-19 в частности обозначил масштаб последствий таких проявлений генерализованного доверия в условиях, когда благодаря информационным технологиям повышаются не только возможности обмена информацией, но и взаимозависимость. Вместе с тем, те же механизмы – некритичное доверие к информации, распространяемой посредством интернета – зачастую приводят к недоверию по отношению к тем социальным институтам (например, науке и доказательной медицине в частности), которые, напротив, по мнению исследователей, доверия достойны. В результате некоторые из ведущих социальных исследователей, прежде всего, П. Норрис [Norris 2022, p. 7] признали, что риски доверия к тем, кто его не заслуживает, не меньше, как это считалось раньше, а сопоставимы с рисками отказа в доверии тем, кто его достоин.

Ключевое следствие этого нового, амбивалентного отношения к социальному доверию является то, что доверие по сути переосмысливается как преимущественно когнитивный, а не аттитюдно-ценностный феномен. Если прежняя задача, связанная с практическими импликациями теории доверия, сводилась к вопросу о том, как побудить в большей степени доверять людям в целом (т.е. как повысить общий уровень доверия в обществе), но сейчас речь идет о том, как сделать доверие не более высоким, более распространенным или более генерализованным, но более дифференцированным. Для более высокого, как, впрочем, и более низкого уровня доверия достаточно сформировать единый аттитюд, но для дифференциации доверия требуется, во-первых, освоить специальные техники оценки надежности и достоверности информации, во-вторых, научиться применять их на постоянной основе именно в тех ситуациях, когда это необходимо, исходя из вероятных последствий. Иными словами, речь идет о формировании не только критического мышления в общем виде как навыка, но и способности самостоятельно активизировать этот навык.

Однако такая пересборка доверия как преимущественно когнитивного, а не аттитюдного феномена и особенно следующий из нее призыв к формированию критического мышления вступают в противоречие с одной из наиболее влиятельных когнитивных теорий последних десятилетий – моделью Д. Канемана, который доказал, что последовательная обработка информации, основанная на критической проверке, применяется лишь в меньшей части случаев, поскольку постоянное функционирование в таком режиме превосходит наши когнитивные ресурсы. Большую часть времени мы принимаем решения не логически последовательно, но и не хаотично, а руководствуясь набором привычных шаблонов [Канеман 2014, с. 198]. Эта «предсказуемая иррациональность» [Ариели 2019, с. 72] открывает возможности для манипуляции этими когнитивными процессами – злоупотребления доверием. Это, в свою очередь, делает невозможным сведение критического мышления к усвоению набора индикаторов достоверной информации, поскольку создатели недостоверных сообщений смогут с легкостью копировать эти внешние атрибуты.

Если использование критического мышления на постоянной основе оказывается нереалистичным, а освоение закрытого набора индикаторов – ненадежным, то на какие же ресурсы можно опираться, чтобы выработать избирательное, дифференцированное доверие, столь необходимое в цифровую эпоху? Одним из таких ресурсов представляется феномен, который, как и доверие, в последнее время переосмысливается как скорее амбивалентный, нежели однозначно позитивный, и, снова как и доверие, имеет одновременно аттитюдное и когнитивное измерения. Речь идет о креативности.

Обращение к креативности в связи с доверием к информации представляется достаточно неочевидным. Обычно креативность рассматривается как способность создавать нечто новое, как правило, инновационное, нестандартное по способу или результату, а не давать оценку чему-либо уже имеющемуся. Применительно к интернет-коммуникации креативность также ассоциируется с характеристиками тех, кто производит контент, а не тех, кто его потребляет. Однако именно креативный подход к потреблению контента в интернет-коммуникации способен затронуть непосредственную причину недифференцированного, некритичного доверия – автоматическое восприятие информации без постановки вопроса о том, действительно ли она является тем, на что внешне похожа и чем позиционируется. В отличие от активизации критического мышления, креативность предполагает не последовательную, алгоритмизированную проработку информации вплоть до нахождения ответа на этот вопрос, а генерирование множества альтернативных вариантов ответа, вплоть до маловероятных, без необходимости обязательной оценки вероятности каждого из них и, тем более, нахождения ответа. В этом смысле креативное генерирование идей представляется третьим путем, своего рода Системой 3, отличным как от последовательной обработки вариантов (Система 2 по Канеману) – предпочтительным, но не достижимым на постоянной основе – и автоматическому следованию привычным путям когнитивных эвристик. Креативность позволяет останавливать автоматизмы, не проходя при этом весь путь последовательной логической цепочки и тем самым требует существенно меньших когнитивных усилий. Еще одно важное обстоятельство, представляющее собой аргумент в пользу креативности как средства дезавтоматизации и тем самым дифференциации доверия, – то, что творческий процесс, в отличие от последовательной обработки информации в режиме Системы 2 по Д. Канеману, не страдает от эмоциональной вовлеченности, а, напротив, как правило, сопровождается эмоциональным подъемом. Это важно, поскольку доверие к недостоверной информации, приводящее к активным действиям (распространению информации или принятию решений на ее основе) более вероятно в том случае, если информация вызывает сильный эмоциональный отклик, поскольку нейтральная информация чаще пропускается, не выделяется из фона общего информационного потока. Как следует из когнитивной модели эмоций, согласно которой, общее неспецифическое эмоциональное возбуждение предшествует категоризации, распознаванию конкретных эмоций, рекатегоризировать и тем самым перенаправить эмоции намного легче и требует существенно меньших волевых усилий, чем вовсе вынести их за пределы познания.

Таким образом, креативность восприятия контента в интернет-коммуникации способна по меньшей мере содействовать решению проблемы недифференцированного доверия. Удастся ли применить это решение, зависит от того, приобретет ли креативность в потреблении цифрового контента рутинный характер и сможет ли она стать новой социальной нормой. Для этого, в частности, потребуются одновременное повышение престижа креативности, в том числе избавление от негативных иронических коннотаций, и отказ от представления о креативности как атрибута элит или какой-либо иной отдельной социальной страты.

Список литературы

1. Ариели 2019 – Ариели Д. Предсказуемая иррациональность: Скрытые силы, определяющие наши решения. М.: Альпина Паблишер, 2019. 335 с.
2. Канеман 2014 – Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 411 с.
3. Bromiley, Harris 2006 – Bromiley P., Harris J. Trust, transaction cost economics, and mechanisms // Handbook of trust research, 2006. P. 124 -143.

4. Delhey, Newton 2003 – Delhey, J., & Newton, K. Who trusts?: The origins of social trust in seven societies // European societies. 2003. Vol. 5(2). P. 93-137.
5. Norris 2022 – Norris P. In praise of skepticism: Trust but verify. Oxford; Oxford University Press, 2022. 320 p.

УДК 167.7

КТО ДЕЛАЕТ СЛУЧАЙНЫЕ ОТКРЫТИЯ ИЛИ К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ СЕРЕНДИПНОСТИ*

Фейгельман Артем Маркович

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: artf1986@gmail.com

В статье выделяется и анализируется оптимальная конфигурация субъекта серендипности. Даются различные определения серендипности. Анализируются триада таких факторов серендипности как знание, поиск и случайное событие. Подчеркивается, что такой элемент данной триады как поиск не обязателен для проявления серендипности. Выводится формула серендипности: случайное событие плюс неслучайный субъект. В статье утверждается, что первоначальными импульсами серендипности являются удивление и любопытство. Также для проявления серендипности необходима интеллектуальная гибкость, смелость и открытость новому, способные преодолеть господствующие эпистемические нормы и ожидания. Утверждается, что одним из ключевых навыков, способствующих серендипности, является способность к бисоциации – соединению различных матриц мышления, навыков и опыта. В статье подчеркивается, что большую склонность к бисоциации проявляют исследователи, работающие в междисциплинарном контексте. Кроме того, коллективы, состоящие из представителей различных дисциплин, повышают шансы на проявление бисоциации. Трудлюбие, терпение и упорство приводятся в качестве качеств, которые позволяют превратить случайное наблюдение в реальное изобретение или публикацию. В то же время в статье делается вывод о том, что индивидуальные качества ученого и изобретателя во многом зависят от культуры, эпистемических установок и материальной базы институций, к которым они принадлежат.

Ключевые слова: серендипность, субъект серендипности, бисоциация, эпистемические нормы, эпистемические ожидания, ага-опыт

WHO MAKES ACCIDENTAL DISCOVERIES OR TO THE QUESTION OF THE SERENDIPITY'S SUBJECT

Feigelman Artem Markovich

PhD in Philosophy, Associate Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: artf1986@gmail.com

The article highlights and analyzes the optimal configuration of the subject of serendipity. Various definitions of serendipity are given. The triad of such serendipity factors as knowledge, search and accidental event is analyzed. It is emphasized that such an element of this triad as a search is not necessary for the manifestation of serendipity. A serendipity formula is derived: an accidental event plus a non-accidental subject. The article argues that the initial impulses of serendipity are surprise and curiosity. Also, the manifestation of serendipity requires intellectual flexibility, courage and open-minded, capable of overcoming the prevailing epistemic norms and expectations. It is

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023..

argued that one of the key skills that contribute to serendipity is the ability to bisociate - connecting different matrices of thinking, skills and experience. The article emphasizes that researchers working in an interdisciplinary context show a greater tendency to bisociation. In addition, multidisciplinary teams increase the chances of bisociation. Hard work, patience and perseverance are cited as the qualities that make it possible to turn an accidental observation into a real invention or publication. At the same time, the article concludes that the individual qualities of a scientist and inventor largely depend on the culture, epistemic attitudes and material base of the institutions to which they belong.

Keywords: serendipity, subject of serendipity, bisociation, epistemic norms, epistemic expectations, aha-experience

Современная наука не отрицает значения случайности ни в мире природы, ни в мере людей. Сам процесс прироста нового знания нередко предполагает появление счастливых неожиданностей и совпадений, которые позволяют ученым двигаться вперед. Элемент случайности в научном творчестве концептуализируется при помощи понятия серендипность, раскрывающем субъекта, процесс и контекст неожиданных научных открытий.

Само понятие серендипность (serendipity) происходит от устаревшего названия Шри-Ланки – Серендип и восходит к английскому писателю Горацию Уолполу (1717-1797). В своей переписке Уолпол пересказывает легенду о трех принцах из Серендипа, которые делали различные «открытия в вещах, которых они не искали, благодаря случайности и смекалке» [Merton, Barber, 2004, p.2]. С тех пор слово серендипность достаточно прочно вошло в интеллектуальный оборот, обозначая счастливую случайность, которая привела к неожиданному открытию. Именно с проявлением серендипности связывают такие открытия как изобретение пенициллина, рентгена, стетоскопа, резины, динамита, микроволновой печи и т.д.

Один из самых авторитетных исследователей в этой области, знаменитый американский социолог Роберт Мертон писал, что «паттерн серендипности отсылает к достаточно распространенному опыту наблюдения неожиданных, аномальных и ключевых (strategic) данных, которые становятся поводом для разработки новой теории или расширения уже существующей» [Цит. по: Самра, 2008, web]. Согласно Мертону, серендипность возникает тогда, когда работая над той или иной теорией, ученый получает неожиданные, аномальные данные, выходящие за ее рамки или за рамки господствующих теорий вообще. И эти данные, в свою очередь, становятся базой для появления нового знания. Важно, что сами по себе неожиданные данные не являются ключевыми, такое значение им придает «теоретически-чувствительный наблюдатель, который способен обнаружить всеобщее в частном» [Ibid]. Другими словами, для проявления серендипности необходим особый субъект, способный трансформировать случайное наблюдение в ценное открытие.

Исследуя феномен серендипности в рамках предпринимательской деятельности, Н. Дью выделяет три фактора, сочетание которых может привести к неожиданному открытию: предшествующее знание (подготовленность, проницательность), поиск и случайное событие [Dew 2009, p. 739-740]. Если говорить о науке и технике, то в рамках данной схемы серендипное открытие происходит следующим образом: обладающий предварительными знаниями ученый работает над определенной проблемой, однако случайное событие вызывает его любопытство и помогает либо решить уже существующую проблему, либо наталкивает на решение других задач, выходящих за рамки текущего исследования.

Однако следует согласиться с теми авторами, которые говорят о том, что второй элемент обозначенный выше триады – поиск – не обязателен [Napier, Hoang Vuong 2013, p. 190]. Например, швейцарский инженер Жорж де Местраль не занимался какими-либо исследованиями, когда после охоты в Альпах обнаружил, что к его одежде и шерсти его пса пристало множество колючек репейника. Де Местралю стало любопытно,

что позволяет репейнику столь крепко цепляться за шерсть и одежду. Он решил рассмотреть колючки в микроскоп и обнаружил, что их покрывают сотни загнутых крючков. Сделанное наблюдение легло в основу изобретения де Местралем знаменитой застежки-липучки Velcro. Другой элемент триады – знание (подготовленность) – в данном случае представлено инженерной интуицией де Местраля и его навыком работы с микроскопом.

Вынеся за скобки такой элемент триады как поиск, мы оставляем только два: предварительное знание и случайное событие. Первый из названных элементов принадлежит субъекту серендипности, чьи знания, навыки, ум и смекалка позволяют ему не пропустить счастливый случай, указывающий дорогу к новым открытиям. Второй элемент, случайное событие, может произойти с каждым, однако далеко не каждый сделает из него неслучайные выводы. Другими словами, формулу серендипности можно кратко обозначить следующим образом: серендипность = случайное событие + неслучайный субъект.

Этот субъект, как видно из приведенного примера, обладает способностью удивляться и проявлять любопытство. Де Местраль был удивлен способностью колючек репейника цепляться за различные поверхности. Это удивление запустило его любопытство, которое привело к конкретным действиям – изучению репейника под микроскопом. Чувство удивления позволяет ученому увидеть и «поймать» аномалию, которая выбивается за рамки уже существующих теорий и представлений [Copeland, 2019]. Именно это чувство заставило Флеминга внимательнее приглядеться к чашке Петри, в которой грибок стал бороться с бактериями, что в конце концов привело к изобретению пенициллина.

Тем не менее, одного удивления и любопытства мало, чтобы сделать неожиданное открытие – даже если субъект этого открытия обладает максимально возможной полнотой знаний. Требуется также еще и интеллектуальная гибкость и смелость, чтобы извлечь результат из случайного наблюдения. Дело в том, что серендипные открытия часто ведут ученого за границы его собственных эпистемических норм и ожиданий, которые, в свою очередь, являются отражением норм научного сообщества, к которому он принадлежит. И перешагнуть за эти границы дано не каждому, а только тому, кто способен мыслить нешаблонно и готов принять риск, связанный с нарушением общепринятых представлений. Недаром П. Ван Андел называет серендипность искусством «снятия шор» [Van Andel 1994, p. 645-646]. Конечно, без шор, то есть без определенных эпистемических установок и предпочтений, работа ученого вообще невозможна. Однако исследователю необходимо понимать, когда от этих шор можно и нужно отказаться, чтобы не упустить неожиданное открытие. В этом ему поможет интуиция и открытость новому (то, что обозначается понятием «open-minded»), позволяющие увидеть эпистемическую перспективу в случайном событии, которое другому человеку показалось бы малозначительным.

Подобно художнику, соединяющему в одном произведении различные пласты реальности, ученый, проявляющий серендипность, способен интуитивно проводить параллели между различными, на первый взгляд далеко отстоящими друг от друга явлениями. Такую способность, называемую бисоциацией, некоторые исследователи считают ключевой для понимания серендипности [Cunha 2010, p.321]. Термин бисоциация в научный оборот ввел известный писатель и исследователь А. Кёстлер в своей работе «Акт творчества» [Koestler 1964]. По мнению Кёстлера, привычные формы мышления разворачиваются в одной плоскости, в то время как акт бисоциации сталкивает две или более прежде не связанных матриц мышления, навыков и опыта. [Koestler 1964, p. 45, 121]. За счет соединения непохожих контекстов (а иногда и онтологий) бисоциация позволяет преодолеть автоматизм и шаблонность мышления, открывая путь к синтезу

нового знания. В качестве примера Кёстлер приводит изобретение Гутенбергом печатного станка, которое стало результатом смелого соединения принципа действия виноградного пресса с принципом наложения печати [Koestler 1964, p. 123]. По мнению Кёстлера, бисоциация помогает преодолеть междисциплинарные рамки, что выразилось в частности, в открытии электромагнетизма и корпускулярно-волнового дуализма [Koestler 1964, p. 657-658]. Другими словами, субъект, действующий на стыке различных наук и онтологий, имеет больше возможностей для проявления серендипности. Неудивительно, что шансы на бисоциацию, а значит, и серендипность, повышаются в коллективах, где имеет место коммуникация между представителями различных дисциплин. [Cunha 2008, p. 26].

Характерный для бисоциации и серендипности ага-опыт (aha-experience), особое психологическое состояние вдохновения и воодушевления, связанное с открытием нового [Copeland, 2019], не отрицает исследовательской рутины. Субъект серендипности должен обладать известным трудолюбием, терпением и упорством, ведь от первоначального случайного наблюдения до воплощения серендипного открытия в виде патентов или публикаций могут пройти долгие годы. При этом ученому и изобретателю, возможно, придется преодолеть как инерцию собственного мышления, так и сопротивление коллег по научному сообществу.

И здесь мы снова приближаемся к важной теме, почти не затронутой в нашей статье — социальному и институциональному контексту серендипности. Являясь эмерджентным феноменом [Cunha, 2015, p. 10; Фейгельман, 2023, с.47], серендипность не поддается прямолинейной фасилитации. Однако вполне очевидно, что культура, эпистемические нормы и материальное обеспечение тех или иных институций могут как способствовать проявлению серендипности, так и ставить палки в колеса воображению исследователей и изобретателей. И какими бы выдающимися ни были индивидуальные качества последних, они могут скрадываться за счет косности или плохой материальной базы их институций. Субъект серендипности не растет на пустом месте, а действует и развивается в благоприятных для него условиях. Анализ этих условий — тема для отдельного вдумчивого разговора.

Список литературы

1. Фейгельман 2023 – Фейгельман А. М. Счастливая (не) случайность: серендипность как фактор решения научных проблем // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. Т. 60. №. 1. С. 43-49.
2. Andel 1994 – Andel P. Anatomy of the unsought finding. Serendipity: Origin, History, Domains, Traditions, Appearances, Patterns and Programmability // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1994. Vol. 45. Issue 2. P. 631-648.
3. Campa, 2008, web – Campa R. Making Science by Serendipity: A Review of Robert K. Merton and Elinor Barber's "The Travels and Adventures of Serendipity" // *Journal of Evolution and Technology*. 2008. Vol. 17. Issue 1. P. 75–83. URL: <https://jetpress.org/v17/campa.htm>, (дата обращения 01.05.2023)
4. Copeland 2019 – Copeland S. On serendipity in science: Discovery at the intersection of chance and wisdom // *Synthese*. 2019. Vol. 196. P. 2385-2406.
5. Cunha 2015 – Cunha, M.P., Rego, A., Clegg, S., Lindsay, G. The Dialectics of Serendipity // *European Management Journal*. 2015. Vol. 33. Issue 1. P. 9–18.
6. Cunha 2008 – Mendonça S., Cunha M., Clegg S. R. Unsought innovation: serendipity in organizations // *Entrepreneurship and Innovation—Organizations, Institutions, Systems and Regions Conference, Copenhagen*. 2008. P. 1-47.
7. Cunha 2010 – Cunha M. P., Clegg S. R., Mendonça S. On serendipity and organizing // *European Management Journal*. 2010. Vol. 28. Issue 5. P. 319-330.

8. Dew 2009 – Dew N. Serendipity in entrepreneurship // Organization studies. 2009. Vol. 30. Issue 7. P. 735-753.
9. Koestler 1964 – Koestler A. The Art of Creation. London: Hutchinson & Co, 1964. 751 pp.
10. Merton, Barber 2004 – Merton R.K., Barber E. The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004. 313 pp.
11. Napier, Hoang Vuong 2013 – Napier N. K., Hoang Vuong Q. Serendipity as a strategic advantage? // Strategic Management in the 21st Century. 2013. Vol. 1, 175-199 pp.

Часть 10. Исторический процесс и логика научного познания (к 160-летию Г. Риккерта)

УДК 303.01

ЦИФРОВОЙ ЭТАП ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ*

Артамонов Денис Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: artamonovds@mail.ru*

Тихонова Софья Владимировна

Доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
E-mail: segedasv@yandex.ru*

Доклад посвящен обоснованию методологического статуса категории «цифровое общество» в философии истории, в которой противостояние формационного и цивилизационного подхода в условиях распространения постмодернистского релятивизма вызвало дефицит макромоделей объяснения закономерностей исторического процесса. Авторы считают, что категория «цифровое общество» должна рассматриваться как новый этап исторического процесса, поскольку обладает универсальными и системными признаками, характеризующими современный тип обществ, и на основе методологического детерминизма может применяться в различных моделях всемирной истории. К базовым признакам цифрового общества как типа исторического развития авторы относят: 1) плотность следов прошлого и информации о его событиях, повышающих прозрачность социальных интеракций, лежащих в основе социальных изменений; 2) появление цифрового социального субъекта (умных толп), играющего, в том числе, роль субъекта истории; 3) рост разнообразия архитектуры социального пространства, сглаживающий асимметрию социальных отношений; 4) усиление целенаправленности национального государственного строительства; 5) переход от понимания цифровых технологий как пассивного объекта к утверждению их эпистемического и социального статуса актанта. Авторы приходят к выводу о том, что эти признаки характерны для современных цифровых обществ независимо от используемых для их строительства национальных технологических решений.

Ключевые слова: философия истории, цифровое общество, технологический детерминизм, тип исторического развития, исторический процесс, закономерности исторического процесса

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00153, <https://rscf.ru/project/22-18-00153>.

THE DIGITAL STAGE OF THE HISTORICAL PROCESS AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY

Artamonov Denis Sergeevich

Associate Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy

Saratov State University

E-mail: artamonovds@mail.ru

Tikhonova Sophia Vladimirovna

Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy

Saratov State University

E-mail: segedasv@yandex.ru

The report deals with the substantiation of the methodological status of the category «digital society» in the philosophy of history, in which the confrontation of the formational and civilizational approach in the context of the spread of postmodern relativism caused a shortage of macro-models to explain the laws of the historical process. The authors believe that it should be considered as a new stage of the historical process, since it has universal and systemic features that characterize the modern type of societies, and on the basis of methodological determinism can be applied in various models of world history. The authors refer to the basic features of a digital society as a type of historical development: 1) the density of traces of the past and information about its events, increasing the transparency of social interactions underlying social changes; 2) the emergence of a digital social subject (smart crowds), acting as the subject of history; 3) the growth of diversity of the architectonics of social space, smoothing the asymmetry of social relations; 4) strengthening the purposefulness of national state-building; 5) the transition from understanding digital technologies as a passive object to the assertion of their epistemic and social status of an actor. The authors conclude that these features are characteristic of modern digital societies, regardless of the national technological solutions used for their construction.

Keywords: philosophy of history, digital society, technological determinism, type of historical development, historical process, laws of the historical process

Специфика современного социального ландшафта детерминирована тотальным проникновением цифровых технологий на все уровни социальной реальности. Все виды социальных интеракций, от взаимодействия личности и государства до межличностного общения, опосредованы интернет-сервисами, которые, несмотря на специфику национальных систем информации, во всем мире основаны на общих принципах интерактивности, единого окна, онлайн-режиме. Конечно, цифровой разрыв пока далек от полного преодоления, и существуют населенные территории со слабой зоной покрытия интернет-сигналов, в которых социальное взаимодействие осуществляется в традиционной офлайн-форме и где по-прежнему влиятельны аналоговые медиа. Тем не менее, переход человечества в эпоху Цифры перестал быть футурологической метафорой и занял место в ряду рутинных констатаций социальной рефлексии. Вместе с тем, философия истории пока остается инертной к цифровому вызову, не выдвигая объяснительных схем, раскрывающих сущность цифрового перехода.

Во многом ситуация методологического дефицита связана с противостоянием формационного и цивилизационного подходов, обострившегося в конце прошлого столетия на фоне распространения постмодернизма, враждебного макронарративам и ориентированного на их деконструкцию. С точки зрения цивилизационного подхода преемственность между цивилизациями невозможна, формационный подход не работает там, где культура жестко детерминирует экономику, а постмодернизм рассматривает любую теорию истории как результат воли к власти политических элит, подчиняющей себе практики знания. Сама идея всемирной истории в этот период оказывается близкой к краху.

Провозглашение конца истории, растущий интерес к локальным событиям и разворот от изучения прошлого к изучению представлений о нем в методологических проектах *memory studies* и публичной истории, приводят к тому, что универсальность законов исторического развития теряет силу методологического принципа, а сама идея исторического процесса рассматривается как социальный конструкт, в котором так или иначе будет проявляться политическая ангажированность.

При этом цифровизация общества вне ретроспективного анализа очевидна как социальным философам, так и историкам. Первые исследуют ее в контексте формирования постиндустриального/информационного общества, где в футурологическом контексте весьма устойчивой оказалась волновая модель истории О. Тоффлера (первая волна – аграрные общества, вторая волна – индустриальные общества и третья – информационные), которая, впрочем, не получила особого признания в академической исторической среде.

Вторые активно применяют цифровые инструменты исследования в рамках цифровой истории как направления цифровой гуманитаристики, постепенно переходя от преднамеренной оцифровки исторических памятников к изучению артефактов, изначально функционирующих в качестве цифрового феномена или цифрового следа [Salmi 2020]. И те, и другие, работают и живут в условиях цифрового общества, признавая его существование.

Вопрос заключается в том, как совместить синхронический анализ с диахроническим. Иначе говоря, если цифровое общество существует, то у него есть история; если эта история закономерна, то ее параметры воспроизводятся в разных обществах. Так проблема цифрового общества перестает быть дисциплинарной для философов и историков и становится универсальной проблемой философии истории.

В этом случае под цифровым обществом понимается определенный этап развития исторического процесса, связанный с технологическим и культурным развитием человечества. У этого этапа есть определенные черты, связанные с вызвавшими его к жизни цифровыми технологиями. Остановимся на них подробнее.

Во-первых, это небывалая плотность следов прошлого и информации о его событиях. Возможно, это не самый значимый признак с точки зрения характеристики конфигурации социального пространства, но он принципиален в эпистемологическом ключе, поскольку предполагает новое качество эмпирического научного анализа. После компьютерной революции детализация и сохранность информации о прошлом, причем как на уровне повседневности, так и на уровне геополитических решений, становится беспрецедентной.

Возможности использовать технологии *big data* в этом контексте означают эмпирически обоснованное обозначение трендов и векторов социально-исторического развития. В целом данная черта означает повышение прозрачности ткани социальной реальности в смысле обнаружимости как самих социальных интеракций, лежащих в основе социальных изменений, так и их мотиваций, а также сравнимости эффектов социальных действий и когерентных им деклараций в публичной повестке.

Во-вторых, это качественно новые ответы на вопрос о субъекте истории. Цифровые технологии стали основой новых способов объединения сообществ и совершения коллективных действий, в том числе, требующих коллективного накопления и распределения ресурсов. В индустриальных обществах поддерживалась элитарная концепция социального субъекта, в которой исторические события, меняющие траекторию развития, связывались с решениями элит, а массы рассматривались как противостоящая им сила, либо инертная и пассивная, либо деструктивная и актуализирующаяся для революционных движений в формате бунта и протеста.

В цифровую эпоху массы становятся «умными» («smart mob» в терминологии Г. Рейнгольда [Рейнгольд 2006]), способными аккумулировать и распределять знания и креативность, и также кооперироваться для совершения конкретных действий. Они становятся инициаторами социальных изменений, активно проектирующими образ желаемого будущего. Причем само такое проектирование так же может опираться на цифровые технологии не только как инструмент объективации идей и тиражирования контента, но и, собственно, для концептуализации и визуализации его содержания, например, с помощью современных нейросетей.

В-третьих, это рост разнообразия архитектоники социального пространства, в которой вертикальные иерархии обрастают сетями и соединяются через сети. Его результатом является сглаживание асимметрии социальных отношений. Цифровые сервисы, работающие по принципу социальных сетей, предоставляют индивидам инструменты комфортного управления личной, групповой и публичной коммуникации, позволяя им, с одной стороны усиливать социальную активность, а, с другой, расширять ее структурно-организационный репертуар, развивать собственные эгоцентрические сети, состоящие из горизонтальных социальных связей (и сильных, и слабых), и включаться в складывающиеся сообщества с ризоматичной или древовидной структурой. Циклы динамики социальных сообществ в таких условиях становятся более короткими, а сами социальные связи – более пластичными и гибкими.

В-четвертых, это усиление целенаправленности национального государственного строительства, ориентирование его на конкретный результат, который достигается с помощью цифровых технологий. Сервисы электронного правительства имеют собственную специфику в каждой стране не только с позиций уникальности используемых технологических решений, но и с точки зрения выдвигаемых целей развития, опирающихся на различные аксиологические ряды, в которых, например, может совершенно разное значение придаваться развитию человеческого капитала или национальной безопасности. От них зависят подходы к контролю медиапространства, которое продолжает оставаться глобальным.

В-пятых, это изменение эпистемического и социального статуса самих цифровых технологий, которые все чаще трактуются как актант, обладающий собственной агентностью, способный порождать специфические антропогенные социальные поля, а не как нейтральный объект-инструмент. В трансгуманистической перспективе они могут рассматриваться как проводники управления человеческой эволюцией и историей, в алармистской – как опасный черный ящик, чреватый появлением угрожающему человечеству постгуманизмом сильного искусственного интеллекта.

Эти черты цифрового общества достаточно универсальны и системны для того, чтобы считать его новым типом исторического развития и обосновывать новый методологический статус данной категории, рассматривая историческое развитие с позиций технологического детерминизма и используя различные модели смены этапов. Проблема такого обоснования и становится новой актуальной проблемой философии истории.

Список литературы

1. Рейнгольд 2006 – Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М., Фаир-пресс, 2006. 416 с.
2. Salmi 2020 - Salmi H. What is Digital History? Medford: Polity Press, 2020. 130 p.

ПРЕЗЕНТИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГЕМА И ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Верецагин Олег Александрович

*Кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
E-mail: helgardt@mail.ru*

Доклад посвящен анализу презентистской методологемы в качестве инструмента нарративной и пантекстуальной критики традиционных моделей историописания. Отмечается, что историческая наука, историческое знание и в целом теория (методология) истории находится сегодня в состоянии очевидного кризиса оснований и принципов собственной профессиональной деятельности. Прежде всего, это относится к проектам исторических реконструкций прошлого в формате «онтологических суждений». Сегодня становится все более очевидно, что главная причиной такого положения дел связана с обстоятельствами «постмодернистского вызова» и «феноменологической революции», сформировавших особый ревизионистский стиль в критической аналитике историографических артефактов. В докладе показано, что вместе с эрозией самого «принципа реальности» в настоящем, проблематичной становится возможность воссоздания аутентичных образов исторического прошлого, которые всегда обуславливались и опосредовались неустранимым презентизмом исторического мировосприятия. В этой связи в предложенной автором версии презентизм рассматривается как один из эпизодов преодоления спекулятивной (субстантивной) историографической практики в истории западной социально-философской мысли. Сделан вывод о том, что попытки реабилитации онтологии истории можно признать своеобразной формой возвращения референциальности и глубины исторического сознания как условия для дисциплинарного и междисциплинарного понимания и объяснения прошлого в его современном мировоззренческом контексте.

Ключевые слова: историчность, историческое сознание, нарратив, презентизм, текстуальность

PRESENTIST METHODOLOGY AND THE RETURN OF THE REFERENTIALITY OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Vereshchagin Oleg Alexandrovich

*Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law
Arzamas branch of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
E-mail: helgardt@mail.ru*

The report is devoted to the analysis of the presentist methodology as a tool for narrative and pantextual criticism of traditional models of historiography. It is noted that historical science, historical knowledge and the theory (methodology) of history is today in a state of obvious crisis of the foundations and principles of its own professional activity. First of all, this applies to projects of historical reconstructions of the past in the format of «ontological judgments». Today it is becoming increasingly obvious that the main reason for this state of affairs is connected with the circumstances of the «postmodern challenge» and the «phenomenological revolution» which formed a special revisionist style in the critical analysis of historiographical artifacts. The report shows that together with the erosion of the «reality principle» itself in the present the possibility of recreating authentic images of the historical past which have always been conditioned and mediated by the irremediable presentism of the historical worldview becomes problematic. In this regard, in the version proposed by the author presentism is considered as one of the episodes of overcoming speculative (substantive) historiographical practice in the history of Western socio-philosophical thought. It is concluded that attempts to rehabilitate the ontology of history can be recognized as a kind of form

of returning the referentiality and depth of historical consciousness as a condition for disciplinary and interdisciplinary understanding and explanation of the past in its modern worldview context.

Keywords: historicity, historical consciousness, narrative, presentism, textuality

Историческая наука, историческое знание и в целом теория (методология) истории в частности, как нам представляется, находится в состоянии очевидного кризиса оснований и принципов собственной профессиональной деятельности. Прежде всего, скепсис и справедливые сомнения возникают относительно любых исторических реконструкций в формате «онтологических суждений». Пафос подобного рода исследовательских умонастроений хорошо продемонстрировал А. Данто, утверждавший, что «задача философии заключается не в том, чтобы размышлять или говорить о мире, а скорее в том, чтобы анализировать способы размышлений и высказываний о мире» [Данто 2002, с. 7].

«Смена веков» в историописании и историологии, безусловно, была инспирирована обстоятельствами «постмодернистского вызова» и «феноменологической революции», сформировавших особый ревизионистский стиль в критической аналитике историографических артефактов. «Потеря интереса историков к анализу онтологии истории» [Кукарцева, Коломоец 2007, с. 24] вполне предсказуемо происходила в миллениарную эпоху, когда во многом был девальвирован и деконструирован тот общий смысловой контекст, который позволял удерживать «историческое прошлое» в семантике единства и целостности его историографических образов.

Говоря о завершении проекта «modernita», Дж. Ваттимо увязывает этот феномен с дискредитацией основополагающих историсофем современности таких как эмансипация, прогрессизм, культурный униформизм, то есть всех тех идеологических и идеократических конструкций, которые воплощали идею истории в обществе модерна. Можно предположить, что указанные идейные маркеры модернистского сознания и мышления, каким-то образом связаны с устаревающими представлениями о возможности нашего осознанного контроля в практиках исследования временных модальностей прошлого, настоящего и будущего. Корректнее было бы говорить о потере контроля над настоящим в качестве некой точки отсчета как в реконструировании прошлого, так и в прогнозировании будущего. Как утверждает Ваттимо, в обществе масс-медиа, в отсутствии какой-либо «центральной конфигурации», становится совершенно неочевидной и «все менее понятной сама идея одной-единственной реальности» [Ваттимо 2002, с.14].

Вместе с эрозией самого «принципа реальности» в настоящем, проблематизируется возможность воссоздания аутентичных образов исторического прошлого, которые всегда обуславливались и опосредовались неустранимым презентизмом нашего исторического мировидения и мировосприятия. Таким образом, «преодоление истории», о котором говорил Ваттимо, это, прежде всего, признание принципиальной невозможности в современной ментальной ситуации мыслить и воссоздавать историю из некоего центрального ракурса, из привилегированной и эксклюзивной точки сборки исторических мыслеобразов и семантических категорий, что в свою очередь освобождает возможные историсофские и историологические интерпретации «от неизбежно фальшивых претензий “реальности”» [Ваттимо 2002, с. 97].

Как нам представляется, здесь имеет место вполне традиционная для философии истории дилемма объективизма и презентизма. Напомним, что презентизм в своей канонической версии отрицает реальный статус всего того, что не существует «здесь и сейчас», поэтому изначально наполнен обоснованными «онтологическими сомнениями» относительно бытия ретроспективного прошлого и перспективного будущего. Одним из методологических следствий презентизма является далеко не бесспорная методологическая максима, что «единственными экземплярами свойств

и отношений, которые включает в себя реальность, являются настоящие экземпляры свойств и отношений» [Caplan, Sanson 2011, p. 196].

Как отмечает Т. Сидер, презентизм – это «доктрина о том, что реальным является только настоящее» [Sider 1999, p. 325], к которому применимы категории истинности или ложности, модальности же прошлого и будущего конструируются в рамках использования правдоподобных или квазиистинных суждений. В презентистской перспективе предложение может считаться истинным в случае непротиворечивого представления «реальности» прошлого или будущего, когда представляемый и отображаемый мир достаточно похож на то, каким он должен был бы быть, чтобы предложение было действительно истинным» [Sider 1999, p. 332].

Презентистские доводы относительно природы квазиистинности суждений о ретроспективных явлениях прошлого и прогнозируемых событиях будущего, очевидно, направлены против субстанциальных историологических моделей, которые фундированы связью прошлого, настоящего и будущего в рамках единой структуры объяснения, именно поэтому «субстантивная философия истории имеет дело со всей историей – со всем прошлым и будущим, со временем в целом» [Данто 2002, с. 14]. В указанной связи можно вернуться к одному из основополагающих тезисов, сформулированных в рамках дескриптивной метафизики Данто, согласно которому «наше знание о прошлом существенно ограничено нашим незнанием будущего» [Данто 2002, с. 24]. Речь идет, прежде всего, о темпоральном характере исторического опыта, который всегда остается опытом настоящего, хотя и включает в себя знание прошлого в качестве неявного и нечеткого, но квазистабильного смыслового контекста.

Изменение наших сегодняшних представлений о прошлом, связано с расширением эмпирической базы здесь и сейчас, но парадоксально, что происходит это все в границах и пределах той смысловой рамки («образы прошлого»), которая является уже изначально предзаданной и предначертанной. То есть новые знания о прошлом обогащают содержание нашего исторического опыта, а уже предзаданная смысловая рамка в качестве исторического априори организует и упорядочивает это содержание. Прогресс историософского и историологического знания в рассматриваемой перспективе связан с возможностью реконфигурирования указанной смысловой рамки, то есть с процессами исторического фрейминга и рефрейминга.

Специфическую интеллектуальную атмосферу «языковой тюрьмы» в презентизме, которую нужно и необходимо преодолеть с помощью ресемантизации и переосмысления категории исторического опыта, отобразил Ф. Анкерсмит, утверждавший, что в современном мире «настоящее стремится “поглотить” будущее и прошлое и что “округи” культурных, нарративных и текстуальных значений сузились до размера своих центров, то есть до размера чистого опыта настоящего» [Анкерсмит 2007, с. 20].

Выход из сложившейся в историописании ситуации пантекстуалистского и нарративистского тупика, по-мнению Анкерсмита, возможен на пути реабилитации и реактуализации особой формы рефлексивного или «возвышенного опыта», опыта интеллектуального опосредования, когда историк оказывается способен «вступать в реальные, подлинные и “опытные” (“experiential”) отношения с прошлым, т. е. в отношения, которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами» [Анкерсмит 2007, с. 23].

Список литературы

1. Анкерсмит 2007 – Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа. 2007. 612 с.
2. Ваттимо 2002 – Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос. 2002. 128 с.

3. Данто 2022 – Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
4. Кукарцева, Коломоец 2007 – Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н. Эпистемология и онтология истории // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 2007. № 1. С. 24–35.
5. Sider 1999 – Sider T. Presentism and Ontological Commitment // Journal of Philosophy. 1999. Vol. 96. Issue 7. P. 325–347.
6. Caplan, Sanson 2011 – Caplan B., Sanson D. Presentism and Truthmaking // Philosophy Compass 6 (3). 2011. P. 196–208.

УДК 930.1

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ «НАУЧНОЙ ИСТОРИИ»: ОТ АНТИПОЗИТИВИЗМА К ИСТОРИЦИЗМУ

Волков Юрий Константинович

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru*

В тексте, основанном на критическом анализе, проведённом Р.Дж. Коллингвудом и Э. Трельчем, а также на материале трудов В. Виндельбанда, Г. Риккерта и Б. Кроче рассмотрены главные особенности и общие тенденции исследовательских проектов «научной истории». Определено понятие «научной истории» как интеллектуального движения, направленного против позитивистской методологии, и реабилитирующего историю в качестве самостоятельной формы научного знания. Показано, что, несмотря на реализацию задачи определения предметной и методологической специфики исторической науки, в условиях сохраняющегося влияния метафизики авторы проектов «научной истории» не смогли окончательно решить проблему соотношения фактов и идеалов. В проекте Виндельбанда это влияние проявилось в том, что концепция истории как индивидуальной действительности, которая может быть охвачена категориями, была дополнена ценностно-смысловыми образованиями, представляющими нормативный разум человечества. Наибольшую независимость от метафизики в решении вопроса о фактах и ценностях проявил Риккерт, заменивший идею универсальной истории понятиями индивидуальности, причинности и ценности. Чисто историософским вариантом решения проблемы соотношения общего и индивидуального, фактов и идеалов стал историцистский проект Кроче, отождествляющий философию и историю.

Ключевые слова: «научная история», антипозитивизм, историцизм, индивидуализация, нормативное мышление, исторический факт, ценность

RESEARCH PROJECTS OF «SCIENTIFIC HISTORY»: FROM ANTIPOSITIVISM TO HISTORICISM

Volkov Yuri Konstantinovich

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru*

In the text based on the critical analysis conducted by R.J. Collingwood and E. Trelch as well, as on the material of the works of W. Windelband, H. Rickert and B. Croce the main features and general trends of the research projects of «scientific history» are considered. The concept of «scientific history» is defined as an intellectual movement directed against the positivist methodology and rehabilitating history as an independent form of scientific knowledge. It is shown, that despite the realization of the task of determining the subject and methodological specifics of

historical science in the conditions of the continuing influence of metaphysics, the authors of the projects of «scientific history» could not finally solve the problem of the correlation of facts and ideals. In Windelband's project this influence was manifested in the fact that the concept of history as an individual reality that can be encompassed by categories was supplemented by value-sense formations representing the normative thinking of mankind. The greatest independence from metaphysics in solving the question of facts and values was shown by Rickert who replaced the idea of universal history with concepts of individuality, causality and value. The Croce's historicist project that identifies philosophy and history has become a purely historiosophic version solution to the problem of the individual and the universal, facts and ideals.

Keywords: «scientific history», antipositivism, historicism, individualization, normative thinking, historical fact, value.

Понятие «научная история», смысл которого частично раскрывает высказывание Л. фон Ранке [Руткевич 2018, с. 26], использует Р. Дж. Коллингвуд для обозначения этапа интеллектуального движения, пришедшего в европейскую философию в конце девятнадцатого века. Характеризуя этот период в истории идей, Коллингвуд отмечает его критическую направленность против позитивизма как общенаучной методологии. Другой стороной «нового движения мысли» становится, по словам английского историка, его стремление «реабилитировать историю как форму знания ... правомерную саму по себе» [Коллингвуд 1980, с. 129].

Исходя из сформулированного подхода, Коллингвуд анализирует позиции основных представителей «научной истории». При этом он критически оценивает «сепаратистское» требование основоположника баденской школы неокантианства Виндельбанда за его стремление оторвать работу историков «от цивилизации, поработанной естественными науками». Отнесение истории к разряду идиографических «наук о культуре», по мнению Коллингвуда, не просто лишает её статуса научного знания, но вовсе устраняет из сферы познания [Там же, с. 160].

В этом замечании, как можно предположить, речь идёт о разделении Виндельбандом предметов познания на суждения, доступные научному описанию и объяснению, и оценки нормативного мышления [Виндельбанд 1995, с. 42-44]. Именно нормативное сознание, которое в качестве сущности должного не зависит от своего действительного существования, проникает в эмпирический мир и определяет его ценность [Там же, с. 51].

Менее критично настроен Коллингвуд по отношению к Риккерт, взгляды которого, по словам английского философа и историка, «носят значительно более последовательный характер» [Коллингвуд 1980, с. 161]. Прежде всего, эта последовательность, как считает Коллингвуд, проявилась в отборе критериев для определения специфики исторической науки. Такими основаниями у Риккерта становятся не только индивидуализация мысли, но и оценочность исторического познания [Там же].

Одновременно с этим, Риккерт говорит об индивидуальном впечатлении, присущем всей реальности [Риккерт 1998, с. 62]. Тем не менее, несмотря на наличие обобщающих и не оценочных научных дисциплин, а также использование в индивидуализирующих науках обобщающих понятий, лишь понятие истории в полной мере может быть отнесено ко всем проявлениям единичного бытия [Там же, с. 53].

Влияние позитивизма на позицию Риккерта Коллингвуд видит в том, что немецкий философ рассматривает и природу, и историю в качестве совокупности отдельных фактов, исследуемых разными способами. Хотя в истории эти факты выступают не сами по себе, а в качестве носителей ценности [Коллингвуд 1980, с. 162]. Три группы ценностей, исходящих из логики истории, по Риккерт, – это ценности форм эмпирического познания, ценности, образующие принципы конституирования истории, и ценности, которые реализуются в истории [Риккерт 1998, с. 202-203].

Сам же Коллингвуд, исходя из своей неогегельянской версии истории, видит специфику исторического мышления в том, что ценность фактам прошлого придаёт их превращение в живые идеи, обладающие актуальным значением для настоящего. [Коллингвуд 1980, с. 162-163].

Ещё раз к оценке путей решения представителями баденской школы проблемы фактов и идеалов как выражения единичного и общего в истории, Коллингвуд вернётся в своём анализе творчества Бенедетто Кроче, который исходил из убеждения, что вся индивидуальная реальность – это и есть история. Вместе с тем определение истории как «дескриптивной науки», по мнению Кроче, – неправомерно, поскольку история не описывает свой объект с целью поиска в исторических фактах частного случая проявления общих законов. История, подобно искусству, – не описывает, а созерцает свой объект [Там же, с. 183].

Разница между позицией Кроче и концепциями немецких философов в вопросе о специфике истории состоит, по мнению Коллингвуда, в следующем. Немцы согласны называть историю наукой, благодаря чему они сохраняют её связь с натурализмом. Кроче отрицает научный статус истории и полностью освобождает историческую идею от натурализма [Там же, с. 184-185].

Что же касается сходства их позиций в понимании индивидуализирующей специфики исторического знания, то, как считает Коллингвуд, к такому пониманию они пришли разными путями. Например, для Риккерта – это номинализм, а потому суждения об исторических персонажах для него – всего лишь понятия. В то время как для Кроче – это реальные действия [Там же, с. 188].

И в первом, и во втором случае это означает, что реальность состоит из фактов, представляющих собой единичные события. Но в концепции Риккерта эти события понимаются «как частности, не имеющие в себе никаких элементов всеобщего», которое лишь затем «добавляется к частному произвольным актом сознания» [Там же]. Кроче, напротив, считает, что реальность состоит из понятий, «воплощённых в конкретные факты ... как воплощение всеобщего» [Там же]. Нужный факт, по словам Кроче, история создаёт сама, когда осмысливает его [Кроче 1998, с. 67].

Подведём краткий итог. Несмотря на очевидные успехи в реализации задачи определения предметной и методологической специфики истории, которая была поставлена в исследовательских проектах «научной истории», проблема соотношения фактов и идеалов не нашла в них однозначного решения в силу сохраняющегося влияния метафизики.

Как считает Э. Трельч, вторжение метафизического мышления в научно-исторический проект Виндельбанда проявилось в том, что он дополнил ценностно-смысловыми образованиями, представляющими нормативный разум человечества, концепцию истории как индивидуальной действительности, которая может быть охвачена категориями [Трельч 1994, с. 432, 435].

Наибольшую независимость от метафизики в решении вопроса о соотношении истин разума и истин факта проявил Риккерт, заменивший идею универсальной истории априорными понятиями причинности, индивидуальности и ценности. Притом, что само бытие характеризуют лишь два первых понятия [Там же, с. 440-441]. В дальнейшем поиском объективного смыслового содержания в исторических причинах займётся М. Вебер.

Наконец, чисто историософским вариантом решения проблемы соотношения общего и индивидуального, фактов и идеалов стал историцистский проект Кроче, отождествляющий философию и историю [Кроче 1998, с. 37-39]. Похожие прогрессистские проекты универсальной истории станут главным предметом попперовской критики.

Список литературы

1. Виндельбанд 1995 – Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
2. Коллингвуд 1980 – Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
3. Кроче 1998 – Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с.
4. Риккерт 1998 – Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
5. Руткевич 2018 – Руткевич А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24–36.
6. Трёлч 1994 – Трёлч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994. 719 с.

УДК 168.522

«ЛОГИКА КУЛЬТУРНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ» В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Кржевов Владимир Сергеевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии
и философии истории*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: krjevov@mail.ru

В тезисах доклада с учётом основных положений и принципов материалистической философской парадигмы представлен современный вариант методологического подхода, согласно которому не существует непроницаемых перегородок между естественными и социально-гуманитарными науками. В качестве главного аргумента в пользу обоснованности такой позиции названо следующее общеполитическое утверждение. Всякое особенное постигается лишь через соотнесение со всеобщим, что позволяет наиболее полно выявить свойственные особенному специфические отличия. Поэтому, если мир человека вырван из общего континуума процессов материального мира и замыкает его в самом себе, то науки о человеке и культуре неизбежно обрекают себя на узость подходов и крайнюю ограниченность объяснений. Отмечено, что приверженцы подхода, отстаивающего идею своеобразия социально-исторических наук, пытаются обосновать это утверждение тезисом о «внеприродной сущности» человека и его культуры. Тем самым идеалистическая культурцентристская установка, по существу, сводит изучение истории к одной лишь специальной задаче – уяснению своеобразного характера ментальности, присущей людям различных культур и эпох. Такая методологическая ориентация, как принято считать, восходит к неокантианской концепции различия целей и методов естественных и гуманитарных наук. Однако подобное утверждение представляется безосновательным, поскольку в трудах представителей баденской школы содержится прямое указание на значение фактов и правил логического мышления в методологии социально-исторического познания. Более того, в социально-теоретических науках баденцы допускали использование обобщающих методов. В этой связи обоснована возможность взаимодополнения объясняющих и понимающих методов, которая достигается за счёт того, что в социально-культурной динамике внутренняя логика процессов социального изменения соотносится с логикой их культурной обусловленности.

Ключевые слова: история, культура, наука, методология, науки о человеке и культуре, неокантианство, взаимодополняющие исследования

«LOGIC OF CULTURAL EXPLANATION» IN SOCIO-HISTORICAL KNOWLEDGE

Krzhevov Vladimir Sergeevich

*CSc in Philosophy, Associate Professor
of Department of Social Philosophy and Philosophy of History
Lomonosov Moscow State University
E-mail: krjevov@mail.ru*

In the theses of the report taking into account the main provisions and principles of the materialistic philosophical paradigm a modern version of the methodological approach is presented according to which there are no impenetrable partitions between the natural and socio-humanitarian sciences. The following general philosophical statement is named as the main argument in favor of the validity of such a position. Every special is comprehended only through correlation with the universal which makes it possible to most fully clarify the specific differences inherent in the special. Therefore, if the human world out of the general continuum of the processes of the material world and closes it in itself then the sciences of man and culture inevitably condemn themselves to narrow approaches and extreme limitations of explanations. It is noted, that adherents of the approach defending the idea of the originality of the socio-historical sciences are trying to substantiate this statement with the thesis of the «extra-natural essence» of man and his culture. Thus, the idealistic cultural-centrist attitude in essence reduces the study of history to only one special task – to clarify the peculiar nature of the mentality inherent in people of different cultures and eras. This methodological orientation as it is commonly believed goes back to the neo-kantian concept of the difference between the goals and methods of natural sciences and humanities. However, such a statement seems groundless since the works of representatives of the baden school contain a direct indication of the importance of facts and rules of logical thinking in the methodology of socio-historical cognition. Moreover, in the socio-theoretical sciences the badenians allowed the use of generalizing methods other than those of natural science. In this regard, the possibility of complementarity of explanatory and understanding methods is substantiated which is achieved due to the fact that in socio-cultural dynamics the internal logic of the processes of social change correlates with the logic of their cultural conditioning.

Keywords: history, culture, science, methodology, the sciences of man and culture, neo-kantianism, complementary studies.

Одной из наиболее активно дискутируемых проблем методологии исторического знания остается вопрос о необходимости смены его гносеологических ориентиров. Как представляется, вопрос этот не может быть разрешён без учёта занятой исследователем философской позиции. Аксиоматика избранной философской системы предрешает характер всей дальнейшей аргументации. Такое утверждение соответствует общепринятым представлениям о природе и задачах философии. Удачное резюме этих представлений мы находим в ёмкой формуле В. Виндельбанда: «Проблема философии – значение аксиом».

Однако помимо субъективно-идеалистической парадигмы философского знания существует и парадигма материалистическая. Центром её построения является постулат об объективном существовании мира, его субстанциальном единстве и законосообразности процессов, проходящих на всех уровнях его структурной организации. В гносеологическом плане ему соответствует положение о единстве принципов и методов научного постижения мира, включая и исследование процессов социально-исторической динамики.

Не отрицая своеобразия методов таких исследований, эта эпистемология исходит из признания фундаментальной общности основ научной методологии – таких, как принципы наблюдаемости, причинной обусловленности изменений, логической согласованности суждений, соответствия эмпирических данных и теоретических моделей, обязательной верификации и т.п. Дополнительным аргументом в пользу

предпочтения этой парадигмы может служить развитие новых областей междисциплинарных исследований – системного анализа и, в особенности, синергетики.

Разработанные там подходы и методы изучения сложных процессов коэволюции разнородных систем позволяют наглядно продемонстрировать отсутствие непроницаемых перегородок между естественными и социально-гуманитарными науками. Кроме того, согласно давно известному правилу, всякое особенное постигается лишь через соотнесение со всеобщим, что позволяет наиболее полно выяснить свойственные особенному специфические отличия. Вырывая мир человека из общего континуума процессов материального мира, и замыкая его тем самым в самом себе, субъективистская эпистемология обрекает социально-гуманитарное знание на узость подходов и крайнюю ограниченность объяснений.

Аргументация о своеобразии методологии социально-исторических наук часто открывается тезисом об особой, «внеприродной сущности» человека и его культуры. Приверженцы такого подхода предупреждают коллег относительно сугубой нежелательности попыток «присвоения чужеродных познавательных функций». Эти соображения дополняет обращённый к историкам призыв не поддаваться искушению и не изменять высоким идеалам герменевтики. Изменой почитается стремление устанавливать факты, а затем, «спрятавшись за ширму логики», получать доказуемые и проверяемые утверждения.

В этой связи приходится отметить, что некоторые утверждения сторонников идеи соблюдения «подлинных приоритетов» исторического знания выглядят достаточно своеобразно – так, например, нам заявляют, что поскольку деятельность разумных и свободных человеческих индивидов не может быть адекватно постигнута в терминах «природной необходимости», постольку задача историка сводится к открытию всегда присущих человеку «механизмов означивания, смыслотворчества, мифической отрешённости». [Юрганов, Каравашкин 2003, с. 11].

Откровенно говоря, призывы следовать методологии, отбрасывающей «ширму логики», но зато открыто требующей заняться изучением «магических свойств» своего «обожествлённого предмета», оставляют довольно странное впечатление. Тем самым эта программа, по существу сводит изучение истории к одной лишь специальной задаче – уяснению своеобразного характера ментальности, присущей людям различных культур и эпох. Ключевой здесь становится идея о самодостаточности культуры. Вместо доказательства это положение нередко просто отсылает к тезису О. Шпенглера о неповторимо-уникальном характере каждой культуры.

Нетрудно увидеть, что подобные установки отсылают к разработанной неокантианцами концепции о принципиальном различии целей и методов естественных и гуманитарных наук. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что такие отсылки как раз в этой части совершенно безосновательны. На самом деле неокантианцы никогда не считали нужным ни пренебрегать фактами, ни отказываться от правил логического мышления. Основное отличие между естественными и гуманитарными науками они видели совсем не в этом, а в том, что «...общее и существенное в историческом исследовании имеет другой смысл, чем в естествознании, ... в первом случае оно означает ценностную связь фактов, во втором – их закономерность». [Виндельбанд 1994, с. 262].

Другими словами, как раз в понимании неокантианцев и установление фактов, и «генерализация» в области «наук о культуре» не только возможны, но и необходимы, только методы обобщения здесь должны быть иными, нежели в естествознании. Важно подчеркнуть, что это меняет представление не только о методах, но и о целях двух типов наук – «понимание» и «объяснение» теперь не обособляются и не противопоставляются друг другу, но также становятся взаимодополнительными.

Такая установка позволяет использовать идеи А.Л. Доброхотова, в частности, то его положение, согласно которому в социально-культурной динамике внутренняя логика процессов социального изменения соотносится с логикой их культурной обусловленности, чем создается новое измерение реальности, нуждающееся в специальном, культурологическом анализе. [Доброхотов, 2015, с. 18]. Задача выявления этой действительно существенной для социально-гуманитарных исследований «культурной обусловленности» может быть решена с использованием общего понятия культуры, определяемой как «способ человеческой деятельности».

Отсюда открывается возможность уяснить и качественное своеобразие процессов становления и изменения культуры, и специфику механизмов ее действия. Речь идёт о методологии, сопрягающей два взаимодополнительных плана исследования. В первом уясняются особенности определенного типа деятельности. Это позволяет получить ответ на вопрос, «что именно делается», точнее, что необходимо делать человеческим индивидам для стабильного воспроизводства своей жизни и жизни организованного сообщества. А выяснение «логики культурной обусловленности» позволяет уяснить, как, каким способом решаются эти задачи – что позволяет также оценить меру эффективности их решения.

Список литературы

1. Виндельбанд, 1994 – Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН, 1994. 350 с.
2. Доброхотов 2015 – Доброхотов А.Л. Телеология культуры. М.: Прогресс-традиция, 2015. 527 с.
3. Юрганов, Каравашкин 2003 – Юрганов А.Л., Каравашкин А.В. Опыт исторической феноменологии. М.: РГГУ, 2003. 481 с.

УДК 101.1:316

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Семенов Евгений Евгеньевич

*Кандидат политических наук, доцент, директор НОЦ «Центр анализа социально-политических процессов и экспертного обеспечения публичного управления»
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
E-mail: k762@mail.ru*

Актуальность темы определяется меняющимся характером гражданской активности в общественных процессах современного мира, необходимостью поиска ответа на вопрос о роли гражданского общества в усложняющейся политической сфере, а также потребностью в осмыслении методологических противоречий, которые в третьем десятилетии XXI характеризуются размыванием сложившихся границ и параметров как концепта «гражданское общество», так и собственно социального феномена. Акцентируется многоаспектный характер развития сферы политической и гражданской публичности в современном мире, спровоцированный развивающимся кризисом в условиях глобализации мировых процессов и нарастающим противодействием неолиберальному сценарию развития мира, ростом неонациональных движений. Выявлены факторы глубоких трансформаций гражданской публичности, порождающих ее новые онтологические формы в условиях цифровизации социальных процессов, модификации функционального комплекса всей системы гражданского общества. В связи с этим обосновывается необходимость выработки новой методологической призмы, способной преодолеть универалистскую парадигму в понимании гражданского общества и публичной сферы на основе постнеклассических

подходов, которые могут содержать альтернативные возможности социально-философского анализа. В докладе представлен взгляд на потенциал методологии цивилизационного подхода в исследовании феномена гражданского общества в целях преодоления ценностного комплекса неолиберализма, показана необходимость включения в предметное поле культурных образцов и норм, аккумулирующих социальный опыт и традиции неевропейских культур.

Ключевые слова: цивилизационный подход, цивилизационная идентичность, постнеклассическая философия, социальная онтология, гражданское общество, неолиберализм

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE STUDY OF THE PHENOMENON OF CIVIL SOCIETY

Semenov Evgeny Evgenievich

CSc in Political Science, Associate Professor,

*Director of REC «Center for Analysis of Socio-Political Processes and
Expert support of Public Administration»*

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov,

E-mail: k762@mail.ru

The relevance of the topic is determined by the changing nature of civic engagement in the social processes of the modern world, the need to find an answer to the question of the role of civil society in the increasingly complex political sphere, as well as the need to comprehend methodological contradictions, which in the third decade of the XXI century are characterized by the blurring of the established boundaries and parameters of both the concept of "civil society" and the actual social phenomenon. The multidimensional nature of the development of the sphere of political and civil publicity in the modern world is emphasized, provoked by the developing crisis in the conditions of globalization of world processes and the growing opposition to the neoliberal scenario of world development, the growth of neo-national movements. The factors of deep transformations of civil publicity, generating its new ontological forms in the conditions of digitalization of social processes, modification of the functional complex of the entire system of civil society, are revealed. In this regard, the necessity of developing a new methodological prism capable of overcoming the universalist paradigm in understanding civil society and the public sphere on the basis of post-non-classical approaches that may contain alternative possibilities of socio-philosophical analysis is substantiated. The report presents a look at the potential of the methodology of the civilizational approach in the study of the phenomenon of civil society in order to overcome the value complex of neoliberalism shows the need to include cultural patterns and norms accumulating social experience and traditions of non-European cultures in the subject field.

Keywords: civilizational identity, civilizational approach, post-non-classical philosophy, social ontology, civil society, neoliberalism

Социально-исторический опыт развития европейского общества, его институциональный дизайн, базовые характеристики гражданской культуры и политического сознания образуют комплекс факторов, под воздействием которых развивались идеи гражданского общества, начиная с ранней новосовременной эпохи. Нормативный каркас этих концепций создавался на основе подходов классического либерализма и неклассических теорий неолиберализма. Методологические принципы классической философии в изучении гражданского общества, которые строились в русле универсалистского подхода на основе изучения категорий «государство», «всеобщность», сменила неклассическая парадигма идиографического подхода с интересом к особенному и уникальному.

Анализ современных социогуманитарных исследований, объектом изучения которых выступает феномен гражданского общества, показал, что в проблемном поле, наряду с общими вопросами развития гражданского общества, находятся и проблемы западного цивилизационного проекта, порождающие множество вызовов [Грачев 2019]. Высказывается сомнение в том, может ли западная цивилизация предложить способы

решения универсальных проблем мирового развития [Taylor, Kim 2021]; встречаются утверждения, что методологию формационного анализа гражданского согласия и проблем его онтологизации в марксовской теории можно признать достаточно эффективной [Михайлов 2018, с. 80]. Отчетливо представлены в исследовательской литературе взгляды, признающие роль структур гражданского общества с позиций глобального управления и наднациональных интересов [Канунников 2018, с. 117]. Не уходят на исследовательскую периферию идеи глобального гражданского общества и упование на их жизненный потенциал [Тиховодова 2019, с. 66-67].

Необходимо признать, что кризисные явления, которые потрясают современный мир, высветили социополитические, социокультурные противоречия, порожденные процессами глобализации, формируя в новом контексте зоны цивилизационных конфликтов. Можно утверждать, что в кругу эпистемологических рисков оказался и феномен гражданского общества, что в контексте современных реалий требует поиска новой методологической призмы рассмотрения феномена.

Общая основа, связывающая цивилизационный подход с индивидуализирующими науками, состоит в методологии раскрытия социального развития через потенциал отдельной культуры, человека, ценностных оснований его деятельности. В отличие от номотетических форм мышления, которые строятся на применении категории всеобщего, идиографическая методология фокусирует внимание на особенном, что проявляется в цивилизационном подходе к изучению общественного развития. Подходы О. Шпенглера к анализу европейской истории обозначили парадигму неклассической философии, сделав акцент на своеобразии развития разных культур. На рубеже XX – XXI вв. происходит актуализация цивилизационного дискурса, где заметен отход от неоклассической методологии однолинейного прогрессизма, в основе которого лежит признание сценария развития общества по западной модели.

Представления об историческом процессе как прогрессивном движении к единому рационально устроенному будущему через преодоление многообразия исторических форм коснулись и концепций гражданского общества. Эпистемологический сдвиг от концепций, основанных на просветительской рациональности в понимании гражданского общества (Гоббс, Локк), классической методологии, выразившейся в спекулятивных воззрениях Гегеля и Канта, до неклассической парадигмы, воплощенной в марксизме и позднее – в неомарксистских взглядах Франкфуртской школы, тем не менее не отступал от принципов универсализма и европоцентричности в понимании публичной сферы. Этот же принцип проявился в подходе Ю. Хабермаса к разработке концепции европейского гражданского общества, что восходит к категории всемирного гражданского общества И. Канта. В современном контексте возникало стремление отождествить транснациональную публичную сферу с кантовской категорией [Хабермас 2012, с. 153].

Критический анализ необоснованного универсализма европейских подходов предлагает принципы деуниверсальной рациональности в качестве альтернативной эпистемологической площадки для закрепления совещательной структуры концептуализации восточных публичных сфер [Malla 2023]. В исследованиях китайского гражданского общества анализ проблемы строится на концепции «гражданской сферы», которая рассматривается как некое иное измерение, «более широкое и загадочное, чем общепринятое понятие «гражданское общество» [Qiaoan, Runya 2023]. Исследователи показывают, насколько непросто диалог о гражданской сфере, в то же время подчеркивая его «продуктивную напряженность» [Palmer, Winiger 2019].

Вместе с тем критика звучит не только с Востока: универсалистский подход к анализу форм гражданской активности и публичности был подвергнут сомнению уже в 2000-е годы, когда западная теоретическая ортодоксальность в подходах к концепциям

«третьего сектора» в восточноевропейских странах признавалась рядом исследователей как неадекватная и нуждающаяся модификации [Kendall, Anheier, Potůček 2000]. Актуализируются утверждения о растущей фрагментации фундаментальных социальных ценностей, об отсутствии определенной ценностной шкалы [Halman, Gelissen 2019].

Значимость концепта гражданского общества для представителей различных государств и цивилизаций отнюдь не очевидна, а растущая популярность концепта «гражданское общество» ускоряет накопление неясностей, новых заблуждений и явных противоречий [What's 2000]. Западная цивилизационная матрица сталкивается глубинными программами социальной жизни традиционных культур, устойчивыми поведенческими стереотипами, канонизированными стилями мышления. Определяющим фактором в противостоянии, на что указывал В. Степин, становится противоречие между инновациями, рассматриваемыми в техногенной цивилизации ценностной доминантой, и необходимостью следовать установленным образцам и традициям как особенностям категориального мышления восточных цивилизаций.

Таким образом, преодоление универсалистской парадигмы в понимании гражданского общества и публичной сферы, поиск новой методологической призмы оставляет возможность для дальнейшей рефлексии особенностей развития феномена гражданской активности в различных цивилизационных контекстах.

Список литературы

1. Грачёв 2019 – Грачёв Б.В. Актуальные цивилизационные проекты и цивилизационная идентичность: национальные, идеологические и культурные факторы // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. С. 573-577.
2. Канунников 2018 – Канунников А.А. Гражданское общество в современном мире // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 113-119.
3. Михайлов 2018 – Михайлов В.Д. Онтологические основания гражданского согласия (к 200-летию Карла Маркса) // Педагогика. Психология. Философия. 2018. № 2 (10). С. 79-87.
4. Тиховодова 2019 – Тиховодова А.В. Функции институтов глобального общества // Вестник ВятГУ. 2019. № 2. С. 63-69.
5. Хабермас 2012 – Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. 160 с.
6. Halman, Gelissen 2019 – Halman L., Gelissen J. Values in Life Domains in a Cross-National Perspective. In: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 2019, Vol. 71, P. 519–543.
7. Kendall, Anheier, Potůček 2000 – Kendall J., Anheier H., Potůček M. Editorial: Ten Years After: The Third Sector and Civil Society in Central and Eastern Europe. *Voluntas*. 11. P. 103-106. 10.1023/A:1008959123714.
8. Malla 2023 – Malla M. India, Habermas and the Normative Structure of Public Sphere. 10.4324/9781003392750.
9. Palmer, Winiger 2019 – Palmer D., Winiger F. Neo-socialist governmentality: managing freedom in the People's Republic of China. *Economy and Society*. 48. P. 1-25. 10.1080/03085147.2019.1672424.
10. Qiaoan 2023 – Qiaoan R. From Chinese civil society to Chinese civil sphere: A conceptual reconfiguration of the space between state and society that facilitates intellectual debates. *Philosophy & Social Criticism*. 019145372311704. 10.1177/01914537231170418.

11. Taylor, Kim 2021 – Taylor D., Kim H. Introduction to special issue on Civil Society in South Asia. *Journal of Civil Society*, 17(1), P. 1-4.
12. What's 2000 – What's A. Let's Get Civil Society Straight: NGOs, the State, and Political Theory. In DEad (end.), *Development, NGOs, and Civil Society*. Oxford: Oxfam GB.

УДК 930.1, 930.23

ИСТОРИЯ И ЦЕННОСТИ: ВОПРОС О СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

Сыров Василий Николаевич

*Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории
познания и социальной философии
Томский государственный университет
E-mail: narrat@inbox.ru*

Утверждается о дискуссионности применения к сфере научного познания словаря, оперирующего оппозицией субъективного/объективного. Предлагается более интенсивно использовать идею ценностей как основание научного познания в целом и основание переописания традиционного словаря теории познания. В свете актуализации данной идеи отмечается необходимость реактуализации идеи единства научного познания, что позволит наиболее полно использовать в сфере исторического познания теоретико-методологический потенциал, накопленный в области философии науки. Утверждается, что повышение степени рефлексивности как начальной стадии любого теоретико-методологического исследования в области исторического познания, должно быть связано с определением системы ценностей, обеспечивающих более широкую перспективу в поиске и обработке многообразного и разнообразного эмпирического материала, благоприятствующих созданию оригинальных гипотез и в целом поощряющих соответствующие форматы организации знания. В заключение очерчены возможные перспективы движения в данном направлении, связанные с выработкой более продуктивной структуры исторических текстов, преодолением методологического индивидуализма (этноцентризма) и актуализацией вопроса о путях вклада исторического знания в формирование современных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: субъективное, объективное, ценности, философия науки, рефлексивность, историческое познание, разделяемые истории, методологический индивидуализм

HISTORY AND VALUES: THE QUESTION OF SUBJECTIVITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Syrov Vasily Nikolaevich

*DSc in Philosophy, professor, Head of the Department of Ontology,
Epistemology and Social Philosophy
Tomsk State University
E-mail: narrat@inbox.ru*

It is argued that the use of a dictionary operating with the opposition of the subjective/objective to the field of scientific knowledge is debatable. It is proposed to use the idea of values more intensively as the basis of scientific knowledge in general and the basis for the redescription of the traditional vocabulary of the epistemology. In the light of the actualization of this idea, it is noted the need to re-actualize the idea of the unity of scientific knowledge, which will make it possible to use the theoretical and methodological potential accumulated in the field of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00465).

philosophy of science in the field of historical knowledge to the fullest extent. It is argued that an increase in the degree of reflectivity as the initial stage of any theoretical and methodological research in the field of historical knowledge should be associated with the definition of a system of values that provide a broader perspective in the search and processing of diverse and diverse empirical material, favor the creation of original hypotheses and, in general, encourage appropriate knowledge organization formats. In conclusion, possible prospects for movement in this direction are outlined, related to the development of a more productive structure of historical texts, overcoming methodological individualism (ethnocentrism) and updating the question of how historical knowledge contributes to the formation of modern value orientations.

Keywords: subjective, objective, values, philosophy of science, reflectivity, historical knowledge, shared histories, methodological individualism

Полагаю, в вопросе о месте и специфике исторического знания в общем комплексе научного знания возможно отталкиваться от следующих идей. Надлежит полагать, что все виды и формы знания, претендующего на статус научного, одинаковы по степени отношения к объективной реальности. Если это так, то стоит большее внимание уделять коммуникативным практикам и тем или иным аспектам конструктивистской методологии как ключевым процедурам в обосновании претензий научного знания на валидность. Следует полагать также, что нет принципиальной разницы в определении места и роли ценностей в структуре естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Если это так, то специфику исторического знания как наиболее яркого воплощения гуманитарного знания стоит искать не в природе объекта изучения и не в различии отношения к ценностям, как полагали неокантианцы, а в особенностях целей и задач, встающих перед познающим субъектом.

Поэтому полагаю, что оппозиция субъективного/объективного является не самым удачным способом характеристики исторического познания, да и познания в целом и нуждается в переописании, либо необходим другой словарь для актуализации еще не преодоленных проблем. К тому же, если в духе теории отражения писать историю, как это «было на самом деле», то в свете доминирующих современных представлений, данная установка выглядит весьма сомнительной. Здесь стоит указать на идеи В.С. Степина о том, что «знание о том, как устроен мир – это наше человеческое знание» с учетом, конечно, смысла и ценности идеи объективной реальности [Степин 2008, с. 28-29].

В последующих соображениях по этому поводу будем опираться на ставшие азбучными истинами достижения философии и философии науки, в частности, на идеи Р. Рорти о бессмысленности противопоставления социально-гуманитарного и естественнонаучного знания по критерию более адекватного проникновения в толщу объективной реальности и специфике целей, которые могут вставать перед теми, кого он называет «великими учеными», и перед «поэтами и политическими мыслителями» [Рорти 1996, с. 23].

Поэтому в свете тезиса Рорти о единстве научного познания и специфике целей, стоящих перед различными отрядами ученых и деятелями культуры, стоит обратить внимание на аспект, актуализированный неокантианцами и даже превращенный ими в основание для различий между историческим и естественнонаучным знанием. Его зачастую связывают с принципиально различной природой объектов познания. Хотя сам Риккерт не отрицал роли законов в историческом познании [Риккерт 1908, с. 42]. Мы можем более радикально провести его мысль об интересе субъекта как основе познания и связать различие скорее с прагматикой, чем с логикой (по Риккерту).

Резонно утверждать, что если рассматривать знание как инструмент решения тех или иных задач, то будет доминировать стремление подводить единичное под общее; там, где нам более важно извлечь опыт, будет иметь место стремление связать части в целое. Различие в объектах (природа/общество), само по себе возникшее только в определенный период, видится вторичным. Так, имеет место достаточно интересная

попытка применить нарративную методологию в геологическом познании [Миронов 2017, с. 61-74], в анализе эволюционных процессов [Hubálek 2017, р. 61-74]. С другой стороны, достаточно вспомнить настойчиво проводимую Розовым идею поиска исторических закономерностей [Розов 2014, с. 356-385]. Но стоит полагать, что интерес к индивидуальному, доминирующий в историческом познании, более следует связать с культурной традицией, которая видит ценность в накоплении разнообразного опыта решения тех или иных проблем.

Как отмечалось выше, кажущаяся банальностью мысль о науке как еще одном виде человеческой деятельности, может иметь более глубокое наполнение. Стоит вспомнить мысль Степина о том, что картина реальности является продуктом человеческой деятельности и культуры. [Степин 2008, с. 29]. Тогда мир ценностей вполне правомерно можно рассматривать как общий фундамент любой деятельности, в том числе и научной. По этому поводу Х. Патнэм резонно заметил, что «без ценностей мы не имеем мира» [Putnam 1992, р. 141]. В итоге, если сохранять словарь субъективного/объективного, можно утверждать об одинаковой степени субъективности любого вида знания. Поэтому резонно утверждать, что объекты социального мира вряд ли чем-то отличаются от объектов природы в своей сопротивляемости исследовательской оптике. Разница будет корениться скорее в глубине обнаружения тех, или иных социально-политических и экономических интересов и идеологической оккупации тех, или иных сфер исследования.

Если это так, то исходным пунктом познания должна стать критическая рефлексия по поводу характера и степени ценностной обусловленности любого знания с целью не столько простого повышения степени общей осознанности своей деятельности, сколько идентификации тех форматов знания, которые кажутся «нормальными» ученым, но фактически превращают знание в инструмент идеологии. Так о необходимости повышения рефлексивности в науке напоминает В.Н. Порус [Порус 2021, с. 19]. Что касается исторического познания, то речь должна идти о последовательном выходе за пределы традиционных повествовательных и описательных форм, по сей день ассоциируемых с природой исторического знания. Поэтому, полагаем, что историкам следует активнее двигаться в направлении, завещанном Поппером, и связанном со всеми преимуществами и риском выдвижения новых оригинальных идей [Поппер 1983, с. 228]. Полагаем, что следствием этого тезиса должно быть превращение вытекающей из него структуры исследования (проблема, гипотеза, верификация/фальсификация) в формат организации самого исторического текста.

Что касается содержания, то следует говорить о необходимости преодоления так называемого методологического национализма или допущения, что национальное государство остается конститутивным принципом для понимания и описания современного социального и политического порядка [Levy 2010, р. 15–16]. По сути, это вопрос о формате национальных историй, которые зачастую и по сей день пишутся с т.н. этноцентристских позиций и ведут лишь к взаимным упрекам в замалчивании одних фактов и выпячивании других. Это ставит вопрос об определении ценности и методологии изучения современных нестабильных и динамичных форм исторической идентичности. Одним из путей его решения можно считать разработку т.н. «разделяемых историй», акцентирующих внимание на перспективах «наведения мостов» между противоречивыми и даже противоположными версиями прошлого [Bevernage 2018, р. 71–93].

Но, как отмечал Анкерсмит, политические и моральные ценности часто являются тем путем, на котором историческая истина может себя выразить [Ankersmit 2004, р. 4–5]. Поэтому суть рефлексии в поиске пути не избавления от ценностей, отождествляемых с субъективностью, а определения ценностных форматов, которые

обеспечили бы более широкую перспективу в обработке разнообразного эмпирического материала, благоприятствовали бы производству оригинальных гипотез и в целом поощряли бы соответствующие форматы упаковки знания. Иначе говоря, следует предпочесть то, что обеспечивает более оригинальную, более богатую картину прошлого, и то, что как раз обеспечивается и поддерживается такой картиной. Если говорить о содержательном наполнении таких ценностей, как моральных, так и интеллектуальных, то они могут быть синтезированы в общей идеале роста человеческого процветания [Putnam 1992, p. 141].

Такой подход неизбежно актуализирует старый вопрос о вкладе науки в формирование ценностных ориентиров и подталкивает к осмыслению новых перспектив на этом пути [Касавин, 2020, с. 3-14, Порус 2021, с 16–21, Порус, Бажанов 2021, с 78-82]. Он находит свое отражение и в призыве к повышению публичной активности историков, выраженному в одном из последних манифестов подобного рода [Kleinberg, Scott, Wilder 2018, p. 10]. По сути, речь идет о формировании определенной исторической культуры. Резонно, что она не может сводиться только к совокупности символов, ритуалов, сложившихся форм увековечивания исторической памяти, а предполагает, помимо прочего, еще и выработку тех или иных форм нормативности, предъявляемые к профессиональному сообществу. Бесспорно, что требование истины остается доминирующим. Но возможно иногда, оно заслоняет социальную специфичность гуманитарного знания. В отличие от естественнонаучного знания, как правило, востребуемого узкими специалистами, гуманитарное знание является необходимым условием и компонентом формирования современного гражданина. Представляется очевидным также, что именно этическая наполненность такого знания делает его понятным и приемлемым для широкой публики. Если это так, то современная историческая культура требует пересмотра традиционных представлений о формах моральной вовлеченности профессионального сообщества.

Список литературы

1. Касавин 2020 – Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.
2. Лакатос 2008 – Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. М.: Академический Проект; Триеста, 2008. 475 с.
3. Миронов 2017 – Миронов В. А. Характеристика геологического познания с точки зрения нарратологии // Философия науки. 2017. Т. 72. № 1. С. 61–74.
4. Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания: избранные работы / Пер. с англ. В. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 604 с.
5. Порус, Бажанов 2021 – Порус В. Н., Бажанов В. А. Перспективы политизации научного знания в аспекте постнормальной науки: краткие итоги и перспективы продолжения дискуссии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 78-82.
6. Порус 2021 – Порус В.Н. Выводится ли политическая субъектность науки из фактов? // Философия науки и техники. 2021. Т.26. № 2. С.16-21.
7. Риккерт 1908 – Риккерт Г. Философия истории / Пер. с нем. С. Гессена. СПб: Издание Д.Е. Жуковского, 1908. 154 с.
8. Розов 2014 – Розов Н.С. Основы методологии социального и исторического познания // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 356-385.

9. Рорти 1996 – Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
10. Степин 2008 – Степин В.С. Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008. С. 4-30.
11. Ankersmit 2004 – Ankersmit F. R. In Praise of Subjectivity // The Ethics of History / Ed. by D. Carr, Thomas R. Flynn, Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 3–26.
12. Bevernage 2018 – Bevernage, B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through ‘Historical Dialogue’ and ‘Shared History’ / Ed. by St. Helgesson, J. Svenungsson. Ethos of History. Time and Responsibility. Berghahn Books, 2018. P. 71–93.
13. Hubálek 2020 – Hubálek M. A Brief (Hi)Story of Just-So Stories in Evolutionary Science // Philosophy of the Social Sciences. 2020. Vol. 51. № 5. P. 447-468.
14. Kleinberg, Scott, Wilder 2018 – Kleinberg E., Scott J. W., Wilder G. Theses on Theory and History. (https://www.academia.edu/36774892/Theses_on_Theory_and_History (дата обращения 04.04.2023))
15. Levy 2010 – Levy, D. Changing Temporalities and the Internationalization of Memory Cultures / Ed. by Y. Gutman, A. D. Brown, A. Sodaro. Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society. Palgrave Macmillan, 2010. P. 15–30.
16. Putnam 1992 – Putnam H. Realism with a Human Face. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, 1992. 347 p.

УДК 165.42

ЦЕННОСТНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЗНАНИЯ КАК УСЛОВИЕ СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ В ФИЛОСОФИИ Г. РИККЕРТА

Силенко Светлана Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки

Южный федеральный университет

E-mail: svsilenko@sfedu.ru

Основная идея доклада состоит в утверждении необходимости анализа взглядов представителя баденской школы неокантианства Генриха Риккерта во взаимосвязи аксиологических, гносеологических и методологических аспектов его концепции. Показано, что идеи Г. Риккерта сохраняют актуальность в настоящее время, поскольку современные когнитивные исследования позволяют выявить целый ряд методологических проблем мировоззренческого характера, сходных с ситуацией начала XX века. Отмечается, что исследование логического и методологического своеобразия знания об обществе и культуре является только одной из значимых проблем в философии Г. Риккерта. Методологическая позиция немецкого мыслителя не может быть в полной мере осмыслена вне ее связи с теорией ценностей и общей гносеологической концепцией. В концепции Г. Риккерта философия познания призвана создать основания для построения теории ценностей, которая является необходимой для поиска ответа на вопрос о смысле человеческого существования. Постигание объективированных ценностей, присущих самой жизни, является ключевым аспектом культурно-исторической методологии, которая, опираясь на теорию ценностей, обеспечивает объективность в исследовании культуры. Таким образом, методологическая функция философии состоит, по замыслу Г. Риккерта, в исследовании нормативного сознания, которое обнаруживается в сознании личности, а также в формах культуры.

Ключевые слова: неокантианство, аксиология, ценности, сознание, искусственный интеллект, мировоззрение

THE VALUE CONTEXT OF COGNITION AS A CONDITION OF MEANING-SETTING IN G. RICKERT'S PHILOSOPHY

Silenko Svetlana Vladimirovna

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Methodology of Science
Southern Federal University
E-mail: svsilenko@sfedu.ru*

The main idea of the report is to affirm the need to analyze the views of the representative of the Baden school of neo-Kantianism Heinrich Rickert in the interrelation of axiological, epistemological and methodological aspects of his concept. It is shown that G. Rickert's ideas remain relevant at the present time, since modern cognitive research makes it possible to identify a number of methodological problems of a philosophical nature similar to the situation at the beginning of the XX century. It is noted that the study of the logical and methodological originality of knowledge about society and culture is only one of the significant problems in the philosophy of G. Rickert. The methodological position of the German thinker cannot be fully comprehended outside of its connection with the theory of values and the general epistemological conception. In G. Rickert's concept, the philosophy of cognition is designed to create the foundations for the construction of a theory of values, which is necessary to find an answer to the question of the meaning of human existence. Comprehension of objectified values inherent in life itself is a key aspect of the cultural-historical methodology, which, based on the theory of values, provides objectivity in the study of culture. Thus, the methodological function of philosophy consists, according to G. Rickert, in the study of normative consciousness, which is found in the consciousness of the individual, as well as in the forms of culture.

Keywords: neo-Kantianism, axiology, values, consciousness, artificial intelligence, worldview

Обращаясь к наследию одного из главных представителей баденской ветви неокантианства Генриха Риккерта, хочется, прежде всего, отметить особую значимость аксиологической концепции немецкого философа для современной теории познания с точки зрения когнитологических достижений современной науки и техники. Интерес к такому исследованию познавательной деятельности в настоящее время существенно возрос и приобрел специфические черты, обусловленные появлением новых методов и технологий, связанных со стремлением воспроизвести и даже многократно превзойти возможности естественного человеческого интеллекта, перенося отдельные операции мышления на небиологические носители. Все многообразие этих новых методов и технологий объединяется понятием «искусственный интеллект».

В этой области современной науки и практики уже достигнуты значительные успехи и продолжают разрабатываться новые направления исследований, «включая нейроморфные вычисления, которые пытаются более точно имитировать нейронную структуру и работу человеческого мозга, а также составительное машинное обучение, которое стремится понять, как запутать системы искусственного интеллекта». Перспективным направлением этой работы «являются вероятностные вычисления, предназначенные для борьбы с неопределенностью, двусмысленностью и противоречиями в мире природы». По сути, речь идет о воспроизведении феномена сознания в деятельности «вычислительных систем с человекоподобным интеллектом» [Reding, Eaton 2020, p. 51].

В этой связи оправданным представляется интерес к классическим философским системам, обращавшимся к исследованию субъективности, смыслополагания, «способности суждения» и другим вопросам, относящимся к эпистемологическим

«издержкам» так называемого «картезианского театра». В одном ряду с классическими исследованиями природы человека, как активно познающего мир субъекта, располагаются идеи главных представителей баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Именно их философская позиция представляла собой наиболее заметную реакцию на материалистические и позитивистские тенденции, набирающие силу в науке и в философии начала XX века.

Наше время также не свободно от преувеличенного внимания к позитивистским и прагматическим установкам. Это отчетливо выражается в современных исследованиях когнитивных процессов, где сознание в значительной степени изучается посредством рассмотрения деятельности мозга и нейронов; или понимается как функциональная психоневрологическая конструкция, совпадающая или не совпадающая с целями биологического или социального характера [De Martino, Cortese 2023, p. 65–80]. При этом такой идеальный конструкт сознания, как ценность, используется в экономически-утилитарном смысле [Vlaev, Chater, Stewart and Brown 2011, p. 546–554].

Выступив против принижения позитивизмом роли философии по сравнению со специальными науками, представители баденской ветви неокантианства полагали, что перед философией не стоит задача создавать метафизические конструкции, однако необходимость постижения «мира в целом» сохраняется в качестве основной цели философского познания. Понимание «мира в целом» делает возможным организацию взаимодействия между двумя реальностями: Я и миром, что и происходит в процессе формирования мировоззрения. В этом случае сфера ценностей требует внимательного изучения, поскольку ценности не являются собственно реальностью, не тождественны существу, но «пронизывают» реальность Я и культуры. Отношение Я к миру, а, следовательно, и возможность познания культуры, есть отношение реальности и ценностей. Частью этого отношения выступает ценностная составляющая процесса познания.

Риккерт полагал, что философский подход, основанный на понимании роли и значения сферы ценностей, как для познания, так и для культуры, позволяет преодолеть ограниченность, неизбежно присущую научному подходу, который хоть и стремится к широкому охвату действительности, но все-таки выделяет для исследования только её часть. Часть же может быть осмыслена в полной мере только в её отношении к целому, поскольку выделяется во взаимодействии с целым, и может существовать только в таком взаимодействии. Ограниченность познания в специальных науках Риккерт видел в том, что в них присутствует методологическая установка на исследование частей, а методологических возможностей исследования «мира в целом» нет в принципе. Этим исследованием может заняться только философия, понимаемая не в позитивистском философско-научном смысле как методологический синтез частного знания о действительности, но в качестве универсального учения о ценностях.

Один из существенных выводов Риккерта состоит в том, что «целое» не доступно исследованию методами специальных наук вследствие того, то целое не может быть дано человеку в непосредственном опыте. Целое – это весь мир, в который как часть включается субъективно-объективная действительность. Мир как целое включает в себя действительность и царство смысла, основание которого составляет сфера ценностей. [Риккерт 1998, с. 461–464].

Мир ценностей оказывает определяющее влияние как на реальность Я, так и на реальность культуры, поскольку Я (субъект) имеет «тенденции к свершению», благодаря чему ценности воплощаются в материальных и культурных благах. Способность познающего субъекта соотносить высказывания с ценностями (в акте утверждения-отрицания) Риккерт относит, по сути, к априорным структурам познания. Это положение лежит в основе метода «отнесение к ценности», который, в свою очередь, раскрывает

новые грани интерпретации как методологической процедуры, применяемой в социогуманитарных исследованиях.

Поскольку, именно методологическая составляющая философской концепции Риккерта была в наибольшей степени признана и популяризирована, то имеет смысл обратить внимание на эвристический потенциал ее аксиологической и эпистемологической части. Например, вот, что пишет Риккерт о ценностных аспектах теоретического суждения: «Так как действительное для суждения должно быть действительно и для познавания, потому что всякое познавание выражается в совершенно развитых суждениях, то из родства, которое суждение имеет с желанием и чувствованием, оказывается, что и при чисто теоретическом познавании речь идет об отнесении к ценности» [Риккерт 1998, с. 82].

Познающий субъект способен к смыслополаганию, а значит к обретению собственной сущности, поскольку в соотношении суждений с ценностями опирается на их должностное. Риккерт обосновывал «единство Я и мира», опираясь на аксиологические основания, показывая при этом специфику и сложность человеческой субъективности, которая характеризуется присутствием ценностного компонента в структуре мышления.

Подход Риккерта указывает не недостижимость абсолютной «внечеловеческой» объективности как научного, так и всякого иного способа познания, но не отвергает при этом истинности и общезначимости знания. В рамках современных когнитологических исследований именно такой подход представляется актуальным для изучения столь сложного явления, каким выступает сознание как средство познавательной активности.

В XX веке исследование сознания и познания осуществляется в контексте эволюционного процесса, где оба взаимосвязанных феномена рассматриваются как результат качественного усложнения природных систем всех уровней. Данная позиция используется также для теоретического обоснования единства Я и мира в структуре сознания, где, наряду с физическими и биологическими факторами, важную роль играет феномен интенциональности и категория «других людей» [Сёрл 2002, с.128].

Если в свете приведенных выше рассуждений дать утвердительный ответ на вопрос о том, является ли соотношенность познавательного процесса с ценностями необходимой, характеристикой сознания, то проблема научного познания социально-исторических процессов приобретает еще одну грань, связанную со спецификой человеческой субъективности, тождеством личности и проблемой «идеального» в целом.

Таким образом, обращение к творческому наследию Генриха Риккерта позволяет извлечь важные уроки для лучшего понимания ряда актуальных проблем современной теории познания. В самом общем виде эти уроки заключаются, прежде всего, в понимании того, что интеллект – это сложное интегративное и гетерогенное целое, включающее в себя ценностно-аксиологические и личностно-экзистенциальные компоненты.

Список литературы

1. Сёрл 2002 – Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
2. Риккерт 1998 – Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 505 с.
3. De Martino, Cortese 2023 – De Martino B., Cortese A. Goals, usefulness and abstraction in value-based choice // Trends in Cognitive Sciences, January 2023, Vol. 27, No. 1. P. 65–80.
4. Reding, Eaton 2020 – Reding D.F, Eaton J. NATO Science & Technology Trends. 2020–2040: Exploring the S&T Edge / NATO Science & Technology Organization. Brussels, 2020. 152 p.

5. Vlaev, Chater, Stewart and Brown 2011 – Vlaev I., N. Chater N., Stewart N. and G. D. A. Brown. Does the brain calculate value? // Trends in Cognitive Sciences, November 2011, Vol. 15. No. 11. P. 546–554.

Часть 11. Эпистемология несправедливости

УДК 165

КОГНИТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КРИТИКА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ*

Касавин Илья Теодорович

Доктор философских наук, руководитель проекта РНФ

Русское общество истории и философии науки

E-mail: itkasavin@gmail.com

Природа когнитивной демократии разъясняется в статье через различие демократии в науке и собственно когнитивной демократии как общественного статуса знания. В целях данного различения вводятся понятия внешней и внутренней критики, а также понятие справедливости, в котором ключевую роль играет идея «вуали неведения» (Дж. Ролз). В ходе анализа показывается, что плотность вуали неведения обратно пропорциональна объективности критики. Несправедливость критики также возрастает по мере того, как она становится все более утонченной. С этой точки зрения наиболее справедливой выступает внешняя критика, задача которой состоит в легитимации когнитивного диссенсуса. Именно он является решающим условием объективности, учитывающей не только локальные, но и многообразные контексты порождения знания. Понятие когнитивной демократии как распределительной системы прав на знание уступает свое место демократии, в которой центральное место занимает борьба за эпистемические права.

Ключевые слова: когнитивная демократия, критика, справедливость, диссенсус, объективность

COGNITIVE DEMOCRACY: CRITIQUE AND JUSTICE

Kasavin Ilya Teodorovich

Doctor of Philosophy, Project Director, Russian Science Foundation

Russian Society for History and Philosophy of Science

E-mail: itkasavin@gmail.com

The nature of cognitive democracy is explained in the article through the distinction between democracy in science and cognitive democracy itself as the social status of knowledge. For the purpose of this distinction, the concepts of external and internal criticism are introduced, as well as the concept of justice, in which the idea of the "veil of ignorance" (J. Rawls) plays a key role. In the course of the analysis, it is shown that the density of the veil of ignorance is inversely proportional to the objectivity of criticism. The injustice of criticism also increases as it becomes more refined. From this point of view, the fairest is the external criticism, the task of which is to legitimize the cognitive dissensus. It is the decisive condition for objectivity, which takes into account not only local, but also diverse contexts of knowledge generation. The notion of cognitive democracy as a distributive system of knowledge rights should give way to democracy, in which the struggle for epistemic rights occupies a central place.

Keywords: cognitive democracy, criticism, justice, dissensus, objectivity

К понятию критики

Мы будем понимать критику в науке и философии как вид дискурса, имеющий трехзвенную структуру: критик, объект критики, а также наблюдатель (читатель, публика) как целевая группа критики. Целью критического дискурса является убеждение

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00494 (продление), <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>.

наблюдателя в преимуществе позиции критика и несовершенстве объекта критики. Метод критики – экспликация таких черт объекта, которые оцениваются как ошибка, заблуждение, предрассудок, недобросовестность или ангажированность его автора. Критика представляет собой вид аналитического метода, расчленяющий свой объект на простые элементы и проводящий различие между теми фрагментами знания, которые соответствуют и не соответствуют некоторым эпистемическим критериям (критериям рациональности). Критика выявляет недостатки объекта критики, противопоставляя ему позицию критика, свободную от таких недостатков и имеющую дополнительные преимущества.

Подчеркнем, что подлинным объектом критического дискурса является не тот непосредственный объект, в котором усматриваются некоторые недостатки, а именно наблюдатель. Критика направлена на то, чтобы сформировать или изменить восприятие объекта критики наблюдателем и косвенно – восприятие и оценку позиции самого критика. Что же касается непосредственного объекта критики, то его роль сугубо служебна, инструментальна. В этом смысле критик всегда ангажирован и субъективен, подобно недобросовестному автору, которого он критикует. Поэтому *критика* в собственном смысле слова как выявление заблуждений нередко уступает первое место *анализу* как демонстрации способности критика понять сложный объект и преподнести это понимание наблюдателю, чтобы в конечном счете возвысить критика над своим объектом.

Если вышесказанное верно, то всякая критика является справедливой (равной декларируемому предназначению) тогда и только тогда, когда она является банальной, т.е. выявляет такие несовершенства объекта, в отношении которых не может быть сомнения у наблюдателя. В других случаях она вынуждена ограничиться анализом и избегать оценок, чтобы производить впечатление справедливой. Отсюда вытекает, что критика, стремящаяся быть справедливой или не стремящаяся быть таковой, в равной мере отягощена теми недостатками, которые приписываются или не приписываются критикуемому объекту.

Когнитивная справедливость и вуаль неведения

Предположим, что адекватным условием объективности, или справедливости критики, является состояние, которое Дж. Ролз описывает термином «вуаль неведения» (veil of ignorance) [Rawls 1999]. Имеется в виду, что критик не знает реальных условий текущей эпистемической ситуации, не информирован о результатах эпистемологических исследований аналогичных ситуаций, не имеет предварительного знания об объекте критики и, как следствие, не осведомлен о собственной ангажированности. Иными словами, критик не обладает субъективностью конкретного эпистемического агента, выступая как философский зомби. Конечно, если критику понимать не как отдельный акт, а как процесс, то критик в силу взаимодействия с объектом и наблюдателем критики постепенно увеличивает объем своего знания. Тогда он теряет когнитивную невинность, с него спадает вуаль неведения. Однако в таком случае он утрачивает объективность и справедливость. Возникает вопрос: является ли когнитивная справедливость эпистемической ценностью *per se*, если объем этой справедливости обратно пропорционален объему знания?

Критика внутренняя и внешняя

Какого рода критика в большей мере соответствует ее абстрактному понятию, реконструированному выше? Введем различие между внутренней и внешней критикой.

Внутренняя критика предполагает общую картину мира и стиль мышления для всех трех структурных элементов критического процесса: объекта, наблюдателя и самого критика. Она фокусируется на деталях общего интеллектуального пространства и имеет своей целью его совершенствование, что может быть описано метафорой «благоустройства собственного дома». Критика Дж. Локка и Дж. Беркли со стороны Д. Юма, Р. Декарта – К. Гюйгенсом или В. Гейзенберга – Н. Бором как раз из такого рода феноменов. Внутренняя критика эзотерична и сама создает собственного наблюдателя. Она является формой суда равных и одновременно борьбой за приоритет. Взаимопонимание, консенсус, солидарность составляют ее цели и результаты. Такая критика сильно нагружена предшествующим знанием и потому не соответствует своему абстрактному понятию.

Внешняя критика, напротив, изначально предполагает принципиальное расхождение базовых установок критика и его объекта. Она эзотерична, поскольку, не создавая своего наблюдателя, стремится завоевать внимание и признание чужого; это борьба не за приоритет, а за авторитет. Когда Дж. Кларк критикует Г. Лейбница, картезианцы – И. Ньютона¹, Р. Карнап – М. Хайдеггера, а А. Сокал – Ж.-Ф. Лиотара, налицо игнорирование парадигмальной несоизмеримости картин мира и стилей мышления. Критик словно специально набрасывает на себя вуаль неведения и даже упорствует в своем незнании. Он не ставит задачу понимания, но как бы намеренно обостряет его трудности. Результатом является еще большая фрагментация интеллектуального пространства. Такой дискурс воплощает собой эпистемический плюрализм, в котором классические эпистемологические категории требуют пересмотра. Однако с точки зрения своего абстрактного понятия этот тип критики оказывается наиболее объективным и справедливым.

Смысл демократии: достижение консенсуса или легитимация диссенсуса?

В науке за истину принимается то, с чем согласно большинство ученых. Она устанавливается в ходе взаимной внутренней критики. Ведь нормальная наука, о которой историки, социологи и философы науки могут высказываться наиболее определенно, имеет парадигмальный характер. Ситуация осложняется в случае философии и ряда гуманитарных наук, которые постоянно демонстрируют полипарадигмальность. Здесь согласие – явление не только редкое, но даже нежелательное, свидетельствующее о когнитивной недобросовестности. Истина для философа представляет собой, скорее, «сад расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес), т.е. совокупную картину многообразных теорий и их критического противостояния. В таком случае подчеркивание различия естественнонаучного и гуманитарного знания воспроизводит известную идею противоположности «двух интеллектуальных культур» и едва ли вносит вклад в прогресс науки. Каков же выход из данного тупика: как согласовать идеи равенства всех перед истиной и равенства каждой истины своему контексту?

Два измерения науки как деятельности и института проявляют себя в когнитивной бескомпромиссности, с одной стороны, и социальной солидарности, с другой. Каждый ученый отстаивает истину своей теории в конкуренции с другими, доказывая, что его теория проще и практичнее, лучше объясняет факты, решает проблемы и т.п. Благодаря этому он улучшает ее, споря и соглашаясь со своими коллегами, наблюдая их удачу и заблуждения, внося в них свой собственный вклад. Познавательная деятельность имеет коммуникативный характер и включает в себя внутреннюю критику. Она воплощает в себе когнитивную несправедливость, ведь ученые, будучи формально равны перед

¹ См. следы этой полемики в [Ньютон 1936, с. 19], где издатель Ньютона, Роджер Котс, оправдывает своего автора, а к нему присоединяется и переводчик Ньютона на русский язык, А.Н. Крылов.

истиной, на деле имеют разный доступ к ней в силу личных достижений. Истина – не только опубликованный результат, но и совместный, пусть неравномерный, процесс познания путем «относительных заблуждений» (Ф. Энгельс). Парадоксально, что при этом именно общее согласие по поводу достижений и заблуждений является высшей эпистемической ценностью.

Итак, наука предстает как социальный институт с такими специфическими формами работы как лабораторный эксперимент, экспедиция, публикация, доклад, дискуссия, академическое собрание, учебный курс, каждая из которых на свой лад обеспечивает солидарность научного сообщества. При этом не последнее предназначение этой солидарности в том, чтобы укреплять автономию науки. Ученые разрабатывают программы развития науки и оценки достижений, распределяют финансирование, проводят исследования, получают результаты, осуществляют их экспертизу. И все это происходит внутри научного сообщества, поскольку над всеми другими социальными субъектами висит вуаль неведения. В этом смысле наука противостоит обществу, и они способны лишь на внешнюю критику друг друга. Если можно так выразиться, у каждого из них своя истина и свои аргументы в ее пользу. В данном случае имеет место справедливость в стиле «каждой твари по паре».

Двум типам справедливости соответствуют два типа эпистемической демократии: демократия в науке и когнитивная демократия вообще. Демократия в науке описывает деятельность идеального ученого, который в поиске истины не в состоянии видеть ничего вокруг, кроме своего объекта. Для него справедливость – это торжество его теории, оправдание его приоритета и превосходства перед другими. И напротив, когнитивная демократия – это сфера деятельности идеального члена сообщества, который учитывает все роли и статусы, этический кодекс, контексты, окружение. Он трактует справедливость как солидарность научного сообщества, в котором царствует распределенная истина. При этом реальный ученый периодически переключает гештальт, путешествуя между этими двумя мирами. И здесь обнаруживается место для гуманитария и философа, в частности. Ведь историческое назначение философии состоит в создании условий для когнитивного диссонанса – удивления, сомнения и критического мышления. Именно философская медиация способствует приключению и путешествию; философ – сталкер между мирами. Он не позволяет абстракциям идеального ученого доминировать над жизнью, в которой справедливость обязана не абстрактной истине или солидарности, не статистической или моральной норме, а неустанной борьбе за свои эпистемические права.

Список литературы

1. Ньютон 1936 – Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Собрание трудов ак. А.Н. Крылова. М.-Ленинград: Издательство АН СССР, 1936. 696 с.
2. Rawls 1999 – Rawls J. Theory of Justice. Revised edition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 538 p.

ПУБЛИКАЦИОННОЕ СМЕЩЕНИЕ И ВНУТРИНАУЧНЫЕ ФАКТОРЫ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Костина Алина Олеговна

Кандидат философских наук, научный сотрудник,

Институт философии РАН

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

Согласно установленной традиции эпистемологических исследований, эпистемическая несправедливость рассматривается в рамках широких социальных процессов, охватывающих многочисленные социальные группы людей. В самом общем смысле она может быть сопряжена с любой формой искажения эпистемических практик, обусловленных фактором неравного доступа к познавательным ресурсам или отсутствия возможности их адекватной герменевтической трактовки. Продвижение в области исследований эпистемологии несправедливости обусловлено необходимостью поиска не только социальных оснований, но и сложных технических контекстов, влияющих на ее формирование.

Своеобразная и порой до конца не ясная структура последних на уровне репрезентации результатов научных исследований создает искаженный эпистемический рельеф. Следствием этого может стать неадекватное функционирование целых исследовательских полей, направляющих внутренние процессы по ложному пути поиска знания. Данная работа демонстрирует, как отдельная практика публикации исследований ограничена проблемой воспроизводимости (научных экспериментов), случайных ошибок или намеренных фальсификаций. Дальнейшее изъятие работ из публичного доступа связывается с реализацией определенных эпистемических эффектов, которые формируют несправедливый эпистемический ландшафт. Среди данных эффектов можно назвать «эффект динамичного поля», «эффект авторитета», «эффект незапятнанной репутации».

Ключевые слова: эпистемическая несправедливость, публикационная предвзятость, публикационное смещение, эпистемические эффекты, мета данные, большие данные

PUBLICATION BIAS AND INTERNAL FACTORS OF EPISTEMIC INJUSTICE IN SCIENCE

Kostina Alina Olegovna

PhD in Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

According to the established tradition of research in epistemology, epistemic injustice is widely perceived in the framework of extensive social processes, addressing multiple social groups. In a broader sense, it (epistemic injustice) could be related to any form of bias, determined by unequal access to the resources of knowledge or a lack adequate hermeneutic interpretation (or a capability to use its tools). Efficient development of the given field of research requires profound consideration not only of social context, but also of complex technical aspects, which influence its formation. Specific as well as obscure at times structure of publication platforms at the level of the representation of scientific results creates deteriorated epistemic landscape. As a result, we can see an inadequate functioning of the whole research fields with their misleading ways of acquiring knowledge. The given work demonstrates how a particular practice of scientific publishing limited with the issue of reproducibility (of scientific experiment and its results), accidental mistakes or purposed disinformation serve as sources of continuous problems. Further retraction of articles, which were proved wrong, from public access, is related to a number of epistemic effects, factoring-in into the construction of epistemically uneven or unjust epistemic landscape. Among the mentioned effects are: “the authority effect”, “the dynamic field effect” and “the untarnished reputation effect” accordingly.

Keywords: epistemic injustice, publication bias, publication shift, epistemic effects, meta data, big data

Эпистемическая несправедливость может рассматриваться как некоторое установленное положение дел в отношении отдельных социальных групп. Реальные социальные процессы и взаимодействия изначально происходят в условиях социальной несправедливости, являясь исходным пунктом как для практических действий, так и для теоретического исследования. Основное направление критической эпистемологии связывает возможность раскрытия темы именно с демонстрацией ряда кейсов и сопутствующих теоретических выводов преобладающем социальном и институциональном неравенстве.

Однако данный подход может быть также успешно транслирован не только на крайне обобщенные практики получения знания, но обнаружит много примеров внутри научной жизни. Последняя представляет собой многосложное поле, где влияние оказывает не только концептуальная часть процесса, но и его техническая сторона. В свете этого, одним из самых опасных представлений становится желание строго отделить одно от другого. Реальные же процессы показывают, как технический слой репрезентации результатов оказывает решающее влияние на последовательное и основательное формирование отдельных исследовательских полей. Изначально публикация исследовательских результатов рассматривается как возможность расширения поля, подтверждения догадок или их опровержения. Однако это то, что, предполагаемо, происходит концептуально. На практике же, ложные данные и результаты, приводят к изъятию публикаций из публичного доступа, которое, при этом, не происходит мгновенно, оставляя за собой длинный «шлейф» последствий. Обнаружение ошибок, как и невозможность доказательства утверждаемого занимает время, в которое статья, опубликованная в каком-либо авторитетном издании, воспринимается как заслуживающая доверия. Основная проблема, тем не менее, заключается в разрешении ряда проблем как технического, этического и эпистемического характера. Условный «жизненный цикл» исследования даже при ее ошибочности, достаточно длинный, что позволяет произрасти новым идеям, в том числе подкрепленным ненадежными соображениями. Главная сложность проявляется в моменте, когда исследователь, на основании собственной воли, делает выбор в пользу риска, сопряженного с новыми, ограниченно подтвержденными заявлениями, либо придерживается консервативной или даже догматичной линии. Несмотря на видимый этический характер подобных рассуждений, они в значительной мере имеют эпистемическую природу. Эпистемическая несправедливость из ситуативной превращается в глобальную, становясь универсальным ландшафтом познавательной деятельности. Ее аспект в рамках публикационной активности становится интересен тем, что на конкретных примерах показывает определенные эпистемические эффекты.

Публикационная предвзятость или публикационное смещение (“publication bias” – англ.) является предметом множества исследований в научной литературе. Многие частные вопросы, которые ставят в ней исследователи, напрямую коррелируют с мета-анализом [Rothstein et al., 2005], а также с теми проблемами, которые обнаруживаются в работе академических платформ. Эта динамичная область занимается не только постановкой актуальных вопросов, но и обладает внушительным методологическим аппаратом, направленным на преодоление публикационных искажений. Однако неуклонно растущее число статей данной проблематики указывает и на то, что все же решение данных проблем крайне затруднительно, и дело не уже не только в технологиях, но в той этике, согласно которой осуществляется публикационная деятельность. Это область коллективной ответственности, которую должны разделять как публикующие издатели, так и публикующиеся ученые.

Неоднократно были высказаны замечания в адрес крупнейших платформ цитирования, одна из которых была связана с асимметрией в публикации статей общественных и естественных/технических наук. Признав существование такой проблемы, необходимо все же задать вопрос: при каких обстоятельствах статьи гуманитарного профиля могут удалить или изъять с платформы? Вероятнее всего, по причинам, связанным с плагиатом или проблемам этического характера. Если же задаться тем же вопросом относительно статей естественнонаучного и технического профиля, то к набору добавляется еще несколько чрезвычайно значимых причин. Ключевыми из них становятся: невозможность воспроизвести результаты экспериментальной части исследования, фабрикация и фальсификация данных. Сигналом к необходимости проверки тоже может стать необычайно высокий, по сравнению с другими периодами, уровень продуктивности автора.

Если осуществить поиск по запросу изъятых из публичного доступа статей (“retracted articles”, англ.), на себя обращает внимание тот факт, что примеры в большом числе случаев берутся из области медицины. Выбор обоснован тем, что публикации в ней напрямую связаны с реализацией, в частности, протоколов лечения. Значит, от качества и надежности предлагаемых результатов потенциально зависят жизни людей. Именно здесь мы видим один из главных эффектов, последовательно воплощаемых посредством интернета, онлайн публикации, формирования интерактивного сообщества и причастности ему – эффект масштаба (“size effect”, англ.). Ключевой проблемой становится то, что эффект масштаба публикации может иметь в качестве побочного – эффект масштаба ошибки. В одном из исследований [Chen et al., 2013], анализ которого можно использовать для раскрытия темы эпистемической несправедливости, было поставлено несколько вопросов, связанных с временными рамками, в пределах которых статья, содержащая недостоверную информацию, оказывает влияние на прочие публикации своей профессиональной отрасли.

На извлечение статьи из публичного доступа уходит, в среднем, 2 года, еще 2 года проходит до момента значительного уменьшения числа ее цитирований. Ниже приведены три эпистемологических «эффекта», которые говорят об эпистемической несправедливости гибридного порядка, совмещающих науку как таковую и внешнюю сторону ее технического оформления:

1. Намного сложнее извлечь из публичного доступа статьи исследователей более высокого ранга: профессоров, директоров лабораторий, исследователей с более чем 5 летним зафиксированным опытом исследований [Chen et al., 2013, p. 239];

Данное явление можно обозначить как «эффект авторитета» или как форму эпистемического патернализма, связанного с восприятием неравных эпистемических возможностей участников процесса познания, подкрепленного авторитетом в научном (эпистемическом) сообществе.

2. «Если статья является частью быстро растущей области исследований, последствия, связанные с влиянием удаленной статьи, будут более вредоносными, нежели в более медленно развивающейся области» [ibid, p.246];

Назовем это «эффектом динамичного поля»: новые исследовательские области состоят в негласной научной конкуренции. Им требуется быстрое укрепление позиций и оправдание претензий на перспективность работы в заявленном направлении.

3. «Проверка обоснованности (результатов) статьи, проводимая на основании ревизии списка цитирования становится чрезвычайно сложной, если надежность новой добавленной литературы определяется лишь непричастностью к удаленной статье» [ibid, p. 251].

«Эффект незапятнанной репутации»: по сути, это эпистемическая ловушка, связанная с попыткой экономии мышления. Существует вероятность, что в новых

источниках также может содержаться заведомо ложная информация. Проверять каждый источник следует отдельно, в ином случае, также может проявиться эффект масштаба.

Рассмотренные проблемы можно легко представить в виде двухуровневой схемы, верхняя часть которой – уровень технических решений, нижняя – уровень реальной научной практики, испытывающий множество системных эффектов, масштаб влияния которых порой сложно спрогнозировать. В литературе, связанной со способами преодоления предвзятости публикации, зачастую предлагаются технические способы решения для этических проблем. Предположение автора состоит в том, что их преодоление заключается в качестве отношений, выстраиваемом внутри научного сообщества. Тем не менее, технические способы должны получать развитие. Даже если предположить, что не осталось ни одного ученого, намеренно фальсифицирующего данные, всегда остается место заблуждениям и непреднамеренным ошибкам, которые ровно таким же образом влияют на исследовательские области.

Список литературы

1. Chen C. et al., 2013 – Chen C., Hu Z., Milbank J., Schultz T. A Visual Analytic Study of Retracted Articles in Scientific Literature. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 64. No. 2. P. 234-253.
2. Rothstein H. R., Sutton A. J., Borenstein M., 2005 – Rothstein H. R., Sutton A. J., Borenstein M. *Publication Bias in Meta-Analysis: Prevention, Assessment and Adjustments*. New Jersey: John Wiley & Sons

УДК 167.7

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В БИМЕДИЦИНЕ: НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО И ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО

Петров Кирилл Алексеевич

Кандидат философских наук

Научный сотрудник Центра исследований науки и технологий

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований

РАНХиГС при президенте РФ

E-mail: kpetrov@eu.spb.ru

Темы справедливости и неравенства в науке были ведущими для биоэтики с момента ее появления в конце 60-х годов XX века. Можно утверждать, что само возникновение биоэтики связано со стремлением сделать науку более «инклюзивной». Однако концептуальные основания для тематизации проблемы справедливости на протяжении истории существования биоэтики различались. Импульсом к разработке этой темы послужил Нюрнбергский трибунал врачей, решения которого определили добровольность и информированность как условия согласия участников биомедицинских экспериментов. Но уже в середине 90-х годов справедливость в биоэтике начинает пониматься как участие «профанов» в управлении наукой. Описанная динамика не только проблематизирует эпистемические и этические основания научного знания. Она показывает, что возникающее напряжение между видением справедливости как устранением индивидуального риска и общественным контролем за наукой ставит под вопрос существование самой биоэтической экспертизы. Рассмотрение проблемы истории биоэтики позволяет ответить на ряд вопросов: как в рамках биоэтики рефлексировается проблема справедливости и равенства? Какой вклад может сделать биоэтика для создания «справедливой» науки? Возможно ли вообще равное участие специалистов и профанов в создании научного знания?

Ключевые слова: этика, биоэтика, эпистемология, справедливость, профаны, несоизмеримость

THE JUSTICE PROBLEM IN BIOMEDICINE: THE INCOMMENSURABILITY OF THE ETHICAL AND EPISTEMIC

Petrov Kirill Alekseevich

Research Fellow, Center for Science and Technology Research

European University at St. Petersburg

Research Fellow at the Center for Innovative Social Research

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)

E-mail: kpetrov@eu.spb.ru

The themes of justice and inequality in science have been central to bioethics since its emergence in the late 1960s. One can state that the very origin of bioethics was related to necessity of making science more "inclusive". However, the conceptual foundations of the thematic issue of justice have varied throughout the history of bioethics. The impetus for the development of this topic was the Nuremberg Doctor's trial, whose decisions defined voluntariness and informed consent as conditions for participation in biomedical experiments. But as early as the mid-1990s, justice in bioethics began to be understood as the participation of "laypeople" in the governance of science. This dynamic problematizes both the epistemic and ethical foundations of the scientific edifice; the tension between the viewing of justice as the elimination of individual risk and public scrutiny of science calls into question the adequacy of bioethical expertise itself. How does bioethics reflect on the problem of justice and equity? How can bioethics contribute to a justice science? Is it even possible for experts and laypeople to participate equally in the creation of scientific knowledge?

Keywords: ethics, bioethics, epistemology, justice, layperson, incommensurability

Исследование проблемы равного доступа к производству научного знания со стороны академических ученых и «профанов» немислимо без теоретического осмысления результатов «Малых Нюрнбергских процессов», одним из которых был суд над нацистскими врачами. В статье «Что пошло не так с медициной?» Артур Каплан отмечает, что результаты Нюрнбергского трибунала были плохо отрефлексированы как в самой биоэтике, так и в науке в целом [Caplan 1992, p. 56]. Это достаточно смелое и даже парадоксальное утверждение. Критики Каплана могут сослаться на появившийся непосредственно после решений трибунала «Нюрнбергский кодекс» и связанные с ним «Женевскую декларацию», «Международный кодекс медицинской этики», «Хельсинскую декларацию». Эти документы утверждают принцип, сформулированный в рамках судебного процесса и заключающийся в необходимости добровольного информирования участников любых биомедицинских экспериментов.

Каплан, как и любой другой исследователь, работающий в области биоэтики, признает абсолютную ценность этого требования. Вместе с тем он подчеркивает, что внимание обвинения и судей на Нюрнберге было приковано к этической стороне биомедицинских экспериментов нацистов [Caplan 1992, p. 58]. В своей статье Каплан рисует пугающую картину: в ужасающих биомедицинских опытах, которые проводили нацисты над людьми в концентрационных лагерях, которым нет и не может быть оправдания, человек редуцируется к незащитному объекту безжалостной биополитики. Стремясь защитить человеческое достоинство, Нюрнбергский трибунал создает требование добровольности. Однако, как показывает Каплан, специалисты в биоэтике не беспокоятся о самих результатах подобных бесчеловечных экспериментов. В качестве аргумента он ссылается на работы современных ему ученых, продолжающих использовать при подготовке научных работ результаты исследований гипотермии в нацистских концентрационных лагерях [Caplan 1992, p. 65]. На этот же факт обращает внимание О.В. Попова, дополняя и расширяя положения Каплана. Она пишет про

решения Нюрнбергского трибунала: «Аргументация обвинения [в отношении нацистских преступников] была сконцентрирована вокруг вопроса о согласии испытуемых на участие в исследовании. Когда американским юристам указывали на сходство в проведении экспериментов на людях в США, они, *отставив в сторону методологическую сторону экспериментов* [курсив мой – П.К.], указали на главное отличие: во время проведения экспериментов в США американские заключенные были добровольцами, которые были проинформированы о рисках и дали свое согласие на проведение экспериментов [Попова 2021, с. 131]. Каплан провокационно заявляет, что нацистские преступные биомедицинские эксперименты проводили не плохие или безумные ученые, а обычные исследователи, пусть и разделявшие преступную нацистскую идеологию. Он обращает внимание на находящуюся в слепой зоне исследователей науки непреодолимую границу между эпистемологией и этикой биомедицинского исследования.

Незаметность границы эпистемического/этического продолжала определять характер дискуссии о справедливости в биоэтике в послевоенный период. В своем исследовании истории биоэтики Джон Эванс характеризует 60-е годы XX века как «десятилетие конференций» [Evans 2012, p. 4]. Важной чертой этого периода можно считать попытку ученых, работавших в разных областях от биологии до ядерной физики, определить степень индифферентности науки, прежде всего медицины, к ценностям человеческой жизни [Evans 2012, p. 4]. Такая постановка вопроса лишней раз подчеркивает устойчивость границы эпистемического/этического. Вместе с тем в тот же период появляются и попытки преодолеть подобное разделение. К числу наиболее известных и, несомненно, самых важных для биоэтики проектов можно отнести работу Ван Ренсселера Поттера «Биоэтика: мост в будущее». Часто именно с публикации этой книги начинают отсчитывать появление самой биоэтики. Как отмечает в статье португальский исследователь А.Ф. Кашкайш, «видение биоэтики Поттера было заложено в целостном восприятии здоровья, вытекающем из его собственного самосознания онколога, тесной связи между канцерогенезом, окружающей средой и акцентом на необходимости профилактики, а не только на вопросах терапии. Поттер призвал к разработке общей нормативной этики глобального здоровья, которая может быть реализована только в рамках целой новой дисциплины» [Cascais 1997, p. 19]. Кашкайш полагает, что идея Поттера может быть объяснена как попытка создания новой эпистемологии, которая бы опираясь на широко трактуемый экологизм и открытия в биомедицине. Такая новая дисциплина позволила бы соединить научную и этическую эпистемологии.

Несмотря на то что Поттера часто называют основателем биоэтики, его идеи имеют небольшое значение для сегодняшних дискуссий. В процитированной выше статье А.Ф. Кашкайш объясняет это тем, что оппонентами Поттера в процессе определения биоэтики выступили представители Джорджтаунского университета, подчеркивавшие «несоизмеримость науки и этики и на эпистемологическом уровне». Эта установка вела к тому, что они «стремились разрешить конкретные моральные проблемы в биомедицинской сфере путем применения уже установленных и универсально обоснованных этических принципов» [Cascais 1997, p. 20]. В каком-то смысле проект Поттера был обречен на провал вследствие того, что он словно пытался преодолеть устоявшееся после Нюрнберга восприятие научной практики. В это же время идеи, изложенные в книге Томаса Бичампа и Джеймса Чилдресса «Принципы биомедицинской этики», легко укладывались в устоявшееся разграничение этического/эпистемического. Они пытались выделить в биомедицинской практике конфликтные ситуации и применить к ним концепции, предварительно проработанные в этике. Универсализм их этической позиции являлся во многом иллюзорным, так как этика тонула в огромном

количестве релятивных подходов. Роль биоэтики в модели предлагаемой и развиваемой Бичампом и Чилдрессом редуцировалась до публичного пространства, в котором возможно обсуждение этого многообразия подходов. Именно это и было зафиксировано Тристарамом Энгельгардом младшим: «Биоэтика — это элемент светской культуры и праправнук Просвещения <...>. То есть существование открытой, мирной дискуссии между различными группами <...> о вопросах государственной политики, касающихся здравоохранения, неизбежно приведет к необходимости выработки нейтрального общего языка. Биоэтика развивается как *lingua franca* мира, озабоченного вопросами здравоохранения, но не имеющего общей этической точки зрения» [Engelhardt 1986, p. 5]. Биоэтика, словно страж, охраняет автономию научного поиска, лишь изредка позволяя общественности говорить с учеными на языке этики, и одновременно с этим ограничивает право ученых высказываться на тему общественного блага, предписывая им экспертность только в области эпистемологии.

Однако, как отмечают сами Бичамп и Чилдресс, «в 1990-х годах произошла смена парадигмы, отчасти из-за заинтересованности пациентов с ВИЧ/СПИДом в получении расширенного доступа к новым экспериментальным препаратам как в рамках клинических испытаний, так и вне их. Акцент сместился на возможные преимущества клинических испытаний, в то время как их риски были отнесены на второй план. В результате справедливость как честный доступ к исследованиям — как участие в исследованиях, так и доступ к их результатам — стала столь же важной, как и защита от вреда и эксплуатации» [Beauchamp, Childress 2012, p. 250]. Стоит внимательнее отнестись к описанным трансформациям. В цитируемом тексте отмечается принципиальное изменение в самом восприятии справедливости. Если послевоенный период можно считать временем, когда справедливость в биоэтике рассматривалась как способ минимизации индивидуальных рисков, то с середины 90-х, она трактуется не только как право участия, но и как возможность контроля за исследованием. В этом отношении сам принцип справедливости предполагает, что для осуществления контроля за деятельностью профессионалов «профаны» должны обладать собственной «экспертизой».

В этом отношении симптоматичны проекты «интеракциональной экспертизы» [Collins, Evans 2002] или идея «поворота к участию» [Jasanoff 2003] в управлении наукой, которые выдвигают исследователи в области STS. Однако наличие экспертизы «профанов» требует пересмотра оснований самого проекта биоэтики. В настоящее время речь идет не о том, чтобы применить кажущиеся универсальные этические концепции к разрешению моральных дилемм. Вопрос стоит острее: могут ли быть согласованы разные эпистемологии предлагаемые учеными и представителями «гражданской науки» или активистами? Биоэтика практически утратила свою функцию стража. И это особенно заметно в связи с появлениями новых научных проектов, претендующих, подобно Поттеровской биоэтике, на соединение эпистемологии и этики. Как, например, появившаяся в 2016 году «астробиоэтика» [Chon Torres 2021, p. 2] утверждает необходимость создания новой эпистемологии научных исследований космоса, способной быть соединённой с идеей заботы обо всем живом, но уже не только на Земле, но и за ее пределами. В известном смысле, чтобы сохраниться, биоэтика должна превратиться в пространство обсуждения не этики, а локальных эпистемологий.

Список литературы

1. Попова 2021 – Попова О.В. тело как объект экспериментирования и становление этоса биомедицины: уроки Нюрнберга // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 125–141.

2. Beauchamp, Childress 2012 – Beauchamp T., Childress J. Principles of biomedical ethics. New York: Oxford University Press, 1986. P. 459.
3. Caplan 1992 – Caplan A. How Did Medicine Go So Wrong? // When Medicine Went Mad. Bioethics and the Holocaust. NY.: Springer Science+Business Media. 1992. P. 53-94.
4. Cascais 1997 – Cascais A.F. Bioethics: History, Scope, Object // Global Bioethics. 1997. Vol 10, p. 9-24.
5. Chon Torres 2021 - Chon Torres O. Astrobioethics: Epistemological, Astrotheological, and Interplanetary Issues // Astrobiology: Science, Ethics, and Public Policy. Wiley-Scrivener. 2021. P. 1-16.
6. Collins, Evans 2002 – Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science 2002. Vol. 32. P. 235-295
7. Engelhardt 1986 – Engelhardt H. T. The Foundations of Bioethics. New York: Oxford University Press. 1986. P. 464.
8. Evans 2012 – Evans J. H. A History and Future of Bioethics. A Sociological View. NY.: Oxford University Press, 2012. 199 p.
9. Jasanoff 2003 – Jasanoff S. Technologies of humility: citizen participation in governing science // Minerva. 2003. Vol. 41. P. 223-244.

УДК 167.7

НАУКА И (МЕЖ)ТЕМПОРАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ*

Шевченко Сергей Юрьевич

*Кандидат философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: simurg87@list.ru*

Классические примеры несправедливости в академии связаны с исключением или отказом признавать заслуги из-за гендерной, расовой, языковой принадлежности. Однако, существуют не прямые формы исключения, от которых также, как правило страдают члены наиболее уязвимых групп. Некоторые из этих форм имеют отношение к темпоральной несправедливости. Ее преодоление видится важным элементом социальной миссии науки как деятельности, связанной с генерацией нового и пересмотром старого знания, а также с разработкой новых технологий.

Предлагается выделить четыре аспекта темпоральной справедливости через использование двух линий дистрибуции. Справедливость может быть дистрибутивной и недистрибутивной в зависимости от того, идет ли речь о распределении временных ресурсов или о признании иных темпоральностей. Также темпоральная справедливость может быть синхронной или диахронной в зависимости от того, идет ли речь о преодолении ассиметрий между одновременно живущими или между живущими ныне и будущими поколениями. В заключении предлагается применить ролзовскую концепцию допустимого неравенства к определению миссии науки в связи с темпоральной справедливостью.

Ключевые слова: темпоральная справедливость, межпоколенческая справедливость, будущее, эпистемическая справедливость, равенство в академии, представительство

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 (продление), <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>

SCIENCE AND (INTER)TEMPORAL JUSTICE

Shevchenko Sergey Yurievich

Ph.D. in Philosophy, researcher

Russian Society for History and Philosophy of Science

E-mail: simurg87@list.ru

Classic examples of injustice in the academy involve exclusion or failure in acknowledgment because of gender, race, or language. However, there are indirect forms of exclusion that also tend to affect members of the most vulnerable groups. Some of these forms have to do with temporal injustice. Its eradication is seen as an important element of the social mission of science as an activity related to the production of new and revision of old knowledge, as well as to the development of novel technologies.

I highlight four aspects of temporal justice using the two lines of distinction. Justice can be distributive and non-distributive, depending on whether it is about the distribution of temporal resources or the recognition of other temporalities. Also, temporal justice can be synchronic or diachronic, depending on whether it is about overcoming asymmetries between concurrently living or between current and future generations. I conclude by proposing to apply the Rawlsian concept of acceptable inequality to the definition of the mission of science in relation to temporal justice.

Keywords: temporal justice, intergenerational justice, future, epistemic justice, equality in the academy, representation

Рассуждая о науке и справедливости, философы и социальные исследователи как правило говорят о структурном неравенстве [Hess et al. 2016]. С ним связывается разная оценка заслуг ученых в зависимости от гендера или расы, отсутствие сопоставимого доступа к знаниям, образованию, финансированию и возможности публиковать свои работы [Kozlowski et al. 2022]. В этом отношении наука предстает зеркалом других существующих социальных институтов и политических порядков [Хие 2014]. Однако при таком понимании структурного неравенства вне фокуса внимания остается специфика науки как организованной деятельности по производству и распределению знания. А такая деятельность связана с несколькими видами темпоральных ассиметрий – процессами и отношениями, в которых неравенства так или иначе связаны со временем.

Во-первых, сама генерация – и генерализация – знания предполагает, что сегодня мы располагаем иным знанием, чем обладали вчера. При этом сегодняшнее генерализованное знание всегда остается уязвимым перед завтрашними событиями, способными привести к его пересмотру или к отказу признавать его знанием [Reed 2002]. Во-вторых, полученное знание, находит свое «воплощение» не только в образовательных курсах или академических текстах, но и в новых технологиях. Информационные, социальные и биомедицинские технологии способны закреплять или существующие виды неравенства, а также генерировать новые ситуации, в которых проявляется такое неравенство. Отдельно стоит отметить, что цифровые технологии могут также усугублять несправедливость в сфере образования [Gleason, Heath 2021]. В-третьих, и производство, и распределение знания требуют специальной образовательной подготовки, требующей значительных временных затрат. В зависимости от места проживания, социального положения и гендерной идентичности люди обладают разным бюджетом времени, которое можно затратить на академическую подготовку и занятие наукой [Toren 1993].

Разумеется, наука как особая сфера деятельности не является ни единственным, ни основным источником неравенств, связанных со временем. Скорее, как и в случае с другими аспектами академического неравенства оно окажется продолжением – а часто и результатом – более фундаментальных форм несправедливости. При этом связь науки и справедливости предстает гораздо более многогранной, чем проблема равного доступа

к некоторым социальным благам или инклюзивность существующих социальных институтов.

Ниже мы очертим четыре достаточно генерализованных аспекта темпоральной справедливости – справедливости связанной как с распределением временных ресурсов, так и с инклюзией агентов с разными временными горизонтами. После этого мы наметим возможную роль науки в достижении темпоральной справедливости.

Четыре аспекта справедливости могут быть выделены благодаря двум линиям дистинкции. Темпоральная справедливость может относиться к агентам существующими или не существующим сегодня, то есть осуществляемой синхронно или диахронно, а также быть дистрибутивной и не-дистрибутивной. Существуют иные способы картировать темпоральный аспект справедливости. Они также отталкиваются от различия дистрибутивной и иных видов справедливости, но эти дистинкции осуществляются в рамках индивидуалистской перспективы [Askerman 1997]. Для отдельного рассмотрения предлагается оставить вопросы о том, ограничивается ли в этом случае не-дистрибутивная справедливость процедурной, и насколько полно мы можем истолковать эпистемическую несправедливость как процедурную [Dieleman, 2015].

Следующие ниже два аспекта справедливости связаны с распределением временных ресурсов. Первый – с синхронным распределением свободного (дискреционного) времени среди одновременно живущих людей, а второй – с диахронным распределением временных ресурсов между представителями разных поколений.

Синхронный дистрибутивный аспект характеризуется распределением временных ресурсов среди живущих одновременно агентов. В этом случае, даже если неравенство может быть охарактеризовано через каузальную асимметрию, то такая асимметрия не связана со временем, поскольку агенты существуют синхронно. То есть Боб может повлиять на Анну, а Анна не может повлиять на Боба не потому, что Анна живет после Боба, а, например, из-за специфики их гендерных ролей в определенном культурном сообществе. Мать-одиночка, принадлежащая к маргинализуемой группе, и бездетный мужчина из верхнего среднего класса будут обладать разным бюджетом времени, что сказывается на легкости их доступа к ресурсам академии [Goodin 2010].

Диахронная дистрибуция времени включает в сферу рассмотрения будущие поколения. Происходящее истощение природных ресурсов, связанных с экстрактивным типом их использования и применением соответствующих технологий, может поставить будущие поколения в сжатые временные рамки для разработки более устойчивых научно-технических решений [Прокофьев 2013].

Не-дистрибутивные аспекты связаны с тем, что время невозможно свести только к измеримому ресурсу, которым люди могут быть наделены более или менее справедливым образом. В случае с диахронной проблемой прав и интересов будущих поколений темпоральная специфика проблемы связана с коллективной версией проблемы не-идентичности. Ее суть заключается в том, что мы не знаем, каковы будут предпочтения агентов, которые появятся в будущем. Однако от наших текущих действий зависит не только объем ресурсов, которыми они могут располагать, но и во многом то, кто именно будет существовать в будущем. Рассуждая о правах и (вероятных) интересах будущих поколений, невозможно ограничиться только межвременным распределением ресурсов – например, полезных ископаемых. Сохранение биоразнообразия и культурного наследия прошлых поколений могут быть полнее описаны в рамках процедурной, а не дистрибутивной справедливости [Wallack 2006]. В этом случае справедливость текущих действий оценивается не исходя из распределения некоторого пула ресурсов, а, в самом простом случае, как минимизация вмешательства в жизнь

отдельных экосистем и сохранение культурных сообществ. Непосредственно темпоральный контекст **диахронной недистрибутивной справедливости** заключается в том, что будущим поколениям будет предоставлен не менее разнообразный и более свободный, чем сегодня, выбор возможных ритмов жизни, различных вариантов жизненных циклов и этапов. Среди прочего это предполагает сохранение всего культурного разнообразия темпоральных перспектив, а также возможность сосуществования иных типов времени, кроме астрономического, при воплощении долгосрочных инженерных решений.

С этим же аспектом множественности темпоральностей связан **синхронной не-дистрибутивный аспект** справедливости. Проявления соответствующих неравенств может быть обнаружена и непосредственно в литературе, посвященной правам будущих поколений. Часто тексты о текущих экологических проблемах и сценариях развития человечества исходят из понимания общего универсализованного настоящего, в котором все живущие существуют в одной темпоральности и обладают одинаковым временным горизонтом. Тем самым проигнорированными оказываются синхронно обнаруживаемое разнообразие временных циклов. Эту форма исключения других перспектив можно описать как одну из форм эпистемической несправедливости [Valkenburg 2022].

Как было отмечено во втором абзаце текста, связанность науки с темпоральными асимметриями может формировать условия для разных форм и видов несправедливости. Однако понимание науки как социальной и политической репрезентации способно сгладить последствия разного рода асимметрий. Идея Бруно Латура о парламенте существ [Latour 2005] продолжается в диахроническом ключе как политическое представительство будущих поколений в системе власти ряда стран [Tremmel 2006]. Попытка совместить межвидовое и межпоколенческое представительство предпринята в рамках проекта «голографической эпистемологии» [Gibson 2022].

Вместе с тем такое понимание миссии ученого не является феноменом последних лет или десятилетий. Идеи немецкого врача XIX века, родоначальника клеточной патологии Рудольфа Вирхова о социальной медицине, явились отражением более ранних исследований французских гигиенистов и были популярны в ученой среде в том числе и в России [Шевченко 2022]. А огромная роль Вирхова в формировании современного санитарного облика Берлина свидетельствует о том, что осуществляемое им представительство было направлено и на благо будущих поколений.

В этой связи вполне в духе ролзовского понимания справедливости можно сказать, что представители академии, обладающие большими темпоральными ресурсами, способны затратить часть из них на представительство тех, чей временной бюджет более ограничен, кому сложно интегрироваться в «мейнстримные» жизненные ритмы, а также тех, кто еще не существует.

Список литературы

1. Прокофьев 2013 – Прокофьев А. В. Защита интересов будущих поколений: теория и практика // Человек. 2013. №. 5. С. 5-20.
2. Шевченко 2022 – Шевченко С.Ю. Рудольф Вирхов и эпидемиологическое благополучие как антропоэкологическое понятие // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 158–174.
3. Ackerman 1997 – Ackerman B. Temporal horizons of justice // The Journal of Philosophy. 1997. Vol. 94. Issue 6. P. 299-317.
4. Dieleman 2015 – Dieleman S. Epistemic justice and democratic legitimacy // Hypatia. 2015. Vol. 30. Issue 4. P. 794-810.

5. Gibson 2022 – Gibson J. D. Holographic Ethics for Intergenerational Justice: Planetary Politics through the Prism // *Environmental Philosophy*. 2022. Vol. 19. Issue 2. P. 141-162.
6. Gleason, Heath 2021 – Gleason B., Heath M. K. Injustice embedded in Google Classroom and Google Meet: A techno-ethical audit of remote educational technologies // *Italian Journal of Educational Technology*. 2021. Vol. 29. Issue 2. P. 26-41.
7. Goodin 2010 – Goodin R. E. Temporal justice // *Journal of Social Policy*. 2010. Vol. 39. Issue 1. P. 1-16.
8. Hess et al. 2022 – Hess D. J. et al. Structural Inequality and the Politics of Science and Technology // *The Handbook of science and technology studies*. 2016. P. 319-47.
9. Kozłowski et al 2022 – Kozłowski D. et al. Intersectional inequalities in science // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 119. Issue 2. P. e2113067119.
10. Latour 2005 – Latour B. From realpolitik to dingpolitik // *Making things public: Atmospheres of democracy*. 2005. P. 14-44.
11. Reed 2002 – Reed B. How to think about fallibilism // *Philosophical studies*. 2002. Vol. 107. P. 143-157.
12. Tremmel 2006 – Tremmel J. C. Establishing intergenerational justice in national constitutions // *Handbook of intergenerational justice*. 2006. P. 187.
13. Toren 1993 – Toren N. The temporal dimension of gender inequality in academia // *Higher Education*. 1993. Vol. 25. Issue 4. P. 439-455.
14. Wallack 2006 – Wallack M. Justice between generations: the limits of procedural justice // *Handbook of intergenerational justice*. 2006. P. 86-105.
15. Valkenburg 2022 – Valkenburg G. Temporality in epistemic justice // *Time & Society*. 2022. Vol. 31. Issue 3. P. 437-454.
16. Xie 2014 – Xie Y. “Undemocracy”: inequalities in science // *Science*. 2014. Vol. 344. Issue 6186. P. 809-810.

Часть 12. Конфликт и управление в городских и региональных практиках

УДК 316

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ КОММЕМОРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ*

Козлова Юлия Владиславовна

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Iris08@yandex.ru*

В докладе раскрывается содержание актуальных направлений развития социальной урбанистики как области науки и практики, а так же значение и формы сохранения культурного наследия в городском пространстве. Акцентируется значение коллективной памяти в предметной и пространственно-символической системе города, ее роль в индивидуальной и групповой идентификации. Рассматриваются основные виды урбанистических коммемораций и их отличительные особенности. Дается оценка возможностей и опасностей консолидации социальных общностей средствами городских коммемораций. Характеризуются перспективные направления теоретических и прикладных исследований в этой области, возможности междисциплинарных подходов и интеграции профессиональных сообществ для их дальнейшей разработки.

Ключевые слова: социальная урбанистика, коллективная память, локальная идентичность, городские коммеморации, проблемы урбанистических коммемораций

URBANISTIC COMMEMORATIONS: FEATURES OF INTERNAL CONTRADICTIONS

Kozlova Yulia Vladislavovna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University
E-mail: Iris08@yandex.ru*

The report reveals the content of current trends in the development of social urbanism as a field of science and practice. The significance and forms of preservation of cultural heritage in urban space are revealed. The importance of collective memory in the subject and spatial-symbolic system of the city, its role in individual and group identification is emphasized. The main types of urbanistic memorials and their distinctive features are considered. The assessment of opportunities and dangers of consolidation of social communities by means of urban memorials is given. Promising areas of theoretical and applied research in this field, the possibilities of interdisciplinary approaches and the integration of professional communities for their further development are characterized.

Keywords: social urbanism, collective memory, local identity, urban commemorations, problems of urban commemorations

Урбанистика в нашей стране представляет собой сложную и многогранную область, включающую исследовательскую, проективную и управленческую деятельность. Создание комфортной и безопасной городской среды в последние годы

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

является рамочной задачей, решение которой затрагивает потребности и интересы жителей, развитие инфраструктуры и экономики малых и больших городов. Сложно представить стратегии развития современного города без создания новых районов, городов-спутников и технологичных городов, развития инфраструктуры, строительства жилых и коммерческих объектов, создания экопарков и инновационных зон. Другим направлением является реорганизация существующих городских территорий, в том числе работы по благоустройству и реконструкции общественных пространств, реставрации и сохранению культурного наследия, демонтажу и перестройке объектов промышленности.

Защита культурного наследия, таким образом, представляет собой задачу, которую приходится решать в комплексе с формированием законодательной базы городского развития, разработкой и реализацией городских стратегий и программ развития. Для ее решения необходимо определить в чем состоит коллективная память города, в каких формах выражается в пространственной и символической среде.

Процессы, связанные с сохранением и применением исторических, культурных и социальных памятников и значимых событий – это социальные коммеморации. Городские сообщества выступают как коллективный субъект значимых переживаний, наряду с другими общественными группами, макрорегионами и государствами. Можно сказать, что активные участники городской жизни применяют физические городские объекты (места памяти, культурно значимые пространства, памятники и исторические зоны) для того, чтобы прожить, сохранить, интерпретировать и передать в будущее важные переживания и обобщающие их смыслы. В процессе формирования и поддержания локальной идентичности [Castells 1997], трансляции идеологии, создания мотивации для решения общих задач, роль городских коммемораций лишь укрепляется от одного периода развития к другому. Помимо привлечения внимания к историко-культурным объектам, содержания коллективной памяти позволяют систематизировать общее социальное пространство и время, связать их общей целью. Праздники, памятные даты, массовые мероприятия, гражданские инициативы планируются именно в контексте тех иконических образов города, которые на данный момент наиболее актуальны или должны по какой-то причине актуализироваться.

Среди урбанистических коммемораций условно можно выделить: а) конъюнктурные б) функциональные в) событийные.

Конъюнктурные коммеморации наиболее пригодны для пропаганды и политических манипулятивных коммуникаций. С одной стороны, они являются одной из форм социального контроля, выражения и поддержания гражданской позиции. Функциональные же (открытие городских объектов, памятных знаков, проведение массовых мероприятий, выставок) способствуют актуализации исторической памяти. Событийные коммеморации могут быть посвящены конкретным выдающимся личностям или памятным датам, и прежде всего нацелены на создание определенного контекста, общественного настроения.

Исследования урбанистических коммемораций [Харви 2019], [Латур 2014] подчеркивают, что город манифестирует ценности, отношения, оценки, являясь для жителей тем самым пространством общественных практик, в котором события и процессы оцениваются вне времени, «с позиции вечности». Причем для этого не требуется каких-то особых усилий, достаточно стать непосредственным или виртуальным участником городских практик.

Существуют исследования, которые изучают урбанистические коммеморации с позиции возможности создания условий для «креативного этоса» [Florida 2008]. А также как форму, значение которой растет в момент перехода от потребления как основной

социальной практики к повышению качества городского образа жизни и его обогащения [Ллойд 2010].

Стоит отметить, что исследование урбанистических коммемораций требует совместной работы музейных и архивных центров, деятельности общественных организаций и профессиональных сообществ в целом в контексте города.

Урбанистические коммеморации – это процесс сохранения и передачи исторических памятников, мемориалов и наследия городов. Они могут быть теоретическими (концептуальными) или практическими (конкретными) проблемами, которые влияют на способность города сохранять свою историческую и культурную ценность [Козлова2022]. Для теоретического исследования в этой области необходимо определить:

- какие философские проблемы, связаны с тем, что именно является ценностью для городов, и как эта ценность может быть сохранена;

- какие социальные факторы детерминируют конфликты между разными группами людей на поводу сохранения исторических памятников или предписанных по отношению к ним общественным практик;

- на каких основаниях происходит выбор стиля и формата работы с историческими памятниками.

Вместе с тем, существуют административные, ресурсные, технологические и ландшафтные проблемы практического порядка, которые приходится решать для сохранения исторической целостности и функциональности города [Глухова 2021].

Трендами формирования актуальных городских коммемораций являются: возрастающая интерактивность, вовлечение в познание и совместные действия; взаимосвязь с развитием дизайна и технологий создающих новые материалы, передовые конструкции; социальная активность, включающая дискуссии, общественные инициативы, волонтерство и другие проявления гражданской активности; разнообразие форм, среди которых кроме памятников и мемориалов – граффити, мозаики, фрески; объекты, связанные с событиями настоящего (глобальные проблемы, права человека, инклюзии)

Противоречия урбанистических коммемораций могут быть разнообразными и зависят от контекста конкретного города, но наиболее актуальными являются следующие:

1. Искажение истории: в некоторых случаях урбанистические коммеморации могут представлять одностороннюю или недостаточно точную версию исторических событий. Это может привести к искажению истории и привнесению некорректной информации в общественный дискурс.

2. Плюрализм памяти: в современном мире существует множество культур, национальностей и религий. Однако, в некоторых случаях, урбанистические коммеморации могут отражать только одну или несколько групп, не учитывая плюрализм памяти. Это может вызывать конфликты и недовольство у тех, кто не представлен.

3. Иконизация памяти: вместо того, чтобы отражать сложность и многообразие истории, урбанистические коммеморации могут превратиться в иконизацию и упрощение прошлого. Это может привести к сохранению стереотипов и неспособности общества принимать различия и изменения.

4. Политическое использование: урбанистические коммеморации могут быть использованы для политических целей, что может привести к усугублению конфликтов или неравенства в обществе.

5. В некоторых случаях урбанистические коммеморации скрывают урбанистические проблемы, такие как бедность, безработица или дискриминация. Это отвлекает внимание общества от более существенных проблем.

Список литературы

1. Глухова 2021 – Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 239-252.
2. Козлова 2022 – Козлова Ю.В. Социальная справедливость в контексте эпистемологической урбанистики // Russian Studies in Culture and Society. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 59-73
3. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с.
4. Ллойд 2010 – Ллойд Р., Кларк Т.Р. Город как машина развлечений // Вестник Удмурдского университета. Вып. 1. 2010. С. 33–44.
5. Харви 2019 – Харви Д. Право на город / Пер. с англ. и коммент. М.А. Котлярова. – Екатеринбург, 2019. – 36 с.
6. Castels 1997 – Castells M. The power of identity. – Cambridge, Mass.: Blackwell, 1997.
7. Florida 2008 – Florida R., Mellander C., Stolarick K. Inside the Black Box of Regional Development – Human Capital, the Creative Class and Tolerance // Journal of Economic Geography. – 2008. – № 615–649.

УДК 338:91

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Кузнецова Ольга Владимировна

*Кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков
Иркутский государственный университет
E-mail: kuznetsova1@mail.ru*

Кремнёв Евгений Владимирович

*Кандидат социологических наук, заведующий кафедрой
Иркутский государственный университет
E-mail: kremnyov2005@mail.ru*

В статье резюмируются некоторые ключевые подходы по выделению моделей развития научного знания. В рамках подхода теории научных революций выдвигается тезис о том, что регионология как наука находится на этапе трансформации, вызванной сменой парадигмы, объясняется концепция трансдисциплинарной регионологии как наиболее адекватный современной научной и социально-культурной картине мира ответ на назревший конфликт в данной научной сфере; обосновывается необходимость использования трансдисциплинарного подхода, как из-за внешних, так и внутренних факторов; называются причины назревшего в XXI веке кризиса в регионологических исследованиях.

Ключевые слова: трансдисциплинарная регионология, трансдисциплинарность, регион, научная революция, система наук, регионологическое знание, регионоведение, кумулятивная модель

TRANSDISCIPLINARY REGIONOLOGY: EVOLUTION AND REVOLUTION IN REGIONOLOGICAL KNOWLEDGE

Kuznetsova Olga Vladimirovna

CSc in Philology, Dean of the Faculty of Foreign Languages

Irkutsk State University

E-mail: kuznetsova1@mail.ru

Kremnyov Evgenii Vladimirovich

CSc in Sociology, Head of Department

Irkutsk State University

E-mail: kremnyov2005@mail.ru

The article briefly summarizes some key approaches to identifying models for the development of scientific knowledge, according to the theory of scientific revolutions, the problem of the entry of regionology as a science into the period of the regional research paradigm transformation is considered, and the concept of transdisciplinary regionology is formulated as the most adequate response to the urgent scientific and socio-cultural picture of the world, conflict in this scientific field, the need to use a transdisciplinary approach is substantiated both due to external and internal factors, and the reasons for the crisis in regional studies that have matured in the 21st century are given.

Keywords: transdisciplinary regionology, transdisciplinarity, region, scientific revolution, system of sciences, regionologic knowledge, area studies, cumulative model

Безусловно, в процессе развития научного знания возникают отдельные этапы, которые связаны с изменением стратегий исследования, так называемые научные революции. Имеющиеся научные основы гарантируют рост знаний до тех пор, пока система изучаемых объектов соответствует действующей картине мира и методы исследования коррелируют со сложившимися стандартами. Однако с развитием науки могут появиться новые типы объектов, которые требуют другого видения реальности и изменения методов познания. Соответственно развитие любого научного знания подразумевает изменение научных основ. Например, с появлением новых технологий, наука может расширять свои возможности и открывать новые области исследования. Кроме того, научные открытия могут привести к изменению общественных убеждений и привычек.

Как известно, представляется возможным обнаружить ряд моделей, согласно которым может быть исторически реконструировано развитие науки, а именно: кумулятивная модель, модель научных революций и модель case-study. Кумулятивная модель появилась первой и продолжает оставаться самой частотной, согласно данной модели под развитием научных знаний понимается процесс их поступательного накопления [Платонова, 2017, с. 63].

При анализе истории развития регионологического знания, бесспорно, четко прослеживается кумулятивная составляющая. А на начальных этапах становления этой научной области данная функция была ключевой, это объясняется и тем, что сами основы этого направления исследований – образцы описательной географии, занимающейся изучением новых, неизведанных территорий – предполагают скрупулезное накопление разнообразных знаний о территориальной общности. Регионология в целом долгое время ошибочно соотносилась исключительно с накоплением и систематизацией данных о регионе, иными словами, с организацией регионального знания, характерного, в частности, для страноведения. Тем не менее, по нашему мнению, в понятии «регионология», в отличие от регионоведения, часть «логос» акцентирует наличие именно научного знания, научного начала, подчеркивает

присутствие логики и духа науки, показывая тем самым ее отличие от процесса накопления фактов и данных, систематизации и организации знания о регионе [Кремнёв, 2020, с. 11].

В XX век можно назвать тем переломным моментом, когда ученые начинают демонстрировать всё более явный интерес к альтернативным способам развития науки, в данном случае мы в первую очередь подразумеваем именно научные революции. Говоря об этой модели, мы не можем не упомянуть выдающегося американского философа Т. Куна: появление в 1962 году его фундаментальной работы «Структура научных революций» стало значительным событием в социологии знаний [Платонова, 2017, с. 63].

Однако добавим, что французский историк науки А. Койре еще в 30-е гг XX в. стал одним из первых провозглашать, что «великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций» [Койре, 2003, с. 14-15].

В дальнейшем тезис о том, что наука – это не только процесс аккумуляции знаний, получает все большее развитие. К примеру, Кун выдвигает тезис, что кроме распространенной кумулятивной модели развития в науке неизбежно обнаруживаются абсолютно иные направления [Кун, 1977, с. 19]. Автор не умаляет роли кумулятивной модели: всё происходящее в её рамках составляет базу «нормальной науки» – периода господства определенной научной парадигмы. К «нормальной науке» не относятся переломные открытия и изменения научной парадигмы, однако их появление в науке закономерно и неизбежно [Там же, с. 287].

Таким образом, в ходе научной революции исследователи могут столкнуться с появлением иных трактовок основополагающих научных результатов и достижений. Важно и то, что новая парадигма занимает главенствующую роль благодаря тому, что ее адепты имеют в наличии больше ресурсов и возможностей, в том числе экономических и политических [Платонова, 2017, с. 64].

Любопытные рассуждения находим у американского историка и социолога науки С. Шейпина, который полагает, что революции прежде всего происходили именно в науке, и только позднее стали более распространены в области политической деятельности: «...Понимание революции как эпохальной и необратимой перемены, скорее всего, сначала утвердилось, приняв форму систематической оценки, в науке, а потом уже было перенесено как структура опыта на политические события. Поэтому мы смеем сказать, что первыми революциями были научные...» [Шейпин, 2015, с. 318].

Обратимся к работам отечественного специалиста В.С. Степина. Он выделяет четыре глобальные научные революции. Однако ученый считает, что переход от одной парадигмы к другой происходит плавно, на более глубинном уровне такой переход обуславливается сменой самих установок познания, идеалов и норм науки. [Степин, 2003, с. 556].

Таким образом, подходы А. Койре, Т. Куна, В.С. Степина и некоторых других авторов, несмотря на определенные различия, к примеру, плавный переход от одной парадигмы к другой у Степина и коренную ломку, трансформацию научной парадигмы у Куна, подводят происходившие научные события под одну схему [Платонова, 2017, с. 64].

Мы полагаем, что в настоящее время регионология вступила в период «экстраординарной науки». Тенденции изменения парадигмальной теории в регионологии соотносятся с логикой научных революций, представленной в трудах Т. Куна и В. С. Степина. Безусловно, регионология, как все социальные науки, мультипарадигмальна, что зачастую и приводит к кризисным ситуациям в научных исследованиях – региональные исследования преимущественно междисциплинарны. Исследователь вынужден работать не только с несколькими парадигмами, но и

с категориями, выработанными в ряде наук с разными парадигмальными основаниями. Однако проведенный анализ тенденций в современных исследовательских стратегиях позволяет утверждать: в данный момент происходит формирование главенствующей парадигмы в исследованиях, занимающихся изучением регионов – трансдисциплинарной [Кремнёв, 2020, с. 138].

На наш взгляд, данный подход, в рамках которого нам видится будущее регионологии в выборе трансдисциплинарной парадигмы, будет способствовать развитию следующих направлений. Во-первых, акцент делается на интегративном характере науки, объединяющей имеющиеся и на основе этого объединения генерирующей новые знания и позволяющей выявить новые закономерности в развитии регионов. Во-вторых, особое внимание будет уделяться изучению своеобразия и закономерностей развития регионов, именно на этом в значительной степени должна сосредоточить свое внимание трансдисциплинарная регионо-логия. Поскольку одно из ключевых противоречий современных сравнительно-сопоставительных методов и попыток экстраполировать опыт одних регионов на опыт других заключается в том, что на данный момент есть недостаточное понимание своеобразия регионов, закономерностей их развития и того, как эти категории соотносятся друг с другом, безусловно, базовой целью является разграничение тех характеристик, которые являются сугубо своеобразными для развития региона вне зависимости от того, идет ли речь, к примеру, об отдельных регионах России, о регионоведении России в целом, зарубежном регионоведении или о регионах, представляющих собой некое межнациональное единство. Третьим значимым аспектом является упоминание комплексной теоретико-методологической базы, что предполагает использование не только методов различных наук, выработанных в рамках основных научных парадигм, но и включение опыта изучаемых регионов.

Объектом регионологии является регион, под которым можно понимать условно выделенную исследователем территорию для изучения в рамках конкретного исследования. Безусловно, при таком подходе диапазон изучаемых явлений чрезвычайно широк и отдельную значимость приобретает изучение степеней условности региона.

Использование именно трансдисциплинарного подхода в регионологии отражает современную общую картину мира. В настоящее время в сфере региональных исследований всё более отчетливо обозначаются проблемные блоки, эффективный анализ которых невозможен с помощью имеющихся парадигм региональных исследований. Мировые процессы, характеризующиеся стремительностью и турбулентностью, вынуждают специалистов заниматься развитием более гибкого адаптивного знания о регионе, нежели исключительно систематическое накопление фактов о нем (что было принято, например, в страноведении и краеведении). Кроме того, становится очевидно, что необходимость применения именно этой новой парадигмы в регионологии можно объяснить еще одной тенденцией – сам регион как система приобретает всё большую сложность.

Одним из наиболее отчетливых признаков необходимости смены парадигмы явился концептуальный кризис в региональных науках, обнаружившийся к началу XXI в. и широко описанный в специальной литературе.

Представляется, что эволюционные процессы в данной научной области будут способствовать тому, что базовые категории и вопросы получат уточнение благодаря появлению универсальной парадигмы, что позволит сфокусировать усилия на дальнейшей разработке понятийно-категориального аппарата регионологии и решении насущных задач, стоящих перед исследователями, обеспечивая тем самым постоянное развитие регионального знания. Таким образом, именно институционализация трансдисциплинарной регионологии может стать эффективным ответом на

определенный кризис в региональных исследованиях, наблюдающийся в последнее время, и отсутствие единого подхода в том числе и в терминологическом плане.

Список литературы

1. Койре, 2003 – Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). М.: Эдиториал УРСС, 2003. 272 с.
2. Кремнёв, 2020 – Кремнёв Е.В., Кузнецова О.В., Лесниковская Е.В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 155 с.
3. Кун, 1977 – Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
4. Платонова 2017 – Платонова С.И. Научные революции и социальные науки // Наука. Мысль. 2017. № 1-3. С. 63-67.
5. Степин, 2003 – Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
6. Шейпин, 2015 – Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. 576 с.

УДК 316.7

КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

Кузьмин Владимир Денисович

Аспирант

Московский городской педагогический университет

E-mail: nothingtohave88@gmail.com

В статье рассматривается внутренний конфликт содержания и генезиса понятия «миграция» как феномена социогуманитарного знания. Изучается смысловое поле феномена «миграция» с точки зрения интегрированного философско-социологического подхода, а также анализируются основные теоретические концепции мировой миграционной политики с позиции современных философских концепций.

Ключевые слова: философия, социология, миграция, идентичность, интеграция, культура

CONFLICTS OF MODERN MIGRATION CONSCIOUSNESS

Kuzmin Vladimir Denisovich

Graduate student

Moscow City University

E-mail: nothingtohave88@gmail.com

The article examines the content and genesis of the concept of "migration" as a phenomenon of socio-humanitarian knowledge. The semantic field of the phenomenon of "migration" is studied from the point of view of an integrated philosophical and sociological approach, and the main theoretical concepts of world migration policy are analyzed from the perspective of modern philosophical concepts.

Keywords: philosophy, sociology, migration, identity, integration, culture

На протяжении всего существования мира миграционные процессы выступают главной формой исторической и социальной динамики. Современные процессы глобализации, увеличивающиеся миграционные потоки на фоне расширения международных контактов актуализируют феномен «миграция», закономерно порождая новые конфликты современного миграционного сознания. Все это обуславливает возрастающий интерес к его изучению.

Понятие «миграция» происходит от латинского «migro», что значит «переходить, переезжать, переселяться в другое место», «меняться, изменяться» [Дворецкий, 1976, web]. В русский язык вошло в середине XIX века из французского «migration» в значении “Déplacement, généralement saisonnier, qu'accomplissent certaines espèces animales (oiseaux, poissons...” – «переселение, передвижение животных, птиц, рыб из одного ареала обитания в другой» [LeRobert, web]. В дальнейшем значение слова расширилось и распространилось на сферы деятельности человека: его перемещение внутри страны и за ее пределы, экономику, финансы, технологии.

Различные формы миграции, характерные для природы, общества, культуры, сознания, изучаются естественными науками, такими как генетика, химия, биология, медицина, демография. Перемещению подвержены гены, клетки, хромосомы, в физике – атомы, ионы, частицы, в биологии – животные, птицы. Мигрируют идеи, программы, концепции, понятия. Таким образом, миграция, как понятие и процесс, является предметом исследований различных дисциплин с целью выявления причин миграционных процессов и их закономерностей. Однако всю сложность и многообразие данного феномена можно объяснить только на основе социально-философского изучения.

Миграционные процессы имеют сложные социальные характеристики и являются объектом изучения различных наук. Они вызваны объективными факторами, такими как конкретные исторические и национальные условия жизни стран, экономическая и политическая среда, а также субъективные ситуации, которые трудно предсказать.

Миграция включает в себя разные факторы человеческой жизнедеятельности – социальные, духовные, экономические, психологические и исторические. Осмысление этих взаимозависимостей в контексте сохранения социальной связности и становления цивилизации будущего определяет современный концепт социально-философского анализа миграционных потоков.

В рамках социально-философского анализа миграция рассматривается как форма исторического и социального развития индивида или социальной группы в результате пространственного или временного перемещения с учетом многообразия разноплановых факторов, формируя эмпирическое знание и форма перемещения квазисубъектов [Касавин 2018, с. 8–18] в различных науках (атомов, клеток, финансов и т.д.). Дискурсивный анализ понятия в процессе его развития раскрывает категориальный статус миграции в рамках ключевых событий деятельной сущности человека и развития общества. Многогранность смыслового содержания концепта объясняет отсутствие единого мнения в определении понятия «миграция» в социально-философском дискурсе. Еще в 1978 году Л.Л. Рыбаковский отмечал, что ни одно понятие ни в одной науке не имеет такое количество трактовок, как миграция.

По мнению ученых В.А. Ионцева и Ю.В. Прохорова насчитывается около 30 определений «миграции». Классификация основных направлений, анализирующих данный феномен, насчитывает 45 научных подходов, базирующихся на экономическом, социологическом, чисто миграционном, демографическом, историческом, типологическом, политическом подходах [Ионцев 1999, с. 15–21]. В рамках философского анализа понятие «миграция» объединяет две философские категории – предметную и пространственную, одновременно в онтологии человека, системе

и структуре его деятельности, общественной жизни, в функционировании и развитии основных сфер общественной жизни.

Таким образом, миграция – это не просто процесс, отражающий демографические изменения в обществе, а «разнообразное и многоплановое явление» [Ионцев 2014, с. 84], требующее особого осмысления в контексте существования современного общества, сохранения национальной идентичности, государственной целостности, становлении будущей цивилизации.

По своей сути миграция имеет конфликтогенную природу, предполагающую неудовлетворенность индивида онтологическими рамками событий, тягу к переменам и, как следствие, поиск новых путей. В рамках социально-философского знания понятие миграции включает историческую и социальную формы антропогенеза индивида или социальной группы в результате пространственного или временного перемещения с учетом многообразия разноплановых факторов. В рамках исторического подхода рассматривается история миграционного движения, в процессе которой раскрывается роль и значение миграции для человека, его антропогенеза, развития государств, становления мира в целом. Миграция сопровождала человека с момента его происхождения. Миграция помогла человеку трансформироваться из примата, приобрести прямую спину, ровный лоб, расправить плечи. Переход Моисея через Синайскую пустыню с целью постичь счастье и свободу на Земле Обетованной и освободить израильтян из под гнета Египетского фараона. Нашествие варваров на Римскую империю в IV - V веках, масштабные переселения в эпоху Средневековья, массовые перемещения по территории Европы, Америки и России. Миграция населения России в годы Гражданской войны 1918 года вынудила искать пристанища в других землях более 3 млн людей. Принудительная депортация этнических меньшинств народов СССР с целью обеспечения государственной безопасности. С середины 1930-х годов евреев, эстонцев, греков, украинцев, сванов переселяли из родных мест в Таджикистан, Казахстан, Западная Сибирь, Кавказ. Особенно жесткой депортации подверглись приграничные районы западных и восточных границ СССР. Великая Отечественная война вызвала всесоюзное вынужденное переселение «провинившегося народа» [Лайдего 2022, web].

В смысловое поле концепта «миграция» очень хорошо вписывается понятие «репатриация». Соседство двух концептов ярко прослеживается в рамках исторического антропогенеза армянского народа. Репатриация (возвратная миграция) для самого индивида имеет вынужденный характер и вызван скорее неудовлетворением условиями работы и проживания в эмиграции, чем притягивающими экономическим и социальным факторами жизни своей страны.

Стоит отметить, для самого государства возвращение мигрантов на родину носит положительный характер. Приток рабочей силы, финансов способны привести к повышению уровня жизни, что в свою очередь создаст условия для решения социально-психологических задач. Единицей анализа концепта «миграция» в рамках социологического дискурса служит индивид – мигрант, «человек мигрирующий», вовлеченный в отношения с факторами влияния

В рамках смыслового поля необходимо рассмотреть смежные понятия: «миграция», «эмиграция» и «иммиграция». Понятие миграции первоначально использовалось учеными-орнитологами и обозначало перемещение птиц. В дальнейшем значение стало применяться в отношении перемещающегося человека. Соответственно «мигрант» – перемещающийся на новое место жительства. Образованные от «миграции» понятия – «эмиграция» и «иммиграция». Первое – «эмиграция» раскрывает процесс покидания, выезда, соответственно «эмигрант» – тот, кто выезжает. Соответственно, «иммиграция» – процесс въезда, очевидно, что «иммигрант» – тот, кто приехал.

Процесс «интеграции» в социум принимающей стороны, так же как и обратный процесс «реинтеграции» мигрантов в страну происхождения являются комплексными процессами. Их результат зависит от уровня развития правовых механизмов в обществе и миграционного опыта самого репатрианта. Процессы интеграции и реинтеграции мигранта в общество страны обязательно включают его участие в социальной, культурной, экономической и политической жизни.

Несмотря на огромное количество мнений относительно данной проблематики, все науки сходятся в одном: «миграция» – это стремление человека к самопознанию, вследствие стремления к новому, лучшему. Несмотря на огромное количество мнений относительно данной проблематики, все науки сходятся в одном: «миграция» – это стремление человека к самопознанию, вследствие стремления к новому, лучшему.

Можно выделить несколько стадий миграционного процесса:

Первая – подготовительная (сбор данных, анализ, принятие решения).

Вторая - сам процесс перемещения (длительность по времени, протяженность в пространстве);

Третья стадия представляет собой адаптацию к новым условиям жизни на новом месте, что является важным процессом для успешной миграции. Адаптационный период предполагает взаимоотношения интересов *homo migratioc* предлагаемыми возможностями объективного мира. В рамках данного поля появляется понятие «компромиссность», которое следует дополнить понятием «приспособление» к различным факторам окружения, которые, в свою очередь, можно разложить на три подтипа: удерживающие, выталкивающие его и притягивающие.

Миграционное сознание включает в себя понимание жизни как пути, на котором мы должны пройти определенный маршрут. Это также связано с пониманием собственной значимости и "избранности", а также способностью рассматривать жизнь с некоторого отдаления [Касавин 1998, с. 190].

Для достижения миграционного опыта необходимо постоянно экспериментировать и извлекать уроки из своих ошибок, а также активно учиться на позитивных примерах. Миграционное общение включает в себя конкуренцию и стремление к лидерству, что является ключевым фактором выживания, а также требует умения эффективно взаимодействовать с людьми из разных культур.

Список литературы

1. Дворецкий, 2012, web – Дворецкий И.Х. Латинско-русский онлайн словарь. - 2-е изд. – М.: Издательство: Русский язык, 1976. – URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=27936> (дата обращения: 04.04.2023)
2. Ионцев 1999, с. 15–21 – Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
3. Ионцев 2014, с. 84 – Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 3. – 192 с.
4. Касавин 2018, с. 8–18 – Касавин И.Т. Миграция: междисциплинарное понятие и его эпистемологические измерения // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 1. – С. 8–18.
5. Касавин 1998, с. 190 – Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. – 408 с.
6. Лайдего 2022, web – Лайдего В. Судьба «наказанного народа»: как власти СССР депортировали немцев Закавказья // ForbesLife. – 2022 г. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/481087-sud-ba-nakazannogo-naroda-kak-vlasti-sssr-deportirovali-nemcev-zakavkaz-a> (дата обращения: 04.04.2023).

7. Le Robert, web – Le Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения: 04.04.2023).

УДК 130.2

РИСКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В «УМНОМ ГОРОДЕ»*

Миркушина Лия Рафиковна
Кандидат философских наук
Московский городской педагогический университет
E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

В статье анализируются противоречия и риски возникновения социального конфликта в процессе интеграции цифровых технологий в городское пространство. Автор актуализирует необходимость осмысления проблем, возникающих при выборе новых стратегий устойчивого развития «Умного города». Использование искусственного интеллекта в инфраструктуре города обуславливает не только преобразование социально-экономической среды, направленной на повышение комфорта и мобильности в городском пространстве, но и порождает трансформацию социальных связей и коммуникации. Неравноправный доступ к технологиям в городе, который ведет к росту социального неравенства, порождает социальный конфликт, и искусственный интеллект для сбора больших данных, создающий угрозу нарушения личного пространства – это лишь некоторые этические вызовы, которые стоят перед исследователями «умной» трансформации города. Социальный конфликт основан не только на расхождении в доходах между людьми, но также на неравном доступе к информационным ресурсам, уровне информационной грамотности, уровне доверия и надежности технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: концепция «Умный город», искусственный интеллект, большие данные, цифровое равенство, дигитализация культуры, социальный конфликт

RISKS OF SOCIAL CONFLICT IN THE «SMART» CITY

Mirkushina Liya Rafikovna
CSc in Philosophy
Moscow City University
E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

The article analyzes the contradictions and risks of social conflict in the process of integrating digital technologies into urban space. The author actualizes the need to understand the problems that arise when choosing new strategies for the sustainable development of the «Smart City». The use of artificial intelligence in the infrastructure of the city causes not only the transformation of the socio-economic environment, aimed at increasing comfort and mobility in the urban space, but also generates the transformation of social ties and communication. Unequal access to technology in the city, which leads to an increase in social inequality, giving rise to social conflict; artificial intelligence for collecting big data that threatens to violate personal space - these are just some of the ethical challenges that researchers in the «smart» city transformation face. This conflict is based not only on the disparity in income between people, but also on unequal access to information resources, the level of information literacy, the level of trust and reliability of artificial intelligence technologies.

Keywords: Smart City concept, artificial intelligence, big data, digital divide, digitalization of culture, social conflict

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

На сегодняшний день традиционные подходы в управлении городом и стратегическом планировании городского пространства становятся все менее эффективными. Актуальным вопросом и одновременно вызовом для городского менеджмента является обеспечение устойчивого развития территориальной системы, включающей динамичное развитие новых технологий во всех сферах социальной и экономической жизни. Потребность в безопасности, экологические проблемы, повышенная нагрузка на транспортные сети, увеличение численности городских жителей, глобальное потребление товаров, услуг и информации, необходимость рационального управления городским хозяйством – это задачи, которые требуют современных решений, позволяющих экономить время и энергию. Данное решение отражается в концепции «Умный город» (SmartSustainableCity, SSC), которая предполагает использование передовых цифровых инструментов в управлении городским хозяйством для улучшения жизни горожан и повышения эффективности городской инфраструктуры.

Несмотря на то, что концепция «Умный город» предполагает устойчивое развитие и повышение комфорта городской среды, интеграция цифровых технологий в инфраструктуру современного города порождает противоречия в коммуникации и беспокойство в обществе. Возрастает необходимость регулирования взаимодействия человека с новой цифровой реальностью.

Выявление проблем оценки роли и места информационных технологий в современном социокультурном пространстве выносятся в центр внимания в труде Ж. Бодрийяра «Город и ненависть» [Бодрийяр 1997]. Развитие «умных городов» в контексте социально-экономических процессов в российских и зарубежных городах рассмотрены в монографии И.А. Ильиной, М. Коно [Ильина, Коно 2023]. Согласно работе И.А. Василенко [Василенко 2018, с.15], решение человека жить в «умном городе» сопровождается обострением социальных и психологических проблем, вследствие отсутствия материальных возможностей приобрести гаджеты или квартиру в умном доме. Она делает вывод, что подобные проблемы порождают феномен «цифрового неравенства», усугубляя социальные противоречия. В проведенном исследовании В.Г. Степанова, Е.А. Колесник [Степанов Колесник 2021, с. 123] отмечается неготовность респондентов проживать в умных городах, ввиду недостаточного уровня доходов и высокой стоимости жизни, что может перерасти в социальную напряженность. Козлова Ю.В., Савченко И.А. [Козлова, Савченко 2021, с. 25] анализируют проблему «цифрового доверия», возникающую по причине информационных барьеров, а также сопротивления трансформационным процессам некоторых социальных групп.

Таким образом, изучение города как феномена в социокультурном дискурсе актуализирует необходимость осмысления проблем и конфликтов, возникающих при выборе новых стратегий развития в экономике, в том числе интеграцию цифровых технологий «Умный город». Это позволяет выстроить полноценную картину при рассмотрении городских агломераций, городских сообществ, где большое количество людей на ограниченной территории вынуждены сталкиваться, отстаивая собственные права и ценности, в результате которых нарастают противоречия.

Цифровая трансформация города обуславливает не только преобразование социально-экономической среды, направленной на повышение комфорта и мобильности в городском пространстве, но и порождает трансформацию социальных связей и коммуникации. Для обеспечения комфортного уровня проживания в городах интегрируются системы мониторинга, использующие искусственный интеллект для сбора больших данных. Такие приложения позволяют горожанам получать актуальную информацию о городской инфраструктуре, услугах, мероприятиях, а также необходимы для налаживания обратной связи о возникающих проблемах. Однако, сбор больших

данных может вызывать опасения нарушения личной жизни горожан, а также создают предубеждения о том, что данная технология направлена на манипулирование общественным сознанием и управление сообществом через создание системы наблюдения. Городские системы используют технологии мониторинга, датчики и камеры для сбора данных о жителях и это может создать впечатление постоянного наблюдения и нарушения приватности. Конечно, большинство систем сбора данных разработаны с учетом защиты личной жизни. Такие системы обеспечивают анонимность и защиту персональных данных, путем шифрования информации и использования методов анонимизации данных. В соответствии с этим, города должны придерживаться принципов защиты персональных данных и справедливого использования их, чтобы это не приводило к нарушению прав горожан на личную жизнь и конфиденциальность. В противном случае, использование ИИ может создавать угрозы в области кибербезопасности, так как системы могут стать уязвимыми для кибератак.

Несмотря на то, что тенденция становления «умного города» является одной из приоритетных задач на сегодняшний день, вслед за этим с этической точки зрения возникают некоторые риски. Дигитализация культурной, экономической, социальной жизни городского пространства трансформируют бытие человека, механизмы которого порой сложно отследить и контролировать. Однако, вместе с этим также возникают опасения по поводу контроля за процессами, происходящими в цифровом пространстве. Механизмы дигитализации могут быть сложными и не всегда прозрачными, что затрудняет их отслеживание и контроль. Более того, дигитализация может приводить к усилению неравенства и отчуждения в обществе. Некоторые группы могут иметь более широкий доступ к новым технологиям и возможностям, в то время как другие останутся в отстающих регионах. Это может привести к увеличению разрыва между богатыми и бедными, а также создать новые формы социальной напряженности и конфликта. Поэтому, важно, чтобы процессы дигитализации сопровождались прозрачностью и контролем, а также учитывали потребности различных групп населения. Должны быть разработаны механизмы обеспечения социальной справедливости, чтобы дигитализация не приводила к ухудшению жизни тех, кто оказался в уязвимом положении.

Неравноправный доступ к технологиям в городе, который ведет к росту социального неравенства, порождая социальный конфликт, и искусственный интеллект для сбора больших данных, создающий угрозу нарушения личного пространства – это лишь некоторые этические вызовы, которые стоят перед исследователями «умной» трансформации города. Этот конфликт основан не только на расхождении в доходах между людьми, но также на неравном доступе к информационным ресурсам, уровне информационной грамотности, уровне доверия и надежности технологий искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Бодрийяр 1997– Бодрийяр Ж. Город и ненависть. Лекция, прочитанная в Москве во французском Университетском колледже при МГУ им. М.В. Ломоносова. // Логос. 1997. №9. С. 107-116.
2. Василенко 2018 – Василенко И.А. «Умный город» как социально-политический проект: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге // Власть. 2018. Т. 26. № 3. С. 51-63.
3. Ильина, Коно2023 – Ильина И.Н., Коно М. Трансформация подходов к развитию «умного рода». Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2023. 248 с.
4. Козлова, Савченко 2021 – Козлова Ю.В, Савченко И.А. Умный город: проблема цифрового доверия // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 5. С. 23-27.

5. Степанов, Колесник 2021 – Степанов В.Г., Колесник Е.А. Социальный конфликт и напряженность в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика Т. 14. № 1. 2021. С.115-130.

УДК 001.8

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГОРОД: ОТ ДОМЕСТИКАЦИИ К ДЕМИСТИФИКАЦИИ*

Савченко Ирина Александровна

Доктор социологических наук

*Московский городской педагогический университет, профессор кафедры философии
и социальных наук*

международная междисциплинарная научная лаборатория

«Технологии социально-гуманитарных исследований»

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

E-mail: Savchenko-514@mgpu.ru

Предпринимается попытка понять причины, по которым пути к науке и прогрессу у европейских и евразийских городов сначала обнаруживали общие закономерности, но после – разошлись. Представляется интересным обозначить научно-технологические перспективы динамики современных евразийских городов.

Подвергая критическому анализу концепции географического детерминизма (в особенности, взгляды Дж. Даймонда на доместикацию как главный фактор социально-экономической динамики), автор, тем не менее, признает, что на этапе становления развитого сельского хозяйства и даже – первых индустриальных форм производства – природный фактор сыграл одну из ведущих ролей в становлении городов евразийского материка пространстве (от Атлантического до Тихого океана) как технологически успешных очагов земного шара. Однако в определенный момент Европа выделилась в особую, отдельную часть материка, и именно европейская, а не евразийская цивилизация стала флагманом прогресса и начала переносить алгоритмы развития городов в Новый свет.

В очередной раз поднимается знаменитый вопрос Джозефа Нидэма: почему научная революция случилась не в Китае, а в Европе. Пытаясь внести лепту в ответ на этот вопрос, автор, признавая действие уже озвученных в науке факторов, обращает внимание на противоречивую (в ряде случаев – весьма конструктивную) роль Церкви и монашества в развитии науки в Европе и на характер дискуссии, которую вела в Европе наука с другими социальными институтами. Уточняется, что особое место в этой дискуссии занимало еврейское сословие.

Оценивая потенциал города как центра науки, автор описывает исторически сложившиеся различия между евразийским и европейским городом, но, при этом, показывает, что в XXI веке многие евразийские города обретают новый пассионарный заряд и начинают активно развивать уже не только технологии, но и научное знание. Путь от доместикации к демистификации оказался долгим, но общий евразийский маршрут (от незнания к знанию) выбран правильно.

Ключевые слова: евразийский город, Европа, географический детерминизм, научная революция, доместификация, демистификация, антисемитизм, монашество, прогресс

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

EURASIAN CITY: FROM DOMESTICATION TO DEMYSTIFICATION

Savchenko Irina Aleksandrovna

*Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department
of Philosophy and Social Sciences*

Moscow City Pedagogical University

International interdisciplinary research laboratory

"Technologies of social and humanitarian research"

Linguistics University of Nizhniy Novgorod

Savchenko-514@mgpu.ru

An attempt is being made to understand the reasons why the paths to science and progress in European and Eurasian cities first revealed common patterns, but then diverged. It seems interesting to outline the scientific and technological prospects of the dynamics of modern Eurasian cities.

Subjecting the concepts of geographical determinism to a critical analysis (in particular, the views of J. Diamond on domestication as the main factor of socio-economic dynamics), the author, nevertheless, recognizes that at the stage of formation of developed agriculture and even the first industrial forms of production, the natural factor played one of the leading roles in the formation of cities of the Eurasian continent space (from the Atlantic to the Pacific Ocean) as technologically successful centers of the globe. However, at a certain point, Europe stood out as a special, separate part of the continent, and it was the European, not the Eurasian civilization that became the flagship of progress and began to transfer the algorithms of urban development to the New World.

Once again, the famous question of Joseph Needham is raised: why did the scientific revolution happen not in China, but in Europe. Trying to contribute to the answer to this question, the author, recognizing the effect of the factors already voiced in science, draws attention to the contradictory (in some cases, very constructive) role of the Church and monasticism in the development of science in Europe and the nature of the discussion that science conducted in Europe with other social institutions. It is clarified that a special place in this discussion was occupied by the Jewish estate.

Assessing the potential of the city as a center of science, the author describes the historically established differences between the Eurasian and European cities, but, at the same time, shows that in the XXI century many Eurasian cities acquire a new passion charge and begin to actively develop not only technologies, but also scientific knowledge. The path from domestication to demystification turned out to be a long one, but the common Eurasian route (from ignorance to knowledge) was chosen correctly.

Keywords: Eurasian city, Europe, geographical determinism, scientific revolution, domestication, demystification, anti-Semitism, monasticism, progress

Города традиционно считаются центрами науки, фундаментом технологического развития и основной областью приложения творческих идей. Так случилось, что на заре Нового времени именно в Евразии сформировалось большое количество таких центров (от Атлантики до Тихого океана), и многие из них могли бы сделать решительный шаг к тому, что сегодня принято называть научно-техническим прогрессом. Тем не менее, научно-техническая революция случилась, но не везде. В европейских городах, а затем – и в Новом свете (города стали развиваться по подобию европейских) – она произошла и принесла плоды. В городах евразийского материка вне Европы (назовем их евразийскими) прогрессивного прорыва не получилось.

Вопрос о том, почему в разных частях света наблюдались совершенно разные темпы научного прогресса, а где-то его и вовсе не было, актуализируется периодически в гуманитарной науке. Если бы мы поставили подобный вопрос перед Ж.А. де Гобино, М. Грантом (одного из «отцов» евгеники) или их современными последователями, ответ был бы однозначным: с указанием на преимущества одной расы над другой. Сегодня у нас достаточно оснований, чтобы утверждать, что научный расизм оказался квазинаучным, а евгеника – неточная наука [Эко 2010, С. 46].

Вот что пишет американский географ и орнитолог Дж. Даймонд о своем разговоре с Яли, молодым новогвинейским политиком: «Уровень жизни даже наименее способных из белых «хозяев», как их все еще продолжали называть в 1972 г., был гораздо выше, чем у коренных новогвинейцев, – выше, чем даже у такого популярного лидера, как Яли. С другой стороны, мы с Яли имели богатый опыт общения и с белыми, и с новогвинейцами, и поэтому оба прекрасно понимали, что последние в среднем, как минимум, ничуть не глупее первых». Уверена, что многие из нас – те, кто любят путешествовать, – оказавшись в заброшенной глубинке, там, где люди ведут традиционный образ жизни, неоднократно убеждались, насколько смекалисты, сообразительны и умны живущие там люди.

Ученые признали несостоятельность расового детерминизма (первые – осознанно, вторые – «за компанию», третьи – из конъюнктурных соображений), и на этом фоне начали развивать детерминизм географический. Этот научный тренд был очень популярен в трудах отечественных примордиалистов Л. Мечникова [Мечников 2021], выявлявшего взаимообусловленность цивилизационного развития и водных артерий, и Л. Гумилева. Последний, как известно, указывал не только на объективно разные ландшафтные условия, в которых развивались человеческие популяции в разных уголках планеты, но и описывал разные способы, которые эти популяции использовали для адаптации ландшафта к своим потребностям, в частности, особенности взаимодействия человека с дикими и домашними животными [Гумилев 1968].

Уже упоминавшийся Дж. Даймонд, вряд ли знакомый с работами Л.Н. Гумилева, и вовсе посчитал одомашнивание (доместикацию) животных главным импульсом прогресса. Яли, собеседник Даймонда, задает вопрос: «Почему вы, белые, накопили столько карго (общее название, которое папуасы дали «благам цивилизации» – *И.С.*) и привезли его на Новую Гвинею, а у нас, черных, своего карго было так мало?».

Даймонд не смог немедленно ответить на вопрос Яли. Для ответа ученому понадобилось написать книгу в 600 страниц. Даймонд показывает, что ландшафтные преимущества народов Евразии сводились к тому, что их изначально окружали дикие животные, «предрасположенные к доместикации», в то время как жителей других континентов окружала «неприручаемая» фауна и столь же неподатливая флора. В результате, те племена, которым повезло стать скотоводами и земледельцами, обнаружили у себя пресловутые «излишки», которые впоследствии позволили сформировать то, что ныне называется бюджетом и обеспечивать иждивенцев, которые ничего не производят: военных, администраторов, научных сотрудников и пр.

В целом, если главным революционным скачком человеческой истории считать переход от «присвоения к производству», то есть от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию, мы будем вынуждены согласиться с географическими детерминистами. Следует при этом отдавать себе отчет в том, что такие концепции имеют очень много слабых мест. Например, прав Лев Мечников, рассуждая о роли водных артерий в развитии цивилизаций, однако, концепция «великой реки» – явно надуманная хотя бы потому, что например, в Западной Европе нет ни одной по-настоящему «великой» реки, а величайшая Амазонка так и не помогла индейцам выйти из джунглей.

Мы может возражать и Дж. Даймонду и справедливо настаивать, что приручить доисторическую лошадь, похожую на современную лошадь Пржевальского, было немногим легче, чем приручить зебру. Что касается слона, то почему-то в Индии его каким-то образом приручают, а в Африке – нет. Даймонд приводит многочисленные примеры приручения гепарда, рожденного в дикой природе, но уверяет, что его невозможно разводить в неволе, однако опыт многочисленных питомников и зоопарков говорит об обратном. Почему первые покорители Америки (цивилизация Кловис)

примерно 13 тыс. лет назад не одомашнили многочисленных обитавших там млекопитающих (верблюдов, лошадей и овец), а съели их [Фэйрстоун 2008, с. 211]? И по какой причине люди традиции Фолсом (охотников на бизонов), сформировавшейся на останках цивилизации Кловис, не попытались хотя бы приручить бизона? Если это настолько сложно, то почему существует монгольский домашний як, практически от бизона неотличимый? А ведь приручение парнокопытных без сомнения помогло бы индейцам обеих Америк не стать в дальнейшем «цивилизациями без колеса».

Географический детерминизм позволяет, скорее, осознать, что племена Амазонии, сообщества Африки южнее Сахары, аборигены Австралии жили в настолько незыблемой гармонии с природой, что не смели вносить в нее сколько-нибудь значимые изменения. Эта гармония была насыщена мистикой и могла существовать до тех пор, пока ее не нарушало какое-то внешнее вторжение – природное или антропогенное, – перед которым она была, увы, бессильна.

Так или иначе, к XV веку основные евразийские центры – от Парижа и Флоренции до Пекина и Константинополя-Стамбула – не имели *видимых* отличий в стартовых позициях для дальнейшего научно-технологического прорыва. Более того, потенциал Китая в области открытий и изобретений в те времена был сильнее европейского. Но в какой-то момент Европа перестала быть частью органичной частью Евразии, хотя географически, конечно, она таковой оставалась.

Чем обусловлен европейский научно-технический прорыв, который в марксистской традиции фактически приравнивают к индустриальному. По какой причине в Новое и Новейшее время все неевропейские цивилизации соревнуются лишь в скорости усвоения того, что было придумано и изобретено в европейцами?

Мы не первыми задаемся этим вопросом, но ответы на него все еще обсуждаются в научной среде. В русле обсуждаемой проблемы уже достаточно давно был поставлен знаменитый вопрос Джозефа Нидэма (Needham) – почему наука и техника пережила революцию в Европе XVII в., а не в Китае? Он вызвал многочисленные дискуссии среди историков науки и востоковедов.

Тот же Даймонд в качестве регресса «неевропы» указывает на экологическое оскудение территорий «плодородного полумесяца». А отвечая на вопрос «Почему Европа, а не Китай?», Даймонд неожиданным образом забывает от своем географически-детерминированном предназначении и говорит, что Европа в отличие от Китая «не знала деспотов». Наверное, Даймонд просто хочет сказать, что китайские деспоты лично ему нравятся больше, чем некоторые европейские злодеи.

В какой-то момент Макс Вебер попытался все объяснить протестантской этикой. Не секрет, что развитие науки стало поощряться сначала на волне протестантизма, а затем – на гребне органично следовавшей за ним секуляризации. Все это верно, но как тогда объяснить, что католическая церковь в Средние века развивала науку, а монастыри были центрами не только истории, но и естествознания и изобретательства? Знакомый нам формат школьного образования, очки, «актив и пассив», банковские чеки, башенные часы, биотехнологии – вот далеко не полный перечень «монашеских» изобретений.

Конечно, встречаются и монахи-индуисты, и джайнисты, а у буддистов есть шаолини, но там развиваются боевые искусства и техники самопознания, а не наука. Поэтому напрашивается предположение: а не потому ли Европа так скоро шагнула вперед, что там были монастыри?

Можно возразить: а как же Галилео Галиллей, Джордано Бруно и другие мученики науки, пострадавшие от Церкви? Стоит ли добавлять, что церковь в Средние века, действительно, душила науку, но не всю и не всякую. Это – во-первых. А во-вторых, Церковь не только поощряла алхимиков, но инициировала дискуссию с наукой. Наука,

таким образом, закалила себя в этой дискуссии, ювелирно отработав такие античные приемы, как аргументация и логика.

М.К. Петров обнаружил в свое время, что средневековые схоласты (Фома Аквинский и последователи) задолго до Юма, Канта и Гегеля определили «знаменитый треугольник» (матрицу) научного познания («до вещей» — «в вещах» — «после вещей»), в котором, помимо прочего, «как в массиве фундаментального знания, как и в продуктах приложения и разработки действует запрет на повтор-плагиат» [Петров 2014, с. 86]. Этот запрет, заметим, так и не прижился, например, в дальневосточных культурах, где копирование (научное, промышленное, коммерческое) не считается предосудительным.

Мы без сомнения можем описывать монастыри как префактор научного прорыва Европы. Но, очевидно, было что-то еще. Сравнительно недавно вышла книга Дж. Хенрича о так называемых людях WEIRD: Western, Educated, Industrialized, Rich and Democratic (западных, образованных, индустриальных, богатых и демократичных) [Henrich 2020]. Хенрич уверяет, что эмпирически установил ментальную разницу между представителями индустриальных и традиционных обществ. Дабы не прослыть расистом, исследователь неоднократно повторяет, что эта разница обусловлена не генетическими, а социокультурными причинами. Увы, но указание на неполноценность культур проходит красной линией через работу Хейндрича, и здесь он, возможно, и не ведая об этом, вторит Николаю Бердяеву и П.Т. де Шардену, разделявших культуры на низкие, полноправные и неполноправные [Бердяев 2006, с. 88], [Тейяр де Шарден 2002, сс. 151, 167-170].

Оставаясь на принципах культурного релятивизма, мы говорим о научном прогрессе. И всем нам известно, где находится его эпицентр. Выход из мальтузианской ловушки стал одним из факторов прогресса. Благодаря урбанизации европейцы первыми стали производить меньше потомства, жить дольше и заниматься чем угодно, только не сельским хозяйством. Первые средневековые горожане в большинстве своем были ремесленниками. Затем они стали работать на мануфактурах, фабриках, заводах, в банках, администрациях, научных институтах и пр. Кто-то придумал все эти новые интересные вещи, которых раньше не было. Моряки-путешественники, книжники-аналитики (печатники и писатели) и врачи (самые образованные люди своего времени) [Касавин 1999] обеспечили эмпирические решения для функционирования «знаменитого треугольника» Фомы Аквинского.

Европа, к сожалению, изобрела совсем неприглядную вещь – антисемитизм. В определенной форме он обнаруживал себя и в древности (например, в Древнем Египте), но институциональную форму он обрел в средневековой Европе. Ни в одной европейской стране, включая и Россию, евреям не разрешалось владеть землей. Став горожанами, они становились сапожниками, часовщиками, ювелирами, ростовщиками, банкирами, юристами, врачами и учеными. Придумывая что-то новое, они изобрели новые области науки, например, физику.

Также как борьба ученых с церковью способствовала институализации науки, так и антисемитизм стал одной из причин урбанизации и научного прорыва. Можно сказать, что степень благосостояния европейских городов и государств в определенной мере обусловлена «предельностью» антисемитизма. Например, в Испании он был «запредельным» и не предполагал никакой терпимости. В результате большинство испанских евреев были депортированы в Северную Европу, где впоследствии сформировали значительную часть научной и политической элиты. А Испания оказалась на периферии научно-технического прогресса.

Наука, вероятно, развивалась именно в городах и в замках (рыцари, строители замков – феномен Западной Европы), и здесь сыграли роль ранние буржуазные

революции, которые нарушили сословную герметичность и создали условия для широкой коммуникации. Религиозная реформация (христианство – единственная религия, которая в заметной степени благоволила к науке через Платона и Аристотеля), трансляция образованности из Греции на север (Ренессанс), великие географические открытия и печатный станок дополнили список условий научного прорыва в их уникальном сочетании. Путь от доместикации к рациональности и демистификации объяснения природных и социальных явлений был долгим, но он состоялся.

Уже несколько столетий в Евразии активно развиваются евразийские города. Они есть на Дальнем востоке, в Китае, Сингапуре, даже в Японии и Корее. В них пришли высокие технологии, пришла и наука. Однако и то, и другое имело характер повтора, развития уже начатого, продолжения уже сказанного. Пока на Американском континенте развивались по природе своей города европейские, евразийские города так и не становились европейскими, поскольку за последние 500 лет не предлагали миру ничего нового. И только на рубеже XX – XXI веков мы видим признаки нового рождения евразийских городов. Появляется все больше интересных исследований и креативных научных решений. Возможно, будущее науки – и за евразийскими городами.

Список литературы

1. Бердяев 2006 – Бердяев, Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ, 2006. 352 с.
2. Гумилев 1968 – Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт // Доклады Географического общества СССР. 1968, вып.3 стр. 193-202.
3. Касавин 1999 – Касавин И.Т. Предтечи научной революции // Философия науки и техники. Т. 5, № 1, 1999. С. 31-76
4. Мечников 2021 – Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Вече, 2021. 288 с.
5. Петров 2014 – Петров М.К. Проблемы современного науковедения // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 4. С. 79-96. р.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: АСТ, 2002. 554 с.
7. Фэйрстоун 2008 – Фэйрстоун Р. Цикл космических катастроф: Катаклизмы в истории цивилизации. М.: Вече. 2008. 480 с.
8. Эко 2010 – Эко У. Евгеника – не точная наука // Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках. СПб.: Симпозиум, 2010. – С. 45-48.

УДК 130.2

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ДИСКУРСА ГОРОДА*

Трубина Наталья Алексеевна

Кандидат философских наук, доцент

Московский городской педагогический университет

E-mail: Trubina-481@mgpu.ru

В статье рассматривается город в значении дискурса. Интерпретации городского дискурса не имеют однозначных смыслов, формируется конфликтное поле вокруг толкования объектов городского пространства. В понимании «конфликта интерпретации», автор ссылается на значение, выдвинутое Полем Рикёром, как диалог различных позиций, а не идейное противостояние. Плюрализм интерпретаций городского дискурса становится

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

материалом обобщения, который приближает к объективности его понимания, истинности смыслов, к постижению сущностных характеристик. Конфликт интерпретаций рассматривается как метод, позволяющий обнаружить демаркационные модели отношений к объектам городского дискурса на экзистенциальном, гносеологическом, аксиологическом уровнях. Экзистенциальная демаркация города отражена в отношении как к «своей-чужой» среде обитания. Гносеологическая демаркация городского дискурса определяется опытом его познания различными субъектами и выражается в результатах знания, либо незнания, истинного или ложного понимания, заблуждения. Аксиологическая демаркация проявляется в религиозных, эстетических, исторических, идеологических аспектах ценностного отношения к объектам городского дискурса. Конфликт интерпретаций городских объектов, связанных с религиозными ценностями, демаркирует консолидацию с социальной религиозной общностью или обозначают обособление с иноверующими. Конфликтные интерпретации объектов или локаций города, отражающие историческую ценность, демаркируют их важность или отсутствие значимости для отдельных личностей, либо социальных групп в контексте становления и развития города, государства, этноса. Ценностный аспект исторической значимости объектов городского пространства заключается в том, что на его основе формируются идеологические ценности.

Ключевые слова: бытие, демаркация, дискурс города, интерпретация, конфликт, объективность, познание, ценности

CONFLICT OF INTERPRETATIONS OF THE DISCOURSE OF THE CITY

Trubina Natalia Alekseevna

CSc in Philosophy, Associate Professor

Moscow City University

E-mail: Trubina-481@mgpu.ru

The article considers the city in the meaning of discourse. Interpretations of urban discourse do not have unambiguous meanings, a conflict field is formed around the interpretation of objects of urban space. In the understanding of the "conflict of interpretation", the author refers to its meaning, put forward by Paul Riker, as a dialogue of different positions, and not an ideological confrontation. The pluralism of interpretations of urban discourse becomes the material of generalization, which brings it closer to the objectivity of its understanding, the truth of meanings, to the comprehension of essential characteristics. The conflict of interpretations is considered as a method that makes it possible to detect demarcation models of relations to objects of urban discourse at existential, epistemological, axiological levels. The existential demarcation of the city is reflected in the attitude as to the "own-alien" habitat. The epistemological demarcation of urban discourse is determined by the experience of its cognition by various subjects and is expressed in the results of knowledge, or ignorance, true or false understanding, delusion. Axiological demarcation is manifested in religious, aesthetic, historical, ideological aspects of the value attitude to the objects of urban discourse. The conflict of interpretations of urban objects associated with religious values demarcates consolidation with a social religious community or denotes isolation with non-believers. Conflicting interpretations of objects or locations of the city, reflecting historical value, demarcate their importance or lack of significance for individuals or social groups in the context of the formation and development of the city, state, ethnic group. The value aspect of the historical significance of urban space objects lies in the fact that ideological values are formed on its basis.

Keywords: being, demarcation, discourse of the city, interpretation, conflict, objectivity, cognition, values

Понятие «город» имеет множество экспликаций. Коннотации города сопряжены с семантикой социального конгломерата, особенностями и масштабами заполнения пространства проспектами, улицами, парками, скверами, дворами, памятниками, архитектурными сооружениями, стремительными темпами времени, движения транспорта и потока людей, яркими огнями, сменяющейся рекламой и экзистенциальными переживаниями одиночества в толпе [Гунтов, Глазгачев 1990, с. 4]. В виду различных ракурсов видения города, его однозначное понимание невозможно.

«Город» – это понятие философское, его сущностное значение не сводится к перечислению явлений, поскольку они имеют изменчивый и противоречивый характер. Однако обобщение связанных между собой явлений города сводятся к понятию «дискурс», который понимается как «связный текст в совокупности с социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990, с. 136-137]. Город в значении дискурса представляет собой социальное пространство в модусе знакового сообщения, которое обладает сложной и плюралистичной смысловой структурой, прочтение и следующая за ним интерпретация формируют новые смыслы. В дискурсе города интерпретация занимает важное место, так как является отражением понимания и отношения субъектов городского пространства к бытию города. Интерпретация – это междисциплинарное понятие, имеющее разные значения: «традиционное представление об этой процедуре – это трактовка ее как общенаучного метода с фиксированными правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания. В гуманитарном знании интерпретация понимается как истолкование текстов, смыслополагающая и смыслочитывающая операции, в лингвистике – как когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых действий. Многие проблемы интерпретации, связанные со знаком, смыслом, значением, изучаются в семантике. И только герменевтика поставила проблему интерпретации как способа бытия, которое существует понимая, тем самым выводя эту, казалось бы, процедуру на фундаментальный уровень бытия самого субъекта» [Микешина 2002, с. 304]. В современности интерпретации уделяется большое онто-гносеологическое значение. Возрастающая роль интерпретатора для бытия текста и дискурса в современности была обозначена постструктуралистами (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко) как отклик на идею об автономности от позиции автора, структуры и интенции текста. Бытие текста и дискурса возможно не только по причине авторского творчества, но и его дальнейшего понимания, объяснения, реструктуризации смысла субъектом прочтения. Активный субъект восприятия дискурса обращается не только к знаковому, но и к его символическому содержанию, что на онто-гносеологическом уровне позволяет человеку выйти за грани своей биологической природы. Символ призывает человека к пониманию, толкованию, говорению – к процессам познания, происходящим на уровне разума, что позволяет постичь сущность объектов дискурса, разворачивая философию для субъекта восприятия и сворачивая поверхностные, обыденные и стереотипные значения. Для субъекта восприятия дискурса раскрывается его бытие.

Дискурс города предполагает многообразие интерпретаций, которое становится потенциальной причиной конфликтных ситуаций, заключённой в отличающемся мировоззрении субъектов его понимания и объяснения. П. Рикёр – представитель французской герменевтики, понимал «конфликт интерпретаций» как диалог различных позиций, а не идейное противостояние [Рикёр 2008, с. 65-66]. Такая трактовка конфликта интерпретаций даёт понимание того, что в отношении дискурса города он предопределён. Плюрализм интерпретаций городского дискурса становится материалом обобщения, который приближает к объективности его понимания, истинности смыслов, к постижению сущностных характеристик.

Конфликт интерпретаций городского дискурса отражает демаркацию города для социума в разных аспектах его восприятия, понимания и отношений к нему. Через конфликт интерпретаций дискурса города раскрываются разные грани экзистенциального, гносеологического, аксиологического содержания города.

На экзистенциальном уровне демаркация города заключена в отношении «своя-чужая» среда обитания. Экзистенциальная демаркация обусловлена психологическими факторами, сам город и объекты городского дискурса воспринимаются, объясняются сквозь призму эмоционального переживания, полученного в процессе формирования личности в данной городской среде, либо иной среде. Объекты города, являясь частью бытия личности, становятся содержанием мышления, вызывают эмоциональные переживания, формируют установки и интересы, закрепляются в памяти, в целом, становятся маркером отношения к объектам городского дискурса. Интерпретации городского дискурса, отражающие экзистенциальную демаркацию, содержат ценностные, либо оценочные умозаключения, окрашены эмоционально.

Гносеологическая демаркация городского дискурса определяется опытом его познания различными субъектами в историческом, географическом, экономическом, политологическом, социологическом, культурологическом ракурсах. Интерпретации городского дискурса гносеологического толка отражают демаркацию результатов его познания, содержат знание, либо незнание, истинное или ложное понимание, заблуждения об объектах городского пространства. Интерпретации, раскрывающие гносеологические аспекты городского дискурса, могут иметь разные формы презентации, такие как: научная истина, сформулированная в виде закона или теории, художественный текст, гипотеза, субъективное мнение, догма и т.д.

Аксиологическая демаркация отражает религиозные, эстетические, исторические, идеологические аспекты ценностного отношения к объектам городского дискурса. Конфликт интерпретаций, основывающийся на религиозных ценностях, присущих объектам городского пространства, например, храмы, религиозные памятники, демаркирует консолидацию с социальной религиозной общностью или обозначают обособление с иноверующими.

Эстетическая демаркация выражена в конфликтных интерпретациях, через отношение к объектам и пространствам города как к прекрасным, возвышенным, так и безобразным, низменным. Смысловые оттенки эстетических интерпретаций связаны с психологическими потребностями, способными удовлетворить на эмоциональном уровне горожан, обеспечить ощущение счастья, безопасности, радости и др.

Конфликтные интерпретации объектов или локаций города, отражающие историческую ценность, демаркируют их важность или отсутствие значимости для отдельных личностей, либо социальных групп в контексте становления и развития города, государства, этноса. Ценностный аспект исторической значимости заключается еще в том, что: «Историческую память и историческое сознание можно считать магистральным элементом формирующейся национальной идеологии патриотизма» [Савченко 2017, с. 113], на его основе формируются идеологические ценности.

Таким образом, конфликт интерпретаций дискурса города позволяет объединить разные демаркационные модели восприятия, понимания, трактовки и отношения городских объектов и пространств. Конфликт интерпретаций является методом познания города, раскрывающим его как всеобщий объект, значимость которого обнаруживается на онтологическом, гносеологическом и аксиологическом уровнях. Данный методологический подход не сводит понимание города к однозначному пониманию, раскрывает его разные стороны через дискурсивные интерпретации, позволяя выявить в нём философские проблемы.

Список литературы

1. Гунтов, Глазычев 1990 – Гунтов А.Э., Глазычев В.Л. Мир Архитектуры: Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.

2. Арутюнова 1990 – Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
3. Микешина 2002 – Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
4. Рикёр 2008 – Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
5. Савченко 2017 – Савченко И.А. Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии / И. А. Савченко, Л. А. Снегирева, С. В. Устинкин // Власть. 2017. Т. 25. № 10. С. 112-122.

УДК 327

КОНФЛИКТ И УПРАВЛЕНИЕ КАК МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ

Шиманская Ольга Константиновна

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт Европы Российской академии наук

E-mail: shimansk@mail.ru

Конфликт и управление были ведущими моделями реализации религиозной политики в истории государств с начала их становления. Религия была системообразующим ядром формирования ценностей и норм большинства существующих в истории политических систем, средством сакрализации и легитимации власти. Нами рассмотрен в качестве примера переломный XX век в истории государственно-конфессиональных отношений в России, наиболее ярко выявивший разные аспекты технологии конфликта и управления в сфере духовной жизни общества. В XX веке происходил переход от идентификационной модели государственно-конфессиональных отношений к сепарационной, а от неё к элементам оформления кооперационной модели. Эти этапы сопровождались разными типами государственной управленческой политики: от политики благоприятствования, но под строгим надзором контрольного органа – Синода, до кратковременного снятия контроля и вероисповедной свободы, далее существование в условиях конфликта и насильственной секуляризации, и, наконец, переход от прямого насилия к административному надзору и приспособлению к сложившейся системе общественно-политических отношений.

Ключевые слова: Управление, конфликт, государственно-конфессиональные отношения, Русская православная церковь, политическая система

CONFLICT AND MANAGEMENT AS MODELS FOR THE IMPLEMENTATION OF RELIGIOUS POLICY

Shimanskaya Olga Konstantinovna

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

E-mail: shimansk@mail.ru

Conflict and governance have been the leading models for the implementation of religious policy in the history of states from the beginning of their formation. Religion was the system-forming core of the formation of values and norms of most of the political systems existing in history, it was a means of sacralizing and legitimizing power. We have considered as an example the turning point of the 20th century in the history of state-confessional relations in Russia, which most clearly revealed various aspects of the technology of conflict and management in the sphere of the spiritual life of society. In the twentieth century, there was a transition from the identification model of state-confessional relations to the separation model, and from it to the design elements

of the cooperative model. These stages were accompanied by various types of state management policy from a favorable policy, but under the strict supervision of the control body - the Synod, to a short-term removal of control and religious freedom, then existence in conditions of conflict and forced secularization, and, finally, the transition from direct violence to administrative supervision and adaptation to the existing system of socio-political relations.

Keywords: Management, conflict, state-confessional relations, Russian Orthodox Church, political system

Управление духовной жизнью общества, создание идеологических и политических ценностей и норм важная составная часть политической системы. Политическая система российского самодержавия формировалась в духе идей православной симфонии, в которой монарх выступал фигурой сакральной, а существующий миропорядок богоустановленным. Православная церковь была государственной и первенствующей, а официальной идеологией самодержавия выступала уваровская триада: «православие, самодержавие, народность». Неудивительно, что согласно представлениям большевиков религия и церковь как достояние самодержавного строя после его падения должны были «отмереть», что и определило в последующем отношение новой власти к Церкви и религии.

Ещё в 1905 г. В.И. Ленин в статье «Социализм и религия» высказывался таким образом: «Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих... в этом, очищенном от средневековой плесени, политическом строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества» [Ленин 1905].

Существование столь консервативных и архаических институтов не вписывалось в представления радикальной российской социал-демократии о будущем обществе. Российская православная церковь вступила в трагический период своей истории.

Февральская революция 1917 г. и свержение самодержавия привели в движение и духовенство. С августа 1917 по сентябрь 1918 гг. проходит Поместный собор, который не собиравшийся в православии более трёхсот лет. Он прекратил синодальное управление и восстановил патриаршество. Патриархом избран церковный деятель консервативного направления - Тихон (Белавин), призвавший полноту Церкви к невмешательству в политику. Однако принятые советской властью декрет “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” и постановления о конфискации синодальной типографии, изъятии ценностей церковного назначения для помощи голодающим спровоцировали открытый конфликт руководства Церкви и духовенства на местах по всей России с властью. Патриарх обратился к верующим с призывом о защите своих святынь, за что был привлечён к ответственности и заключён под домашний арест.

В водовороте революции некоторые иерархи церкви стали сторонниками её значительных преобразований в духе времени, примирения и приспособления к требованиям новой власти. Это направление в церкви, лидером которого стал митрополит Александр (Введенский), стало именоваться “обновленчеством”. Обновленцы в 1923 г. на организованном ими соборе поддерживающих их групп “Живая церковь”, заявили о низложении Патриарха Тихона и всесторонней поддержке новой власти. Их программа предполагала широкую демократизацию церковного управления (брачный епископат, отказ от монашества, женский дьяконат), сокращения времени богослужения, перевод литургии на современный язык. Они адаптировали церковь к условиям пореволюционного времени. Но за церковь осталась наиболее

консервативная масса верующих, не принявших столь стремительные изменения и приверженных традиционализму.

Местоблюстителем патриаршего престола в 1925 г. стал известный церковный деятель и богослов, в прошлом ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, Митрополит Сергей (Страгородский). В условиях репрессий в отношении Церкви и духовенства он в «Послании пастырям и пастве» 1927 г. предлагает идею лояльности Церкви и верующих по отношению к советской власти, что в исторической перспективе дало возможность сохранить церковь и ее связь с народом.

Великую Отечественную войну церковь, несмотря на свою трагедию в период советизации, встретила на патриотических позициях. В сложных внутри и внешнеполитических условиях Церковь стала нужна режиму, шла сложная дипломатическая борьба, и в ней было не лишне привлечь симпатии международной религиозной общественности и религиозных лидеров. Патриарший престол оставался вакантным до сентября 1943 года, когда на него был избран митрополит Сергей (Страгородский). В биографической справке на митрополита Сергея (Страгородского), составленной для руководства страны органами государственной безопасности, он характеризовался как церковный деятель широко известный и авторитетный за рубежом, владеющий японским (служил в японской миссии), финским, английским, греческим древнееврейским языками. Он провозгласил лоялистскую церковную политику к советской власти, но стремится к сохранению и возрождению Церкви. Как гражданин с начала войны стоит на патриотических позициях, организовал и возглавил патриотическую деятельность Церкви, а, следовательно, может быть полезен.

В отношении к религии у Сталина преобладал прагматизм. И в атеизме, и в религии он видел общественные феномены, которые необходимо утилитарно использовать. В складывающейся ситуации в отношении с религией от конфликта целесообразно было перейти к ручному управлению.

Существующие органы власти и структуры управления Церковью сложились в основном в середине 1940-х годов. Наименование Русская православная церковь принято в качестве официального в 1943 году, но без наделения религиозной организации статусом юридического лица. В стране вновь возобновляется работа храмов, монастырей, семинарий, но с 1947 года возобновляется административное давление на все религиозные организации.

Новый этап антирелигиозной политики был предпринят в конце 1950-х начале 1960-х годов, когда Генеральным секретарём ЦК КПСС был Н.С. Хрущёва, но эхо этих преследований разнеслось до конца 70-х годов. Наиболее активные священники и миряне в это время принимали участие в движении диссидентов с требованиями реализации конституционных принципов свободы совести. Такие известные клирики как Глеб Якунин, Сергей Желудков и другие были заключёнными советских тюрем, отправлялись в ссылки, защищая свободу вероисповедания. Многие позже признаны «узниками совести». В среде интеллигенции того времени пользовались авторитетом и популярностью священники Дмитрий Дудко и Александр Мень, считавшиеся интеллектуалами и религиозными философами дискутирующими опосредованно с официальным марксизмом-ленинизмом.

Церковь в СССР находилась под контролем государства, но принимала активное участие в миротворческом и экуменическом движении, в Христианской мирной конференции и Всемирном совете церквей.

В 1960-1970-е годы в качестве социальной доктрины Церкви разрабатывается «коммунистическое христианство». Среди ее создателей были известные православные богословы: протоиерей В. М. Боровой, митрополит Никодим (Ротов), руководивший в то время Отделом Внешних церковных сношений и др. Значительное влияние на её

разработку оказала социальная мысль того времени, подъём национально-освободительного движения в странах третьего мира, активизация «южного христианства» и эволюция христианского социализма. Поэтому ее разделами были: «социальная этика», «богословие революции», «богословие мира».

«Социальная этика» - выдвигала мысль, что христианство объединяет личность и общество, а спастись возможно лишь сотрудничая совместно с другими людьми в общепольной деятельности. «Богословие революции» настаивало на том, что Христос считал допустимым и эволюционный, и революционный путь развития мироздания. «Богословие мира» утверждало, что человек живет в двух отношениях: определяющее – это отношение человека к богу, а подчиненное - отношение человека к людям. С этих позиций утверждалось, что только религиозная деятельность может сплотить и обеспечить социальный мир в обществе и во всём мире. В силу этих установок, как диктуемых государством, так и определяемых духовной атмосферой этого времени, Церковь занимается миротворческой деятельностью, проводит разнообразные и всемирные конференции — «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (1977), «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (1982).

К 1987 в СССР насчитывалось 6893 действующих храмов, около полутора десятков открытых монастырей. Ещё два исторически значимых монастыря находились за рубежом, но были в юрисдикции Московского Патриархата — в Святой Земле (Иерусалим) и на Афоне (Греция). До начала перестройки время от времени выходили ограничивающие деятельность религиозных организаций административные акты, но прямых репрессий, характерных для периода сталинизма, не было.

Таким образом, политика подавления и конфликта в отношении религиозных организаций (рассмотренных нами на примере РПЦ) принесла свои результаты в институциональном плане, значительно сократилась их инфраструктура. Выросло поколение людей воспитанных вне религии. Но ушла ли религия из духовной жизни, уйдя из её публичной сферы? Последующая история развития государственно-конфессиональных отношений показала, что нет [Шиманская 2020]. Религия, её влияние на политическую систему в России, эволюция религиозно-политических доктрин и политических институтов, сопряжённых с религиозными организациями, религиозной идеологией и религиозной философией нелинейно эволюционируют, являясь предметом дискуссий учёных и всего общества.

Список литературы

1. Ленин 1905 - Ленин В.И. Социализм и религия // http://az.lib.ru/l/lenin_w_i/text_1905_socializm_i_religia.shtml (дата обращения 07.04.2023)
2. Шиманская, 2020 - Шиманская О.К. Государственно-церковные отношения (европейский опыт). Аналитическая записка №17, 2020 // <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2020/an200.pdf> (дата обращения 07.04.2023)

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ СТОЛИЦЫ В ЛОКУСЕ ДОВЕРИЯ/НЕДОВЕРИЯ*

Широкалова Галина Сергеевна

*Доктор социологических наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики
Московский городской педагогический университет*

*E-mail: shirokalova@list.ru
orcid.org/0000-0003-4089-54468*

В 2022 г. Российское общество социологов провело онлайн-опрос «Культурное наследие и связь поколений» среди студентов российских вузов. Одна из целей исследования - выявление уровня самостоятельности студентов при выборе стратегии и тактики поведения в разных ситуациях. Анализ массива россиян (9751 чел.), получающих высшее образование, показал, что место жительства, где проходила первичная социализация студентов, является важным фактором, определяющим менталитет студентов. Это обуславливает необходимость анализа результатов исследования по регионам. Для данной статьи нами выбраны ответы тех студентов, чье детство прошло в Москве (587 человек). Выбор этой социальной группы вызван тем, что у жителей столиц изменения менталитета происходят наиболее быстро из-за обширных связей со студентами из зарубежных стран, большими возможностями разносторонней профессиональной и культурной социализации, ускорения ритма жизни, требующего отказа от традиционных практик, конкуренции за рабочие места, в том числе с трудовыми мигрантами разных национальностей, обладающими активной жизненной позицией, приехавшими с целью достижения более высоких статусов через вертикальную мобильность в любых социальных лифтах. Анализ ответов респондентов позволяет сделать вывод, что из-за неопределенности ситуации в стране, неэффективности опыта предыдущих поколений молодежь теряет доверие к рекомендациям окружающих, беря на себя ответственность за свои решения в самых разных сферах.

Ключевые слова: Москва, студенты, доверие/недоверие, субъекты управления, социологическое исследование

STUDENT YOUTH OF THE CAPITAL IN THE LOCUS OF TRUST/DISTRUST

Shirokalova Galina Sergeevna

*DSc in Sociology, expert of the project office of humanitarian analytics
Moscow City University*

*E-mail: shirokalova@list.ru
orcid.org/0000-0003-4089-54468*

In the Year of Folk Art and Intangible Cultural Heritage of the Peoples of Russia (2022), the Russian Society of Sociologists conducted an online survey "Cultural Heritage and the connection of generations" among students of Russian universities. One of the goals of the study is to identify the level of independence of students when choosing strategies and tactics of behavior in different situations. The analysis of the array of Russians (9751 people) receiving higher education showed that the place of residence where the primary socialization of students took place is an important factor determining the mentality of students. This makes it necessary to analyze the results of the study by region. For this article, we have selected the answers of those students whose childhood was spent in Moscow (587 people). The choice of this social group is caused by the fact that the residents of the capitals change their mentality most quickly due to extensive connections with students from foreign countries, great opportunities for versatile professional and cultural socialization, acceleration of the rhythm of life, requiring the rejection of traditional practices, competition for jobs, including with migrant workers of different nationalities, possessing

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

an active life position, who came with the aim of achieving higher statuses through vertical mobility in any social elevators. The analysis of the respondents' answers allows us to conclude that due to the uncertainty of the situation in the country, the lack of effectiveness of the experience of previous generations, young people lose confidence in the recommendations of others, taking responsibility for their decisions in a variety of areas.

Keywords: Moscow, students, trust/distrust, subjects of management, sociological research

Одной из значимых причин разрушения СССР было сформировавшееся во второй половине 1980-х годов под влиянием проводимой М.С. Горбачевым политики массовое недоверие народа к власти и порожденное ею сомнение в правильности и достижимости целей, провозглашаемых ранее съездами КПСС. Единство разноцелевых групп, основывающееся на протесте, раскалывается, когда исчезает объект противостояния, что и случилось в начале 1990-х гг. после разрушения Советского Союза. Каждый оказался перед возможностью личного выбора своей жизненной траектории: вариантов было множество и далеко не все могли быть реализованы в рамках «социалистической морали» и закона. Деструкция семей и судеб, самоубийства и убийства, рэкет и коррупция - все это воспитывало индивидуализм, недоверие даже к близким, отчуждение от государства. Это та атмосфера, в которой формировались родители сегодняшних студентов.

С 1995 г. «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» (в настоящее время имеет статус иностранного агента) проводил репрезентативный опрос среди взрослого населения на тему «Можно ли доверять окружающим?» На вопрос: «В какой мере вы согласны или не согласны со следующим суждением: «Доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям»? в 1994 г. 75% высказалось за доверие близким, а в 2001г. – 78%, т.е. каждый четвертый не был уверен в надежности отношений даже с близкими людьми. Еще большее отчуждение от социума проявилось в ответах на вопрос: «Как вы считаете, можно ли в целом доверять людям, или следует быть осторожным, имея дело с другими людьми?» Вариант ответа «можно доверять» в 1995 г. выбрало 24%, в 2008 г. – 26%. «Следует быть осторожным», соответственно, 76% и 70%. Затруднилось с ответом в 2008 г. 4% [Левада-Центр 2008].

Исследование на аналогичную тему провел ФОМ в 2019 г.: «78% респондентов относятся друг к другу с недоверием. 65% опрошенных выразили мнение, что в общении с другими людьми необходима осторожность, а 48% участников исследования признались, что при знакомстве испытывают к новому человеку недоверие. 36% респондентов предупреждают, что обманутое доверие уже не восстановить». «Динамика указанных параметров с 2005 года крайне невелика — в пределах пяти процентных пунктов», что подтверждает достоверность результатов о сформировавшемся в российском обществе межличностном недоверии [ФОМ 2019]. Причины недоверия, в основе которого лежит отчуждение по многим основаниям (от региональных до национальных, от меж- и внутрипрофессиональных до групповых) проанализированы в монографии Ж.Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)». [Тощенко 2020, с. 115 - 146].

Некоторая стабилизация положения в стране в 2000-х не отменила новых норм и правил жизни и недоверия к окружающим. Отчуждение/индивидуализм стали привычкой и уже не воспринимаются столь эмоционально как в девяностые. На первое место выходит стремление к успеху, как к гарантии более стабильного будущего, если не своего, то хотя бы детей, в том числе через миграцию, которая требует от человека постоянного нахождения в локусе доверие/недоверие. Несмотря на «опыт предательства», пережитый в «новой России», каждый седьмой «хотел бы, чтобы его ребенок жил в столице», т.к. большинство считают Москву — «городом возможностей», «уверены, что в столице России лучшее образование, лучшие условия для успешной

карьеры, практически идеальные факторы для материального благополучия» [Статистика 2021].

Недоверие, как и доверие, могут проявляться в разных формах. Одна из них – отношение к мнениям окружающих при формировании собственной стратегии и тактики жизни. В нашем исследовании 2022 г. [Дулина, Засыпкин и др. 2022, с. 151–154; Дулина Н. В. и др. 2022, с. 61–78.] студентам было задано два вопроса: об отношении к советам родных (табл. 2) и окружающих (табл. 3).

Таблица 2

**ЗНАЧИМОСТЬ МНЕНИЯ РОДСТВЕННИКОВ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
В РАЗНЫХ СИТУАЦИЯХ, %**

Как часто в разных жизненных ситуациях вы используете советы, опыт родных?	никогда	редко	часто
Организуя свой быт	12,9	36,8	50,3
Выбирая профессию	22,3	41,0	36,7
Покупая одежду, обувь	24,3	42,3	33,4
Планируя доходы / расходы	29,7	38,6	31,8
Выстраивая отношения с людьми	29,4	42,5	28,1
При оценке событий в стране	32,5	38,1	29,4
При оценке событий в мире	32,6	38,4	28,9
Выбирая место подработки	37,2	37,1	25,6
Выбирая спутника жизни	48,0	34,9	17,1
Выбирая формы свободного времени	44,9	41,7	13,4
Выбирая друзей	46,7	39,2	14,1
Выбирая книги, музыку, кинофильмы и т. д.	53,1	32,9	14,0
Планируя количество детей в собственной семье	65,3	22,5	12,3

Есть основания считать, что ответы, представленные в таблице, в какой-то степени отражают самоуверенность и стремление к самостоятельности, свойственные молодежи, не совсем соответствующие реальному положению дел. Собственный социальный опыт еще настолько мал, чтобы на его основе формировать картину мира, но поиск места в жизни всегда сопровождался преувеличением своей «самости», тем более в ситуации, когда опыт «предков» не конструктивен в новых условиях.

Молодежь стремится к «ограждению» своего личного пространства от влияния даже ближнего круга общения. Наиболее самостоятельной молодежь хочет быть в вопросах организации семейной жизни, выборе друзей. Наиболее авторитетны родные в вопросах устройства повседневной жизни: экономически зависимые от родителей студенты вынуждены считаться с их мнением при организации быта, покупках, планировании расходов/доходов. Каждый третий учитывает мнение родных и при выборе профессии, не всегда имея возможность настоять на своем выборе. Исследуя влияние родителей на профориентацию детей, Л.В. Карцева пришла к выводу: «...настроения родительской аудитории в сфере ориентации подростков на получение профессии очень разные, что отражает состояние современного и демократически развивающегося общества» [Карцева 2019, с. 81].

Влияние родных на личные отношения с окружающими большинство студентов стремится либо ограничить, либо принципиально самостоятельно принимая решение.

Не достаточно авторитетны оценки родных, даваемые политическим событиям в мире и России, что объяснимо противоречием между официальной пропагандой и общественным мнением, основывающемся на событиях повседневности.

Во время становления личности значимость родителей постепенно вытесняется авторитетом других акторов. Некоторые из них перечислены в вариантах ответа на вопрос «Укажите, чье мнение в разных жизненных ситуациях для вас наиболее авторитетно? В качестве субъектов предлагался список из преподавателей, друзей, блогеров, рекламодателей (табл. 3).

Таблица 3

**АВТОРИТЕТНОСТЬ МНЕНИЙ РАЗНЫХ АКТОРОВ В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ВЫРОСШИХ В МОСКВЕ, %**

Чье мнение в разных жизненных ситуациях для вас наиболее авторитетно?	важнее собственное мнение	друзей	Преподавателей	блогеров	Рекламодателей	Итого
Планирования количества детей в семье	76,5	16,7	5,5	0,7	0,7	100,0
При выборе спутника жизни	75,8	16,9	5,5	1,2	0,7	100,0
Выбор друзей	75,1	17,5	6,0	0,7	0,7	100,0
Планирование доходов / расходов	73,6	17,0	6,6	0,9	1,9	100,0
Выстраивание отношений с людьми	72,9	19,9	4,9	0,3	1,9	100,0
Организация своего быта	71,9	19,1	6,3	1,9	0,9	100,0
Выбор профессии	70,7	17,5	10,1	0,3	1,4	100,0
Проведение свободного времени	67,6	23,5	6,0	1,4	1,5	100,0
При оценке событий в стране	66,4	20,8	9,2	2,7	0,9	100,0
При оценке событий в мире	65,9	19,9	9,2	3,2	1,7	100,0
Покупка одежды, обуви	65,4	25,0	4,4	3,1	2,0	100,0
Выбор места подработки	65,6	19,4	9,5	1,4	4,1	100,0
Выбор книг, музыки, фильмов	62,2	24,7	6,3	4,6	2,2	100,0

О разрушении системы образования свидетельствует низкий уровень авторитета преподавателей, мнение которых игнорируется при выборе профессии, форм проведения досуга, оценок событий в стране и в мире... На оценку событий в мире и России в два раза чаще влияют друзья, чем профессора и доценты. Это ли не показатель кризиса образования как социального института?

Новым явлением по сравнению с XX веком стал блоггинг. Опрос 1020 студентов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского позволил М.В. Жижиной сделать вывод: «... респонденты оценивают личность блогера преимущественно в позитивном эмоциональном ключе, репрезентация представлений характеризуется понятиями с позитивной смысловой коннотацией. Блогер воспринимается респондентами как молодой человек, который

транслирует определенные смыслы и ценности, оказывает реальную помощь и реализует различные значимые функции» [Жижина 2019, с. 432].

Не оспаривая важность для молодежи блогосферы, отметим: опрошенные нами московские студенты оценили влияние блогеров на свое поведение в различных ситуациях как минимальное, так же как и влияние рекламных акций. Не имея материальных возможностей следовать за рекомендациями тех, кто имеет высокий уровень дохода, студенты не бегут в бутик за престижной сумкой, не путешествуют на Мальвины, а друзей выбирают из ближайшего окружения. Но в одном нет сомнений, что представление о жизненном идеале формируется и под влиянием блогинга.

Подтверждает значимость этого фактора исследование пяти тысяч респондентов от 16 до 55 лет по всей РФ, согласно которому до 80% готовы бросить работу, чтобы работать блогерами. Согласно оценке сооснователя платформы Perfluence К. Пыжова, «Блогер сегодня - это полноценная профессия, фактически "пятая власть", которая в ближайшие 5 лет вытеснит и заменит своим влиянием современные медиа. Поэтому мы изучаем не только отношение к блогерству как к профессии, но и ее влияние на формирование современных трендов в обществе" [Проценко 2021]. Понятно их желание войти в список профессий, чтобы иметь право на социальную защиту [Колозариди 2018], но если блогер станет основным источником информации и «повелителем мод» наступит эпоха самоуничтожения через проксивойны.

Круг общения одно из условий успешности социализации. Для молодых маркером «свой/чужой» часто служит выбор музыки, фильмов, одежды, структуры досуга. Но и в этих сферах студенты не следуют бездумно за друзьями: не желая внешних ограничений для себя, они признают право каждого на свое мнение. На первом месте при выборе круга общения схожесть интересов, которая не обязательно основывается на уровне образования и будущей профессии. Территориальная близость тоже значима, но не главная. Часто сохраняются привязанности детства. Критерий материального достатка – на пятом месте, религиозная принадлежность – на восьмом, национальность – на девятом. Примерно такая же иерархия предпочтений и в других регионах [Пронина 2023, с. 17].

Подведем итоги. Измерение уровня доверительности в отношениях между людьми через оценку значимости мнения акторов, входящих в круг общения студентов, дает основания для вывода о формировании поколения с критическим отношением к действительности, которое лежит в основе отчуждения и индивидуализма. Это не означает, что у молодых достаточно знаний и навыков для адекватной оценки событий. Многочисленные исследования свидетельствуют о мозаичности сознания россиян, приоритетности влияния яркой формы подачи материала, а не аналитики, что влечет риски для стабильности социума. Тривиальным, но необходимым (и не единственным) условием изменения социальных характеристик молодежи является реформирование системы образования через увеличение объема аудиторных занятий с преобладанием аналитических по характеру заданий.

Список литературы

1. Дулина, Засыпкин 2022 - Дулина Н. В., Засыпкин В. П., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154.
2. Дулина и др. 2022 - Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78.

3. Жижина 2019 - Жижина М. В. Социальные представления студенческой молодежи о личности блогера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 432–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-432-436>.
4. Карцева 2019 - Карцева Л.В. Профориентационные установки родителей старшеклассников и их влияние на профессиональное самоопределение учащихся школы// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (54). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 196 с. С. 68–83.
5. Колозарида 2018 - Колозарида П., координатор Клуба любителей интернета, социолог, интернет-исследователь Мир, труд, блог. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3649899>. 18.06.2018 (дата обращения: 06.04.2023).
6. Левада-Центр 2008 - Левада-Центр : Можно ли доверять окружающим? URL: <https://www.levada.ru/2008/06/10/mozhno-li-doveryat-okruzhayushhim/> (дата обращения: 01.04.2023).
7. Пронина и др. 2023 – Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Юрьев П. С. Советский Союз: что осталось от дружбы народов? // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 10 – 11 ноября 2022 г. / Соликамский государственный педагогический институт (филиал) ФГАОУВО «ПГНИУ»; Г. Н. Захаренко, Т. А. Безусова, Ю. В. Дмитриева, составление. – Соликамск: СГПИ, 2023. – 172 с. – ISBN 978-5-91252-174-4. С. 14–18.
8. Проценко 2021 - Проценко А. Опрос показал, сколько россиян хотят стать блогерами. URL: <https://rg.ru/2021/08/18/opros-pokazal-skolko-rossiiian-hotiat-stat-blogerami.html>. 18.08.2021 (дата обращения: 06.04.2023)..
9. Статистика 2021 - Статистика загадочной русской души: мы собрали все главные предпочтения россиян - Рамблер/новости. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/46465310>. 21 мая 2021 (дата обращения: 06.04.2023).
10. Тощенко 2020 - Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. – 352 с.
11. ФОМ 2019 - ФОМ: три четверти опрошенных россиян не доверяют друг другу «Давыдов.Индекс. URL: <https://davydov.in/everything/fom-tri-chetverti-oproshennyh-rossiyan-ne-doverayut-drug-drugu/>. 7 июня 2019 (дата обращения: 06.04.2023).

УДК 001

ПРОБЛЕМА ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ: «ПРОШЛОЕ» VS «БУДУЩЕГО» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТИ

Якова Тамара Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: t-yakova@mail.ru

Янглева Марина Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: marinapavlikova@mail.ru

В статье представлены результаты исследования интереса мировой интернет-аудитории к темпоральным смыслам по географическим локациям. Опираясь на большие данные в ходе медиагеографического анализа, авторы приходят к выводу о значительной анизотропии интереса к темпоральным смыслам по регионам мира и констатируют смещение фокуса внимания ко времени по оси «прошлое – будущее» для населения различных стран. Такая ситуация, по мнению авторов, детерминирована политической практикой, сформировавшей историческую, политическую, экономическую и социальную реальность. Авторы выделяют группы стран, ориентированных на будущее или прошлое. Одним из важных выводов исследования стало заключение со том, что типичный мировой потребитель информации больше интересуется будущим, чем прошлым, про том, что его интерес к «настоящему» не меняется во времени. В современной России интернет-статистика фиксирует попытки как осмыслить и дать оценки прошлому, так и обрисовать контуры будущего, при чем интерес к будущему проявлен более явно.

Ключевые слова: прошлое, будущее, настоящее, медиагеографический анализ, интернет-аудитория, большие данные

THE PROBLEM OF TEMPORALITY IN THE SOCIAL: "PAST" VS "FUTURE" IN THE CONTEXT OF POLITICAL RELEVANCE

***Yakova Tamara Sergeevna**
PhD, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
E-mail: t-yakova@mail.ru*

***Yanglyeva Marina Mikhailovna,**
PhD, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
E-mail: marinapavlikova@mail.ru*

The article presents the results of a study of the interest of the global Internet audience in temporal meanings by geographical locations. Based on big data within the framework of media geographic analysis, the authors conclude that there is a significant anisotropy of interest in temporal meanings across the region of the world and state a shift in the focus of attention to time along the “past-future” axis for the population of various countries. This situation, according to the authors, is determined by political practice that has shaped the historical, political, economic and social reality. The authors identify groups of countries oriented towards the future or the past. One of the important conclusions of the study was the conclusion that the typical global consumer of information is more interested in the future than in the past, that his interest in the “present” does not change over time. In modern Russia, based on Internet statistics, attempts are recorded both to comprehend and evaluate the past, and to outline the contours of the future, moreover, interest in the future is shown more clearly.

Keywords: past, future, present, mediageographic analysis, Internet audience, big data

Современное обновление наук об обществе должно быть связано с переносом акцента на их темпоральность - их временную сущность, порожденную динамикой их особенного движения. С конца прошлого века значение времени в исторической науке переосмыслено. Хотя среди ученых стали популярны идеи презентизма (т. е. приоритета настоящего), проблема разграничения границ между базовыми темпоральными модусами остается не только не решенной, но и недоосмысленной. Из-за «революций в историописании» сегодняшний исторический объект «характеризуется неуловимостью и прозрачностью, делающими проблематичными разграничение прошлого и настоящего» [Анкерсмит 2009, с. 264; Николайчук, Янгляева, Якова 2020, с. 7-10].

Разбирая вопрос о границах темпоральных модусов мы можем исследовать в качестве характеристик этих модусов тренды потребления основных экзистенциальных метасмыслов, которые связывают общество и время [Николайчук, Янгляева, Якова 2022].

Обратимся к такому понятию, как нацеленность социальной общности на будущее или, точнее, определимся с проекциями интегральных интересов членов общества на ось времени в дискретном наборе «прошлое-настоящее-будущее». Конечно, в социологии развиты исследования, связанные с определением подобных характеристик, ведется тщательный мониторинг и подсчет различных «индексов социального оптимизма» и «индексов оценок общего развития страны», но стоит уделить внимание некоторым глобальным оценкам подобного рода, которые базируются на ментальной «самоиндукции» и «самовыражения» населения. Вопрос не праздный, поскольку значительная часть мировой интеллектуальной элиты исповедует ту идею, что в наше время и в контексте политической актуальности обращение к историософии смыслов важнее, чем проектирование будущего.

Еще в 2008 г. для оценки результатов работы массмедиа по предотвращению вхождения населения в состояние фрустрации под воздействием негативно развивающейся политико-экономической обстановки во время финансового кризиса, специалистами был использован такой слабый медиаметрический индекс, как отношение частоты встречаемости в статьях, информационных сообщениях, комментариях и пр. глагола «есть» в форме будущего времени «будет» к частоте его встречаемости в форме прошедшего времени «был». Предполагалось, что обращение к будущему связано с принесением оптимистического настроения и моментов мобилизации на преодоление трудностей, а к прошлому (в сложной обстановке, сформировавшей уже определенный негативный социальный опыт) – к развитию настроений пессимизма. Здесь укажем, что использовалась база данных русскоязычных публикаций «Public». Исходя из средних значений этого индекса за неделю, указанное отношение для информационного потока из Карелии (например) оказалось близко к 0,40 – 0,45. Это очень неплохой показатель, говорящий и о том, что региональные СМИ Карелии тогда формировали реальную и взвешенную картину социального бытия населения, в широком смысле этого слова, - сочетается практически в равных долях как описание перспектив, так и прошлое. Резкое снижение значения индекса до 0,25, как это имело место в «неделю обсуждения кризиса» 8 – 14 ноября 2008 г. отражало процессы, ведущие к фрустрации населения.

В приведенном выше примере речь идет о медийном контенте, т.е. о предложении смыслов населению. Вряд ли упомянутые показатели могут быть совместимы с потреблением этих смыслов, однако необходимо согласиться с принципиальной возможностью использования подобных данных как индикаторов динамики общественных процессов. Находя соответствующие индексы для массмедиа того или иного региона в рамках медиагеографического подхода можно определить не только характер редакционной политики этих массмедиа в конкретные моменты времени, но и качество выполнения журналистами своих социальных функций.

«Изобретая» подобные индексы для описания поведения интернет-пользователей можно использовать полученные количественные данные для определения каких-то важных особенностей людских сообществ на глобальном, региональном (страновом) и локальном уровнях. Проведем анализ потребления интернет-пользователями таких «нечетких» смыслов, как «будущее», «настоящее» и «прошлое». Здесь следует учитывать следующее обстоятельство. В исследованиях, основанных на сравнении результатов простых запросов, без ограничений по полисемии и без прочих процедур лингвистической очистки дескрипторов в поисковом предписании, позволяющих

повысить релевантности выборки, к итогам подсчетов следует подходить с большой осторожностью. Например, люди склонны интересоваться темами, относящимися к изучению грамматики родного или иностранного языка – имеются в виду формы будущего или прошедшего времени для глаголов и пр. Особенно это могло исказить истинную картину в период пандемии коронавируса, поскольку превалировали дистанционные формы обучения. Тем не менее, будем считать, что подобный информационный шум равномерно распределен по всему периоду и не вносит существенных искажений в качественную картину протекания интересующих нас процессов.

Динамика относительного интереса к темам «Будущее», «Настоящее» и «Прошлое» в системе Google за последние 10 лет для всего мира представлена на рис. 1. Конкретные данные по замерам относительного интереса к этим темам в мире и в отдельных странах приведены в таблице 2.

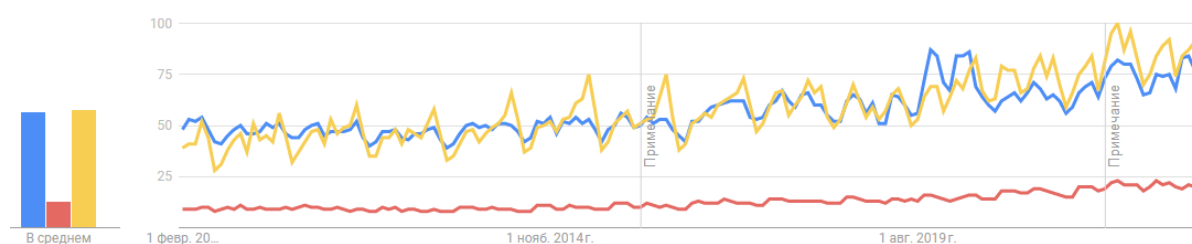

Рис. 1. Сравнение динамики популярности запросов «Будущее – Тема» (синий), «Настоящее – Тема» (красный) и «Прошлое – Тема» (желтый) для всего мира

Примечание. Период с 01.04.2010 по 09.04.2023 гг. Система Google. Дата запроса 09.04.2023 г.

Первое важное заключение состоит в следующем. Типичный мировой потребитель информации больше интересуется будущим, чем прошлым: отношение интереса к соответствующим темам равно 1,30, хотя такое превышение и нельзя считать аномально большим. При этом потребление смысла «настоящее» весьма незначительно и не меняется во времени. Будучи погруженным в настоящее человек не очень озабочен его осмыслением, преобладают рефлексы реагирования. Отметим и такой важный факт. Относительный интерес к будущему существенно вырос с 2016 г. Хотя Google в свое время анонсировал изменение в системе сбора данных с 01.01.2016 г., мы связываем указанный рост не с этим изменением, а с очевидным нарастанием ощущения потери ориентации индивидуума по отношению того, куда движется мир. Пик марта 2020 г., безусловно, связан с ажиотажным спросом на предлагаемый политический смысловой вопрос «каким будет мир после пандемии ковида?», когда массмедиа и социальные сети тиражировали утверждение, что «мир уже никогда не будет прежним, он станет совсем иным», не давая при этом, однако, ясных ориентиров возможных трансформаций.

Наиболее значимым результатом подобного исследования мы считаем обнаружение значительной анизотропии интереса к темпоральным смыслам по региональным локациям. Констатируем наличие смещения фокуса внимания к времени по оси «прошлое – будущее» для населения различных стран, что, разумеется, детерминировано политической практикой, в том числе и последствиями приложения политических усилий, сформировавших конкретную историческую, политическую, экономическую и социальную реальность. Степень такого смещения будем измерять через «индекс фокуса времени» (ИФВ), который рассчитывается как отношение среднего значения популярности темы «Будущее» к среднему значению популярности

темы «Прошлое» для того или иного периода времени. Исходные данные для расчета индекса по ряду стран для периодов времени с 01.01.2010 по 04.02.2021 гг. и с 01.01.2018 по 09.04.2023 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1

**Исходные данные для расчета индекса фокуса времени
для периодов времени
с 01.01.2010 по 04.02.2021 гг. и с 01.01.2018 по 09.04.2023 гг.**

Страна	Период с 01.01.2010 по 04.02.2021			Период с 01.01.2018 по 09.04.2023		
	Будущее	Настоящее	Прошлое	Будущее	Настоящее	Прошлое
<i>Весь мир</i>	<i>57</i>	<i>12</i>	<i>44</i>	<i>65</i>	<i>16</i>	<i>64</i>
Россия	64	5	23	43	8	20
США	70	18	57	74	16	63
Франция	47	3	12	65	2	34
Германия	64	10	42	65	10	52
Великобритания	48	9	45	13	2	33
Израиль	48	8	39	44	9	65
Швеция	43	7	11	56	10	17
Турция	48	1	30	60	6	31
Польша	42	3	45	56	6	52
Италия	37	8	51	40	7	55
Финляндия	42	2	7	61	4	13
Япония	34	9	26	52	21	69

Таблица 2

**Индекс фокуса времени для периодов времени
с 01.01.2010 по 04.02.2021 гг. и с 01.01.2018 по 09.04.2023 гг.**

Страна	ИФВ1	ИФВ2
<i>Весь мир</i>	<i>1,30</i>	<i>1,02</i>
Россия	2,78	2,15
США	1,23	1,17
Франция	3,92	1,91
Германия	1,52	1,25
Великобритания	1,07	0,39
Израиль	1,23	0,67
Швеция	3,91	3,29
Турция	1,60	1,94
Польша	0,93	1,08
Италия	0,73	0,73
Финляндия	6,00	4,69
Япония	1,31	0,75

Из полученной статистики заметно устремление в прошлое Италии. Сильно изменились темпоральные приоритеты Израиля, который теперь тоже находится в группе стран с сильным креном в прошедшее. Можно прокомментировать результаты, опираясь на следующую гипотезу: страны, для которых ИФВ меньше 1,0 следует рассматривать как жертвы постмодерна – здесь изжит серьезный интерес к миропроектированию, пассионарность национальных элит в этой привязке низка.

С известными допущениями такие страны можно оценивать как приверженцев стратегии «Не хотим перемен». С другой стороны, существуют государства, где наблюдается аномально высокий интерес к теме будущего. ИФВ здесь выше 3,0. Тон здесь задают такие страны, как Финляндия и Швеция, социальное благополучие которых не стало причиной спокойствия элит. Местные политики твердо ориентированы на поддержание позитивной социальной динамики, при этом к прошлому у них нет никаких вопросов.

Интересно разобрать феномен Франции, где ИФВ один из самых высоких. Считаем, что привычная нам Франция уходит в прошлое. Тема будущего Франции достаточно сложная и болезненная, но то, как должна быть произведена конфигурация новой французской идентичности, т.е. что такое будет Франция в ближайшей и среднесрочной перспективе, это, разумеется, самый актуальный вопрос национальной повестки дня. Курс в будущее пока не проложен, он является предметом в целом позитивных, хотя и слишком эмоциональных общественных дискуссий.

Россия, как оказалось, вместе со странами постсоветского пространства (за исключением стран Балтии и Закавказья), составляет особый кластер (ИФВ лежит в пределах от 2,0 до 3,0), где, с одной стороны, необычайно проявлен синдром попыток проявить контуры будущего, но с другой стороны общество принуждается под предлогом политической целесообразности к дискуссиям по поводу осмысления и оценки прошлого, что, якобы, необходимо для движения вперед. Последнее обстоятельство, как представляется исходя из наших расчетов, не носит сколь-нибудь рационального характера. В любом случае, по нашему мнению, научное сообщество накопило уже достаточно данных для признания истиной того, что создание «дорожных карт» движения к будущему на основе навязывания вполне себе субъективных результатов «осознания прошлого» невозможно.

Список литературы

1. Анкерсмит 2009 - Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер . с англ . М.Кукарцевой и др . М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 264.
2. Николайчук 2020 - Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Управление прошлым. Массмедиа, мифотворчество, идентичность. М.: Издательство ИКАР, 2020. С. 7-10.
3. Николайчук 2022 - Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Потребление смыслов. Массмедиа, идеология, политика. М.: Издательство ИКАР, 2020. 364с.

Часть 13. Трансцендентальная метафизика опыта: от неокантианства к пост-пост- позитивизму

УДК 323.27

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

Зиновьев Андрей Олегович

*Кандидат политических наук, доцент кафедры Истории, философии, политологии
и социологии*

Петербургский государственный университет путей сообщения

E-mail: azin73@mail.ru

В работе предложено понимание трансцендентальной философии как разделения «космоса» и «полиса». Данное разделение лежит в основе критики «биологизма» философии жизни Г. Риккертом. В творчестве Ю. Хабермаса теоретическое наследие И. Канта сочетается с влиянием системного подхода Н. Лумана. Системный подход Н. Лумана является современной версией «биологизма» и позитивизма в социологии. Под влиянием воззрений К.-О. Апеля и М. Вебера, Хабермас пришел к переосмыслению теоретического наследия Канта. Акцент на ключевой роли общества в формировании «коммуникативной рациональности» сближает Хабермаса с социологической теорией Р. Коллинза, и позволяет понимать государство как диалектику «стратегической рациональности» и «коммуникативной рациональности». Данная диалектика лежит в основе включения системной теории в общее понимание общества у Хабермаса. Но критика Риккертом «биологизма» служит основой для сомнений в теоретической ценности социологической теории Лумана для политико-философского проекта Хабермаса.

Рационализированный жизненный мир является ключевым элементом современного общества и поддерживает существование современной науки. Именно «коммуникативная рациональность» поддерживает современную науку, а не мнимые биологические гарантии социальной эволюции человечества (в виде системной теории).

Ключевые слова: общество, наука, космос, полис, стратегическая рациональность, коммуникативная рациональность

TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY AND SOCIETY

Zinovev Andrey Olegovich

CSc of Political Sciences, Associate Professor

St. Petersburg State Transport University

E-mail: azin73@mail.ru

The paper proposes an understanding of transcendental philosophy as a separation of the "cosmos" and the "polis". This division is the basis of G. Rickert's criticism of the "biologism" of the philosophy of life. In the work of J. Habermas, the theoretical heritage of I. Kant is combined with the influence of the systematic approach of N. Luhmann. N. Luhmann's systematic approach is a modern version of "biologism" and positivism in sociology. Under the influence of the views of K.-O. Apel and M. Weber, Habermas came to rethink the theoretical heritage of Kant. The emphasis on the key role of society in the formation of "communicative rationality" brings Habermas closer to the sociological theory of R. Collins, and allows us to understand the state as a dialectic of "strategic rationality" and "communicative rationality". This dialectic underlies the incorporation of systems theory into Habermas's general understanding of society. But Rickert's critique

of "biologism" serves as the basis for doubts about the theoretical value of Luhmann's sociological theory for Habermas's political-philosophical project.

The rationalized lifeworld is a key element of modern society and supports the existence of modern science. It is "communicative rationality" that supports modern science, and not the imaginary biological guarantees of the social evolution of humanity (in the form of a system theory).

Keywords: society, science, cosmos, polis, strategic rationality, communicative rationality

Философское наследие И. Канта сохраняет и утверждает классическое разделение «космоса» и «полиса», которое впервые было сформулировано в древнегреческой философии. Данное разделение выражается в виде различия «чистого разума» и «практического разума» в системе трансцендентальной философии. Подобное разделение позволяет понимать философию Канта в рамках марксизма как «субъективный идеализм». Политико-философский проект Ю. Хабермаса начинался, как попытка переосмыслить марксистскую «критическую теорию», но под влиянием идей М. Вебера и Н. Лумана постепенно превратился в своеобразную «реконструкцию» «субъективного идеализма» Канта, что нашло выражение в понятии «детрансцендентализированного разума». В общем плане, по моему мнению, можно говорить, что классическое разделение «космоса» и «полиса» находит свое выражение в понимании государства как диалектики «стратегической рациональности» и «коммуникативной рациональности». Древнегреческий полис был одним из видов раннего государства, то есть может пониматься как указанная диалектика. И именно в социальных реалиях полиса как государства и общества сформировалась древнегреческая философия, в рамках которой появилось классическое различие «космоса» и «полиса». Кроме того, философия Канта (а отчасти и философия Маркса) содержит в себе общие положения Христианства. Ключевая идея свободы воли человека, которая реализуется в «практическом разуме», основана на создании человека по образу и подобию монотеистического Бога.

Создание позитивизма О. Контом означало попытку описать «полис» с помощью «космоса», с помощью данных биологии. В работах Г. Спенсера общество понималось по аналогии с биологическим организмом. Влияние биологических аналогий в науках об обществе базируется на очевидной биологической природе человека и на сохранении биологических потребностей человека в современных обществах. Наука может быть внесена в биологические представления об эволюции общества, как это предложено в системных исследованиях общества и науки у Н. Лумана. Системный подход, который сближает данные социологии и биологии, противостоит классическому различению «космоса» и «полиса» на современном этапе дискуссий о возможности (или невозможности) единой науки.

Деятельность «Венского кружка» была важным этапом в актуализации классического позитивизма. По мнению Майкла Фридмена [Фридмен 2021], данная актуализация была связана с проблемами немецкого неокантианства. Эти проблемы проявились в споре между Мартином Хайдеггером (который был учеником Генриха Риккерта и Эдмунда Гуссерля) и Рудольфом Карнапом (который был последователем Марбургской школы неокантианства и ключевым продолжателем дела «Венского кружка»). Дух трансцендентальной философии продолжил Эрнест Кассирер, который был главным продолжателем Марбургской школы неокантианства. Понимание расхождения аналитической философии и континентальной философии как спора между Хайдеггером и Карнапом, сближает Фридмена с пониманием истории философии как «социологии философий» в духе американского социолога Р. Коллинза [Коллинз 2002]. По моему мнению, идеи Коллинза являются важным социологическим дополнением понятия «коммуникативной рациональности». Любые научные идеи усваиваются в рамках обыденных бесед между учеными, и актуализация научных идей связана

с успешностью межличностной «педагогике» в духе «коммуникативной рациональности».

Ключевые пункты критики «биологизма» в понимании науки четко обозначены Риккертом [Риккерт 1998, с. 257-306]. Критику Риккертом «биологизма» философии жизни можно понимать как продолжение классического различия «полиса» и «космоса». Построения в духе «социальной эволюции» отражают только часть реальной истории человечества и опускают многие другие важные аспекты человеческой истории. Реальная жизнь людей более богата по сравнению с «жизнью» как биологическим явлением. Опора Риккерта на наследие Канта в понимании специфики истории оказала сильное влияние на методологические воззрения Макса Вебера. В целом, Вебер пытался занять среднюю позицию между позитивизмом и идеями Риккерта, но был ближе к методологии неокантианства, а не к классическому позитивизму. С Риккертом Вебера сближает методологическая критика в адрес Маркса. Данная критика сближает Вебера также с Карлом Поппером, но здесь необходимо указать на ряд принципиальных различий. Понимание создания современной науки как аналога биологической эволюции, которое в рамках философии науки связано с именем Карла Поппера, создает оптимистическое видение эволюционной неизбежности появления современной науки в историческом процессе. Но в реальной истории, современная наука является частью истории Европы. А для истории Европы характерен феномен политических революций. Марксизм предлагает понимать данный исторический факт в рамках феномена «капитализма». Для Вебера оптимистическое представление об эволюционной неизбежности современной науки было совершенно чуждо. Его понимание процессов «рационализации» носило исторический характер и означало ограничение свободы воли современного человека в результате бюрократизации. Акцент Вебера на роли религии означал акцент на более сложных отношениях между «политикой» и «экономикой» по сравнению с теоретическими построениями Маркса. При этом Вебер признавал научную ценность теоретических построений Маркса как основы для постановки научных вопросов об исторических истоках современного общества в Европе.

Исторический синтез Маркса часто понимают в духе движения в сторону «социальной эволюции». На мой взгляд, более точно было бы говорить о преждевременности теоретического синтеза данных наук об обществе, который создал Маркс в совокупности своих работ. Соединив философию Гегеля с «протосоциологией» Сен-Симона и либеральных французских историков, и с экономической теорией Риккардо, Маркс теоретически синтезировал три сомнительных опоры своего строения, которые были подвергнуты справедливой критике в рамках соответствующих областей знания (философии, социологии и экономики). Только опора в виде философии Гегеля оказалась достаточно устойчивой опорой, в силу специфики философского знания. По данной причине, попытки спасти учение Маркса в западном марксизме (особенно в творчестве Д. Лукача) опирались на философию Гегеля. В целом, марксизм является серьезной попыткой разобраться с проблемами именно «полиса», а не «космоса». И теория Хабермаса может быть понята как еще одна попытка спасти теоретический синтез Маркса, сохранить марксизм как основу для критической теории современности.

Свое понимание Маркса Хабермас начал из перспективы немецкой философии. По мнению Коллинза [Коллинз 2002, с. 1015], Хабермаса можно считать продолжателем Хайдеггера, «дело Хайдеггера» сыграло важную роль в раннем формировании Хабермаса как немецкого философа. Более очевидно постоянное влияние на Хабермаса творчества его друга Карла-Отто Апеля. Именно Апель был одним из первых, кто попытался использовать наследие Канта для критики аналитической философии. В своей статье «Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка для

социальных наук» [Апель 2001, с. 193-236], он поставил важный вопрос о переосмыслении трансцендентальной философии с позиций философии языка и о ключевой роли общества («общество как субъект-объект критической социальной науки»). Проблематика данной статьи была развита Хабермасом в его ключевом произведении «Теория коммуникативного действия» и в понятии «коммуникативной рациональности» [Habermas 1995].

В творчестве Хабермаса можно отчетливо выделить социологический период, тесно связанный с полемикой с Луманом. В рамках данной полемики Хабермас предложил свою версию «социальной эволюции» в виде соединения идей Маркса с социологической системной теорией Парсонса-Лумана. В данном соединении содержится не только попытка обновить критическую теорию марксизма, но и критика одномерного социологического эволюционизма Парсонса-Лумана с позиций критической теории. По мнению Хабермаса, «социальная эволюция» имеет место в усложнения государственных бюрократий в виде политических систем и в усложнении рыночных экономик в виде экономических систем. Но для описания жизненного мира, который, по мнению Хабермаса, дополняет две системы в полном описании современных обществ, Хабермас использует понятие «рационализация» из понимающей социологии Макса Вебера. В процессах «рационализации» по Веберу, Хабермас различает «стратегическую рациональность», которая лежит в основе формирования систем, и «коммуникативную рациональность», которая порождается жизненным миром. Иначе говоря, Хабермас принимает понятие «социальной эволюции» вместе с системным подходом в социологии Парсонса-Лумана.

Современная наука требует рационализованного жизненного мира для поддержания своего существования со стороны общества. И само наличие рационализованного жизненного мира является мощной поддержкой науки со стороны общества и отчасти со стороны рыночной экономики. Примеры Китая и Ирана говорят о различном влиянии политических революций на структуру идеологической власти в государстве, а данная структура может различно влиять на условиях существования современной науки в различных государствах. Вера в социальную эволюцию как биологическую гарантию существования современной науки создает опасную иллюзию прочности современной науки. Процессы поддержания рациональности жизненных миров, по моему мнению, лучше описываются как результат реализации в управлении государством диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, а не как мнимые биологические гарантии социальной эволюции человечества.

Список литературы

1. Апель 2001 - Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.
2. Коллинз 2002 - Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
3. Риккерт 1998 - Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
4. Фридмен 2021 - Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер. М.: Канон+, 2021. 352 с.
5. Habermas 1995 - Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. Band I. 544 s.

КАНТОВСКАЯ МЕТАФИЗИКА ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Катречко Сергей Леонидович

*Кандидат философских наук, доцент философского факультета
Государственный академический университет гуманитарных наук*

E-mail: skatrechko@gmail.com

В «Критике чистого разума» и последующих «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике...» И. Кант развивает один из модусов своего трансцендентализма, который выступает *метафизикой возможного опыта*, задачей которой является исследование трансцендентальных условий возможности научного знания. П. Стросон определяет этот модус трансцендентализма в качестве *дескриптивной метафизики*. Кантовский трансцендентализм получает свое дальнейшее развитие в рамках неокантианства (теория опыта Г. Когена, философия символических форм Э. Кассирера) и логического позитивизма (концепция *конститутивного априори* Х. Райхенбаха, концепция *языковых каркасов* Р. Карнапа). Принципиальным при этом является то, что априорное подвергается *релятивизации, историзации и натурализации*. В частности, в работах Х. Райхенбаха вводится концепт *конститутивного априори* (в качестве конституирующего опыт предпосылки), а в концепции «языковых каркасов» Р. Карнапа в рамках лингвистического поворота в философии XX в. постулирует лингвистический характер априорного. Предлагаемая Т. Куном концепция парадигм является следующей фазой развития метафизики возможного опыта в качестве пост-эмпирической философии науки. В заключение статьи намечен переход к пост-куновской парадигме философии науки, на роль которого может претендовать развиваемая М. Фридманом концепция *динамического трансцендентализма*.

Ключевые слова: Кант, Кассирер, Райхенбах, Кун, Фридман, трансцендентальная философия (трансцендентализм), дескриптивная метафизика, априорное, конститутивное априори, динамический трансцендентализм

KANT'S METAPHYSICS OF EXPERIENCE AND ITS CONTEMPORARY DEVELOPMENT IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Katrechko Sergey Leonidovich

*CSc of Philosophy, Associate Professor of Faculty of Philosophy
State Academic University of the Humanities*

E-mail: skatrechko@gmail.com

In his "Critique of Pure Reason" and "Prolegomena to any future metaphysics ..." Kant develops one of the modes of his transcendentalism, which professionally deals with the *metaphysics of possible experience*, whose task is to study the transcendental conditions of the possibility of scientific knowledge (about nature) of the first level. P.Strawson defines it as *descriptive metaphysics*. Kantian transcendentalism is further developed within the framework of neo-Kantianism (H.Cohen's theory of experience, E.Cassirer's philosophy of symbolic forms) and logical positivism/empiricism (H.Reichenbach's concept of constitutive a priori, R.Carnap's concept of language frameworks). What is fundamental here is that the a priori is subjected to relativization, historicization and naturalization. In particular, H.Reichenbach introduces the concept of a *constitutive a priori* (as a constitutive experimental premise), and in the case of "language frameworks" R.Carnap as part of a linguistic turn in the philosophy of the XX-th century. postulates the linguistic character of the a priori. The concept of *paradigm* proposed by T.Kuhn is a possible stage in the development of transcendentalism as a post-empirical philosophy of science. In the conclusion of the article, a transition to the post-Kuhnian paradigm of the philosophy of science is predicted, the role of which can be claimed by the concept of *dynamic transcendentalism (dynamics of reason)* developed by M. Friedman.

Keywords: Kant, Cohen, Cassirer, Reichenbach, Kuhn, Friedman, transcendental philosophy, descriptive metaphysics, a priori, constitutive a priori, dynamics of reason

«Собственно философским во всякой философии является метафизика науки. Все науки, в которых применяется разум, имеют свою метафизику» (И. Кант, *Рефл.* 5861)

«Критика чистого разума», в которой Кант предпринимает «попытку изменить прежний способ исследований в метафизике [и] совершить в ней полную революцию» [Кант 2006, ВХХII; ср. с ВХVIII прим.]¹ является, как это заметил еще А. Шопенгауэр, величайшей книгой по философии, написанной в Европе. Поэтому неудивительно, что Кант выступает одной из самых влиятельных фигур современной философии, а его влияние и рецепция его трансцендентальной философии распространяется на множество областей философии исследований, таких как метафизика, метафилософия, эпистемология, философия и методология науки, когнитология, философия сознания, философская антропология, философия религии и др. В этой связи О. Хёффе в его книге «Кантовская критика чистого разума: основания современной философии» [Höffe 2010] говорит о *ре-трансцендентализации* современной философии в лице неокантианства, американского прагматизма (Льюис, Пирс), континентальной феноменологии (Гуссерль, Хайдеггер), аналитической философии (Витгенштейн, Стросон, Селларс, Патнэм), постпозитивизма (Поппер, Кун, Лакатос). Это указывает на то, что Кант предложил не просто одну из философских концепций, а он «стоит у истоков нового способа философствования» (М. Фуко) и его трансцендентализм выступает парадигмой для последующей *дескриптивной метафизики* (П. Стросон), нацеленной на исследование *концептуальных структур* нашего познания. Как замечает А.П. Огурцов, лишь *возрождение трансцендентализма как синтез натурализма* («Назад к вещам!») и *конструктивизма* («Все — конструкция!») может быть выходом для современной философии науки [Огурцов 2011, т.3, с. 376–377].

При этом существует множество альтернативных трактовок кантовского трансцендентализма и за прошедшие более чем 240 лет со дня публикации «Критики чистого разума» (далее — *Критики*) так и не удалось достичь консенсуса относительно того, как следует понимать его философию. При этом следует учитывать и то, что помимо современного кантианства трансцендентализм развивается также в модусах: 1. *неокантианства/пост-неокантианства*, 2. *феноменологии* и 3. *аналитического кантианства*.

Вместе с тем важно учесть и то, что кантовский трансцендентальный проект по мере его развития претерпевает определенные изменения, что выражается в изменении интенции трансцендентального исследования: если в 1-м издании *Критики* Кант говорит об изучении «наших понятиях a priori о предмете вообще» [A11–12]², то во 2-м издании *Критики* Кант определяет свой трансцендентализм как изучение «видов нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» [B25], что задает уже *методологический* модус трансцендентальной философии, и которая представляет собой не прежнюю догматическую онтологию, а *простую аналитику чистого рассудка* [как учения о категориях] (см. [B303]). Интересующий нас здесь модус трансцендентальной философии можно назвать *метафизикой опыта*, который в пост-кантовской философии соотносится уже с *философией и методологией науки* (или *метафизикой науки*: ср. цитатой из эпитафии). Хотя точнее этот модус точнее именовать

¹ Указание на стр. «Критику чистого разума» [Кант 2006] будем давать в международной пагинации.

² Этим указанием Канта на «предмет вообще» (нем. *Gegenstände überhaupt*) задается *онтологический* модус трансцендентальной философии.

метафизикой возможного опыта, поскольку она должна применяться к любому возможному (будущему) опыту. Этот модус трансцендентализма, представленный, помимо кантовской *Критики*, в его *Пролегоменах* (1783) и *Метафизических основаниях естествознания* (1783)ⁱⁱⁱ, получает свое дальнейшее развитие в неокантианстве (Г. Коген, Э. Кассирер), в логическом позитивизме (Г. Рейхенбах, Р. Карнап), аналитической философии науки (У. Куайн, Г. Бухдал), постпозитивизме (Т. Кун, И. Лакатос, Х. Патнэм, М. Фуко) и современной трансцендентальной метафизики науки (М. Фридман, М. Битбол, М. Массими), последняя из которых соотносится пост-позитивистским этапом философии науки.

Что представляет собой кантовская *метафизика [возможного] опыта*? Предварим наш ответ двумя замечаниями. Первое из них связано с происхождением термина «*метафизика опыта*». Впервые это выражение (как модус кантовской метафизики) вводит Г. Патон в своей книге «Кантовская метафизика опыта» [Paton 1936, p. 72] и противопоставляет его «спекулятивной метафизике прошлого». При этом Патон отсылает к фр. [ВХVIII] из *Критики*, в котором Кант, после введения им «измененного метода мышления» [ВХVIII], т.е. осуществления им своего *коперниканского переворота* [Катречко 2022], пишет, что это «обещает метафизике верный путь науки в ее первой части^{iv}, где метафизика занимается априорными понятиями». И далее Кант продолжает, что после указанного изменения «нетрудно объяснить возможность априорного познания и, что важнее, дать удовлетворительное доказательство законов, а priori лежащих в основе природы...» [ВХIX], тем самым определяя свой подход как *метафизику природы*. Так понимаемая *метафизика опыта* является центральной для книги П. Стросона «Границы смысла» [Strawson 1966, p.24–32], в которой происходит переоткрытие Канта в аналитической философии во второй половине XX в. В книге Стросон выделяет три типа метафизики: 1. *метафизику опыта*, 2. *трансцендентную метафизику* и 3. *метафизику трансцендентального идеализма*. Вслед за Патоном, Стросон отвергает предшествующую *трансцендентную метафизику*, хотя при этом он подвергает сомнению состоятельность кантовского *трансцендентального идеализма* и постулирует в качестве единственно возможной «минималистскую» *метафизику опыта*, нацеленную на осмысление опыта и выявление лежащих в его основе *концептуальных структур*^v. Дальнейшее развитие *метафизика опыта* получает в книге Л. Эллайс «Явленная реальность: идеализм Канта и его реализм» [Allais 2015], в которой метафизика опыта соотносится с реалистической трактовкой кантовского трансцендентализма (ср с трактовками *двух миров* и *двух аспектов*), тем самым развивая перспективную *умеренную* (англ. *moderate*) *метафизическую интерпретацию* Канта. Тем самым можно утверждать, что кантовский трансцендентализм является формой *реализма* (подробнее, см. [Катречко 2021]) (ср. с противостоянием реализма vs. конструктивизма (анти–реализма) в современной философии).

Второе замечание связано с тем, что свою *метафизику опыта* Кант относит не к *чистой*, а к *прикладной* метафизике (*metaphysica pura und applicata*). О модусах чистой и прикладной метафизики (как применения чистой метафизики к *объектам* опыта) Кант говорит в своих лекциях «Метафизика Мронговиус». Там он определяет *прикладную метафизику* [*метафизику в строгом смысле*] как «*априорное* познание объектов, [что]

ⁱⁱⁱ Примыкает к этим работам и *Opus postumum*, но поскольку он был опубликован в 1924 г., то неокантианцы не знали о ней и, соответственно, не могли ее учитывать в своих интерпретациях.

^{iv} Это соответствует первому отделу *Критики* «Трансцендентальной аналитике».

^v В своей работе «Индивидуальности» П. Стросон вводит концепт *deskриптивной метафизики*, которая представляет собой *описание* «действительной [концептуальной] структуры нашего мышления о мире» и исследование «наиболее общих черт [такой] *концептуальной структуры*» [Стросон 2009, с. 8–10]. Заметим, что, по сути, именно так Кант определяет свою *метафизику опыта*.

составляет систему чистого разума» [Kant 1997, AA:29:752]. А если обратиться к *Рефлексии* №5861 из эпитафия, то свою *метафизику опыта* Кант соотносит также с *метафизикой науки*.

Кантовскую *метафизику опыта* можно задать двумя аксиомами:

1. Кантовское различие **вещи–спс** (*предметы*) vs. **явления** (*предметы опыта*)
([онтологическая] трансцендентальная аксиома различия)

— которая предполагает, что познавать мы можем только *предметы опыта*, или *явления*.

2. **Знание (опыт) = априорное** ('форма') + **апостериорное** ('материя')
([эпистемологическая] аксиома априорности)

— в которой предполагается наличие в познании априорной составляющей, фиксируемой Кантом как априорные формы чувственности и рассудка, а в современной философии — как *концептуальная/категориальная структура* познания (П. Стросон/С. Кёрнер).

При этом надо различать *трансцендентализм в сильном смысле* (принятие обеих аксиом) и *трансцендентализм в слабом смысле*, или *априоризм* (принятие лишь 2-й аксиомы), а также можно различить *слабый* и *сильный* априоризм как разные версии аксиомы 2:

Слабый априоризм — это позиция, согласно которой (i) существуют условия, делающие возможным познание, и (ii) эти условия также познаваемы.

Строгий априоризм — это позиция, согласно которой (i) существуют условия, делающие возможным познание, (ii) эти условия также познаваемы и (iii) эти условия неизменны.

(Тем самым можно говорить о разных формах трансцендентализма, среди которых кантовская метафизика опыта выступает самой сильной формой трансцендентализма).

Как мы уже отмечали выше, кантовская *метафизика опыта* представляет собой «надстройку» над *математическим естествознанием* XVIII в. (Галилей, Ньютон), но применительно к неклассической науке XX в. (квантовая механика, теория относительности), которые изменили наши представления о пространстве и времени, необходимо развивать новую трансцендентальную метафизику. Вместе с тем кантовский концептуальный аппарат также нуждается в уточнении с учетом последующего развития философии в пост-кантовскую эпоху. Современное развитие трансцендентальной метафизики связано, прежде всего, с переосмыслением кантовского концепта априорного, предложившего самую сильную форму трансцендентализма, и развитием его более слабых модусов, в рамках которых априорное понимается не кантовским аподиктическим образом, а в более слабом функциональном ключе: речь идет о *релятивизации*, *историзации* и *натурализации* априорного.

В докладе предполагается проследить наиболее важные вехи трансцендентального подхода к философии науки (неокантианство, логический эмпиризм, аналитическая философия науки, пост-позитивизм, современная трансцендентальная философия науки). Дадим здесь его краткий абрис. Линия на «ослабление» кантовского концепта априорного была начата уже у неокантианцев, для которых априорное выступает уже *инвариантами* опыта (Э. Кассирер), продолжилось в логическом позитивизме/эмпиризме, которые расщепили исходный кантовский концепт априорного и ввели концепт

релятивизированного *конститутивного априори* (Г. Райхенбах), а в пост-позитивизме кантовский априоризм модифицируется в «*пост-дарвинский кантианизм*» [Kuhn 2000, р.104], или «*кантианизм с подвижными категориями*» [там же, р. 264], т.е. развивается *динамическая* версия априоризма^{VI}. Более подробно остановимся на современной концепции *динамического трансцендентализма* М. Фридмана, проект которого излагается в его работе (лекции) «Динамике разума» [Friedman 2001]. В расширенной версии своего трансцендентального манифеста М. Фридман пишет, что его концепция представляет собой «посткуновский подход к истории и философии науки, формулирующий... историзированную версию кантовской концепции рациональности и объективности современного физического знания» [Friedman 2011] с учетом последующей неокантианской, непозитивистской и аналитической традиций. Вот как М. Фридман описывает суть своего проекта *метафизики опыта*:

«[Я] хотел бы предложить альтернативную [по сравнению с Куном] картину полностью динамической, но тем не менее стратифицированной... системы знаний, в которой можно выделить три основных уровня. На базовом (первом) уровне находятся понятия и принципы эмпирического естествознания... типа ньютоновского закона всемирного тяготения или гравитационного уравнения Эйнштейна, которые... проходят строгую эмпирическую проверку. На втором уровне находятся конститутивно-априорные принципы, базовые принципы геометрии и механики, которые определяют, например, фундаментальные пространственно-временные структуры, в рамках которых возможны строгая формулировка и эмпирическая проверка принципов базового уровня. Эти релятивные априорные принципы и составляют то, что Кун называет парадигмами... [На третьем уровне] находятся философские мета-парадигмы или мета-структуры, которые играют незаменимую роль в переходах от одной парадигмы [концептуальной структуры] к другой» ([Friedman 2001, р. 49]; вставки в [] мои. — К.С.).

Таким образом, *метафизика возможного опыта* (трансцендентализм) Канта выступает первой концепцией философии науки, которая продолжает активно развиваться в настоящее время, в том числе в концепции *динамического трансцендентализма* М. Фридмана.

Список литературы

1. Кант 2006 — Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 1994 – 2006. Т. 2. Ч.1.
2. Катречко 2021 — Катречко С.Л. Является ли кантовский трансцендентализм идеализмом? Концептуальный реализм Канта //Трансцендентальный журнал. 2006. Т. 2, Вып. 1. URL: <https://ras.jes.su/transcendental/s271326680015836-9-1>.
3. Катречко 2022 — Катречко С.Л. Кантовский коперниканский переворот: синтез эмпирического реализма и трансцендентального идеализма // Вопросы философии. 2022. № 6. С.131–141.
4. Огурцов 2011 — Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы (Т.1): исследовательские программы. — СПб., Изд. дом «Мир», 2011.
5. Стросон 2009 — Стросон П. Ф. Индивиды. Очерк дескриптивной метафизики. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
6. Allais 2015 — Allais L. Manifest Reality: Kant's Idealism and His Realism. Oxford University Press, 2015.

^{VI} Заметим, что в области гуманитарного знания развивается аналогичная Куну концепция *эпистем* М. Фуко («Слова и вещи», 1966), в рамках которой Фуко вводит свой концепт *исторического априори*.

7. Friedman 2001 — Friedman M. Dynamics of Reason. Stanford, CA: CSLI Publications, 2001.
8. Friedman 2011 — Friedman M. Extending the Dynamics of Reason // Erkenntnis, 2011. Vol. 75, No. N.3, pp.431–444.
9. Höffe 2010 — Höffe O. Kant's Critique of Pure Reason: the Foundation of Modern Philosophy. Dordrecht: Springer, 2010.
10. Kant 1997 — Kant I. Lectures on metaphysics: Metaphysik Mrongovius, K. Ameriks, St. Naragon (eds. and trans.), Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
11. Kuhn 2000 — Kuhn T. S. The Road since Structure // Conant J and Haugeland J (eds.) The Road since Structure. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
12. Paton 1936 — Paton H. J. Kant's metaphysic of experience. London: Methuen and Co., 1936.

УДК 141.3

ПОНЯТИЕ ТОЖДЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ А. В. ВЕЙДЕМАНА

Лебедева Анастасия Владимировна

Ассистент кафедры онтологии и теории познания

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

E-mail: lebedeva-av@rudn.ru

Теория познания А.В. Вейдемана представляет собой систему всеобщего чистого знания где любая форма теоретического и эмпирического знания, представления или созерцания (в том числе и вера как акт постижения человеческой трагедии) всегда образуют неразрывное тождество. Он предполагает существование абсолютной истины в виде абсолютной идеи, в которой все формы познания стремятся к постижению тождества всеобщего. Специфика его подхода выражается в преодолении разделения на субъект и объект познания в единстве трансцендентального сознания, а также в попытке объединить принцип корреляции когеновской философии с гегелевским синтезом и кантовским критицизмом [Лебедева 2023, с. 12]. Преодоление осуществляется посредством использования идей философии тождества. Стоит отметить, что когда А.В. Вейдеман пишет о тождестве мышления и бытия, он всегда подчеркивает особый статус данного тождества, который должен пониматься в призме трансцендентального идеализма на принципах критической философии И. Канта. Более того, тождество означает неизменность действия двух способов мыслить: аналитически и синтетически, что эксплицитно отсылает к неокантианской методологии в целом. Согласно содержанию последних работ А.В. Вейдемана, завершающих его рассуждения о тождестве всех форм познания, постулируется неразрывность четырех оснований всеобщего знания: 1) теории познания как методологического базиса; 2) философии истории, в которой представлено раскрытие мысли в строгости логических законов; 3) философии искусства (в противоположность рационализации в философии истории); 4) философии религии, имеющей своим предметом область вне границ эмпирической действительности. Теория познания как важнейшая часть философии, претендующей на системность и всеобщность в объяснении окружающего мира и места человека в нем, выстраивается на критическом методе И. Канта, дополненном диалектическим подходом Г. Гегеля и расширенном положениями Г. Когена о коррелятивности знания.

Ключевые слова: русское неокантианство, немецкое неокантианство, философия тождества, критицизм, гегельянство, теория познания, трансцендентализм, абсолютная истина, абсолютная идея

THE CONCEPT OF IDENTITY IN THE CONCEPT OF A.V. WEIDEMANN

Lebedeva Anastasia Vladimirovna

Assistant of the Department of Ontology and Theory of Knowledge

RUDN University

E-mail: lebedeva-av@rudn.ru

Theory of knowledge A.V. Weidemann is a system of universal pure knowledge where any form of theoretical and empirical knowledge, representation or contemplation (including faith as an act of comprehending human tragedy) always form an inseparable identity. It assumes the existence of absolute truth in the form of an absolute idea, in which all forms of knowledge strive to comprehend the identity of the universal. The specificity of his approach is expressed in overcoming the division into subject and object of cognition in the unity of transcendental consciousness, as well as in an attempt to combine the principle of correlation of Cohen's philosophy with Hegel's synthesis and Kant's criticism. Overcoming is carried out by using the ideas of the philosophy of identity. It should be noted that when A.V. Weidemann writes about the identity of thinking and being, he always emphasizes the special status of this identity, which should be understood in the prism of transcendental idealism on the principles of I. Kant's critical philosophy. Moreover, identity means the immutability of the action of two ways of thinking: analytically and synthetically, which explicitly refers to neo-Kantian methodology in general. According to the content of recent works by A.V. Weideman, completing his reasoning about the identity of all forms of cognition, postulates the inseparability of the four foundations of universal knowledge: 1) the theory of cognition as a methodological basis; 2) the philosophy of history, which presents the disclosure of thought in the severity of logical laws; 3) the philosophy of art (as opposed to rationalization in the philosophy of history); 4) the philosophy of religion, which has as its subject area outside the boundaries of empirical reality. The theory of knowledge as the most important part of philosophy, which claims to be systematic and universal in explaining the world around us and the place of man in it, is built on the critical method of I. Kant, supplemented by the dialectical approach of G. Hegel and expanded by G. Cohen's provisions on the correlativity of knowledge.

Keywords: Russian neo-Kantianism, German neo-Kantianism, philosophy of identity, criticism, Hegelianism, theory of knowledge, transcendentalism, absolute truth, absolute idea

Александр Викторович Вейдеман-малоизвестный отечественный философ из Санкт-Петербурга. Он родился в семье балтийских немцев 18 мая 1879 года. Мать его была русской, отец-немцем. Александр Вейдеман был очень горд за слитность в нем двух великих культур русской и немецкой, они и определили его философские предпочтения от неокантианства и гегельянству. А. Вейдеман обучался в Петербургском университете в 1899-1903, был учеником профессора А.И. Введенского. В 1903 году А. Вейдеман стал основателем философского кружка, который позднее назовут Санкт-Петербургским философским собранием. Помимо А.Вейдемана и П. Кириллова в него входили Николай Васильевич Болдырев (1882-1929), Василий Эмильевич Сеземан (1884-1963), Николай Августович Гартман (1882-1950), Сергей Иосифович Гессен (1887-1950). О студенческих годах жизни мало информации эту страницу истории развития русской философии еще предстоит открыть исследователям. Затем в 1922 году отечественный философ покидает Россию и уезжает в Латвию. Там А. Вейдеман тесно общался с коллегами из Каунасского университета, в 1927 г защитил в этом университете докторскую диссертацию «Мышление и бытие логика достаточного основания». В Риге он также преподавал во многих учебных заведениях. По данным, которые передала внучка Вейдемана, удалось выяснить, что Александр Викторович часто бывал с лекциями в Вильно, Каунасе. А.В. Вейдеман отличался грандиозностью своих идей построить целостную систему философии как это сделали великие представителя эпохи немецкой классической философии. Он исходил из того понимания развития философского знания, которое подразумевало развитие истории в понятии [Вейдеман 1927, с. 51]. В трудах А.В. Вейдемана философия представлена как самодостаточная область знания и сама

выстраивает науку из ее собственного содержания посредством синтетического, а затем с помощью аналитического метода и корреляции. В итоге философия, рассматривая науку как первоначально целостную структуру в синтезе, вначале различает в ней факты и основания, а затем вновь объединяет для дальнейшего роста знаний. Целью же философских исследований становится достижение всеобщих и необходимых оснований всего существующего в многообразии явлений и отношений между ними. Тождество является предпосылочным знанием, а корреляция выражает то, каким образом различные проявления единства доступны для индивидуального познания. Именно посредством онто-гносеологического тождества отечественный философ объединяет философию истории, искусства и религии в единую систему философии [Вейдеман 1936, с. 7]. Таким образом, философия охватывает следующие области, требующие раскрытия на принципах философского инструментария:

- 1) теория познания, построенная на принципе «логики достаточного основания»;
- 2) философия истории, в том числе раскрывающая историю развития науки и теорию познания;
- 3) философия искусства как дополнение к философии истории, показывающая особенность формирования области эстетического мировосприятия;
- 4) философия религии, репрезентирующая способы применения мышления к предметам, лежащим вне области эмпирического реализма и естественнонаучного материализма.

Развитие мышления в истории по мнению А.В. Вейдемана связано со сменой форм мировоззрения (сознания). Он выделял следующие типы: наивное, эмпирическое, гносеологическое и трансцендентальное. Все эти типы мировоззрения могут повторяться в истории на новом витке развития [Вейдеман 1939, с. 23]. Например, развитие эмпиризма на в разное время (эмпиризм эпохи Нового времени и эмпиризм в позитивизме и неопозитивизме). Наивный уровень мировоззрения связан с логическими ошибками и подменой понятий он относится скорее к повседневной активности человека. Затем, А.В. Вейдеман выделяет следующий уровень эмпирическое сознание, которое замкнуто и представлено как развитие науки и эксперимента.

Далее отечественным философом выделяется гносеологическая форма сознания. Он уже близка к развитию всеобщего системного знания, но еще не обладает той «трансцендентной окраской» в отличие от наивысшего уровня сознания. Гносеологическая форма сознания является конкретно направленной, как разные области знания, наука, медицина, психология, логика. Трансцендентальное сознание понимается как высший синтез предшествующих в истории форм сознания от наивного реализма до гносеологического сознания [Вейдеман 2013, с. 14]. Все существующие формы сознания, обуславливая мировоззренческие модели в истории развития культуры, всегда присутствуют в своей высшей форме, то есть в трансцендентальном сознании.

Область трансцендентального открывается мышлению при его более высокой степени организации, что выражается в приобретении способности на достаточных логических основаниях выстраивать единство материального и духовного. Последнее является характеристикой сознания, где чувственно-предметный мир не воспринимается как объективная и, тем более, достоверная данность, а служит лишь одним из проявлений единства онтологического синтеза. Таким образом, только для трансцендентального сознания становится доступным построение суждений вне ограничений детерминации субъекта и объекта, то есть формирование чистых синтетических суждений. Более высокая степень организации означает восхождение от наивного реализма и форм материализма к гносеологическому рассмотрению единства многообразия, а далее к формированию понимания трансцендентального сознания. Проблема сознания является основной в гносеологические ориентированных исследованиях А.В. Вейдемана. Каждая

из форм сознания позволяет познать один из возможных ракурсов соотношения спекулятивного мышления и чистой материи, что в итоге сводится к проблематике взаимоотношения бытия и сознания. Онто-гносеологическая направленность исследований А.В. Вейдемана согласуется с принципом выявления «логических достаточных оснований» для построения теории познания. Все основные работы философа будут посвящены выявлению «логических оснований» для непротиворечивого сопоставления различных форм познания, доступных человеку на протяжении всего исторического развития знания и способов применения мышления. Для А.В. Вейдемана закон достаточного основания по своей функции превосходит аристотелевскую логику и последующие формы дедуктивного анализа Р. Декарта и индуктивного метода Ф. Бэкона, так как позволяет установить единство всех областей человеческой деятельности и применимости сознания. Примечательно, что в отличие от немецких школ неокантианства, А.В. Вейдеман вполне отчетливо определяет функцию тождества как именно способность сознания, которое объединяет мышление и бытие в единстве мировоззрения, то есть в целостность обыденного, эмпирического и логического представления о мире. Принимая во внимание критику существующей теории отражения и гегелевский идеализм, русский философ предлагает оформить философию тождества на кантовских мотивах, а проблему познания расширить до вопроса соотношения бытия и мышления. Реконструкция теории познания Вейдемана становится возможной, если учитывать его основания философии, к которым можно отнести следующие:

1) философия есть история философии и постоянное стремление к утверждению трансцендентального сознания, как наиболее всеобщего и системного;

2) каждое сознание содержит в себе все имеющиеся формы, но господствует одна из возможных моделей, например, наивный реализм, эмпиризм или идеализм, при этом наивысше и поэтому менее доступной для наивного сознания является идеализм;

3) философия имеет границы в своем раскрытии предельных вопросов в виде «логических принципов»;

4) мышление в своей чистой форме первичнее бытия, и к нему неприменимы понятия эмпирического и гносеологического сознания, где тождественно и коррелятивно подразумевают выделение субъектности и объектности;

5) мышление и трансцендентальное сознание находятся в подлинной тождественности, при этом в каждой форме сознания сохраняются все предшествующие, к которым мышление уже относится коррелятивно.

Принимая во внимание все обозначенные положения, обозначим в тезисной форме основы теории познания Вейдемана на основе комплексного анализа его фундаментальных работ.

Теория познания выстраивается как попытка преодолеть противоречия кантовской архитектоники, при сохранении ориентированности на его основоположениях. Ключевой задачей становится раскрытие доступности для познания всеобщности и системности окружающего многообразия, из которого нельзя редуцировать особенность человеческого существования, но ошибочным является и сохранение психологизма или субъективизма, присущие предшествующим системам идеализма, восходящим к философии Канта. Единственный метод, способный преодолеть противоречия – это априорный или спекулятивный метод, так как он восходит над причинами появления психологизма. К данным причинам относится выявление субъектно-объектных отношений, где субъект и объект воспринимаются «наивно», то есть разграничено. В теории познания, претендующей на системность и всеобщность, уместно выделять субъект и объект познания, но только при постоянном осознании их единства. Сущность априорного метода заключается в признании «до-опытности» любого подлинного знания для каждого конкретного сознания, что и обуславливает

возможность преодоления психологизма и ограниченности конкретной действительностью. Всё, что доступно для познания – доступно для сознания, поэтому трансцендентное не есть абсолютная непознаваемость. Однако трансцендентное остается непостижимым для всех форм сознания, кроме трансцендентального, которое уже по своей сущности выходит за границы любой предметности, однако не преодолевает границ «логической позволительности» (логической непротиворечивости мыслить).

Трансцендентальное сознание находится в тождестве с чистым мышлением, которое превосходит бытие, так как не ограничено существованием и категориями пространства и времени. Бытие всегда мыслится в ограниченности существования, а всеобщность всегда превосходит любую ограниченность вещей и их отношений между собой. Тождество есть принцип соотнесения до не различения с позиции конкретного сознания, но всегда сохраняется трансцендентное различие, которое становится доступным при восхождении от наивности реализма, эмпиризма и гносеологического сознания до идеализма.

Мышление само по себе есть истина, и в данном качестве превосходит бытие, которое есть многообразие вещей, представимых в их конечной материальности [Вейдеман 1927, с. 168]. Сама же по себе материя – это чистая материя, существование которой обусловлено наличием самого мышления, превосходящим любое конечное сознание. Другими словами – сфера непознанного и еще недоступного для конкретного сознания, но предполагаемого в качестве имеющегося, делает возможным говорить о материи в двух качествах: 1) чистая материя – ее подлинное наличие и 2) конечная материя – то, что доступно для познания здесь и сейчас. Однако мышление как чистое мышление превосходит и чистую материю, поскольку заключает в себе не только то, что она есть сама по себе, но и то, каким образом она познаваема. Познаваемое и наличествующее само по себе разграничивается у Вейдемана на 1) материальное – это чистая синтетичность всего многообразия, являющаяся частью чистого мышления как абсолютной идеи и недоступно для конкретного сознания, и 2) имматериальное – то, что доступно для сознания и само сознание, поскольку знание уже не есть предмет знания, когда появляется субъектно-объектное разграничение. Материя – это предмет трансцендентального сознания, а имматериальное – эмпирического сознания. Трансцендентальное сознание «замкнуто» на корреляции с мышлением как абсолютной идеей и всеобщности, но является бесконечным, преодолевая любые формы ограничения посредством онто-гносеологической тождественности с чистым мышлением. В свою очередь эмпирическое сознание есть «раскрывающее сознание», которое «раскрывает» многообразие материального, но ограничено категориями пространства и времени, что не позволяет выйти за пределы искусственного (или «имматериального») разделения на субъекты и объекты. Вейдеман пишет: «если эмпирическое сознание в критицизме [то есть в процессе восхождения к трансцендентальному] является раскрытым, развернутым, – трансцендентальное сознание наоборот должно мыслиться абсолютно замкнутым в себе, свернутым в себя»⁴. Замкнутым на себе, то есть замыкающимся на абсолютной идеи чистого мышления, которое есть абсолютная истина.

Поздние труды Вейдемана не случайно озаглавлены как «Трагики», так как конкретное сознание, присущее человеку в различных формах, не достигает познания всеобщности чистого мышления и ему остается недоступна чистая материя, где оформляются причины всего существующего, то есть бытия. В свою очередь бытие обладает двумя доступными аспектами для человека – духом и волей. Воля всегда и конкретная и абсолютная, а дух – это проявление культурно-исторического развития форм сознания в их многообразии (то есть и потенциальных и уже наличествующих). Лишь воля в согласованности с духом истории (а история есть история философии),

способна удерживать человека в постоянном стремлении к открытию абсолютной истины, которая и есть чистое мышление, обуславливающее все остальные коррелятивные и трагические составные части мира в его многообразии и абсолютности, хотя данное стремление будет постоянно ограничиваться временем и пространством.

Список литературы

1. Вейдеман 1927 - Вейдеман А.В. Мышление и бытие (логика достаточного основания) Рига: Саламандра, 1927. 335 с.
2. Вейдеман 1939 - Вейдеман А.В. Оправдание зла: дополнительные проблемы трагики. Рига: Логос, 1939. 221 с.
3. Вейдеман 1936 - Вейдеман А.В. Трагика как сущность искусства, религии и истории (Теория пантрагизма). Рига, 1936. 335 с.
4. Вейдеман 2013 - Вейдеман А.В. Трагика как сущность искусства, религии и истории: Дополнительная часть. (Теория героического оптимизма). М.: Книга по требованию, 2013. 224 с.
5. Лебедева 2023 - Лебедева А.В. Теория познания А.В. Вейдемана: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 5.7.2. /Лебедева Анастасия Владимировна. -М., 2023. 23с.

УДК 141.1

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ КАК ВНЕОПЫТНОЕ ОСНОВАНИЕ ОПЫТА

Мёдова Анастасия Анатольевна

Доктор философских наук, профессор

Сибирский государственный университет науки и технологий

им. акад. М.Ф. Решетнёва

E-mail: amedova@list.ru

Рассматривается концепт «трансцендентальный субъект» и его роль в развитии трансцендентального осмысления работы сознания. Данный концепт в его модификациях («трансцендентальное эго», «сознание вообще», «чистая апперцепция», «чистое Я» и др.) имеет широкое пространство применения, что объясняется значительностью его объяснительной потенции. Содержание этого понятия также трактуется достаточно широко, что вызвано его существенной концептуальной нагруженностью. При всем разнообразии трактовок трансцендентальной субъективности, начиная от Канта прослеживается идея о том, что она является условием возможности опыта, будучи средоточием всех способностей и функций, которые этот опыт обеспечивают. В качестве основных необходимых условий опыта, «стягивающихся» в трансцендентальном субъекте, выделяются следующие: связь реальности внешнего чувства с реальностью внутреннего чувства, заставляющая полагать существование вещей вне меня; наличие в разуме априорных понятий, которые фундируют и возможности созерцания; пространственно-временная обработка и применение понятий к данным восприятия; действие различных форм синтеза на уровне разума (рассудка, сознания); единство сознания, необходимое для этого синтеза. Сказанное позволяет поставить проблему опытной доступности трансцендентального Я, являющегося условием всякого другого опыта.

Согласно версии Канта, такая доступность отсутствует, трансцендентальный субъект должен мыслиться как некий X. Он есть условие опыта, о наличии которого можно заключить лишь косвенно, но не непосредственно. Однако, развитие концепта «трансцендентальный субъект» даже в рамках трансцендентальной философии показывает, что возможность его дескрипции и конструирования на основе опытных данных предпринимались. Мы акцентируем три траектории возможного описания опыта трансцендентального единства

сознания: анализ рефлексии, исследование механизма переключения «фокуса сознания» и фиксация принципа, обеспечивающего однородность ментальных содержаний.

Ключевые слова: а priori, трансцендентальное эго, самоидентичность Я, условия возможности опыта, восприятие, сознание вообще, единство сознания, рефлексия

TRANSCENDENTAL SUBJECT AS A NON-EXPERIENTIAL BASIS OF EXPERIENCE

Medova Anastasiya Anatolievna

DSc in Philosophy, Professor

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

E-mail: amedova@list.ru

The author considers the concept “transcendental subject” and his role in the development of transcendental comprehension of work of consciousness. This concept and his modification (“transcendental ego”, “consciousness in general”, “pure apperception”, “pure I” etc.) are widely applicable due to its explanatory potential. The content of the notion is widely interpreted as well because it has significant conceptual weight.

There are manifold treatments of the transcendental subjectivity. However, since Kant we can trace the main idea: it is condition of the possibility of experience because it is the center all of the capacities and functions, which procure this experience. As the basic necessary grounds of the possibility of experience, the following conditions can be picked out: 1. the bound of the reality of the outer sensation with the reality of the inner sense, which forces to believe in the being of object out of me. 2. The presence in the mind of a priori concepts that also fund the possibilities of contemplation. 3. Knowledge-generating activity are spatio-temporal processing of, and application of concepts to, sensory inputs. 4. The action of various forms of synthesis at the level of reason (consciousness). 5. The unity of consciousness necessary for this synthesis. The foregoing allows us to pose the problem of the experiential accessibility of the transcendental Self, which is a condition for any other experience.

According to Kant, there is no such accessibility. Transcendental subject is some “X”. It is a condition of experience, the existence of which can be inferred only indirectly. However, the development of the concept of “transcendental subject” even within the framework of transcendental philosophy shows that the attempting of its description on the basis of data of experience were undertaken. The author emphasizes three trajectories of a possible description of the experience of the transcendental unity of consciousness: the analysis of reflection, the study of the mechanism for change the “focus of consciousness” and the fixation of the principle that ensures the homogeneity of mental contents.

Keywords: a priori, transcendental ego, self-identity, conditions of possibility of experience, perception, consciousness in general, unity of consciousness, reflection

Трансцендентальный субъект – это едва ли не самый влиятельный концепт кантовского наследия, активно разрабатывающийся вплоть до настоящего времени, хотя сам Кант не полагал исследование субъективности центром своих интересов. Развитие концепции трансцендентального субъекта явным образом прослеживается на уровне дальнейшего развития трансцендентальной философии – в немецком классическом идеализме, неокантианстве и феноменологии. Можно так же рассматривать влияние этого концепта в предельно широком контексте, как это делает Э. Брук. Он называет модель разума Канта доминирующей моделью в эмпирической психологии до начала XX века, после периода безраздельного господства бихевиоризма (примерно с 1910 по 1965 год) вновь занявшей ведущие позиции и проявившейся во всех направлениях философии, начиная от психоанализа и заканчивая когнитивными науками.

Такая расширительная трактовка зоны действия концепции трансцендентального субъекта связана с тем, как понимается последний. В первую очередь, он представляет познавательную способность; в известном смысле его можно отождествить с трансцендентально трактуемым разумом. Э. Брук и Дж. Вюрт моделируют

трансцендентальную субъективность через три доминирующих признака: 1) функционализм – разум представляет собой сложный набор способностей (функций); 2) пространственно-временная обработка и применение понятий к сенсорным входам как важнейшие функции умственной деятельности, направленные на порождение знаний; 3) эти функции являются формами синтеза; синтез и единство сознания, необходимое для синтеза, занимают центральное место в познавательной деятельности [Brook and Wuerth, 2023, web].

Наряду с этой трактовкой существуют многие другие. Так, согласно А.Н. Шуману, трансцендентальный субъект – это рассудок, который обладает способностью мыслить предмет в качестве трансцендентального объекта, т.е. достоверного, а не просто истинного объекта [Шуман 2002, с. 30]. Согласно В.С. Соловьеву, это акт самосознания, обуславливающий всякий опыт, и, как первейшее всякого опыта отличный от эмпирического сознания, изменчивого и случайного [Соловьев 1989, с. 28]. Определением трансцендентального субъекта можно посвятить целое исследование, нас же интересует линия, намеченная в определении В.С. Соловьева – линия возможности опыта.

Исследовать разум для Канта – это заключить от его действий к условиям их возможности, и, в конечном итоге, к условиям возможности опыта как чувственного, так и ментального (интеллигибельного). В Критике чистого разума Кант выделяет два фундаментальных условия опыта. Первое из них – это «существование вещей вне меня, находящихся в отношении с моим чувством» (В XLI, сноска). Речь идет о необходимой связи реальности внешнего чувства с реальностью внутреннего чувства. Это именно условие, поскольку вопрос о том, каким конкретным созерцаниям и почему действительно соответствуют объекты вне меня, здесь остается открытым [Кант 1994, с. 38].

Второе условие – это наличие в разуме априорных понятий, которые фундируют и возможности созерцания, встречающегося в опыте, и возможности мышления. Кант настаивает на том, что понятия необходимы, так как они служат объективными основаниями возможности опыта. Опыт же, со своей стороны, приводит их в действие: без первоначального отношения к возможному опыту, в котором являются все предметы знания, отношение априорных понятий к какому бы то ни было объекту вовсе нельзя было бы понять (В 127). Кант делает здесь примечательную ремарку: развитие опыта, в котором встречаются априорные понятия, есть не дедукция их, а только иллюстрация, иначе они были бы при этом случайны [Кант 1994, с. 123]. То есть, опыт не выводится из понятий, как если бы они задавали сами траекторию своей экспликации в жизненном мире и, в конце концов, создавали бы на своей основе реальность. Для Канта было очень важно сохранить идею независимой от разума реальности. Поэтому в его модели опыт непостижимым образом подпадает под понятия, накладывается на них, и существование вещей вне меня приходит в трансцендентальное соответствие с априорными понятиями.

Оба обозначенные Кантом условия опыта сходятся в трансцендентальном субъекте; он есть носитель априорных понятий и созерцаний предметов «вне меня». В дальнейшем развитии философии понятие «трансцендентальный субъект» стало обрастать синонимами. В качестве таковых выступают понятия «трансцендентальное его», «сознание вообще», «чистая апперцепция», «чистое Я» [Круглов 2004, с. 280]. В пространстве этих понятий возникла проблема, активно обсуждаемая по сей день. Это проблема самоданности сознания или трансцендентального Я. Можно ли иметь опыт трансцендентального субъекта, или это чисто теоретическая конструкция? Казалось бы, с точки зрения кантовского трансцендентализма нет никакого противоречия в том, что основание возможности опыта и мышления само не может быть объектом опыта.

Однако, проблема не столь однозначна. Действительно ли мы можем постулировать отсутствие какого-либо опыта Я в трансцендентальной парадигме, узко или широко понимаемой? Если понимать трансцендентального субъекта, вслед за Г. Риккертом, как сознание в противоположность содержаниям сознания [Риккерт 1904, с. 36], он действительно предстает как чистая форма, как сознание вообще, которое не может быть моим или чьим-то конкретным. Трансцендентальная субъективность не имеет ничего общего с личной субъективностью, поскольку она есть универсальный фундамент мышления и субъективности вообще. Но и эта универсальная форма может каким-то образом давать о себе знать. Ведь трансцендентальный субъект представляет собой комплекс важнейших механизмов сознания, обеспечивающий его единство, централизованность и взаимодействие сознания с действительностью через существенную форму явленности сознания себе самому. Эту же мысль проводит Ж.-П. Сартр в работе «Трансцендентальность Эго», где описывает Я как функцию самопринадлежности сознания, как виртуальный фокус единства множества первичных актов сознания, через которые конституируются его состояния [Сартр 2011]. Трансцендентальный субъект представляет собой своего рода замкнутый круг (АА XX, 270). «Я» является трансцендентальным условием всякого возможного синтеза и, следовательно, всякого возможного переживания объекта вообще. Но также «Я» как самосознающая инстанция должно иметь опыт самого себя. Единство «Я», будучи условием всякого опыта, есть условие и самоданности также [Cavallaro 2020, p. 110].

Рассмотрим несколько аспектов, в рамках которых можно развивать проблему опыта трансцендентального Я. Первый из них – это *аспект рефлексии*, в котором трансцендентальный субъект сближается с картезианским *cogito*. В § 28 Идей-1 Э. Гуссерль говорит о простых актах «я», в которых сознается мир, непосредственно наличный в спонтанном обращении к нему и схватывании его. Все эти акты «обнимаются Картезиевым выражением *cogito*» [Гуссерль 2009, с. 92]. Трансцендентальное Я имеет полюс рефлексивно осознанной самоидентичности индивида. Это определение соответствует парадигме классического рационализма и предполагает специфическую когнитивную автокоммуникацию сознания. Речь идет здесь о «прозрачном Я рефлексии». Так, согласно Г. Шпету, «Переживание "являться" не может и "готово" быть воспринятым только благодаря самому способу своего бытия по отношению к совершающему рефлексию Я» [Шпет 1996, с. 47].

Можно развивать идею опыта трансцендентального субъекта а другом аспекте: как опыта некоей связности «Я» и одновременно опыта *однородности содержаний сознания*, о котором писал Кант. Для возможности опыта важен один момент – восприятия, идеи и другие явления *должны иметь возможность стать данными сознания*. (Ряд феноменологов и когнитивистов ставят эту проблему противоположным образом: восприятия, идеи и другие явления должны в силу каких-то причин полагаться внешними для сознания, а не имманентными ему. По сути, это трансценденталистская постановка одной и той же проблемы опыта). Итак, возможность стать данными сознания для чего-либо воспринятого обеспечивается механизмом придания качественной однородности разнородным по сути явлениям (разнородным «в себе»). Эту однородность создают по Канту априорные формы чувственности. Например, образ какого-то предмета возникает сообразно синтетическому единству многообразного в пространстве (В 162). Но основания возможности однородности опыта коренятся так же и в априорных понятиях: «то же самое синтетическое единство, если отвлечься от формы пространства, находится в рассудке и представляет собой категорию синтеза однородного в созерцании вообще, т. е. категорию количества, с которой, следовательно, синтез схватывания, т. е. восприятия, должен всецело сообразоваться» [Кант 1994, с. 147]. Имеем ли мы опыт восприятия предметов? Безусловно. Имеем ли мы опыт

однородности данных сознания? Скорее, мы имеем опыт разнообразия, во всяком случае на уровне перцепции. И тем не менее это важная идея для развития исследований трансцендентальной субъективности, доступная, возможно, процедурам феноменологического анализа.

Наконец, перспективной представляется разработка аспекта *фокуса сознания* или смены измерений. Работе сознания всегда протекает одновременно в нескольких измерениях или планах: рефлексивном, телесном, материально-объектном, ценностном и т.п. В некоторые планы сознание может включиться при определенной установке – таковы мир арифметики или мир рефлексии, тогда как мир материальных объектов присутствует для сознания всегда, это «естественная установка». «Оба одновременно наличествующие мира лишены взаимосвязи, если только отвлечься от сопряженности их с „я“, в согласии с каковой я могу свободно направлять мой взгляд и мои акты вовнутрь того или иного мира» [Гуссерль 2009, с. 94]. Таким образом, опыт трансцендентального Я можно описать как опыт смены измерений жизненного мира, переключения между регионами бытия, но так же и как то, что Гуссерль называл сменой модальностей интернациональных актов. Трансцендентальный субъект есть механизм переключения между бытийными измерениями, обеспечивающий возможность опыта как возможность сообщаемости этих измерений в гипотетической точке исходной субъективности, которая сама вряд ли является предметом опыта.

Список литературы

1. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Пер. с нем. А.В. Михайлова; Вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
2. Кант 1994 – Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 741 с.
3. Круглов 2004 – Круглов А.Н. Был ли у И. Канта трансцендентальный субъект? // Историко-философский ежегодник - 2004. С. 279-295.
4. Риккерт 1904 – Риккерт Г. Введение в трансцендентальную философию; Предмет познания. Пер. со 2 нем. изд. Г. Шпета. Киев : В.А. Просяниченко, 1904. 258 с.
5. Сартр 2001 – Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: МОДЕРН, 2011. 160 с.
6. Соловьев 1989 – Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах Том 2. М.: Правда, 1989. 738 с.
7. Шпет 1996 – Шпет Г.Г. Явление и смысл : Феноменология как основная наука и ее проблемы : [Анализ и разработ. учения Э. Гуссерля]. Томск: Водолей, 1996. 191 с.
8. Шуман 2002 – Шуман А.Н. Трансцендентальная философия. Минск: Экономпресс, 2002. 416 с.
9. Brook and Wuerth, 2023, web – Brook A., Wuerth J. Kant's View of the Mind and Consciousness of Self // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2023 Edition). Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/kant-mind/> (дата обращения: 01.05.2023)
10. Cavallaro 2020 – Cavallaro M. Ego-Splitting and the Transcendental Subject. Kant's Original Insight and Husserl's Reappraisal // I. Apostolescu (ed.). The Subject(s) of Phenomenology. Rereading Husserl. Contributions to Phenomenology 108. Dordrecht: Springer 2020, pp. 107-133.

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА: ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ***

Мишагин Павел Андреевич

Старший преподаватель

Сибирский государственный университет науки и технологий

им. академика М.Ф. Решетнёва

E-mail: mishagin@sibsau.ru

В работе на основе прояснения специфики феноменологического метода исследуется проблема определения статуса и характера трансцендентального Я как трансцендентального сознания. Анализ осуществления процедуры феноменологического эпохе фиксирует рефлексивный характер феноменологической методологии, приводящий к выводу о возможности интерпретации трансцендентального сознания как чистого конститутивного смыслопорождающего акта, направленного на мир и определяющего наше восприятие мира таким, каким он дан нам в естественной установке.

Ключевые слова: трансцендентальное сознание, трансцендентальное Я, эмпирическое Я, феноменологическая редукция, феноменологический остаток, феноменологический метод

**TRANSCENDENTAL CONSCIOUSNESS IN THE MIRROR
OF THE PHENOMENOLOGICAL METHOD: EXPLICATION FEATURES**

Mishagin Pavel Andreevich

Senior Lecturer

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

E-mail: mishagin@sibsau.ru

In this paper, on the basis of clarifying the specifics of the phenomenological method, the problem of determining the status and nature of the transcendental Self as transcendental consciousness is investigated. An analysis of the implementation of the phenomenological epoch procedure captures the reflexive nature of the phenomenological methodology, leading to the conclusion that it is possible to interpret transcendental consciousness as a pure constitutive meaning-generating act directed at the world and determining our perception of the world as it is given to us in a natural setting.

Keywords: transcendental consciousness, transcendental Ego, empirical Ego, phenomenological reduction, phenomenological residue, phenomenological method

Специфика феноменологического метода заключается в «исключении» естественной установки, «выведении за скобки» существования мира [Молчанов 2022, с. 146]. На этой основе формируется метод, направленный на вещи, но захватывающий не сами эти вещи, а собственный способ их созерцания. В этом случае, объектами нашего созерцания выступают уже не «объекты», не «предметы», а «единицы смысла», поэтому феноменологический метод сосредотачивается на описании конституирования этих смыслов. Таким образом, открывается возможность дать дескрипцию конститутивной деятельности сознания. Принципиально важным для выявления возможностей и правил применения феноменологии как метода является вопрос относительно феноменологической редукции, а точнее – феноменологического остатка.

* Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности». Код заявки: 20230608-03757.

Проблема определения статуса, характера трансцендентального «Я» выражается в общих чертах в трех главных вопросах: является ли это «Я» лишь абстракцией, не связанной с эмпирическими «Я», или оно каким-то образом присутствует в них; необходимо ли говорить о личностном характере трансцендентального сознания, трансцендентального «Я»; нужно ли говорить о «конституировании» трансцендентальным «Я» других и не теряют ли другие, в таком случае, своего характера «инаковости» и автономности? В своих исследованиях проблему методологического значения для феноменологии концепта трансцендентального субъекта затрагивали В.И. Молчанов [Молчанов 1983], А.В. Ямпольская [Ямпольская 2013], А.А. Мёдова [Мёдова 2022а, Мёдова 2022б], А.А. Шиян [Шиян 2022а, Шиян 2022б] и другие.

Осуществление процедуры феноменологического *ἐποχή* открывает возможность говорить о субъективном придании смыслов, конституировании предметов и переживании мира в целом [Молчанов 2022, с. 147]. Однако речь не идет наряду с этим также о психических актах отдельных индивидов. Э. Гуссерля интересуют сущностные формы и возможности любых переживаний. Поэтому необходимо редуцировать, «вынести за скобки» не только существование внешнего мира, но и существование эмпирического «Я». Именно здесь и возникают затруднения: «Феноменологическое «эпохе» «сбросив с пьедестала» Я, утвердило «Я» трансцендентальное» [Султанова, 2001, web].

Сущность этого замечания состоит в том, что обычно трансцендентальное сознание представляют себе как «эссенцию» из эмпирического сознания, покоящуюся на абсолютизации субъективности [Мёдова 2022а, с. 47]. Такого рода субъективность, вне всякого сомнения, наличествует исключительно в ментальных конструкциях субъекта познания, то есть выступает определенной концептуальной идеализацией, замещающей реальных индивидов. Однако остается вопрос: действительно ли трансцендентальное Я является только теоретической конструкцией? Э. Гуссерль ни в коем случае не утверждал, что в результате феноменологической редукции нам необходимо «представить себе» трансцендентальное сознание. Он вообще не описывает его таким образом, чтобы можно было говорить о нем как о конструкте.

Скорее, в феноменологии постоянно подчеркивается рефлексивный характер пути к трансцендентальной сфере [Džanić 2020, p. 39], а сама она сама по себе не описывается, поскольку Э. Гуссерль постоянно апеллирует к опыту феноменолога. Если же мы можем говорить о нашем опыте как опыте феноменологов (тех, кто реализует феноменологическую редукцию), тогда должна существовать связь между нашим эмпирическим сознанием и сознанием трансцендентальным. И эта связь отнюдь не эфемерна.

Попробуем, вслед за В.И. Молчановым, задать вопрос так: «Когда Гуссерль говорит о «сущности сознания вообще», то правомерно спросить, кому принадлежит это сознание, кому принадлежит эта совокупность ментальных актов?» [Молчанов 1983, с. 54]. Мы не находим в феноменологическом опыте какого-либо другого сознания, кроме нашего же. Изменяется только установка, направление взгляда. Поэтому становится понятным, что «Человеческое Я, способное осуществить эпохе, то есть открыть в себе бесконечное поле рефлексии, человеческое Я, актуально осуществляющее рефлексивное созерцание – это и есть трансцендентальная субъективность» [Молчанов 1983, с. 55]. Феноменологическая редукция и есть та процедура, которая открывает сознанию его собственную жизнь. Она, накладывая эпохе на все суждения о внешнем мире, заставляет сознание обратиться на самое себя, и в таком рефлексивном повороте позволяет получить тот «феноменологический остаток», который Гуссерль называет трансцендентальным Я.

Следовательно, трансцендентальный и эмпирический уровни сознания не разорваны, а связаны, поэтому и соответствующие уровни исследования связаны и не противоречат друг другу. Однако, возможно, отвечая на вопрос «кто?», мы в ответ получили слишком много. Возможно, как раз на вопрос «кто?» и не нужно было отвечать. Почему, когда мы говорим о принадлежности к какой-то общей основе «всех ментальных актов» сознания, мы спрашиваем о принадлежности их кому-то? Необходим ли этот кто-то в самом центре трансцендентального сознания?

Согласно Ж.-П. Сартру, «Все результаты, которых достигла феноменология, грозят сойти на нет, если только не согласиться с тем, что Я, равно как и мир, есть некоторое относительное сущее, а именно – некоторый объект для сознания» [Сартр, с. 91]. Действительно, феноменология провозглашает намерение исследовать не сам предмет, а то, как он дан сознанию. Если после проведения феноменологической редукции исследователь останавливается на восприятии трансцендентального «Я» как чего-то самостоятельно существующего, то закономерно возникают упреки в замене методологической позиции мировоззренческой. Как отмечает Э.А. Султанова: «Тот или иной очевидный факт, который положен в основу метода ...только онтологизирует сам процесс исследования, то есть не проводит до конца феноменологическое «эпохе», а предполагает «вещь в себе», что создает возможность для построения определенной картины мира» [Султанова, 2001, web].

Под «вещью в себе», знаменующей собой переход от метода к мировоззрению, здесь подразумевается трансцендентальное «Я». «Чистое Я» фигурирует в феноменологии только потому, что сознание неизбежно ассоциируется у нас с носителем сознания, и помыслить первое без второго нам довольно трудно. Э. Гуссерль приходит к заключению: «Однако мы намерены считаться с чистым «я» как феноменологической датой лишь настолько, насколько простирается его устанавливаемая с непосредственной очевидностью сущностная специфичность и данность вместе с чистым сознанием, в то время как любые учения относительно чистого «я», которые выходят за рамки сказанного, должны быть подвергнуты исключению» [Гуссерль 2009, с. 179].

В такой проблематизации Ж.-П. Сартр идет дальше: отказываясь, согласно феноменологическому методу, от представления о «реальном существовании» объекта исследования, он полностью пересматривает традиционное понимание «Я». В первую очередь, Ж.-П. Сартр рассматривает сознание как сознание чего-либо, а не сознание кого-либо (в смысле принадлежности кому-то). Представление о Я как субъекте действий и переживаний, формируется на уровне рефлексии, а дорефлексивное сознание не знает ни одного такого ограничивающего центра. Оно полностью увлечено теми объектами, которые переживает. Действительно, когда мы что-то делаем и действительно этим увлечены, т.е. когда мы не осуществляем одновременно рефлексивную деятельность, мы не помним о себе. Исходя из этих соображений, Ж.-П. Сартр делает вывод: трансцендентальное сознание это безличная спонтанность.

«Я» – лишь рефлексивный конструкт, его существование не имманентно сознанию как таковому. Как замечает Д.Г Трунов, Идентифицируемое в самопознании «Я» – это «слой» самоинтерпретаций, заключенный между «Я»-продуктивным и направленным на него «Я»-рефлексивным» [Трунов 2010, с. 157]. Здесь важно прежде всего то, что только этот «слой самоинтерпретации» вообще может претендовать на звание «Я».

Поскольку продуктивное «Я» – это «сознание о...», это чистая деятельность, направленная на объект и подчиненная ему, это сознание, не содержащее в себе никаких вопросов о «себе». Но не соответствует действительности то предположение, что «Я», возникая на уровне рефлексии, существует на уровне «чистого сознания». Ведь «Я»-рефлексивное не существует как «Я», это та рефлексивная позиция, которая

конституирует эмпирическое «Я» на основе продуктивного сознания, но сама для себя не может быть предметом переживания. «Чистое Я» существует настолько, насколько нужно «сделать шаг назад», или «задержаться», догоняя продуктивное сознание, чтобы в нем утвердить «Я делаю...», «Я переживаю...» в отличие от «нечто делается», «нечто переживается».

Следовательно, «чистое Я» не является предметом самого себя и собственно не является «Я». Для Э. Гуссерля оно имело значение как очевидная данность вместе с трансцендентальным сознанием, последнее, в свою очередь, имеет значение специфического взгляда на мир. Благодаря такому специфическому взгляду оказывается, что Объективный мир, который есть для меня, который когда-либо для меня был и будет, сможет когда-либо быть, со всеми своими объектами, черпает, как уже было сказано, весь свой смысл и бытийную значимость, которой он для меня обладает, из меня самого, из меня как трансцендентального Я, впервые выступающего с началом трансцендентально-феноменологического *époche*» [Гуссерль 2006, с. 85].

Следует отметить: во-первых, речь всегда идет не о самом мире, который якобы порождается субъектом, а о данности мира для меня, даже о данности мне смысла мира и смыслов отдельных предметов в нем; во-вторых, Э. Гуссерль отмечает: трансцендентальное «Я» проявляется впервые в результате проведения феноменологической редукции, то есть вне ее, вне сознания, вне того, что эту редукцию осуществляет, оно не существует. Однако, принимая во внимание исследования Я, можно утверждать, что в описании феноменологического метода достаточно останавливаться на трансцендентальном сознании – таком поле опыта, в котором становится возможным сосредоточение на способах придания смысла тому, что в повседневном опыте мы принимаем как само собой разумеющееся, существующее вне смыслопорождающей деятельности сознания. Развивая идеи Э. Гуссерля, представляется возможным интерпретировать трансцендентальное сознание как «чистый» конститутивный смыслопорождающий акт, направленный на мир и делающий мир именно таким, каким он дается нам в естественной установке.

Список литературы

1. Гуссерль 2006 – Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. 315 с.
2. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова; Вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
3. Мёдова 2022 а – Мёдова А.А. Трансцендентальный субъект versus искусственный интеллект: пределы возможностей // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7: Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: Сборник тезисов международной научной конф. Москва, 21–23 апреля 2022 г. / Отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. М.: РГГУ, 2022. С. 46-49.
4. Мёдова 2022 b – Мёдова А.А. Две стратегии трансцендентальных исследований // После постпозитивизма: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. С. 670-672.
5. Молчанов 1983 – Молчанов В.И. Понятие трансцендентальной субъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Проблемы сознания в современной буржуазной философии. Вильнюс: АН Литовской ССР, 1983. С. 53-68.
6. Молчанов 2022 – Молчанов В.И. Предпосылки «эпохе» и нейтрализация опыта: термины и проблемы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 146-157.
7. Сартр 2003 – Сартр Ж.-П. Трансцендентность эго. набросок

- феноменологического описания // Логос. 2003. № 2. С. 86-121.
8. Султанова 2001 web – Султанова Э.А. Феноменология как метод исследования сознания // Логос. 2001. № 3. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2001/2001_03.htm (дата обращения: 16.05.2023).
 9. Трунов 2010 – Трунов Д.Г. Феноменология самопознания: концепция множественного «Я»: Дисс. ...д-ра философских наук: 09.00.01 – Онтология и теория познания / Трунов Дмитрий Геннадьевич. Пермь, 2010. 316 с.
 10. Шиян 2022а – Шиян А.А. Особенности гносеологии Э. Гуссерля // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7: Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: Сборник тезисов международной научной конф. Москва, 21–23 апреля 2022 г. / Отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. М.: РГГУ, 2022. С. 123-127.
 11. Шиян 2022б – Шиян А.А. Реалистическая установка и трансцендентальное сознание в феноменологии Э. Гуссерля // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общей редакцией В.Ю. Ефанова. М.: РГГУ, 2022. С. 54-57.
 12. Ямпольская 2013 – Ямпольская А.В. Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: Дисс. ...д-ра философских наук: 09.00.03 – История философии / Ямпольская Анна Владимировна. М., 2013. 351 с.
 13. Džanić 2020 – Džanić D. The Earth and Peregiveness in Transcendental Phenomenology // Research in Phenomenology. 2020. Volume 50. P. 31-52.

УДК 001.12

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУКИ

Паткуль Андрей Борисович

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: a.patkul@spbu.ru

В докладе обсуждается проблема смыслового конституирования предметной области науки в качестве одной из центральных проблем феноменологической философии науки. В этой связи здесь ставится вопрос о том, насколько образ некоторой фактически существующей науки в ее истории зависит от того, как именно заведомо конституирован ее предмет. Ответ на него обуславливает то, как именно следует мыслить историю науки — как непрерывное накопление знаний о соответствующей предметной области или же как историю различных конституирований предметных областей, в которой нарушена смысловая преемственность, так, что сама эта история становится историей разрывов. Тождество предметной области и единство самой науки при таком понимании ее истории оказываются под вопросом. В докладе — в первую очередь на материале «Кризиса европейских наук» Э. Гуссерля и «Бытия и времени» М. Хайдеггера — показывается, как именно в феноменологической философии понималось конституирование предмета математического естествознания, а также — какие выводы из такого понимания конституирования предмета данной науки можно сделать для ее истории. Оба указанных автора считают, что в основе формирования математического естествознания скрывается упреждающая его «математизация природы», т.е. формирование понимания бытия природы как предмета естествознания как в себе математического.

Ключевые слова: предметная область, конституирование, метафизическая революция в науке, опредмечивание, математизация природы, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер

THE PROCESS OF CONSTITUTION OF AN OBJECT-FIELD AND THE HISTORICAL TRANSFORMATION OF A SCIENCE

Patkul Andrei Borisovich

CSc in Philosophy, Assistant Professor

Saint Petersburg State University

E-mail: a.patkul@spbu.ru

In my report, I discuss the problem of the process of sense-constitution of an object-field of a science as one of the main problems of the phenomenological philosophy of science. In this regard, I raise the question here as to how much the shape of a really existing science in its history depends on how exactly the sense of its object-field is constituted. The answer to it determines exactly how the history of science should be thought — as a continuous accumulation of knowledge of the corresponding object-field, or as a history of various constitutions of latter, in which semantic continuity is broken, so that this history itself becomes a history of breaks. The identity of the object-field and the unity of science itself, with such an understanding of its history, are, therefore, in question. I base my talk primarily on E. Husserl's *The Crisis of European Sciences* and M. Heidegger's *Being and Time*, showing how the constitution of the object-field of mathematical natural science was understood in phenomenological philosophy, and also what conclusions are drawn from such an understanding of the constitution of the object-field of this science these authors did for its history. Both of them believe that at the basis of the formation of mathematical natural science lies the anticipatory "mathematization of nature", i.e. the formation of an understanding of the being of nature as a object-field of natural science as in itself mathematical being.

Keywords: object-field, constitution-process, metaphysical revolution in science, objectification, mathematization of nature, E. Husserl, M. Heidegger

Одним из наиболее значимых вкладов феноменологии в философию науки состоит в разработке теории конституирования предмета научного познания. Отвлекаясь от деталей, можно сказать, что, глядя с феноменологической точки зрения, конституирование — это учреждение смысла предметной области соответствующей науки. Такой синтез осуществляется конституирующей деятельностью интенционально организованного сознания в качестве первичного синтеза идентификации. Общей формулой подобного синтеза выступает формула «нечто как нечто». В случае с философией науки речь идет о том, что нечто данное сознанию наделяется им — в полном соответствии с указанной формулой — предметным смыслом того или иного предметного региона. Так, сознание наделяет нечто данное ему в качестве неживой природы (предмета физики в широком смысле), живой природы (предмета биологии), исторического события (предмета исторической науки) и т.д. Но подобный синтез идентификации сам в свою очередь оказывается возможным исключительно постольку, поскольку сознание уже понимает, что именно есть то нечто, в качестве которого оно опознает в таком синтезе данное ему. А это значит, что оно уже вкладывает некоторый набор предикатов в то, в качестве чего будет опознано данное. Совокупность таких предикатов (Гуссерль именует их «синтетическими категориями» (см. [Гуссерль 1999, с. 49]) составляет то, что в феноменологической философии принято назвать материальным априори — априори, само существование которого радикально ставится позитивистскими оппонентами феноменологии под вопрос (см. [Шлик 2010]). Так, например, в природе как предмете естествознанием всегда уже мыслятся «масса», «материя», «сила» и другие конститутивные для неё как предметного региона понятия. При этом, как пишет Хайдеггер, «физик, правда определяет, что он понимает под движением, он отграничивает, что означают место и время, [но] при этом он отчасти опирается на расхожие понятия» [Heidegger 1995, S. 34]. В итоге выяснить подлинную сущность этих понятий, их сообразность тому, как именно есть предмет, изучаемый наукой, способно только философское исследование.

Феноменологическая теория конституирования влечёт за собой важные и интересные, хотя и весьма проблемные следствия для понимания истории науки, оценки наличия непрерывности или дискретности в ее историческом пути, революционного или эволюционного характера такового. Прежде всего вопрос стоит тут таким образом. Если предмет научного познания — это в конечном счете то, в качестве чего сознание опознало данное ему, то не означают ли модификации в конституировании предмета некоторой науки (а такие модификации являются историческими фактами) исторической релятивизации научного знания? В свою очередь это мотивирует также вопрос о том, в каком отношении исторически более ранние образцы некоторой науки находятся к ее более поздним образцам. Есть ли между ними отношение преемственности, если они априори по-разному идентифицируют предметный смысл той области, которую они изучают? Или же это указывает на то, что между ними проходит непреодолимый разрыв? Являются ли они вообще двумя историческими ступенями (одна — менее совершенной, другая — более) в в процессе развития научного знания или же это вообще разные науки, представление о тождестве которых (соответственно об отношении исторической преемственности между ними) могло быть получено только благодаря весьма сомнительной аналогии?

В случае феноменологической философии наиболее показательным примером может послужить, пожалуй, событие возникновения математического естествознания, которое здесь принято маркировать фигурой Галилео Галилея. Более всего данный пример известен благодаря книге Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», говоря точнее, — благодаря § 9 этой работы, озаглавленному «Математизация природы Галилеем» (см. [Гуссерль 2004, с. 40-88]). Но и для М. Хайдеггера формирование математического естествознания является весьма иллюстративным событием, позволяющем сделать наглядными основные положения феноменологической философии науки — об этом недвусмысленно свидетельствует § 69 в его «Бытия и времени» (см. Особенно [Хайдеггер 1997, с. 362-363]) а также некоторые другие его более поздние работы (см., напр., [Хайдеггер 1993, с. 43]).

Говоря обобщенно и, разумеется, упрощенно, проблему, на которую наводит нас факт возникновения математического естествознания из нематематического, — из феноменологической перспективы — можно представить следующим образом. То, что по себе бытие природы всецело математично, а это обстоятельство, стало быть, позволяет выразить такое бытие без остатка, включая то, что Гуссерль называл «чувственными полнотами», «на языке математики», научный разум опознал благодаря (условному) Галилею только в определенный исторический момент — в начале Нового времени. Благодаря этому физика стала, обозначим это так, квантитативной. Это событие представляет собой подлинную метафизическую — не физическую, коих со времён Галилея в естествознании было ещё несколько — революцию, в рамках достижений которой при всех собственно физических новациях движется последующее естествознание и по сей день. По мысли Гуссерля, по крайней мере, в случае с чувственными полнотами, математизация природы Галилеем состоит, прежде всего, в усмотрении того обстоятельства, что «все, что заявляет о своей реальности в специфических чувственных качествах, должно иметь свой *математический индекс* в событиях гештальтной сферы...» [Гуссерль 2004, с. 58]. Хайдеггер интерпретирует математизацию в широком смысле с помощью онтологического понятия наброска. Он говорит: «Решающее для ее (математической физики — *А.П.*) формирования лежит не в более высокой оценке “эмпирии” и не в “применении” математики при определении природных процессов — но в *математическом наброске самой природы*. Этот набросок открывает нечто постоянно наличное (материю) и развёртывает горизонт для ведущей

ориентации на количественно определяемые конститутивные моменты (движение, сила, место и время)» [Хайдеггер 1997, с. 362]

До Галилея же естествознание было, как правило, качественным. Квантитативным оно не могло быть, поскольку в случае такого естествознания природа а priori была понята иным образом, чем это было сделано Галилеем. Ее по себе бытие заведомо не бралось как математизированное. Дело тут, прежде всего, в том, что, ещё начиная с греков, математическое и природное были разделены как принципиально различающиеся по бытию (и соответствующему таковому способу возможного познания) регионы сущего. (Этот тезис, разумеется, является слишком общим и магистральным, требуя известной спецификации, если учитывать сказанное в «Тимее» Платона, а также понимание онтологического генезиса математической предметности у Аристотеля). Или — приведём другой пример — древними принципиально разводились природа как по себе сущее и подвижное, само себя воспроизводящее и закон как произвольно установленное и могущее быть всегда столь же произвольно переустановленным, так, что законы природы, отысканием которых и озабочено современное естествознание, должны казаться, если угодно, оксюмороном из перспективы античной физики. Соответственно, природа в понимании последней как по себе сущее, способное к движению, т.е. к претворению в действительность возможного как возможного, имеет мало чего общего с природой как «совокупностью явлений, существующих по всеобщим законам». Это, если смотреть на дело феноменологически, может означать только то, что в каждом из этих случаев предмет естествознания конституирован по-разному: в каждом из приведённых случаев природе придан различный предметный смысл, она идентифицирована иначе.

Но тогда сам собой возникает вопрос, является ли один из способов конституирования природы, характер ее предметной идентификации некорректным (античная физика), а другой — единственно правильным (естествознание Галилея) или же они, если тут можно так выразиться, равноможны. В последнем случае природу можно было бы трактовать и так, и так. Но как можно было бы решить этот вопрос? С чем именно нужно сравнить природу в виду того предметного смысла, с которым она в каждом из случаев была идентифицирована смыслонаделяющей деятельностью сознания, чтобы точно установить есть ли она сама по себе одно или другое — подвижное по себе сущее или тотальность законосообразных явлений, уже математизированное или принципиально нематематизируемое в своем по себе бытии сущее? Как тут вообще можно разобраться, какая конституирующая идентификация корректна, а какая нет?

Эти вопросы мотивируют также последующие вопросы, касающиеся характера истории науки — в данном случае естествознания. Так, если можно четко показать, что античное понимание природы некорректно, то Галилей, приписывая ей смысл математизированного по себе бытия, просто корректирует это неверное понимание природы. А это позволяет считать физику древних просто предварительной ступенью математического естествознания, причем неверной, ошибочной, так, что галилеевская наука ее только исправляет и дополняет. Мы тогда имеем дело с единой историей науки, сохраняющей тождественный предмет; просто в случае более ранней ступени исторического развития понятий некорректно, а в случае более поздней ступени — правильно. Но совсем другое дело, если окажется, что оба понимания природы равнозначны, и ни одно не правильнее и не лучше другого. В таком случае мы будем иметь две разные обоснованные и корректные физики, отличающиеся уже в своих принципах в зависимости от того, как именно каждый раз а priori была понята природа, какой предметный смысл ей был приписан. В этом случае никакой непрерывной истории, где античная физика была бы некорректной предварительной ступенью физики

Галилея, уже не будет. А отсутствие такого единства будет обусловлено тем, что не будет иметь места никакого идентичного предмета (природы), который сначала был бы просто неверно понят, а затем это понимание было бы исправлено. В такой раскладке речь уже должна будет идти о двух различных науках, исследующих две существенно различные предметные области, тождество которых является сугубо номинальным. И это, в свою очередь, не будет допускать каких-либо возможных упреков одной науки в адрес другой, прежде всего, галилеевского естествознания — в адрес естествознания античного. Последнее не могло не только достигнуть тех блестящих результатов, которые были достигнуты первым, но даже и планировать это сделать в качестве своей задачи — потому что предмет изучения был тогда конституирован совершенно иначе.

Едва ли можно сказать, что феноменология дает окончательные ответы на поставленные вопросы: и именно потому, что понятие конституирования понять и так, и так — и как коррекцию некорректно приданного предметного смысла, и как радикальное учреждение совершенно нового смысла предметной области. Но не вызывает сомнения, что мотив исторического разрыва между различными конституированиями предмета по видимости одной и той же науки здесь очень силен. Это позволяет видеть в феноменологической философии науки предтечу известных постпозитивистских, структуралистских и постструктуралистских концепций истории науки.

Список литературы

1. Гуссерль 1999 — Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической. Кн. 1: Введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
2. Шлик 2010 — Шлик М. Существует ли материальное априори? // Логос. Философско-литературный журнал. 2010. Том 6. Вып. 79. С. 109-118.
3. Гуссерль 2004 — Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб: Владимир Даль, 2004. 399 с.
4. Хайдеггер 1997 — Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
5. Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41-62.
6. Heidegger 1995 — Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 25. Phänomenologische Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft". 3. Aufl. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann Verlag, 1995. 436 S.

УДК 165.7

НАУЧНЫЙ ПЕРСПЕКТИВИЗМ, ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СТРАТИФИКАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Попов Дмитрий Николаевич
Кандидат философских наук, доцент
Российский биотехнологический университет
E-mail: popovdnik@gmail.com

В исследовании предпринята попытка показать предпосылки успешного синтеза философских подходов перспективизма, феноменологии и стратификации реальности в направлении трансцендентальной философии науки пост-пост-позитивистского этапа. Выделены основные положения перспективизма Р. Гиери и М. Массими: учет перспективы

от первого лица, принципиальная неполнота научного описания, апелляция к аналогиям перспектив восприятия. Недостатками перспективизма можно назвать непроясненность принципа перспективности и взаимосвязи перспективности на уровне восприятия, теоретического и онтологического описания. Для решения данных проблем предлагается использовать подходы трансцендентальной феноменологии и стратификации реальности. Направления феноменологии анализируют различные перспективы (регионы) составляющее научное познание: технологический аспект – постфеноменология Д. Айди, телесно-физиологический аспект – нейрофеноменология Ф. Варелы, исторический аспект – философия М. Мерло-Понти и М. Фуко. Стратификационный подход дает платформу для соотношения различных аспектов реальности через трансцендентальное отношение к ней.

Ключевые слова: научный перспективизм, феноменология, стратификация реальности, реализм, антиреализм

SCIENTIFIC PERSPECTIVISM, PHENOMENOLOGY AND THE STRATIFICATION OF REALITY

Popov Dmitriy Nikolaevich
CSc in Philosophy, Assistant Professor
Russian Biotechnological University
E-mail: popovdnik@gmail.com

The study attempts to show the prerequisites for the successful synthesis of philosophical approaches of perspectivism, phenomenology and stratification of reality in the direction of the transcendental philosophy of science of the post-post-positivist stage. The main provisions of the perspectivism of R. Giere and M. Massimi are highlighted: taking into account of the first-person perspective, the fundamental incompleteness of the scientific description, an appeal to the analogies of the perspectives of perception. The disadvantages of perspectivism can be called the lack of clarity of the principle of perspective and the relationship of perspective at the level of perception, theoretical and ontological description. To solve these problems, it is proposed to use the approaches of transcendental phenomenology and stratification of reality. The directions of phenomenology analyze various perspectives (regions) that make up scientific description: the technological aspect – D. Ihde's postphenomenology, the bodily-physiological aspect – F. Varela's neurophenomenology, the historical aspect – the philosophy of M. Merleau-Ponty and M. Foucault. The stratification approach provides a platform for the correlation of various aspects of reality through a transcendental attitude to it.

Keywords: scientific perspectivism, phenomenology, stratification of reality, realism, antirealism

Современный пост-позитивистский этап развития философии и методологии науки представлен в современной трансцендентальной философии науки в направлении перспективного реализма, который является новой попыткой поиска среднего пути между Сцилой научного реализма и Харибдой антиреализма. Это направление является молодым и активно развивающимся. Его яркими представителями являются Р. Гиери и М. Массими.

Общие положения перспективизма заключаются в следующем: 1) наука сама по себе – это лишь определенный взгляд, который мы можем иметь на мир; 2) научные теории никогда не смогут дать исчерпывающее объяснение мира; 3) если две научные теории несовместимы друг с другом, из этого не следует, что хотя бы одна из них ложна; 4) не может быть одной всеобъемлющей научной теории; 5) наука не может быть полностью отделена от ученого.

Р. Гиери разрабатывает перспективизм на основе анализа человеческого зрения. Оно является трихроматическим с отличной перспективой от других цветовых кратностей. Также и научные приборы ограничены перспективой своей измерительной способности (априори), а также теорией, интерпретирующей полученные результаты. Все идеализации несовершенны (математизированны) и потому среди них нет лучшей

и худшей. Все результаты измерений неотрывны от перспективы их получения и пресуппозиций их теорий.

М. Массими разрабатывает перспективизм через анализ сходства перспектив точек обзора в живописи и репрезентации объектов в научной теории [Massimi 2022]. Перспективность антиреализма соотносится с ситуационным представлением от конкретной точки обзора наблюдателя (а не художника), влияющей на содержание, в «Менинах» Диего Виласкеса. Перспективность перспективного реализма соотносится с несамореферентное представление, направленное к точке схода из пустой точки обзора, не влияющей на содержание, в «Портрет четы Арнольфини» Яна ван Эйка. История порядка написания картины, ее замысла, помогает лучше ее понять, так же как в случае истории формирования предпосылок научной теории. Организация линий изображения аналогична выбору экспериментальных техник и теоретических моделей, образующих «окно в реальность». Перспектива представления зависит от целей и культуры, инструментов, истории формирования научной практики, тогда как реальность одна для всех субъектов.

Однако решения проблем философии науки перспективизмом находятся в состоянии интуиций и не всегда могут удовлетворить своим объяснениями. Например, В.А. Чалый в своей статье «Научный перспективизм: реализм, антиреализм или новая парадигма?» [Чалый 2020] выделяет некоторые недостатки перспективизма: 1) грубые представления о научном реализме, объективизме (Гиери) – новые теории признают связь некоторых вторичных качеств с наблюдателем, референциальный реализм: принятие онтологии объектов и успешной референции к ним (цвета связаны с объектами); 2) недоопределенность понятия перспективы: связана лишь с ментальным уровнем, но как переносится на семантический (теоретический) и объективный (онтологию) «научный перспективизм Гиери не движется дальше удачной метафоры» [Там же, с. 83]; 3) различие перспективности некоторой точки обзора и пустой точки обзора не содержательно, так как все равно это перспектива художника (Массими); 4) параллель замысла написания картины не сопоставим с прояснением истории научной теории и пониманием логики ее обоснования (Массими); 5) перспективность Массими – объективизм с указанием на субъективные познавательные особенности человека как архитектора. Как итог, перспективисты не говорят ничего нового о перспективе, влияния перспективы восприятия на теорию и онтологию, а также изоморфности восприятия и теоретизирования.

Автор статьи видит перспективу в сопоставлении восприятия и теоретизирования в перспективизме на основе энактивизма: «выдвижения эмпирических гипотез о перспективности мышления как результате когнитивного онто- и филогенеза» [Там же, с. 88]. Далее, для прояснения перспективы в теории, предлагается представить необходимость (дедукцию) системы перспективных категорий (горизонт, фокус, аспект, точка зрения) для всякого опыта. Тогда история познания и науки предстанет как смена континуумов точек зрения на объект, обусловленный внешними и внутренними факторами.

Чтобы рассмотреть представленные проблемы перспективизма в рамках трансцендентальной философии науки, отметим, что решения предложенные В.А. Чалым в рамках энактивизма отсылают нас к играющей важную роль в нем трансцендентальной феноменологии. Кроме того, к направлению перспективизма стоит отнести перспективистские подходы в исследовании сознания в когнитивных науках. Натуралистические и феноменологические подходы, от третьего и первого лица в нем рассматриваются как разные перспективы одного процесса. В данной сфере активно используется именно трансцендентальная феноменология [Власова 2019]. Филипп Бергхофер в своей статье «Научный перспективизм в феноменологической традиции»

[Berghofer 2020] отмечает важную особенность, что в случае перспективизма, несмотря на схожесть проблематики и основных понятий с феноменологией, его авторы не ссылаются на нее, а в случае Гиери даже отрицают любые параллели. Однако, Бергхофер показывает, что феноменология может как раз прояснить понятие перспективности [Berghofer 2020, р. 6-7]. Несмотря на то, что Гуссерль приходит к перспективности с субъективной стороны анализа восприятия, в отличие от физикалистского анализа цветовосприятия Гиери, он делает те же выводы об ограниченности объективистского подхода. С позиции феноменологии все, что мы знаем, мы знаем из субъективного опыта, который формируется предыдущим опытом, убеждениями, ожиданиями, понятиями. Субъективные факторы закладываются как в формирование объективной математической модели, интенционально направленной на мир, так и в модель объективной реальности. Наука не должна стремиться к объективной реальности, но формироваться на описании от первого лица.

Трансцендентальные подходы в рамках философии науки могут решить проблему реализма научных объектов на основе подхода стратификации реальности, используемого в восточной и европейской философиях и являющегося важной точкой разрыва между континентальной и аналитической философией [Шохин 2004; Шохин 2015; Попов 2022]. Трансцендентальная философия в широком смысле предлагает, как мы уже отмечали выше, субъективную позицию в исследовании реальности: не какая она, а как она мне дается. Стратификация реальности предполагает выделение нескольких «априорных» аспектов реальности и оценки степени их аподектичности, необходимости, неснимаемости в опыте. В соответствии с этим выстраивается некоторая иерархия уровней реальности относительно опыта субъекта.

В восточной философии данный подход использовался в соотношении позиций различных школ, перспектив восприятия реальности в полемических произведениях буддизма, джайнизма, веданты: «Шад-даршана-самуччая», «Сарва-сиддханта-санграха», «Сарва-даршана-санграха». В европейском трансцендентализме стратификация проявляется в разделении явлений и вещей-в-себе и восприятия их взаимосвязи в трансцендентальной эстетике у Канта [Кант 1999, с. 98]: иллюзорность их отождествления, адекватная оценка явленности чувственных свойств и истинность безкачественного понимания объекта самого по себе. В трансцендентальной феноменологии данный подход проявляется в решении проблема реализма различных объектов восприятия: иллюзий, ментальных объектов, физических объектов. Главный термин Brentano - интенциональность, является критерием различия физической и ментальной реальности. Отсюда выводится интенциональная реальность внутреннего предмета. Гуссерль также был увлечен проблемой внутренних противоречивых объектов (типа круглого треугольника или нынешнего короля Франции). В работе «Интенциональные предметы» он различает действительное существование предметов и интенциональное существование в представленности. В «Логических исследованиях» мы уже видим целостную стратификацию: 1) ирреальное (*irreel*), 2) квази-реальное (*reel*) и 3) реальное (*real*). Как отмечает Фоллесдал, именно проблема несуществующих предметов направила Гуссерля в его дальнейшей феноменологии «Идей». Данная проблема стала еще одной точкой расхождения континентальной и аналитической философии. Б. Рассел обвинял последователей Brentano в отсутствии "инстинкта реальности". У. Куайн вообще исключал эту проблему из философии как «почву для размножения беспорядочных элементов». С. Крипке отрицал реальное существование несуществующих объектов, но говорил об их возможности при других условиях. Для последователей Витгенштейна они лишь объекты языковых игр, не имеющие реальности.

В перспективизме М. Массими пересматривает кантовский подход и вводит различие явлений (данных опыта) и феноменов (событий реальности) с онтологизацией феноменов. Различаются реализм событий, ненаблюдаемых объектов и их структур, вещей обыденного мира. Данный подход перспективизма, также можно рассмотреть, как проявление стратификации реальности в трансцендентализме. Однако, как отмечает Чалый, перспектива в ней выстраивается от данных, то есть от «точки схода», а не от установки наблюдателя – «точки обзора» [Чалый 2022, с. 85]. Если же полноценно проявить трансцендентально феноменологическую стратификацию реальности, мы можем решить проблемы прояснения перспективности и взаимосвязи воспринимаемых и теоретических феноменов. Для этого необходимо стратифицировать исторический, технологический, культурно-практический и телесно-физиологический фактор формирования научной теории. Феноменология уже имеет исследования в рамках данных направлений. Телесно-физиологический фактор рассмотрен в упомянутом энктивизме и нейрофеноменологии Ф. Варелы. Технологический фактор исследован в постфеноменологии Д. Айди. Исторический фактор исследован в постструктурализме М. Фуко, учителем которого был М. Мерло-Понти, и с учетом сильного влияния идей феноменологического периода: прояснение границ научных дисциплин через анализ их практик и обращение к истории формирования смыслов.

Список литературы

1. Власова 2019 – Власова О.А. Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика "первого" и "третьего" лица // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 3. С. 3-13.
2. Кант 1999 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999.
3. Чалый 2022 – Чалый В.А. Научный перспективизм: реализм, антиреализм или новая парадигма? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 80–90. doi: 10.17223/1998863X/70/7.
4. Попов 2022 – Попов Д.Н. Трансцендентализм и стратификация реальности // После постпозитивизма: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов [Электронный ресурс]. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки». 2022. С. 688-690.
5. Шохин 2015 – Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.
6. Шохин 2004 – Шохин В.К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М.: ИФ РАН, 2004. 289 с.
7. Berghofer 2020 – Berghofer Ph. Scientific perspectivism in the phenomenological tradition // European Journal for Philosophy of Science. 2020. №10 (30). <https://doi.org/10.1007/s13194-020-00294-w>.
8. Giere 2006 – Giere R.N. Scientific Perspectivism. University of Chicago Press, 2006.
9. Massimi 2022 – Massimi M. Perspectival Realism. Oxford University Press, 2022.

ПРОБЛЕМА «ИЗМЕНЕНИЯ СМЫСЛА» В КОНЦЕПТЕ КОНСТИТУТИВНЫХ АПРИОРНЫХ ПРИНЦИПОВ МАЙКЛА ФРИДМАНА

Шамарина Елена Тимуровна

*Менеджер международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: eshamarina@hse.ru*

Представление Фридмана об конститутивном априорном принципе указывает на его концепцию научного развития. В общем теория значения основана на идее, что естественный язык имеет правила, а «значение» слова обусловлено функцией правила, регулирующего его использование. Эти правила определяют, какие утверждения синонимы, какие выражения многозначны, какие предложения аналитические, по каким основаниям и т.д. Вопросы проверяемости косвенно входят в круг вопросов о значимости, но они не принадлежат к области вопросов о различии значений. Я хочу прояснить понятие Фридмана об изменении значения, используемом им для описания концептуальных сдвигов в научных теориях. Поэтому необходимо рассмотреть, какие термины и принципы составляют основу концепта конститутивных априорных принципов Фридмана и их эволюцию в новых научных рамках для исследования проблемы изменения смысла термина или принципа в межпарадигматическом переходе. В моем исследовании важным является вопрос отправной точки для переформулировки Фридманом эпистемологии Канта и преемственности и оригинального вклада неокантианства в более глубокое понимание концептуальных революций и изменении парадигмы в истории точных наук.

Ключевые слова: Фридман, Карнап, Райхенбах, Кассирер, Эйнштейн, априори, значение, функция, конститутивные принципы, концептуальный анализ, рамки

THE PROBLEM OF «MEANING CHANGE» IN THE CONCEPT OF CONSTITUTIVE APRIOR PRINCIPLES BY MICHAEL FRIEDMAN

Shamarina Elena Timurovna

*Manager of International Laboratory for the studies of the intellectual dialogue between Russia and Europe of the HSE University
National Research University Higher School of Economics
E-mail: eshamarina@hse.ru*

Friedman's notion of a constitutive a priori principle points to his conception of scientific development. In general, the theory of meaning is based on the idea that natural language has rules, and the "meaning" of a word is due to the function of the rule that governs its use. These rules determine which statements are synonyms, which expressions are polysemantic, which sentences are analytic, on what grounds, and so on. Questions of verifiability are implicitly included in the scope of significance questions, but they do not belong to the domain of questions of difference in meanings. I want to clarify Friedman's notion of change in meaning, which he uses to describe conceptual shifts in scientific theories. Therefore, it is necessary to consider what terms and principles form the basis of the concept of Friedman's constitutive a priori principles and their evolution in a new scientific framework to study the problem of changing the meaning of a term or principle in an interparadigmatic transition. An important issue in my research is the starting point for Friedman's reformulation of Kant's epistemology and the continuity and original contribution of neo-Kantianism to a deeper understanding of conceptual revolutions and paradigm shifts in the history of exact sciences.

Keywords: Friedmann, Carnap, Reichenbach, Cassirer, Einstein, a priori, meaning, function, constitutive principles, conceptual analysis, framework

В своих работах Фридман реконструирует историю логического позитивизма в контексте рецепции их представителями природы а priori Канта и предлагает новый подход к проблеме радикальных научных революций или «сдвигов парадигм», представляя свою *динамическую концепцию релятивизированных априорных принципов*. По его мнению, процесс *переопределения понятий* - это сознательный и рациональный акт, сочетающий в себе научные и философские мотивации, который сам по себе составляет новую концептуальную основу.

Отправным пунктом для концепта Фридмана послужила попытка Райхенбаха ввести понятие релятивизированных априорных принципов и представить априори как основополагающую предпосылку для эмпирического исследования. Как предположил Райхенбах в 1920 г. [Reichenbach 1920], законы движения в контексте физики Ньютона действуют как принципы координации (он назвал их аксиомами координации). Однако Фридман подчеркивает, что, собственно, впервые предложение релятивизированного априори было изложено не Райхенбахом, а самим Эйнштейном, который смог поместить опыт в непривычные математические рамки, то есть сформулировать кинематические рамки особой теории относительности, выходящей за рамки представления законов движения Ньютона [Friedman 2008a, pp. 107–108].

Вторым шагом в этом процессе постепенной динамизации априори Фридман видит синтаксис языка Карнапа, позволяющий развивать лингвистические рамки как *совокупность различных конститутивных априорных принципов*. Философия лингвистических рамок Карнапа полностью основана на идее, что логические или аналитические принципы, так же, как и эмпирические или синтетические принципы, могут быть *пересмотрены* в процессе развития эмпирической науки. Фридман указывает, что фундаментальное различие между *логическими и физическими правилами (аналитическими и синтетическими предложениями)* у Карнапа затем порождает второе фундаментальное различие между *внутренними и внешними вопросами языковых рамок*.

В вопросах семантики конвенционализм трактует значение утверждения не как результат однажды исторически принятой договоренности, но как результат единичных конкретных, многократно *повторяющихся коммуникативных актов* [Michael Dummett 1959, p. 345]. Эти конвенции оказываются *скрытыми определениями*, имеющими дело с идентификацией значений. Фридман считает, что конститутивные априорные принципы присутствуют *всегда*, как, например, основополагающие математические принципы, не подлежащие пересмотру, но различающиеся в разных теоретических структурах, поэтому их можно трактовать как релятивизированное априори. Фридман улавливает «изменение значения» при переходе от старой структуры к новой: даже если *те же условия и принципы* снова появляются в новой структуре, они не имеют *того же значения*, какое у них было в старой структуре [Friedman 2001, p. 99].

Согласно его идее, *одни и те же слова обладают разными смыслами в разных рамках*. Фактически, понятия и принципы, которые являются *эмпирическими* в старых структурах, могут перейти к *конститутивному* статусу в новой структуре, и наоборот. Фридман использует теорию лингвистической рамок Карнапа, где изменение статуса с аналитического на синтетический влечет за собой изменение значения, как аналогию изменения значений понятий и принципов в межпарадигматические переходы. Понятие «изменения значения» предполагает, что аргумент Фридмана поддерживает представление Куна о несоизмеримости. Он сравнивает физику Ньютона и теорию относительности Эйнштейна: обе теории включают априорные конститутивные принципы (например, геометрию Евклида), но эти принципы претерпели изменения. Фридман приходит к выводу, что в контексте физики Ньютона только бесконечно малая

евклидова геометрия является конститутивно – априорной в контексте общей теории относительности.

Фридман отмечал оригинальный вклад неокантианства в более глубокое понимание концептуальных революций и изменении парадигмы в истории точных наук. В частности, «Марбургская школа» заменила оригинальную «статичную» версию кантовского априори «генетической» (*erzeugende*) концепцией научного знания» [Friedman 2010, p. 178]. Большой вклад внес Кассирер, демонстрируя достаточно структурированную теорию априори и в то же время производя её глубокое преобразование. Для Кассира [Cassirer 1981, p. 167] критика знания состоит в раскрытии априорных предпосылок и оснований для научных фактов. Он рассматривал основную проблему критики Канта как нахождение «стабильной структуры эмпирических объектов» с помощью трансцендентального анализа.

Кассирер изменяет значение априорных принципов Канта так, чтобы их можно было вписать в контекст современной ему физики: принцип законности (причинности) опыта в целом должен рассматриваться в широких основополагающих рамках как «выражение разума» или как синтетическая предпосылка научного исследования, чтобы сформулировать более определенные эмпирически законы природы. Именно в рамках этой интерпретации функционала априори Кассирер рассмотрел общую теорию относительности и сконцентрировался на попытке «либерализовать» априоризм Канта основанной на методологическом представлении *априори как «процесса»*.

Кассирер сопоставляет процедуру «трансцендентальной философии» напрямую с процедурой геометрии, предпринимая попытку обнаружить те универсальные элементы формы, которые сохраняются через все изменения в конкретном материальном содержании опыта. «... Познание называется априори не в том смысле, как если бы оно было до опыта, а потому и постольку, поскольку оно содержится в качестве *необходимой предпосылки* в каждом действующем суждении относительно фактов» [Cassirer 1953, pp. 268–269].

Фридман описывает понятие «функции» Кассирера как идею непрерывного ряда, чтобы показать, как такая идея может быть порождена *априори*, шаг за шагом. Такое связующее отношение составляет объект научного знания. Идея функции у Кассирера влечет за собой *динамический процесс* формирования абстрактных структур, которые упорядочены математическими соотношениями. Новая функциональная форма должна содержать ответ на поставленные вопросы в более старой форме; эта особенность устанавливает логическую связь между ними и указывает на общий форум суждения, которому обе (формы) подчиняются [Cassirer 1910/1923, p. 268–269].

Фридман представляет научную теорию, состоящую из *трех* асимметрично функционирующих частей: математической части, физической или эмпирической части и механической.

Математическая часть включает в себя основные математические теории, которые используются для описания рассматриваемой пространственно-временной структуры, а именно, бесконечное евклидово пространство, четырехмерное пространство-время Минковского, полуримановы пространственно-временные многообразия.

Физическая часть использует теории математической части для формулирования эмпирических данных: законы, описывающие конкретные эмпирические явления, а именно: закон всемирного тяготения, уравнения Максвелла для электромагнитного поля и уравнения Эйнштейна для гравитационного поля.

Механическая часть теории несет функцию установления соответствия между математической частью программы и конкретными эмпирическими явлениями и может быть определена как координирующие принципы (например, законы движения Ньютона, принцип постоянства скорости света, принцип эквивалентности масс).

Благодаря координирующим принципам точные законы природы сформулированы средствами математической части теории и имеют *эмпирический смысл*, например, расчет Эйнштейном смещения перигелия Меркурия [Friedman 2001, p. 80].

Фридман вводит *двоякую функцию* конститутивных принципов:

1. координирующие принципы как *предпосылки эмпирических законов*;
2. координирующие принципы как *«посредники» между абстрактной математической структурой и эмпирическими явлениями*.

Различие у Фридмана между принципами координации как *предпосылками* и координирующими принципами в их специфической *функции посредничества* между математическими структурами и конкретными эмпирическими явлениями лежит в формальном понятии «*функция*» Кассирера. Поэтому можно говорить об *интерпретативном* расширении статуса эмпирического закона у Фридмана, чтобы стать *конституирующим принципом*.

Однако, одних генетических особенностей концепции знания у Кассирера недостаточно. Фридман утверждает, что именно здесь должен появиться *неэмпирический элемент «решения»*: речь идет о принципиально новой пространственно-временной структуре определенного эмпирического значения, без которой решение просто *не определено*. Поэтому Фридману сложно убедительно продемонстрировать, как философское размышление над проблемой переплетается с научным размышлением. С одной стороны, ему трудно показать, какова роль философии в науке; с другой стороны, Фридману следует прояснить, почему его предположения о рациональном характере философского размышления более объективны, чем взгляд Куна об их субъективном характере.

После новых научных открытий и появления новых научных рамок может произойти изменение функции некоторых терминов и принципов, и, по мнению Фридмана, за этим изменением функции *может* последовать изменение значений таких терминов. Это изменение значения не связано с изменением концепции, но при этом изменении возможно получение лучшего описания тех же вещей, на которые ссылались более ранние научные теории. Те значения, что подразумевались в прежнем словоупотреблении этих терминов и принципов, не могут быть *верными* новой парадигме. На взгляд Фридмана, именно здесь философская рефлексия может облегчить взаимодействие между различными относительно беспроблемными областями научной рефлексии.

Список литературы

1. Cassirer, E 1910 — Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik // Berlin: Bruno Cassirer Verlag. 1910. 459 P.
2. Cassirer, E 1953 – Substance and Function. Trans. William Curtis Swabey and Marie Collins Swabey // Chicago: Dover Publications. 1953. 465 P.
3. Cassirer, E 1981 – Kant's life and thought. Translated by James Haden // New Haven: Yale University Press. 1981. 429 P.
4. Dummett, Michael 1959 – Wittgenstein's Philosophy of Mathematics. The Philosophical Review // Published By: Duke University Press. Vol. 68. No. 3. 1959. PP. 324-348.
5. Friedman, Michael 2001 – Dynamics of Reason. The 1999 Kant Lectures at Stanford University // Stanford: CSLI Publications. 2001. 141 P.
6. Friedman, Michael 2008b – History and philosophy of science in a new key. Isis. 99 (1). 2008b. PP.125–134.
7. Friedman, Michael 2010 – Ernst Cassirer and Thomas Kuhn: The Neokantian tradition in the history and philosophy of science. In R. A. Makkreel & S. Luft (Eds.). Neokantianism

in contemporary philosophy // Indiana University Press: Bloomington. 2020. PP. 177–191.

8. Reichenbach, H. 1920 – Relativitätstheorie und Erkenntnis apriori // Berlin: Springer. 1920. Translated as The theory of relativity and a priori knowledge. M. Reichenbach (Ed.) // Berkeley: University of California Press. 1965.

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

МЕТАФИЗИКА ОПЫТА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: АПРИОРИ Э. ГУССЕРЛЯ

Шиян Анна Александровна

Кандидат философских наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

В данном сообщении феноменология Гуссерля рассматривается в контексте кантовского трансцендентализма, нацеленного на выявление априорных условий познания. Сознание, с точки зрения Гуссерля, является познающим сознанием, обладающим априорными структурами и принципами. Автор выделяет в феноменологии Гуссерля четыре типа априори, которые определяют опыт познающего мышления и сознания о мире: априори сознания, априори суждений логики, материальное сущностное априори и априори жизненного мира. Основным априорным свойством сознания является интенциональность, которую, в рамках феноменологии Гуссерля, можно рассматривать как структуру актов сознания, так и в качестве базисного принципа функционирования сознания. Автор показывает, что формальные логические априори, с точки зрения Гуссерля, определяются определенными способами функционирования интенционального сознания. Рассматривая материальные априори феноменологии, автор подчеркивает, что они характеризуются соответствием между определенной предметной областью и соответствующим опытом восприятия предметов (этой области). Априори жизненного мира фиксируют общие закономерности повседневного опыта, который выходит за рамки сознания и является культурно обусловленным и преданным сознанию. В заключении автор делает вывод, что феноменологические априори основаны на иерархия основополагающих принципов функционирования сознания, которые задаются социально-культурным контекстом.

Ключевые слова: феноменология, сознание, суждение, априори, интенциональность, Гуссерль

METAPHYSICS OF EXPERIENCE IN A PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE: A PRIORI BY E. HUSSERL

Shiyan Anna Alexandrovna

CSc in Philosophy, Assistant Professor

Russian State University for the Humanities

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

In this text, Husserl's phenomenology is considered within the framework of Kantian transcendentalism, aimed at identifying a priori conditions of cognition. From Husserl's point of view, consciousness is a cognizing consciousness with a priori structures and principles. The author identifies four types of a priori in Husserl's phenomenology, which determine the cognitive experience of thinking and consciousness about the world: a priori of consciousness, a priori of logical judgments, material essential a priori and a priori of the life-world. The main a priori property of consciousness is intentionality, which in the framework of Husserl's phenomenology can be considered structurally and as the basic principle of the functioning of consciousness. The author shows that the formal logical a priori, from the point of view of Husserl, is determined by certain

ways of functioning of intentional consciousness. Considering the material a priori of phenomenology, the author emphasizes that it characterizes the correspondence between different subject areas and the corresponding experience of perceiving objects. A priori of the life-world captures the general patterns of everyday experience, which goes beyond consciousness and is culturally conditioned and predisposed to consciousness. In conclusion, the author concludes that phenomenological a priori are based on the hierarchy of the fundamental principles of the functioning of consciousness, which are set by the socio-cultural context.

Keywords: phenomenology, consciousness, judgment, a priori, intentionality, Husserl

Феноменологию Гуссерля можно рассматривать, как и неокантианство, наследницей кантовского трансцендентализма. В данном случае, под трансцендентализмом понимается философия, которая занимается исследованием априорных условий возможности познания. С другой стороны, гуссерлевская феноменология допускает и позитивистскую интерпретацию, поскольку рассмотрение опыта сознания играет в ней ключевую роль.

Эти два, казалось бы, взаимоисключающих понимания феноменологии можно объединить, сделав следующие акцент. Гуссерлевская концепция сознания основана на исследовании опыта реального функционирования повседневного и научного сознания и на выделении в этом опыте сущностных (априорных) структур и принципов. При этом, сознание, с точки зрения Гуссерля, является познающим, в том числе и трансцендентную предметность, сознанием. Соответственно, априори опыта сознания есть также априори познания мира (в этом отношении данные тезисы вписываются в проект дескриптивной метафизики, развиваемый в отечественной традиции С.Л. Катречко [Катречко 2020]).

Кроме того, в феноменологии Гуссерля, как и в трансцендентализме Канта, можно выделить априорные формы суждений, обуславливающие наши высказывания о мире. Гуссерль называет эти формы формальными априори, относя к ним и логические предметности.

Однако в отличие от Канта, Гуссерль допускает познание действительности, как она есть на самом деле. Это обуславливает введение им сущностного, или материального, априори.

И последний тип априори, обсуждаемый Гуссерлем главным образом в поздний период своего творчества, это априори жизненного мира.

Далее я кратко остановлюсь на каждом из этих типов априори.

1. *Априори структур и принципов сознания.* Основным сущностным свойством сознания, с точки зрения феноменологии, является его интенциональность, то есть направленность сознания на его предмет. Именно интенциональное априори, по мнению П. Травни [Травни 2014, с. 220–221], является основным априори феноменологии Гуссерля.

Структура интенционального акта выделяется Гуссерлем в 1-ом «Логическом исследовании» [Гуссерль 2011, с. 220–221] на примере актов суждения и позже переносится на все другие акты сознания, в том числе на восприятие, которое в рамках гуссерлевской феноменологии является базовым актом сознания.

Интенциональность является также априорным принципом функционирования сознания, который можно описать с помощью гуссерлевского различения интенция значения / интенция осуществления значения. Речь идет о том, что сознание постоянно стремится реализовать свои подразумеваемые значения, путем их осуществления в созерцании.

2. *Априори суждений логики.* С точки зрения Гуссерля, имеется несколько априорных логических форм суждений. Задача трансцендентальной феноменологии заключается в их обосновании, то есть в приведении к очевидности. Высказывания подобного типа Гуссерль называет априорными аналитическими, поскольку их истинность/ложность зависит от формальных компонент их значений. Праформой всех

суждений, с точки зрения Гуссерля, является суждение вида «S есть P», поскольку из этой формы могут образовываться разные другие типы суждений.

Пропуская процесс обоснования априорных форм суждений у Гуссерля (см. например: [Husserl 1999]), мы сформулируем здесь его результат. С точки зрения Гуссерля, мы имеем те или иные формы суждений и логических отношений именно потому, что наш опыт сознания протекает определенным образом.

3. *Материальное априори, или априори сущностей.* Материальные априори в феноменологии Гуссерля включают в себя сущности разной степени общности: от всеобщих категорий регионов действительности до сущностей отдельных предметов.

Сущности присутствуют в нашем повседневном опыте, например, при восприятии вещей. Мы уже воспринимаем вещи как относящиеся к тому или иному типу (см. подробнее: [Шиян 2015]). С помощью сущностного созерцания мы конкретизировать и сделать явными сущностные свойства предмета.

Несколько иначе Гуссерль работает с априорными, или сущностными, свойствами предметных регионов. Категории региона определяют его сущностные закономерности. Эти сущностные закономерности выражаются в синтетических суждениях априори. «Если угодно фиксировать здесь отзвуки Кантовой критики разума (несмотря на значительные расхождения в постижении основополагающего, что вовсе не исключает внутреннего родства), – пишет Гуссерль в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», – то под *синтетическими познаниями a priori* следовало бы разуметь региональные аксиомы, и тогда бы у нас было бы столько классов несводимых познаний, сколько регионов» [Гуссерль 2009, с. 62]. У феноменологии Гуссерля нет средств однозначно установить истинность сущностных суждений регионов, однако существует возможность в какой-то степени к ней приблизиться. Это можно сделать путем выделения в ходе рефлексивного анализа повседневного опыта сущностных закономерностей. Так, для подтверждения сущностных связей между пространственностью и массой, мы обращаемся к анализу опыта, доступного каждому: разбить стакан, согнуть железку и т.п. При этом не исключен опыт, анализ которого приведет к иным формулировкам сущностных закономерностей региона.

4. *Априори жизненного мира.* Подход Гуссерля к изучению априори жизненного мира, опирается на рефлексивный анализ повседневного опыта. Гуссерль подчеркивает, что жизненный мир – это всегда мир в конкретной исторической эпохе, которая имеет собственные особенности. В соответствии с этим тезисом, Гуссерль пытается выявить априори, которое было бы характерно для любой исторической эпохи. Но систематических исследований на эту тему у Гуссерля нет, однако его записи, наброски и др. позднего периода творчества, посвященные жизненному миру в 39-ом томе «Гуссерлианы» [Husserl 2008]. В качестве основного априорного различения жизненного мира Гуссерль вводит различие своего и чужого, или различие «домашнего мира» и «чужого мира» [Husserl 2008, S. 155–174]. Это различие может быть выявлено в рефлексии опыта повседневной жизни разных эпох. Для этого требуется историческая реконструкция, обращение к источникам разных культурных эпох, то есть здесь должен быть осуществлен переход к герменевтической методологии. Это исследование провел, на примере изучения жизненного мира античных греков, немецкий феноменолог К. Хельд [Held 1997].

В завершение хотелось бы расширить интерпретацию априори как априори функционирования сознания на все три первых типа априори. Как было отмечено выше, интенциональность можно понимать не только, как сущностное свойство сознания, но и как априорный принцип его функционирования. Причем, этот принцип является базисным, в духе Когена его можно назвать принципом первоначала. Его дальнейшей конкретизацией являются более конкретные априорные закономерности восприятия

предмета и его свойств, отношений между предметами, полагания модальностей и типов существования предмета. Причем, с точки зрения Гуссерля, они одинаковы для любого типа предметов и определяют логические формы суждений. Однако есть частные различия в функционировании интенциональности в отношении предметностей разного типа: мы воспринимаем живое тело иначе, чем материальный предмет или социальную личность. Гуссерлевские тексты позволяют сделать вывод, что не предмет определяет относящийся к нему опыт сознания, а, скорее, определенному типу функционирования сознания соответствует определенная предметность. Так, человека мы можем воспринимать и просто как материальный предмет, и как живое тело, и как социальную личность. Все зависит от выбранной нами установки сознания. Четвертые априори, априори жизненного мира являются функциональными априори повседневной жизни человека, которая при этом определяется не только сознанием. Априорные принципы функционирования сознания могут быть и другими, в зависимости от культурно-исторического контекста. Это относится и к интенциональности сознания. Такой вывод Гуссерль не делает, но он вполне допустим и, в определенном смысле, приближает нас к динамическому априори М. Фридмана, на которое будет обращено особое внимание в докладе.

Список литературы

1. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
2. Гуссерль 2011 – Гуссерль Э. Логические исследования. Том II. Часть 1. Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический проект, 2011. 565 с.
3. Катречко 2020 – Катречко С.Л. Проект трансцендентальной философии И. Канта и дескриптивная метафизика П. Стросона: сходство и различие // Трансцендентальный журнал, 2020. Том 1. Выпуск 1. [Электронный ресурс]: URL: <https://transcendental.ru/S123456780009187-6-1> [последняя дата обращения 18.04.2023].
4. Травни 2014 – Травни П. Хайдеггер и априори // Многообразие априори. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ / Под ред. А.Н. Круглова. М.: Канон+, 2014. С. 217–238.
5. Шиян 2015 – Шиян А.А. Трансценденция сущностей и жизненный мир в феноменологии Эдмунда Гуссерля // История философии: история или философия? Алёшинские чтения – 2015. Материалы международной конференции. М.: РГГУ, 2015. С. 149–157.
6. Held 1997 – Held K. *Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt*, Frankfurt, Peter Lang, 2012. Хельд К. Понятие экзистенции и политический мир // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 38–49.
7. Husserl 2008 – Husserl E. *Die Lebenswelt. Auslegungen der vorgegebenen Welt und ihrer Konstitution. Texte aus dem Nachlass (1916–1939)* // *Husserliana XXXIX*. Herausgegeben von Rochus Sawa. Dordrecht: Springer, 2008. 655 S.
8. Husserl 1999 – Husserl E. *Erfahrung und Urteil*. Hamburg: Meiner, 1999. 478 S.

**Революция и эволюция:
модели развития в науке, культуре, социуме**

Сборник трудов IV Международной научной конференции

Под научной редакцией И.Т. Касавина, Е.В. Сухановой

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Тексты печатаются в литературной редакции авторов.

Подписано к использованию 20.11.2023
Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 44,5.
Объем данных – 4,5 Мбайт.

Издательство «Русское общество истории и философии науки»
105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.
E-mail: info@rshps.ru
Официальный сайт издательства: www.rshps.ru

ISBN 978-5-6047228-8-6

9 785604 722886